

Русская
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А.Н.
ПОПОВ

ОТЕЧЕСТ
ВЕННАЯ
ВОЙНА
1812
ГОДА

А.Н. Попов

Отечественная
война
1812 года

Русская
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

К 200-летию
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА

Русская
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ответственный редактор
Станислав Никитин

Москва
2008

А.Н. Попов

Отечественная
война
1812 года
I

*Сношения России
с иностранными державами
перед Отечественной войной
1812 года*

«Минувшее»
2008

ББК 63.3(2)47
П 94

scan wateriy

Редакционный совет издательства
С.А. Никитин, В.В. Савицкий, Л.Н. Слепнер

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России».

Составление, предисловие, подготовка текста,
примечания, указатель имен, подбор иллюстраций
С.А. Никитина

Художественное оформление
А.А. Зубченко
К.А. Зубченко

На форзаце:
Встреча Александра I и Наполеона на Немане в июне 1807 года.
С гравюры Ф. Арнольда.

На нахзаце:
Встреча Александра I и Наполеона в Эрфурте.
Гравюра Монина по картине Госсе
«Эрфуртское свидание 28 сентября 1808 года».

© С.А. Никитин. Состав, предисловие, подготовка
текста, примечания, указатель имен, подбор иллюст-
раций, 2000

© А.А. Зубченко, К.А. Зубченко. Художественное
оформление, 2002, 2008

© «Минувшее». Дизайн, название серии, 2008

ISBN 978-5-902073-60-4

Предисловие редактора

Александр Николаевич Попов... Полузабытый, а, скорее, вовсе забытый русский историк XIX столетия. Его основной труд — фундаментальная, обширная монография об Отечественной войне 1812 года — сочинение, удостоенное Уваровской премии Академии наук в 1877 году, сочинение, «которому суждено, по всей вероятности, надолго сохранить память о нем в русской земле» (К.Н. Бестужев-Рюмин) — никогда не был полностью опубликован. Без малого 100 лет его произведения не издавались и не переиздавались — ни в СССР, ни в постсоветской России.

А.Н. Попов родился в 1820 году, по-видимому, в имении родителей — селце Лубянок, Ряжского уезда, Рязанской губернии. Он рано лишился отца, его воспитывала мать, Авдотья Павловна (ум. в 1870), происходившая из старинного дворянского рода Трубниковых. В Рязанской губернии она владела имением в 900 десятин земли с живущими на них крестьянами в количестве 100 душ.

В 1839 году Александр Попов окончил юридический факультет Московского университета (первым кандидатом) и уже в 1841 году защитил диссертацию на степень магистра. Первые его исторические работы появились в 1847 году («Шлёцер. Рассуждение о русской историографии»), и за последующие 30 лет им были написаны десятки монографий, статей, очерков, рецензий и т.п. на исторические темы и по правовым вопросам.

После возвращения из заграничного путешествия А.Н. Попов в 1845 году поступил на службу в 1-й департамент Сената, а с 1846 года и до конца жизни прослужил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое, как известно, занималось кодификационно-правовыми вопросами — прослужил, постепенно повышаясь в чинах (тайный советник с 17 апреля 1868) и удостоиваясь различных наград — орденов (св. Станислава и св. Анны 1-х степеней, св. Владимира 2-й ст., Белого Орла), а также денежных вознаграждений и благодарностей государя императора. Умер

в Петербурге 16 ноября 1877 года на 58-м году жизни после тяжелой и мучительной болезни. Такова, вкратце, внешняя канва жизни А.Н. Попова. В последующем мы предполагаем поместить обстоятельный очерк жизни и литературной деятельности этого замечательного русского историка с учетом всех имеющихся в нашем распоряжении материалов. Предполагаем это сделать в III томе предпринимаемого нами издания трудов А.Н. Попова.

* * *

После смерти историка у его вдовы остался большой и интересный архив*, дальнейшая судьба которого в точности неизвестна и прослеживается с трудом. Здесь не место останавливаться на этом подробно, мы надеемся обстоятельно рассказать о судьбе его литературного архива в биографическом очерке историка, пока же отметим, что при жизни А.Н. удалось опубликовать целиком только I том «Отечественной войны 1812 года» — «Сношения России с иностранными державами перед войною 1812 года» (первоначально печатался в *Журнале Министерства Народного Просвещения*, 1876, 1-е издание — М., 1877, 2-е — М., 1905), а также еще три крупных раздела монографии, очевидно, из II и III томов: «Москва в 1812 году», «Французы в Москве в 1812 году», «Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины» (*Русский Архив*, 1875, №№ 7—11; 1876, №№ 2—8; *Русская Старина*, 1877, тт. XVIII—XX, №№ 1—4, 6, 9—11, а также отдельные издания — М., 1876 и СПб., 1877, которые, по-видимому, являются оттисками из журналов). Наследники А.Н. Попова, к которым попал архив историка, в течение почти 40 лет публиковали в журналах *Русский Архив* и *Русская Старина* главы монографии, в более или менее подготовленном автором виде. Тем не менее, насколько известно, до сих пор некоторые части этого труда еще не опубликованы.

Издательство приступает к изданию фундаментальной монографии А.Н. Попова «Отечественная война 1812 года» в 3-х томах. Задача не представляется простой, поскольку если с I-м томом все более или менее ясно, то относительно последующих томов есть неопределенности — нет уверенности, например, в том, что опубликованные части полностью перекрывают временные интервалы, стыкуются в событийном отношении и т.п., а главное, принятое нами распределение частей по томам и последовательность расположения их, а также глав внутри тома соответствуют тому, какие предпринял

*См. *Русский Архив*, 1905, кн. 2, №9, с. 591.

A. Hancock

бы автор при подготовке отдельного издания этих томов. Иными словами, известный редакторский произвол здесь неизбежен, а является ли он допустимым и разумным, — судить читателю. Кроме того, как выше сказано, некоторые части монографии до сих пор не опубликованы, что-то хранится в государственных архивах, и нет уверенности, что нам удастся опубликовать недостающие главы монографии.

Первый том — «Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года» публикуется по изданию 1905 года, которое не отличается от издания 1877 года, за исключением предисловия *От редакции*. Текст публикуется по новой орфографии, мелкие ошибки и неточности, например, в именах, датах, титулах, исправлены без специальных оговорок. Авторские подстрочные ссылки и примечания обозначены звездочками (*); примечания редактора также обозначены звездочками, но специально оговариваются.

В Приложении мы сочли необходимым поместить работу А.Н. Попова «Вопрос Польский. 1806—1809 гг.», опубликованную в *Русской Старине* (1893, т. LXXVII, № 3, с. 667—695; т. LXXVIII, № 5, с. 345—396) и тематически естественным образом примыкающую к описанию дипломатической предыстории войны 1812 года. Сочтено также целесообразным сопроводить переиздание указателем имен, по возможности, максимально аннотированным, краткой библиографией, а также проиллюстрировать книгу портретами некоторых исторических лиц, что отсутствовало в исходном издании.

Настоящий том продолжает ряд изданий и переизданий, которыми издательство отмечает грядущее 200-летие Отечественной войны 1812 года.

Станислав Никитин
декабрь 2000 г.

От редакции

В семидесятых годах минувшего столетия покойный историк и государственный деятель, тайный советник Александр Николаевич Попов остановился на благодарной по своему значению мысли написать историю Отечественной войны 1812 года. Эта эпоха нашей истории имела уже в то время своих добросовестных исследователей; однако, как ни подробно была выяснена их трудами прагматическая связь событий, столь разнообразных, столь многозначительных с точки зрения исторической оценки и развивавшихся с такою быстротою, что едва ли возможно сравнивать эту эпоху с какою-либо другою, — все же от пытливого взгляда тонкого аналитика и глубокого ценителя исторических явлений, каким был покойный Александр Николаевич, не мог ускользнуть факт, что многое еще оставалось не выясненным за кулисами той драмы, величие которой захватывало всякого, даже мало подготовленного, зрителя: многие эпизоды еще должны были получить свое истолкование, достаточное с точки зрения научного исследования, и контуры их ждали руки искусного мастера, которая придавала бы им большую отчетливость. В равной мере, портреты некоторых исторических деятелей были слишком бледны, слишком не закончены, чтобы деятельность их могла быть оценена с полным беспристрастием, по их заслугам: близость великой эпохи ко времени предшествовавших авторов, принимавших на себя трудную задачу ее истолкования, должна была сказаться на их научных суждениях; к тому же недостаток документального материала, которым они могли располагать по условиям своего труда, не мог не отразиться на результатах последнего. В общей картине были пробелы, недочеты, проистекавшие, между прочим, и от естественного недостатка перспективы; чувствовалось, кроме того, что на палитре предшествующих бытописателей не доставало некоторых красок; нужна была новая группировка явлений, установление новых, еще не раскрытых, но уже намечавшихся, связей, — а главное: выяснилась настоятельная необходимость в основательном озна-

комлении с *накопившимся документальным материалом*. В последнем нужно было разобраться, нужно было определить основную руководящую точку зрения для его обработки — все это предвещало огромный труд, обещавший, конечно, немало всякого рода затруднений, немало умственных усилий, требовавших, кроме того, большой осторожности в суждениях и огромной эрудиции: но именно потому и манила к себе Александра Николаевича эта работа, и он, со свойственным ему рвением, принялся за нее.

Начал он с того, что сосредоточил в своих руках огромное количество исторических документов самого разнообразного характера, имевших прямое или косвенное отношение к занимавшей его эпохе. Для этой цели он не жалел никаких усилий, не пренебрегал ничьим показанием, раз только оно носило печать современности. Он в самых широких размерах использовал не только государственные архивы и книгохранилища, куда ему был открыт свободный доступ ввиду его высокого служебного положения (попутно в этих поисках ему посчастливилось извлечь, с Высочайшего на то соизволения, ценные исторические документы, замуравленные под бюстом императора Александра Благословенного в Главном штабе), но и частные архивы и библиотеки, о существовании которых он только получал те или другие сведения.

Обильный рукописный материал, состоящий из писем, записок очевидцев, всевозможных справок, выписок и других разнообразных данных, свидетельствуют о закулисной стороне огромного и упорного труда, который проделан был в течение многих лет покойным историком, прежде чем появились на свет первые главы его глубоко продуманного, осторожного и в высокой мере добросовестного научного исследования, давшие в свое время повод такому тонкому ценителю исторических трудов, каким был покойный академик Бестужев-Рюмин, высказать взгляд, что «какое-либо сравнение между книгою А.Н. Попова и предшествующими ей сочинениями было бы несправедливостью: так высоко стоит она, оставляя только место высокохудожественной эпопее графа Толстого».

Действительно, без всякой примеси неуместного шовинизма наш историк вскрывает перед читателем, путем хладнокровного и терпеливого анализа, глубокие причины того решительного крушения, которое потерпел гений Наполеона в великой национальной борьбе, называемой нами, русскими, Отечественной войной 1812 года. Автор дает нам возможность присутствовать при интересном зрелище, показывая, как Наполеон, всегда верный самому себе и лишь по временам озадаченный непредвиденными и непреодолимыми труднос-

тиями, был застигнут врасплох, вопреки удивительному дару своего предвидения, с одной стороны — необходимостью, продиктованной современными политическими событиями в Европе: добиться скорейшего заключения мира с Россией, а с другой — непреклонным противодействием императора Александра и его народа, нашедших в русской зиме могучего союзника для нанесения решительного удара грозному врагу. Обладая богатым материалом для воссоздания истории этой единоклюнной национальной самообороны, автор не пренебрегает ни одной чертой, которая могла бы осветить душу русского народа, и прекрасно умеет находить для каждого из целой серии своих исторических портретов подобающее ему место. Он последовательно знакомит нас с вождями русской армии, руководителями ожесточенного сопротивления до последней капли крови, не живописуя, не голословно, а по самым их действиям, по разговорам, по переписке; мы знакомимся с их ошибками (которые автор и не думает скрывать от читателя), также, наравне с прямыми успехами, содействовавшими каким-то роковым образом гибели врага, сперва завлеченного вглубь страны нерешительным образом действий Барклая де Толли, затем ослабленного не имевшими определенного исхода сражениями, наконец, обреченного на голод и лишения вследствие сожжения Москвы Ростопчиным, и щадимого дальнзоркой предусмотрительностью Кутузова только для того, чтобы в конце концов он увидел, как, постепенно увеличиваясь, русская армия со все возрастающим ожесточением стала теснить его с флангов на скорбном пути его безнадежного отступления, завершившегося ужасами березинской переправы. В центре всех событий читатель видит благородную фигуру императора Александра I, из отдаления, с высоты престола, направлявшего их ход, непроницаемым и гордым молчанием отвечавшего на все примирительные попытки врага и в то же время с ласковым благодушием принимавшего и выслушивавшего советы друзей и их внушения, стараясь этим путем слить воедино те разнородные элементы, которые сообща могли служить одной великой цели — делу защиты его империи в годину тяжких испытаний. А.Н. Попов прерывает свой рассказ на том моменте, когда русский монарх, лично прибыв к Одеру, счастливо обращает против Наполеона общеевропейскую коалицию, созданную из держав, незадолго перед тем раболепно исполнявших малейшие проявления деспотической воли французского императора.

В описательных частях своего труда автор никогда не прибегает к тем ярким краскам, которые пленяют воображение, ничего не говоря уму: характерные черты исторической обстановки и общественных

нравов выступают у него лишь постольку, поскольку этого требует последовательно развивающийся ход повествования. Несомненно, что в исследовании Александра Николаевича мы имеем дело с историей, написанной в высшей степени объективно и носящей на себе явную печать проницательного и обширного ума, способного лишь на точные, обоснованные суждения и обладавшего разносторонней эрудицией, словом, ума, которому доступны были все источники поучения...

К сожалению, печальная, необычная участь постигла многолетний труд нашего ученого: преждевременная кончина самого автора, вырвав перо из его рук, не дала ему возможности видеть самому свой труд напечатанным сполна; часть рукописей пропала без вести уже непосредственно после его смерти (сюда относятся эпизоды, озаглавленные им: «Петербург в 1812 году»), остальная отчасти печаталась уже долго, много лет спустя после смерти автора в виде отдельных глав в различных периодических изданиях, отчасти же осталась нигде не напечатанной и появляется впервые лишь в настоящем издании.

Конечно, минувшая четверть века не прошла даром с точки зрения ближайшего изучения и нового освещения славной эпохи 1812 года в нашей исторической науке: обстоятельными исследованиями академика Н.Ф. Дубровина и Н.К. Шильдера сделано весьма многое, немало нового для общей оценки эпохи привнесено и опубликованным с тех пор богатым документальным материалом официального и частного характера; однако в основных и существенных чертах труд Александра Николаевича Попова не утратил благодаря этому своего серьезного научного значения и для настоящего времени.

Когда покойный автор напечатал первые главы предлагаемого здесь читателям исследования своего о 1812 годе и имел счастье поднести их Царю-Освободителю, государь, прочтя их со вниманием (как видно из записки статс-секретаря князя С.Н. Урусова, сохранившейся в бумагах покойного), выразил желание, чтобы ему было представлено и продолжение этого «важного труда». К прискорбию, этим знаменательным словам незабвенного монарха, в проведении великих государственных реформ которого покойный А.Н. Попов принимал самое близкое и деятельное участие, не суждено было сбыться.

Выпускаемый ныне первый том представляет собою проверенную и исправленную по рукописям перепечатку ряда статей, появившихся впервые в *Журнале Министерства народного просвещения* еще в 1876 году, и служит как бы подготовительной ступенью к дальнейшему содержанию труда.

Каждый из остальных томов настоящего издания, обнимая в отдельности более или менее законченные эпизоды, будет снабжен заме-

чаниями, касающимися тех особых условий, при которых приходится печатать это обширное исследование теперь, по прошествии целой четверти века по смерти самого автора, а к последнему будет приложен биографический очерк об Александре Николаевиче, составленный на основании всех тех данных, которые редакции только посчастливилось и впредь, быть может, посчастливится собрать о покойном историке, так мало еще оцененном как с точки зрения его научной, так и государственной деятельности.

Фотографический снимок, приложенный к настоящему тому, сделан с лучшего из сохранившихся портретов покойного, относящегося к последним годам его жизни.

Москва, июнь 1905 года

Глава первая

*Сношения
с Францией
в 1811 году*

В начале 1811 года наш посланник при тюильрийском дворе, князь А.Б. Куракин, писал императору Александру Павловичу: «Слухи о войне Франции с Россией распространены во Франции и Германии; впрочем можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы императора Наполеона. Как ни старалось заглушить их французское правительство, его попытки в этом отношении были безуспешны, и оно не могло их уничтожить вполне, потому что предпринимаемые им меры были в совершенном противоречии с его речами и уверениями, которые оно так щедро расточало. Присоединение целых государств во время мира и без всяких к тому поводов, кроме удобства для Франции (*la convenance de la France*), изгнание из его владений государя, ближайшего родственника Вашего Величества, который своими владениями обязан великодушию покойного Вашего родителя и которого обладание ими восстановлено было Тильзитским договором, составляющим главное основание наших теперешних отношений к Франции, — это, конечно, такие действия, которых значения нельзя изменить никакими словами и уверениями. Испуганная Европа видит в них предвестников нового переворота. Все государства или подчинены Франции, или находятся под влиянием ее правительства, и потому взоры всех устремлены на Россию, и все считают поступки Наполеона направленными против нее и грозящими рано или поздно, но неизбежно, привести к разрыву. Новый тариф, а особенно то впечатление, которое он здесь произвел, подтвердили это предположение. Если оно основано на знании характера Наполеона, самолюбивого и страстного к разрушению, то нельзя отвергать и того, что в то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя внимание. Впрочем, всякое сомнение в этом случае было бы весьма опасно. Напротив, если мы остановимся на этом предположении и с ним будем сообразовать наши расчеты и действия, то от этого произойдет несомненная польза. Если в настоящее время мы будем смотреть на войну, как на дело неизбежное, то успеем сделать все приготовления, чтобы вести ее с успехом. Чем более затруднений мы в состоянии будем противопоставить Наполеону, тем более мы можем надеяться обратить и его самого к миролюбивым видам. Наоборот, чем менее мы будем приготовлены, тем более он будет склонен начать войну, которая увлекает его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть

независимую и отклонять своею помощью ту гибель, которая постоянно угрожает другим державам».

Даже князь Куракин*, сочувствовавший Наполеону и его семейству, желавший поддержать союз России с Францией, постоянно наблюдая вблизи характер Наполеона в продолжение нескольких лет, понял, наконец, что только внешняя грубая сила может поставить в границы его властолюбие, не ограничиваемое никакими нравственными началами и окончательно утратившее в это время всякое понятие о различии между истиною и ложью, честью и бесчестьем, добром и злом. Действительно, только грозные силы для обороны, приготовленные Россией, могли или отсрочить, или совершенно устранить хищническое покушение на ее существование как самостоятельной державы. Поэтому совет нашего посланника не верить миролюбивым речам Наполеона и, смотря прямо на враждебные его действия, приготовляться к войне, соответствовал как нельзя более обстоятельствам времени. Но такой совет не был новостью для русского правительства, которое давно уже было уверено в неизбежной войне с Наполеоном и готовилось к ней. Впрочем, не вопрос о приготовлениях к войне занимал всех; но о том, может ли Россия приготовиться в той мере, чтобы с успехом противустоять грозному врагу. Князь Куракин, пораженный гением Наполеона как полководца, и зная огромные военные средства, которыми он мог располагать, принадлежал к числу тех, для кого этот

*Князя Александра Борисовича Куракина, русского посла в Париже в 1808–1812, донесения и письма которого обильно цитирует А.Н. Попов, постигло в Париже большое несчастье, о чем небезынтересно знать читателю этой монографии. 19 июня (1 июля по н. ст.) 1810 он едва не погиб во время пожара на праздничном балу у австрийского посла князя К.-Ф. Шварценберга, данного по случаю бракосочетания Наполеона с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой. Пожар начался оттого, что легкая газовая ткань — обивка и драпировка бального зала — от порыва ветра коснулась пламени одной из ламп и вспыхнула, и уже через несколько минут отель Монтессон на улице Монблан, где проходил бал, полыхал огнем. Князь жестоко пострадал от огня: у него сильно обгорела голова и особенно уши, ноги и руки разбиты и изранены, а ожог левой руки оказался столь сильным, что кожа сползала клочьями. Кроме того, у него оказался поврежденным седалищный нерв, так как его волокли за ноги. Как считают, отчасти его спасло то, что на нем был наряд из золототканого сукна, который сильно нагрелся, но не воспламенился — если бы на нем был костюм из шелка, ему не удалось бы спастись. В пожаре погибло 20 человек, 60 сильно пострадали, особенно дамы, одетые в наряды из легких, быстро воспламеняющихся тканей, в частности, погибла Полина Шварценберг, невестка посла, жена его брата князя Иосифа Шварценберга. На современников эта катастрофа (на балу присутствовал и Наполеон с Марией-Луизой) произвела глубокое и зловещее впечатление и как бы ассоциировалась с последующими неудачами Наполеона и крахом его империи. Подробнее см.: Н.К. Ш и л ь д е р. Катастрофа на бале у князя Шварценберга в 1810 году / *Исторический Вестник*, 1892, № 1. Мы приводим снимок с редкой гравюры Руа, на которой А.Б. Куракин изображен после этого события. (Прим. ред.)

вопрос разрешался отрицательно. Полагая, что одна Россия не обладает достаточными способами противостоять такому врагу, он советовал ей искать заблаговременно союзников. «Накануне этого нового переворота, — писал он, — начало которого определить невозможно, потому что он будет зависеть от различных случайных причин и особенно от хода военных действий французов в Португалии и Испании, я не исполнил бы своей обязанности и не удовлетворил бы требованиям моей личной преданности Вашему Величеству, если бы, указывая на положение России, в то же время не представил моих соображений о тех средствах, которые могли бы сделать его более благоприятным, по крайней мере, по отношению к внешним сношениям, о которых по моему званию я могу единственно судить по тому положению, в котором я нахожусь, то есть в средоточии всех политических движений».

В представляемых императору соображениях Куракин говорил, что стоит лишь взглянуть на карту Европы, чтобы заметить, что «от Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива — все Франция», и что, при настоящем положении дел, все последует за тем движением, которое возбудит воля императора Наполеона. В этих государствах можно лишь рассчитывать на содействие *народов*, доведенных до отчаяния, против их угнетателей; но «известно, как ненадежны подобные союзники, и что есть различие между характерами испанца и голландца, немца и итальянца». За этими небольшими государствами, которые в настоящее время можно считать как бы совершенно присоединенными к Франции, представляются *развалины* двух монархий, когда-то могущественных, но теперь ослабленных, едва продолжающих бессильное существование и которые могут быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франция заподозрила их в связях с нами. Их положение в настоящее время весьма двусмысленно. Их истинные выгоды, конечно, влекут их к России, потому что, если она погибнет, то никто уже не может их спасти. Сила обстоятельств, ложные расчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты берлинский и венский, подчинили их игу Франции. «Я не буду удивлен, — говорит князь Куракин, — если Австрия и Пруссия соединятся с Францией, — так неопределенны их воззрения, и так они желают обмануть себя в приближении переворота, которого сами они, сначала одна, а потом другая, сделаются неминуемыми жертвами». Из этого-то неопределенного состояния Куракин советовал во что бы то ни стало вывести как Австрию, так и Пруссию, потому что прежде всего нам необходимо определить ясно наши к ним отношения. Положение Пруссии самое затруднительное: она окружена со всех сторон; ее крепости в руках французов; финансы истощены; армия убавлена в числе и может

быть всегда уничтожена прежде, нежели успеет сосредоточиться. Нельзя не опасаться, что для нее уже нет ни времени, ни возможности принять сторону, согласную с ее действительными выгодами. Поток происшествий может увлечь ее прежде, нежели она успеет на что-нибудь решиться. Поэтому крайне необходимо как можно скорее войти с нею в соглашение и предупредить то мгновение, когда она будет поставлена в положение выбирать между Россией и Францией. С одной стороны необходимо, чтобы она знала, что при всяких обстоятельствах может на нас надеяться, если даже возбудит против себя Наполеона, а с другой необходима уверенность, что мы можем на нее рассчитывать. «Конечно, вопрос этот в сущности сводится к 60 тысячам войска; но не лучше ли, чтобы они были за нас, нежели против нас?»

Что касается до Австрии, то вопрос об отношениях к ней имеет гораздо большее значение. Австрийская армия состоит по крайней мере из 200 тысяч, а потому это государство еще имеет вес в делах Европы. Ее присоединение к той или другой стороне может иметь решительное влияние как для нее самой, так и для России. «Вашему Императорскому Величеству, — писал князь Куракин, — хорошо известны как мой взгляд на австрийский кабинет, так и тщетные мои усилия, в то время как я был посланником в Вене, укрепить взаимное согласие между ними и нами, которое так согласно с нашими взаимными выгодами и так необходимо для поддержания их. Но обстоятельства того времени, и особенно эрфуртские переговоры, так сильно смутившие австрийского императора, послужили непреодолимым препятствием, несмотря на все усилия с моей стороны. В настоящее время достигнуть этого соглашения сделалось еще труднее», — конечно, вследствие семейных уз, соединивших габсбургский дом с императором Наполеоном. Несмотря на то, Куракин советует Александру попытаться вновь войти в переговоры с венским двором, чтобы обеспечить нам если не содействие Австрии, то по крайней мере ее нейтралитет. «Брак эрцгерцогини Луизы не доставил Австрии никаких существенных выгод со стороны Франции. Император Наполеон не щадит никого и при исполнении своих замыслов не стесняется узами самого близкого родства, чему служит доказательством судьба его братьев, Людовика и Люциана*.

*Князь А.Б. Куракин напоминает здесь о сложных, временах тяжелых, отношениях Наполеона Бонапарта с младшими братьями Люсьеном (1775—1840, у А.Н. Попова — Люцианом, и Людовиком (1778—1846), которых он постоянно использовал в своих политических целях, несмотря на их противодействие. Так, в 1802 он практически насильно женил Людовика на своей падчерице Гортензии Богарне, в 1806 принудил его к принятию голландской короны, от которой в 1810 Людовик отказался, после чего Голландия была присоединена к Французской империи и т.п. (*Прим. ред.*)

Венский двор сильно ошибется, если подумает, что этот брак послужит ему защитой».

На это именно обстоятельство князь Куракин советовал особенно упираться при переговорах с Австрией и надеялся, что они могут повести к благоприятным последствиям, но единственно при том условии, если мы поспешим заключить мир с Османскою Портою как можно скорее, и при этом на таких условиях, которые не возбудили бы подозрений со стороны Австрии. «Но по этой ли одной причине мы должны усиленно желать окончания этой войны? Нет, — отвечает князь Куракин на этот вопрос, — но особенно потому, что этот мир может иметь важное влияние на политическое наше положение вообще, которое до тех пор, пока продолжается война с турками, не будет представлять достаточного ручательства в том, что мы можем располагать необходимыми средствами, чтобы противостоять такому врагу, как Наполеон. Образование в огромных размерах средств для обороны должно быть исключительным предметом наших забот, потому что от этого зависит наше будущее существование. Мое мнение таково, что для этого мы должны пожертвовать в настоящее время всеми видами на увеличение владений, что только отвлекает наше внимание от главного предмета забот. Эти виды могут осуществиться впоследствии, когда положение Европы будет более благоприятным для их осуществления и не подвергнет нас тем гибельным последствиям, которым, к нашей беде, мы можем подвергнуться ныне, если упорно будем их преследовать. Дунайские княжества и Сербия могли бы образовать независимые государства, под обеспечением трех держав — России, Австрии и Турции, которая будет только получать от них ежегодно определенную подать. Такое их устройство, с одной стороны, не противоречило бы нашим прежним заявлениям об этих княжествах, а с другой, — его, по всей вероятности, не отвергла бы и Турция. Мир, который последовал бы тогда, и оборонительный союз с Австрией и Пруссией, не были бы гораздо полезнее для нас, ввиду тех замыслов, которые питает против нас император Наполеон, нежели приобретение Молдавии и Валахии? Таковы, — заключает Куракин, — три важные последствия, которых, по моему мнению, нам следует достигнуть какою бы то ни было ценой, и я считаю священным долгом обратить на них внимание Вашего Величества»*.

Мы изложили подробно содержание этого донесения нашего посланника, потому что выраженный в нем взгляд не принадлежит лич-

*Донесение князя Куракина императору Александру от 6/18 февраля 1811 года из Парижа.

но ему одному, но составлял в это время общий взгляд всех тех дипломатов и государственных людей всех держав, не исключая и Франции, которые не были бессознательно или корыстно увлечены Наполеоном, а полагали необходимым положить предел его властолюбию, поработившему и разорившему всю Европу. Но для того, чтобы привести в исполнение эти предположения, необходимы были два условия, казавшиеся нашему правительству весьма затруднительными: прежде всего следовало заключить мир с турками, *на каких бы то ни было условиях*, и затем действовать наступательно.

Война с Турцией, после екатерининских блистательных войн с этою державою, продолжавшаяся так долго и без особенных успехов, стоившая стольких жертв, тяготила Россию особенно потому, что она считала эту войну одним из последствий нашего союза с Францией, заключенного в Тильзите и подкрепленного в Эрфурте, то есть считала навязанною нам, так же как и войну со Швецией, влиянием Наполеона, который желал только связать России руки для того, чтобы самому действовать свободнее и обессилить ее к тому времени, когда он сочтет удобным разделаться с нею так же, как и с другими державами континентальной Европы. Но именно это обстоятельство и было причиною того, что наше правительство не хотело уменьшить своих требований в отношении к Турции, полагая, что значительные приобретения примирят общественное мнение с этою войною, а это в свой черед затягивало переговоры и отдаляло заключение мира.

Между тем продолжение турецкой войны и требование уступки дунайских княжеств отдалило нас от Австрии, а Пруссия была в руках французов. Чтобы обеспечить для нас союз с нею необходимо было занять вооруженною рукою восточные ее провинции и герцогство Варшавское и таким образом самим начать войну против Наполеона. Но русский император, с одной стороны, не желал быть начинателем войны, а с другой — и военные приготовления наши не были еще окончены в то время. Точно так же, давно решившись разгромить Россию и изготавляя все для того средства, и Наполеон не решался начать войну, удерживаемый делами Испании и усиливая все более и более военные приготовления.

Такое положение дел естественно придавало особенный характер дипломатическим сношениям обеих держав. В действительности они находились в полном разрыве между собою, ожидали войны и приготавливались к ней, но в то же время говорили о необходимости искреннего союза между ними, благотельного для Европы, единственного ручательства за прочность мира, в котором так нуждалась она, истомленная беспрерывными и столь продолжительными войнами. Госуда-

ри переписывались между собою, выражали чувства личной дружбы один к другому и в то же время не верили политике государств.

Во время Тильзитского свидания молодой офицер нашей гвардии А.И. Чернышев, отличавшийся красотою, обратил на себя внимание Наполеона. Это обстоятельство послужило поводом к тому, что в 1809 году, во время австро-французской войны, император Александр отправил его со своими письмами к Наполеону и австрийскому императору. Пробыв довольно долго в Шенбрунне во все время переговоров о мире между Францией и Австрией, Чернышев пользовался благосклонностью французского императора и близко познакомился с лицами, его окружавшими. Впоследствии Александр постоянно посылал его со своими письмами к Наполеону, и в свой черед Наполеон вверял ему свои письма к Александру. Поэтому Чернышеву приходилось иногда долгое время оставаться в Париже.

Приведенное донесение князя Куракина было писано в то время, когда в Париже находился Чернышев. В конце декабря 1810 года он послан был императором Александром в Стокгольм, а оттуда в Париж и привез собственноручное письмо к императору французов. В этом письме Александр говорил Наполеону, что главнейший предмет его забот состоит в поддержании союза, который связует две империи и обеспечивает спокойствие всей Европы: «Ваше Величество можете убедиться, что я постоянно и во всех случаях выражал необходимость самого тесного союза между нами. Россия ничего не домогается, лишь бы заключить мир с Турцией. Условия, на коих я желаю заключить его, вам известны; я никогда ничего не требовал более. Меры против английской торговли строго соблюдаются, доказательством тому могут служить многочисленные конфискации в моих портах. С тех пор, как они приняты, — едва только 30 кораблей разных народов вошли в них. Невероятно, чтобы прибыли еще другие, потому что многие порты уже покрыты льдом. Во всяком случае число их не может быть значительно и против них будут приняты те же строгие меры. Немецким политикам приятно распускать тревожные слухи и поддерживать беспокойство в умах; но я не верю им, потому что полагаюсь на ваши уверения»*.

Чернышев, выехав из Стокгольма 7-го декабря, после трудного переезда через Зунд и Бельт в Копенгаген, приехал оттуда в Париж 4-го

*Письмо от « » ноября 1810 года; на черновом отпуске не выставлено числа. Все письма к императору Наполеону писаны начерно рукою императора Александра I, на небольших листах писчей бумаги, перегнутых пополам, карандашом (как и все вообще писанные им письма и депеши). С них списывались в Министерстве иностранных дел копии, которые император потом пересматривал и исправлял и наконец уже переписывал набело.

января 1811 года утром и немедленно отравился в Тюильри. Император Наполеон присутствовал в это время в государственном совете и, возвратившись оттуда в 5^{1/2} часов пополудни, немедленно принял Чернышева и проговорил с ним около полутора часов.

Вручая письмо Александра, Чернышев сказал, что он был «весьма счастлив, что, возвратившись после восьмимесячного отсутствия в Петербург, он нашел императора Александра в таком же добром расположении к Франции, как и прежде, и что все внимание императора устремлено на то, чтобы сохранить и усилить еще более союз и дружбу между двумя империями. Поэтому, — заключил Чернышев, — он особенно поручил мне выразить Вашему Величеству уверения, что он твердо решился поддерживать континентальную систему; многочисленные конфискации в наших портах доказывают, что она строже соблюдается, нежели как можно было бы предполагать».

Совершенное спокойствие и отсутствие всякого раздражения, с которым против обыкновения отвечал Наполеон, поразили Чернышева: «Депеши, которые я получил из Петербурга, а также сообщения князя Куракина моему министру иностранных дел, — говорил император французам, — показали мне, что мои предложения были поняты там совершенно в ином смысле. Я счел себя обязанным заявить императору Александру единственный способ подавить англичан; но он нашел его вредным для его империи, что в сущности может быть справедливо, поэтому я не придаю ему особенного значения. Мое искреннее желание — сохранить мир между нами, и я отвечаю за его продолжение, если только Россия не нападет на меня. Какая для меня польза начать войну с Россией? Гораздо более представляет вероятности предположение, что вы захотите прийти в Париж, нежели я в Петербург». Затем Наполеон прибавил, что относительно наших финансов он уверен, что они скорее поправятся, если мы заключим мир с турками, нежели если — с англичанами.

Но самый смысл этого ответа мог бы поразить еще более. Наполеон считал неважными свои требования и изъявлял готовность, вопреки своему самолюбию, отказаться от них, лишь только Россия найдет их невыгодными для себя. Но в чем же заключались эти требования или *предложения*, как назвал их Наполеон в этом разговоре? Он выразил их сам в том письме, которое, по его поручению, Чернышев отвозил императору Александру. «Англичане, — писал он, — сильно страдают после того, как я присоединил Голландию и захватил их товары в портах Мекленбурга и Пруссии. В Лондоне еженедельно открываются банкротства, что производит волнения в городе. Я только что забрал в Швейцарии и Франкфурте громадные количества английских и

колонияльных товаров. 600 английских торговых судов, бродивших в Балтийском море, не были приняты в Мекленбурге и Пруссии и отправлены к портам Вашего Величества. Если вы их примете, то война еще будет продолжаться; если же вы их захватите и конфискуете грузы, — находятся ли они еще в Ваших портах или уже выгрузили на берег товары, — это разразится страшным ударом над Англией, потому что все грузы принадлежат ей. Итак, от Вашего Величества зависит и война, и мир. Вы желаете и должны желать мира. Ваше Величество можете быть уверены, что мы достигнем мира, если вы конфискуете эти 600 кораблей или их грузы. Какими бы они ни были снабжены свидетельствами, явятся ли они под именем французских, немецких, испанских, датских, русских, шведских, Ваше Величество можете быть уверены, что все это — англичане»*. Этим письмом, без всяких ограничений, сразу решался вопрос о нейтральной торговле. Наполеон не хотел признавать ее более и все суда нейтральных держав, с их грузами, одинаково захватывал, как и английские. В то же самое время, как он отправил это письмо к императору Александру, он поручал своему министру иностранных дел писать в том же смысле к французскому посланнику при нашем дворе. «Если император Александр, — писал он Шампаньи, — решится действовать с большою силою, то он приобретет не менее 40 миллионов (то есть ограбив грузы нейтральных судов) и подорвет Англию... Что касается до правила, что, воюя с Англией, не следует воевать с нейтральными, то это — заблуждение. Англичане не признают никаких нейтральных; они дозволяют плавать американцам только под условием, чтобы те перевозили их товары и на их счет. Все свидетельства французских консулов и всякие другие бумаги, которыми снабжены эти корабли, подложны. Все это слишком ясно, чтобы возможно было этого не знать. Война и мир — в руках России»**.

На письмо Наполеона, привезенное Чернышевым, и на изустные рассказы последнего о требованиях императора французов, подтвержденные и настояниями Коленкура, наше правительство отвечало, что русский император никогда не решится принять иностранных торговых постановлений и тарифов, без соображения с источниками народного богатства своего государства и его развитием. «Это было бы нерадением о благе своих подданных и ослабило бы народную преданность, которою государь дорожит и на которую имеет право. Великая держава, соблюдая и великие пользы, должна действовать самостоятельно как внутри своей страны, так и в дружественных сношениях с

*Письмо от 23-го октября н. ст. 1810 г. из Фонтенбло.

**Письмо императора Наполеона к герцогу Кадорскому от 16-го апреля и 4-го ноября 1810 г. *Bignon. Hist. de France, ch. XXIV, Thiers. Hist. de L'Empire XX.*

другими государствами». Ту же мысль император выразил французскому посланнику, сказав, что «будет вредить англичанам, но не закроет портов для торговли нейтральной, не считая себя обязанным принимать такие меры, которые превышают условия трактата, заключенного с императором Наполеоном. Каждый вправе распоряжаться у себя для собственной пользы»*. Последствием этих заявлений было издание «Положения о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе»**, которое было действительно самым решительным отказом на требования Наполеона и явным заявлением свободы и самостоятельности России во внутренних распоряжениях.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что так называемая нейтральная торговля была большею частью подложная и в сущности английская; но это было таким же необходимым последствием чудовищной меры, неудачно придуманной гениальною злобою Наполеона против Англии и известной под названием *континентальной системы*, как и правильно и в огромных размерах устроенная им контрабанда, развратившая международную торговлю. Но во время заключения Тильзитского трактата Наполеон еще не понимал, какое может получить значение нейтральная торговля, или не считал еще себя достаточно властелином всей Европы, чтобы требовать от своих союзников ее запрещения. Но вслед за Тильзитским миром Англия издала закон, по которому дозволила свободное плавание по морям только тем кораблям, груз которых осмотрен английским правительством в Лондоне, Мальте или других установленных ею местах и оплачен в ее пользу пошлиной и которые снабжены ее свидетельствами. На основании этого правила, которое властительница морей могла поддерживать и поддерживала силою, нейтральная торговля естественно попала в руки Англии и превратилась, в большей части случаев, в наилучшее, или, по крайней мере, самое безопасное орудие ее контрабанды.

На распоряжения Англии Наполеон отвечал декретами Миланскими и Трианонскими***, тарифом, направленным против нейтральной торговли, присоединением к Франции прибрежий Немецкого моря, Голландии, ганзейских городов, конфискацией английских и колониальных товаров. Он жег эти товары, но более продавал, и этою послед-

*Депеша графа Румянцева к князю Куракину от 24-го ноября 1810 года. Письмо Колленкура к Шампаньи в ноябре того же года.

**Полн. Собр. Зак. 1810 г. декабря 19-го, № 24464.

***Берлинским декретом от 21 ноября 1806 Наполеон ввел режим континентальной блокады, направленной против Англии; Миланскими декретами от 23 ноября 1807 и 7 декабря 1807 режим блокады ужесточался (первым предписывалось арестовывать все

нею мерою хотел увлечь в свои виды и Россию. Военный грабеж, доставивший ему огромные суммы денег, дал ему возможность образовывать особый фонд, военный (*le trésor de l'armée*), которым он тайно пополнял дефициты своей империи. Но непрерывные войны и другие потребности истощили этот фонд в то время. Он думал пополнить его продажей английских и колониальных товаров и воспользовался этою мерою в самых широких размерах.

Но эти размеры были ничтожны в сравнении с теми, в каких возрастали ежегодно выгоды Англии, вследствие принятой Наполеоном против нее континентальной системы. Завладев колониями и торговыми флотами всех держав, она владычествовала безусловно на морях. Если и разорялись некоторые частные промышленники и торговые дома, то вообще ее торговля возрастала, и доходы увеличивались ежегодно. Придуманная Наполеоном мера обратилась в пользу Англии, потому что была неисполнима. Исполнение этой меры равнялось бы совершенному прекращению внешней торговли всех государств, а следовательно, — полному их разорению. Поэтому не могла не существовать и не развиваться контрабанда. Сам Наполеон признал неисполнимость этой меры, допустив торговлю некоторых лиц по особым для того *свидетельствам* и с платою огромных пошлин (*licence*). Но допуская такое исключение для Франции, он настоятельно требовал от союзных с ним держав полного запрещения нейтральной торговли. Конечно, все преклонилось перед силою; поспорила отчасти лишь Швеция, да решительно отказала Россия.

Об этом-то отказе Наполеон, выходявший постоянно из себя при каждом намеке на английскую торговлю, отозвался так спокойно и благосклонно в разговоре с Чернышевым. Выслушав такой ответ, Чернышев обратил внимание Наполеона на то, что выраженный им взгляд устраняет те два недоразумения, на которые, до отъезда его в Петербург, он указывал, как на такие, которые могут быть поводом к разрыву между империями, и что поэтому в настоящее время он почитает союз и согласие между ними вполне обеспеченным.

Вместо ответа на это замечание, Наполеон сказал Чернышеву, «что он с радостью узнал, как император Александр выразился насчет приобретений от Турции, совершенно согласно с видами Франции.

суда, зашедшие в английские порты, вторым — арестовывать любое судно, подчинившееся распоряжениям британского кабинета министров). Трианонский декрет от 5 августа 1810, в ряду других декретов этого года, наоборот, смягчал режим блокады, по нему устанавливались таможенные пошлины на колониальные товары. Декреты 1810 года по сути являлись признанием неудачи континентальной блокады и попыткой пересмотреть саму концепцию блокады. (Прим. ред.)

Поэтому он полагает, что нам очень скоро удастся заключить мир с турками. Но я должен обратить внимание Вашего Величества, — доносил Чернышев императору, — что в отношении к этому вопросу император Наполеон в продолжение разговора очень часто противоречил сам себе». То он предсказывал скорое заключение мира, то говорил о предстоящем возобновлении войны. Он находил наше военное положение в отношении к туркам весьма выгодным, потому что в наших руках находилось много крепостей на правом берегу Дуная; но в то же время полагал весьма печальным то обстоятельство, что, по недостатку продовольствия, мы были вынуждены перевести на этот берег свою главную квартиру и большую часть войск, оставив на противоположном берегу только три дивизии. Это, говорил он, ободрит турок и поощрит их к продолжению войны, к чему возбуждают их англичане, австрийцы, шведы и поляки, которые не перестают распускать слухи о скором разрыве между Россией и Францией, который, конечно, им выгоден. Сверх того, император Наполеон говорил, что война с турками может представлять для нас затруднения единственно в отношении денежных издержек, особенно если мы ограничимся только защитой правого берега Дуная, что весьма легко и не потребует много войска. Но что касается до финансов, то затруднительное наше положение, говорил он, зависит от того, что «Ваше Величество во всех случаях поступали слишком по-рыцарски» (*en vrai chevalier*), строго наблюдая, чтобы заплачены были все военные издержки Австрии и Пруссии. «Если бы император Александр действовал как я, то есть как человек расчета (*en homme de calcul*), то никогда не чувствовал бы недостатка в деньгах. Так как он действовал через своих генералов, то и не обращал особого внимания на свои выгоды; но как я сам предводительствовал своими войсками, то и брал все, что считал нужным». Наконец, он прибавил: «Совершенно в ином положении находилась бы Россия, если бы ваш император принял то предложение, которое я сделал ему в Тильзите, — разделить владычество над миром (*de partager le monde*); тогда у него было бы много и войск, и денег».

Когда император Наполеон выразил не только миролюбивое настроение в отношении к России, но даже и заботу о ее благосостоянии, Чернышев позволил себе скромно заметить ему, что, ехавши в Париж, он дорогою, в Копенгагене, случайно узнал о присоединении к Французской империи ганзейских городов и о конскрипции* на 1811 год,

**Конскрипция* (от лат. *conscribere milites*) — всеобщая воинская повинность. Этим термином в XIX столетии было принято называть не вообще всеобщую воинскую повинность, а ту систему комплектования армии, которая была введена во Франции в револю-

тогда как незадолго перед тем Наполеон, отпуская Чернышева в Петербург, поручил ему сказать императору Александру, что он не прибегнет к конскрипции за этот год.

Вовсе не отвечая на первое обстоятельство, император Наполеон сознался, что действительно он не намеревался прибегать к этой конскрипции, но что сильные потери в людях в Испании, где его дела идут не совсем удовлетворительно, принудили его взять часть конскриптов и именно в том числе, которое необходимо для пополнения войск, находящихся в Испании. Но он не потребует полного числа конскриптов, потому что это стоило бы больших издержек, а ему и без того предстоит их очень много. Он окончил речь новыми уверениями, что желает поддерживать мирные отношения к России, и заметил, что передвижение корпусов Даву производится только для того, чтобы занять области ганзейских городов, что он дает слово не увеличивать этой армии, и даже в тех полках, из которых они состоят, он дозволил давать отпуска.

Такие миролюбивые речи не обманули и молодого русского офицера. Сообщая их императору, Чернышев писал в то же время:

«Осмеливаюсь сказать Вашему Величеству, что, несмотря на то, что речи императора Наполеона исполнены миролюбия, все его действия совершенно не согласны с ними. Быстрота, с которою в продолжение шести месяцев совершено столько насильственных присоединений, предвещание, что за ними последуют другие захваты, деспотические и насильственные меры, которые употреблял Наполеон для увеличения своих войск, конскрипция нынешнего года, которую он возьмет, конечно, в полном числе, в чем никто не сомневается, видя, к каким коварным средствам он прибегает, наконец, предположение устроить подвижную национальную гвардию более нежели в 300 тысяч человек, о чем уже идут рассуждения в Государственном Совете (хотя это предположение и встречает там много возражений, но, без сомнения, будет утверждено и приведено в исполнение), — все эти обстоятельства вместе ставят все европейские державы в крайне тревожное положение в отношении Французской империи. Не без страха смотрят они на ее владычество не только над всеми берегами Средиземного моря, но и на распространение его на берега Балтийского моря. Это последнее обстоятельство доказывает, что его самолюбие не знает пределов и угрожает существованию всех небольших северных государств — Дании, Пруссии и др.

Правда, что после небольшого отсутствия из Парижа я нашел по возвращении большую перемену в настроении умов; на всех лицах за-

ционную эпоху и просуществовала там до 1872 года. В России конскрипция существовала только для населения Царства Польского с 1815 по 1874. (Прим. ред.)

метны признаки уныния, сердца как будто стеснены горем и страхом, и все молча ожидают окончания своих бедствий. Конечно, главная причина этой перемены заключается в печальном положении дел в Испании и Португалии. Оно приводит в отчаяние французов, похищая у них столько людей и денег, и этому они не предвидят конца, судя по тем немногим известиям, которые им все-таки удается получать оттуда, несмотря на то, что правительство тщательно их не допускает. К этому надобно прибавить многочисленные банкротства, которые чрезвычайно стеснительно действуют не на одних купцов, но и на весь народ, и недостаток торговли; притеснения и несправедливости всякого рода со стороны наполеоновых чиновников, не способных внушить никакого доверия, возбуждают мысль, что он действует единственно для собственных выгод, движимый только личным самолюбием. Вообще недовольство всеобщее и явное, но это не поведет ни к каким прямым последствиям, потому что тот страх и ужас, которые внушают силы, находящиеся в распоряжении Наполеона, закрывают его несправедливые действия, и его влияние еще так велико, что все последуют за его мановением.

При таком положении дел, Государь, взоры всех обращаются на Россию, как единственную державу, которая одна еще может не только не подчиняться тому рабству, в котором находится остальная Европа, но даже положить предел этому разрушительному потоку, для которого ничего нет святого и который не сдерживается никакими соображениями. Но она не может достигнуть этой великой цели, ни победоносно противодействовать современным происшествиям, если не освободит себя от всякой другой войны и не сосредоточит в одном месте всех своих сил и способов. Поэтому единственное желание всякого ревностного подданного Вашего Величества и истинного русского должно состоять в том, чтобы как можно скорее прекратить войну с турками, и, если обстоятельства потребуют, то заключить мир на каких бы то ни было условиях. Это пожертвование будет с избытком вознаграждено теми выгодами, которые необходимо последуют, и тем положением, которое может принять Россия, — грозным и внушительным, способным заставить уважать ее волю во время мира и в случае разрыва с Францией, даст ей неизмеримое преимущество: предупредить своего врага. Я скажу даже более: оно даст нам возможность нанести сильнейший удар выгодам Наполеона, войдя в соглашение с Австрией и Швецией, обещав первой часть Валахии и Сербию, а второй — Норвегию, составляющую предмет ее желаний, и тогда беспрепятственно занять Варшавское герцогство, объявить себя королем польским и обратить против самого императора Наполеона те средства, которые он приго-

товил в этом герцогстве для войны с нами*. Известно, что настоящее положение поляков чрезвычайно печально, что они страдают под тягостью огромных налогов от притеснений и лишений всякого рода, налагаемых на них деспотической волею Наполеона. Если они выносят все это, то единственно в надежде вновь сделаться народом. Если бы Ваше Величество решились осуществить эту мысль и поддержать осуществление ее сильным войском, то не может быть никакого сомнения, что поляки, испытав уже все тягости Наполеонова правления, не уважающего никаких законов, никаких прав собственности, предпочли бы Ваше правительство, справедливое и законное, которое обеспечило бы для них будущее благоденствие. Но это произвело бы и выгодные последствия для вас, укрепив обладание вашими польскими провинциями, увеличив и усилив ваше могущество и лишив неприятеля значительных средств, которыми он мог бы располагать в войне против вас. Не говоря уже о других, одна потеря 20 тысяч легкой кавалерии, образованной в Варшавском герцогстве по приказанию императора Наполеона, была бы для него жестоким лишением, потому что он знает превосходство этого рода войск в нашей армии и рассчитывает противопоставить нашей легкой кавалерии именно польскую»**.

Таким образом, взгляды опытного русского дипломата, крайне опасавшегося войны с Францией, защитника союза с нею, и молодого русского офицера, который мог увлекаться желанием военной славы, совершенно одинаковы между собою. Оба не верят миролюбивым речам повелителя Франции, оба подают одинаковые советы своему правительству — не только готовиться как можно деятельнее к обороне, но ввиду угрожающей опасности заключить как можно скорее и на каких бы то ни было условиях мир с турками, привлечь к союзу с Россией ценою важных обещаний Пруссию, Австрию и Швецию. Один еще не теряет надежды на сохранение мира, но только в том случае, если наши военные приготовления так громадны, что могут заставить остановиться самого Наполеона, способного уступать только внешней силе; другой, напротив того, поняв настроение духа Наполеона, дошедшего до крайних пределов гордой самоуверенности, неспособной уже ничему уступать, — советует, не ожидая с его стороны нападения, действовать наступательно.

Но чем же объяснить миролюбивые речи Наполеона в отношении к России в это время? Оба наши дипломата одинаково объясняют эту

*Подробнее см. Приложение. Вопрос Польский. 1806—1809 гг. (Прим. ред.)

**Письмо из Парижа от 3/15 января 1811 года.

сдержанность плохим положением дела в Испании и Португалии, которое он с подробностью узнал от прибывшего оттуда генерала Фоя (Foy) и которое требовало, по собственному его соображению, отправления в Испанию от 60 до 80 тысяч новых вспомогательных войск. Такое уменьшение войск, приготовляемых для действий против России в то время, когда конскрипты 1811 года еще не были собраны, а подвижная народная гвардия не образована, конечно, вынуждало Наполеона отсрочивать нападение на Россию и в то же время предупреждать нападение с ее стороны, уверив ее в своем желании поддерживать союз и мир с нею. Неискренность миролюбивых речей Наполеона была очевидна и не могла обмануть никого. Он в это время находился постоянно в раздраженном состоянии от неуспешных действий его оружия в Испании и приходил в бешенство при известиях, что его меры против английской торговли не достигают цели. Мог ли он так благодушно отнестись к извещениям Коленкура, что император Александр не согласится никогда запретить нейтральную торговлю и видит в этом требовании даже посягательство на независимость в своих внутренних действиях в его империи. Разговаривая с Чернышевым, он не имел еще сведений о том, как примет русский император известие о присоединении ганзейских городов и герцогства Ольденбургского к Франции. Поэтому он ничего не отвечал на упоминание о том Чернышева, а распространился о войне с турками, желая показать, что она не имеет особенного значения для России и не требует больших усилий и пожертвований, и тем отдалит возможность скорого заключения мира. Если его связывала война с Испанией и отвлекала значительные силы, то и силы России были отвлекаемы войною с Турцией и Персией и опасениями насчет Финляндии, вынуждавшими содержать в ней значительные силы. Но неудачи в Испании тревожили его еще и потому, что приводили в уныние и волновали общественное мнение в самой Франции, и без того, вследствие бедствий континентальной системы, раздражившейся против своего повелителя.

Конечно, неудобно было предпринять далекий поход, оставив за собою недовольную Францию. Быть может, роль миролюбца гораздо более и с большею выгодною для себя разыгрывал бы Наполеон, если бы новые переговоры с Россией о герцогстве Ольденбургском не раздражили его самолюбия, а между тем они были последствием уже известного направления Наполеона преследовать английскую торговлю, как в виде контрабанды, так и в виде нейтральной торговли.

Присоединив Голландию к своей империи, Наполеон известил русский кабинет об этом совершившемся происшествии «с некоторого

рода небрежностью», по выражению Тьера*. Извещение о присоединении к Франции ганзейских городов и других независимых владений, в числе которых находилось и герцогство Ольденбургское, сделано было не только с небрежностью, но с явным оскорблением личных чувств русского императора и достоинства его кабинета. В ноябре 1810 года французский министр иностранных дел спрашивал Коленкура, как отнесся бы император Александр к положению герцога Ольденбургского, если бы совершилось предполагаемое присоединение? 13-го декабря Коленкур отвечал, что не подлежит никакому сомнению, что подобный поступок будет принят здесь как знак величайшего неуважения к России. «Если, — прибавил он, — здесь радовались, узнав о намерении нашего правительства вывести войска из Германии, то понятно, какое впечатление произведет наше намерение утвердить свою власть на севере, не временно только, вследствие случайных обстоятельств, но, напротив, в виде полного обладания, по крайней мере, на неопределенное время». Но за несколько дней до того, как Коленкур подписал свою депешу (8-го декабря), об этом присоединении было уже заявлено Сенату Франции; в тот же день, 13-го декабря, состоялась сенатус-консульта, одобрявшая это присоединение, и на другой день, 14-го декабря, министр иностранных дел Франции уведомил Коленкура об этом происшествии, как о совершившемся явлении, объясняя его только тем, «что присоединение Голландии повлекло за собою и присоединение ганзейских городов»**.

Прежде, нежели герцог Виченцкий получил это известие, император Александр уже знал о нем, и при первой с ним встрече спросил его: знает ли он, что Франция приобрела новые департаменты?***

Это происшествие имело решительное действие на французского дипломата; он понял, что император Александр, несмотря на ласковое по-прежнему с ним обращение, не может уже иметь к нему прежней доверенности, как к посланнику правительства, которое скрывает от него действительные свои намерения и действия. Он просил свое правительство отозвать его из России, и эта просьба не только не встретила сопротивления, но, напротив, совпадала с видами Наполеона. «Он совершенно сделался русским, — говорил император о нем, — и забывает выгоды Франции». Каждая депеша Коленкура была невольною укоризною самому Наполеону, а подобных укоризн, хотя и невольных, от своего агента он переносить не мог. Коленкур постоянно сообщал ему, что

*Avec une sorte de négligence. *Thiers. Histoire de Consulat et de l'Empire. Liv. XXXVIII* (рус. пер.: Тьер А. История Консульства и Империи, тт. 1—5. СПб, 1846—1849, *Прим. ред.*)

***Bigon. Histoire de France, chap. XXIV.*

***Депеша князя Куракина 1811 года.

русский император желает сохранить мирные и союзные отношения к Франции, что мысль о войне с нею далека от его соображений, и что, если он делает какие-либо военные приготовления, то вызывается на это действиями Франции и притом единственно с оборонительными видами. Не такой агент был нужен Наполеону; ему нужен был такой, который умел бы отвести глаза русского правительства от его приготовлений к войне с Россией и дать ему возможность впоследствии обвинить ее в нарушении мира и в тех бедствиях для Европы, которые были бы необходимым последствием войны России с Францией.

Если в этом случае император французов позволил себе так неприлично поступать с русским императором, то, конечно, нельзя и предполагать, чтобы он мог действовать приличнее со слабой жертвой своего насилия, с герцогом Ольденбургским.

Французский министр иностранных дел поручил Коленкуру сообщить русскому правительству, что, вследствие присоединения к Франции ганзейских городов, герцогство Ольденбургское «вошло в пределы империи. Император, — продолжал министр, — не мог не обратить при этом случае внимания на тяжелое положение герцога. Поэтому было сообщено его гофмаршалу, г. Мальтцану, для передачи герцогу, что от его воли зависит сохранить владение Ольденбургом, вошедшим в состав Французской империи. Но если он захочет взамен его бывших владений принять другие, то император французов с радостью исполнит его желание»*. Но несмотря на то, что герцог изъявил желание сохранить за собою владение своих предков, по предписанию, последовавшему через четыре дня после этого сообщения Коленкуру, французские чиновники вступили в управление герцогством и прежде всего захватили все денежные кассы. Герцог был позорно изгнан из своих владений и отправился в Россию. Когда наш посланник заявил об этом насилии, то император Наполеон отвечал, что герцогство Ольденбургское, как и все присоединенные к Франции страны, должно подчиниться ее порядку управления. «Из уважения будто бы к герцогу император французов не желал подвергнуть его столкновениям с войсками и чиновниками Франции и потому предлагает ему в вознаграждение за его владения какую-нибудь другую область в Германии»**.

Герцог Ольденбургский был дядя императора Александра, и его обладание герцогством было торжественно признано Тильзитским трактатом, составлявшим главное основание наших дружественных отношений к Франции. Очевидно, что, кроме личного оскорбления царствующему

*Депеша герцога Кадорского к Коленкуру от 14-го декабря.

**Депеша князя Куракина от 1/13 января 1811 года.

дому, русская политика не могла терпеть и прямого нарушения международного договора. Князю Куракину было предписано объявить французскому министру иностранных дел, что XII-я статья Тильзитского трактата обеспечивает герцогу его владения, которые обязаны существованием России, и в случае прекращения рода герцога Ольденбургского должны быть ей возвращены. Предлагая не нарушать прав герцога, наше правительство поручило объявить, что в противном случае, для ограждения прав герцога и своих собственных, император русский будет вынужден формально протестовать против насильственных действий Франции.

«Вы сами предложили герцогу Ольденбургскому сохранить за собою владения, хотя и включенные уже в состав империи», — говорил князь Куракин герцогу Кадорскому.

«Но это предложение, — отвечал ему французский министр иностранных дел, — сделал ему император в полной уверенности, что он откажется от герцогства, потому что, оставаясь в нем, он не мог сохранить своих владетельных прав и сделался бы простым подданным Франции. С герцогом Аренбергским и князьями Сальмскими император Наполеон так и поступил; но из особенного уважения к русскому императору он предлагает в вознаграждение герцогу Эрфурт».

На замечание князя Куракина, что герцог не желает никаких вознаграждений, но хочет пользоваться своими правами в отношении к Ольденбургу, Шампаньи заметил, что это сделалось уже невозможным после того, как состоялась сенатус-консульты о присоединении этого герцогства к Франции.

«Но обладание Ольденбургом, — продолжал наш посланник, — утверждено за герцогом Тильзитским трактатом, который составляет единственную основу наших дружественных отношений к Франции».

«В то время Ольденбург был завоеван Францией, и император Наполеон уступил его герцогу, — отвечал герцог Кадорский, — а теперь, по видам высшей политики, он счел необходимым присоединить его к Франции».

«Но герцогство Ольденбургское, — настаивал наш посланник, — издавна принадлежит гольштейн-готторпскому дому, глава которого — русский император, и если бы прекратилось потомство герцога, то оно должно было бы перейти во владение царствующего в России дома».

«Тысячу лет тому назад Карл Великий владел Гамбургом и всеми окрестными странами, — говорил герцог Кадорский, — что же делать, надо покориться силе обстоятельств. Малые владения не могут сохранить своей самостоятельности, если она находится в противоречии с выгодами великих держав. Что же касается до возможности наследства для русского царствующего дома, то это невероятная случайность, потому что семейство герцога довольно многочисленно».

Передавая нашему правительству отчет об этом разговоре, князь Куракин писал: «На каждое соображение, на каждую подробность, которые я представлял герцогу Кадорскому, он в сущности ничего не отвечал более, как только то, что такова воля императора, и что он не может изменить того, что уже сделал».

Только последнее замечание князя Куракина смутило несколько французского министра иностранных дел: «Наконец я должен вам заявить, что со стороны императора будет заявлен торжественный протест по этому случаю».

«Разве мои объяснения не удовлетворительны? — с удивлением заметил герцог Кадорский. — Протест не изменит дела, но только покажет Европе, что разорван союз между Францией и Россией».

Когда князь Куракин объявил, что, исполняя предписания своего правительства, он должен будет предъявить этот протест, Шампаньи переменил разговор и начал жаловаться на новый наш тариф. Этот тариф входил в состав положений о нейтральной торговле, взгляд на которую русского правительства был уже известен Наполеону, и к которому он так миролюбиво отнесся в разговоре с Чернышевым. Но с тех пор, как возник ольденбургский вопрос, этот тариф делался для французского правительства предлогом к постоянным жалобам*.

Приведенный разговор показывал, что никакой обмен мыслей, никакие переговоры уже не были возможны в это время с правительством Наполеона. Одна его воля решала дела Европы, и все другие государства должны были безусловно покоряться ей или воевать с Францией. Это подтвердил немедленно и поступок французского правительства с нашим протестом по ольденбургскому делу. Князь Куракин, исполняя предписание правительства, после этого разговора отправил протест к герцогу Кадорскому. Без всякого ответа он возвратил ему его назад. Князь Куракин отправил снова. Тогда герцог Кадорский сам привез ему обратно и, положив перед ним на стол, объявил, что император Наполеон запретило ему принимать этот протест, который он находит несогласным с теми чувствами дружбы, которые он питает к императору Александру**.

Все это происходило в то время, когда Чернышев еще находился в Париже. Наполеон призвал его к себе и поручил немедленно отправиться в Петербург с собственноручным его письмом к императору Александру. В этом письме, уведомляя об отозвании по болезни Коленкура и о назначении на его место посланником при нашем дворе генерала

*Депеша графа Румянцева к князю Куракину от 9/21 января 1811 г. и депеша князя Куракина к графу Румянцеву от 27 января (8 февраля) и 28 января (9 февраля) 1811 г.

**Депеша князя Куракина от 8/20 февраля 1811 г.

Лористона, он говорил, что поручил Чернышеву выразить императору Александру те чувства дружбы, которые он питает к нему. «Эти чувства не изменятся, — продолжал он далее, — хотя я не могу уже более скрывать от себя, что Ваше Величество потеряли дружбу ко мне. Вы поручаете делать мне протесты и всякого рода затруднения по вопросу об Ольденбурге, тогда как я не отказываюсь дать соразмерное за него вознаграждение и когда положение этой страны, бывшей средоточием контрабандной торговли с Англией, вынудило меня для соблюдения выгод моей империи и для успеха войны, в которую я вовлечен, присоединить Ольденбург к моим владениям. Последний указ Вашего Величества, как по существу, так особенно по форме, исключительно направлен против Франции. В прежнее время, прежде нежели принять такую меру против французской торговли, Ваше Величество сообщили бы мне о ней предварительно и, быть может, мне удалось бы найти средства, которые привели бы к той же цели, какой Вы желали достигнуть, но которая в глазах Франции не показалась бы отступлением от прежней Вашей политической системы. Так на это смотрит Европа, и в глазах ее и Англии наш союз уже не существует более. Если он еще и сохраняется в Вашей душе так же, как и в моей, то во всяком случае такое общее мнение может только принести вред. Да позволит мне Ваше Величество сказать откровенно, что Вы забыли о тех выгодах, которые Вы извлекли из этого союза, а между тем вспомните, что произошло после Тильзита. По Тильзитскому договору Вы должны были возвратить Турции Молдавию и Валахию, но, вместо того чтобы возвратить, Вы эти княжества присоединили к своей империи. Молдавия и Валахия составляют третью часть Европейской Турции; это приобретение огромное, которое ослабляет силы Турции, и, можно даже сказать, уничтожает эту империю, мою старинную союзницу. Однако же, несмотря на то, вместо требования строгого исполнения условий Тильзитского договора, я бескорыстно и из чистой дружбы к Вашему Величеству признал присоединение этих богатых областей; но если бы я не был уверен в продолжении нашего союза, то можно наверное сказать, что несколько самых неудачных кампаний не вынудили бы Францию пожертвовать своим старым союзником (*a voir dépouiller ainsi son ancien allié*). В отношении к Швеции, в то время как я возвращал ей завоеванные у нее области, я согласился, чтобы Ваше Величество оставили за собою Финляндию, составляющую третью часть Швеции — область, до такой степени для Вас важную, что после этого присоединения Швеция, можно сказать, уже не существует более, потому что Стокгольм уже находится на аванпостах государства. А между тем Швеция, несмотря на ложную политику своего короля, все-таки при-

надлежит к старинным друзьям Франции. Люди вкрадчивые, подушаемые Англией, клеветают на меня перед Вашим Величеством. По их мнению, я хочу восстановить Польшу. Я властен был это сделать в Тильзите: через двенадцать дней после сражения при Фридланде я мог быть уже в Вильне. Если бы я хотел восстановить Польшу, то в Вене заручился бы на это согласием Австрии: она желала сохранить только свои древние владения и сообщение с морем и за это готова была пожертвовать своими польскими областями. Я мог это сделать в 1810 году, когда все русские войска были заняты войною с Турцией. Я могу это сделать еще теперь, пока Ваше Величество не заключили еще мира с турками, который, вероятно, будет заключен в продолжение этого лета. Но если я не воспользовался ни одним из этих обстоятельств, то, очевидно, потому, что восстановление Польши вовсе не входило в мои виды. Но если я не желаю изменять теперешнего положения Польши, то, кажется, имею право требовать, чтобы никто не мешался в мои действия по сую сторону Эльбы. Во всяком случае наши враги достигли своей цели; доказательством служат укрепления, которые Вы воздвигаете в двадцати местах на Двине, протест по делу об Ольденбурге, о котором мне говорил князь Куракин, и новый указ (о нейтральной торговле).

Что касается лично до меня, то я сохраняю мои прежние чувства к Вам; но я поражен очевидным значением действий и тою мыслью, что Ваше Величество готовы, лишь только будут благоприятствовать обстоятельства, войти в соглашение с Англией, что будет равняться возбуждению войны между двумя империями. Если Вы расторгнете союз с Францией и забудете об обязательствах Тильзитского договора, то, конечно, последует война — несколькими месяцами ранее или несколькими месяцами позднее. Такое состояние недоверия и неопределенности представляет неудобство как для Вашей, так и для моей империи; его последствием будет напряжение всех сил, чтобы извлечь достаточные средства из обеих империй на случай их столкновения. Все это чрезвычайно печально.

Если в предположения Вашего Величества не входит примирение с Англией, то, конечно, Вы признаете необходимым рассеять все эти недоразумения. Вы не считаете уже себя в безопасности, как я могу заключать из слов, сказанных Вами герцогу Виченцскому, что будете вести войну на своих границах, а уверенность в безопасности одного государства от другого составляет первое условие их взаимного согласия.

Прошу Ваше Величество прочесть это письмо в добром настроении духа; в нем нет ничего такого, что могло бы помешать уничтожению взаимного недоверия и возобновлению союза и дружбы между

обоими государствами, которые были так счастливы для них в продолжение четырех лет»*.

Мы не войдем в подробный разбор этого письма, потому что его вполне заменит ответ на него императора Александра, который будет приведен впоследствии. Нельзя однако не заметить, что Наполеон, нарушив условия Тильзитского трактата, как последним мирным договором с Австрией, так и присоединением герцогства Ольденбургского, упрекает еще Россию в нарушении этого трактата и потом говорит, что нарушение этого трактата рано или поздно повлечет за собою войну.

Война уже была решена им; различные обстоятельства могли только ускорить или замедлить начало самих военных действий. Таков смысл письма, и еще более тех речей, которые Наполеон заставил выслушать Чернышева, вручая ему это письмо для доставления императору Александру. «Когда вы узнаете смысл речей Наполеона, сказанных Чернышеву, — писал князь Куракин к канцлеру Румянцеву, — вы, конечно, будете так же удивлены, как и я. Теперь уже не может оставаться никакого сомнения, что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена; но он отсрочивает только ее начало, потому что не совсем еще к ней приготовился. Я уверен, что не ошибаюсь, объясняя себе этим обстоятельством то, что он постоянно говорит о своем желании быть в дружбе и союзе с нами. Отданное им приказание исправить укрепления Данцига имеет для нас чрезвычайно важное значение уже потому, что это окончательно вскружит пустые головы поляков. Отозвание Лессепа показывает несомненно, что он питает в душе злобу против нас. В то же время очевидно, что он желает поссорить нас с Австрией, возбудить недоверие и подозрение к ее действиям в отношении нашей войны с турками и предупредить возможность нашего с нею союза. Условия или главные основания нового договора, который он предлагает заключить с нами, очевидно, не согласны с нашими выгодами и видами нашего государя». Последние строки этого письма указывают на некоторые вопросы, о которых император Наполеон говорил с Чернышевым, и дополняют содержание его письма к нашему государю. Зная всеобщее раздражение против него, господствовавшее в Австрии, император французов действительно опасался ее союза с нами, потому что это была единственная держава в Европе, которая, в случае войны, могла располагать двухсоттысячным войском. Сам же, поощряя ее действовать против нас в Константинополе, он выдавал ее и, представляясь нашим другом, хотел выставить ее нашим врагом, чем она и была действительно, но — вместе с ним и рассчитывая на его по-

*Письмо от 28 февраля 1811 г. Париж.

мощь. Опасаясь союза Австрии с нами, он точно так же опасался и того, чтобы Россия не начала войны прежде, нежели он примет меры к поправлению дел в Испании и Португалии и не приготовится окончательно разгромить Россию. С этою целью, чтобы отсрочить войну, он пустил в ход мысль о необходимости заключить новый союзный договор с Россией.

Князь Куракин понял намерения Наполеона, но, страшно боясь войны с ним, советовал канцлеру «старательно избегать всякого вызова к войне», хотя и готовить средства обороны и особенно — заключить мир с турками*.

Несмотря однако на желание отсрочить войну с Россией, Наполеон, вовлекая ее в переговоры о заключении нового союзного с ним договора, был в то же время так взволнован и уязвлен ее действиями, что сам препятствовал успеху своих предположений, разрушал свои коварные замыслы, и, невольно увлекаемый страстью, выражал настоящий свой образ мыслей. «Так, он выдал сам себя, — писал наш посланник в половине марта 1811 года, — в прошлое воскресенье, принимая депутацию от торгового и мануфактурного советов. Он говорил ей: «Когда я был в Тильзите, то в моей власти было идти на Москву или Петербург; но русский император обязался мне не производить более торговли с англичанами, и я приостановил мой поход. Но если он не исполняет своих обещаний, то я могу вновь предпринять этот поход. Я займу Данию; необходимо, чтобы все прибрежья Балтийского моря следовали моей системе». Вообще этот прием, — замечал князь Куракин, — был весьма бурный. Император Наполеон объявил, что ранее десяти лет нельзя и думать о мире, что в Европе существуют только два государства — Англия и Франция, и кончил тем, что предлагал депутатам заботиться только о внутренней торговле. Эта речь наделала большого шума в Париже, все ожидали немедленной войны с Россией, списки с речи начали ходить по рукам, и французское правительство, желая несколько успокоить волнение, распустило свой список, в котором однако смягчены были только некоторые выражения**». Говоря, что в Европе существует только два государства, он выражал мысль, что Россия должна также подчиняться ему, как и все другие европейские державы. Запрещение ввоза в Россию новым тарифом некоторых французских товаров, обложение других довольно значительными пошлинами в сущности не имели особенного значения для Наполеона, а только служили поводом к придирам. Тильзитским трактатом была восстановлена

*Частное письмо князя Куракина к графу Румянцеву от 16/28 марта 1811 г. Париж.

**Депеши князя Куракина графу Румянцеву от 16/28 и 19/31 марта 1811 года.

сила торгового договора с Францией, заключенного в 1787 году, в котором было сказано, что «подданные обеих договаривающихся сторон будут платить за свои товары пошлины, установленные ныне действующим тарифом, или *какие будут установлены впоследствии* в обоих государствах»*. Тильзитский трактат нисколько не стеснял свободы действий нашего правительства по вопросу об обложении пошлинами ввозимых в Россию иностранных товаров**. Это, конечно, хорошо знал и Наполеон, но это была только придирка; а вопрос заключался в торговле с Англией, под видом нейтральной. Наполеону необходимо было для приведения в исполнение своих замыслов закрыть всякий вход английским товарам на материк Европы и, вслед за Голландией и ганзейскими городами, захватить в свои руки Данию, шведскую Померанию и русские берега Балтийского моря.

Если положение о нейтральной торговле препятствовало осуществлению его видов в отношении к Англии, то протест по ольденбургскому делу глубоко оскорблял его самолюбие. Он признавал возможность мира или войны с какою-либо державою, но не допускал возможности какой-нибудь державе не признавать его действий. Поэтому он и не хотел даже признавать существования нашего протеста и запретил принимать его своему министру иностранных дел. Но Россия, после этого отказа, сообщила его всем европейским державам в следующем виде:

«Его Величество император всероссийский с удивлением узнал, что Его Величество император французов, король итальянский, определив постановлением своего сената новые границы своей империи, включил в ее состав и герцогство Ольденбургское. Его Величество представил вниманию императора, его союзника, как представляет теперь всей Европе, что именно Тильзитский трактат обеспечивает мирное обладание герцогством его законному государю.

Его Величество напомнил этому государю, как напоминает теперь и всем другим государствам, что Россия по договорам 1766—1773 годов предоставила Дании все свои владения в герцогстве Гольштинском и взамен их получила герцогства Ольденбург и Дельменгорст, которые, по известным договорам, в коих принимали участие многие державы, были соединены в одно герцогство в качестве самостоятельной державы и переданы младшей линии того же гольштейн-готторпского дома, с которым Его Величество тесно соединен узами крови.

Император полагает, что это государство, обязанное своим существованием великодушию России, не может быть уничтожено без нару-

*Тариф на 1811 год, ст. 25 и 28, Полн. Собр. Зак. № 24464.

**Тильзитский трактат. Полн. Собр. Зак. № 22584 ст. XXVII. Отношение графа Румянцева к князю Куракину от 5-го января 1811 года.

шения справедливости и его прав. Поэтому он считает себя обязанным воспользоваться правом охраны (*droit de réservation*) и защитить, как он и делает этим заявлением, от своего имени и от имени своих наследников престола, на вечные времена, все права и обязанности, которые проистекают из упомянутых выше договоров.

Какую цену могут иметь союзы, если не соблюдаются трактаты, на которых они основаны? Но чтобы не подать повода ни к какому недоразумению, Его Величество объявляет, что его союз с императором французов был следствием важных политических интересов, которые не перестают существовать и в настоящее время, и что поэтому, предполагая заботиться о сохранении этого союза, он надеется, что точно так же поступит со своей стороны и государь, на дружбу которого он имеет право.

Эта общность выгод обеих империй, входившая еще в виды Петра Великого, которая встретила тогда и встречала впоследствии столько препятствий, принесла уже много пользы как России, так и Франции. Поэтому пользы обеих держав требуют заботы о сохранении этого союза, и Его Величество употребит для того все свои старания».

Как ни скромно и умеренно было написано это заявление (*déclaration*), *манифест*, как называл его Наполеон, не желавший даже признавать его существования, торжественное заявление этого протеста всем европейским дворам, которые император французов привык считать своими слугами, раздражало его самолюбие. Это раздраженное состояние тем более причиняло ему досаду, что он постепенно, в продолжение нескольких недель, то от одного, то от другого из своих посланников получал известия о предъявлении этого заявления всем европейским дворам. Не допуская, конечно, и мыслей о том, что вина этого события падает на него самого, он сорвал свой гнев на том, кто в силу самого своего положения должен был доводить до его сведения известия, получаемые от французских посланников при иностранных державах, на своем министре иностранных дел, и уволил от должности герцога Кадорского, назначив на его место герцога Бассано*.

В это же время он получил известия о передвижении пяти дивизий из Дунайской армии к западным границам империи, а также о выводе некоторой части войск из Финляндии. Зная хорошо те виды, которые император Александр соединял с турецкою войною, и понимая нужду содержать достаточное количество войск в крае, только что завоеванном, Наполеон, конечно, не мог не понять значения этих распоряжений. Именно с целью усилить войска на западных границах империи

*Депеша князя Куракина от 8/20 апреля 1811 года.

двинуты были пять дивизий с Дуная и часть войск из Финляндии. Но он давно уже знал от своего посланника при нашем дворе, что Россия prepares средства для обороны, но не для нападения*. Но эти известия были получены им в то время, когда и без того он был раздражен, и потому подали ему повод к сильным выходкам против действий русской политики.

В конце марта месяца возвратился из Петербурга Чернышев с ответом императора Александра на письмо Наполеона, которое мы привели. В день приезда он явился в Тюильри и был немедленно принят Наполеоном. Встретив с улыбающимся лицом русского офицера и выразив удивление, как быстро он совершил свою поездку, император спросил его: «Ну, чего же у вас ожидают – войны или мира?»

Передав ему ответное письмо императора Александра, Чернышев отвечал:

«Мой государь поручил мне выразить Вашему Величеству самые положительные уверения в том, что намерен сохранить мир и дружбу с Францией, но он с прискорбием замечает, что взаимные отношения между двумя империями утратили прежнюю искренность; тем не менее все его желание состоит лишь в том, чтобы рассеять возникшие недоразумения и прийти к дружелюбному соглашению.»

«Не я первый, — отвечал Наполеон, — возбудил тревогу в Европе: моя совесть чиста в этом случае; вооружения России подали к тому повод».

«Теперь, — отвечал Чернышев, — возвращаясь из Петербурга, где я имел счастье видеть императора и лично узнать его намерения и его чувства к Франции, я могу положительно засвидетельствовать перед Вашим Величеством, более нежели когда-нибудь, что все меры, принятые нашим государем в последнее время, вовсе не имеют в виду оставить политическую систему Франции с тем, чтобы сблизиться с Англией, как вы предполагали перед моим последним отъездом из Парижа, и что единственно могло повести к разрыву между обеими империями. Напротив того, все эти меры приняты исключительно в видах предосторожности, потому что не могла же Россия спокойно смотреть на то, как во время мира, в герцогстве Варшавском постоянно делались большие военные приготовления, исправлялись крепости. Точно так же не мог русский император оставаться равнодушным зрителем того, что Ваше Величество почти у самых границ его империи, занимая в Пруссии и герцогстве линию крепостей, весьма грозных, можете немедленно двинуть к нам семидесятитысячную армию саксонцев и поляков, составляющую притом лишь авангард тех огромных сил, которыми Вы

*См. Thiers. Histoire de Consulat et de l'Empire, ch. XXII.

можете располагать, особенно взяв конскрипцию за этот год. Все эти обстоятельства естественно побудили императора Александра принять меры к обеспечению безопасности своей империи и иметь наготове, по крайней мере, такое же число войск, которое равнялось бы этому авангарду. Но для того он не прибегал ни к каким чрезвычайным мерам, а это может служить доказательством, что ему чужда всякая мысль о нападении. Россия не ищет никаких приобретений и единственное желание ее императора — поддержать мир, который так необходим для всей Европы...

«То, что вы говорите, — прервал его Наполеон, — может доказать только, что сведения, сообщаемые нам нашими посольствами, постоянно вводят нас в заблуждение. Откуда вы взяли, что войска, о которых вы говорили, простираются до семидесяти тысяч? Сколько предполагаете вы войск у поляков?»

«Я не имею положительных об этом сведений, — отвечал Чернышев, — но предполагаю, что от пятидесяти до шестидесяти тысяч».

«Вы ошибаетесь, — прервал его Наполеон, — у них в герцогстве только сорок тысяч, а остальные в Испании».

Сознавшись потом, что предположение Чернышева о саксонских войсках, которые тот считал в числе 25-ти или 30-ти тысяч, верно, Наполеон понял, конечно, что Чернышев правильно определял количество его авангарда, как он назвал польские и саксонские войска, в 70 тысяч; поэтому император прервал о том речь и заговорил о работах по укреплению в герцогстве Варшавском. «Эти укрепления, — говорил он, — не могут иметь важного значения, потому что мне положительно известно, что в продолжение года истрачено на них только 30 миллионов франков. Из всех этих крепостей, о которых вы говорите, только один Данциг может быть назван хорошею крепостью, а остальные можно разбить *печеными яблоками* (le reste pouvait être pris avec des pommes cuites). Впрочем, — продолжал он, — Россия не может жаловаться на то, что поляки немного шевелятся; они опасаются, чтобы Россия вдруг не заняла герцогства своими войсками. Они знают, какую им принесла пользу Прага в последнюю войну с австрийцами, им нельзя не заботиться о своей безопасности. Притом они приступили к исправлению и сооружению своих укреплений *на другой день* после Тильзита и с тех пор не прерывали работ. Между тем Россия, будучи великою державою, не может иметь подобных опасений и притом начала свои укрепления только шесть или восемь месяцев тому назад. Если бы она начала их также немедленно после Тильзита, то я ничего не сказал бы против этого».

Потом, помолчав немного, Наполеон продолжал: «Но вопрос не в этом, это не главный предмет, — я не придал бы этому никакого значения,

если бы не тариф, который в сущности составляет единственную причину, возбудившую тревогу во всей Европе. Лишь только он был обнародован, я сказал о России: вот большая планета сорвалась со своего пути и принимает ложное направление; я не понимаю ее движения, она так не может действовать без намерения разорвать союз с нами. Остережемся и примем все те меры, которые предписывает благоразумие. Только с этого времени я действительно начал приготовляться, подозревая, что вы решились броситься в объятия Англии».

«Но тариф — мера чисто административная, — заметил Чернышев, — и притом она состоялась гораздо позднее призыва на службу конскриптов в большем количестве, нежели за прошлый год. Русский император мог бы с большою основательностью жаловаться на поведение в последнее время Франции, которая ни в чем не может упрекнуть его с основательностью. Несмотря на то, в надежде, что уладятся возникшие недоразумения, она решила остаться верною принятому ею направлению. До сих пор она не имеет никакого желания сблизиться с Англией, не отправляла туда никого, не принимала никаких английских агентов и не слушала с ее стороны никаких внушений...»

«Если правда все, что вы говорите, то я совершенно не понимаю вашего образа действий, — отвечал Наполеон. — Почему же вы поставили себя в такое положение, что не доверяете мне и во мне возбуждаете недоверие к вам, и притом в такое время, когда выгоды обеих империй требуют, чтобы они действовали заодно? Соглашаюсь, что распоряжение о призыве конскриптов состоялось прежде объявления вашего тарифа, но это потому, что я принял уже за правило ежегодно обращаться к сенату с требованием конскрипции. Но в то время я взял бы из них не более двадцати тысяч, чтобы пополнить убыль в испанских войсках. Я со своей стороны твердо уверен, что не извлеку никаких выгод из войны с Россией и потому ни о чем так не забочусь, как о дружеском соглашении с нею по всем вопросам. Посмотрим, даст ли мне к этому способы письмо вашего императора», — добавил Наполеон — и начал читать привезенное ему Чернышевым следующее письмо:

«Спешу отвечать на письмо Вашего Величества от 28-го февраля. Очень сожалею, что состояние здоровья герцога Виченцкого препятствует ему продолжать свое посольство при мне. Я был им чрезвычайно доволен, потому что постоянно замечал в нем глубокую преданность Вашему Величеству и искреннее желание поддержать соединяющий нас союз. Благодарю Ваше Величество за выбор генерала Лористона; тот, кто пользуется Вашим доверием, без сомнения, будет мне приятен.

Чернышев выполнил мои приказания. С сожалением вижу, что Вы не отдадите мне справедливости. Ни мои чувства, ни моя политика ни-

сколько не изменились, и я желаю единственно поддержать и упрочить наш союз. Не я ли скорее должен предполагать, что Ваше Величество изменились в этом отношении? Я считаю долгом говорить с Вами с тою же откровенностью, как и Вы говорили со мною в Вашем письме. Ваше Величество обвиняете меня в том, что я протестовал по ольденбургскому делу; но как же я мог поступить иначе? Небольшой клочок земли, которым владело единственное из лиц, принадлежащих к моей семье, исполнявшее все обязанности в качестве члена Рейнского союза, и потому находившееся под Вашим покровительством, — лицо, которого владения были обеспечены статьею Тильзитского договора, лишен своей независимости, и Ваше Величество не сказали мне предварительно об этом ни слова. Какую важность мог иметь для Франции этот уголок земли, и такой поступок Вашего Величества мог ли показать Европе Вашу дружбу ко мне? Все письма, современные этому происшествию, приходившие отовсюду, доказывали, что в этом поступке Вашего Величества видели желание меня оскорбить. Что касается до моего протеста, то самое его изложение может служить несомненным доказательством, что союз с Францией я ставлю выше всех других соображений и прямо выражаю в нем, что ошибутся те, которые могут подумать, что чрез это союз наш может быть расторгнут. Ваше Величество предполагаете, что мой указ о тарифе* направлен против Франции. Я должен опровергнуть это мнение, как неверное и несправедливое. Этот тариф вызван был крайнею необходимостью, вследствие крайнего стеснения морской торговли, высоких пошлин, которыми были обложены русские произведения в государствах, подвластных Вашему Величеству, огромного ввоза чрез сухопутные границы дорогих иностранных товаров и ужасного упадка нашего курса. Этот указ имел в виду две цели: 1) строго запрещающую торговлю с Англией, предоставить некоторые облегчения торговле с Америкой, единственною страной, которая могла вывозить русские товары, слишком громоздкие и потому неудобные для сухопутной перевозки; 2) уменьшить, по возможности, ввоз иностранных товаров сухим путем, весьма невыгодный для нашего торгового баланса по множеству ввозимых предметов роскоши, за которые мы должны платить чистыми деньгами, тогда как вывоз наших товаров крайне затруднителен.

Таковы весьма простые причины, побудившие меня издать указ о тарифе. Он так же мало направлен против Франции, как и против всякого

*Таможенный тариф, введенный русским правительством с начала 1811 года, повышал на 50% пошлины на все ввозимые в Россию промышленные товары. Практически это был удар по французской промышленности и торговле (подробнее см. Е.В. Тарле. Континентальная блокада. Соч., т. III, М., 1958, с. 362). (Прим. ред.)

другого европейского государства, и совершенно согласен с началами континентальной системы, запрещая ввоз и уничтожая ввезенные предметы неприятельской торговли. Ваше Величество недовольны тем, что я, решившись принять эту меру, предварительно не посоветовался с Вами. Но эта мера чисто административная, и я полагаю, что всякое правительство имеет право принимать такие меры, соображаясь со своими собственными требованиями, тем более, что подобные меры не противоречат существующим трактатам. Но да позволит мне Ваше Величество сделать одно замечание. Справедливо ли упрекать меня в этом, когда Ваше Величество поступали точно таким же образом и не предупреждали меня о мерах, которые Вы сочли нужным предпринять в отношении к торговле, не только в Ваших государствах, но и во всей Европе. Между тем эти меры имели гораздо большее влияние на русскую торговлю, чем то, какое наш тариф может иметь на французскую; многочисленные банкротства, которые непосредственно за ними последовали, могут служить доказательством. Я с большею справедливостью могу сказать, что Россия строже соблюдала Тильзитский договор, нежели Франция; то, что Вы указываете относительно Молдавии и Валахии, ни в каком случае не составляет нарушения условий этого договора, потому что в нем постановлено, что княжества не будут занимаемы войсками воюющих держав во все продолжение перемирия. Согласно с этим мои войска выступили и сделали уже четыре перехода назад, и только тогда, когда турки вторглись в княжества, сожгли Галац и достигли Фокшан, я снова двинул свои войска вперед; потом Эрфуртским соглашением было обеспечено за мною обладание Молдавией и Валахией. Следовательно, я нисколько не нарушил принятых мною обязательств.

Что касается до завоевания Финляндии, то оно вовсе не входило в виды моей политики, и Ваше Величество можете припомнить, что я предпринял войну со Швецией только из-за континентальной системы. Успехи моего оружия доставили мне обладание Финляндией, но, при неуспехе, я мог бы лишиться и своих областей. Следовательно, и в этом случае я не нарушал никаких обязательств. Если Ваше Величество указываете на те выгоды, которые приобрела Россия вследствие союза с Францией, то не могли ли я в свой черед указать на те, которые извлекла из него Франция, — на огромные приобретения, которые она сделала в Италии, на севере Германии и в Голландии?

Я думаю, что много раз доказал Вашему Величеству, как мало я обращал внимания на внушения тех, которым выгодно было нас поссорить. Лучшим доказательством может служить то, что я всякий раз общал о них Вашему Величеству, полагаясь постоянно на Вашу дружбу.

Между тем, когда действия начали подтверждать слухи, ходившие повсюду, то самое меньшее, что я мог сделать — это принять меры предосторожности. Вооружения в герцогстве Варшавском продолжались непрерывно. Число войск в этом герцогстве было увеличено несоразмерно с количеством народонаселения. Не переставали воздвигать новые укрепления. Те же, которые я воздвигаю со своей стороны, возводятся на Двине и Днепре. Ваше Величество слишком хорошо знаете военное дело, чтобы не понимать, что когда строятся новые укрепления на таком расстоянии от границ, на каком находится Страсбург от Парижа, то, без сомнения, они делаются не с наступательною, но исключительно с оборонительною целью. Мои вооружения ограничиваются только улучшением устройства уже существующих полков. Это и Ваше Величество делали у себя постоянно. Впрочем, все, что делается в герцогстве Варшавском, а также постоянное увеличение ваших сил на севере Германии, обязывает меня к тому. Таково истинное положение дел.

Следовательно, мои укрепления доказывают, что я не имею в виду никаких наступательных действий. Мой тариф, установленный только на один год, не имеет другой цели, как только уменьшить невыгоды нашего курса и доставить мне средства неуклонно следовать той системе, которую я раз уже принял, и от которой не отступал. Мой протест, который я должен был сделать, чтобы сохранить достоинство моего государства и моего дома, будучи вынужден к тому явным нарушениям условия Тильзитского договора, доказывает однако же очевидным образом мое желание сохранить союз с Вашим Величеством. Впрочем, не желая никаких приобретений от моих соседей, любя Францию, к чему бы мне думать о войне с нею? России не нужно завоеваний; она, может быть, и так уже слишком обширна. Зная великий военный гений Вашего Величества, могу ли я думать, что эта война не представит мне больших затруднений? Притом, мое личное самолюбие связано с политическою системою, основанною на союзе с Францией. Приняв его за основание для русской политики и защищая его в продолжение долгого времени от нападений всех, кто придерживался старых мнений, мог ли бы я разрушать мое собственное дело и начать войну с Вашим Величеством? Если Вы столько же желаете этой войны, как и я, то нет никакого сомнения, что ее не будет. Чтобы убедить Вас еще более в этом, предлагаю Вашему Величеству решить дело об Ольденбурге по собственному Вашему усмотрению. Назначьте такое вознаграждение, которого Вы сами пожелали бы, будучи в подобном положении. Ваше Величество обладает всеми способами устроить дело так, чтобы еще теснее соединить обе империи и предотвратить навсегда возможность

разрыва. Со своей стороны я готов в этом случае оказать всякое содействие. Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что Вы ее желали, и, употребив все усилия, чтобы предотвратить ее, я сумею сражаться и дорого продам мое существование (*je saurais alors combattre et vendre chèrement mon existence*). Если же вместо того Вы захотите иметь в моем лице друга и союзника, то найдете во мне те же чувства привязанности и дружбы, которые Вам уже известны»*.

Читая в присутствии Чернышева это письмо императора Александра, Наполеон часто прерывал чтение, делая замечания на разные места и выражения. Когда он прочел строки, где говорилось о военных приготовлениях в герцогстве Варшавском и о том, что число польских войск несоразмерно с количеством народонаселения, он заметил: «Это неверно, в герцогстве от трех до четырех миллионов жителей, поэтому по всем правилам оно может иметь 40-тысячное войско. Я не могу понять, как можно до сих пор упорствовать в той мысли, будто я хочу восстановить Польшу; стоит немного подумать об этом, чтобы заметить, что из этого восстановления я не мог бы извлечь для себя никаких существенных выгод. Я не стремился к этому в более благоприятные времена, а теперь я объявляю торжественно и готов поклясться всем, что есть священного на свете, что менее всего меня озабочивает мысль о восстановлении этого королевства».

Продолжая чтение и дойдя до того места, где Александр возражал на мысль Наполеона, что союз с Францией доставил России обладание Финляндией и дунайскими княжествами, и замечал, что Франция извлекла из этого союза еще большие выгоды, Наполеон резко заметил: «После Тильзитского мира я ничего не присоединил от Италии; Голландия прежде была завоевана, при Конвенте, точно также и ганзейские города».

Чернышев отвечал, что Голландия после этого завоевания была сначала самостоятельной республикой, а потом хотя союзною с Францией, но самостоятельную монархией, и независимую; между тем как теперь она — только один из департаментов французской империи... Чернышев хотел продолжать свой ответ, но Наполеон прервал его, начав снова громко читать письмо императора Александра.

«Вашему Величеству, — писал Чернышев государю об этой сцене, — хорошо знакома личность императора Наполеона, и потому Вы изволите понять, что простому офицеру, которого он допустил к себе на аудиенцию, невозможно продолжать говорить без нарушения уважения

*Письмо императора Александра к Наполеону в мае (в отпуске число не обозначено) 1811 г., посланное с Чернышевым.

к его особе, когда он нашел излишним его слушать; поэтому я решился молчать».

Продолжая чтение письма, Наполеон остановился на том месте, где говорилось о тарифе. «Я полагаю, — сказал он уже с некоторым раздражением, — что меня никто не считает до такой степени безумным, чтобы я позволил себе вмешиваться в дела внутреннего управления Россией или противиться тем постановлениям, которые она издает в этом отношении». Он объяснил, что жалобы его направлены не против сущности указа, *которая хороша сама по себе*, но против формы, и в этом отношении, в качестве *первого друга и искреннего союзника* России, он полагал, что имеет полное право жаловаться, тем более, что той же цели, к которой направлен указ, можно было достигнуть, употребив тот способ, который он предлагал, чтобы оба государства уплачивали один другому *за товары товарами, а не деньгами*, то есть, чтобы одно государство не брало у другого столько товаров, сколько ему нужно, а другое брало бы более, нежели сколько ему нужно. «Впрочем в том случае, — продолжал он, — вопрос не касается только выгод. Вся торговля Франции с Россией простирается до 12 миллионов, и половина этой суммы покрывается ввозом русских произведений, и только другая половина уплачивается деньгами. Но дело в том, что это произвело дурное впечатление на всю Европу, как признак неприязненных отношений между двумя империями»... «Хорош союз, — сказал он, — вы конфискуете все, что приходит от меня, и я делаю то же со своей стороны; этот союз похож более на войну! Но, что выходит уже из всех пределов, чего я не могу терпеть, и что возмущает всех моих торговцев, это предписание ваше — жечь все товары, которые приходят к вам из Франции. Я не могу смотреть на него иначе, как на величайшее оскорбление, которое только можно было мне нанести».

Чернышев отвечал на это, что товары не сжигаются публично, что это впрочем старинный закон, существующий со времен Екатерины, и он вовсе не направлен против произведений того или другого государства, но против нарушителей наших постановлений.

«Позвольте сказать вам, милостивый государь, — с возрастающим раздражением отвечал Наполеон, — во времена Екатерины Россия предписывала законы всей Европе и притом причислялась к числу недостаточно просвещенных народов; но с тех пор, как она сделалась европейскою страной, должно знать, что есть приличия, которые и она обязана исполнять. Я тоже жгу английские товары, но это потому, что веду с Англией войну насмерть и притом не в тех собственно видах, что это может причинить ущерб их торговле, но чтобы уязвить их честь, нанести им нравственно зло. Знайте же, что я приказал во всех

портах, находящихся в моей власти, жечь лес, поташ, пеньку и вообще все, что вывозится из России. Вот прекрасный союз, поучительная дружба между нами!»

Продолжая чтение письма и дойдя до вопроса о герцогстве Ольденбургском, Наполеон заметил, что не известил предварительно русского императора о присоединении этого герцогства к Франции, полагая, что Александр может принимать участие только в личности герцога, как члена своего семейства, которому из уважения к русскому государю он и предложил, какое мог, вознаграждение, но вовсе не в самой стране. «Эту страну, — говорил Наполеон, — я присоединил потому, что, *находясь между Францией и Англией*, она могла служить поводом к разным спорам и пререканиям *именно с Россией*. Будь она на берегах Средиземного моря или в середине Германии, я, конечно, не коснулся бы до нее. Впрочем, если из безделиц хотят делать важные вопросы, то какие бы объяснения я ни представил, их найдут недостаточными».

Затем он дочитал письмо до конца и, конечно, не найдя в нем той покорности своей воле, которую желал найти, ухватившись за последнее выражения, разразился следующей речью: «Кто угрожает вашему существованию (*qui est ce qui en veut à votre existence*), кто намеревается напасть на вас! Конечно, я не до такой степени не понимаю своих выгод, чтобы ринуться в войну против великой державы, которая обладает огромными средствами и которой храбрые войска будут защищать свои собственные жилища. Письмо, которое вы мне привезли, не похоже на прежние письма. Император Александр не хотел понять моего письма, ни отдать справедливости той откровенности, с которою я приглашал его скорее водворить согласие между нами для обоюдных наших выгод. Он забыл Тильзит и Эрфурт и слушает внушения англичан и известия своих посольств. Вы говорите, что он искренно желает мира, но разве не важным побуждением к войне может служить его распоряжение о передвижении многих дивизий из Дунайской армии к границам Варшавского герцогства? Что вы сказали бы, если бы в настоящее время я вызвал свои войска из Испании с тем, чтобы двинуть их на север Германии? Не произвело ли бы это на вас того же самого впечатления, и не приняли ли бы вы этого с полною справедливостью за объявление войны. Скажу более: во всех возможных случаях вы делаете большую политическую ошибку. Я буду с вами рассуждать не как император Наполеон, но как ревностный слуга императора Александра, как настоящий русский должен рассуждать. Предположим, что вы твердо решились разорвать союз со мною и соединиться с Англией; в таком случае для вас необходимо было совершенно отказаться от дунайских княжеств, чтобы достигнуть следующих выгод: если бы вы

только решились на это, то ваш мир с турками был бы заключен без всяких затруднений, потому что этим вы исполнили бы их желания. Тогда вы могли бы быть совершенно спокойны с этой стороны, потому что турки, неохотно вмешиваясь в чужие распри, без сомнения, остались бы спокойными. Доказательством может служить то, что мне в продолжение четырех лет не удалось побудить их к объявлению войны англичанам. Заключив мир с турками, вы имели бы в полном распоряжении все те войска, которые против них действуют, и могли бы употребить их для большой войны. Но этим самым вы достигли бы другой важнейшей цели: поправили бы ваши отношения к Австрии; между тем при настоящем положении дел, если я не могу вполне рассчитывать на эту державу, то вы еще менее можете на нее рассчитывать с тех пор, как ей известны ваши виды на Турцию. Такое поведение с вашей стороны дает мне возможность употребить против вас все мои итальянские войска, чего я прежде никак не мог бы сделать безопасно. Если же, напротив, Россия желает поддерживать союз с Францией или, по крайней мере, не отступать от ее системы, то вы сами теряете все выгоды вашего положения оттого, что отозвали часть вашей Дунайской армии — под влиянием вашего воображаемого страха. Я вам сказал перед последним вашим отъездом, и вы сами могли в этом убедиться, что я не могу, если бы даже и хотел, начать с вами войну ранее октября месяца. В таком случае вы имели бы достаточно времени, чтобы совершить ваше завоевание, предписать мир Порте и еще двинуть ваши войска к границам герцогства, если бы я также двинул мои войска. Между тем, при теперешнем положении вы ни того, ни другого не можете достигнуть. Я сержусь на императора Александра не как французский император, но как человек, искренно ему преданный и никогда еще не встречавший человека, в котором доброта характера была бы соединена с такими любезными и очаровывающими приемами в обхождении, как в нем. Предписывая такое движение войскам, он, очевидно, действовал вопреки своим собственным выгодам. С одной стороны, вы враги Англии и Турции, потому что следуете системе Франции; с другой, не решаясь заключить мира с Турцией, вы угрожаете и возбуждаете неудовольствие Австрии в то самое время, как, выводя свои войска из Турции, вы возбуждаете тревогу во Франции, где не могут не внушать недоверия все ваши движения. Последствием всего этого было то, что вы поставили себя в дурные отношения ко всем, а Пруссию — даже в жалкое положение. Меня уже извещают, что Гарденберг являлся к Сен-Марсану для объяснения по случаю движения войск, предназначенных для данцигского гарнизона. Он говорил, что эту меру Франция оправдывает тем, что она направлена против англичан; но

она точно так же может быть направлена и против России. В таком случае, — спрашивал он, — что должна делать Пруссия, — она будет поставлена в ужасное положение. Должна ли она объявить себя на стороне Франции или России, или может остаться нейтральной? Такое положение дел может привести еще и к тому, что вы насильно заставите Пруссию броситься в руки Франции. Я, со своей стороны, уже делаю попытки к сближению с Портой и предписал Латур-Мобуру пригласить султана написать ко мне (чего он еще не сделал со вступления своего на престол) и прислать ко мне посланника, дав знать, что я приму его благосклонно. Я думаю, что император Александр заблуждается насчет моих средств и думает, что мы слабее в настоящее время, нежели действительно. Он ошибается, я сильнее его, я могу воевать с ним, не вызывая ни одного солдата из моей испанской армии, потому что я уже *не хочу более, чтобы был король* в этой стране и надеюсь также властвовать в Кадиксе, как властвую в Бордо. Я желаю мира, мои выгоды заставляют меня желать его; но если, к несчастью, продолжится такое положение дел, и мы не придем к соглашению между собою, то я даю честное слово, если только вы сами не начнете, я не сделаю на вас нападения в продолжение *четырех лет*; выжидать для меня — значит выигрывать, мой расчет сделан. Это остановит мои морские приготовления и будет стоить мне денег; но 600 миллионов, которые лежат в моих подвалах, будут мне достаточны. Употребив уже из них 100 миллионов в этом году на чрезвычайные расходы, я буду иметь к октябрю месяцу готовых 300 тысяч французских войск в моем распоряжении, не считая войск конфедерации. На следующий год, истратив 50 миллионов, я доведу их до 600 тысяч. Наконец, в несколько лет я в состоянии буду располагать 800 или 900 тысяч человек, — а тогда может ли Россия противопоставить мне такое количество! Если вы мне не верите, я готов вас сейчас же повести в боковую часть моего дворца, где хранятся деньги, чтобы вы их сочли, а в октябре месяце показать вам все мои войска, собрав их из внутренней Франции, из Италии, Неаполя, Иллирии, Голландии. Я хочу корпус Даву довести до 100 тысяч человек и устроить еще два лагеря, такой же силы, в Утрехте и Лионе. Из 144 полков семьдесят находятся у меня в Испании, а все другие в моем распоряжении, и я дал приказание в каждом из них прибавить по шестому батальону. Из семнадцати моих кирасирских полков, которые находятся в Голландии, каждый будет в 1000 лошадей. Конскрипция этого года доставит мне 120 тысяч человек, да к ним еще прибавится 40 тысяч беглецов (*réfractaires*), для ловли я отправил 15 отрядов. Мои гвардии, французская, итальянская и голландская, также многочисленны, как вам известно. Все это, соединенное вместе, составит огромное, гигантское войско, которое будет

снабжено не менее чем 800 пушек. Но несмотря на все это, я повторяю вам, мое искреннее желание состоит в том, чтобы сохранить мир, потому что даже в случае счастливой войны против вас, я уверен, что ничего не выиграю и никогда не буду в состоянии вознаградить те жертвования, которых потребует такое вооружение. Притом только я могу двигать такие огромные массы, а моя жизнь слишком дорога для моих детей и моих народов, чтобы я мог подвергать ее опасности для таких незначительных выгод».

Нельзя не заметить, что в этой длинной речи, которую Наполеон начал с жаром и, постепенно смягчаясь, заключил совершенно спокойно, он очень верно очертил международные отношения России; но что же поставило ее в такое положение, как не политика самого Наполеона? На его слова Чернышев отвечал, что русский император несколько не заблуждается ни в отношении к силам Наполеона, ни в его военных дарованиях; все, что ни делал он до сих пор, сделано единственно в видах предосторожности. Если он решился отделить часть от Дунайской армии и приблизить ее к западным границам империи, то лишь после получения верных известий о военных приготовлениях, которые делаются во Франции, и о которых сам император Наполеон теперь сообщил ему. Расположение к миру императора Александра слишком известно, чтобы можно было сколько-нибудь сомневаться в том, чтобы он отверг выслушать предложения, которые могли бы способствовать возобновлению прежних отношений между двумя империями, основанных на дружбе и доверии. Он тем более изъявит на это готовность, что та мера, к которой он вынужден был прибегнуть, лишает его средств к скорейшему окончанию войны с Турцией.

«Но, — прервал его Наполеон, — в письме вашего императора не указано никакого способа, чтобы достигнуть соглашения. Я очень рад сохранить деньги в моем кармане и, признаюсь, ожидал вашего приезда с большим нетерпением, в надежде, что он рассеет все недоразумения и позволит нам избежать огромных расходов, которых требуют наши обоюдные приготовления; однако же я теперь вижу, мой любезный (*mon cher ami*), что, несмотря на быстроту ваших поездок, письмо, которое вы мне привезли, и все ваше посольство ограничивается лишь тем, чтобы сделать мне несколько упреков. И вот мы настолько ушли вперед, насколько были и до вашего отъезда».

Когда Чернышев в ответ на это начал говорить, что цель его посольства заключалась именно в том, чтобы объяснить действия России, которым придавали совершенно ложное значение, и в то же время, конечно, выразить совершенно справедливые жалобы на поведение Франции в последнее время, — Наполеон снова его прервал, говоря: «Все это

очень хорошо, но все-таки я не могу догадаться, чего желает Россия в вознаграждение герцогу за Ольденбург».

«После этого, — писал Чернышев императору, — он взял меня за ухо — что служит признаком особенной ласки у императора Наполеона — и сказал: «Будем теперь говорить как солдаты, без дипломатической болтовни: чего желает император в вознаграждение герцогу за Ольденбург?»

«Русский император, — отвечал Чернышев, — ничего не сообщал мне о своих желаниях в этом отношении, и мне невозможно по своему усмотрению отвечать на этот вопрос».

«Но, считая это мгновение благоприятным для того, чтоб исполнить приказание, данное мне канцлером при моем отъезде, — доносил Чернышев, — я прибавил, что все, что я могу еще сообщить его величеству в этом отношении, ограничится лишь тем, что во время моего пребывания в Петербурге граф Румянцев несколько раз говорил мне, что предполагаемый общий договор с Францией, заключение которого мне поручено предложить Вашему Величеству, должен касаться и дел Ольденбурга и Польши. Так как канцлер постоянно оказывал мне расположение и доверие, то я осмелюсь, если Ваше Величество позволите, передать Вам некоторые из его слов по этому вопросу, сохраняя даже употребленные им выражения; по его словам, если бы удалось дела Польши и Ольденбурга уложить в один мешок, перемешать их там хорошенько и потом выбросить, то граф Румянцев был уверен, что союз между двумя империями мог бы укрепиться сильнее прежнего, в досаду не только англичан, но и немцев. Лишь только я это сказал, Наполеон начал большими шагами ходить по комнате в сильном волнении, с заносчивостью говоря мне: «Нет, милостивый государь, мы еще не доведены до крайности. Отдать герцогство Варшавское за Ольденбург было бы верхом безумия. Какое впечатление произвела бы на поляков уступка, хотя бы на один шаг, их земли в то время, когда Россия нам угрожает. Ежедневно мне доносят со всех сторон, что ваше намерение заключается в том, чтобы вторгнуться и занять герцогство. Ну что же, мы еще не все перемерли. Я не хочу только хвастаться своими силами, я знаю, что ваши средства велики, что ваши войска также храбры и хороши, и я слишком много давал сражений, чтобы не знать, от каких иногда случайностей зависит их успех; но хотя виды на успех будут для обеих сторон одинаковы, все же если бог побед будет за нас, то я заставляю раскаиваться Россию за эту попытку, и тогда-то она может потерять не только польские губернии, но и Крым».

Лишь только Чернышев улучил возможность выговорить слово, он поспешил заметить, что может быть он очень дурно поступил, что

передал Наполеону простое соображение канцлера, выраженное им перед человеком, которого он устаивал доверия. Притом, может быть, он и не хорошо понял мысль графа Румянцева. Успокоившись после сильного волнения, Наполеон сказал на это: «Теперь я догадываюсь; вы хотите получить взамен Данциг. Год тому назад, даже шесть месяцев только, я отдал бы его вам; но теперь, когда я питаю недоверие к России, когда она угрожает мне, как же вы хотите, чтобы я уступил вам единственную крепость, которая, в случае войны против вас, может служить точкой опоры для всех моих действий на Висле. Поэтому вы хотите, чтобы я добровольно перенес черту моих действий на Одер, если бы меня вызвали на военные действия».

«Хотя, по моему личному соображению, Данциг мог бы служить лучшим вознаграждением за потерю Ольденбурга, нежели Эрфурт, — отвечал Чернышев, — но мне решительно неизвестны взгляды моего государя на этот вопрос».

«Наполеон отвечал мне на это, — доносит Чернышев императору, — с тем видом откровенности и благодушия, который так знаком Вашему Величеству: «Скажите мне откровенно, неужели император Александр и граф Румянцеv действительно полагают, что восстановление Польши входит в мои виды?» Я отвечал, что не знаю положительно, предполагают ли они такое намерение с Вашей стороны; но все, что делается в герцогстве Варшавском со времени войны 1806 года, без сомнения, должно их беспокоить». Взяв меня снова за ухо, он сказал, что непременно хочет знать, что именно я об этом думаю. На это я отвечал, что я слишком молод и неопытен, чтобы иметь свое в этом случае мнение; притом я обязан смотреть на вещи глазами моего государя. Принуждая меня отвечать, Наполеон забавлялся тем, что все сильнее и сильнее дергал меня за ухо, уверяя, что он не перестанет до тех пор, пока я не отвечу на его вопрос. Эта шутка уже становилась неприятна, потому что мне было уже больно, и я решился ему сказать: «Если уже Ваше Величество желаете непременно знать мое мнение, то я выразил бы его Вам, если бы мог знать, так: считаете ли Вы для себя выгодным исполнение такого предположения, или нет? Если считаете выгодным, то я был бы уверен, что Вы имеете его в виду, несмотря на Ваш союз с Россией, и что Вы будете стремиться восстановить Польшу, лишь только освободитесь от других войн». Наполеон отвечал, что он не понимает, как можно так настоятельно приписывать ему такое намерение. Это даже неблагоразумно, потому что, постоянно повторяя эту мысль, можно в самом деле дать повод испробовать, нельзя ли действительно привести ее в исполнение в том случае, если нельзя найти средств, чтобы успокоить Россию. «Я убежден, — говорил он, — что

всякий русский, который заподозрил бы, что я имею такое намерение, и, следовательно, хочу отторгнуть от его отечества до шести миллионов жителей и несколько лучших губерний, смотрел бы на меня как на величайшего врага своего отечества, и, следовательно, готов был бы драться со мною насмерть. Посудите же сами, могу ли я желать подобной войны?» На это я возразил, что не я начал разговор об этом предмете, а вынужден был принудительными средствами, употребляемыми Его Величеством, высказать мое личное мнение».

— А сколько вам лет? — улыбаясь, спросил его Наполеон.

— Двадцать пять лет, государь, — отвечал Чернышев.

— Каково, как рано вы начинаете свою деятельность! (*j'aime cela, vous faites votre noviciat bien jeune*) и начал подшучивать над молодым человеком.

Наконец, он вдруг замолчал и через несколько времени отрывисто спросил: «Скажите же мне, сделайте милость, хотят у вас мира или войны?» Чернышеву в ответ на этот вопрос пришлось снова повторять то, что он уже несколько раз выражал в продолжение этого свидания о миролюбивом настроении русского императора. «Однако, — заметил Наполеон, — император Александр, очень недавно, разговаривая со шведским посланником о политике, сказал, что в случае войны он будет иметь то преимущество надо мною, что может не опасаться за свой тыл, между тем как за мною будет Германия, что заставит меня опасаться за мой тыл ввиду враждебного ее ко мне настроения. Такие речи доказывают, что император замышляет действовать против меня со стороны Германии, и вовсе не свидетельствуют о миролюбивом его настроении».

Чернышев отвечал, что такого рода известия обыкновенно изменяют и даже искажают то, что действительно говорилось: по крайней мере, он уверен, что это так произошло в данном случае.

«Теперь, — отвечал Наполеон, — я выражу мое окончательное мнение. Вот оно: меня уверяют, что император Александр желает мира, того же хочет и император Наполеон; граф Румянцев желает мира, точно таково же, без сомнения, желание Шампаньи; но это не препятствует, однако же, беспокойствам и опасениям, что начнется война. Впрочем, если правда то, что вы сообщаете мне о миролюбивом расположении императора Александра, то для обоих государств будет выгодно как можно скорее прийти к соглашению. Я со своей стороны возобновляю предложение об Эрфурте для герцога Ольденбургского, взяв назад все имения, которые я уже раздал в этом герцогстве, и прибавлю к нему все, что будет нужно для полного вознаграждения герцога. Что касается Польши, то можете быть уверены, что я желаю только сохранить герцогство Варшавское в тех границах, в которых оно теперь находит-

ся, но вовсе не хочу сделать из него великую державу, с которою мне пришлось бы вести переговоры и заключать трактаты. Если потребуется, то я снова готов подписать соглашение, о котором у нас уже были ведены переговоры. Какие будут нужны обеспечения для вашего спокойствия в этом отношении, я всегда готов их предоставить, лишь бы только они не затрагивали мою честь. Одно, чего я требую, — это чтобы вы отказались от обычая жечь товары, и тогда я предложу взаимное разоружение (*de désarmer simultanément*)».

Спросив Чернышева, не имеет ли он чего-либо сообщить ему от имени русского императора по этим предметам, и получив отрицательный ответ, Наполеон поручил ему письменно передать императору весь изложенный разговор; но в то же время поручил заметить, что как привезенное им письмо, так и словесные его сообщения нисколько не изменяют положения дел и не позволяют ему приостановить своих приготовлений. «Я буду готовиться по-прежнему, — сказал он, — и прошу императора поспешить присылкою князю Куракину полномочий или назначить другое лицо по своему выбору для переговоров, чтобы скорее положить конец тем недоразумениям и недоверию, которые существуют между двумя империями, и избавить от издержек, отяготительных для них и бесполезных».

Ласково простившись с Чернышевым после разговора, продолжавшегося четыре с половиною часа, Наполеон заявил, что скоро призовет его опять на свидание.

Если письмо императора Александра и сведения, сообщенные Чернышевым, ни на шаг не подвинули наших соглашений с Францией, то чего же требовал от России император Наполеон? Конечно, не того, о чем говорил, а того, о чем счел нужным умолчать.

Если, хвастаясь перед молодым русским офицером и, быть может, желая запугать его, он преувеличивал свои военные средства, то во всяком случае они были так велики, что значительно превышали средства России. При таком отношении войск обеих империй, без сомнения, не могло в глазах Наполеона иметь большого значения передвижение пяти дивизий из Дунайской армии и нескольких тысяч из Финляндии к западным границам империи. Еще менее могли его тревожить те укрепления, которые возводились в России на дальнем расстоянии от границ, а потому, очевидно, лишь с оборонительными видами. Вопрос об Ольденбурге не разрывал союза России с Францией, как было заявлено императором Александром в самом протесте; следовательно, он не угрожал войной и мог быть предметом мирных переговоров и соглашений. Постановление о том, чтобы сжигать ввезенные незаконно в Россию, запрещенные к ввозу в нее, иностранные товары, относилось не к

Франции или какому-нибудь иному государству, а к тем лицам, которые прибегая к обману нарушали ее постановления. Казался ли императору французов варварским этот способ наказания? Но он сам жег все ввозимые товары в Европу, считая их английскими, и притом очень хорошо понимал, что это обстоятельство легко могло быть устранено, и русское правительство не стало бы поддерживать старинного постановления, как и доказало это, немедленно предложив заключить новый торговый договор с Францией.

Все это, конечно, были простые придирки; но был существенный вопрос, о котором умолчал император Наполеон, хотя письмо его союзника давало ему повод остановиться именно на этом вопросе. Самый тариф и частные, заключающиеся в нем предписания, как мы уже заметили, были простым приложением к постановлениям о нейтральной торговле, и в письме императора Александра прямо сказано, что эти постановления изданы в виде облегчения упомянутой торговли, производившейся преимущественно под американским флагом. Мнение русского императора, последствием которого и было это постановление, было давно известно Наполеону. Вопрос о нейтральной торговле составлял один из главных предметов переговоров его посланника в Петербурге, и Коленкур подробно передавал ему взгляды на него нашего правительства.

Наполеон должен был умолчать об этом вопросе именно потому, что на него уже положительно отвечала Россия. Если бы он согласился с этим ответом, то есть допустил бы нейтральную торговлю хотя бы в одной России, то это противоречило бы принятым им повсюду мерам против этой торговли и подрывало бы его систему континентальной блокады. Если бы он отверг ответ России, то разорвал бы союз с нею и объявил бы войну. В этом смысле вопрос и был им решен: он считал войну неизбежною и готовился к ней со свойственною ему деятельностью. Но Наполеон тщательно скрывал свое решение и желал отсрочить начало этой войны, опасаясь немедленных действий со стороны России, которые, без сомнения, заключались бы в занятии герцогства Варшавского и восточной Пруссии, что повлекло бы за собою союз России с Пруссией, а может быть, и с Австриею. Поэтому он старался вовлечь Россию в новые переговоры и обмануть уверениями и даже клятвами, что он лично питает самые миролюбивые чувства к ней и искреннюю дружбу к ее государю, вовсе не желает войны и не будет ее начинщиком.

Что же вынуждало Наполеона медлить в исполнении уже принятого решения? Все распоряжения к войне с Россией были им уже сделаны в январе месяце 1811 года; он не скрывал своего нерасположения к

ней и выражал его при каждом случае, с особенною же резкостью в речи, обращенной к депутации от торговых палат. В Париже носился уже говор во всех слоях общества о скорой войне с Россией, на театральных представлениях уже глумились над нею и в периодической печати, в которой принимал участие сам Наполеон и его министерство полиции, появились оскорбительные на ее счет и угрожающие статьи. Министр полиции Савари, герцог Ровиго, встретив в обществе старшего секретаря нашего посольства графа Нессельроде подшучивал над Чернышевым, говоря: «Пора ему перестать писать дипломатические депеши, это дело посольств; пусть себе пляшет и веселится, сколько хочет».

Но в начале апреля месяца все замолкло, не потому что изменилось настроение императора Наполеона относительно России, но потому, что он счел нужным сдержать его в это время. Плохое положение дел в Испании было тому причиною. Отступление маршала Массены, неудачи Виктора при Кадиксе, несколько проигранных сражений, потеря Баядоза и вообще бедственное положение французских войск, голод солдат, ссоры начальников и постоянное усиление народной войны убедили, наконец, Наполеона в необходимости усилить войска в Испании. Но, усиливая их, он должен был ослаблять те, которые приготовил для войны с Россией. Ему нужно было собрать новые силы и потому отсрочить войну с нами. «Печальные известия о положении дел в Испании и Португалии, — писал Чернышев императору Александру, — послужили поводом к тому, что император изменил свой образ действий в отношении к России. Уверяют, что эта перемена произошла в нем так быстро, что поразила всех. Ее последствием было немедленное отправление в Петербург Лористона, между тем как прежде было предположено дожидаться известий из России и потом уже решить вопрос, следует ли его отправить или нет. Я уже имел счастье, во время моего пребывания в Петербурге, выразить Вашему Величеству мнение, что император Наполеон желает только выиграть время. Настоящие обстоятельства не только не опровергают этого, но, напротив, подкрепляют его справедливость. Самым убедительным доказательством может служить тот почет и предупредительность во всевозможных случаях, которые мне оказывают. Я довольно знаком с нравами тюильрийского дворца и знаю, что там ничего не делается без намерения, и каждый оттенок внимания непременно имеет значение». Действительно, любезности императора французов, повелителя всей Европы в то время, оказанные молодому русскому офицеру гвардии, должны были удивить всех. Через два дня после описанного свидания (14-го апреля), принимая дипломатический корпус, Наполеон, рассчитывавший на этих приемах каждое свое слово, каждый шаг, которые

ловили и замечали дипломаты всех держав с тем, чтобы немедленно описать их своим правительствам, — два раза подходил к Чернышеву и говорил ему любезности. После приема русский офицер обедал со всем дипломатическим корпусом за гофмаршалским столом. На другой день его пригласил на обед герцог Кадорский, а в его отсутствие, по случаю этого обеда, к нему два раза приезжал сам гофмаршал Дюрок, герцог Фриульский, чтобы по поручению Наполеона пригласить его на другой день на императорскую охоту в Сен-Жерменский лес и для переговоров с ним. Подобных приглашений, служивших признаком особенного благоволения, удостоивались немногие почетные лица.

Приехав в назначенное для сбора место, Чернышев нашел уже там герцога Фриульского, который ему объявил, что император, полагая, что при свидании с ним не дал ему возможности выразить все, что он имел ему сообщить, поручил ему продолжать с ним беседу. Чернышев отвечал, что он ничего не имеет сообщить более и повторил ему с некоторою подробностью то же самое, что говорил и императору Наполеону. «Герцог Фриульский, — доносил потом Чернышев Александру, — должен был признать справедливыми все мои соображения и не представил никаких против них опровержений». Желая оправдать лишь действия императора в отношении к герцогу Ольденбургскому, он заметил, что это герцогство входит в состав Рейнского союза, а потому император Наполеон мог распорядиться им по своему усмотрению. «Это вовсе не дает права на подобные действия, которые русский император иначе объяснить не может, как умышленным желанием его оскорбить, — отвечал я. — В составе Германской империи находились владения прусские и английские, на которые, однако же, никогда никто не покушался. Ганновер был завоеван Францией только после объявления войны Англии». Обещая передать императору все, что слышал от Чернышева, Дюрок просил его, со своей стороны, написать к императору Александру и убедить его немедленно войти в переговоры, чтобы достигнуть соглашений и избавить обе империи от огромных расходов. «Если его величество император, — отвечал Чернышев, — желает скорого соглашения с Россией, то я прошу вас предложить ему, чтобы он определил, что он готов для нас сделать. Тогда его предложение с первым же курьером я доведу до сведения моего государя, и, вероятно, его окончательный ответ не заставит себя долго ждать».

«Герцогу Фриульскому, — писал Чернышев государю, — кажется, понравилось мое предложение, и он обещал довести его до сведения императора Наполеона. Затем он сказал мне, что по приказанию императора он имеет сообщить мне нечто, лично до меня касающееся. «Его величество, — сказал он, — с гневом и негодованием прочел статью

Официальной газеты (*Journal de l'Empire*), направленную против вас. В справедливом негодовании он сделал выговор герцогу Ровиго, велел выгнать со службы при министерстве полиции Эменора, сочинителя этой статьи, и на три месяца уволить от издания редактора журнала. Император полагает, что вы будете этим удовлетворены». Я отвечал, что лично подобный поступок не мог меня оскорбить; но он поразил меня потому, что я ношу звание флигель-адъютанта русского императора».

В это время известили о прибытии на охоту императора Наполеона, и Чернышев был приглашен, в числе немногих лиц, разделить приготовленный для него завтрак. Заметив, что Чернышев был бледен, он с участием спрашивал его о здоровье и вообще часто обращался к нему в общем разговоре. Во время охоты, при первой остановке, зная, что Чернышев находился в его свите, но как будто его не замечая, он громко благодарил окружавших его лиц за удовольствие, которое они доставили ему устройством этой охоты и особенно тем, что приготовили для него лошадей, подаренных ему русским императором. Потом, как будто только теперь заметив Чернышева, Наполеон спросил его о том, какое употребление сделал император Александр из тех лошадей, которые он ему подарил и, услышав, что они находятся на императорском конном заводе, сказал, что ему приятнее было бы, если бы император Александр ездил на них, потому что они напоминали бы ему о прежнем их владельце.

Когда вновь последовала остановка на охоте, император Наполеон подошел к Чернышеву, говоря: «Герцогство Варшавское страшно вас боится, так же как боялась Бавария в 1809 году». Чернышев разговаривал в это время с баварским генералом Вреде, который отошел в сторону, услышав эти слова. Наполеон продолжал: «По просьбе поляков я позволил им удалить артиллерию от пограничных городов и вывезти архивы; меня извещают, что на границах герцогства уже собрано до 150 тысяч войск и постоянно приходят новые». Повторив затем все то же, что и прежде говорил Чернышеву, он прибавил однако же, что «по всем доходящим до него сведениям он не мог открыть ни малейших следов наших соглашений или сношений с Англией, и что это обстоятельство еще дает ему надежду достигнуть соглашений с Россией».

На другой день герцог Фриульский в третий раз посетил Чернышева, чтобы узнать, по поручению императора, который заметил, что он не совсем был здоров, не сделала ли ему вреда продолжительная езда верхом на охоте после его трудного путешествия. При этом он вновь вступил в переговоры и настаивал, чтобы Чернышев заявил, в чем заключаются требования императора Александра, и что, не имея их в виду, император Наполеон не может приступить к переговорам.

Одним словом, лаская и ухаживая всеми способами даже за молодым русским офицером и ставя вопрос о сношениях с Россиею в такое положение, что не только новые переговоры не могли подвигаться вперед к соглашению, но даже и начаться, Наполеон, очевидно, только желал протянуть время. «Вопрос заключался лишь в том, которой из двух держав это может быть выгоднее», — справедливо заметил в одном из своих донесений Чернышев, прибавив, что, при таком положении дел, «нам предстояло выбрать один из трех планов действия: 1) Немедленно и во что бы то ни стало заключить мир с турками, соединить все собранные нами силы и двинуть их вперед с возможною быстротою, чтобы воспользоваться тем обстоятельством, что войска Наполеона находятся еще в дальнем расстоянии. Это помогло бы нам достигнуть важных целей: присоединить к себе силы Пруссии, поднять дух народов, угнетенных Наполеоном и втайне сочувствующих нам, и сосредоточить наши военные действия на кратчайшей линии, упирающей с одной стороны в море, с другой — на нейтральное государство (то есть Австрию). 2) Воспользоваться мыслью Наполеона о переговорах, требовать Данцига взамен Ольденбурга, очищения трех прусских крепостей и тех обеспечений в отношении к Польше, которые он сам вызывается дать. Но эти переговоры следует вести с твердостью и не поддаваться задержкам и отсрочкам. В противном случае следует немедленно приступить к приведению в исполнение первого предложения. 3) Начать переговоры, казаться даже сговорчивыми, не щадя уверений и всевозможных действий, которые могли бы успокоить Наполеона на наш счет, согласиться на единовременное разоружение, отодвинуть даже несколько наши войска, однако не слишком их удаляя от границ, заставить его направить свои силы на Испанию, и когда там разгорится дело, воспользоваться им, чтобы сделать диверсию»*.

Последний проект показывал, что Чернышев хорошо изучил политику Наполеона и советовал подражать ему: Наполеон желал мирными уверениями успокоить Россию, поджигая в то же время войну с турками и приготавливаясь напасть на нас врасплох.

В то время как Наполеон играл с молодым русским офицером, осыпая его ласками и всевозможными любезностями, поддерживая и усиливая такие однако же отношения к России, которые не могли привести ни к каким соглашениям, его новый министр иностранных дел Маре, герцог Бассано, вел ту же самую игру с престарелым нашим посланником.

Чернышев вместе с письмом императора Александра к Наполеону привез и депеши графа Румянцева к князю Куракину. Русский кабинет

*Письмо Чернышева к императору от 9/21 апреля 1811 г. из Парижа.

изъявил согласие, чтобы он вошел в переговоры с французским по двум вопросам: по вознаграждению герцога Ольденбургского и в отношении к тарифу. По первому вопросу ему поручалось просить французское правительство указать, чем намерено оно вознаградить герцога соответственно отобранному от него его владению, по второму — предложить заключение нового торгового договора между Россией и Францией, которым и могли бы быть изменены правила тарифа, возбудившие пререкания со стороны Франции.

Получив эти сообщения, князь Куракин немедленно передал их герцогу Кадорскому и просил доложить императору Наполеону, а через два дня обещал приехать к нему, чтобы выслушать ответ. Действительно, он приехал через два дня и выслушал следующий ответ: «Я немедленно отдал отчет о нашем последнем свидании императору, моему повелителю, — сказал ему герцог Кадорский, — но его величеству не угодно было дать мне никаких приказаний в отношении к тому, что я должен вам отвечать. В самом деле, какой же мы можем дать ответ? Вам не предписывают ничего положительного, вам не дают никаких полномочий. Протестовали против присоединения герцогства Ольденбургского, предъявили этот протест всем европейским дворам! Что же отвечать на это? Император может окончить это дело наиболее приятным образом для вашего государя. Поэтому теперь вашему государю остается только объявить — чего он желает. Вы говорили, что по этому делу нужна особая негоция, в которой должны принять участие и некоторые другие державы, именно датский король. Император и на это согласен. Укажите, как должны быть устроены эти переговоры. Мы у вас ничего не просим, мы желаем дружбы с вами».

«Нет, вы просите, — отвечал князь Куракин, — но того, что уже вы наперед захватили; что же касается до дружбы, то чувства моего императора достаточно известны, и вы не можете в них сомневаться. Говорили ли вы императору об объяснениях насчет тарифа?»

«Да, я передал ему все ваши сообщения по этому предмету, — отвечал герцог Кадорский, — но и в отношении к этому вопросу не могу дать вам никакого ответа».

«Но в депеше канцлера предлагается заключить новый торговый договор, — отвечал наш посланник, — кажется, это дело важное и стоит ответа»*.

В видах Наполеона это было бы очень важно, если бы повело к закрытию нейтральной торговли в России; но он знал очень хорошо, что и новый договор не поведет к таким последствиям. Что же касается до

*Депеша князя Куракина от 4/16 апреля 1811 года из Парижа.

изменения некоторых правил тарифа, то они не оставляли для него ничего существенного, а служили только поводом к придиркам, которые, конечно, он и не желал устранить.

Вскоре после этого разговора князь Куракин получил известие о смене Шампаньи и назначении на его место Маре, герцога Бассано, и вслед за тем письмо от самого нового министра иностранных дел, в котором последний, извещая о своем назначении, уверял, что одною из целей его деятельности будет как можно теснее скрепить союз Франции с Россией*.

На другой день князь Куракин посетил герцога Бассано и встретил самый любезный прием. Новый министр распространился о необходимости и пользе для Франции находиться в союзе с Россией, уверял, что он был постоянным защитником этого союза, и что поэтому он даже и получил новое назначение, заняв место герцога Кадорского, который не был расположен к России.

«Вам предстоит случай доказать на деле это расположение, — заметил ему князь Куракин, — испросив мне положительный ответ императора Наполеона на предложения, выраженные в депешах канцлера, ответ, которого я тщетно добивался получить через вашего предшественника».

Маре обещал познакомиться с этими депешами и немедленно доложить о них императору. Действительно, на другой же день он сообщил нашему посланнику, что император Наполеон был чрезвычайно удивлен, когда герцог доложил ему как содержание своего разговора с князем Куракиным, так и предложения, выраженные в депешах канцлера графа Румянцева. Герцог Кадорский, по словам герцога Бассано, представил столь поверхностный доклад императору о разговоре своем с князем Куракиным и о содержании депеш, что император, казалось, вовсе и не знал о том.

Свалив таким образом вину на отставленного от должности министра, герцог Бассано объявил, что император Наполеон «с удовольствием узнал, что его августейший друг и союзник хочет начать переговоры о герцогстве Ольденбургском и о тарифе, и очень рад пригласить к участию датского короля». Но как князь Куракин заметил на это, что теперь Франции следует только объяснить, чем она намерена вознаградить герцога за потерю его владения, герцог Бассано отвечал, что этого сделать нельзя. Император Наполеон поставлен в затруднительное состояние (*il éprouve une sorte de pudeur*): «Жалобы, заявленные Россией по случаю этого вопроса всем европейским дворам, мешают ему первому делать предложения; известия о них, получаемые отовсюду,

*Письмо герцога Бассано к князю Куракину от 18-го апреля 1811 г. н. ст. Ответ в тот же день. Депеша Куракина графу Румянцеву от 6/18 апреля.

весьма ему неприятны, хотя и не изменяют его чувства дружбы к императору Александру. Чтобы уничтожить скорее это неприятное впечатление, он решился считать эти жалобы (то есть протест) как бы не существующими, не желая, чтобы в его душе находило себе место хотя что-нибудь, могущее не согласоваться с чувствами дружбы и расположения к русскому императору. Император перестал даже придавать значение тем статьям тарифа, которые первоначально возбуждали его негодование».

Несмотря на мирные уверения, герцог Бассано несколько раз упоминал князю Куракину об огромных будто бы военных приготовлениях России, которые не могут не озабочивать Францию. По Парижу начали ходить в это время преувеличенные слухи об огромном собрании русских войск на самых границах герцогства Варшавского и о намерении России немедленно занять это герцогство. Разглашали эти слухи поляки, а источником их был князь Понятовский, военный министр и главнокомандующий войсками герцогства, который приехал в это время в Париж поздравить Наполеона с рождением сына, короля Римского, по поручению саксонского короля как герцога Варшавского.

Желая отсрочить войну с Россией, французское правительство, конечно, опасалось наступательных действий с ее стороны, и чтобы отклонить ее от этого намерения, усилило свои уверения в миролюбивых расположениях к России, а в то же время желало поугатать ее своими военными приготовлениями. Так действовал герцог Бассано в отношении к нашему посланнику; точно так же действовал и сам император Наполеон.

Князь Куракин получил в это время собственноручное письмо императора Александра к Наполеону, с поздравлением по случаю рождения короля Римского. Наш посланник просил свидания для личного доставления этого письма Наполеону, и немедленно был приглашен в Сен-Клу, 25-го апреля, в день, когда назначена была большая охота в Сен-Жерменском лесу. Если и хотел император Наполеон подшутить над нашим посланником и помучить старого подагрика, как помучил молодого офицера, только что прискакавшего на почтовых от Копенгагена до Парижа, то дождливая погода, помешавшая охоте выручила его из беды. Но предстояла еще другая. Приняв письмо императора, благосклонно выслушав привет и поздравление от его лица, выраженные князем Куракиным, и ответив на них самым любезным образом, Наполеон вдруг «по своему обыкновению, — как доносил потом князь Куракин, — начал ходить по комнате, и эта прогулка, бывшая первою пробой для моих больных ног, облаченных в бархатные сапоги, и которую я перенес благополучно, продолжалась около двух часов — во

все время разговора». Император Наполеон, также по обыкновению, когда он был чем-либо озабочен, проговорил длинную речь, не давая отвечать или почти не обращая внимания на ответы. «Император Александр, — говорил он Куракину, — не любит уже меня, как прежде; он окружен злонамеренными людьми, которые постарались возбудить в его сердце подозрение и недоверие ко мне. Никогда я не желал воевать с ним и не мог этого желать; его войска храбры, эта война не имела бы для меня никакой цели, она была бы для меня невыгодна. Но я не скрою от вас, что вооружаюсь и должен это делать. Ваши постоянные вооружения, в которых однако же не сознаются и которые у вас окружают глубокою тайною, убеждают меня в их действительности. Из Стокгольма мне пишут, что из Финляндии вывели три дивизии и двинули их к границам Варшавского герцогства; из Бухареста и Константинополя мне сообщают, что пять дивизий вашей армии оставили Дунай, чтобы двинуться туда же».

«Хотя мне не пишут об этих передвижениях войск и я ничего о них не знаю, — прервал его князь Куракин, — но считаю долгом повторить Вашему Величеству то же, что говорил герцогу Кадорскому и герцогу Бассано, что эти распоряжения находятся наверное в связи с внутренним устройством нашего военного министерства, а вовсе не делаются в видах войны».

«Положим так, — с живостью возразил Наполеон, — положим, что ваше мнение справедливо, то зачем же этого не говорят? Это был бы по крайней мере ответ, которым я мог бы удовольствоваться и не имел бы повода жаловаться, как жалуюсь теперь на это таинственное молчание, которого держатся у вас в отношении ко мне по этому предмету. Вместо того, когда герцог Виченцкий, как мне известно из последних его донесений, завел об этом речь с графом Румянцевым, канцлер начал отвергать дело явное и всем известное. Когда, с одной стороны, я вижу такую скрытность, а с другой — что без всякой нужды отзывают большую часть войск, предназначенных для войны с турками, и которая, продолжая усилия и одерживая победы как в прошлом году, непременно окончила бы ее в это лето с выгодой для вас, — как вы хотите, чтобы я оставался равнодушным и не видал бы в этом намерений, прямо направленных против меня?»

Князь Куракин снова прервал императора Наполеона и начал повторять, что миролюбивые намерения императора Александра не могут быть подвергнуты сомнению и все принимаемые им военные приготовления составляют простые меры предосторожности.

«Позвольте, князь, теперь, когда Вы входите ко мне со шлемом на голове, ваши миролюбивые уверения не могут произвести на меня то-

го впечатления, которое они произвели бы, если бы Вы вошли с белою тростью в руке».

«Но я могу Вас уверить, что голова моя не покрыта шлемом, и — в руке моей трость белая, а потому уверяю Ваше Величество в мирных расположениях моего государя», — отвечал наш посланник.

«Ах, князь, — воскликнул Наполеон, — по всему, что вы говорите, я узнаю, что вам вовсе неизвестны тайные виды вашего кабинета. Вы повторяете то, что вам пишут, вы выражаете ваши собственные мнения и не знаете тех решений, которые приняты в Петербурге, потому что иначе не могли бы действовать так, как теперь действуют. Как можно приписывать мне такие намерения, которых я никогда не имел и не имею, как можно верить в призраки, не имеющие никакого основания, так как те слухи, которые могли вас побудить к мысли, что вам угрожает какая-то опасность, не более как призраки (*des fantômes*). Вы мне угрожаете, но я никогда не пугался угроз. Я располагаю такими силами, что могу их не бояться. Не угрозами можно заставить меня сделать то, чего хотят. Вы хотите войны, а я не хочу ее. Но пусть будет так: мы будем драться, мы довершим разорение Европы, прольем много крови, снова заставим страдать человечество и — что же мы выиграем, тот или другой? Ровно ничего, мы только истощим один другого. Я не скрыл от вас, что я вооружаюсь: ваши вооружения вынуждают меня продолжать мои. Необходимо, чтобы я держался в уровень с вами и со своей стороны делал то же, что вы делаете. Ваши вооружения стоят мне уже 100 миллионов, которые я должен был употребить на свои, отклоняя их от того назначения, для которого они были определены; вы препятствуете мне заключить мир с Англией, вы заставляете меня ослабить усилия для того, чтобы подавить возмущение в Испании, вы вынуждаете меня возлагать на мою страну новые тягости. Одного принятого вами положения достаточно, чтобы связать меня во всех моих действиях. Когда такая великая держава, как Россия, восстает на вас, то естественно она отвлекает вас от всех прочих дел, которые у вас на руках. Император Александр не любит меня более. Он забывает, чем он мне обязан, он не хочет знать, что через десять дней после Фридландского сражения я мог быть в Вильне, что я мог восстановить польское королевство, чего вы так напрасно боитесь, но чего я не хотел тогда, да и никогда впоследствии. Будем говорить прямо: вы хотите завладеть герцогством Варшавским, хотите в него вторгнуться».

Князь Куракин прервал поток его речи замечанием о своем совершенном недоумении, из какого источника могут происходить подобные предположения, которые никогда, по его убеждению, и не входили в виды русского императора.

«Как бы вы ни усиливались, князь, разубедить меня, — продолжал Наполеон, — я остаюсь при моем мнении и повторяю, что вам совершенно неизвестны намерения вашего кабинета. Все, что у вас ни делается, клонится именно к этой цели. Но теперь моя честь уже требует, чтобы я поддержал целость этого государства, которое состоит под моим покровительством. В этом замешана моя честь, и я не могу потерпеть, чтобы отняли у этого государства хотя бы одну пядь земли. Отчего император Александр не принял первого плана, который я предлагал ему в Тильзите? Тогда он избавил бы себя от тех беспокойств, которые причиняет ему теперь Варшавское герцогство. Почему в 1809 году так медленно двигалось и действовало русское войско? Если бы оно поспешило занять Галицию, что и должно было сделать, Галиция осталась бы за вами. Не моя вина, что вы сами этого не хотели, и несмотря на то, статью военного договора я выговорил вам от Австрии один округ Галиции с народонаселением в 400 тысяч человек. У вас не могут не знать, что австрийский император для того, чтобы сохранить целость своих немецких областей, предлагал мне уступить обе Галиции, и что в это время, если бы я только хотел, я также мог восстановить польское королевство. Для чего император Александр, чтобы совершенно успокоиться насчет своих новых подданных, прежде бывших поляков, и насчет мнимого восстановления Польши, не хотел заключить касательно нее конвенцию, в которой мы уже условились, согласясь исправить по моему предложению лишь некоторые выражения в первой ее статье? Граф Румянцев заставил его принять эту статью, изложенную в таких выражениях, что она возлагала на меня обязанности, превышающие человеческие силы, и на что я, конечно, не мог согласиться. После того вы не заводи и речи об этой конвенции, и она предана забвению, несмотря на то, что вы могли ожидать от нее весьма выгодных и приятных последствий. Почему император Александр не поручил вам заключить ее со мною, зачем он не присылает вам полномочий? Мы согласились бы, и она давно была бы заключена. Мне вы угрожаете теперь уже на деле; но я сказал вам, что я не привык бояться угроз, не ими можно меня поколебать. Вы хотите герцогства Варшавского, вы хотите Данцига, — я знаю, что вы их хотите. Вы отыскиваете только пустые предлоги, чтобы начать войну в надежде, что посредством войны вы достигнете своих целей; но если император Александр, подчиняясь коварным советам, уже непременно хочет воевать, я вам повторяю — я готов на войну; я вооружаюсь — я вам это сказал, — и вооружусь еще более; лишь только получу известия о враждебном движении ваших войск, сяду на коня, — воевать мне не учиться; войною, моими кампаниями, моими победами, я сделался тем, что я теперь. Что выиг-

рает император Александр, вступив в борьбу со мною? Мы только причиним бедствия нашим странам. Ваши войска храбры, я могу потерпеть неудачи; но если счастье будет на моей стороне, то Россия очень будет раскаиваться, что необдуманно предприняла войну, для которой я не подал никакого повода. Поистине, я не могу понять вашего ослепления; по-видимому, не хотят и подумать о случайностях будущего, и эта новая система, которую принимают у вас, как кажется, решились следовать, для меня необъяснима! Я, по крайней мере, не понимаю ее. Разве только император Александр решился предпочесть союз с Англией союзу со мною».

На замечание князя Куракина, что ему особенно поручено уверить Наполеона в искреннем желании императора Александра не разрывать союза с Францией и в том, что мы не имеем никаких сношений с Англией, он отвечал, продолжая свою речь:

«Хорошо, я готов этому верить, потому что не имею известий о противном; но из этого еще нельзя заключить, чтобы эта мысль не существовала и чтобы не могли думать о ее осуществлении. Но, во всяком случае, вы оказываете большие услуги англичанам уже тем, что принуждаете меня ограничивать те меры, которые я должен предпринять против них, давая им повод предвидеть возможность вашего разрыва со мною, и следовательно, сближения с ними, что будет необходимым последствием этого разрыва. Сказав вам, что я вооружаюсь и что вы принуждаете меня к этому вопреки моему желанию, я должен вам сказать, что теперь я готов принять нападение. Данциг и крепости на Одере, которые в моих руках, уже приведены в положение, готовое для защиты. Я вам признаюсь: я поручал герцогу Кадорскому сообщить вам, что я усиливаю гарнизон и укрепления Данцига будто бы против англичан; но это был только предлог, истинною причиною были вы, от вашего нападения старался я обеспечить Данциг. Я предписал войскам герцогства Варшавского очистить его при малейшем движении ваших войск и сосредоточиться около Данцига и одерских крепостей; я приказал саксонским войскам расположиться лагерем и быть готовыми в случае нужды оказать помощь войскам Варшавского герцогства. Если вы вступите в область Рейнского союза*, то берегитесь

**Рейнский союз* — объединение ряда государств под протекторатом Наполеона I, созданное в соответствии с договором, подписанным 12 июля 1806 в Париже, между Францией и 16 государствами Западной и Южной Германии (Бавария, Вюртемберг, Баден, Дармштадт, Нассау, Гогенцоллерн, Лихтенштейн и др.). В основе союза лежали безусловная покорность Франции во внешней политике и военных делах и увеличение власти владетельных германских государей над подданными в делах внутреннего управления. Государя превратились в вассалов Наполеона, обязавшись держать для него наготове

(gare à vous). Не заблуждайтесь насчет моих сил, вас обманывают ложные слухи, будто они поглощены испанской войною. Я выступлю против вас с 400 тысячами человек, соберу их еще более, если будет нужно. Я употреблю против вас такие силы, как до Тильзитского мира. Состояние ослепления, в котором у вас находятся, точно такое же, в каком находилась Пруссия до Иенского сражения. Не могу этому не удивляться. Вы угрожаете мне! Этот окружный протест по ольденбургскому делу, который вы разослали по всем европейским дворам, был угрозой против меня. Он доказывает, как мало дружбы сохранил ко мне император Александр. Когда делают такого рода протесты, то значит бросают перчатку, говорят, что хотят вести войну за то дело, которое послужило поводом к протесту. Но стоит ли того Ольденбургское герцогство, чтобы из-за него перессорились две великие империи и вступили в войну между собою? Берега Ольденбурга способствовали английской контрабанде, я должен был их присоединить к моей империи вместе с ганзейскими городами, следуя принятой мною системе против морской войны и для избежания войны на континенте, которую считаю великим бедствием. Что же, если император Александр непременно желает, то я вновь водворю герцога в его владениях, но он будет подавлен французскими войсками и таможнями и будет служить постоянным поводом к раздору между Россией и Францией, чего я именно хотел избежать. Не нравится Эрфурт — пусть скажут, чего хотят, пусть начнут переговоры, поручат их вам; но вам не дают полномочий. Таким образом нельзя достигнуть соглашений и кончить дела, которые так легко окончить. Неужели мы будем оставаться пять-шесть лет во всеоружии, постоянно держать в беспокойстве друг друга и без нужды истощать наши силы и финансы? Я совершенно иначе поступил по случаю вашего протеста; он меня оскорбляет, он меня огорчает, я не ожидал его от моего друга и союзника; он должен служить мне угрозой; и несмотря на то, я не отвечаю на него, я храню о нем совершенное молчание. Мне приготовили было ответ на этот протест, но я отверг его. Если бы вместо того, чтобы прибегать к протесту, император Александр написал ко мне, выразив то участие, которое он принимает в близком своем родственнике, если бы он выразил мне желание, чтобы я сделал для

войско в 63000 человек и участвовать вместе с Францией во всех ее войнах. В большинстве государств Рейнского союза был введен гражданский кодекс Наполеона. После победы Наполеона над Пруссией (1807) и до 1811 к союзу были присоединены еще 20 государств в Западной, Средней и Северной Германии (Саксония, Вестфалия, герцогства Мекленбургское и Ольденбургское, курфюршество Вюрцбургское, княжества Шварцбург, Ангальт, Вальдек и др.). Союз распался в 1813 после Лейпцигской битвы (Прим. ред.)

него еще более, нежели намерен был сделать, то я непременно исполнил бы и с особенным удовольствием его желание. Если бы даже для своего дяди он попросил у меня несколько округов герцогства Варшавского в вознаграждение за Ольденбургское герцогство, то я не колебался бы побудить саксонского короля к этой уступке. Но тогда я сделал бы это потому, что требование было бы выражено мне дружески, — угрозой из меня ничего нельзя сделать. Если бы до своих вооружений император Александр потребовал у меня Данцига с его округом, то, вероятно, я и на это бы согласился».

Князь Куракин считал долгом указать на миролюбивый смысл этого протеста, который император Александр считал нужным сделать лишь для ограждения прав своего семейства на герцогство Ольденбургское.

«Все, что вы говорите, — продолжал император Наполеон, не давая долго рассуждать нашему посланнику, — нисколько не изменяет моего мнения о смысле и значении этого протеста. Впрочем, у вас, как кажется, не хотят вспоминать, что вступление герцога Ольденбургского в Рейнский союз значительно изменило права его семейства на это герцогство, и что нужно быть членом этого союза и принадлежать к нему, чтобы иметь право на владение областью, вошедшею в его состав. Но я хочу вознаградить герцога, я сделал мои предложения и тем исполнил мою обязанность. Их отвергли и герцог, и Россия; теперь дело за императором Александром, он должен объявить, чего желает для вознаграждения герцога».

Ближайшим поводом к этой речи, без сомнения, были известия, привезенные князем Понятовским*. Конечно, он сообщил императору Наполеону то же самое, что сообщал только что прибывшему перед этим временем в Варшаву новому французскому резиденту Биньону, именно — что в первых месяцах этого 1811 года русским правительством было решено немедленно объявить войну Франции. План военных действий был составлен, средства приготовлены, с турками решено было вести лишь оборонительную войну, которая не потребовала бы значительного количества войск, для обеспечения Финляндии со стороны Швеции, которой Россия не опасалась, также достаточно было небольших сил. Войско же в 130 или 140 тысяч человек, за которым непосредственно следовал бы резерв от 60 до 80 тысяч, должно было занять герцогство Варшавское и немедленно двинуться к Одеру, чтобы привлечь к себе Пруссию и принудить к нейтралитету

**Bignon*. Souvenirs d'un diplomate, Paris. 1864, p. 45 ff. Ero же: Histoire de France, ch. XXVII. (Брюссельское издание, с. 376—377).

Саксонию. Распоряжения об этом походе уже были сообщены всем генералам в запечатанных пакетах с приказанием открыть их тогда, когда последует особое о том повеление. Такие вести сообщал князь Понатовский, уверяя, что он до такой степени убежден в их достоверности, как будто слышал их из уст самого императора Александра. «Действительно, — говорит Биньон, — в этом случае был только один посредник между ним и императором Александром, посредник, которого честность выше всяких подозрений», а именно князь Адам Чарторыйский.

Влияние этих известий отразилось на речи, произнесенной Наполеоном князю Куракину. Ему не хотелось, конечно, чтобы Россия заставила его вступить в войну с нею прежде, нежели он успел поправить свои дела на Пиренейском полуострове и достаточно подготовиться к этой войне. Он не хотел изменять уже обдуманного и решенного им плана военных действий и затягивать войну, которую он думал окончить скоро, после нескольких решительных ударов. Он опасался, что, решившись выступить против него наступательно, Россия привлечет к союзу с собою Пруссию и Австрию. Под влиянием всех этих соображений он желал отклонить это намерение России, уверяя, давая честное слово и даже клятву, что никогда не желал воевать с нею, не желает и теперь и не будет зачинщиком войны. Чтобы выиграть время он хотел втянуть русский кабинет в новые переговоры, уверяя, что они помогут весьма легко устранить все недоразумения, которые возникли между двумя империями. «Я не хочу войны, — заключил он свой разговор с князем Куракиным, — а особенно с вами. Мне не учиться военному искусству, я занимался им всю жизнь, и, кажется, умею рассчитывать и подготавливать наперед военные события». Говоря, что ожидает известий от Лористона и возвращения Коленкура в Париж, чтобы на основании их сообщений определить свой дальнейший образ действий в отношении к России, он пользовался каждым случаем в то время, чтобы убедить императора Александра в своей любви лично к нему и в желании сохранить мир между двумя империями.

В это время, по семейным делам, находился в Париже граф Павел Андреевич Шувалов. Собираясь возвратиться в Россию, он счел долгом учтивости известить об этом императора Наполеона, и как генерал-адъютант русского государя спросить его, не пожелает ли он дать каких-нибудь поручений к нему. К удивлению графа, он немедленно был приглашен в Сен-Клу на свидание (1/13-го мая), и французский император часа полтора беседовал с ним в своем кабинете. В своих речах он повторил те же самые мысли, какие выразил незадолго перед тем и нашему посланнику. Но с каким увлечением и запальчивостью ни говорил бы Наполеон, он никогда не проговаривал той мысли, кото-

рою хотел скрыть. Он всегда говорил то, что хотел сказать в это время, и если впоследствии считал, что сказал что-нибудь, чего не следовало, то лишь под влиянием уже изменившихся обстоятельств, как это случилось с его речью к депутации от торговых палат. Но тем не менее при каждом новом разговоре об одних и тех же вопросах в его речах вырывались выражения, ближе и ближе подходившие к его тайным мыслям. Граф Шувалов, полтора года оставивший уже Россию, конечно, не мог отвечать ничего положительного на его жалобы относительно наших военных приготовлений и потому заявил, что, хотя он ничего не знает о движении наших войск, однако же уверен, что император Александр не начнет войны с Францией, и все его приготовления могут иметь лишь оборонительное значение. «Но вы знаете, — возразил Наполеон, — что обыкновенно от обороны переходят к наступлению. Мне то же, что вы говорите, пишут Коленкур и Ренваль, но я изорвал их письма — я верю не письмам, а положительным действиям. Меня уверяли, что император Александр хочет объявить себя польским королем — этому я не поверил, но меня уверяли и уверяют даже теперь, что хлопочет об этом князь Адам Чарторыйский, ваш бывший министр».

«Вы однако не верите этому, Государь?» — засмеявшись, спросил граф Шувалов.

«Не верю, — отвечал император Наполеон, — но когда ваши войска подвигаются к польским границам, могу ли я спокойно на это смотреть? Я еще не понимаю ясно, что делается, и потому przygotowляюсь. Чего от меня хочет император Александр? Я желаю только, чтобы оставили меня в покое. Я не хочу воевать с Россией, это было бы преступление с моей стороны, потому что эта война не имела бы цели, я еще не потерял рассудка, слава Богу, я еще не сумасшедший! Притом, я не могу начать войны, у меня 300 тысяч войска в Испании. Я не начну войны с Россией, пока она не нарушит Тильзитского трактата».

Так говорил Наполеон, который с самого заключения Тильзитского договора не исполнял его условий и нарушил их торжественно присоединением к Франции герцогства Ольденбургского. Но частные условия договора, может быть, и не входили в его соображения в эту минуту: он разумел общий его смысл, то есть союз России с Францией и разрыв с Англией. Когда граф Шувалов стал уверять, что император Александр, не будучи к тому вынужден, не начнет войны, он отвечал: «Но когда он увидит в сборе свои войска, в нем возбудится это желание, а общественное мнение понудит его к тому».

«Если и найдутся в России люди, желающие войны, — говорил граф Шувалов, — то их немного; государь войны не желает, и народ точно также. Что может заставить императора начинать войну, если

Ваше Величество действительно желаете продолжения союза и будете этому способствовать Вашими действиями?»

«Может быть, англичане», — прервал Наполеон.

«Этого быть не может, — резко прервал его граф Шувалов, — я готов подписать кровью свое заверение, что этого быть не может».

Только это и желал знать Наполеон. Он был уверен, что император Александр, чтобы начать с ним войну, должен был вступить в союз с Англией. Если нет признаков этого сближения, то он смело мог рассчитывать еще на год мира, который даст ему полную возможность подготовиться к тому, чтобы нанести грозный удар России. После ответа Шувалова по этому вопросу Наполеон уже спокойно и с участием к России стал продолжать разговор.

«Ваш курс очень дурен?» — спросил он.

«Чрезвычайно дурен, — отвечал граф Шувалов, — и причина отчасти заключается в нашей войне с турками».

«Да, вы платите металлом, — прервал его Наполеон, — ну, так отчего же не сказать, что вы убавляете число войск на Дунае потому, что содержание их обходится вам слишком дорого. Я стою еще на том, чтобы вы присоединили дунайские княжества, так я заявил и туркам. Чего мне бояться, вы не пойдете в Константинополь! Император Александр дружескими отношениями ко мне гораздо более может выиграть, нежели военными угрозами. Он знает мою дружбу к нему — видит Бог, как я его люблю (*Dieu sait si je l'aime*), — а он как поступает? Публично заявляет протест, вместо того, чтобы объясниться дружески со мною. Везде есть чувство чести (*le point d'honneur existe partout*); когда я вам говорю: вы ошибаетесь, это не обидно; но если я скажу: вы солгали — это оскорбление. Сколько уже выгод приобрела Россия от союза со мною. Это известно вашему двору, и граф Румянцев воспользовался этим, показав тайно шведскому посланнику одну ноту, в которой было сказано, что я с удовольствием буду смотреть на то, что Россия приобретет Аландские острова. Возможно ли, что на таком важном месте, в Париже, на таком дальнем расстоянии, император держит посланника, к которому ни он, ни граф Румянцев не имеют доверия, который ничего ответить не может. Князь Куракин человек разумный и честный, он не орел, конечно, но что же из этого, он — хороший русский. Надо бы назначить к нему достойного молодого человека, и все бы пошло хорошо. Прежде у вас не так действовали».

Граф Шувалов заявил, что постарается с точностью довести до сведения своего государя, что слышал от императора французов.

«Да, — отвечал Наполеон, — скажите ему: государь, не следует терять времени, чтобы прийти к соглашению; если вы не желаете войны,

пришлите скорее полномочия для начатия переговоров, и если вы не желаете восстановления Польши, то следует действовать миролюбиво, потому что в противном случае она непременно будет восстановлена».

Постоянные заявления императора Наполеона, что он желает поддерживать мир и для того вызывает Россию на новые переговоры, оказало действие и на нашего посланника; он просил как императора, так и графа Румянцева, чтобы ему выслали поскорее полномочия для переговоров о вознаграждении герцога Ольденбургского и о Польше. «Я смею думать, — писал он, — что мне удастся покончить здесь эти два дела лучше и скорее, нежели они могут быть покончены в Петербурге, отдаление которого от Парижа уже представляет значительное неудобство». Зная хорошо как характер Наполеона, так и все его виды, князь Куракин, без сомнения, не думал, что новый договор может предотвратить войну, но, вероятно, полагал, что он может отсрочить ее и дать России время приготовиться к ней: он не считал ее достаточно приготовленною, особенно ввиду того, что не был еще заключен мир с Турцией*.

Как князь Куракин не получал от нашего правительства никаких известий о военных приготовлениях, так и Коленкур был в полном неведении о том, что в этом отношении делалось во Франции. Между тем император Александр получал верные и своевременные о них известия и каждый раз сообщал их французскому посланнику. На его уверения, что эти слухи или неверны, или преувеличены, он отвечал: «Не отрицайте, я знаю верно то, что говорю. Очевидно, вас оставляют в неведении, потому что не имеют к вам более доверия. Хотя я и желаю вам все объяснить и делаю это охотно, потому что считаю вас честным человеком, но я знаю, что это потерянный труд. Император Наполеон вам не поверит, потому что вы говорите ему правду. То же будет и с Лористоном, который тоже честный человек и, следовательно, будет говорить своему государю то же, что и вы». Только в то время, когда на место Коленкура был назначен новый посланник, французское правительство поручило ему сообщить о своих вооружениях и объяснить их тем, что их вызвала Россия своими военными приготовлениями. «Вы предполагаете, что я вооружаюсь, — отвечал ему император, — я этого вовсе не отрицаю. Я действительно вооружаюсь, я готов, я совершенно готов с силою отразить нападение; но что подумали бы вы обо мне, если бы я действовал иначе, если бы я был так прост, так невнимателен к моим обязанностям, что оставил бы мое государство на жертву

*Письмо князя Куракина к императору из Парижа от 25-го апреля (7-го мая) 1811 г. Деша к графу Румянцеву от 27-го апреля (9-го мая) и 2/14-го мая 1811 г. Письмо графа Шувалова к императору от 3/15 мая 1811 г. из Парижа.

произвола вашего государя. Но я начал вооружаться тогда, когда получил верные сведения, что Данциг укрепляется, что увеличивается его гарнизон, что усиливаются и сосредоточиваются войска маршала Даву, что поляки и саксонцы приведены в военное положение, что оканчиваются укрепления Модлина, исправляются укрепления Торна, и все эти крепости снабжаются запасами. Вот что сделал я после этого...» При этих словах император взял за руки Коленкура и ввел его в другой кабинет, где были разложены военные карты России. Он показал ему расположение всех войск, места, где строились укрепления, и объяснил при этом, как он увеличил и устроил войска. «У меня нет таких генералов, как ваши, — продолжал он говорить, — я сам не такой генерал и администратор, как Наполеон; но у меня хорошие солдаты, преданный мне народ, и мы скорее умрем с оружием в руках, нежели позволим обходиться с нами, как с голландцами или гамбургцами. Но уверяю вас честью, я не сделаю первого выстрела. Я допущу вас перейти Неман, и сам его не перейду. Будьте уверены, что я вас не обманываю, я не хочу войны. Мой народ, хотя и оскорблен отношениями ко мне вашего императора, хотя возмущен вашими попытками и предположениями насчет Польши, точно так же, как и я, не хочет войны, потому что он знает ее опасности. Но если на него нападут, то он сумеет защищаться всеми силами».

Между тем как в переговорах с нашим посланником в Париже французское правительство вовсе не выражало опасения о возможности сближения России с Англией, и сам император Наполеон говорил, что не имеет никаких данных подозревать в этом отношении наше правительство, однако же как в последних депешах Коленкуру, так и в наставлениях Лористону поручалось обратить особенное внимание именно на этот вопрос. Это опасение действительно питал Наполеон в то время, но скрывал и как бы нечаянно выразил его в разговоре с графом Шуваловым. Торговля с нейтральными казалась ему первым шагом нашего желания сблизиться с Англией. Поэтому на слова императора Александра Коленкур отвечал, что, и независимо от войны между Россией и Францией, положение дел может быть таково, что по своей важности может равняться войне, что тайное желание России, присоединив дунайские княжества и заключив мир с турками, сблизиться с Англией и возобновить торговые сношения с нею, император Наполеон сочтет совершенно одинаковым с объявлением ему войны.

«О сближении с Англией я вовсе не думаю, — сказал Александр. — Окончив войну с турками, присоединив к моей империи Финляндию, Молдавию и Валахию, я буду считать политические и военные действия моего царствования оконченными. Я не хочу подвергать себя но-

вым случайностям, я хочу спокойно пользоваться тем, что приобрел, и заботиться о просвещении моей империи, а не об увеличении ее пределов. Чтобы сблизиться с Англией, я должен был разорвать союз с Францией, следовательно, вызвать войну с нею, которую я считаю самой для себя опасною. И с какою целью? Чтобы служить Англии, чтобы поддержать ее морские теории, которых я вовсе не разделяю? Это было бы безумием с моей стороны. Окончив войну с турками, я желаю оставаться в мире, довольный моими приобретениями, весьма незначительными в сравнении с вашими, как говорят противники политики Тильзитского договора, но достаточными в моих глазах. Я остаюсь верен этой политике; мои порты останутся закрытыми для торговли с Англией; но я вам уже говорил и теперь повторяю, что не могу запретить моим подданным всякую вообще торговлю и особенно с американцами. Конечно, этим путем входит в Россию несколько английских товаров, но вы выпускаете их во Францию по крайней мере столько же вашими исключительными разрешениями (*vos licences*) и особенно вашим тарифом, облагающим их пошлиною в 50 на сто. Не могу же я стеснить себя более, нежели вы сами себя стесняете. На этом надо остановиться, и я прямо вам объявляю, что не приму никаких более стеснительных мер в отношении к нашей торговле, хотя бы мне угрожала война».

Выразив решительно свой взгляд на нейтральную торговлю, император изъявил готовность положиться на добросовестность Наполеона, предоставляя ему разрешить недоумения, возникшие по другим вопросам, составлявшим предмет пререканий между Россией и Францией. «Хотя поляки слишком шумят, причиняют мне много затруднений, провозгласив во всеулышание скорое восстановление Польши, — говорил он Коленкуру, — однако я полагаюсь в этом случае на обещания Наполеона, хотя он и отказался подписать конвенцию». В деле ольденбургском он желал только, чтобы соблюдено было *приличие*, и вознаграждение, назначаемое герцогу, не представлялось бы насмешкою. На желание Коленкура, чтобы император Александр сам указал, чем можно вознаградить герцога, он отвечал: «Где вы хотите, чтоб я указал ему вознаграждение? В Польше? Император Наполеон скажет, что я желаю раздробить герцогство Варшавское и из-за Польши хочу воевать с ним. Если бы он предложил все герцогство Варшавское, то и тогда я не согласился бы. В Германии? Он скажет германским государям, что я хочу их разорвать!»*

Конечно, поступок Наполеона с герцогом Ольденбургским был оскорбителен для императора Александра. Он должен был, как сам говорил Коленкуру, протестовать, чтобы поддержать свое достоинство,

* *Thiers. Histoire de Consulat et de L'Empire, XXIII; Bignon. Histoire de France, ch. XXVI.*

как перед своим народом, так и перед Европою. Но и в самом протесте он заявил, что этот поступок не послужил поводом ни к разрыву союза с Францией, ни к войне с нею. Считая его личным оскорблением, Александр изъявил даже готовность положиться на добросовестность императора Наполеона, предоставляя ему самому вознаградить герцога и изгладить то впечатление, которое он произвел во всей Европе. Но уступая в личном вопросе, русский император положил решительный предел всем требованиям Франции в отношении к вопросу о нейтральной торговле, от которого зависело благосостояние России.

Новый посланник не привез никаких новых известий императору; его наставления заключали лишь то, что поручалось говорить и что говорил Коленкур. Но и Коленкур и Лористон все-таки говорили о вопросах, на которые, не теряя своего достоинства, могли отвечать русский император и его кабинет; но письмо Наполеона, которое привез к императору Александру новый французский посланник, выходило из пределов даже простого приличия. Вот это письмо:

«Лишь только я узнал от герцога Виченцкого, что назначение Лористона приятно Вашему Величеству, как немедленно приказал ему отправиться к месту его назначения. Я посылаю к Вам человека неопытного в делах, но прямого и честного и пользующегося моим расположением. Однако же, я каждый день получаю известия о России вовсе не мирного свойства. Вчера я узнал из Стокгольма, что русские дивизии выведены из Финляндии и должны приблизиться к границам герцогства Варшавского. Незадолго перед тем меня известили из Бухареста, что пять дивизий выступили из дунайских княжеств, чтобы двинуться в Польшу, и что на Дунае войска Вашего Величества остались лишь в числе четырех дивизий. Все эти происшествия доказывают только, что *повторение* есть одна из самых сильных фигур в риторике. Вашему Величеству так часто повторяли о моем недоброжелательстве, что поколебали Ваше доверие ко мне. Русские войска оставляют ту границу, на которой необходимо их присутствие, чтобы перейти туда, где у Вашего Величества только друзья. Но я должен был обратить внимание на эти действия и принять со своей стороны предосторожности. Мои приготовления послужат поводом для Вашего Величества увеличивать свои, а это, в свою очередь, заставит и меня увеличивать мои вооружения; между тем, все это вызвано пустыми призраками. Я вижу в этом повторение того, что делалось в Пруссии в 1807 году и в Австрии в 1809.

Что касается меня, я останусь другом особы Вашего Величества, если даже эта слепая судьба, увлекающая Европу, вынудит, наконец, оба народа выступить друг против друга с оружием в руках. Я буду соображать свои действия с действиями Вашего Величества и никогда не нач-

ну войны, и мои войска не двинутся вперед до тех пор, пока Ваше Величество не разорвете Тильзитского договора. Я первый готов разоружиться и привести дела в то положение, в котором они находились год тому назад, если Ваше Величество возвратите мне Ваше доверие. Имели ли вы повод раскаиваться в том доверии, которое Вы ко мне питали? Я поручаю особенно графу Лористону передать, что желаю Вам всякого счастья, — как неприятно мне думать, что Вас смущают ложные слухи о моей политике и моих чувствах, и как я был бы счастлив, если бы Вы возвратились на тот путь, по которому следовали в Тильзите и Эрфурте»*.

В этом письме не было ни слова правды. Наполеон очень хорошо знал и даже признавался впоследствии, что условия Тильзитского договора были им самым много раз нарушены; он знал и то, что вооружения России были последствием его вооружений, и что слухам о сосредоточении наших сил на границах Варшавского герцогства нельзя верить уже потому, что их сообщали ему поляки. Вместе с тем он часто заявлял, что в России есть собственно один человек, который искренно к нему расположен — это император Александр; иногда он говорил: два, присоединяя сюда графа Румянцева. Но в таком случае можно ли было говорить этому единственному человеку и притом русскому императору, что сам он не видит ничего и не понимает, а действует под влиянием посторонних внушений, часто повторяемых, и напоминать о фигурах схоластической риторики?

Естественно, подобное письмо не могло произвести благоприятного впечатления на императора Александра, особенно если к этому присоединить, что новый посланник Франции не привез никаких новых наставлений, которые могли бы пособить разрешению недоразумений, существовавших между двумя империями, но даже дать приличный повод к началу новых переговоров, как того желал император французов. Такое настроение императора Александра было так сильно, что явно выразилось в следующем его ответе на письмо Наполеона:

«Мирные выражения письма и точно такие же заявления Вашего посланника доставили бы мне большое удовольствие, если бы их подтверждали самые события. Известия о движении моих войск, о которых Ваше Величество упоминаете, совершенно ложны. Я убедил в том Вашего посланника, показав ему во всей подробности размещение моих войск, и предлагал даже ему послать своего адъютанта проверить его на местах. Дивизии, находившиеся в Финляндии, никогда не оставляли ее и теперь находятся там в числе трех. Из пяти дивизий Молдавской армии, о которых Вы упоминаете, три еще находятся там, а две

*Письмо из Парижа от 6-го апреля н. ст. 1811 г.

подвинуты к Днестру, а не к границам герцогства Варшавского, как это было донесено Вашему Величеству. Следовательно, моя Молдавская армия не убавлена до четырех дивизий, но состоит из семи. Никакого сбора войск не делалось с моей стороны на границах Варшавского герцогства, никакие даже отряды не приближались к этим границам. Конечно, распоряжение, уменьшающее силу моей Молдавской армии, весьма для меня невыгодно, препятствуя развитию военных действий на Дунае; но оно вынуждено благоразумною осторожностью. Таково положение моих дел. Между тем, в то самое время как граф Лористон передавал мне письмо Вашего Величества, и, со своей стороны, выражал самые успокоительные уверения, я получил положительные известия о сборе и приведении на военное положение саксонских войск, вследствие приказанья Вашего Величества, а равно и о движении французской кирасирской дивизии для соединения с ними. Итак, кто же из нас двух готовится к войне? Моя армия занимает постоянные свои квартиры, а Ваша вся в движении. Все эти данные могут достаточно объяснить, справедливы ли выражаемые Вами упреки, и я ли подал повод к передвижению Ваших войск. Ваше Величество указывает мне на то, что случилось с Пруссией в 1807 и с Австрией в 1809 годах. Позволю себе заметить на это, что обе указанные эпохи не имеют никакого сходства с настоящею. Пруссия и Австрия желали войны, а я не хочу воевать, я ни от кого ничего не домогаюсь и не ищу приобретений. Я желаю только точного исполнения Тильзитского договора; а Ваше Величество нарушили одно из его условий, лишив мое семейство владения, которое принадлежало ему в продолжение девяти веков. Несмотря на то, я поручил герцогу Виченцкому объявить Вам, что я удовольствуюсь восстановлением силы этого договора в его целости. Позволю себе думать, что этот поступок с моей стороны довольно умерен. Я надеялся, что после шестимесячного ожидания получу от графа Лористона сведения о Ваших намерениях в этом отношении, но убедился в противном.

Повторяю снова, я не питаю никаких властолюбивых видов, не желаю расширять пределы моего государства, а желаю только спокойствия и безопасности. То, что совершилось в последнее время, оправдывает мои опасения, и Ваше Величество, конечно, согласитесь со мною, что я имею право требовать, чтобы наш союз и вообще наши отношения не подавали повода к сомнениям»*.

Вручая это письмо на прощальном свидании Коленкуру, император Александр, в присутствии Лористона, снова со всею подробнос-

*Письмо от 6-го мая 1811 г.

тию высказал свой взгляд на отношения к Франции и ее повелителю и поручал как тому, так и другому, довести его в точности до сведения императора Наполеона. «Впрочем, — сказал он, обращаясь к графу Лористону, — вам так же не поверят, как и Коленкуру; скажут, что я вас увлек, соблазнил, что вы попались в мои сети и сделались более русским, нежели французом».

Действительно, генерал Лористон писал своему правительству то же самое о намерениях императора Александра, что и его предшественник, и даже с большею решительностью. «Я могу видеть только то, что действительно вижу, — доносил он, — и описывать то, что вижу. Положение дел таково, как я его описал, и если не хотят удовольствоваться единственно возможными уступками, то будет война, а будет потому, что вы сами ее хотите. Но эта война будет ужасная, судя по всему тому, что я вижу здесь и что замечал на моем пути».

Известия Лористона произвели однако совершенно иное впечатление на императора французов, нежели известия его предшественника, и он не говорил о нем, как о Коленкуре, что он сделался русским. Впрочем, он остался весьма доволен и теми сообщениями, которые ему изустно заявил, возвратившись из Петербурга, Коленкур, и которые ничем не различались с прежними известиями и даже с письмом императора Александра. Убедясь, что Россия не начнет войны, не откроет наступательных действий в этом году, Наполеон радовался тому, что имеет в своем распоряжении достаточно времени, чтобы приготовиться к нанесению ей более сильного удара, чем как предполагал прежде. Он в этом смысле писал к маршалу Удино и усилил военные приготовления, намереваясь напасть на Россию не с 400, но уже с 600 тысячами войска*. Герцог Бассано немедленно сообщил князю Куракину, что император Наполеон остался весьма доволен известиями, сообщенными Коленкуром и Лористоном, и особенно уведомлением последнего о словах, сказанных ему императором Александром, что он возвратил бы в свою Дунайскую армию вызванные оттуда дивизии, если бы император Наполеон убавил наполовину гарнизон Данцига. «Это в первый раз, — говорил Бассано, — ваш кабинет сознался, что вызвал пять дивизий с Дуная. Это откровенное заявление было очень приятно императору. Как жаль, что не объяснились прежде, тогда не пришлось бы прибегать к некоторым военным приготовлениям».

«Но по крайней мере теперь, — отвечал князь Куракин, когда последовало объяснение, — я смею надеяться, что император Наполеон поспешил исполнить желание моего государя, чтобы тем доказать

* *Thiers. Histoire de L'Empire, XXIII.*

свою дружбу к нему, и сделает распоряжение об уменьшении данцигского гарнизона».

«Судя по ответу, который получил я на этот вопрос, — уведомлял князь Куракин наш двор, — мне кажется, император Наполеон не расположен решиться на эту меру так скоро, как мы бы желали. Герцог Бассано сказал мне, что это может быть только последствием общих переговоров, которые устранят все пререкания, существующие между двумя империями». Эти пререкания он считал далеко не настолько важными, чтобы они могли повести к разрыву; но, напротив того, выражал уверенность, что устранить их очень легко на предстоящих переговорах, к которым французское правительство готово приступить немедленно, лишь только князь Куракин получит *полномочия* от своего правительства. Но выражая это мирное расположение со стороны Франции, герцог Бассано сообщил нашему посланнику, по приказанию императора Наполеона, что он намерен увеличить свои войска в Германии с целью обеспечить северные берега от нападения англичан. Действительно, 32 батальона перешли Рейн и двинулись к Эльбе; для усиления войск маршала Удино устроен был укрепленный лагерь при Утрехте, и саксонская армия приведена в военное положение. Но в то же время из Данцига были отозваны два батальона вестфальцев, и об этом поручено было трубить всем газетам Франции и Германии, как о признаке миролюбивой политики императора французов, решившегося на уменьшение данцигского гарнизона. Сообщая об этих распоряжениях нашему двору, князь Куракин писал графу Румянцеву, что не считает нужным «входить в какие бы то ни было соображения об этих действиях, которые говорят сами за себя. Я позволю себе только припомнить вашему сиятельству, — продолжал он, — что под тем же самым предлогом был значительно увеличен данцигский гарнизон в начале этого года, а между тем, несколько недель спустя после таких же уверений герцога Кадорского, какие повторил теперь герцог Бассано, сам император Наполеон, при свидании в Сен-Клу, без всяких оговорок объявил мне, что он принужден был усилить укрепления Данцига и увеличить его гарнизон, чтобы обеспечить его от нападений с нашей стороны»*.

Такие распоряжения Наполеона, конечно, не внушали надежды нашему посланнику, что новые переговоры, которых так настоятельно требовало французское правительство, поведут к каким-нибудь соглашениям. Он считал долгом просить полномочий у нашего правительства, чтобы отклонить впоследствии упрек, будто бы Рос-

*Депеши князя Куракина графу Румянцеву от 2/14 и 4/16 июля.

сия отказалась от мирного разрешения недоразумений; но был уверен, что император Наполеон только желает выиграть время, и полагал, что эти переговоры могли бы еще повести к достижению цели лишь в том случае, «если бы Веллингтону удалось одержать хорошую победу над французами в Испании и нам заключить мир с турками. С самой женитьбы Наполеона, — говорил Куракин, — уже сделалось явным для всех, что он намерен воевать с Россией, и что эта война не может иметь другой цели, как вдвинуть ее в прежние пределы, то есть, отнять все приобретения от Швеции и Польши, восстановить это королевство и, одним словом, поставить Россию в то положение, в котором она находилась до славного царствования Петра Великого, сделать ее азиатскою державой, лишить того значения, которое она имеет в Европе»*. Возможность заключения нами мира с турками чрезвычайно озабочивала императора Наполеона, и он употреблял все средства, чтобы предотвратить это неприятное для него событие. При частых посещениях герцога Бассано, наш посланник постоянно встречал в его залах посланника Оттоманской Порты. Известие о победе при Руссуке сильно смутило Наполеона, но ненадолго, — вслед затем было получено известие об отступлении наших войск на левый берег Дуная, что, конечно, подало повод предполагать, что при Руссуке мы не только не победили турок, но, напротив, потерпели поражение и должны были отступить. «Это известие, — доносил князь Куракин, — герцог Бассано получил в то время, когда император Наполеон был в театре. Он немедленно отправился к нему в ложу, чтобы сообщить эту *добрую весть*, которая произвела такое на его величество впечатление, какое трудно и выразить. Лица, которые присутствовали при его отправлении ко сну (а son coucher) уверяют, что редко приходилось им видеть его в таком хорошем расположении духа, таким веселым и довольным, как в этот вечер. Он имел причины радоваться, потому что для него всего было бы неприятнее — потерять эту диверсию, которая так благоприятствует его намерениям»**.

Намерения Наполеона были очень хорошо известны императору Александру, и он не сомневался в них более. Когда Лористон говорил ему об отзывании двух вестфальских батальонов из Данцига, он отвечал ему, что 32 батальона перешли Рейн и идут на подкрепление войск Удино. «Впрочем, — прибавил он, — я не отстаю от императора Наполеона;

*Депеши князя Куракина от 5/17 июля и 2/14 августа, частное письмо к графу Румянцеву от 4/16 августа 1811 г.

**Депеши Куракина от 5/17 июля и 5/17 августа 1811 г.

он заставил отступить два батальона, а я — целую дивизию»* Поэтому император Александр не соглашался, несмотря на усиленные просьбы Лористона, ни объявить, какого желает вознаграждения для герцога Ольденбургского, ни отправить уполномоченного в Париж для новых переговоров. Поэтому и князь Куракин не получал не только новых полномочий, но даже ответа на свои требования оных. Напротив того, в конце июля ему поручено было объявить французскому правительству, что русский император считает достаточными те полномочия, которыми он уже облечен в качестве посланника для того, чтобы вести переговоры о тех предложениях, которые могут быть ему сделаны со стороны тюильрийского кабинета. Все действия русского императора — говорилось в предписании князю Куракину — могут служить достаточным доказательством, что он постоянно желал сохранить союз с Францией, что засвидетельствуют, конечно, французскому императору как герцог Виченцкий, так и граф Лористон. Поэтому его намерение заключается вовсе не в том, чтобы поспешить вступлением в новые переговоры, а в том, чтобы устранить поводы к несогласиям и притом прочным способом, одинаково удовлетворительным как для России, так и для Франции, и который уничтожил бы навсегда происки тех, кто желает разорвать этот союз. Чтобы достигнуть этой цели, его величество император Александр с полной доверенностью обращается к императору Наполеону, своему союзнику, чтобы он сам нашел средство успокоить Европу и устранить повсюду распространившуюся тревогу, ввиду слухов о скором разрыве между двумя империями, союз которых служил ручательством продолжительного и благотворного мира.

В этом заявлении повторялась та мысль, которую император Александр уже выразил прежде в собственноручном письме к Наполеону; но теперь он поручал своему посланнику дополнить ее следующими объяснениями: русский император питает надежду, основываясь на словах самого императора Наполеона, употребленных им в последней речи законодательному собранию, в которой объявлялось о присоединении Голландии к Франции, об *условном* занятии северных областей Германии и о том, что герцогство Ольденбургское будет возвращено его законному владельцу. Это единственный способ разрешения вопроса, которого с нетерпением ожидает русский император. Таким объяснением император Александр желал положить конец переговорам о вознаграждении герцога Ольденбургского и давал понять, что не верит искренности тюильрийского кабинета. Передавая изложенные

*Граф Кутузов, приняв начальство над Дунайской армией, возвратил назад одну из пяти дивизий, следовавших уже к Днестру в это время.

соображения герцогу Бассано, князь Куракин прибавил, что постоянное повторение требования о том, чтобы русское правительство определило способ вознаграждения герцога, изменяя сущность самого вопроса, только затрудняет его разрешение. Речь идет вовсе не о том, чтобы чем-нибудь обеспечить существование герцога Ольденбургского, но о том, чтобы возвратить ему законное его владение, устроенное по желанию России и обеспеченное особою статьею Тильзитского договора. В этом смысле и был заявлен нашим правительством протест перед лицом всей Европы о незаконном присвоении этого герцогства Францией.

Такие заявления крайне смутили герцога Бассано. В них ясно выражалось, что на материке Европы есть, кроме Франции, еще держава, которая считает себя вполне независимую, а не находящуюся в покорных к Франции отношениях, и что эта держава твердо решилась сохранить за собою свободу действий и самостоятельность. Герцог понял смысл этих заявлений и смутился, зная, какое впечатление они произведут на его повелителя, признававшего только свой произвол решителем судеб всего мира, и какую, вероятно, придется ему выдержать бурю.

«Из ваших сообщений я вижу, — отвечал он князю Куракину, — что наши отношения не подвинулись вперед, и мы остаемся в том же положении, в каком находились до получения вами этих новых наставлений от вашего двора. Вам отказывают в полномочиях, а без них невозможно приступить к новым переговорам, которые, без сомнения, устранили бы весьма легко все недоразумения, послужившие поводом к пререканиям. Вам не только не объявляют, что желали бы получить в вознаграждение герцогу Ольденбургскому, но из ваших сообщений видно, что император Александр желает, чтобы герцогу возвращено было его прежнее владение. Но это решительно невозможно. Это могло бы еще устроиться в дружеских переговорах, если бы к ним приступила Россия прежде, нежели вооружилась. Не с оружием ли в руках может император Александр предъявлять подобное требование и ожидать согласия на него со стороны императора Наполеона. Император французов не может отступить от принятого уже им решения, торжественно заявленного и приведенного в исполнение. Это затрагивает его честь; он ничего не может сделать; что стала бы говорить Европа! Граф Румянцев, вероятно, писал вам свою депешу, не зная, что император Наполеон сказал прямо депутатам новых департаментов, что они навсегда присоединяются к Франции. Впрочем, — прибавил герцог, — я не могу вести с вами никаких переговоров: вы не получили на то полномочий».

«Если бы я даже и получил новые уполномочия, — заметил ему князь Куракин, — то это не изменило бы хода дела, я не мог бы решить своею властью ни на какие окончательные заключения, а, конечно,

снесся бы предварительно со своим кабинетом и просил бы его разрешения довести доставленные им ко мне известия до сведения императора Наполеона и затем сообщить в Петербург ответ императора».

Но ожидания князя Куракина — получить ответ Наполеона — не оправдались. Сначала герцог Бассано говорил ему, что передал все известия императору, но что Наполеон ничего не отвечал. Затем после продолжительных настояний нашего посланника, герцог заявил, что он не считает нужным отвечать на них ни словесно, ни на письме.

Унизительное положение нашего посланника вследствие отказа отвечать на заявления русского правительства и крайнее неприличие такого поступка в отношении к нашему кабинету, конечно, вовсе не обращали на себя внимания императора Наполеона; но по личному своему характеру он не мог сохранить надолго сдержанного положения, когда его самолюбие было задето за живое, и ему показали явно, что поняли, каков он есть, а не каким желает казаться. Он подготовил нашему посланнику точно такую сцену, какие устроил лорду Уитворту в 1803 году, перед разрывом амьенского договора, и графу Меттерниху в 1809 году перед началом последней войны с Австрией.

3/15-го августа, в день именин императора, был большой прием в тюильрийском дворце всех высших чинов империи, духовных и светских, всего дипломатического корпуса и высшего парижского общества. После утреннего приема, торжественной обедни в дворцовой капелле, парадного обеда и вечерних увеселений, в то время, когда все присутствовавшие уже начали разъезжаться, и для самой императорской семьи готовы были экипажи, чтобы возвратиться в Сен-Клу, император Наполеон встретил в тронной зале князя Куракина и начал с ним разговор, продолжавшийся более двух часов. Он начал с того, что выразил неудовольствие на последние сообщения, которые получил наш посланник от своего двора.

«Они не объясняют ничего, — говорил он, — не приводят ни к какому заключению, которое так должно быть желательно для обеих сторон. Я поручил герцогу Бассано сказать вам, что вместо того, чтобы идти вперед, мы сделали шаг назад. Ваш двор решительно не хочет объясниться и отвечать на попытки к соглашению, которые мы делаем в продолжение шести месяцев. Я желаю вознаградить герцога Ольденбургского, но Россия молчит и не говорит, чего хочет. Вам не сообщили полномочий, которых я желал, и поэтому нельзя вступать с вами в переговоры и заключить договор, который так для нас необходим. Вы не можете уверять, что эти полномочия для вас излишни, что вы, как посланник, имеете уже достаточные полномочия; я знаю, что они недостаточны для того, чтобы вести и окончить переговоры, если бы я велел их начать с вами».

Затем Наполеон распространился о том, что Россия не имеет никаких непосредственных прав на Ольденбург, что это герцогство принадлежит к Рейнскому союзу, и что он, как покровитель союза, мог бы предать герцога имперскому суду за нарушения им своих обязанностей, за то, что он не прислал своего военного контингента во время войны с Австрией и за постоянную контрабанду с Англией.

«Несмотря на то, — говорил Наполеон, — я желаю его вознаградить вполне; но вы не указываете — чем; у вас есть задние мысли, вы хотите Данцига, но я не могу его уступить, так как Россия уже вооружилась; вы хотите части Варшавского герцогства, но на это я никогда не соглашусь: моя честь обязывает меня сохранить целостность этого нового государства, созданного мною. Я обещал и сдержу свое слово, — не уступлю ни на шаг земли в герцогстве, ни одной деревни. Я отдал его саксонскому королю, известному своим благоразумием, именно для того, чтобы избавить Россию от вечных опасений. Если я увеличил герцогство Варшавское, присоединив к нему Галицию, то этого требовала моя честь: во время войны с Австрией поляки приняли мою сторону. Вы хотите захватить герцогство Варшавское, но мой долг побуждает меня этому воспротивиться. Я не хочу войны, но вы меня вызываете. Постоянно увеличивая вооружения, делая для этого значительные пожертвования, я приду наконец к невозможности продолжать их далее и должен буду начать войну. Но я не хочу, не пойду ее искать на дальнем севере, я не намерен восстановить Польшу. Я заявил об этом в речи законодательной палате, я это сказал князю Понятовскому, поляки это знают. Но когда я буду принужден начать войну, то, конечно, могу потерпеть поражение; если не потерплю, то восстановление Польши будет первым ее последствием. Но я и теперь готов в этом отношении успокоить Россию, готов дать какие хотите обеспечения и гарантию со стороны Австрии, готов заключить конвенцию в том же роде, как мы было заключили, но которую я не мог утвердить только из-за одного слова, из-за выражения, которое граф Румянцев непременно желал в ней сохранить, на что я согласиться не мог, потому что нельзя согласиться на то, что в исполнении превышало человеческие силы. Я согласен заключить конвенцию, только бы граф Румянцев не настаивал на выражении, что *Польша никогда не будет восстановлена*».

Подагрик князь Куракин, едва вынося продолжительное стояние, старался однако же сохранить спокойное и даже улыбающееся выражение лица, как он доносил потом канцлеру, — и пытался возражать Наполеону; но он, едва выслушивая первые слова, прерывал его и возобновлял свою речь. Особенно князь желал отклонить обвинение, что Россия вызывает Францию на войну, и начал было в сотый раз

повторять уверения в желании императора Александра поддержать мирные и дружеские отношения со своим союзником...

«А ваш манифест по ольденбургскому делу!» — прервал его Наполеон.

Русский посланник начал было говорить, что это простое заявление своих прав, которое не нарушает союза с Францией...

«Нет, — прервал Наполеон, — это формальный протест, вы обозвали меня грабителем (*spoliateur*) перед Германией, перед Рейнским союзом. Что касается до выражения в этом протесте чувств императора о желании сохранить союз, то это обычные условные формы, которые не имеют значения. Этим манифестом вы вызываете меня на войну. Мне известно, что этот манифест не произвел того впечатления на Пруссию и Австрию, какого вы ожидали. Пруссия не забыла, что вы взяли у нее Белосток, и Австрия помнит, что для округления границ вы охотно отрезали у нее несколько округов Галиции. Я понимаю, что присоединение Гамбурга могло не понравиться России ввиду его торговых отношений с нею; но я не понимаю теперешнего образа действий России и ее предначертаний. В России есть люди с дарованиями, но что у вас делается, показывает мне, что вы или потеряли голову, или питаете задние мысли. В первом случае вы походите на зайца, у которого дробь в голове, и который кружится то в ту, то в другую сторону, не зная, куда побежит и куда добежит. Или же вы слушаете внушения Англии, которая уверяет, что я намерен воевать с вами. Не понимая, что вы делаете, я поступаю как человек в состоянии природы: не понимая, он наблюдает, и при виде, что направляются в его сторону, не доверяет и готовится к защите. Вы воюете с Англией, воюете с турками, да еще ссоритесь с Францией. Я полагал, что свел свои счета с Россией в Тильзите, под Фридрихсбургом и Аустерлицем, так как рассчитался с Австрией, поведением которой, по заключении последнего мира, я очень доволен. Она думала воспользоваться моею войною в Испании и возратить то, что прежде потеряла, но она раскаялась в этом».

Постоянно уверяя, что Россия прежде него начала свои вооружения и тем побудила и его приступить к военным приготовлениям, Наполеон перечислил все громадные силы, которые приготовил и еще намерен приготовить. «Своими вооружениями вы уже нанесли себе большой вред; отведя пять дивизий из Дунайской армии, вы лишили себя средств нанести сильный удар туркам и тем принудить их к заключению выгодного для вас мира. Не понимаю, на чем основаны ваши надежды на мирные переговоры в Бухаресте. Убоявшись мнимой опасности, разглашаемой некоторыми газетами, вы ослабили Дунайскую армию до такой степени, что она не может успешно поддерживать даже оборонительное положение. Чрезвычайно трудно защищать такую

растянутую линию, как от Видина до Черного моря. Нельзя защищать берег реки, не имея средств всегда перейти на противоположный берег, а для этого надо иметь в своих руках береговые укрепления».

Князь Куракин начал было говорить о храбрости русских войск и победе при Рушуке...

«Да, да, — прервал его Наполеон, — ваши солдаты храбры, это без труда мы, французы, можем признать; но ваши генералы не стоят ваших солдат. Они действовали против всех правил. Вы говорите, что победили при Рушуке, а турки говорят, что победили они. Положим, с точки зрения военных, как мы, — продолжал он, взглянув на князя Шварценберга, который стоял рядом с нашим посланником, — это победа; но, смотря на дело с политической точки зрения, надо сказать, что вы были побиты, потому что вы были в необходимости оставить Рушук и отступить, между тем как должны были оставить его в своих руках, как мостовое укрепление. Император Александр говорит, что не хочет войны, вы мне это повторяете беспрерывно, я желаю этому верить; но слова не согласуются с делами. Герцог Виченцкий возвратился совершенно плененный Россией и хотел меня уверить, что пять дивизий не двинуты из Дунайской армии, тогда как я имею положительные об этом сведения. Он поверил тому, что ему говорили в Петербурге. Граф Лористон также осыпан знаками благосклонности к нему императора Александра в продолжение пяти месяцев, как он находится в Петербурге. Я понимаю, что посланник должен быть признателен за такую благосклонность, но не должен забываться до того, чтобы только льстить, ухаживать за страною, куда послан: есть случаи, когда он должен действовать с силой и раскрывать истину. Дело об Ольденбурге должно быть окончено. Оно одно вызвало и поддерживает все наши недоразумения. Вам не хотели дать полномочий, о которых вы просили, так пусть же пришлют сюда уполномоченных, чтобы договориться об этом деле и покончить его; я только этого желаю и требую. Между тем у вас отнимают хорошего секретаря, к которому вы привыкли, и ставят вас в затруднение, лишая опытного помощника, который мог бы облегчить ваши труды».

«Но граф Нессельроде должен был ехать в Россию, — возразил князь Куракин, — для устройства своих частных дел и потому испросил себе отпуск».

«Император Александр и граф Румянцев, — продолжал Наполеон, не останавливая внимания на ответах нашего посланника, — будут виновны в тех бедствиях, которые навлекут на Европу новою войною. Можно знать, когда хочешь ее начать, но нельзя знать — когда и как удастся ее окончить. Великие державы должны говорить между собою откровенно; но этого правила у вас не держатся. Я был чрезвычайно

обрадован, когда Лористон известил меня о словах императора Александра, что он возвратил бы пять дивизий назад на Дунай, если бы я уменьшил данцигский гарнизон. В этой откровенности я увидел было начало к сближению, я надеялся, что окончатся все недоразумения между нами; но от вас это скрыли, вам об этом ничего не говорят в депешах, которые вы получили; не захотели даже, чтобы вы мне подтвердили это официально. Конечно, вы сообщали, что я говорил с вами, что я повторил потом графу Шувалову — и ни на что не отвечают. Это молчание не ясно ли обличает, что в Петербурге питают задние мысли, имеют намерения, которые прикрывают только мирными уверениями. Мне непонятно это затмение, я его не понимаю; они действуют как Пруссия, когда стремилась к собственной гибели. Я не похож на графа Румянцева, который только над всем посмеивается и сочиняет остроты (*qui s'amuse à rire et à faire des calembours*), я этого не умею, я на все смотрю серьезно и действую, соображаясь с моими обязанностями, с выгодами моего народа и с действительным положением дел. Мне известно, что вы хотите отправить нарочного в Петербург. Пошлите его и сообщите императору Александру все, что вы слышали. Я знаю здравый смысл императора и рассчитываю на него. Вот уже с год, как я начал замечать перемену в его отношениях ко мне. Я не официально говорил с вами, — это простая беседа. Я искренно желаю, чтобы осуществились и ваши желания и чтобы вам скоро удалось увидеть, что все затруднения между нами, как вы полагаете, уладятся, и наши отношения придут в прежнее положение»*.

*Депеша князя Куракина к графу Румянцеву. Париж, 3/15-го августа 1811 г. В нашем рассказе мы руководствовались по преимуществу этою депешкою, но рассказ нашего посланника в главных чертах совершенно сходен с рассказом Тьера (*Histoire de L'Empire*, XXIII), который не знал депеши князя Куракина и излагает разговор на основании других источников. Сам Наполеон подробно пересказал потом свои речи герцогу Бассано и поручил ему передать их в окружной депеше всем европейским дворам. Его речи ясно слышали стоявшие подле нашего посланника князь Шварценберг и юртембергский посланник и подробно передали их в донесениях своим кабинетам. На этих источниках основан рассказ Тьера. Депеша герцога Бассано, составленная со слов Наполеона, конечно, не могла бы служить достоверным источником для историка; известно, как смотрел Наполеон на составляемые им депеши: этот самый разговор в передаче Тьера может служить тому доказательством. Отвечая на заявления князя Куракина о победе наших войск при Рущуке и о том, будто бы финансовые затруднения заставили нас вывести пять дивизий из дунайских княжеств, он сказал: «Tenez, prince, parlons nous serieusement? *Dictons-nous ici les dépêches* ou écrivons-nous pour les journaux? S'il en est ainsi, je tomberai d'accord avec vous, que vos généraux ont été constamment victorieux, que la gêne de vos finances vous a obligé de retirer une partie de vos troupes, qui vivaient au dépens des Turcs pour les faire au dépens du trésor russe, j'accorderai tout cela; mais si nous parlons franchement devant trois ou quatre de vos collègues, qui savent tout, je vous dirai, que vous avez été

В этой речи император Наполеон не сказал ничего нового в отношении к политическим вопросам, составляющим предмет пререкания между двумя кабинетами, против того, что говорил прежде. Она замечательна не тем, что он говорил, но тем, о чем он умолчал, и теми особыми обстоятельствами, при которых она была произнесена. Он умолчал о главном и существенном вопросе, составлявшем постоянный предмет его помыслов и страстных забот, — о нейтральной торговле.

battus, bien battus, etc.». Но депеша герцога Бассано подтверждается отчетами австрийского и вюртембергского послов. Эти три пересказа, замечает Тьер, в главных чертах не противоречат между собою, а дополняют друг друга некоторыми подробностями, более или менее важными, ускользнувшими из памяти одного и удержанными памятью другого. Точно в таком же отношении к этим источникам находится и рассказ князя Куракина. Он даже более других мог забыть подробности полуторачасового разговора, потому что, несмотря на навык опытного дипломата, был уже довольно стар в то время, и при этом этот разговор, без сомнения, поразил его более всех других слушателей. Эта самая депеша может служить доказательством сказанного нами. В конце ее, как случилось и в других его депешах, на другой день по написании он сделал приписку, начинающуюся следующими словами: «При внимательном прочтении этой депеши, уже переписанной, моя память лучше послужила мне, чем когда я писал ее между 12 и 6 часами утра, борясь со сном и усталостью. Я вспомнил несколько частных мыслей и выражений императора, которые не припомнил при первом ее составлении. Как все, сказанное этим государем, имеет значение, то спешу их сообщить вам». И вслед за тем он приводит слова Наполеона: «Ne concevant rien à la marche, qu'on suit chez vous, ja suis comme homme dans l'état de nature, qui, lorsqu'il ne comprend pas — se méfie. Il y a pourtant des talents en Russie, mais ce que s'y fait, prouve ou qu'on a perdu la tête, ou qu'on a des arrières-pensées. Dans le premier cas vous ressemblez à un lièvre, qui a du plomb dans la tête, qui tourne et tourne sans savoir, quelle direction il suivra et où il arrivera». Тот же самый эпизод разговора у Тьера рассказан так: Vous êtes comme un lièvre, qui recevant du plomb dans la queue, se leve sur ses pattes pour regarder et s'expose ainsi à en recevoir à la tête... Moi, je suis défiant comme l'homme de la nature... j'observe... je vois qu'on se dirige de mon côté, je me défie, je mets la main sur mes armes». Приведенные выписки показывают, что в депеше князя Куракина встречаются только такие же разноречия, которые находил Тьер в тех источниках, которыми он пользовался; в отношении же к сущности передаваемых речей, они совершенно с ними согласны. Но есть еще одно несогласие между ними. Наш посланник говорит, что речь Наполеона — avec des formes plus amicales a été cependant par sa nature et par le but qu'elle indiquait, le pendant de celle, que l'empereur a eue le même 15 août il y a trois ans à St. Cloud avec le c-te de Metternich. Тьер рассказывает, что все слова Наполеона имели насмешливый характер, и что он постоянно ставил в неловкое положение князя Куракина и подтрунивал над ним. Соображая обстоятельства того времени, когда говорил Наполеон эти речи нашему посланнику, и последующий образ действий французского правительства в отношении к нему с личным характером Наполеона, кажется, надо поверить тем источникам, которыми руководствовался Тьер в своем рассказе. Сравнивая речи Наполеона нашему посланнику с речами графу Меттерниху и лорду Уитворту, нельзя не заметить, что первые отличаются особенною сдержанностью. Но сдерживая волновавший его гнев в отношении к России, не мог он не выразить его хотя бы в отношении к нашему посланнику.

Указывая на то, что с некоторого времени он замечает перемену в отношениях к нему императора Александра, он умолчал о личной своей дружбе и расположении к нему, о чем любил с особым ударением говорить прежде, пользуясь каждым случаем, с тою целью, чтобы своим союзом, основанным не только на взаимных выгодах обеих держав, но и на личных отношениях их повелителей, на дружбе его с последним могущественным государем Европы, заставить молчать и преклоняться перед собою всех других. Но такая цель уже потеряла для него всякое значение в это время. Он знал, что волею-неволею держит в своих руках всю континентальную Европу. Пруссия уже искала союза с Францией; Австрия, после Венского мира сблизившаяся с ним семейными узами, заодно действовавшая против нас в Константинополе, не могла рассчитывать даже на сохранение нейтралитета. Он не терял еще надежды на содействие Швеции и на возобновление военных действий против нас со стороны Оттоманской Порты. Наполеон, несмотря на свою гениальность, при одинаковых обстоятельствах постоянно действовал одинаковым образом, повторялся, употреблял одни и те же приемы, так что опытные наблюдатели очень верно могли предугадывать последствия его поступков. Мы уже сказали, что его разговор с князем Куракиным был повторением разговора с английским посланником в 1803 и с австрийским — в 1809 году: та же обстановка, тот же смысл речей, те же можно было предвидеть и последствия, то есть, бедствия войны. Разговор с Куракиным отличался от двух других только уверенностью; император не возвышал голоса и говорил довольно тихо, не увлекался гневом и, напротив, желал придать своим словам вид откровенного доброжелательства. «Разговор этот, — писал наш посланник, — продолжался более двух часов и был так длинен и оживлен, что должен был приковать внимание всех присутствовавших. В формах более дружественных он, по своему свойству и своей цели, был повторением того, который вел император три года тому назад, в то же число 15-го августа, с графом Меттернихом в Сен-Клу, и который в свое время так много наделал шуму. Признаюсь, я безутешен. Я испытывал неудовольствие выслушать от императора *при всех* все то, что он уже говорил мне на частной аудиенции, которую он мне давал три месяца тому назад, все, что впоследствии, в том же смысле и о тех же предметах, говорил он графу Шувалову».

Без сомнения, тот же самый разговор в частной беседе с посланником союзной державы имел бы совершенно иное значение. Он выражал бы, конечно, возникшие между государствами затруднения, возбудил бы переговоры и сношения, но не обличал бы разрыва и возможности войны. Напротив того, будучи произнесен в торжественном собрании, в

присутствии дипломатического корпуса, и сообщен потом самим французским министерством иностранных дел всем европейским державам, разговор этот получал именно значение прелюдии к войне.

Такова была сущность этих речей Наполеона; но он желал придать ей менее решительное на вид значение. Он говорил без той резкости, без той заносчивости, которыми обыкновенно отличались его речи в подобных случаях. Он начал разговор с нашим посланником, выждав время, когда многие уже разъехались, и около него и Куракина находилось только несколько лиц дипломатического корпуса, — князь Шварценберг, герцог Кампо-Кьяро и некоторые другие. Он выждал время, несмотря на то, что придворные экипажи уже были готовы, и что как он, так и его семейство, спешили ехать в Сен-Клу. Он говорил так тихо, что, по словам нашего посланника, только «ближайшие его соседи по обе стороны, послы австрийский и неаполитанский, могли следить за ходом его мыслей и явственно слышать весь разговор; все другие лица, оставшиеся еще в зале, могли только делать догадки и предположения».

Хотя время года до некоторой степени уже устраняло возможность немедленного начала военных действий, которого не желал и сам Наполеон, не считая себя окончательно приготовленным, тем не менее он не хотел выражать и явного разрыва, явно вызывать на войну, и потому прикрывал его вызовом на новые переговоры, уверениями, что первый не начнет войны и обещаниями, что начатые переговоры могут весьма легко повести к соглашениям между обеими державами. Уверенный в своем влиянии на Пруссию и Австрию, он однако опасался упустить их из своих рук, потому что их содействие в войне с Россией еще не было обеспечено никакими договорами, а вместе с тем он опасался вынудить и Россию, вызванную им на войну, к наступательным действиям, которые, конечно, открылись бы занятием герцогства Варшавского и восточной Пруссии.

Его хитрость увенчалась полным успехом, но потому только, что император Александр твердо решился в это время выждать нападения со стороны своего противника и не приступать к наступательным действиям. Но тем не менее, смысл речей Наполеона, сказанных 3/15-го августа нашему посланнику, был очень определенно и ясно понят как в России, так и во всей Европе. «Я желал бы, — говорил графу Лористону император Александр, — не придавать особенного значения этой речи, но о ней говорят во всех домах Петербурга, и это новое обстоятельство укрепляет только мой народ в твердой решимости, не вызывая войны, защищать свое достоинство и свою независимость до последней крайности. Впрочем, император Наполеон прибегает к таким речам, только решившись воевать, — тогда он не считает

нужным сдерживаться. Я вспоминаю его разговор с лордом Уитвортом в 1803 году и графом Меттернихом в 1809. Поэтому он служит для меня весьма дурным признаком для поддержания мира»*. Несмотря однако на эти слова, император Александр, не желая ускорять разрыва, поручал нашему посланнику постоянно заявлять французскому правительству, «что он твердо сохраняет союз с Францией, считая его полезным как для своей империи, так и для общего блага, и потому желает поддержать его, устраняя все то, что могло бы его ослабить». Оставаясь верным тем началам политики, которые были установлены в Тильзите, до тех пор пока и Франция, со своей стороны, будет им следовать, император поручал князю Куракину заявить, «что не считая нужным со своей стороны делать какие-либо предложения, он готов выслушать всякие предложения, которые сделает ему император, его союзник, для устранения пререканий, возникших между двумя дворами». Об этих предложениях нашему посланнику поручалось доводить немедленно до сведения нашего кабинета.

Вместе с тем, граф Румянцев писал князю Куракину, «что император узнал из его депеш, что император французов предполагает, будто бы его величество желает обладать Данцигом или частью герцогства Варшавского. Император не может даже объяснить себе, что подало повод к такому предположению, лишенному всякого основания, и предписывает вам заявить самым положительным образом, что он не имеет никаких видов ни на Данциг, ни на часть Варшавского герцогства и во все не желает обладать ими. Довольный пределами империи, которую Провидение вверило его управлению, его величество не имеет никаких видов на то, что составляет собственность других, и заботится единственно о сохранении общего мира и спокойствия, столь необходимых для того, чтобы залечить глубокие раны, причиненные Европе двадцатью годами бедствий и страданий»**.

Как смысл речей, произнесенных торжественно Наполеоном нашему посланнику, был очень хорошо понят нашим кабинетом, так, без сомнения, были поняты и императором французов эти заявления нашего правительства. Разрыв между двумя империями совершился окончательно.

*Thiers. Histoire de l'Empire, ch. XXIII.; Correspondance diplomatique de J. de Maistre, t. I, срр. 25. Письмо от 10/22-го сентября 1811 года.

**Депеша канцлера графа Румянцева князю Куракину от 25-го сентября 1811 года (напечатана частью у Богдановича. История Александра I, т. III, примеч. к гл. XXIX, с. 40—42).

Глава вторая

*Сношения
с Францией
в конце 1811
и в начале
1812 годов*

День 3-го августа 1811 года, вместе с общим значением для всей Европы, имел и особенное — для нашего посланника. Он мог писать канцлеру, что находится в *безутешном* положении (*je suis inconsolable*), потому что его положение было действительно крайне затруднительное. Опытному дипломату, старику, высокопоставленному как в общественном, так и в служебном отношениях, послу русского императора, торжественно говорит союзник его государя, что ему, послу, неизвестны виды русского правительства, что от него скрывают их, что ему не отвечают на его вопросы, не дают необходимых ему полномочий, в самое нужное время у него отнимают лучшего и способнейшего из его помощников, и заявляют желание, чтобы был прислан новый уполномоченный для переговоров, которые должны уладить и устранить возникшие между двумя империями затруднения. Вслед за Наполеоном, его министр иностранных дел, пользуясь всяким случаем, повторяет послу то же самое. Обещав сообщить ответ императора на последние его представления, министр объявляет потом, что он не считает нужным на них отвечать, и сам Наполеон, встречаясь с послом, избегает говорить о политике. «Клянусь вам, — писал князь Куракин канцлеру, который был двоюродным его братом, — что страдания душевные далеко превосходят те, которые испытывает мое тело, в продолжение трех недель от жестоких припадков кашля и подагрических болей. Происшествия грустные, невероятные, которых не могут предотвратить все мои старания, и которых я должен быть невольным свидетелем здесь в качестве посла, выходят из области тех явлений, кои я мог бы ожидать, и которые позволял бы себе считать возможными. Мне грустно видеть, что так недолго продолжались те связи, которые мне было поручено развивать и укреплять с искренним сочувствием, потому что их последствием было бы общее спокойствие Европы. Тайное предчувствие, заставлявшее меня отказываться от назначения в Париж и много раз просить императора не возлагать на меня этой обязанности, оправдалось жестоким образом на самом деле. Я должен с грустью сказать, что наша честность (*loyauté*) встречает здесь недоброжелательство, наша верность принятым на себя обязательствам — вероломство, наша любовь к миру — жажду к захватам и страсть к переворотам. Я не предполагал, чтобы к концу моей жизни мне пришлось быть действующим лицом в такое время, какое теперь настало и какое еще вслед за ним наступит. Я в отчаянии ввиду тех бедствий, которые

снова испытывает Европа и которые разразятся и над нашим отечеством в царствование самое человечное, самое честное, лучшего из государей! Если я до сих пор настаиваю на том, что нужно, наконец, удовлетворить императора Наполеона, который так упорно требует, чтобы мне были даны особенные полномочия и назначены здесь отдельные переговоры по ольденбургскому вопросу, то не потому только, что считаю возможным посредством этой меры предотвратить войну, но и для того, чтобы отнять у Франции предлог умножать свои жалобы и притязания против нас, хотя в сущности совершенно несправедливые. Может ли Франция скрыть, что она сама подала все поводы к разрыву? Наш образ действия в продолжение союза с нею, который мы постоянно старались поддерживать, был безукоризнен. В чем же мы собственно виноваты? Не будем скрывать от себя нашей вины: мы весьма виноваты в глазах такого завоевателя, которому до сих пор все удавалось, каков император Наполеон, который только и стремится к тому, чтобы не было ему равных, — но мы виноваты только в том, что Россия есть единственная из великих держав в Европе, сохранившая свою независимость, самостоятельность и целостность своих владений. Конечно, в этом мы сами не можем винить себя; не нам желать нашего собственного унижения. Надо молить Бога, чтобы он дозволил нам разумно воспользоваться всеми нашими силами и средствами поддержать себя в этом положении»*.

Затруднительное положение нашего посланника в отношении к французскому правительству усложнялось еще тем, что имело влияние на его общественные отношения. Речи Наполеона 15-го августа развязали всем язык. Сам император Наполеон после того при каждом случае заявлял свои жалобы на Россию. Вслед за ним с особенною ревностью повторял их герцог Бассано, а за ним — толпа бескорыстных и корыстных поклонников Наполеона, или восхищавшихся всеми его действиями и особенно военными, или жаждавших известности и корысти. Но рядом с ними, во французском обществе, было много тайных недоброжелателей Наполеона — или поклонников старого порядка вещей, или честных людей, неспособных примириться с отсутствием всяких понятий о чести, с захватом чужих владений, и воодушевиться мыслью о всемирном владычестве. К ним втайне примыкал почти весь дипломатический корпус находившихся в Париже посланников других держав. Сколько одни восхищались и хвастались выходкой Наполеона 15-го августа, столько же другие находили ее неприличною в отношении к великой державе, как Россия, и неучтивою в отношении к

*Частное письмо кн. Куракина к гр. Румянцеву из Парижа 10/22-го ноября 1811 года.

ее представителю при тюильрийском дворе. Последние сообщали нашему посланнику все, что позволяли себе говорить о России как сам Наполеон, так и его министры, все даже тайные их действия, все, что говорилось в обществе. Конечно, в этих вестях могло быть много преувеличенного и даже неверного в подробностях; но общий их смысл был верен; его подтверждали постоянные распоряжения французского правительства об увеличении военных средств и о направлении их ближе и ближе к границам России.

«Признаки враждебных замыслов императора Наполеона против России, — писал в конце 1811 года князь Куракин нашему правительству, — с каждым днем обозначаются и увеличиваются все более и более. Военные приготовления производятся неумолимо и теперь уже открыто и явно. Значительные силы стягиваются отовсюду к северу Германии, и чтобы обезопасить южную Францию, а равно и ее западные берега от нападений, принимаются соответственные меры. В восьми южных департаментах Франции, соседних с Испанией, учреждается национальная гвардия, которая устраивается таким образом, что даст возможность императору Наполеону вывести из Испании большую часть своих старых войск и двинуть их на север. Точно так же будет поступлено и в отношении берегов океана, о безопасности которых будет заботиться целое новое войско из двухсот отрядов, составленных из таможенной и береговой стражи, привыкшей уже к службе. Лагери булонский и утрехтский составляют только резервы германской армии. Императорская гвардия скоро должна выступить. Фуры, в которых она должна быть перевозима на почтовых, готовятся здесь в Париже. Ординарцы императора (*les officiers d'ordonnance*) получили уже каждый по 25 тысяч франков для того, чтобы подготовиться к походу, а это никогда не делается иначе, как в самое последнее время перед началом войны. Во всех больницах Парижа готовят корпию для войск. Военный министр в разговоре с одним доверенным лицом говорил, что Франция никогда еще не бывала так готова к войне, как теперь, потому что имела достаточно времени для приготовлений. Приготовленные средства огромны.

Будучи свидетелем всех этих обстоятельств, очевидно, доказывающих, что непременно начнется война, я могу только желать, чтобы и мы были приготовлены к ней в достаточной степени.

Обхождение со мною соответствует тому угрожающему положению, которое принял против нас повелитель Франции. На последнем вечере, которые бывают после театра в Тюильри, он несколько раз проходил мимо меня, не сказав мне ни слова, чего никогда не случилось прежде. Даже поведение в отношении ко мне герцога Бассано ви-

димо изменилось. Вчера по обыкновению я был на его бале, которые у него бывают постоянно по субботам. Он очень поздно вышел из своего кабинета, за полночь, и вместо того, чтобы найти меня, как он всегда это делал, в зале, где танцевали и где действительно я находился, он остался в одной из тех, где играли в карты, и сам принял участие в игре, прежде нежели повидался со мною, как бывало прежде. Только к концу бала, когда я собирался уже отправиться домой, проходя через ту залу, где он сидел за карточным столом, я увидел его, сел рядом с ним и вынудил его отвечать мне на самые обыкновенные и ничтожные вопросы.

При обстоятельствах, все более и более предвещающих разрыв, в таком трудном положении, в каком я нахожусь, мне тяжело сознавать, что я не имею никаких приказаний, никаких наставлений, никаких сведений о видах нашего кабинета. Я возобновляю свое ходатайство о том, чтобы Его Величество поручил сообщить мне свои распоряжения как в отношении лично ко мне, так и к моим подчиненным и о том, какие меры должен я принять в отношении к архиву посольства? В последнюю нашу войну с Францией он оставался на хранении у австрийского посланника; но я сомневаюсь, чтобы при настоящем отношении к нам Австрии, или лучше сказать, при отношениях ее к Наполеону, можно было прибегнуть к этому способу. Все другие посольства, которые здесь находятся, представляют то же самое неудобство. Я предполагаю, что мне придется увезти его с собою, и, сообразно с этим, уже принимаю некоторые меры. С величайшим нетерпением я ожидаю наставлений, сообразно с которыми мог бы располагать моими действиями. Если же я буду лишен этих наставлений, как до сих пор, и должен буду действовать по своему усмотрению, то предвижу, что окажусь в том же положении, в каком находился Филипп Кобенцель в 1805 году и граф Меттерних четыре года спустя после него. Они оставались чем-то вроде пленников в Париже, тогда как австрийские войска давно уже дрались с французами.

Признаюсь, я не имею уже никакой надежды, чтобы наши пререкания с Францией могли быть полюбовно окончены какими-нибудь переговорами. Приезд графа Нессельроде, о котором здесь говорили и которому я радовался прежде, кажется мне уже средством недостаточным для того, чтобы предотвратить готовящуюся грозу. На каких условиях Франция может отказаться от своих военных против нас приготовлений, стоивших ей столько денег и времени, когда они совершенно окончены и составляют грозную силу, готовую для вторжения в наши пределы? Какие для нашего государя могут быть ручательства в добросовестности его союзника, после четырехлетних опытов, которые достаточно показали,

что в отношении к нему можно единственно полагаться на силу своего собственного оружия?

Уже более года, как я заметил, что дружеские отношения между Россией и Францией расстроились, и представлял, какие могут произойти из этого последствия. Мысль об отставке постоянно приходила мне на ум; но я считал долгом лично до меня касавшиеся соображения принести в жертву моей преданности особе нашего государя и ревности к его службе. Те же самые причины и в настоящее время препятствуют мне просить увольнения от моей должности, и, жертвуя собою, я все свое счастье полагаю в том, чтоб исполнить мои обязанности, согласные с моими чувствами преданности государю. Эта мысль служит мне утешением в том, что под конец моей службы и моей жизни я должен перенести столько неприятностей и огорчений»*.

Действительно, неприятное положение князя Куракина усиливало еще более тем, что он не получал наставлений о том, как должен действовать в случае разрыва с Францией. Но какие наш кабинет мог дать ему наставления на тот случай, которого он предполагать не желал, и когда французское посольство спокойно пребывало в Петербурге?

Граф Лористон, вполне доверяя наставлениям, полученным им от своего правительства, старался убедить наш кабинет, что император Наполеон не желает войны с Россией, что он будет вынужден на эту неприятную для него случайность единственно в том случае, если Россия вступит в союз с Англией, и старался всеми способами уговорить императора Александра войти в особые соглашения с Францией. Император не скрывал от него, так же как и от его предшественника, своего убеждения, что император Наполеон решился на войну с Россией и что переговоры не поведут уже к соглашению, — но тем не менее обходился с ним, не только соблюдая приличия образованного правительства к посланнику европейской державы, но предупредительно и даже ласково. Он часто приглашал его к своему столу; граф Лористон обедал у него даже накануне отъезда его в Вильну, в главную квартиру своих войск, и так был уверен в поддержании мира и союза с Россией, что заботился нанять и даже купить для себя дачу к весне 1812 года**. Конеч-

*Депеша князя Куракина к графу Румянцеву от 24-го декабря 1811 года (5-го января 1812 года); частное письмо к канцлеру от 6-го (18-го) декабря 1811 года.

***Cte Joseph de Maistre. Correspondance politique*, t. I, pp. 74–75, письмо от 9/21-го апреля 1812 года: Lauriston parle déjà de sa maison de campagne pour le mois prochain et comme il joue la comédie *sans être fin*, il dit l'autre jour qu'il en voulait acheter une. Понятно, что в обществе дипломатов не могли предполагать, чтобы посланник Наполеона не знал его политических видов. Но это так и было. Лористон не хитрил, но не понял тайных видов своего повелителя — *sans être fin*.

но, ему и на мысль приходить не могло никакого опасение как о себе, так и членах своего посольства и о посольских архивах.

Князь Куракин находился совершенно в ином положении. Не веря мирным заявлениям императора Наполеона, находившимся в явном противоречии с его действиями, испытывая неприличный образ действий как с его стороны, так и со стороны министра иностранных дел, лично к нему и к нашему кабинету, он предвидел войну в близком будущем и опасался за свою судьбу и судьбу всего посольства. Зная характер императора Наполеона и недавний еще случай с австрийским посланником, графом Кобенцелем, он имел основание опасаться тем более, что в это время в Париже начали ходить темные слухи, будто бы наше посольство за деньги получает такие сведения из военного министерства, которые французское правительство сохраняет в строгой тайне. Но без сомнения, наш кабинет не мог дать князю Куракину предписаний на случай войны, когда еще правительства обеих империй говорили о взаимном желании поддерживать мир и союз между ними, и когда император Александр решил не быть зачинщиком войны и не давать никаких поводов к подозрению в этом отношении, которое и так уже заявлял Наполеон. Такой взгляд императора разделял и его канцлер иностранных дел. Они различались только тем, что император с начала 1811 года считал войну неизбежною, канцлер же, напротив того, рассуждал как теоретик, не принимающий в соображение ни страстей, ни других случайностей действительной жизни, — что союз Франции с Россией самый естественный и выгоден для России, но еще более для самой Франции*, и что император Наполеон, как человек гениальный, понимает это очень хорошо. Поэтому, из-за частных затруднений он не захочет пожертвовать этим союзом, и все его военные приготовления клонятся лишь к тому, чтобы угрозою войны вынудить Россию к мирным переговорам. «Император Наполеон удаляется от нас, но он возвратится к нам, — говорил он часто Коленкуру, — если только желает всеобщего мира»**.

«Позвольте сделать вам упрек, — писал Румянцев Куракину, — из того, что я не отвечаю вам, вы могли подумать, будто я не обращаю особенного внимания на то, что вы постоянно повторяете, то есть, что нам угрожает страшная война. Для нее не представляется никаких поводов со стороны того, кто предполагает воевать с нами, и эта война *диаметрально* противна выгодам его монархии. Но если этот государь уже

*В этой мысли, после женитьбы Наполеона на австрийской эрцгерцогине и рождении Римского короля, граф Румянцев укрепился еще более.

***Bignon*. Hist. de France, ch. XXI. Эти слова сердили Наполеона: «Je ne sais ce que m-r de Roumanzoff entend par notre éloignement et notre retour; il paraît qu'il a entièrement désappris ce pays-ci», — говорил он.

решился воевать с нами, то что же иное мы сделать можем, как не *решился* также выдержать эту войну? Если ее можно избежать, то не вследствие того, что *мы* ему можем сказать, а того, что он *сам себе скажет*. Поистине, я полагаюсь гораздо более на собственные соображения этого государя, нежели на какие бы то ни было переговоры»*. Впрочем, слухи о том, что император Александр намеревался послать графа Нессельроде в Париж для особых переговоров, имели некоторое основание, хотя французский посланник в Петербурге и русский — в Париже придавали этому посольству не то значение, какое имело в виду наше правительство.

Граф Лористон постоянно упрашивал императора Александра для пользы человечества, для сохранения мира сделать первый шаг к примирению, удовлетворить настоятельным требованиям Наполеона, снабдив полномочиями для новых переговоров князя Куракина или послать особого уполномоченного. Император Александр отвечал постоянным отказом. Не подав повода к неудовольствиям и считая требования Наполеона простыми придирками для того, чтобы выиграть время и приготовиться к решенной уже в его уме войне, он считал унижением для себя и для России явиться как бы просителем мира. Он знал вместе с тем, что не может отступить от принятых им решений в отношении к нейтральной торговле и торжественному отречению от протеста по ольденбургскому делу, и что новые переговоры могут только довести до более резкого выражения различные взгляды двух правительств и тем самым ускорить войну. Император Александр, хотя и считал войну неизбежною, мог согласиться на новые переговоры не иначе однако же, как считая себя вполне подготовленным к ней. Между тем Россия не была в таком положении, пока продолжалась еще война с турками. Поэтому император Александр, вызываемый настояниями Наполеона, мог решиться на последнее заявление своих условий для поддержания мира и союза с Францией (на ultimatum) только в том случае, если бы мир с Османскою Портою был делом решенным и не подверженным никаким сомнениям. Некоторое время, а именно осенью 1811 года, император находился в таком положении. Блистательные действия генерала Голенищева-Кутузова на Дунае, победы над турками, плен верховного визиря с его войсками, и вслед за тем переговоры, открытые в Бухаресте, подавали надежду на скорое заключение мира с турками. В это время император Александр действительно решался отправить в Париж для переговоров графа Нессельроде, бывшего до тех пор советником нашего там посольства и теперь

*Частное письмо графа Румянцева к князю Куракину 27-го февраля 1812 г.

находившегося в Петербурге в отпуске. Такое посольство было бы исполнением той мысли, которую император Александр заявлял много раз герцогу Виченцскому в ответ на подозрение Наполеона, что, заключив мир с Турцией, Россия немедленно вступит в союз с Англией и объявит войну Франции. Он заявлял ему, что, наоборот, тогда он будет стремиться к тому, чтобы поддержать всеобщий мир и для того скрепить союз России с Францией, но, без сомнения, на правах самостоятельной державы и без ущерба для ее достоинства.

Получив известие об открытии мирных переговоров с турками в Бухаресте и уступая мольбам графа Лористона, император Александр сказал ему о своем намерении отправить уполномоченным для переговоров в Париж графа Нессельроде. Ему была уже заготовлена инструкция следующего содержания: по приезде в Париж ему поручалось через посредство герцога Кадорского требовать особого свидания с императором Наполеоном, которому он должен был заявить самым положительным образом, что мысль о наступательных действиях против Франции никогда не входила в виды русского императора. Одно только присоединение Ольденбургского герцогства к Франции никогда не может служить для него поводом к войне с нею, и пока Франция не посягнет на существование Пруссии, русские войска не переступят границ империи. Император Наполеон с самого начала возникших между Россией и Францией пререканий заявлял, что он сочтет войну объявленной, если русские войска вступят в границы Варшавского герцогства; точно также император Александр поручал графу Нессельроде заявить Наполеону, что он сочтет объявлением войны всякое покушение на Пруссию, всякое отправление новых французских войск в это государство. «Сохранение существования этого государства, хотя и ослабленного вследствие несчастных обстоятельств, в высшей степени необходимо для блага моей империи, — поручал ему говорить император Александр, — особенно по его положению относительно Франции. Если эта преграда будет уничтожена, Россия придет в непосредственное соседство с Францией, между тем как сам император Наполеон во многих разговорах со мною развивал мысль о неудобствах такого отношения между Россией и Францией». Поэтому оказывалось необходимым, чтобы между ними существовала нейтральная страна, которая некоторым образом вознаградила бы для России выгоды, представляемые для Франции герцогством Варшавским. Впрочем, и в этом случае выгоды обеих империй еще далеко не могут быть одинаковыми, потому что герцогство Варшавское, входящее в состав Рейнского союза, находится в полной зависимости от Франции, между тем как Пруссия — совершенно нейтральное государство, которое не только

не находится ни в каких обязательных отношениях к России, но даже в последнее время готова была войти в союз с Францией. Но все договоры в пользу независимости Пруссии будут бесполезны, если французские войска будут постоянно занимать крепости по Одеру. Поэтому, в доказательство миролюбивых намерений своего союзника и для утверждения прочного и постоянного спокойствия, император Александр поручал своему уполномоченному требовать: 1) чтобы освобождены были от французских войск крепости Штеттин, Кюстрин и Глогау; 2) чтобы уменьшен был гарнизон в Данциге, и договором определено количество войск, его составляющих; 3) чтобы договорено было, что французские войска не будут посылаемы в Варшавское герцогство и 4) чтобы войска этого герцогства были уменьшены до количества, соответственного средствам страны, необходимым для их содержания.

Только на этих условиях император обещал дать согласие на присоединение к Франции герцогства Ольденбургского. В случае же несоговорчивости французского правительства он позволял графу Нессельроде сделать уступку в отношении к первой статье, но при одном из двух следующих условий: или постановить в договоре, что Пруссии возвращаются немедленно те крепости, которые по условиям, заключенным с нею Францией, уже должны быть возвращены Пруссии потому, что истек срок удержания их во временной власти французов, и что вслед за тем, по мере уплаты Пруссией остальной части контрибуции, будут возвращаемы ей и остальные крепости; или же — постараться извлечь выгоду для этой страны из постановлений Тильзитского договора, по которому предполагалось уступить Пруссии часть ганноверской области с 300 тысячами жителей, если только Ганновер не будет снова возвращен Англии. Так как Наполеон уже включил Ганновер в состав Вестфальского королевства, и, вероятно, не захочет отделить от него часть для Пруссии, то император Александр предполагал, что Франция могла бы взамен этой уступки убавить соответственную часть той контрибуции, которую должна заплатить ей Пруссия. Для нас это последнее условие представляло бы наиболее выгод, потому что разом устранило бы те придирки, вследствие которых Франция удерживает в своих руках крепости по Одеру, и ускорило бы возвращение других.

Русское правительство уже достаточно знало по прежним опытам все двусмыслие политики Наполеона в отношении к вопросам о Польше; поэтому оно предвидело, что четвертое условие о том, чтобы уменьшены были войска герцогства Варшавского, может встретить затруднение со стороны тюильрийского кабинета, и дозволило уступить в этом случае, если будет сильное упорство с его стороны. Но условиями *sine qua non* для договора с Францией признавались следующие: 1) возвра-

тить Пруссии хотя бы одну из одерских крепостей; 2) постепенно возвращать другие по мере уплаты ею контрибуции; 3) уменьшить число данцигского гарнизона, и 4) не посылать французских войск в Варшавское герцогство*.

Приведенное содержание тех наставлений, которыми наше правительство предполагало снабдить своего уполномоченного для новых переговоров с Францией, ясно показывает, что русский император во все не думал делать новых уступок притязаниям заносчивого союзника и своею уступчивостью купить некоторые уступки с его стороны в отношении к нейтральной торговле, как это полагали посланники обеих империй, граф Лористон и князь Куракин; а, напротив того, император Александр желал обуздать его произвол в действиях в отношении, по крайней мере, к одной из соседних с Россией держав. Он полагал, что император Наполеон может согласиться на предлагаемые им условия, «если он действительно желает сохранения мира».

Но этого-то и не желал император Наполеон. Вызывая Россию на новые переговоры, когда не предстояло никакой в них нужды, он именно и рассчитывал на то, что они состояться не могут, что ему удастся протянуть время, отсрочить войну, составлявшую предмет его настойчивых забот, до той поры, когда, по его соображениям, он мог начать ее с полною уверенностью на успех. Поэтому известие, полученное им от своего посланника о скором отправлении в Париж графа Нессельроде, произвело на него неприятное впечатление. Он опасался, что эти переговоры выведут, наконец, из двусмысленности отношения между двумя империями и дадут повод России к наступательным действиям. Он опасался, что Россия, введя войска в герцогство Варшавское и восточную Пруссию, может захватить приготовленные им боевые и продовольственные запасы и вынудить его на военные действия в самое неблагоприятное для них время года.

Принимая прусского посла графа Круземарка в частной аудиенции, Наполеон завел речь об отношениях своих к России, продолжавшуюся весьма долго. По принятому им в это время обычаю, упрекая Россию за то, что она хранит молчание насчет своих видов и не желает высказаться откровенно, перечисляя все употребленные им усилия, чтобы вывести ее из этого молчания, Наполеон сказал, наконец, что с прискорбием видит совершенную неизбежность разрыва между Россией и Францией, потому что решительно невозможно, чтобы настоящее положение дел могло долее продолжаться: «У императора Александра есть задние мысли, которых он не хочет выразить; я уверен,

*Проект инструкции графу Нессельроде, составленный в октябре 1811 г.

что он желает приобрести Данциг и некоторые округа герцогства Варшавского; но на подобную сделку я никогда не соглашусь. Притом дела так далеко зашли, что уже не могут разрешиться иначе, как войною. Но война с Россией, особенно в настоящее время, не входила в мои виды и если, к несчастью, она начнется, то ее причину следует искать в силе обстоятельств и в непонятном образе действий петербургского кабинета, который поставил себя в дурные отношения ко всем державам».

Воображая, что обманывает всех и каждого, Наполеон сердился, ибо замечал, что это ему не удастся. Несколько времени перед тем, привлекая уже Австрию к вооруженному союзу против России, он сказал князю Шварценбергу, что вовсе не понимает, чего может опасаться Россия со стороны Франции. Когда австрийский посол, отвечая на этот вопрос, начал излагать причины опасений, говоря, что Россия не может смотреть равнодушно на присоединение ганзейских городов, особенно если подобные присоединения пойдут далее, и, следовательно, стеснят совершенно торговлю Балтийского моря, — Наполеон вдруг прервал его и завел речь о другом предмете*.

«Впрочем, — сказал он, продолжая разговор с графом Круземарком, — кажется, в настоящее время удалось объяснить русскому правительству, какой оно подвергает себя опасности, и император Александр решился, как мне пишет Лористон, отправить в Париж графа Нессельроде для переговоров о всех предметах пререканий между двумя империями. Я очень этому рад, хотя нахожу, что русское правительство сделало большую ошибку. Вместо того, чтобы отправить графа Нессельроде на прежнюю его должность — вместо советника здешнего русского посольства, хотя бы и снабдив его особыми полномочиями, его посылают, возведя в звание статс-секретаря императора, как бы чрезвычайным уполномоченным, и тем придают особенную важность и значение его посольству. Если подобные переговоры не удадутся, то это может только ускорить разрыв. Нет — император Александр не знает, какими силами я могу располагать против него; зная его лично, я не могу не любить его и не отдавать справедливости его хорошим качествам, и потому весьма жалею о нем. Заблуждение, в которое его ввели, может дорого ему стоить».

Заметив, что граф Нессельроде, который долго жил в Париже, мог бы сообщить верные сведения о его военных приготовлениях, Наполеон спросил: «Не принадлежит ли он к сторонникам войны? Знакомы ли вы с ним?»

Выслушав утвердительный ответ Круземарка о давнишнем знакомстве с нашим дипломатом и о миролюбивом его настроении, он про-

*Письмо Чернышева к графу Румянцеву от 7/19-го сентября 1811 года.

должал: «А Чернышев, он военный, что он им пишет? Не может же он утверждать, что мы слабы, что у нас ничего нет; приготовления наши таковы, что их скрыть нельзя, и он не может их не знать?»

«Я не знаю, — отвечал прусский посланник, — что пишет Чернышев своему правительству; но могу засвидетельствовать, что он несколько не заблуждается в военных силах и способах Франции и точно так же вовсе не принадлежит к сторонникам войны».

«Если так, — воскликнул Наполеон, — если они не скрывали истины от своего правительства, то чем же объяснить то упрямство, с которым преследуют направление столь ложное и противное союзу с Францией, от которого зависит спокойствие всей Европы? В Петербурге не понимают той опасности, какая им грозит; не слушают никаких предложений, не отвечают на наши вопросы. Забвение своих собственных выгод они довели до того, что не только отклонили предложение о посредничестве вашего правительства для соглашения их с Францией, но и не хотели отдать должную справедливость добрым намерениям вашего короля и его письмо к императору Александру с насмешкою показывали моему посланнику. Не приняли также и предложения Австрии о посредничестве, говоря, что находятся в дружественных отношениях со мною и не требуют чужого вмешательства. Вообще, кажется, что отношения между Австрией и Россией весьма холодны. Время, в котором мы живем, кажется, таково, что самые естественные друзья могут внушать только недоверие друг к другу. Между тем, отклонив посредничество двух держав, не хотят объяснитья и со мною, продолжают военные приготовления. Меня нельзя удовлетворить красным словом (*de belles phrases*); мне нужно не слово, а дело, и в этом отношении я вовсе не разделяю взглядов моих господ посланников. Они судят о вещах по мере того внимания и учтивости, с которыми обходятся с ними; все их донесения состоят из рассказов о том, как с ними поступают. Они полагают, что, сообщив их мне, могут убедить меня в истинном расположении русского двора. Император Александр очень любезен, он обходится с ними весьма милостиво, часто приглашает их к своему столу, делает им разные подарки, дает лошадей и вообще употребляет все средства, чтобы привлечь их к себе. В этом помогает ему и граф Румянцев своими любезностями до того, что выходит на деле, что при петербургском дворе я имею не посланников Франции, а угодников императора Александра, которые на все смотрят его глазами. Таким был Коленкур, таков теперь Лористон. Если я знаю что-нибудь верное о том, что делается в России, то не от них, а из других источников».

Несмотря на холодный и расчетливый ум, императора Наполеона постоянно волновала страсть, и в этом случае, опасаясь, чтобы

переговоры с графом Нессельроде не расстроили его соображений, он сказал более, нежели хотел и нежели следовало сказать. В то время, когда он выражал Круземарку свой взгляд на поступки России в отношении предложений Пруссии и Австрии о посредничестве, он поручал своему посланнику в Петербурге благодарить императора Александра за оказанное ему в этом случае доверие и то же самое заявил через своего министра иностранных дел нашему посланнику в Париже*. Неприлично выдав своих посланников при русском дворе, он указывал на тайные пути, которыми приходят к нему сведения, отличные от тех, которые они ему сообщают, и более достойные веры. Поэтому вечером в тот же день, когда происходил этот разговор, герцог Бассано, увидевшись с графом Круземарком, поручал ему сохранить его в глубокой тайне, особенно от русского посольства; но тем же утром, вслед за аудиенцией, Чернышеву удалось повидаться с прусским посланником и получить от него подробные о ней сведения.

Но откуда же получал Наполеон те сведения о России, которым придавал более веры, нежели донесениям своих посланников? «Без сомнения, — писал Чернышев** в то же время, — эти сведения он получает из Польши и от поляков». Так и было действительно; но в то же время нельзя не заметить, что им еще менее мог бы доверять проныцательный ум Наполеона, если бы они не соглашались с его видами. Рассчитывая на честность и благородство русского императора, он изыскивал все способы к тому, чтобы обвинить Россию в том, что она, вопреки его желанию, вызывает его на войну. Он надеялся, что, желая отстранить от себя нарекания, которые и сам он заведомо считал ложными, Россия не захочет начать войну, втянется в переговоры и даст ему полную свободу напасть на нее, когда он захочет.

Приезд Нессельроде мог ускорить развязку и заставить его ранее начать войну, и потому известие о нем вынудило Наполеона принять решительные меры для окончательного приготовления к войне. Он предписал сбор конскриптов на 1812 год, потребовал уловленных, полных контингентов от государств Рейнского союза, предписал итальянским войскам сосредоточиться на северных границах Италии и быть готовыми к походу, вызвал польские полки и молодую гвардию из Испании, отовсюду приближал войска к Эльбе

*Нота графа Румянцева князю Куракину от 13/25-го сентября; нота князю Куракину графа Румянцева от 4/16-го ноября 1811 года.

**Письмо Чернышева к графу Румянцеву из Парижа от 31-го декабря 1811 года (12 января 1812 года).

и Висле и вступил в решительные переговоры о заключении союза с Пруссией и Австрией*.

Но посольство графа Нессельроде не состоялось потому, что вместо ожидаемых известий о заключении мира с турками, получены были к концу 1811 года такие известия о новых предложениях султана, которые грозили перерывом переговоров и возможностью продолжения войны и в следующем году. Не считая, конечно, нужным сообщать подобные сведения о том французскому посланнику, император Александр объявил ему однако, что полагает ненужным послать уже с особыми поручениями графа Нессельроде в Париж, потому что из последних известий, полученных им из Парижа и отовсюду, он видит с сожалением, что император Наполеон решился воевать с Россией, и, следовательно, новые переговоры не могут повести ни к каким благоприятным последствиям.

Не один русский император так смотрел на положение дел; этот взгляд разделяли и в Париже высокопоставленные люди, не сочувствовавшие видам своего повелителя, и прямо выражали его нашим представителям: «*Лица*, которые удостоивают меня своею доверенностью и откровенно говорят со мною, подтверждают те предположения, которые я имел уже честь сообщать вашему сиятельству, — писал Чернышев графу Румянцеву, — а именно, что император Наполеон вовсе не имеет решительного намерения начать переговоры с нами, чтобы миролюбиво разрешить все возникшие затруднения. Они, к сожалению, не предвидят, каким бы способом возможно устранить тот разрыв, который твердо решен в видах Наполеона. На те вопросы, которые составляют предмет спора, *они* смотрят как на простые придирки, которыми его политика хочет прикрыть действительные свои виды. Они уверены, что лишь только с нашей стороны была бы выражена готовность вступить в переговоры и даны были бы полномочия нашим дипломатам, как Наполеон возбудил бы новые вопросы, которые послужили бы поводом к новым нескончаемым прениям, справедливо подкрепляя это предположение тем обстоятельством, что если бы тюильрийский кабинет искренно желал соглашения с нашим, то после стольких переговоров он давно бы выразил свои предположения, которые могли бы служить основанием для переговоров»**.

*Thiers. Histoire de Consulat et de l'Empire, ch. XXV.

**Письмо Чернышева графу Румянцеву от 10/22-го ноября 1811 г. из Парижа. Из всей переписки Чернышева и объяснений о своих отношениях к разным лицам, занимавшим высшие должности в правительстве Наполеона, можно с достоверностью предполагать, что из тех лиц, которых он не позволяет себе называть по именам, главным был Талейран.

Сколько сокрушался граф Лористон, искренно желавший предотвратить войну, сообщая известие о том, что предположенное посольство графа Нессельроде не состоится, столько же им был обрадован император Наполеон. Ему удалось еще на некоторое время продлить неопределенное положение, среднее между миром и войною, во время которого — он был в том уверен — Россия не приступит к наступательным действиям. Вместе с тем оно давало ему повод к новым жалобам на русское правительство, которое, уступив будто бы его искреннему желанию новыми переговорами привести к взаимному соглашению обе державы и тем поддержать мир Европы, решившись уже послать уполномоченного в Париж, — отступилось от своего намерения и тем возбуждает его недоверие к ней и вызывает к принятию мер предосторожности. В этом смысле и говорил герцог Бассано нашему посланнику, и эта новая придирка со стороны Франции вызвала подробное объяснение со стороны нашего правительства. «Неверные понятия, которые вообще составили себе в Париже, — писал наш канцлер князю Куракину, — о предполагавшейся посылке графа Нессельроде, и разговор об этом с вами герцога Бассано вынуждают меня сообщить вам подробные объяснения об ее значении и цели. В немногих словах я постараюсь объяснить существенный вопрос, который послужил поводом к предположению об отправлении графа Нессельроде в Париж, и причины, которые были препятствием к исполнению этого предположения. Когда император счел нужным для сохранения своих прав на Ольденбург сделать заявление о них всей Европе, он был уверен, что этому простому действию, необходимому для поддержания его достоинства, во Франции не придадут совершенно иного значения, нежели он сам ему придавал. Присоединив к нему самые положительные уверения, его величество полагал, что объяснил достаточно, в каких пределах должен быть понят этот поступок. Но во Франции никогда не хотели понимать его в этом смысле, придавали ему гораздо более значения и предполагали, что он поведет совершенно к иным последствиям, нежели предполагал сам русский император, вынужденный к нему прибегнуть. Такое различие взглядов на это действие повело и к разным предположениям о его последствиях. Франция желала завести особые о нем переговоры; мы, напротив, уверяли, что дело вовсе их не требует. Но не хотели понять того простого и естественного заявления, что государь желает только сохранить за собою свои права и, заявляя о том, вовсе не думал ни уничтожить силу существующих договоров, ни требовать каких-нибудь вознаграждений, а предполагали какие-то затаенные мысли именно потому, что не хотели остановиться на самой простой. Как только такой взгляд укрепился в Париже, что же мог он предвещать нам? Ка-

кие последствия — могли мы предполагать — поведет за собою то упорство, с которым постоянно, несмотря на объяснения, искажали самое простое по своему значению действие? Французский кабинет до сих пор держится того мнения, что необходимы особые переговоры, особые полномочия для того, чтобы разрешить эти недоразумения. Но какие же могут быть основания для этих переговоров, когда мы прямо заявляем, что не имеем тех намерений, которые Франция нам приписывает? Какие могут быть переговоры между двумя сторонами, когда одна из них считает себя удовлетворенною тем, что заявила свои права и не требует их осуществления? Но уступая, сколько было возможно, тому взгляду, который в отношении к этому действию составили во Франции, мы решились было объяснить его еще более и для того предполагали отправить особого уполномоченного. Но исполнение этого намерения зависело от двух существенных условий. Цель этого посольства заключалась единственно в том, чтобы, представив всевозможные объяснения, поставить вопрос в его естественные пределы. Время отправления посольства также было определено, именно миром с Турцией, которого заключение казалось близким в то время. Естественно было предполагать, что это событие могло усилить те подозрения, которые питали во Франции в отношении к тайным видам России. Поэтому представлялось необходимым рассеять их и представить новые доказательства тюильрийскому кабинету, что мы твердо придерживаемся принятых уже нами начал, несмотря на окончание войны с турками. Таковы были намерения императора, когда он предполагал отправить в Париж особого уполномоченного».

Конечно, те заявления, которые наш кабинет предполагал возможным сделать Наполеону после заключения мира с турками, он не считал уже нужным открывать в то время, когда убедился, что этот мир далеко не так близок, как можно было предполагать в конце 1811 года. Поэтому, считая нужным объяснить, почему не состоялась посылка графа Нессельроде в Париж, нельзя уже было говорить о существенной ее цели и пришлось ограничиться заявлением цели второстепенной, объяснив ее с новой точки зрения. Нельзя не обратить внимания на ту дипломатическую ловкость, с которою представлен вопрос о действии русского государя, как выражение представителя государства независимого и самостоятельного, который не намерен жертвовать своими правами властолюбивым прихотям властителя Франции, но в то же время своих династических прав не желает поддерживать силою оружия и тем нарушать благоденствий мира своей державы и всей Европы.

Ничего не могло быть более оскорбительным для Наполеона, как именно такая постановка вопроса об Ольденбурге. Он стремился только

к тому, чтобы вызвать русского императора на торговлю, на вопрос о вознаграждении. Как он, так и его министры и посланники постоянно уверяли наш двор, что стоит только предъявить России — какого она желает вознаграждения для герцога Ольденбургского, чтобы этот вопрос был немедленно разрешен, потому что император французов готов сделать все возможное, что было бы *приятно* его союзнику. Конечно, ни на Данциг, ни на герцогство Варшавское в это время рассчитывать было нельзя; но едва ли можно сомневаться, что, отдавая Эрфурт герцогу Ольденбургскому, Наполеон дополнил бы это вознаграждение всеми возможными другими, денежными или территориальными. Хотя война с Россией была решена в его уме, и все приготовления к ней почти окончены, тем не менее он охотно пошел бы на подобную сделку. Протест России по ольденбургскому делу сильно уязвил самолюбие Наполеона, потому что служил выражением не только самостоятельности России, которая его весьма тяготила, но и самостоятельности других европейских государств, существование которых он допускал лишь в той мере, в какой он позволял им существовать. Заявление, что в виды русского кабинета вовсе не входят желания или требования о вознаграждении, но восстановление нарушенного *права*, еще более взволновало самолюбие императора французов, потому что вне своей воли он не признавал никаких прав, которые могли бы стеснить ее выражения на деле. Даже обязательства, им самим взятые на себя по договорам, он считал временною уступкою случайным обстоятельствам, и они тяготили его — не по их значению, но потому, что они ставили в известные пределы его произвол, ограничивали его действия. Вследствие того первое его стремление, после заключения им всякого договора, состояло в том, как бы его нарушить и не исполнить. Он часто заявлял, что в то время происшествия так быстро следовали одно за другим, положение дел в Европе так часто изменялось, что нельзя придавать прочного значения договорам, условия которых необходимо должны изменяться вслед за изменением общего положения дел; но что следует полагаться лишь на его доброе расположение к России, союз с которою он считает естественным и выгодным для Франции, а особенно на его дружбу к русскому императору.

Если бы русский император согласился на вознаграждение герцога Ольденбургского, то первым последствием этого соглашения естественно было бы то, что он должен был бы взять назад свой протест, чего именно и желал император Наполеон, и что прямо заявлял нашему посланнику герцог Бассано. Это последствие, устранив одно из неприятных для Наполеона действий нашего правительства, повлекло бы естественным образом еще другие: доказало бы силу Наполеона, бесси-

лие России и унизило бы русского императора, решившегося на торговую сделку.

К этим объяснениям по вопросу об Ольденбурге нашему посланнику поручено было присовокупить удивление: возможно ли предполагать, чтобы поддержание союза между великими державами, связанными между собою столькими важными выгодами, могло зависеть от посольства молодого дипломатического чиновника, каков граф Нессельроде, если действительно существуют важные пререкания между ними, которые могут поколебать самые основы их взаимных отношений?

Графа Нессельроде русское правительство избрало для этого посольства, имевшего самое второстепенное значение, потому только, что, состоя при нашем посольстве в Париже, он был знаком со всеми обстоятельствами наших сношений с Францией, а по приезде в Петербург узнал и взгляды своего правительства. Если же посылке этого молодого дипломата придавали такое важное значение, то это показывает, что или предметы пререканий между Россией и Францией не так важны, как их желают представить, или если они, к несчастью, действительно важны, то средство, которое считали достаточным, чтобы их устранить, было вовсе бессильно для этого. Между тем как политика русского императора, одушевляемая желанием поддержать мир, следует твердо и хладнокровно по одному направлению, ограничиваясь лишь устранением несправедливых против нее обвинений, слухи о близкой войне все более и более распространяются по всей Европе. Не лучше ли беспристрастно исследовать те коренные причины, которые послужили поводом к этим слухам, и тогда, быть может, нашелся бы самый удобный способ не только рассеять их, но и уничтожить те самые причины, которые их возбудили. Вслед за Тильзитским миром французский кабинет тревожило подозрение, что старые связи России снова возьмут верх над новыми, и торговые выгоды, основанные на привычных уже порядках, вынудят наше правительство изменить тем началам, которые приняла его новая политика. Вследствие этого подозрения, постоянно изыскивали изобличений России в желании сблизиться с Англией. На такую попытку удобно могло наводить действительно постоянное стремление Англии всеми способами сблизиться с Россией; но опыт пяти лет, казалось бы, достаточно мог убедить, что все попытки Англии в этом отношении остались тщетными.

«Смело можете говорить, — поручало наше правительство князю Куракину, — что тюильрийский кабинет не откроет никаких следов политических наших сношений с Англией. Что же касается до торговых сношений, то меры, принятые в этом отношении нашим правительством, гораздо строже тех, какие принимаются даже в самой Франции.

Оно неуклонно следовало континентальной системе, усвоив себе вполне ее начала, и строгость мер в этом отношении могла бы быть усилена разве только безусловным запрещением нейтральной торговли в наших портах. Когда, вследствие того, как в столице, так и в других важных торговых городах, постепенно падали самые твердые дома, торговавшие с Англией, когда наши порты загружены были хлебом и другими русскими произведениями, когда наш денежный курс упал до нельзя, нужны ли еще какие-нибудь более убедительные доказательства для того, чтобы определить настоящее положение нашей торговли? Напрасно хотят противопоставить этим важным заявлениям такие частные случаи, как сильные спекуляции некоторых отдельных лиц, потворство нейтральной торговле и случайные выгоды некоторых неважных отраслей нашей торговли. Находясь вне круга действий правительства и ускользая по своей незначительности от его надзора, все эти явления, вместе взятые, не могут представлять доказательства твердо установленных торговых сношений с Англией. Они не могут иметь никакого значения ввиду общего запрещения этой торговли, сопровождаемого конфискацией товаров и строго соблюдаемого. Несмотря на очевидность всех этих явлений, преднамеренно задались мыслью подозревать нас в желании отступить от континентальной системы. Это подозрение, ни на чем не основанное, еще могло представлять некоторую вероятность в первое время нашего союза с Францией. Различие общественного мнения со взглядом правительства, образовавшееся естественно вследствие быстрой перемены политической системы и торговых отношений, могло служить предлогом для тех, которые пытались предсказать новую перемену. Но как же можно поддерживать эту мысль теперь, когда общественное мнение, убедившись опытами, уже совершенно согласилось с началами, принятыми правительством, и когда постоянным и сильным руководством правительству удалось, несмотря на все препятствия и укоренившиеся привычки, направить выгоды частных лиц на постоянное развитие внутренней промышленности, в надежде вознаградить тем потери, претерпеваемые во внешней торговле? Но по мере того, как Россия успевала в своих видах скрепления союза с Францией, Франция наоборот все более и более выражала недоверие к союзу с нами. Она приступила к усилению своих военных средств вскоре после того, как наш император своим участием в войне с Австрией вновь доказал на деле, что свято исполняет принятые на себя обязательства. При таком положении дел, как же приходилось действовать России? Неужели она не должна была обращать внимания на эти признаки недоверия? Самое обыкновенное благоразумие вынуждало ее принимать меры предосторожности. Но даже

эти меры были соображаемы со степенью обнаруживаемого к нам недоверия. Мы следовали, или лучше сказать, были вынуждены следовать, и то не в полной мере, за увеличением Францией своих военных приготовлений в Северной Германии. В это-то время случай, по-видимому посторонний в отношении к существенному вопросу, но очень важный по своим последствиям в связи со всеми другими, неожиданно усложнил взаимные отношения между двумя империями. Поляки задумали восстановление прежнего их государства, и эти стремления были усилены увеличением области герцогства Варшавского после Венского договора. Но для того, чтобы их желания могли осуществиться, надо было нарушить мир. Война сделалась необходимою целью их желаний, наиболее выгодным для них положением дел. Мы имеем верные и неопровержимые доказательства — какие они употребляли средства для того, чтобы возбудить войну. В кружке этих интриганов, которых не следует смешивать с польским народом, составлялись в этих видах преувеличенные известия о взаимных вооружениях и будущих предположениях о Польше, напыщенные описания тех огромных средств, которые эта страна может доставить во время войны, известия о воодушевлении народа и т.п. Все эти пышные слова одновременно заявлялись как в Петербурге, так и в Париже с соответственными изменениями. Тюильрийский кабинет слишком просвещен для того, чтобы придавать веру этим легкомысленным и явно пристрастным заявлениям. Но может случиться, что этим заявлениям, присоединив их к существующим уже недоразумениям между двумя империями, захотят придавать некоторую степень вероятности и таким образом могут довести их до такой степени, что достоинство государства заставит разрешить вопрос не иначе, как силою оружия. Как ни невероятно это предположение, однако же оно возможно (на что мы имеем доказательства). В таком случае страсти и увлечения людей или корыстных, или одушевленных несбыточными мечтами, могут грозить разрывом мирных отношений между двумя великими державами и новою европейскою войною; между тем для того, чтобы поддержать общий мир Европы, следовало бы укреплять союз между ними. Такое предположение слишком губительно, и трудно поверить в его действительность; но, к сожалению, оно может сделаться вероятным, если Франция будет продолжать свое недоверие, если будет предполагать у нас тайные мысли и тем самым давать и нам повод предполагать еще с большим основанием, что она сама руководствуется подобными мыслями в своих действиях. Постепенное увеличение французских войск на севере Германии и в Варшавском герцогстве может служить доказательством, которое, в свою очередь, подкрепляется новым только что

совершившимся происшествием. У соседней с нами державы, у Швеции, вдруг отнята вооруженною рукою целая область без объявления войны. Может ли Россия хладнокровно смотреть, как отнимают области у ее союзников, почти подле самых ее границ, может ли не принимать мер предосторожности, видя постоянное повторение подобных происшествий? Русскому кабинету хорошо известно, что выражением «меры предосторожности» очень часто злоупотребляли; но гению Наполеона не следовало бы ошибаться в этом и смешивать действительные меры предосторожности с преувеличенными о них слухами пристрастных в этом отношении людей».

В заключение нашему посланнику поручалось заявить тюльрийскому кабинету, что «дело об Ольденбурге в том смысле, который мы ему придаем, не может служить поводом к особым переговорам, потому что, заявив о наших правах, мы вовсе не думаем ни устранять силу существующих договоров, ни требовать вознаграждений, что предположение об особом посольстве было в зависимости от обстоятельств времени и имело особое назначение. Но если тюльрийский кабинет будет по-прежнему считать ольденбургский вопрос требующим разрешения, то от него зависит заявить о том способе, каким он желает его разрешить. Петербургский кабинет готов способствовать этому разрешению всеми зависящими от него мерами. Император уполномочивает вас представить все эти объяснения тюльрийскому кабинету и выслушать его предположения по ольденбургскому вопросу, представив их потом на усмотрение его величества. Если сообщаемые нами объяснения не удовлетворят этого кабинета, мы тем не менее сохраним глубокое убеждение, что никаким действием, никакою заднею мыслью мы не подали ни малейшего повода к тому, чтобы поддерживать слухи о близкой войне, распространяющиеся по всей Европе; напротив того, мы уверены, что они поддерживаются тем недоверием, которое Франция вызывает к России, и увеличением ее войск на севере Германии, и распространяются умышленно некоторыми поляками, которые действительно желают возбудить войну. Рассеять эти слухи весьма легко, и мы готовы содействовать Франции в этом случае»*.

Хотя Наполеон и очень был доволен тем, что не состоялось посольство графа Нессельроде, но он не желал, чтобы Россия убедилась

*Нота графа Румянцева князю Куракину от 24-го февраля 1812 года. Мы подробно изложили ее содержание, и почти собственными ее словами, потому особенно, что на черном она вся писана рукою самого императора Александра, как и весьма многие другие дипломатические бумаги того времени. С черновой императора она была два раза переписана и снова им исправлена, впрочем, весьма незначительно в отношении к слогу, и затем, за подписью канцлера, отправлена нашему посланнику в Париж.

в том, что прошло время переговоров и что несогласия между ней и Францией могут быть решены единственно силою оружия. Такая уверенность могла бы повести Россию к наступательным действиям, которых он так опасался. Между тем новый захват с его стороны шведской Померании во время мира со Швецией, без объявления ей войны, мог послужить благовидным к тому предлогом; поэтому, желая еще на несколько месяцев продлить бездействие России и возбудить снова надежду на возможность миролюбивыми соглашениями отклонить бедствия грозившей войны, в то самое время, как была составлена и отправлена в Париж к нашему посланнику нота, содержание которой мы изложили, император Наполеон поручал герцогу Бассано уведомить Чернышева, что он назначает ему свидание.

Чернышев находился постоянно в Париже с тех пор, как привез Наполеону письмо императора Александра, около года ожидая своего отправления в Россию. Пользуясь благосклонным вниманием Наполеона, посещая даже семейные вечера членов его семейства, как, например, принцессы Полины, еженедельно присутствуя на вечерах герцога Бассано, он в продолжение долгого пребывания в Париже расширил круг своих общественных отношений и близко познакомился со многими лицами. Успехи в обществе давали ему средства узнавать все, что делалось в Париже и Франции, и, разумеется, сообщать своему правительству. Но именно такое положение, по мере приближения войны с Россией, и должно было обратить на него подозрительное внимание французской полиции. Руководимая министром полиции Савари, особенно его не любившим, она следила за каждым его шагом. Чернышев, конечно, это заметил и в заключение последнего своего письма за 1811 год к графу Румянцеву убеждал его обратить внимание на личную его просьбу. «Продолжение моего пребывания в Париже, — писал он, — зависит исключительно от императора Наполеона. Между тем я не только имею повод думать, но вследствие некоторых сведений совершенно уверен, что он не намерен меня отправить в Россию. Я позволю себе даже заявить, что слишком много придадут мне чести и значения, опасаясь моего возвращения, а потому намереваются задержать здесь. Поэтому очень может случиться, что внезапный отъезд императора Наполеона к войскам поставит нас, по крайней мере на некоторое время, в положение, похожее на то, в котором находился в 1809 году граф Меттерних со своим посольством. Ваше сиятельство, без сомнения, уверены, что меня устрашают не одни неприятности подобного положения, что я не только желаю избежать того, чтобы схватили мои бумаги, и, может быть, самого меня лишили свободы; но если действительно меня задержат в Париже, то я смотрю на это

как на величайшее несчастье, потому что буду лишен возможности служить моему государю на том поприще деятельности, которому я посвятил себя. Хотя это случилось бы и независимо от моей воли, но я глубоко был бы оскорблен, лишившись возможности занять свое место по первому призыву к войне. Удостойте, граф, повергнуть мои чувства к стопам его императорского величества и подкрепите вашим заступничеством мою просьбу, чтобы под каким-нибудь предлогом вызвали меня в Петербург теперь же, когда император Наполеон еще не имеет никаких поводов меня удержать. Участием в этом случае вы окажете мне благорасположение и приобретете вечную мою благодарность»*.

Приведенные строки доказывают, в каком в это время тревожном состоянии духа находился Чернышев — эту тревогу, впрочем, разделяли и все члены нашего посольства — и объяснять, с какою радостью он выслушал заявление герцога Бассано, что император Наполеон призывает его на свидание. Это заявление было ему сделано недолго спустя после того, как он послал письмо, из которого мы привели выдержку (13/25-го декабря). «Может быть, его величеству угодно отправить меня в Петербург?» — спросил Чернышев министра иностранных дел Наполеона, не успев скрыть тайного своего желания. «Мне еще не известны намерения моего государя», — отвечал герцог Бассано и, оставив между страхом и надеждою, повез его с собою во дворец.

Сомнения Чернышева рассеялись однако же с первых слов, сказанных ему Наполеоном, когда он явился к нему вместе с Бассано. Император объявил, что намерен со своим письмом, которое доставит ему герцог, отправить его к императору Александру. «Это письмо будет коротко, — сказал он, — потому что государи не должны писать обширных писем при таких обстоятельствах, когда ничего приятного не могут сказать один другому», и прибавил притом, что его словесные объяснения с Чернышевым послужат дополнением и объяснением его письма.

Наполеон объявил, что содержание депеш, только что полученных от Лористона, вынуждает его прямо обратиться к русскому императору единственно с тою целью, чтобы еще раз попытаться рассеять те ложные мнения, которые господствуют в Петербурге о его намерениях относительно Польши. Ему было весьма неприятно, что канцлер империи еще недавно говорил Лористону, что намерение восстановить Польшу и варшавские происки он считает существенными причинами того тревожного состояния, в котором в продолжение 15-ти месяцев находится Европа. «Поэтому, — сказал Наполеон, — я спешу снова и положительно объявить, что предположение о восстановлении польско-

* Письмо от 31-го декабря 1811 года (12-го января 1812 года) из Парижа.

го королевства вовсе не входит в мои политические виды, и что вопросы, которые, к несчастью, подали повод к несогласиям, касаются исключительно Франции, а вовсе не иностранцев».

Так как его посланник не перестает утверждать, что в России вовсе не хотят войны, а напротив как правительство, так и общество желают поддержать союз с Францией, то он, со своей стороны, считает долгом выразить императору Александру, что есть еще возможность достигнуть соглашения мирным путем, несмотря на то, что войска обеих сторон почти стоят одно перед другим, если только теперешнее отношение между двумя империями он приписывает вопросу о Польше. Французские войска придвинулись уже почти к границам потому только, что русское правительство отказывалось постоянно войти в объяснения по вопросам, в сущности весьма незначительным. Если бы захотели только откровенно и прямо отнестись к этим вопросам, то сами собою и давным-давно рассеялись бы все недоразумения, возникшие между двумя державами.

Таково было начало речей Наполеона, обращенных к Чернышеву, из которых он узнал, что, по свидетельству Лористона, русское правительство выставляло вопрос о Польше, не придавая значения никаким другим, как существенную причину своего разрыва с Францией, то есть основывало всю свою политику на одном подозрении, что император Наполеон предполагает восстановить польское королевство в прежнем его составе, несмотря на то, что он постоянно заявлял о несоответствии подобного намерения с видами его политики. Но мог ли что-нибудь подобное писать Лористон, которого донесения вообще отличались правдивостью, как и его предшественника? Донесения Лористона, на которые ссылался император Наполеон, были те самые, в которых он извещал, что посольство графа Нессельроде не состоится, и прибавлял, что император Александр сообщил ему об этом с видимым прискорбием, потому что не желает войны. По рассказу Лористона, император Александр говорил ему, что для поддержания мира он употреблял все средства, строго соблюдал условия Тильзитского договора, решился даже отвлечь свое внимание от захвата Ольденбурга, лишь бы только император Наполеон вознаградил герцога по своему усмотрению; что он готов *терпеть существование* Варшавского герцогства, лишь только бы оно не было *началом восстановления* польского королевства, и что он поддерживал постоянно континентальную систему, прервав совершенно торговлю с англичанами. Но, преследуя эту цель, император Александр, по словам Лористона, сознавал невозможность дойти до того, чтобы запретить всякую торговлю с нейтральными и особенно с американцами. Такое требование, которое

разорило бы Россию так же, как Варшавское герцогство, могло бы быть основано только на декретах Берлинском и Миланском, состоявшихся без всякого участия России. «Это я говорил много раз, — сказал Лористону император Александр, — и теперь повторяю, что никакая власть в мире не заставит меня отступить от моего решения в этом случае; я готов скорее десять лет вести войну, отступить в Сибирь, нежели низвести Россию до того положения, в каком находятся Пруссия и Австрия»*. Из донесений Лористона оказывается, что русский император вовсе не придавал того значения вопросу о Польше, которое придал император Наполеон. Этот вопрос давно уже был сведен с прищипа дипломатических переговоров, а потому и граф Румянцев не мог говорить о нем Лористону в этом смысле**.

Очевидно, Наполеону нужна была только *новая* придирка, чтобы вынудить Россию отвечать на новый вопрос, ввести ее в переговоры и выиграть еще несколько месяцев времени, которые он считал необходимыми до открытия военных действий.

Дальнейший ход его речей, обращенных к Чернышеву, может служить тому доказательством. Поговорив с ним о польском вопросе, которым только хотел прикрыть другой, действительно существенный в глазах русского правительства, Наполеон сейчас же перешел к вопросу о нейтральной торговле. Сказав, что, кроме польского вопроса, все другие, составлявшие предмет пререканий между двумя империями, не имеют особенной важности, он продолжал: «Но для того, чтобы могло возобновиться в прежнем виде доброе согласие и тесная дружба, которые существовали между Россией и Францией, необходимо возвратиться к Тильзитскому договору и снова подтвердить условие, чтобы английские суда не имели доступа в русские порты, и совершенно запретить ввоз колониальных товаров. Это только дурная шутка (*mauvaise plaisanterie*), когда говорят, что мы допускаем лишь торговлю с американцами, тогда как на лондонской бирже прямо делаются заказы для России, и когда вся Европа знает, что англичане, под названием

* *Thiers. Histoire de Consulat et de l'Empire*, ch. XXV, так передает содержание депеш Лористона от 3-го февраля нов. ст. 1812 года, полученных в Париже 15-го и 17-го февраля нов. ст. Разговор Наполеона с Чернышевым происходил после получения этих депеш, и Чернышев приурочивает его к 13/25-му февраля в своей записке, представленной им императору, уже по возвращении в Петербург, под заглавием: *Exposé des discours que m'a tenus S.M. l'empereur Napoléon à Fontainebleau au bal le 9/21 oct. et ensuite le 23 à mon audience de congé, qui a duré plus de trois heures*. На этой записке и основан наш рассказ.

** На поле записки Чернышева против этого места собственною рукою императора Александра написано: «Jamais rien de pareil n'a été articulé».

американцев, являются в Ригу и другие русские порты. Великобританское правительство, которое готово уже поссориться с Американскими Соединенными Штатами, конечно, не дозволило бы американским кораблям в таком огромном числе отправиться в Россию, а эти корабли в продолжение последнего лета принесли бесконечную пользу Англии и почти совершенно уничтожили значение континентальной системы, наводнив всю Европу колониальными товарами. Они входят в нее через Броды, которые сделались складочным местом английской торговли, как прежде был Амстердам. Потом эти товары по сухопутным дорогам проникают в Австрию, Пруссию и достигают до Франции, что совершенно уничтожает значение строгих мер, принятых во Французской империи и в других странах, находящихся под ее властью. Такого порядка вещей я не могу терпеть, — продолжал он, — потому что это значило бы отказаться от принятой мною системы и от всех усилий, которые я употребил, чтобы раздавить англичан, лишив всякого сбыта их колониальные товары. Эти меры нанесли им уже неисчислимые бедствия и, наконец, совершенно уничтожили бы их торговлю, если бы Россия строго исполняла принятые ею на себя обязательства. Если бы я принужден был терпеть подобные нарушения обязательств, то мне ничего не оставалось бы более делать, как открыть Гавр и все другие порты империи для английской торговли. Но я неуклонно слеую своей системе, не откажусь от нее и говорил несколько раз, что немедленно объявлю войну России, лишь только узнаю, что она отказывается от исполнения мер, постановленных декретами Берлинским и Миланским, которым по Тильзитскому трактату подчинился император Александр». Если Россия в отношении к английской торговле будет так же снисходительна в приближающейся навигации, как прошлым летом, то, — заявил Наполеон, — он сочтет это признаком окончательного разрыва с Францией, все равно, вступит ли Россия в союз с Англией или нет, потому что она доставляет ей все выгоды в ущерб Франции. Между тем она должна бы щадить именно выгоды Франции, особенно в то время, когда своим упорным молчанием, отклонением миролюбивых объяснений и постоянными вооружениями вынудила Францию дать иное направление тем средствам, которые она могла бы употребить для того, чтобы окончательно покорить Испанию. Россия совершенно заблуждается, если считает возможным торговать с Англией, и в то же время находиться в дружеских отношениях к Франции в надежде, что она не обратит внимания на ее поведение в этом отношении. Великая держава, как Россия, не может быть в войне с другою державою на основании договора и в то же время безнаказанно поощрять недозволенную торговлю с нею. Такой маленькой и пре-

зренной стране, как Швеция, можно еще питать надежду согласить такое двусмысленное поведение с обязательствами, наложенными на нее договорами, но допустить это в отношении России никак невозможно.

«Единственно, чего я требовал от императора Александра в Тильзите, — продолжал Наполеон, — это того, чтобы он объявил себя против Англии. Лишь только он согласился на это, я отвечал немедленно: наш мир заключен; во всем остальном мы легко согласимся». Перейдя затем к нашему тарифу на 1811 год, Наполеон сказал, что видел в нем уже перемену направления в императоре Александре, потому что нельзя не признать, что тариф составлен с явным намерением повредить Франции и оскорбить его лично; что таково и мнение о нем всех французов, — «что он и заметил мне, — писал Чернышев, — при свидании в то время, когда был обнародован этот тариф».

Воспользовавшись небольшим промежутком непрерывно продолжавшейся речи Наполеона, Чернышев позволил себе заметить, что после всех объяснений значения этой меры, как чисто административной, и особенно после того, что он сам ему говорил о ней впоследствии, он считал этот вопрос совершенно сошедшим с поприща переговоров.

«Я говорю не о существе этой меры, — прервал его Наполеон, — но формы, в какой она была изложена, не могли не поразить меня. Тех же последствий можно было достигнуть, не оскорбляя меня так чувствительно; можно было предварительно условиться и согласить выгоды своего государства с выгодами союзников. Я не знаю настолько внутреннее устройство вашего правительства, чтобы назвать лицо, которому поручено было составить изложение этого постановления, но совершенно уверен в том, что это лицо принадлежит к числу тех, которые ненавидят меня и весьма расположены к Англии».

Самый придирчивый и предубежденный критик в изложении нашего положения о торговле на 1811 год, с приложенными к нему тарифами, без сомнения, ничего не нашел бы оскорбительного ни для Франции, ни еще менее — лично для самого Наполеона. Но с его стороны это была простая придирка к изложению, такая же, как и прежде к самому тарифу, когда он не хотел еще высказать своей главной мысли о нейтральной торговле, не приготовившись к войне. Теперь он был готов к ней и уже прямо выражал, что не потерпит торговли России с американцами, и лишь повторял, с видоизменением весьма неловким, старую придирку, желая показать, что он не изменяет своих мнений, и не предполагая даже, что те, которые слушают его речи, могут понимать, что он думает совсем не то, что говорит. Его самоуверенность достигла до такой степени, что он позволял себе изменить по

своему желанию исторические события, совершившиеся на виду у всех. Он говорил Чернышеву, что император Александр обязался в Тильзите исполнять правила Берлинского и Миланского декретов. Но Миланский декрет состоялся 17-го декабря 1807 года, после распоряжения английского правительства 11-го ноября того же года об осмотре (visite) нейтральных кораблей, и предписывал всякий корабль, подчинившийся этому требованию великобританского правительства, считать за английский. Тильзитский же договор подписан 25-го июня (7-го июля), то есть полгодом ранее появления Миланского декрета. Мог ли он быть обязательным для императора Александра по Тильзитскому договору? Но в этом договоре не было упомянуто о Берлинском декрете и о континентальной блокаде, хотя он и состоялся прежде него (21-го ноября 1806 г.). Поэтому Россия прервала торговлю с Англией не в силу этих декретов, а потому, что по Тильзитскому договору обязалась объявить войну Англии, если взятое ею посредничество к примирению ее с Францией не будет иметь успеха. Война с Англией была причиною присоединения России к континентальной системе Франции в той мере, поскольку она касалась торговли с Англией, а не с державами нейтральными, к которым относятся правила Миланского декрета*. Но мысль Наполеона, которую, конечно, он не хотел выразить прямо, явно проглядывала в его широковещательных речах как теперь, так и прежде. Ему не удалось прямо отнести русского императора к числу своих союзников того же порядка, как государей Рейнского союза, которые, как его вассалы, беспрекословно повиновались всем его повелениям; но он той же цели думал достигнуть сперва путем лести, затем устрашения и, наконец, насилия. Эта мысль никогда его не покидала, и в своем упоении властью Наполеон никого не мог признавать равным самому себе, в качестве государя самостоятельной державы. Мысль, что, кроме личностей государей, существует *народ*, конечно, не приходила ему в голову, и поголовное восстание Испании представлялось ему бессмысленным и грубым мятежом; ему не приходила в голову даже мысль, что могут существовать не зависимые от него и *не враждебные Франции государства*. Поэтому политику России в это время он постоянно объяснял изменением чувств императора Александра в отношении лично к нему, происшедшим будто бы от влияния на него козней Англии и от окружавших людей, лично питавших ненависть к императору французов.

*Против слов Наполеона о Берлинском и Миланском декретах на записке Чернышева рукою императора Александра написано: «Jamais le traité de Tilsitt n'a rien stipulé des décrets de Berlin et de Milan, qui n'y sont pas nommés seulement».

Поэтому, продолжая держать свою речь Чернышеву, Наполеон объяснял, что император Александр потому уклоняется от исполнения обязательств в отношении к Франции, что изменились те его личные к нему чувства, которые он выражал в Тильзите и Эрфурте. «Ваш протест по случаю герцогства Ольденбургского, — говорил Наполеон, — был настоящий манифест, объявление войны; его разослали даже по всем европейским государствам, как бы призывая меня к их суду, которому я не обязан отдавать отчета в моих действиях. Этим протестом император Александр выразил ко мне недоверие; он, как говорится, бросил мне перчатку; но так как я желаю искренно поддержать мир с Россией, то и не поднял ее и до сих пор не отвечал на этот протест, потому что, согласно с достоинством, иначе отвечать не могу, как объявлением войны. Я предпочел заявить другим державам, что объяснюсь об этом вопросе впоследствии, когда сочту удобным в видах моей политики, удерживая таким образом за собою возможность или отвечать так, как следует, или совершенно устранить это дело, если вы пойдете на такое соглашение, которое могло бы изгладить неблагоприятное впечатление, произведенное вашим протестом. Но если вы будете хранить молчание по-прежнему и действовать так, как действовали до сих пор, то я объявлю, что герцог Ольденбургский, не приславший своего контингента в австрийскую войну и таким образом нарушивший обязанности члена Рейнского союза*, потерял свои права на обладание герцогством. Прав на него русского императорского дома я не признаю, и если я до сих пор не обнародовал этого заявления, то это из снисхождения к императору Александру, которого я постоянно призывал к миролюбивому решению этого дела».

Упрекая русское правительство за то, что оно не хочет выразить своих мыслей, несмотря на все его старания прервать это молчание, не понимая никакой другой силы, кроме внешней силы оружия, Наполеон с чувством сильно оскорбленного достоинства продолжал говорить: «Разве император Александр меня разбил, что мог позволить себе обходиться со мною так унижительно? Неужели мы кажемся ему такими презренными, что он не удостоивает нас ответом и не хочет входить в объяснения? Если гордость препятствует избрать местом переговоров Париж, то пусть он выберет какой угодно город в Германии и пошлет туда своих уполномоченных. Я уже более пятнадцати месяцев настаиваю на том, чтобы снабдили необходимыми наставлениями кня-

*Против этого рукою императора Александра на записке Чернышева написано: «Il n'y a pas été même requis de le faire, car ce contingent existait à peine et commençait seulement à se former».

зя Куракина, но, кажется, к нему не имеют доверия. Зачем же не присылают графа Нессельроде? Вы приехали год тому назад, почему тогда же не дал вам полномочий император Александр? Конечно, ваша обязанность заключается в сообщении военных сведений*; но вы довольно знакомы с ходом дел, показали, что их понимаете, и притом в то время они были так несложны, что можно было немедленно достигнуть соглашений. Впрочем, моя политика ясна, и я не скрываю своих действий; для меня не имеет большого значения выбор уполномоченного; пусть пришлют хотя г. Моркова, когда хотят, — только бы развязали язык и начали переговоры. Что касается до военных приготовлений, которые делаются теперь во Франции, то они составляют необходимое последствие принятой мною системы действий, а вовсе не враждебных намерений против России, как это предполагают. Внушив мне недоверие, вынудили меня действительно приготовиться к войне, что я и сделал. Вы, который часто посещали Париж и проживали в нем подолгу, можете лучше других судить, какое различие представляет в этом отношении настоящее время в сравнении с тем, что было даже год тому назад. В то время не думали о войне; теперь обстоятельства изменились. Впрочем, я много раз, при разных случаях, заявлял, что я делаю и что может произойти; отчасти я говорил об этом графу Шувалову и особенно во время аудиенции 3/15-го августа. Неужели вы думаете, что я говорил князю Куракину при всех без цели и намерения? Конечно, нет! Я имел в виду, что моя речь выведет вас из нерешительного положения и заставит решиться на что-нибудь. Но, несмотря на мое желание, мне не удалось достигнуть этой цели, и я продолжал мои вооружения. Но в этом случае я действовал совершенно иначе, нежели прежде. В прежних войнах в 1805 и 1807 годах я спешил вызвать на бой пруссаков и австрийцев прежде, нежели вы придете к ним на помощь; теперь я употребил гораздо более времени на мои приготовления к войне по двум причинам: во-первых, потому, что я не желаю войны и постоянно питал надежду, что мы придем к соглашению; затем потому, что чем более я употреблю времени на приготовления, тем грознее будет моя сила. Вы желаете вести переговоры, имея за собою четырехсоттысячное войско, и я сделал то же; не мог же я оставить на жертву войска Варшавского герцогства. Поэтому, когда вы будете возвращаться в Россию через Пруссию, вы встретите корпус

*Против этих слов император Александр написал: «Des pouvoirs à un jeune officier! Cela serait assez plaisant». — Нет нужды доказывать, до какой степени русскому императору должно было показаться странным такое заявление Наполеона, хотя он отдавал справедливость способностям Чернышева, как доказывает следующая собственноручная его подпись на донесении Чернышева 9/21 апреля 1811 года: «Pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme!».

Даву на пути к Штеттину и вслед за ним другие корпуса, так что я могу вам сказать, что мои аванпосты находятся на Висле, а главные силы на Одере. Если я получу скоро ответ и такой, *какого я желаю*, то, *может быть*, я остановлю их переход через Одер, иначе я придвину их к Висле. Во всяком случае я имею право продолжать движение моих войск до Данцига».

Действительно, заключив с Пруссией наступательный союз против России, Наполеон был вправе распоряжаться областью своего союзника, тем более что и прежде распоряжался ею, как достоянием побежденного и униженного им государя. Понимая такое положение Пруссии, Чернышев позволил себе ему заметить: «Это-то именно право Вашего Величества и служит поводом к беспокойству с нашей стороны и вынудило нас собрать значительные силы, чтобы быть готовым при всяких неожиданных обстоятельствах. Лучшим доказательством, что сосредоточение наших войск было только предохранительною мерою, может служить то обстоятельство, что русский император не объявлял войны Франции полтора года, год и даже шесть месяцев тому назад, когда военные приготовления Франции еще далеко не достигли тех размеров, как в настоящее время. Я не могу скрыть от Вашего Величества, что вступление ваших войск в Пруссию подтвердит то недоверие, которое уже питает к Франции наше правительство, и произведет сильное впечатление в Петербурге».

«Но кто же виноват в этом случае? — прервал его Наполеон, — вы говорите, что не желаете войны: зачем же вы отказываетесь от переговоров и продолжаете вооружаться? Прежде на очищение Пруссии французскими войсками вы смотрели как на победу, а теперь вынуждаете меня вновь ввести их туда. Что касается до меня, то я *положительно вас уверяю*, что не начну с вами войны в этом году, если только ваши войска не вступят в Варшавское герцогство или в Пруссию, которая в союзе со мною. Подобное положение дел для меня выгодно, я могу продолжать все более и более мои вооружения; для этого еще есть в моей казне более 300 миллионов; между тем вы теперь уже принуждены прибегать к новым налогам, как извещает меня Лористон. Император Александр в одном из разговоров с ним, стараясь доказать, что я намерен начать войну, привел то обстоятельство, что часть моих верховых лошадей я велел отправить в Германию. В этом он ошибается. Правда, что с тех пор как я вынужден был прибегнуть к значительным вооружениям на севере, я должен был отказаться от намерения отправиться в Испанию, как предполагал, чтобы лично распорядиться экспедицией в Португалию. Для этого уже были приняты все меры: часть моих верховых лошадей и экипажей находились там уже около полутора лет. Но

ваши вооружения расстроили мои предположения, и если бы возгорелась война на севере, то, конечно, потребовала бы моего личного присутствия. Поэтому я велел вывести моих лошадей из Испании и отправил в Германию единственно с тою целью, чтобы предупредить возможность тех опасений, которым я подвергался в 1809 году, когда мне приходилось ездить на неизвестных мне лошадях».

Перейдя затем к испанским делам, Наполеон выразил мысль, что в Петербурге не имеют о них надлежащего понятия, и, вероятно, потому несговорчивы, что полагают, будто бы испанская война отвлекает большую часть его сил, и что он не может иметь достаточного количества войск для войны с Россией. «Поверьте мне, — говорил он, — что независимо от тех военных сил, которые я назначаю против вас, у меня еще остается достаточно, чтобы разом покончить дела в Испании. Там нужно только придать единство действиям. Каждая из пяти или шести армий, которые там находятся, считает себя вправе иметь свой взгляд на действия, несогласный с другими. В этом отношении только мое личное присутствие могло бы пособить делу; но меня остановили действия вашего правительства, которые, я уверен, зависят только от того, что оно ошибается в отношении к числу войск, которыми я могу располагать: вы должны иметь более точные сведения о числе моих войск, нежели другие; скажите мне ваше мнение: мне любопытно его знать, чтобы не предполагать, что, может быть, и вы вводили в заблуждение ваше правительство в этом отношении?».

В это время французский министр полиции, лично не любивший Чернышева, подозревая, что он имеет сношения с военным министерством и тайно получает оттуда сведения о составе и движениях войск, деятельно вел расследование с целью обличить Чернышева, — конечно, с ведома императора Наполеона. Очень может быть, что предлагая подобный вопрос, император полагал, что в ответ на него Чернышев войдет в такие подробности, которые могут подать ему повод предложить другой: откуда русский офицер мог получить такие сведения?

Но ответ Чернышева не подал к тому повода. Он отвечал, что русское правительство вовсе не заблуждается насчет тех войск, которые он может употребить против нас; что оно совершенно уверено, что Наполеону не предстоит никакой надобности вызывать свои войска из Испании, чтобы противопоставить, по крайней мере, равное нашим число войск, и что действия нашего правительства вовсе не рассчитаны на ход военных событий, удачных или нет, в этой стране.

В заключение разговора император Наполеон сказал, что, если действия нашего правительства не рассчитаны на то, чтобы непременно возгорелась война с Францией, а напротив того, мы желаем отклонить

войну, то можем достигнуть мирных соглашений с Францией на следующих основаниях: во-первых, строгое соблюдение условий Тильзитского договора и всех мер, принятых Францией против английской торговли; допущено может быть только одно послабление в отношении к вывозу произведений страны в обмен на предметы ввоза, то есть *отдельных позволений* (*systeme de licences*), вследствие чего выгоды не будут на стороне англичан, но распределятся равномерно между обоими государствами; причем мера эта не нанесет большого вреда главной континентальной системе; во-вторых, заключение торгового договора или конвенции, которая, не отступая от главных оснований русского тарифа, однако же устранила бы из него все то, что неблагоприятно для Франции; в-третьих, соглашение насчет герцогства Ольденбургского, которое, по самой своей сущности, загладило бы неприятное впечатление, произведенное русским протестом, через прямой отказ от всякого вознаграждения для герцога Ольденбургского или через принятие условленного вознаграждения, лишь только бы оно не касалось Данцига и никакой из областей Варшавского герцогства.

«Уверяю вас, — говорил он Чернышеву, — что два года тому назад я никак бы не поверил в возможность разрыва между Россией и Францией, по крайней мере при нашей жизни. Император Александр молод, а я должен жить долго, — поэтому наши взаимные чувства, казалось мне, обеспечивают мир Европы. Что касается до моих к нему чувств, то можете его уверить, что они останутся прежними, хотя бы печальная необходимость и вызвала войну между двумя самыми могущественными в свете державами из-за ничтожных причин (*pour des péccadilles de demoiselles*). Я по-рыцарски буду вести войну, без всякой ненависти, без всякого озлобления, и если обстоятельства позволят, я готов предложить императору Александру завтракать с ним на аванпостах. Чтобы снять с себя ответственность, я решаюсь на новую попытку: откровенно выразив вам мои мысли, я посылаю вас в качестве моего уполномоченного к императору Александру в надежде, что еще можно достигнуть соглашения и не проливать крови сотни тысяч храбрых воинов из-за безделиц (*parce que nous ne sommes pas d'accord sur la couleur d'un ruban*). Год тому назад, несколько даже позднее, легче было достигнуть соглашения; теперь это все-таки более возможно, чем через три месяца. Поэтому если вы хотите предотвратить разрыв, то надо немедленно прислать уполномоченного для переговоров».

Три месяца только и нужны были для императора Наполеона, чтобы удержать Россию от наступательных действий, затянув ее в новые переговоры. Через три месяца, по сделанным уже им распоряжениям, все части его войск должны были достигнуть мест своего назначения и

быть в готовности вторгнуться в Россию. Через три месяца он надеялся избежать грязных дорог, топей и болот восточной Пруссии, герцогства Варшавского и прилегавших к нему губерний Русской империи, получить возможность с успехом передвигать огромные массы своих войск в этих местностях и найти достаточный подножный корм для громадного количества лошадей его конницы и бесчисленных обозов с продовольствием, боевыми и вообще военными припасами.

В продолжение полутора с лишком года император Наполеон упорно обвиняет Россию в ее *молчании*, в том, что она отказывается определенно выразить свои требования, которые и послужили бы основой для переговоров, и снабдить достаточными полномочиями своего посланника в Париже вести эти переговоры, которые, по его мнению, без особенных затруднений привели бы к мирным соглашениям по всем вопросам, составлявшим предмет пререканий между двумя державами. Русский кабинет постоянно отвечает, что он не может предъявить никаких требований, потому что ничего не требует; он желает оставаться при условиях существующих договоров, которых никогда не нарушал. Очевидно, предъявлять требования могла только та из сторон, которая нарушила условия этих договоров.

Те же упреки России император Наполеон выразил и в продолжении разговора с Чернышевым, но в заключение неожиданно сам объявил свои требования, которые так упорно отказывал высказать прежде. Не в том дело, могло ли согласиться с ними русское правительство; это было бы предметом обсуждения для самих переговоров; но дело в том, что эти условия действительно могли служить основой для новых переговоров. Но почему же император Наполеон не выражал их год или более тому назад? Полномочия нашего посланника в Париже были достаточны для того, чтоб их выслушать и сообщить своему правительству. Для этого не было никакой необходимости назначать особого уполномоченного и, тем более, снабжать ими молодого гвардейского офицера*. Причина заключалась в самой сущности выраженных им требований.

Что касается до заключения торгового договора и изменения некоторых статей тарифа, то, без сомнения, это требование не встретило бы никаких затруднений со стороны нашего правительства, тем более, что оно само предлагало заключить именно такой договор и при

*На записке Чернышева против слов Наполеона о том, что князю Куракину не давали полномочий, император Александр написал: «Le pr. Kourakine avait les pouvoirs nécessaires pour tout entendre, mais on ne pouvait lui donner ceux de conclure sans référer à sa cour et c'est là ce qu'on a exigé». Выше приведена заметка императора Александра о том, почему не дали полномочий Чернышеву.

этом случае пересмотреть тариф, установленный в виде временной меры, только на один год; но само французское правительство устраняло это предположение под тем предлогом, что необходимо начать общие переговоры по всем спорным вопросам.

Ольденбургский вопрос не мог служить поводом к войне, как заявил торжественно в самом протесте император Александр, и самый этот протест, так оскорбивший самолюбие императора, устранился бы тою сделкою французского правительства с герцогом о вознаграждении, которую не отказывалось признать русское правительство.

Но этими требованиями, равно как и вопросом о Польше, которого вовсе не поднимала русская дипломатия в это время, Наполеон только обставлял, так сказать, главное требование, в котором и заключалась сущность дела, а именно — признание Россией силы декретов Берлинского и Миланского, и преимущественно последнего, равнозначное, таким образом, совершенному уничтожению своей внешней торговли через закрытие портов и для судов нейтральных держав. Конечно, предлагая это требование, Наполеон очень хорошо знал из донесений своих посланников при петербургском дворе, что русское правительство не согласится принять его добровольно, и потому не заявлял его до тех пор, пока не приготовился окончательно к войне. Он рассчитывал вынудить это признание у императора Александра или угрозою войны, для которой подготовил громадные силы, или решительною победою.

Разговор Наполеона, немедленно переданный Чернышевым нашему посланнику, произвел на него такое впечатление, что будто бы император французов еще не решился окончательно воевать с Россией, и что остается надежда предотвратить войну, вступив в переговоры, которые он предлагает. «Объяснения, в которые вошел сегодня император Наполеон в разговоре с Чернышевым, — писал князь Куракин к графу Румянцеву, — состоят в том, что он не расположен прибегать к крайним мерам, по крайней мере, пока не будет вынужден нами, и что, в общих видах своей политики, настоящее время он не считает еще благоприятным для себя, чтобы начать войну против нас. Если, как уверяет император Наполеон, можно прийти к соглашениям по вопросам ольденбургскому и о Польше, то я не вижу, какие причины могли бы заставить нас нашим упорным молчанием придать неблагоприятный для нас самих оборот делам, которого он сам желает избежать. Хотя он и постоянно вызывает нас на соглашения, но не должно отводить внимания от тех огромных средств, которыми он может располагать против нас, и должно сознаться, что если и теперь еще он желает избежать войны, то не потому, чтобы не надеялся на успех, а, конечно,

потому, что всякая война представляет неизвестность, а он не хочет подвергнуться случайностям. Зачем мы отклоним то, что предписывает нам благоразумие еще в гораздо большей мере, нежели ему; новыми отказами вступить в переговоры мы вызовем нападение на нас огромных сил, к которым надо присоединить и Пруссию, потому что император Наполеон ясно выразил — и это весьма вероятно, — что эта держава будет действовать заодно с ним, что он считает ее своею союзницею и нападение наше примет за начало военных действий против Франции. Поистине, на продолжение нашего молчания я смотрю, как на способ все потерять и ничего не выиграть. Я не вижу, какой вред могли бы причинить нам переговоры, если бы даже они дали нам возможность только выиграть время. Напротив того, уже этим самым они принесли бы действительную пользу, потому что приготовления императора Наполеона совершенно окончены, между тем как, выигрывая время, мы имели бы возможность окончить нашу войну с турками и еще увеличить наши силы на границах герцогства Варшавского?»

Увлекаясь таким взглядом, князь Куракин немедленно, до отъезда еще Чернышева из Парижа, имел свидание с герцогом Бассано, чтобы выслушать от него более подробные объяснения образа мыслей императора Наполеона.

Герцог Бассано очень охотно вступил в объяснения с русским посланником, начав их по обычаю обвинениями против России, вызвавшей будто бы своими действиями Францию к вооружениям. Он говорил, что император, его повелитель, постоянно желал прийти к соглашениям с Россией, и лишь только узнал — будто в первый раз — из депеш Лористона о желании императора Александра поддерживать мир, как поспешил сделать предложения о переговорах, представляя ему избрать для них какой угодно город в Германии. Движение войск к Одру и Висле не изменяет положения дел; время помириться еще не ушло; французы могут подвигать свои войска до самых русских границ, между тем как русские войска, собранные уже на границах, не могут сделать ни шагу вперед, не нарушив неприкосновенности областей тех государств, которые Франция обязана защищать.

«Письмо императора Наполеона, конечно, будет весьма приятно получить моему государю, — заметил князь Куракин, — но можно ли надеяться, что ваши войска, постоянно подвигаясь вперед, не начнут военных действий прежде, нежели будет получен ответ на него?»

«О, без всякого сомнения, — отвечал герцог Бассано, — император очень охотно подождет ответа и не предпишет никаких новых движений войскам до его получения, тем более, что вполне уверен, что ответ будет соответствовать его желанию. Впрочем, эта отсрочка, —

прибавил герцог весьма откровенно, — не может причинить никаких неудобств, потому что ввиду раннего времени года совершенно невозможно иначе, как через два месяца, ввести войска в Польшу, не завязив их в тамошние грязи, которые мы уже знаем по опыту».

«Но если бы я получил новые наставления, или бы приехал граф Нессельроде или иной уполномоченный, и наши инструкции не разрешили бы всех предметов, которые желал бы определить в новом договоре император Наполеон, то можно ли быть уверенным, что он будет ожидать тех разрешений по этим предметам, которых мы должны испросить у нашего правительства, и не приступит к новым военным распоряжениям?»

«Не только не приступит, — отвечал ему с уверенностью герцог Бассано, — в том случае, на который вы указываете, но ему было бы весьма приятно, если бы новый уполномоченный приехал прежде, нежели был бы получен ответ императора Александра на его письмо, потому что это послужило бы доказательством, что он действительно расположен к поддержанию мира и согласия с Францией, как заявляет Лористон».

Ответы герцога Бассано успокоили нашего посланника, которому представлялось уже немедленное нашествие на Россию грозных ополчений повелителя Франции, и возбудили в нем надежду на действительную возможность переговоров. Поэтому князь Куракин счел нужным вызвать французского министра иностранных дел на обмен мыслей о тех вопросах, которые должны быть разрешены новым договором. Исполняя его желание, герцог Бассано повторил ему с некоторыми подробностями то же самое, что император Наполеон уже выразил Чернышеву, остановившись особенно на торговле России с американцами. «Хотя в Петербурге, — говорил он, — и существует особый комитет, которому поручено исследовать действительную национальность приходящих кораблей, и американскими признаются только те, которых национальность засвидетельствует г. Адамс, посланник Соединенных Штатов, но я вам предложу вопрос: почему же английский флот, который ходит в Балтийском море, дает свободный проход американским кораблям, если не предположить, что их груз, хотя отчасти, состоит из английских товаров? Английский курс повысился, что может уже служить доказательством увеличения вывоза их произведений. Действительно, в настоящее время Броды сделались таким же складом этих произведений для всей Европы, как прежде был Антверпен».

«Но американские корабли принимаются и во французских портах», — заметил князь Куракин.

«Да, — отвечал герцог Бассано, — но англичане их ловят, как военную добычу, а покровительствуют тем, которые идут в Россию», — и по

дробно изложил требования, что для поддержания континентальной системы необходимо, чтобы Россия, с одной стороны, приняла систему частных дозволений (*licences*), запретив совсем нейтральную торговлю, а с другой — подчинила ввозимые товары таким же тарифам, каким они подчинены во Франции.

Князь Куракин снисходительно отнесся и к этим требованиям, давая надежду, что наше правительство согласится принять систему частных дозволений и выражая лишь сомнения насчет тарифов. Очевидно, он не знал взгляда русского правительства на этот вопрос в то время. Отклоняя вообще от Парижа всякие переговоры по вопросам более важным, наше правительство действительно по многим из них вовсе не сообщало своих взглядов князю Куракину*. Будучи, по личным своим убеждениям, которые он часто заявлял, противником континентальной системы, он в этом случае полагал, что поступал согласно с наставлениями, которые граф Румянцев написал ему собственноручно во время пребывания в Париже в 1809 году, когда Куракин только что приехал на свой пост при Наполеоне, и которые впоследствии были одобрены императором Александром. В этих же наставлениях было сказано: «Стремись разорвать наш союз с Францией, представители иностранных держав, без сомнения, будут нам говорить о том, как наша торговля страдает от континентальной системы, будут вам представлять падение нашего курса и т. п. Нет сомнения, что все эти заявления совершенно справедливы; но благоволите знать, что эта система составляет основание нашего союза, что то затруднительное положение, в котором находится наша торговля, было принято в соображения и на некоторое время мы пожертвовали годами торговли для достижения высшей политической цели — примирения с Англией. Поэтому в отношении к этому вопросу действуйте как можно осторожнее и не делайте никаких представлений французскому правительству, особенно официальными нотами, не получив прямых предписаний из Петербурга»**.

Передавая нашему правительству сведения о переговорах с Бассано, князь Куракин заключал свое донесение следующими словами: «Мне кажется, что для нас крайне нужно в тот короткий срок, который остается нам, чтобы прийти к какому-нибудь решению, воспользоваться расположением императора Наполеона и достигнуть соглашения с ним, чтобы сохранить мир, без сомнения, гораздо более для нас выгодный, нежели может быть хотя бы самая счастливая война. Позволяя себе предполагать, что последствия войны будут не в нашу пользу,

*Депеша князя Куракина к графу Румянцеву от 13/25 февраля 1812 года.

**Записка князя Румянцева под заглавием: *Au Prince Kourakine à Paris 2/14 février 1809.*

а против нас, и потому надеюсь, что мудрость нашего государя, прежде нежели решиться на нее, употребить все средства для ее устранения».

Какие же причины заставили нашего посланника предполагать, что именно в это время, когда император Наполеон приготовил уже громадные военные средства, когда его войска приближались к Одеру, а их аванпосты достигли уже берегов Вислы, он не желал начинать войны с Россией?

В разговоре с Чернышевым Наполеон прямо выразил мысль, что после эрфуртского свидания он никогда не имел намерения воевать с Россией, постоянно желал и желает до сей поры сохранить с нею мир и положительно уверяет, что не начнет войны в *этом году*. Но такому опытному дипломату, каков был князь Куракин, вовсе не увлекавшийся гением Наполеона до забвения достоинства и пользы своего отечества, было очень хорошо известно, что не только те уверения, которые император Наполеон выражал словесно, но и условия международных договоров, самым торжественным способом заключенных, он не считал для себя обязательными при перемене обстоятельств. Но обстоятельства в то время, как говорил сам Наполеон, и вслед за ним повторяли его министры иностранных дел, изменялись так быстро, что не доставало даже времени, чтобы договаривающиеся стороны могли снестись между собою об изменении некоторых условий договора. Средоточием политической деятельности был Париж; отсюда, то есть лично от самого Наполеона проистекали все действия, изменявшие обстоятельства времени, поэтому он постоянно выражал желание, чтобы наших посланников, находившихся в Париже, русское правительство снабдило такими полномочиями, при которых они не нуждались бы в сношениях с Петербургом для заключения с французским правительством новых сделок, которых требовали изменившиеся обстоятельства. Этот взгляд он выражал каждому из наших посланников, начиная с графа Моркова и кончая князем Куракиным.

Наш посланник очень хорошо знал свойства Наполеона, и его личные уверения в желании поддержать мир должны были бы скорее убедить его в противном. Император Наполеон повторял их давно, но именно такое впечатление они и производили на князя Куракина, который постоянно уверял наше правительство, что в мыслях Наполеона окончательно решена война с Россией, и что он уверен в своих мирных чувствах к ней для того только, чтобы выиграть время, поправить свои дела в Испании и Португалии и приготовиться как можно сильнее к нанесению России решительного удара. Почему же теперь, когда император Наполеон успел значительно усилить свои войска в Испании, совершенно приготовиться к войне с Россией, придвинуть глав-

ные силы к Одеру и передовые отряды к Висле, заключить союз с Пруссией, и как можно уже было догадываться, с Австрией, он вдруг изменил свой взгляд и поверил в искренность желаний Наполеона поддержать мирные отношения к России? Потому именно, что война уже приблизилась и почти началась, изменился образ мыслей нашего посланника под влиянием... страха!

В наше время, конечно, трудно вдуматься в тогдашнее положение дел, когда чувство страха пред гением Наполеона было могущественным историческим двигателем в общественной жизни европейских государств, хотя вовсе не обличало ни слабости ума, ни слабости характера тех, которые боялись, но часто, напротив, служило выражением искренней их любви к своему отечеству. Но так было в то время, и этот страх, охватывавший по преимуществу образованные круги европейского общества, лиц, принадлежавших к составу высших правительств, был такого свойства, как будто он был внушен роковою, стихийною силою, борьба с которою казалась невозможною. Его отголоски, хотя и редко, но слышались даже в Англии в выражениях желаний помириться с Францией. Он вынуждал многих испанцев примыкать к новому правительству Наполеонова брата даже в то время, когда весь народ поголовно восстал против чужеземного насилия, грабежа и угнетений. Он почти вполне покорил все высшие слои общества в государствах Германии, кроме немногих избранных, да кроме молодежи и народа. Он значительно проник и в высший слой русского общества, но, уединенно, хотя и довольно долго, держался в нем. Конечно, всего естественнее подверглись его влиянию наши посланники и дипломаты, находившиеся при дворах континентальных держав, и в их числе — князь Куракин*. Под влиянием этого страха, вдруг уверовав в правдивость заявлений Наполеона, с какою заботливостию желал он выведать у герцога Бассано, остановит ли Наполеон движение своих войск до тех пор, пока придет ответ императора Александра на его

*Записки графа П.Х. Габбе; «Мое убеждение (в близком падении Наполеона) было так сильно, что я с удивлением и нетерпением видел безнадёжность посланника нашего (в Мюнхене — князя И.И. Барятинского) в предстоящей неизбежной войне; и в жарких спорах на благоразумные его доводы в необходимом преимуществе гения над генералами обыкновенными, — огромной армии, в победах воспитанной, над малочисленною сравнительно и поколебленною не имея, чем возразить, упрекал его, что в исчислении своем забывает Россию и Бога-мстителя. Позже, после события, он сам вспомнил при встрече со мною эти пророческие порывы. В следующем году (1811 г.) на празднике французского посла в Дрездене, по случаю рождения у Наполеона сына, наш посланник Ханьков, показывая мне иллюминацию, изображающую полусолнце, прибавил: «Еще восходящее солнце!» — «Почему же не заходящее?» — отвечал я. Этот ответ остался у него в памяти, и в Дрездене же, в 1813 г., он мне напомнил его». *Русский Архив* 1873 г., кн. I, с. 855.

письмо и все его предложения. Его, опытного дипломата, любившего свое Отечество, не поразило даже, но утешило заявление французского министра иностранных дел, что император Наполеон очень будет рад, если на несколько времени будут замедлены его военные действия, потому что ранее двух месяцев он не считает возможным подвинуть свои войска в области бывшей Польши. Князь Куракин полагал, что Россия недостаточно приготовилась к отражению грозного врага, утратив содействие Пруссии и Австрии, не успев заключить мира с Турцией и не имея достаточных сил для своей обороны, и — боялся за ее судьбу.

Но каков же в действительности был взгляд Наполеона: решился ли он воевать с Россией или искренно желал начать мирные переговоры?

На этот вопрос могут представить положительный ответ депеши к графу Лористону, составленные по его приказанию и посланные именно в те дни, когда Наполеон беседовал с Чернышевым, отправляя его со своим письмом к императору Александру, а герцог Бассано подробно изъяснял нашему посланнику миролюбивые желания своего повелителя.

В этих депешах Наполеон в первый раз объявил своему посланнику о решительном намерении начать войну с Россией, но предписывал ему «постоянно выражать самые мирные чувства». «Императору нужно, — писал герцог Бассано, — чтобы его войска, постепенно подходя к Висле, имели бы время отдохнуть, устроиться, укрепиться, выстроить мостовые укрепления и вообще прийти в такое положение, которое обеспечивало бы успех дальнейших действий. Император весьма мало обращает внимания на переговоры, если они не будут производиться в Париже. Он не возлагает надежды ни на какие переговоры, если четыреста пятьдесят тысяч войска, которые двинул его величество (а это только количество действующей армии), не заставят задуматься петербургский кабинет, не вынудят его войти в систему действий, установленную в Тильзите, и не поставят России в то положение подчиненности, в котором она тогда находилась (*et ne replacent la Russie dans l'état d'infériorité où elle était alors*). Ваши действия, граф, должны быть направлены исключительно к тому, чтобы выиграть время. Передовые отряды Итальянской армии уже находятся в Мюнхене, и повсюду производится общее движение войск. Старайтесь при каждом случае заявлять, что если последует война, то в этом будет виновата сама Россия, и что восстановление Польши вовсе не входит в виды императора, цель которого заключается лишь в поддержании той системы, от которой хотела отказаться Россия, как доказывают ее вооружения и другие поступки»*.

*Bignon. Hist. de France, ch. XXXIII; Thiers. Hist. de l'Empire, ch. XXV; депеша герцога Бассано к Лористону от 25-го февраля 1812 года.

Очевидно, император Наполеон мог желать мира только на том условии, чтобы Россия стала к нему в те же отношения, как члены Рейнского союза и другие европейские державы. Но он, конечно, знал, что она не подчинится таким условиям добровольно; и хотел принудить ее к тому войною.

Письмо, привезенное Чернышевым императору Александру Павловичу, было действительно кратко, как объявил Наполеон, даже — до неприличия. Вот оно:

«Государь, мой брат! По прибытии нарочного, присланного графом Лористоном 6-го числа сего месяца, я счел нужным переговорить с полковником Чернышевым о неприятных делах, возникших уже более пятнадцати месяцев. От Вашего Величества вполне зависит их окончить. Прошу Ваше Величество не сомневаться в моем желании доказать чувства искреннего уважения, которые я к Вам питаю»*.

Придавая важное значение тем переговорам, на которые вызывал наш кабинет, император Наполеон устранил однако же от участия в них как своего посланника при русском дворе, которому не доверял, так и нашего посланника при его дворе, которого считал недостаточно облеченным полномочиями, и поручал их молодому русскому офицеру. Поручение, возложенное Наполеоном на Чернышева, заключалось не только в том, чтобы вручить его письмо своему государю, но и передать ему все то, что император французов говорил ему. Чернышев не знал содержания письма, которое привез, и не ожидал предстать пред своим государем в качестве уполномоченного со стороны императора французов.

Такой поступок императора Наполеона, конечно, не оставлял уже никакого сомнения в его намерении начать войну. Несмотря на то, русский государь решился отвечать ему собственноручным письмом, хотя и без некоторого, весьма естественного в этом случае, колебания. Только спустя две недели спустя приезда Чернышева, император решился написать и отправить следующее письмо:

«Государь, мой брат! С большим вниманием я выслушал отчет полковника Чернышева о разговоре с ним Вашего Величества при отправлении его в Петербург. Те сообщения, которые я поручаю князю Куракину передать Вашему министерству иностранных дел, а равно и те, которые были передаваемы прежде, могут служить перед целым светом доказательством моего постоянного желания миролюбиво окончить все возникшие пререкания. Таковыми и на будущее время остаются

*Письмо из Парижа от 24-го февраля н. ст. 1812 г.

мои чувства, и *все зависит единственно от Вашего Величества*. Прошу принять уверение в моем особенном к Вам уважении»*.

Хотя это письмо было так же кратко, как и то, на которое оно служило ответом, но в нем однако же император объявлял, что князю Куракину поручено сделать новые сообщения правительству французскому и, следовательно, вступить в переговоры. Итак, русское правительство уступило, согласилось исполнить постоянно повторяемое Наполеоном требование о новых переговорах и новых для того полномочиях нашему посланнику.

Нота канцлера графа Румянцева к князю Куракину, помеченная тем же числом, что и приведенное письмо императора, им самим исправленная и дополненная, поручала нашему посланнику сделать следующие сообщения герцогу Бассано: русские войска не перейдут русские границы, пока французские останутся за Одером. Переход же последних за эту реку будет принят с нашей стороны за объявление войны. При таком положении, в каком еще находились военные силы обеих держав, наше правительство дозволяло князю Куракину войти в переговоры с французским правительством, но с таким непременно условием, чтобы оно дало торжественное обещание, что первым последствием новых соглашений будет (*la première condition de toute négociation doit être une promesse formelle que la première conséquence de tout arrangement sera...*): 1) совершенное очищение французскими войсками прусских владений, не исключая крепостей по Одеру, которые на основании конвенции, заключенной в 1808 году, уже давно следовало возвратить Пруссии, и 2) уменьшение данцигского гарнизона.

Заручившись таким решительным обещанием, князю Куракину дозволялось войти в переговоры по всем вопросам, о которых упоминал император Наполеон в разговоре с Чернышевым. «Его величество, — писал граф Румянцев, — крайне удивляется жалобам императора Наполеона, который при каждом случае заявляет, что мы способствуем английской торговле и вообще не соблюдаем с надлежащею строгостью правил континентальной системы. Подчиниться континентальной системе во всем ее объеме, без всяких ограничений, в том виде, как Франция наложила ее на Германию, Италию и Пруссию, не соблюдая ее в той силе в отношении к себе самой, было бы противно не толь-

*Письмо 27-го марта н. ст. 1812 г. В письме императора Наполеона от 24-го февраля сказано: «*Il ne dépend que de votre majesté de tout terminer*». В ответном письме император Александр — не без намерения, конечно, — повторяет выражения Наполеона: «*Les communications que le prince Kourakine est chargé de faire au ministère de V. M... prouveront au monde entier combien j'ai toujours été prêt à tout terminer. Je resterai constamment dans ces sentiments et tout ne dépend que de votre majesté*».

ко нашим выгодам, но и достоинству России, как великой державы. Впрочем, никаким договором не обязаны мы запрещать нейтральную торговлю*. По союзному договору, заключенному в Тильзите, его величество принял на себя обязательство вести войну с Англией; но из этого еще не следует, чтобы император Наполеон имел право требовать, чтобы он остановил всякую вообще торговлю в своей империи или подчинился правилам двух декретов, из которых один издан был даже несколько месяцев спустя после заключения Тильзитского мира». В отношении к внешней торговле Россия строго соблюдает два правила: допущение нейтральной торговли и совершенное запрещение всякой торговли непосредственно с Англией. Все ввезенные к нам товары пришли на американских судах, под начальством американских капитанов, прямо из Соединенных Штатов, и их документы строго были проверены особою комиссией. Запрещая непосредственную торговлю с Англией, «Россия лишила себя двух третей всей своей внешней торговли. На этом и должно остановиться дело».

Что касается до свидетельств на внешнюю торговлю, выдаваемых во Франции частным лицам (*système des licences*), то герцог Бассано упомянул о них мимоходом, не развив главных оснований этого способа торговли. «Если французское правительство, — писал граф Румянцев, — еще будет настаивать на том, чтоб и у нас были введены такие свидетельства, то необходимо, чтобы оно сообщало вам подробные соображения, достаточные для того, чтобы составить себе понятие об этом способе торговли. Вы можете даже возбудить надежду, что его величество решится принять его, если только способ этот не стеснит еще более нашей торговли, этого главного источника народного богатства, необходимого для нашего существования». В отношении к новому тарифу князю Куракину поручалось заявить, что при его составлении не имелось в виду ни поощрять торговлю с Англией, ни стеснять торговлю с Францией. Но если тюильрийский кабинет считает некоторые постановления стеснительными в отношении к французской торговле, то наше правительство изъявляет готовность пересмотреть тариф и заменить те статьи, которые возбудили неудовольствие французского, новыми по взаимному соглашению. По вопросу о герцогстве Ольденбургском ему поручалось решительно отвергнуть всякую мысль о том, будто бы русское правительство желало получить Данциг или герцогство Варшавское взамен отнятых у герцога владений.

Вследствие этих переговоров русское правительство соглашалось заключить новый договор с Францией на следующих условиях:

*D'ailleurs, aucun engagement ne nous oblige de prohiber le commerce des neutres. Эти слова написаны в проекте ноты самим императором.

1. Французское правительство дает обещание, что непосредственным его последствием будет очищение всей шведской Померании и соглашение со Швецией по другим вопросам; очищение прусских владений и уменьшение гарнизона в Данциге.

2. Мы не можем изменить ни в чем наших правил относительно нейтральной торговли, и навигация в этом году будет совершаться точно так же, как и в предыдущие годы; но мы готовы войти в соглашение о системе частных торговых свидетельств и приступить к ней в том случае, если от этого не уменьшатся наши торговые сношения.

3. Если Франция удовлетворит нас в отношении к первому условию и откажется от тех притязаний, которые предъявляет в отношении ко второму, то мы готовы согласиться на такие изменения в тарифе, которые, не уничтожая сущности этой меры, удовлетворили бы императора Наполеона в отношении к тем его статьям, которые особенно обратили на себя его внимание.

4. Предположив, что первые два условия будут приняты без затруднений, император решается в таком случае войти в соглашения по ольденбургскому вопросу и возьмет назад свой протест по окончании этого дела по взаимному согласию.

5. Наконец, буде французское правительство примет предлагаемые для соглашения условия, то его величество изъявляет готовность снабдить необходимыми полномочиями своего посланника в Париже для подписания договора, если император Наполеон для ускорения дела не найдет более удобным поручить эти переговоры графу Лористону»*.

Содержание этой ноты, список с которой наше правительство уполномочивало князя Куракина сообщить французскому министру иностранных дел, служит достаточным объяснением, почему русский государь решился отвечать на письмо императора Наполеона и согласился войти в переговоры для заключения нового международного обязательства между двумя империями. Россия не только не уступала ни одному из притязаний Франции, но отклонила их все и предъявляла свои требования, от принятия или устранения которых ставила в зависимость мирные и союзные отношения между двумя империями на будущее время. Это было последнее слово нашей дипломатии (*ultimatum*), последствием которого могло быть одно из двух: или уступка со стороны Франции, или полный разрыв, прекращение мирных отношений и — война.

Сличая эту ноту нашего канцлера с проектом инструкции графу Нессельроде, нельзя не заметить почти совершенного тождества меж-

*Нота графа Румянцева князю Куракину от 27-го марта 1812 года.

ду ними. В ней выражены те же самые условия, на основании которых предполагалось поручить графу Нессельроде вести переговоры с Францией, но в усиленном виде — вследствие вновь совершившихся обстоятельств. Наше правительство требовало не только возвращения Пруссии крепостей по Одеру, но и очищения от французских войск всех прусских владений, шведской Померании, только что захваченной Наполеоном, и соглашения со Швецией по вопросам внешней торговли. Эти требования оно считало безусловно необходимыми (*conditio sine qua non*), чтобы вступить в переговоры с Францией для мирного соглашения по вопросам, составлявшим предмет пререканий между двумя империями. Конечно, император Наполеон, поручая Чернышеву выразить русскому императору свои притязания, много раз отвергнутые, не думал о поддержании мира, но желал только выиграть несколько месяцев времени для большего удобства начать войну. Он знал, что Россия не согласится на уступки, которых он требовал, — если только в его соображения не входил тот страх, которым он держал в рабском повиновении всю Европу, который может объять и Россию ввиду тех грозных сил, которые он приготовил, чтобы разгромить ее (*écraser*), по его выражению. Но эти соображения отходили в отдаленную область замыслов о всемирном владычестве, о походе в Индию и т.п. Действительное же необходимою для него в это время было: отсрочить на несколько месяцев войну. Точно так же император Александр Павлович очень хорошо знал, что предложенные им условия не будут приняты Наполеоном. Заступничество за Швецию могло только раздражить его. Во главе ее правительства стоял бывший маршал Франции, который обязан был, по мнению императора французов, безусловно исполнять его требования. Что же касается Пруссии, то в это время Наполеон уже вовлек ее в заключение оборонительного и наступательного союза с Францией. Несмотря на эти обстоятельства, русский император решился отвечать на письмо Наполеона и дозволил нашему посланнику вступить в переговоры для того только, что желал сложить с себя ответственность, что не испытал всех способов отклонить войну. Но он решился вступить в переговоры на таких условиях, которые охраняли бы как его личную честь, так и достоинство империи, в качестве государства независимого и самостоятельного.

Со времени отъезда Чернышева из Парижа с письмом императора Наполеона и до того времени, пока барон Сердобин привез туда ответ русского императора и ноту графа Румянцева, прошло довольно много времени, и это время тревожно проводил наш посланник в Париже. Каждый день доходили до него слухи про враждебные отзывы императора Наполеона и его министра иностранных дел о России, про новые

военные распоряжения и про постоянное движение французских войск к нашим границам. «Никогда во всю жизнь я не испытывал столько тревог, — писал он графу Румянцеву. — Мои желания и мои опасения не изменяются. Я желаю мира и ежедневно вижу, что война приближается все более и более. Самый слабый луч надежды остается еще для меня в том ответе, который последует со стороны нашего государя на письмо и словесные предложения Наполеона, посланные с Чернышевым. Мне повторяют постоянно одно и то же, что, несмотря на огромные военные приготовления и сосредоточения войск почти у самых наших границ, они не перейдут Вислы, пока еще остается надежда, что могут начаться мирные переговоры. Но предполагая даже, что наш император согласится вступить в переговоры, которые, быть может, могли бы окончиться благоприятно год и даже шесть месяцев тому назад, не можем ли мы опасаться, что в настоящее время Франция не заявит таких условий, на кои мы не можем согласиться? Во всяком случае последствием будет война, на которую, как видно по всему, давно уже решился император Наполеон. Все различие с настоящими нашими отношениями к Франции будет заключаться лишь в том, что война несколько замедлится. Но я все-таки думаю, что мы должны всеми способами стараться ее замедлить. Всякая отсрочка для нас выгодна, потому что дает возможность увеличить наши силы и войти в соглашение с тою державою, которую после Тильзитского договора мы постоянно от себя отталкивали. Это соглашение будет для нас весьма полезно. Кто может добросовестно упрекать или порицать нас за это, когда наша долговременная снисходительность привела к тому, что мы должны защищать наши жилища и сражаться против единственного нашего союзника, для которого мы жертвовали самыми дорогими для нас интересами. Я уверен, что на этот вопрос уже обращено внимание нашего доброго государя, и что он входит в число ваших соображений. Как бы я был рад, если бы мой взгляд на дело был в этом случае одинаков с вашим. Между тем тайно я делаю приготовления к моему отъезду, хотя и не знаю, когда и как мне придется оставить Париж. Я даже на случай поручил нанять себе дом в Петербурге. Но меня постоянно тревожит мысль, что и я могу оказаться в таком же положении, в каком был граф Кобенцель в 1805 году»*.

Тревожное состояние нашего посланника, не считавшего себя огражденным началами международного права, которыми никогда не стеснялся в своих действиях повелитель Франции, еще более усилива-

*Частное письмо князя Куракина к канцлеру графу Румянцеву из Парижа от 11/25-го апреля 1812 года.

лось в это время одним обстоятельством, наделавшим много шума в Париже.

Уже несколько времени носился слух, что тайная полиция, руководимая герцогом Ровиго, производит какое-то следствие о сношениях некоторых русских с чиновниками военного министерства, которые будто бы доставляют им сведения о военных приготовлениях, делаемых французским правительством. Следили за всеми русскими, подозревали чиновников посольства, и носились даже слухи, что хотят схватить все бумаги нашего посольства; но более всех подозревали Чернышева. В самый день его отъезда из Парижа полиция схватила его слугу, саксонца Кундта, допрашивала привратника дома, в котором он жил, о приметах тех лиц, которые его посещали, произвела обыск в его квартире, нашла клочки изорванных бумаг и визитные карточки и по ним напала на след этих сношений. Вслед за тем полиция схватила привратника посольского дома, австрийского подданного Вурстингера, не предварив даже князя Куракина. На все его требования, чтобы возвратили привратника и объяснили причины его задержания, герцог Бассано сначала ему отвечал, что это дело его не касается, что он ничего о нем не знает, и производство его находится в руках министра полиции. Потом министр обещал собрать справки и только месяц спустя отвечал уклончивым письмом, говоря, что не может сообщить сведений прежде, нежели суд постановит решение по этому делу, так как, к прискорбию его, пришлось бы говорить об участии в нем таких лиц как флигель-адъютант русского императора Чернышев, что кажется ему, министру, невероятным. По этому делу было наряжено особое следствие, и носились слухи, что множество лиц оказываются к нему прикосновенными. Но обнародованный, наконец, обвинительный акт говорил против одного лишь чиновника военного министерства Мишеля, который и был приговорен потом судом к смертной казни. В этом акте он упрямо обвинялся в том, что тайно сообщал России сведения о военных распоряжениях французского правительства и «доставлял этой державе способы предпринять войну против Франции». Князь Куракин составил объяснение, обратив особенное внимание на эти слова, и, прочитав его герцогу Бассано, изъявил желание, чтобы оно было обнародовано в правительственной газете. Уклоняясь от подробных объяснений, не сообщая точных сведений, герцог Бассано говорил, что эти слова обвинительного акта не относятся к настоящему времени, но к тому, когда во главе русского посольства стоял Убри, и когда готовилась коалиция европейских держав против Франции, и что обнародовать объяснение князя Куракина он считает неудобным, потому что в этом деле замешаны Убри, Нессельроде, Чернышев и

Крафт: «Я готов испросить дозволение у императора напечатать ваше объяснение; но тогда бы пришлось напечатать и все документы, относящиеся к этому делу, чего именно не хотел император, и они не были обнародованы в *Moniteur*’е потому, что могли быть неприятны как для вашего государя, так и для вашего посольства. Но обнародование этих документов повело бы еще к большим для вас неприятностям, потому что я должен был бы тогда испросить приказа императора заявить вам формальную жалобу на действия некоторых членов русского посольства и требовать удовлетворения».

«Но в чем же вы нас обвиняете? — отвечал ему князь Куракин, — не употребляете ли вы точно таких же средств, чтобы узнать то, что для вас нужно знать? На что употребляются те суммы, которые стоят в ваших бюджетах под рубрикою *тайных расходов министерства иностранных дел*?»

Хотя неопределенные сведения, сообщенные по этому делу французским министром иностранных дел не могли удовлетворить нашего посланника, но он не хотел настаивать на своем требовании, конечно, потому, что не считал приличным придавать особенную гласность подобным делам, и притом в то время, когда он ожидал разрешения нашего кабинета приступить к новым переговорам»*.

*Депеши князя Куракина от 11/23-го марта и 7/19-го апреля. Савари, герцог Ровиго, министр полиции императора Наполеона в это время, подробно рассказывает, как под его руководством подведомственные ему полицейские чиновники следили за действиями Чернышева (*Mémoires du duc de Rovigo*, t. V, ch. XVII, éd. 2. 1829 à). Поводом к наблюдению, по его словам, послужило то обстоятельство, что он узнал наверное, что дело идет о том, чтобы переманить генерала Жомини в русскую службу. Действительно, это обстоятельство совершенно верно: генерал Жомини заявил это желание еще графу Нессельроде и потом Чернышеву, и дело шло только о том, как безопаснее устроить это дело для Жомини, который, как швейцарский уроженец, не считал себя неразрывно связанным с Францией (Донесение Чернышева императору из Парижа 3/15-го января 1811 г.). Конечно, это желание трудно было исполнить в то время, но он исполнил его действительно впоследствии. Это открытие Савари не повлекло за собою никаких последствий, но не остановило его наблюдений за Чернышевым, к которому он питал ненависть вследствие частных, семейных отношений. Он окружил его шпионами. Хотя молодой офицер это скоро заметил и принимал предосторожности, но им удавалось выкрадывать некоторые бумаги из его портфеля. Савари доносил о своих открытиях Наполеону; но или эти бумаги он не считал важными, как его министр полиции, или знал о его личных отношениях к Чернышеву, или, наконец, одна полиция в этом случае сталкивалась с другою, — а их было много у императора Наполеона, — только он не придал значения доносам Савари, а, напротив, запретил ему продолжать свои наблюдения, говоря, что это дело поручено герцогу Бассано. «Молодой русский офицер сделался некоторого рода властью, благосклонности которой неловко было не заслужить (*il était devenu une sorte de puissance à laquelle il était maladroit de déplaire*)», — говорит Савари. Несмотря на то, министр полиции усиленно продолжал свои наблюдения. Когда в начале 1811 г.

В таком положении находился наш посланник, когда, наконец, 12-го апреля приехал барон Сердобин и привез давно ожидаемый им

сделалось известным в Париже, что Чернышев снова приедет с письмом русского императора к Наполеону — «герцог Ровиго, — писал Чернышев, — при встрече с графом Нессельроде сказал ему, что он не советует мне вмешиваться в дела дипломатические (*de me mêler d'écrire des dépêches*), предоставив это послу и посольству, а лишь веселиться, сколько мне угодно (*de chercher à m'amuser ici le mieux que je pourrais et d'en faire mon unique occupation*)». Узнав об этом, Чернышев после представления императору Наполеону, прямо из Тюильри, поехал к министру полиции. «Он принял меня прекрасно, — писал Чернышев потом государю, — и несколько раз целовал меня, выражая удовольствие видеть меня снова в Париже. После нескольких слов я обратился к тому, что он говорил графу Нессельроде, уверяя, что я готов все сделать, чтобы изгладить то дурное мнение, которое он имеет обо мне, — что он получил неверные сведения, полагая, что я вмешиваюсь в дипломатические дела, и что никто более меня не желает сохранения союза и дружбы между двумя империями. Для того, чтобы доказать, до какой степени я желаю, чтобы мои поступки не заслужили неодобрения, я прошу его самого указать, как я должен поступать и какие дома я могу посещать. Савари мне отвечал, что он говорил вообще о всех и вовсе не называл меня, что он ничего не может сказать против моего образа действий и советует действовать по-прежнему». Очевидно, он желал, чтобы молодой офицер не сделался еще более осторожным и тем не лишил его наблюдений над ним всяких последствий. Но Чернышев понял значение ласк герцога Ровиго. «Что касается до меня, государь, — заключил он свое донесение императору от 9/21-го апреля 1811 г. из Парижа, — то несмотря на всевозможные ласки и учтивости, которыми меня осыпают, за мною наблюдают и подсматривают. Мне удалось выпроводить двух эмиссаров герцога Ровиго, которые под разными предлогами явились ко мне со своими предложениями. Смее уверить ваше величество, что благоразумие и осторожность будут руководить моими действиями в Париже». В это время бывшему министру полиции Фуше, находившемуся в немилости и в изгнании, дозволено было поселиться в своем поместье неподалеку от Парижа; это происшествие объясняли французы возвратом милости Наполеона своему прежнему слуге и желали, чтобы он занял свое прежнее место. «Действительно, — писал Чернышев графу Румянцеву, — герцог Ровиго сделался невыносимо тяжел для всех; невозможно деспотизм и тиранию довести до большей степени, нежели как он их довел. Его направление состоит в том, чтобы разрушать всякие общества, всякие собрания самые невинные и неспособные внушать никаких подозрений. Особенно иностранцев он желает удалить от общества: эту мысль он выражал многим из тех, у кого он бывает. Поэтому пребывание в Париже сделалось опасным и особенно невыносимым для тех, которые по обязанности должны узнавать о ходе дел. Герцог Ровиго изгнал из Парижа г-жу Рекамье, потому только, что у нее собирались ее знакомые, что не нравилось правительству, и потому, что она ездила повидаться с г-жою Сталь. Г. Матвей Монморанси, известный своею набожностью и совершенно удалявшийся от света, сослан потому же, что виделся с г-жою Сталь». Также была выслана из Парижа «княгиня Беневентская Талейран. На празднике в Трианоне Наполеон, целый час проговорив с нею, окончил разговор словами: «*Vous êtes un diable d'homme; je ne puis ne pas venir vous parler de mes affaires, ni m'empêcher de vous aimer*». Несмотря на то, это не отклонило ее высылки из Парижа на другой же день». (Донесение Чернышева графу Румянцеву из Парижа от 7/19-го сентября 1811). При таком положении дел, естественно, парижане могли желать даже, чтобы Фуше вновь занял место министра полиции; но это желание должно было возбудить опасение Савари потерять его и потому послужило ему поводом к

ответ императора Александра на письмо Наполеона и новые ему наставления. В тот же день Куракин отправился к герцогу Бассано, по-

усилению своей деятельности, чтобы показать свою службу Наполеону необходимою и полезною. Как уже сказано выше, Чернышеву удалось однако избегнуть козней Савари до самого отъезда своего из Парижа. Но лишь только он оставил Париж, полиция ворвалась в его квартиру, обшарила все углы и отыскала несколько клочков бумаги, из которых можно было догадаться, что ему доставил какие-то сведения кто-то, служащий в военном министерстве. Началось следствие, которое и раскрыло, что один из делопроизводителей военного министерства, Мишель, доставлял подобные сведения нашему посольству. Когда по поводу ареста слуги Чернышева, саксонца Кундта, и швейцара посольского дома, австрийца Вурстингера, князь Куракин обратился с запросом к герцогу Бассано, то последний отвечал ему, что ничего не знает об этом, что это дело полиции. Депеши князя Куракина графу Румянцеву от 18 февраля (1 марта), 19 февраля (2 марта), 24 февраля (7 марта) и 1/13 марта). Но, получив запрос нашего посланника, герцог Бассано сперва хотел отвечать подробно и, без сомнения, с одобрения императора Наполеона, приготовил проект ноты, в которой в самых резких выражениях порицался образ действий Чернышева (*Bignon. Hist. de France. ch. XXXIII*); эта нота не была послана и осталась в портфелях министра. Почему же однако не была послана эта нота нашему посланнику? Без сомнения, также по распоряжению императора Наполеона. Очевидно, по той причине, что следствие привело не к тому, к чему желал бы привести его Савари. Он уверяет, что Наполеон еще мог бы остановить Чернышева на пути в Россию; но император не воспользовался этим средством и не сделал его поступка предметом официальных переговоров, очевидно, потому также, что этот поступок вовсе не имел того значения, которое желали ему придать. В первое время и князь Куракин, смущенный тем волнением, которое это дело произвело в Париже, думал, что действительно Чернышев поступил неосторожно, и даже заявлял нашему правительству, что Чернышеву уже невозможно возвратиться в Париж. «Таковы обыкновенно бывают последствия, — писал он графу Румянцеву, — когда поручают дела людям неопытным и не имеют полной доверенности к тем, кто призван заниматься ими» (депеша князя Куракина 4/16-го и 9/21-го марта 1812 г.). Но Чернышев, как удостоверяет и Савари, был так поставлен в парижском обществе, что ему не представлялось нужды добывать сведения о положении дел в низших чиновничьих слоях: он мог получить их из самых высших кругов, гораздо более знакомых с ними. Герцог Бассано в письме от 26 марта н. ст. к графу Румянцеву, извиняясь, что долго не отвечал на его письмо от 2-го марта, оправдывается тем, что тогда пришлось бы говорить ему против образа действий Чернышева, который казался ему невероятным, и сообщать выдуманнные обвинения (*Comment croire en effet qu'un officier qui appartient à S.M. l'empereur Alexandre, qui est attaché à son auguste personne en qualité d'aide de camp et qui est venu à Paris comme l'intermédiaire de la correspondance directe des deux souverains, ait pu se prêter au rôle qu'on voudrait lui faire jouer? Cela est à mes yeux hors de toute vraisemblance. Je ne pouvais donc, Mr. l'ambassadeur, vous communiquer des renseignements, que je dois regarder comme controuvés*). Очевидно, следствие открыло не то, что думал найти Савари. Но что же оно открыло? Что один из делопроизводителей военного министерства доставлял некоторые сведения второстепенным чиновникам нашего посольства с того времени, когда должность посланника исправлял Убри и в последнее время — графу Нессельроде. Если верить показаниям французских писателей, то Чернышев отвез в Россию такого рода документ, доставленный ему Мишелем; но это случилось, очевидно, потому, что граф Нессельроде был уже в отпуску и находился в России, а Чернышев должен был немедленно ехать из Парижа (*Bignon. Souvenirs d'un diplo-*

дробно передал ему содержание только что полученных депеш и просил доложить императору Наполеону о назначении ему свидания для вручения ответа русского государя на его письмо. «Сегодня император будет на охоте, завтра в воскресенье у обедни и затем будет общий прием. Может быть, он примет вас в понедельник», — отвечал герцог Бассано. Нашего посланника, еще верившего в искреннее желание императора французов вступить в переговоры с Россией, удивил подобный ответ. «Я не ожидал таких отсрочек для получения письма нашего государя, когда император Наполеон постоянно выражал, что ожидает его с нетерпением», — писал он графу Румянцеву*. Но в тот же день вечером князь получил письмо от герцога Бассано, в котором министр уведомлял его, что завтра в девять часов утра император Наполеон примет его в Сен-Клу.

13-го апреля князь Куракин явился в кабинет императора и прежде всего выразил уверенность, что Наполеону известны его искреннее желание и старания поддержать мир и добрые отношения между двумя империями, и что поэтому он, конечно, благосклонно выслушает и справедливо оценит те предложения нашего правительства, которые князь ему сообщит, и которые одни могут еще предотвратить войну.

«Что касается вашего личного образа мыслей, — отвечал ему Наполеон, — то он мне хорошо известен; я не могу не отдать справедливости вашим постоянным стараниям поддержать добрые отношения между двумя империями; знаю, что вы сожалеете, так же, как и я, что упущено было время, в которое можно было внимательно обсудить средства восстановления этих отношений, — что вам не давали достаточных для этого полномочий...»

Вслед за вступительною речью, конечно, наперед обдуманною и рассчитанною на то, что после нее император Наполеон выслушает

mate etc., éd. 1864 â, ch. 1). Что же это однако был за документ? Савари говорит, что для императора Наполеона составлялись через каждые две недели ведомости о числе войск и о том, где какие из них находились, и такую-то ведомость увез с собою Чернышев. Но числа войск вовсе не скрывал император Наполеон; он довольно верно определял его в тех разговорах своих с князем Куракиным и Чернышевым, о которых поручал им довести до сведения русского императора. Он думал запугать Россию теми огромными силами, которые он приготовил на случай войны с нею. Ведомость, привезенная Чернышевым, только могла подтвердить его слова и, следовательно, содействовала его видам. Что же касается до обозначения тех местностей, где какие части войск находились, то их передвижения по Германии не могли быть тайною для России, когда повсюду еще находились наши посольства. В глазах французского правительства важен был не документ, но действия чиновника его министерства. Но действительно ли привез Чернышев эту ведомость — это еще подлежит сомнению, по крайней мере для меня, потому что мне не удалось найти тому подтверждения в наших источниках.

*Депеша графу Румянцеву от 14/26-го апреля 1812 г.

предложения нашего правительства, князь Куракин намеревался изложить их с подробностью; но император, не давая вымолвить слова нашему посланнику, продолжал говорить без остановки:

«...Но вместо того вы начали вооружаться и вынудили меня к тому же. Я этого и не скрывал с той поры. Я говорил вам об этом несколько раз и нарочно повторил при всех во время собрания в Тюильри 3/15-го августа. Я не скрывал моих действий, я говорил о них и Чернышеву перед его поездкою в Петербург и теперь не скрываю от вас, что я совершенно готов к войне. Я уже стою на Висле. Но на каких условиях вы хотите достигнуть со мною соглашений? Герцог Бассано уже говорил мне, что вы требуете, чтобы я очистил Пруссию. Это невозможно; самое требование это есть уже оскорбление для меня. Моя честь не позволит мне подчиниться ему. Вы сами дворянин (*gentilhomme*), — как вы можете делать мне подобные предложения? В Петербурге, должно быть, совсем потеряли голову, если могли подумать, что угрозами можно заставить меня сделать угодное им. Я иначе действовал в отношении к императору Александру, когда он приехал ко мне в Тильзит, после моей победы под Фридландом; я щадил его и не предложил ему ничего такого, что было бы несогласно с его честью или могло оскорбить его чувства. Я действовал совершенно противоположно. Начнем переговоры, условимся в том, что мы можем требовать один от другого. Герцог Бассано снабжен мною полномочиями, — снабжены ли и вы такими же? Начинайте с ним переговоры».

«Но прежде, нежели приступить к рассуждениям о тех вопросах, которые должны быть предметом наших переговоров, прежде, нежели решиться на те уступки, которые мы можем сделать в пользу Франции, — отвечал князь Куракин, — я должен убедиться, что будет принято первое условие, на которое мне указано в повелениях моего государя, то есть об очищении Пруссии от французских войск и об уменьшении данцигского гарнизона, и что оно послужит основой и введением в тот договор, который мы имеем заключить. Поэтому я поспешил прочесть герцогу Бассано полученные мною депеши, чтобы он предварил Ваше Величество о их содержании, и именно о том, что все те неожиданные и выгодные для Франции уступки, которые намеревается сделать наше правительство, зависят от одного условия, которое, прежде всего, я обязывался предъявить».

«Вы действуете совершенно так же, как Пруссия перед иенским сражением, — прервал его Наполеон. — Она требовала, чтобы я вывел мои войска из Северной Германии. Я не могу согласиться теперь на то, чтоб очистить Пруссию; это требование затрагивает мою честь!»

«Но сами же Вы, государь, — продолжал наш посланник, — в ваших разговорах с моим государем в Тильзите пришли к тому убеждению, что для того, чтобы придать прочность союзу, который Вы только что заключили, необходимо, чтобы между Россией и теми странами, которые находятся под нашим владычеством, находилось независимое государство. Тогда Пруссия и была признана именно таким государством и потому Варшавское герцогство было уступлено Саксонии. В собственном Вашем мнении, государь, мы имеем достаточное основание требовать того, что наиболее может способствовать укреплению союза и добрых отношений между двумя империями, а именно, чтобы Пруссия приведена была в состояние независимого государства, как Вы сами предполагали, и чтобы договор, который Вы с нею заключили, был оставлен без последствий».

«Я не могу на это согласиться, — заметил Наполеон, — вступим в переговоры, устроим соглашение. Если вы хотите договариваться, то и не напоминайте мне об этом требовании».

С одной стороны, усиленно приглашая нашего посланника вступить в переговоры с его министром иностранных дел, с другой, — отклоняя решительно то условие, без принятия которого он не имел права вступить в переговоры, Наполеон ставил князя Куракина в безвыходное положение. «Ваше Величество очень хорошо знаете, — говорил ему князь, — что всякий государь обязан требовать повиновения от своих подданных, и что никто не требует его в большей мере, как Вы от своих. Поэтому Ваше Величество поймете, что я слепо исполняю приказания, полученные мною от моего императора и состоящие в том, чтобы не входить ни в какие переговоры прежде, нежели вы согласитесь на первое условие, какое я имел честь заявить. Без этого я не могу начать никаких переговоров с Вашим министерством. Да позволит мне Ваше Величество возвратиться к прошедшему. Ваши огромные вооружения и все враждебные меры, которые Вы принимаете, в их совокупности, области, в которых в настоящее время Вы сосредоточили все Ваши средства, собранные против нас, не могут ли служить для нас непреложным доказательством справедливости наших опасений и не оправдывают ли вполне все приготовления с нашей стороны, предпринимаемые единственно для охранения нашего существования и соразмерно с пространством и могуществом России? В таком положении России еще нет ничего враждебного в отношении к Вам. Император Александр говорил это постоянно Вашему посланнику, точно так же, как и я, по его приказанию, повторял Вам и Вашему министерству. Но Вы заключили новый договор с Пруссией, которого содержание, без сомнения, направлено против нас, потому что он не был сообщен нам,

и которого значение уже выразилось в движении Ваших войск на Одер и их аванпостов на Вислу. Не есть ли это уже начало военных действий против России? Мне предписано объявить министерству Вашего Величества, что если войска в значительных силах перейдут Одер, то этот переход мы примем за объявление войны. В предположении подобного случая мне предписано — и я считаю необходимым заявить, — что и наши войска могут перейти границы империи. Но это движение может быть вызвано только военными соображениями, чтобы занять хорошую позицию и защищать наши границы; оно не будет иметь значения наступательного и тем более завоевательного, и наши войска немедленно будут отодвинуты в наши границы, как только сделается известным, что предлагаемые нами условия переговоров будут приняты. При таком положении дел возможно предполагать, что те заявления, которые я буду обязан сообщить моему правительству об ответах Вашего кабинета на его предложения, могут прийти уже не вовремя, и постоянное движение французских войск к нашим границам поведет, естественно, к тому, что и наши войска вынуждены будут переступить границы империи».

С необычным долготерпением выслушал Наполеон длинные речи нашего посланника и не перебивал его, продолжая лишь нить своих собственных мыслей и не обращая внимания на те, которые излагал ему Куракин.

«Маршал Даву уже на Висле, — сказал он, когда князь окончил свою речь, — его главная квартира уже в Торне. Последние известия, которые я от него имею, — от 19-го апреля; в это время с Вашей стороны еще не было заметно никаких движений. Для того, чтобы как можно скорее получать известия от маршала Даву, я устроил особенные эстафеты, а также телеграф».

Очевидно, он отвечал не на тот вопрос, на который желал бы получить ответ наш посланник, но на то сообщение Куракина, что русские войска могут перейти границы ввиду наступления его армий и, следовательно, войти в Пруссию и Варшавское герцогство. Нашего посланника, веровавшего не только в возможность, но и в успех переговоров, занимала мысль, чтобы движение военных сил не привело к войне прежде, нежели возможно будет приступить к переговорам. Напротив того, император Наполеон, решившись воевать и только выигрывая время постоянным заявлением желания вступить в переговоры, рассчитывал лишь на то, чтобы Россия спокойно выжидала, пока он не только приготовится к войне, но и пока все его войска придут в назначенные места, отдохнут, сосредоточатся и приготовятся к дальнейшим движениям, которые он им предпишет, когда это будет нужно по его расчетам и сам прибудет на место действия. Между тем сообщения на-

шего посланника о возможности перехода наших войск через границы, расстраивали соображения Наполеона и притом в такое время, когда ему удалось уже почти вполне приготовиться к войне, и оставалось не более как на месяц или полтора усыпить еще внимание русского правительства, чтобы громадным ударом разразиться над Россией. Рассчитывая на честность русского императора, он продолжал:

«Те области, где еще находятся мои войска, принадлежат мне или моим союзникам. Герцогство Варшавское находится под моим покровительством потому, что оно подчинено власти государя, члена Рейнского союза. Король Прусский — мой союзник, я должен его защищать. Но что касается до вас, то вы не можете перейти ваших границ, не нарушив неприкосновенности чужих владений. Вы не можете сделать одного шага в герцогстве Варшавском, не встретив там сопротивления, а лишь только раздастся хотя бы один пистолетный или ружейный выстрел с той или с другой стороны, это уже будет началом войны. Замедление ответа, которого я ожидал от императора Александра после приезда Чернышева, возбудило во мне беспокойство. Я приказал маршалу Даву отразить неприятельские действия как только возможно будет предвидеть их начало. Я предписал Лористону оставить Петербург вместе со всеми посланниками государей Рейнского союза, лишь только он узнает, хотя бы частным образом, что Ваши войска перешли свои границы. По известиям, сообщенным мне от 1-го апреля, я уже пятые сутки ожидаю от него нарочного и удивляюсь, что он до сих пор не приезжает. Уже не остановили ли его у Вас?»

«Это уже решительно невозможно, — позволил себе прервать его речь князь Куракин, — такой образ действий не в нашем обычае. Но меня чрезвычайно удивляет та поспешность, с какою Ваше Величество сочли нужным дать приказания графу Лористону и маршалу Даву, когда с нашей стороны еще ничто не подавало к тому повода, и Ваше Величество еще не получили ответа от моего государя. Этот ответ теперь в руках Вашего Величества. После того, что Вам угодно было мне сообщить, я считаю долгом предупредить, что если граф Лористон имеет уже предварительное предписание оставить Петербург, то и мне после его отъезда нельзя более оставаться при Вашей особе, и как только я узнаю о его отъезде, я немедленно потребую моих паспортов».

«Но вы не можете уехать отсюда, не имея на то прямого предписания вашего государя», — отвечал Наполеон.

«При подобных обстоятельствах я не могу ожидать предписания; отозвание Вашего посланника будет такого рода явлением, которое я полагаю достаточным для того, чтобы решиться на этот поступок по собственному своему рассуждению. Я сочту своим долгом действовать

таким образом и не изменю моего намерения. Но пока я осмеливаюсь просить Ваше Величество прочитать письмо моего государя».

Император Наполеон начал читать письмо, которое так долго держал не распечатывая в руке, и, прочитав, сказал князю Куракину: «Вот, наконец, письмо, которым я очень доволен. Оно прилично и совершенно основательно (*elle est convenable et parfaitement en règle*). В нем нет ничего того, что вы мне говорите и чего от меня требуете!» И с этими словами Наполеон прочел нашему посланнику письмо императора Александра. Без сомнения, Наполеон не мог быть доволен этим письмом; напротив того, оно сильно оскорбляло его гордость, потому что составлено было совершенно соответственно его письму, даже с буквальным повторением существенных выражений. Но его мысль работала над тем известием, которое ему сообщил наш посланник. Если действительно русские войска перейдут границы и война должна будет начаться ранее, нежели он предположил, то это обстоятельство во всяком случае расстроит его предположения, так тщательно обдуманные, так ловко приводимые в исполнение. Еще несколько недель спокойного ожидания со стороны России, и они окончательно будут приведены в исполнение. Выиграть это время, не заявлять полного разрыва, а ублажать еще внимание России возможностью переговоров — вот что занимало его мысль, и потому он сделал вид, будто очень доволен письмом императора Александра. Но в этом письме было прямо указано на те сообщения, которые поручалось нашему посланнику сделать французскому правительству, и потому князь Куракин не мог ошибиться в значении этого письма.

«Я считаю себя счастливым, — сказал он Наполеону, выслушав это письмо, — что слышу новое подтверждение тех чувств, которые питает к особе Вашего Величества мой августейший государь; но тем не менее предписания, которые я получил, остаются во всей силе, и прежде, нежели вступить в какие-либо переговоры и соглашения, я должен предварительно настаивать на том, чтобы дано было обещание очистить Пруссию от французских войск и уменьшить гарнизон в Данциге. Если Ваше Величество отказывается принять это условие, то тем самым Вы лишаете меня возможности войти в совещания о всех других, которые мне предписано предложить вслед за ним и которые имеют целью удовлетворить все требования, предъявленные Вашим Величеством нашему правительству»...

Наш посланник поставил бы в затруднительное положение своего собеседника, если бы этим заявлением окончил свою речь. Очевидно, этим самым покончилась бы и всякая мысль о возможности переговоров, наступил бы полный разрыв, который мог ускорить начало воен-

ных действий против желаний Наполеона. Но князь Куракин продолжал свою речь и сам дал Наполеону способ выйти из затруднения. «Но так как Ваше Величество не желает принять предварительное условие, — говорил он, — то тем самым прерываете всякие переговоры и лишаете меня возможности приступить к ним. Поэтому позвольте мне обратиться к тому, что при настоящем положении дел представляется наиболее нужным, если обратить внимание на те страны, которые должны сделаться поприщем войны. Я хочу сказать о тех предписаниях, которые Ваше Величество сделали маршалу Даву и графу Лористону. Весьма вероятно, что, имея сведения о постоянном приближении Ваших войск, и наши войска перешли уже границы; полагаете ли Вы, государь, что и в этом случае еще возможно предупредить пролитие человеческой крови?»

«Маршалу Даву, — отвечал Наполеон, — было предписано не переходить Вислы и ожидать известия об исходе переговоров, на которые я рассчитывал; но потом я перестал на них надеяться, не получая ответа на мое письмо, который вы только теперь мне доставили, не видя приезда вашего секретаря... как его зовут.. Новосильцев?..»

«Нессельроде», — подсказал князь Куракин.

«Да, Нессельроде, — продолжал Наполеон. — Я начал уже думать, что вовсе не получу никакого ответа. Но чтобы отвечать на ваш вопрос, я скажу, что если ваши войска займут только правый берег Немана, мои не перейдут Вислы. Если даже ваши займут Мемель, я против этого ничего не скажу. Но если вы перейдете Неман, если вы займете Кёнигсберг, где встретите двадцать тысяч пруссаков под начальством генерала Граверта, или если вы войдете в герцогство Варшавское, то маршал Даву даст вам отпор, потому что моя честь требует того, чтобы я защитил области прусского и саксонского королей. Но если вы останетесь на правом берегу Немана, то Даву не перейдет Вислы. Я pošлю предписание Лористону остановиться в Мариенвердере, ожидать там уполномоченного со стороны императора Александра и начать с ним переговоры».

«Но этого еще мало, — отвечал князь Куракин. — Пока граф Лористон будет ожидать в Мариенвердере приезда нашего уполномоченного, военные действия могут начаться. Необходимо предотвратить эту возможность».

«Вы правы, — заметил Наполеон, — итак, я предлагаю не ограниченное временем перемирие с тем, чтобы о его прекращении было объявлено за пятнадцать дней до начала военных действий, если переговоры не приведут нас к соглашениям».

«Но, государь, — отвечал наш посланник, — недостаточно этого, что Вы мне заявляете такое предложение; необходимо, чтобы я был

уверен, что предписания в этом смысле будут даны маршалу Даву и графу Лористону, и чтобы я мог послать второго затем нарочного, с которым отправил бы заявление, что такие предписания действительно отправлены, и что князь Экмюльский их получил».

«Я желал бы, — сказал Наполеон, — чтобы вы два-три дня повременили отправлением вашего первого нарочного, который, конечно, повезет императору Александру ваш отчет о нашем теперешнем разговоре, пока я не получу известий от Лористона. Мне нужно знать, что ему сказали о переходе ваших войск через границы, и оставит ли он Петербург. А между тем повидайтесь с Бассано и постарайтесь условиться с ним о перемирии. Можете ли вы теперь подписать его вместе с ним?»

«Я не имею на это полномочия, — отвечал князь Куракин, — потому что подобный случай не был предвиден; но видя, до какого положения дошли дела в настоящее время, я готов его подписать условно, *sub sperati*, предоставляя воле моего государя согласиться или нет на это перемирие».

«Первым последствием этого перемирия, — продолжал Наполеон, — будет то, что, если военные действия уже начались и ваши войска заняли Кёнигсберг, то они немедленно очистят его и удалятся за Неман, а мои — за Пасаргу».

Удивленный этим известием, наш посланник прервал речь Наполеона.

«Как же, Ваше Величество только что сказали, что предписали маршалу Даву не переходить Вислы, а теперь говорите, что он должен будет отступить за Пасаргу. Это совершенно изменяет то положение, в котором должны находиться Ваши войска за Вислой, и приближает их к нашим границам?»

«Ну, я откровенно объясню Вам, — отвечал пойманный врасплох Наполеон, — причины, почему это так случилось. Страна по левую сторону Вислы очень песчана и не представляет достаточных средств для продовольствия моих войск; гораздо более этих средств представляет страна за Пасаргою».

«Да, — отвечал князь Куракин, — Вы желаете воспользоваться плодородною местностью старой прусской Польши; но это соображение с Вашей стороны, естественно, приводит меня к мысли о том, сколько же потребуется продовольствия и фуража для всех войск, простирающихся до 500 тысяч человек, которые, по словам Вашего Величества, Вы собрали против нас. Подумали ли Вы, сколько затруднений может представить их продовольствование?»

«В этом отношении я не встречаю никаких затруднений, — с уверенностью отвечал Наполеон, — я все предвидел, я устроил наперед ог-

ромные запасы продовольствия в Данциге и Торне, у меня девять тысяч подвод для перевозки муки, и начинающаяся весна родит продовольствие под ногами лошадей, куда бы я ни двинул мою конницу. Вы недовольны моим договором с Пруссией. Но прусский король послал своего генерала-адъютанта к императору Александру сказать ему, что я не желаю войны и предложить ему свое посредничество. Ему отвечали, что император также не желает войны, но не нуждается в таком посредничестве. Что же оставалось более делать прусскому королю, как не вступить в соглашение со мною? Австрия находилась точно в таком же положении. Она представляла вам точно такие же уверения о моих намерениях, делала такие же предложения и получила точно такой же ответ, как и Пруссия».

«Как, — прервал его князь Куракин, — должен ли я из слов Вашего Величества заключить, что и Австрия против нас?»

«Без всякого сомнения», — отвечал Наполеон.

«Стало быть, тот австрийский наблюдательный корпус, что расположен в Галиции, предназначен для того, чтобы действовать против нас?»

«Да, если начнется война, он будет действовать сообща с моими войсками, — отвечал Наполеон и продолжал свою речь. — Я, как человек, который уважает императора Александра, намерен доказать мое личное к нему расположение даже в манифестах, которые должен буду обнародовать против России, — я не могу понять, какими советниками он себя окружает и кто мог ему внушить так легкомысленно оставить то прекрасное положение, в каком он находился. Вследствие союза со мною он приобрел Финляндию, которую так усиленно желали приобрести все его предшественники. Точно также я уступил ему Молдавию и Валахию. Они уже давно принадлежали бы ему, если бы он не отозвал пяти дивизий из своих дунайских войск и не вывел их оттуда для того, чтобы придвинуть к польским границам. Если бы он не предпринял этой неудачной меры, то, доведенные до крайности и разбитые турки не могли бы вам противостоять, и вы заключили бы с ними мир — на каких бы хотели условиях. Но вместо этого пришлось уступить. Теперь вы предлагаете им границей Прут, и на это они не соглашаются».

«Их упорство объяснить нетрудно, — прервал его речь князь Куракин, — они рассчитывают на войну, которую Вы предпринимаете против нас».

«Послушайте, я вам скажу всю правду: я постоянно отклонял все заискивания турок; но шесть недель тому назад я, действительно, вошел в сношения с ними. Подумайте, мог ли я верить тем сообщениям, которые присылал мне Лористон, когда отзыв пяти дивизий из Дунайской армии явно обнаруживал мне враждебные ваши замыслы против

герцогства Варшавского. Я должен был двинуть мои войска, чтобы противодействовать так явно выраженным вашим намерениям. Не мог я также не заметить презрения и враждебного ко мне расположения в вашем упорном молчании, которого вы никак не хотели прервать».

«Но все, чего вы требовали от нас, — заметил князь Куракин, — Вы можете получить теперь с выгодой для Вашей империи, если только согласитесь принять то условие, которое мы считаем необходимым для нашего спокойствия».

«Да, очистить Пруссию, — но это оскорбление, которого я не могу вынести. В Тильзите, после Фридландского сражения я щадил вашу честь, а вы не щадите моей. Вы заставили меня отложить мои действия в Испании, я вернул оттуда мои экипажи, которые находились уже там; вы заставили меня истратить огромные суммы денег на военные приготовления, и после всего этого вы предлагаете мне невозможные условия. Не говорите мне об этом более и вступайте в переговоры с герцогом Бассано», — добавил Наполеон.

«Но я должен повторить Вашему Величеству, — отвечал посланник, — что не могу начинать никаких переговоров, прежде чем не получу Вашего согласия на это условие».

«Я не понимаю вашего кабинета, — возразил император, — он хочет обходиться со мною так же, как привык обходиться с прежним Польским королем и принудить меня вступить в переговоры, предложив условие *sine qua non* наперед, тогда как оно может быть только последствием этих переговоров. Намерены ли вы сообщить ноту по этому предмету герцогу Бассано?»

«Если я и сообщу ему ноту, то она, во всяком случае, будет касаться только этого первого условия, которое предварительно должно быть принято. Если же я не получу обещания, что из Пруссии будут выведены Ваши войска, то и не приступлю к переговорам о других вопросах», — отвечал князь Куракин.

«Если вы не хотите придать другого смысла вашей ноте, то лучше вовсе не посылайте никакой, потому что вы слышали и сами можете судить, как она будет принята. Если даже император Александр имеет в своем распоряжении до четырехсот тысяч войска, то у меня готово пятьсот тысяч, да новая конскрипция даст еще сто тысяч. Перевес все-таки на моей стороне».

Резко прервав на этом речь, но еще не отпуская князя Куракина, император Наполеон начал с ним говорить о дошедших до него слухах, что император Александр едет в Вильну, будто бы хочет провозгласить себя польским королем, также о падении Сперанского. Поговорив несколько времени об этих слухах и желая отпустить, наконец,

нашего посланника, Наполеон обратился снова к главному предмету разговора: «Повидайтесь, однако же, с герцогом Бассано, — сказал он, — сговоритесь с ним, но не настаивайте на условии, на которое я не могу согласиться. Если же вам предписано решительно настаивать на нем, то постарайтесь, по крайней мере, представить его в таком виде, чтобы я не был вынужден его отвергнуть».

Обещав в тот же день повидаться с французским министром иностранных дел, князь Куракин повторил, что отъезд Лористона из Петербурга вынудит и его требовать своих паспортов и оставить Париж. «Таким образом, — сказал он, — это свидание, которым Ваше Величество меня удостоили, быть может, уже последнее, и я считаю долгом воспользоваться им, чтобы выразить Вам благодарность за те личные милости, которые Вам угодно было оказать мне во время моего здесь пребывания; воспоминание о них я сохраню постоянно в моей памяти. Позволю себе думать, что чистота побуждений, которыми я руководствовался в моих действиях, дает и мне некоторое право на благосклонную память об них со стороны Вашего Величества».

Император Наполеон в ответ на эти слова с особенною ласкою выразил ему свое благоволение и, намекая на Тильзитский мир, прибавил: «Если вы уже непременно хотите уехать отсюда, то я пожелал бы только одного, если согласится император Александр, — чтобы вы поскорее возвратились для заключения во *второй* раз со мною мира»*.

Предположение императора Наполеона не сбылось, и князю Куракину не пришлось явиться к нему для заключения *второго* Тильзитского договора, хотя Наполеон и был уверен, что никогда не получит его добровольно, но силою непременно вырвет его у России, на которую он смотрел с той же точки зрения, как и на все прочие континентальные державы Европы.

Наоборот, предположение князя Куракина, что эта аудиенция может быть *последнею*, совершенно оправдалось — ему не пришлось уже более беседовать с Наполеоном, хотя он вовсе этого не предполагал тогда еще и верил в возможность продолжать переговоры.

Заключая свой отчет об этом свидании, князь писал графу Румянцеву: «Окончив эту работу, я поеду к герцогу Бассано, чтобы от него подробнее узнать о мыслях императора Наполеона и переговорить с ним о главных основаниях для переговоров, которые, кажется, достаточно определились для обеих сторон, чтобы предотвратить возможность войны, чего, по-видимому, *желает в сущности и сам император Наполеон*».

*Депеша князя Куракина от 16/28-го апреля 1812 г. Париж.

Эта, продолжавшаяся два с половиною часа, беседа между французским императором и русским послом не может не обратить на себя внимания своею двусмысленностью. Первая ее половина не только не соответствует второй, но находится в совершенном противоречии с нею. Наш посланник, под влиянием страха перед опасностью, угрожавшей России, и желания предотвратить пролитие человеческой крови, не только верил в готовность Наполеона предотвратить войну, но полагал даже, что те условия, на основании которых наше правительство согласилось вступить в мирные соглашения, весьма *умеренны* и даже *выгодны* для Франции. Но при этом случае он забывал ту истину, которую сам же выражал постоянно в своих донесениях нашему правительству, что Франция так же угнетена, как и остальная Европа, и составляет не более как простое орудие для осуществления властолюбивых замыслов своего повелителя. Вопрос заключался не в том, умеренны ли и выгодны ли были условия, предложенные для мирных соглашений в отношении к Франции, но в том: мог ли их принять император Наполеон и особенно в это время?

Вся политика Наполеона после Венского мира и женитьбы на австрийской эрцгерцогине клонилась к тому, чтобы, усилив действие континентальной системы, грозившей разорением самой Франции, принудить к миру Англию. Владея всеми берегами Европы по Средиземному морю, он должен был завладеть и берегами Немецкого и Балтийского морей, чтобы совершенно преградить английским товарам доступ во все порты. В виду этой цели он присоединил к Французской империи Голландию и ганзейские города, занял войсками шведскую Померанию, держал в полной зависимости Данию и Пруссию. Для довершения предпринятых им мер ему необходимо было поставить в такую же зависимость от своей власти и все балтийское побережье России, после чего ему нетрудно уже было бы управиться и со Швецией, почти явно продолжавшею торговые сношения с Англией. Достигнуть этой цели невозможно было иначе, как разгромить Россию так же, как в 1807 году он разгромил Пруссию, а в 1809 году Австрию. Для этого он пожертвовал своими выгодами в Испании, собрал огромные боевые силы, истратил миллионы на военные приготовления, более полутора года деятельно вел все дипломатические переговоры единственно с тою целью, чтобы отклонить Россию от наступательных действий, придвинул, наконец, все свои силы к Одеру и далее, прикрывая их на севере прусскими войсками, а на юге саксонскими, то есть польскими из герцогства Варшавского и таким образом заняв все течение Вислы от Балтийского моря до Галиции, где они опирались на вспомогательный корпус, выставленный австрийцами. И в то время, когда он

находился уже в союзе с Пруссией, подписавшею с ним наступательный и оборонительный договор против России, русское правительство потребовало от него, чтобы прежде вступления в мирные переговоры, чего он так домогался, он отвел свои войска назад, очистил Пруссию, возвратил ей крепости по Одере и оставил шведскую Померанию. Если бы он согласился на эти условия, то в возмездие ему предлагалась уступка по вопросу ольденбургскому и пересмотр некоторых статей тарифа, но решительно отклонялось требование подчинить свою торговлю трианонскому тарифу, декретам Берлинскому и Миланскому, и выражена была твердая решимость не стеснять еще более своей внешней торговли, не устранять доступа нейтральным судам в наши порты и принять в соображение систему отдельных дозволений (*licences*) в том лишь случае, если можно согласовать ее с положением нашей внешней торговли, не нанеся последней ущерба.

Очевидно, подобные предложения не могли быть приняты Наполеоном и должны были в высшей степени раздражить его гордость и самоуверенность. Он называл их нашему посланнику *угрозою, вызовом на войну и оскорблением*, ему наносимым, и был совершенно прав со своей точки зрения. Это были для Наполеона в тогдашнее время не предложения для мирных переговоров, а объявление войны.

Точно так смотрело на них и само русское правительство, или лучше сказать, сам император Александр, который держал в своих руках всю русскую политику этого времени. Заявляя постоянно, что он желает поддержать мир Европы, но не ценою унижения России и самого себя, что он не будет зачинщиком войны, но готов к отпору до последней крайности, император Александр был уверен, что Наполеон решился на войну, и что все его заявления о мирных переговорах клонятся лишь к тому, чтобы обмануть русский кабинет, отклонить Россию от военных приготовлений или по крайней мере замедлить их, а самому выиграть время. Точно с таким же предложением очистить Пруссию император Александр намеревался еще в 1811 году послать в Париж графа Нессельроде, но не иначе как по заключении мира с Турцией. Считая себя связанным этою войною и не желая, пока она продолжается, ускорять другую, более грозную, хотя и неизбежную по его верному соображению, он не послал своего уполномоченного с этим предложением, как только мир с Турцией не состоялся. Но почему же он решился сделать то же предложение теперь в более усиленном виде? Именно потому, что считал войну еще более неизбежною и уже почти начавшеюся, когда французские войска с их союзниками захватили все течение Вислы от Балтийского моря до Галиции, и хотел в последний раз сказать своему грозному противнику, что ни русский

император не может сделаться его подручником, ни Россия из самостоятельной державы превратиться в подвластную ему страну.

Император Наполеон понимал это значение предложений русского кабинета и выразил его в разговоре с нашим посланником; но потом в конце разговора, как будто изъявляя уже согласие принять эти предложения, поручил князю Куракину войти в сношение с герцогом Бассано и лишь выразить их *в таком виде*, чтобы он *не был вынужден отвергнуть их*.

Причиною этой перемены в речах Наполеона, подавших снова надежду нашему посланнику на возможность еще замедлить войну мирными переговорами, послужило заявление князя Куракина, выраженное весьма решительно по поручению нашего правительства, что если французские войска перейдут Вислу, то и наши перейдут Неман. Переход наших войск через Неман был бы началом военных действий, и маршал Даву в силу своих полномочий должен бы начать их. Между тем этот последний разговор нашего посланника с императором Наполеоном происходил в конце апреля (15/27-го числа), а он решился начать войну в конце мая или в начале июня. Поэтому Наполеон должен был выиграть еще месяц времени и остановить движение русских войск за Неман, увлекши русский кабинет в новые переговоры. Его оборотливый и быстрый в соображениях ум вдруг, среди самого разговора, придумал новый вид этих переговоров *во время перемирия*, так сказать, в виду готовых к бою войск двух противников — в Мариенвердере; это было придумано с тою целью, чтобы сбить нашего посланника с толку и еще более убедить его в нежелании Наполеона начинать войну, тем более, что сам Куракин высказывал к тому расположение и, соблазненный словами Наполеона, мог в этом смысле представить нашему правительству свой отчет об разговоре своем с французским императором.

Кроме заявления Куракина о возможности перехода наших войск за Неман, император Наполеон, еще до свидания с князем, уже знал о всех тех условиях, на которых Россия изъявила готовность приступить к мирным переговорам. Они были сообщены ему его министром иностранных дел, который выслушал их от нашего посланника за три дня до этого свидания (24-го апреля н. ст.). Следствием этих сообщений было то, что на другой же день (25-го апреля) император Наполеон написал письмо к императору Александру, а герцог Бассано — обширную ноту графу Румянцеву и наставления к графу Нарбонну, которому поручалось из Берлина, где он находился в это время, ехать прямо в главную квартиру русского государя в Вильну*. Хотя цель посольства графа Нарбонна была совершенно иная, однако же Наполеон, поручая ему

* *Bignon. Hist. de France, ch. XXXIV. Thiers. Hist. de l'Empire, XXV.*

предложить русскому канцлеру условия для переговоров и в то же время побуждая князя Куракина вступить в соглашения с герцогом Бассано, обнаруживал ясно, что не придает никакого значения ни тем, ни другим переговорам, а употребляет их как средство для того, чтобы выиграть время, необходимое прежде, чем приступить к военным действиям.

Конечно, это обстоятельство, то есть посольство графа Нарбонна, было тщательно скрыто от нашего посланника, и он с полной надеждою на добросовестность императора Наполеона исполнил его желание и немедленно отправился для совещаний к его министру иностранных дел.

«Я знаю, — начал с ним разговор герцог Бассано, — вы не совсем довольны тем, что вам не удалось убедить императора согласиться на то условие, которое вы считаете существенно необходимым, чтобы вступить в соглашение по всем другим вопросам. Но в продолжение разговора с ним вы должны были убедиться, до какой степени он расположен к мирным соглашениям. Он не отказывается даже удовлетворить ваше желание в отношении к очищению Пруссии, лишь только вы выразили бы это условие в такой форме, которая не оскорбляла бы его чести и достоинства».

Князь Куракин отвечал, что не может отступить от повеления своего государя, выраженного прямо и решительно, но понимает, что имеют основание и те соображения, которые высказал ему император Наполеон. Поэтому, чтобы примирить оба эти обстоятельства, Куракин предложил составить предварительный договор о всех тех вопросах, о которых он должен войти в совещание. Первою статьею этого договора и было бы установлено очищение Пруссии и уменьшение данцигского гарнизона. Это условие, поставленное в ряд с другими статьями, утратило бы свое значение предварительного требования, без принятия которого прежде всего он не мог бы вести переговоры о других вопросах, и явилось бы как последствие, как вывод из всех переговоров, по всем этим вопросам. Составленный таким образом договор он соглашался подписать, как предварительный (*sub spe rati*), до дальнейшего утверждения нашим правительством.

Герцог Бассано совершенно одобрил этот способ для выхода из затруднительного положения, говоря, что таким образом будут соблюдены приличия и удовлетворены обе стороны. «Нам остается только, — прибавил он, — приступить к составлению самого проекта конвенции, в которой первую статьюю будет именно та, на которую вы указали, а за нею последуют статьи об отношениях России к континентальной системе, о выгодах, предоставляемых ею торговле с Францией и об ольденбургском деле». Он выразил даже мысль, что едва ли по этим вопросам и могут возникнуть недоразумения, и что обе

стороны, по-видимому, и теперь не слишком расходятся в своих взглядах в отношении к ним.

Соглашаясь с ним вообще, наш посланник счел нужным однако же заметить, что мы не изменим тех начал, которые мы строго соблюдаем в отношении к торговле с Англией, и не войдем в непосредственные с нею торговые сношения, но не отступимся также и от нейтральной торговли. Желая сделать угодное императору Наполеону, мы можем согласиться лишь на то, чтобы упомянуть в проекте договора, что русское правительство готово войти впоследствии в подробные соображения о так называемой системе частных дозволений (*licences*) и ввести их в России в том случае, если не пострадает от того ее внешняя торговля. Точно также будет постановлено, что наше правительство войдет в соглашение об изменении нашего тарифа в пользу произведений Франции и о вознаграждении герцога Ольденбургского. То и другое будет предметом особых договоров, а в последнем будет сказано, что Россия берет назад свой протест, объявленный ею по случаю присоединения Ольденбурга к Франции.

Все эти предложения с полным сочувствием были приняты министром иностранных дел Наполеона. Как бы желая ускорить ход этого дела, он просил нашего посланника составить самый проект договора и, обещаясь со своей стороны написать другой (контрпроект), пригласил князя к себе в тот же день для того, чтобы совокупно обсудить оба проекта, а затем приступить к составлению акта о перемирии, согласно предложению, которое было сделано самим императором Наполеоном.

Князь Куракин исполнил желание герцога Бассано и в тот же день приехал к нему с готовым проектом договора; но документ этот остался у него в кармане. Герцог объявил ему, что не видал еще императора Наполеона, что увидит его только завтра в Сен-Клу и потому не считает еще возможным войти теперь в переговоры с князем.

«Впрочем, — заметил он, — я не теряю надежды прийти к соглашениям», — и когда князь Куракин напоминал ему о первой статье, то он отвечал: «Что за дело до того, будет ли она первая или вторая и третья, лишь бы она стояла в проекте договора».

«Если вы согласитесь принять самую статью, то, конечно, я не буду настаивать, под каким номером она будет поставлена, — отвечал ему князь Куракин, — но надо будет однако же условиться о сроке, к которому французские войска должны будут очистить Пруссию».

«Об этом я ничего не могу вам сказать, — отвечал герцог Бассано, — не переговорив с императором».

Это свидание еще более уверило нашего посланника в миролюбивом расположении императора Наполеона, и он с полною доверенно-

стью ожидал нового свидания с герцогом Бассано. Волнуемый однако же опасением, что самая сила обстоятельств, движение вперед войск обеих держав, постепенно их сближая, приведет к началу военных действий прежде, нежели удастся начать мирные переговоры, он несколько раз приезжал к герцогу Бассано, но не заставал его дома; несколько раз писал о назначении свидания и не получал ответа. Это обстоятельство возбудило в нем подозрение. Наше правительство, присылая ему свои условия для переговоров, поручало ему придать решительное значение своему заявлению и даже дать герцогу Бассано список с депеши графа Румянцева. Полагаясь на миролюбивое заявление императора Наполеона и его министра иностранных дел, он ограничивался до сих пор только словесным их сообщением. Но видя замедления со стороны французского министерства приступить к переговорам, он писал* к герцогу Бассано, что не может дожидаться более и должен представить отчет императору о том, как он исполнил его приказания.

«Сообщив словесно условия нашего правительства как императору, так и нам, — писал Куракин, — я ласкал себя надеждою, что могу сообщить уже моему государю проект конвенции, составленной на тех основаниях, которые я предложил, и тем доказать, что я успешно исполнил его желание. Но в продолжение двух дней я был лишен возможности вас видеть, продолжать и окончить вместе с вами работу, важную и крайне спешную, для исполнения которой нельзя терять и одного дня, я потерял уверенность, что она будет немедленно окончена и предупредит те гибельные последствия, которые могут произойти от взаимного сближения войск обоих государств. Поэтому считаю долгом, исполняя приказание моего правительства и для избежания ответственности, которой я мог бы подвергнуться, сообщить вам официально, на письме, те условия, которые сообщал уже словесно».

Изложив в официальной ноте эти условия, князь Куракин думал вызвать скорейший ответ со стороны французского правительства, не предполагая, конечно, чтобы вопреки дипломатическим приличиям и эта нота могла остаться без ответа. Действительно, на другой же день (19-го апреля/1-го мая) герцог Бассано назначил ему свидание. При этом свидании, состоявшемся на следующий день, он объявил нашему посланнику, что приехал нарочный из Петербурга с депешами от графа Лористона, которые рассеяли все сомнения и успокоили тюильрийский кабинет. «Граф Лористон и не думал оставлять Петербург, — говорил он, — с ним обходятся по-прежнему предупредительно и ласково;

*Нота князя Куракина герцогу Бассано от 18/30-го апреля 1812 г. Париж.

накануне отъезда нарочного он имел честь обедать у императора Александра. Во время обеда он говорил о движении войск Даву к Висле, но во все не обнаруживал намерения подвинуть свои войска за границы империи, как вы нам заявляли. Напротив, с вашей стороны все спокойно, что подтверждает и письмо, которое я получил от одного из моих знакомых из Ковенской губернии. Он пишет, что со стороны ваших войск не обнаруживается никакого движения к границам, и нет никаких признаков, которые давали бы повод предполагать начало военных действий. За этим же обедом император объявил графу Лористону, что намерен предпринять поездку для осмотра резервных корпусов своей армии, заявив при этом миролюбивые чувства к Франции, которые, по его словам, не изменятся в нем, где бы он ни находился: в Петербурге или Тобольске. После обеда император говорил с ним о торговле нейтральных... Впрочем, — прервал свою речь герцог Бассано, — я слишком уже откровенно рассказываю вам содержание депеш нашего посланника, которые я еще не докладывал императору; но скажу однако же, что ни император Александр, ни граф Румянцев не говорили ему ничего подобного тем условиям для переговоров, которые вы нам сообщали».

Князь Куракин отвечал герцогу, что он очень рад, что депеши графа Лористона рассеяли все их сомнения и недоразумения о действиях России, и что это дает ему повод надеяться, что он приступит к заключению с ним проекта конвенции на предложенных с русской стороны основаниях.

«Но император Александр не сказал ни одного слова нашему посланнику о требовании очистить Пруссию», — возразил герцог Бассано.

«В этом нет ничего удивительного», — отвечал князь Куракин, — это дело поручено волею государя моему попечению, и потому было бы бесполезно о нем говорить графу Лористону».

Приведенный разговор и вообще замедление приступить к переговорам о заключении конвенции, возбуждившее подозрение князя Куракина, явно показывали, что тюильрийский двор намеревался повторить ту же проделку с последними предложениями нашего правительства, какую он уже сделал с протестом против захвата герцогства Ольденбургского. Он не хотел признавать даже их существования и делал вид, что начинает переговоры непосредственно с нашим кабинетом чрез графа Нарбонна, а нашего посланника обманывал ложными обещаниями, препятствуя ему в то же время сообщать о них своему правительству.

При свидании с князем Куракиным император Наполеон, как мы видели, советовал ему не посылать своего нарочного в Петербург до тех пор, пока французский кабинет не получит известий от Лористона. Исполняя желание императора, князь замедлил его отправлением,

но нарочный графа Лористона приехал с депешами, которых ожидало французское правительство, а между тем герцог Бассано и не упомянул ему о паспорте, которого он требовал для своего нарочного. Поэтому князь Куракин прямо выразил неудовольствие, какое причиняет ему такой необыкновенный и неожиданный образ действий. Никогда и ни в каком случае посланнику державы, находившейся в мирных отношениях, ни одно правительство не отказывало в паспортах для проезда нарочным, по обычаю отправляемым ими к своим правительствам. Неудовольствие нашего посланника от обращения с ним, которое он имел полное право считать неприличным в обычных отношениях независимых держав, между собою усилилось еще более, когда герцог Бассано сказал ему, что для получения такого паспорта нужно заручиться дозволением князя Невшательского, то есть Бертье, начальника главного штаба императора Наполеона. Такое заявление давало чувствовать нашему посланнику, что он уже находится как бы в плену у державы, находящейся в военных отношениях с его отечеством.

Отказавшись решительно просить подобного дозволения у Бертье, князь Куракин требовал, чтобы герцог Бассано доставил ему обыкновенный паспорт для посольских нарочных.

«Вы меня ставите в затруднительное положение вашим требованием, — отвечал ему герцог Бассано, — сам император просил вас повременить отправлением вашего нарочного».

«Император говорил мне, — отвечал наш посланник, — чтобы я на два, на три дня отложил отправление моего нарочного, пока он получит известия, которых ожидал от графа Лористона. С тех пор прошло шесть дней, эти известия получены, и я не могу более медлить отправлением отчета моему государю о разговоре с императором Наполеоном и об его уверениях в желании приступить к мирным соглашениям, которые и вы мне подтвердили. Я желаю сегодня отправить моего нарочного и потому прошу прислать паспорт».

«Боже мой! — воскликнул герцог. — Вы не хотите понять, что это не от меня зависит; я не могу этого сделать, я должен испросить повеление императора».

«Итак, испросите, — отвечал князь Куракин, — я уверен, что император Наполеон не найдет никаких поводов отказывать мне в этом случае. Отказать в выдаче паспорта для нарочного посланника такой державы, которая находится еще в дружбе и союзе с Францией, было бы таким нововведением, какому нельзя найти примера. Притом я всегда руководствовался в моих действиях желанием поддержать дружеские отношения между двумя империями и позволяю себе сказать, что не заслужил того, чтобы со мною обходились подобным образом».

Смущенный этим замечанием нашего посланника, герцог Бассано рассыпался в изъявлениях чувств уважения к нему, обещал испросить немедленно дозволение императора и спросил: «Какою дорогою вы отправите вашего нарочного?»

«Тою, по которой он скорее доедет до местопребывания моего государя в настоящее время», — отвечал князь Куракин*.

Этот вопрос герцога Бассано обличает причину, которая вынуждала императора Наполеона отсрочивать выдачу паспорта. Кроме того, что он не хотел показать, что намерен вступить в переговоры с нашим посланником, он знал, что всякий курьер нашего посольства, проезжая в Россию через Германию и Пруссию, встречал на каждом шагу французские войска и привозил известия о постепенном их приближении к пределам России. Наполеон знал это по известиям своих посланников и желая скрыть последние, так сказать, движения своих войск, замедлял выдачу паспорта нарочному нашего посольства, который, конечно, сообщил бы нашему правительству, что эти войска находятся далеко уже за Вислой, а их аванпосты приблизились к самым почти границам Русской империи.

Решительные заявления князя Куракина оказали свое действие; в тот же день вечером он получил паспорт для своего нарочного и, отправив его немедленно, ожидал еще два дня для того, чтобы дать время герцогу Бассано получить наставления от императора Наполеона для переговоров по всем статьям, которые должны были войти в проект конвенции. На третий день, 24-го апреля (6-го мая), он отправился к нему. На вопрос нашего посланника, получил ли он, наконец, приказания от императора Наполеона насчет переговоров о конвенции, герцог Бассано отвечал, что, к сожалению, все еще не получал никаких предписаний и потому не может войти с ним ни в какие переговоры.

«Такой ответ мне весьма прискорбно слышать; в настоящих обстоятельствах дороги не только дни, но каждый час, для того, чтобы предупредить угрожающие Европе действия», — отвечал князь Куракин.

Между тем в парижском обществе носились уже слухи, что получают письма от французских офицеров из Мемеля, что Неаполитанский король приехал в Париж, чтобы принять начальство над всею кавалерией, и что князь Шварценберг внезапно уехал, чтобы начальствовать над корпусом австрийских войск, расположенных в Галиции. Он был в дружеских отношениях с нашим посланником, часто видался с ним, очень дружелюбно беседовал с ним за день до отъезда, не упоми-

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву от 20-го апреля (2-го мая) 1812 года, Париж.

ная об этом ни слова, и вдруг уехал — не только не простившись с ним, но и не предупредив его. Говорили повсюду, что император Наполеон весьма скоро отправится в Дрезден. Герцог Бассано подтверждал этот слух, но уверял, что время отъезда еще не определено.

«Если император Наполеон оставит Париж, то, без сомнения, и вы за ним последуете; наши сношения будут прерваны, в каком же положении я буду оставаться в Париже и какой будущности могу ожидать?» — говорил ему князь Куракин.

«Вы никак не хотите оставить ваших опасений, — отвечал герцог Бассано, — ничто еще не решено: ваш император еще находится в Петербурге, и его войска не переступали границ; император Наполеон еще в Париже, и наши войска не переходили Вислы. Еще в нашем распоряжении довольно времени, чтобы прийти к соглашениям».

«Но вот прошла уже целая неделя, и вы еще не получили никаких приказаний от вашего императора, — возражал князь Куракин. — Я не могу оставаться так долго в неизвестности о том, какие последуют ответы на наши предложения. Представьте себя самого на моем месте, подумайте об важной ответственности моей перед моим государем, перед отечеством, перед обществом образованным и беспристрастным всех стран, которое судит о политике и о поведении тех, кто должен принимать в ней участие. Я не могу равнодушно относиться к подобным отсрочкам, особенно когда дело идет о предотвращении такой ужасной войны. Когда вы увидите императора?»

«Завтра я буду заниматься с ним по важным делам до совета министров и после него», — отвечал герцог Бассано.

«Когда же вы возвратитесь домой?»

«Не ранее восьми часов вечера».

«Следовательно, я не могу с вами увидеться завтра; я приеду послезавтра».

«Нет, не приезжайте, — поспешил ответить герцог Бассано, — я буду у императора с обыкновенным моим докладом, потом будет спектакль в Сен-Клу, куда приглашается весь дипломатический корпус».

«Итак, я приеду на следующий затем день и прошу решительно сообщить мне заключения императора Наполеона. У меня уже истерся в кармане листок с проектом конвенции, который я бесполезно вожу с собою каждый раз, когда приезжаю к вам».

Подозревая, и не без основания, что взгляды и решения императора Наполеона давно известны его министру, и переговоры о заключении конвенции отсрочиваются по каким-либо иным соображениям, наш посланник всеми силами старался вовлечь герцога в разговор, чтобы выведать от него что-нибудь. Хотя герцог Бассано упорно

отмалчивался, уверяя, что не может сообщить ему ничего в ответ на предложения России за неполучением приказаний императора, но под конец выразил однако же, что предвидит особенное затруднение для соглашений по вопросу о нейтральной торговле, и повторив при этом все свои прежние соображения и упреки русскому правительству*.

Нетерпеливо ожидая условленного для свидания дня и опасаясь в то же время, чтобы и это свидание не было столь же бесплодным, как и прежние, князь Куракин решился снова написать официальную ноту французскому министру иностранных дел.

Изложив в ней, что прошли пятнадцать дней с тех пор, как он предъявил условия русского правительства, но до сих пор не получил на них никакого ответа; что сам император французов предложил ему войти в немедленные соглашения с его министерством о заключении конвенции и что эти переговоры постоянно откладывают, князь заключал: «Ввиду чрезвычайных обстоятельств, в которых находятся обе империи, продолжение вновь отсрочек для переговоров, которые могли бы повести к соглашениям, я буду считать как принятое наперед намерение вовсе не входить в объяснения и переговоры и, следовательно, как решимость на войну. Не могу скрыть от вас, герцог, что всякую новую отсрочку я пойму именно в этом смысле. Поэтому считаю долгом предупредить, что если в тот день, когда условлено свидание между нами, вы по-прежнему скажете мне, что не получили еще никаких приказаний императора и не объявите мне решительных ответов на предложения моего правительства, то я приму это за признак решимости Франции воевать с Россией, и в таком случае я буду считать мое пребывание в Париже совершенно излишним, особенно после объявленного уже послезавтра отъезда императора Наполеона. К величайшему моему прискорбию, после пятилетних забот поддержать мир и союз, оставшихся тщетными, я вынужден буду потребовать моих паспортов, чтобы оставить Париж, и прошу вас испросить наперед распоряжений об этом императора и короля»**. Отправить эту ноту вынудило нашего посланника еще и то обстоятельство, что в то время, когда герцог Бассано уверял нашего посланника, что положение дел несколько не изменилось, император Наполеон находится в Париже и еще не определено, когда он поедет в Дрезден, давно уже было приказано объявить, что император Наполеон выезжает 27-го апреля (9-го мая), и это объявление появилось в газетах на другой же день после свидания нашего посланника с французским министром.

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву от 24-го апреля (6-го мая) 1812 года, Париж.

**Нота князя Куракина герцогу Бассано от 25-го апреля (7-го мая) 1812 года.

Не отвечая и на эту ноту, герцог Бассано вечером накануне дня, назначенного для свидания с нашим посланником, прислал ему сказать, что он должен ехать в Сен-Клу и поэтому принять его не может. Вынужденный письменными потом требованиями князя Куракина, он объявил, что может принять его в час пополудни 27-го апреля, то есть именно в тот день, когда император Наполеон должен был выехать в Дрезден.

«Вот до чего вы меня довели, не отвечая на мои ноты, — начал свой разговор с ним князь Куракин, явившись к нему в условленный час, — вы принудили меня потребовать моих паспортов».

«Но как вы могли решиться на такой поступок? — прервал его герцог Бассано, — который возложит на вас ответственность за войну? Разве вы имеете на то приказания императора Александра?»

«Нет, — отвечал князь Куракин, — я их не могу иметь. Мой государь не мог ни предвидеть подобного образа действий с вашей стороны, ни предполагать, что на сообщения, сделанные вам мною от его имени, не последует никакого ответа в продолжение столь долгого времени. Я вижу, что император Наполеон решился на войну; все для нее приготовлено, и сам он уехал».

«Но, — возразил герцог Бассано, — положение дел несколько не изменилось с того времени, как вы получили последние сообщения от вашего правительства; о наших вооружениях вы давно знаете: сам император вам говорил о них несколько раз. Подумайте, какую вы принимаете на себя ответственность, возбуждая преждевременно разрыв. Ваш отъезд послужит знаком объявления войны. Покуда вы будете находиться здесь, никто в Европе не подумает, что может начаться война. Вы решаетесь оставить Париж единственно по собственному побуждению. Эта решимость, равно как и язык ваших последних нот, находятся в совершенном противоречии с теми примирительными чувствами, которые вы постоянно показывали. Вы удаляетесь от цели, к которой постоянно стремились: сблизить обе монархии и возобновить дружеские между ними отношения. Вы хотите уехать, когда граф Лористон находится в Петербурге и вовсе не готовится его оставлять, и когда вам известно, что император Александр сам известил его о своей поездке, сказав, что она продолжится не более месяца. Ваш император поехал осматривать войска; с тою же целью оставил Париж и император Наполеон. Единственное его желание заключается в том, чтобы поддержать мир, и я со своей стороны, не как министр, но как герцог Бассано, уверяю вас, что питаю полную надежду в этом отношении. Зачем вашим отъездом вы хотите разрушить эти надежды?»

«Я продолжаю настаивать на моем требовании паспортов, — отвечал ему князь Куракин, — и повторяю его со всею настоятельностью, которую дает мне убеждение в том, что император Наполеон решился на войну, что он бросил перчатку, которую нам остается только поднять. Таково положение дел. Никто более меня не скорбит о нем, потому что никто не старался более меня поддержать мир и доброе расположение; но как моему государю не остается ничего иного, как выдержать войну, которую он ничем не вызывал, для отклонения которой употреблял все средства, то он будет воевать и употребит все средства, которые Провидение дало в его распоряжение. Но так как вы продолжаете уверять в расположении императора Наполеона к мирным соглашениям и сохраняете надежду, что они могут еще состояться, то я позволю себе сказать, что если бы эта надежда осуществилась, то я нисколько не буду сожалеть, что они состоятся без моего участия. Только бы состоялись соглашения, и я буду доволен. Конечно, я не желаю разрушать ваших надежд, которые вы хотите возбудить и во мне. Справедливо и то, что теперь оба императора будут находиться в более близком один от другого расстоянии, и что они скорее могут войти между собою в соглашение, но это еще не может служить поводом к тому, чтобы я отложил мысль об отъезде и перестал требовать паспортов. Одними вашими словесными объяснениями я не могу удовлетвориться в этом случае. Необходимо, чтобы по этому поводу вы сообщили мне официальную ноту. Я соображу те выражения, какие вы употребите в этом случае, и на этом основании или соглашусь отложить требование паспортов по вашему желанию, или снова возобновлю мои требования. Но, кроме этого соображения, я не скрою от вас, что ваша официальная нота будет мне весьма нужна для представления ее моему государю не с целью объяснить, почему я решился отложить мой отъезд, а чтобы скорее сообщить ему ваши новые уверения в том, что император Наполеон расположен к соглашениям и желает поддержать мир. Чем неожиданнее для него будет это известие, тем оно будет ему приятнее».

«Очень хорошо, — отвечал герцог Бассано, — я займусь составлением этой ноты. Подумаю, что я могу вам сказать. Между тем я должен вам заметить, что в ваших нотах вы требуете, чтобы предлагаемые вами условия были просто и прямо приняты, без всяких изменений. Но это угроза; и вы сами знаете, что нельзя подействовать угрозою на императора Наполеона, который располагает такими огромными силами».

«Я буду ожидать вашей ноты», — отвечал ему князь Куракин, не входя в рассуждения о последнем его замечании и просил доставить паспорта для нарочного, которого он намерен отправить к государю с известием об отъезде императора, и для служителей посольства. Обращаясь потом

к вопросу, который постоянно занимал его в это время, о переговорах для заключения новой конвенции, князь Куракин напомнил герцогу Бассано, что он до сих пор не отвечал на три его ноты. Две из них, на которые уже указано в этом рассказе, относились именно к этому вопросу.

«Прежде нежели я счел возможным отвечать на них, — сказал герцог Бассано, — я должен был сам предложить вам вопрос, который я выразил в письме. Вы найдете его у себя, возвратившись домой. Этот вопрос таков: имеете ли вы в своих руках полномочия вашего государя окончательно определить условия, заключить и подписать договор? и если имеете, то прошу вас сообщить их мне».

«Ваш вопрос, герцог, крайне меня удивляет, — отвечал ему князь Куракин. — Я нахожу его совершенно неуместным, потому что, не прибегая к этому вопросу, вы наперед знали очень хорошо, что у меня нет таких полномочий. Я вам это говорил и повторял несколько раз. Я вам прочитал подлинные депеши канцлера, в которых он, сообщая мне положительные предписания императора, извещал, что полномочия немедленно будут мне высланы, если император Наполеон изъявит согласие на главные основания, на которые должен опираться договор, без чего я не имел права входить в переговоры о всех других вопросах. Поэтому я принимаю ваше письмо за попытку затянуть дело и продлить неопределенное положение, в каком находятся обе державы, и которое следовало бы покончить как можно скорее. Вы получили приказания императора Наполеона, как я заключаю из ваших слов; поэтому не будем терять времени, воспользуемся нашим теперешним свиданием; сообщите мне ваши замечания на мои предложения, одним словом, приступим к переговорам, установим статьи договора, и потом я подпишу его вместе с вами, *sub spe ratī**. Мы могли бы это сделать еще десять дней тому назад, но вы заставили меня потерять их даром. Я немедленно представил бы этот проект договора императору и уверен, что он утвердил бы его, если бы он был составлен на тех основаниях, которые он поручил мне объявить. Тогда мы оказали бы действительную услугу нашим государям и государствам».

«Нет, — отвечал герцог Бассано, — мы находимся не в одинаковом положении: я имею полномочия, а у вас их нет. Более года мы просим, чтобы вас снабдили этими полномочиями. Пока вы их не получите, как вы хотите, чтобы я начал с вами переговоры? Я не могу на это решиться».

«Вы столько раз говорили мне то же самое, что я не считаю нужным повторять то, что постоянно вам отвечал; замечу только, что вы

*В надежде на последующее утверждение или одобрение (лат). (Прим. ред.)

лишаете меня последнего способа предотвратить разрыв», — сказал ему князь Куракин и просил его отвечать ему на ту ноту*, которую он отправил к нему по следующему обстоятельству: привратник посольского дома, который после отъезда Чернышева был схвачен полицией, просидел в заключении несколько недель, подвергался разным допросам и, наконец, был выпущен на свободу. Князь Куракин расчел его и хотел отправить в Вену на его родину, по желанию самого герцога Бассано, который и прислал уже на него паспорт. Вдруг его схватили снова, среди дня, в то время, когда он выходил из дома посольства.

«Это явное нарушение начал международного права, — говорил ему князь Куракин. — После той умеренности, с какою я действовал во время первого его ареста единственно в тех видах, чтобы не умножить пререканий между двумя дворами, я не думал подвергнуться подобному оскорблению и вынужден был послать вам официальную ноту».

«Но я уверяю вас, — отвечал герцог Бассано, — что я ничего не знаю об этом аресте; я обращался к министру полиции, чтобы получить от него объяснения; но и он ничего о нем не знает. Впрочем, способ толкования начал международного права не везде одинаков, как вы предполагаете. Каждое государство следует своим правилам при этом толковании. Ваш бывший привратник схвачен не в посольском доме, но вне его; следовательно, не было нанесено никакого оскорбления вашим правам. Он иностранец, не русский. Если бы он был русский, то вы имели бы еще право жаловаться».

«Я имею право жаловаться, — отвечал князь Куракин, — потому что он находится у меня в услужении, он еще не был окончательно мною уволен и потому принадлежит к моему дому. Ваше уверение, что ни вы, ни герцог Ровиго ничего не знаете об этом происшествии, выходит из пределов моего разума и вне всякого вероятия. Впрочем, я не могу в этом случае удовлетвориться простым разговором; я послал вам ноту по этому делу и ожидаю, что вы будете отвечать таким же образом».

«Я отвечаю на ваши ноты, — сказал герцог Бассано, — когда получу от вас ответ на мое письмо»**.

Возвратившись домой, наш посланник действительно нашел письмо, которое отправил ему герцог Бассано в то время, когда он сам приехал к нему на совещание. Оно состояло из нескольких строк, начиналось теми же словами, которыми он окончил разго-

*Нота князя Куракина к герцогу Бассано от 6-го мая н. ст. 1812 года.

**Депеша князя Куракина графу Румянцеву от 27-го апреля (9-го мая) 1812 года.

вор с князем Куракиным, и заключало в себе тот самый вопрос, который он и повторил ему в этом разговоре*.

Старик, проводивший всю жизнь в кругу образованного европейского общества, пользовавшийся почетом, как опытный дипломат и образованный человек, привыкший к правилам дипломатических и светских приличий, князь Куракин, конечно, не мог равнодушно переносить все неприличие образа действий французского правительства в отношении к нему, как к человеку, и особенно как к послу русского императора. Он требовал своих паспортов, показывая, что понимает положение дел и не хочет быть игрушкой обмана и насилия. Но, не желая отступить от дипломатических приличий и давать повод к придиркам, он счел нужным отвечать на неприличное письмо герцога Бассано, тем более, что он поставил в зависимость от этого ответа свой ответ на три официальные ноты нашего посланника.

Конечно, в своем ответе он должен был повторить то, что уже сообщал ему в разговоре с ним, отвечая на тот же вопрос, и только прибавить, что «если бы даже я в настоящее время имел специальное по этому предмету полномочие, то, по принятым уже обычаям, потребовалась бы непременно ратификация этого договора обоими государями, прежде нежели этот договор вошел бы в полную силу»**.

В заключение он просил герцога Бассано отвечать ему на его ноты, но получил от него на другой день следующее письмо: «Имею честь препроводить вашему сиятельству паспорта, которых вы требовали. Исполняя приказание моего государя, я немедленно должен выехать из Парижа. Очень сожалею, что не мог побывать у вас сегодня, чтобы выразить вам чувства моего высокопочитания, в котором честь имею вас уверить»***.

О дне отъезда императора Наполеона из Парижа наш посланник узнал из объявления, напечатанного в правительственной газете. Герцог Бассано уведомил его о своем отъезде приведенным письмом, хотя накануне уверял, что пробудет еще некоторое время в Париже; притом герцог распорядился, чтобы князь Куракин получил это письмо уже по отъезде его из Парижа. Вообще Бассано показывал себя достойным слугою своего повелителя. Лишенный всякого достоинства и неприличный образ действий тюильрийского кабинета в отношении к нашему посланнику особенно обращает на себя внимание, если сравнить его с отношениями русского кабинета и русского императора к

*Письмо Маре к князю Куракину от 9-го мая н. ст. 1812 года.

**Нота князя Куракина к герцогу Бассано от 27-го апреля (9-го мая) 1812 года.

***Письмо герцога Бассано князю Куракину от 10-го мая н. ст. 1812 года.

графу Лористону даже в то время, когда совершился уже полный разрыв между двумя империями, и нашествие полчищ Наполеона на Россию считалось неизбежным.

На другой же день наш посланник отвечал герцогу Бассано, отправив свое письмо к нему уже в Дрезден. Указав на то, что вместо нескольких паспортов, которых он требовал, он прислал только один для Кологривова и не обозначил в нем даже, что последний едет как нарочный русского посланника, а также, что за несколько часов до своего отъезда герцог уверял его, что пробудет еще несколько дней в Париже, Куракин продолжал: «Вы не сочли нужным отвечать мне на три мои ноты по весьма важным вопросам, хотя, по принятому обычаю, на всякое официальное заявление посланника следовало отвечать таким же образом, особенно при таких важных обстоятельствах, каковы настоящие. Вы мне не сообщили также письменно, как обещали, соображения о причинах, ввиду которых я должен был бы продолжить мое пребывание в Париже и не требовал моих паспортов. Ваше молчание в этом случае ставит меня в то же положение, в котором я находился, когда потребовал их в первый раз. Не получая от вас официальных объяснений, на письме, как вы мне обещали, о тех причинах, которые могли бы вынудить меня отложить мой отъезд из Парижа, объяснений, которые я в подлиннике мог бы послать моему государю, чтобы вместе с тем довести до его сведения и те надежды, которые вы еще питали на возможность мирных соглашений, я принужден возобновить мое требование о паспортах и прошу при первом случае доложить о нем его императорскому и королевскому величеству».

В ожидании этих паспортов Куракин выехал из Парижа, *чтобы более туда не возвращаться*, как уведомлял в том же письме герцога Бассано, и поселился на своей даче в Севре.

Глава третья

*Сношения
России
со Швецией*

По мере того, как укреплялась уверенность в неизбежной войне с Францией, которая могла увлечь за собою всю континентальную Европу и угрожать западным границам империи, политика нашего двора естественно должна была обратить особенное внимание на наши окраины. На юге продолжалась война с Турцией, которой союз с Наполеоном мог придать новую силу и увеличить опасность для России. На севере находилась Швеция, недружелюбно, конечно, расположенная к нам после недавней войны, окончившейся для ней потерей Финляндии, составлявшей треть всех ее владений. Ни Турция, ни Швеция, каждая порознь, ни даже обе в одно и то же время, не могли угрожать большою опасностью России, пока она находилась в мире и союзе с императором французов, достигшим высшей степени могущества и располагавшим судьбами Европы. Но и та и другая получали решительное значение в случае войны с Францией. Действуя заодно с нею и с ее помощью, они угрожали лишить Россию всех приобретений великого Петра на севере и великой Екатерины на юге. Со стороны севера эта опасность увеличивалась еще тем, что грозила столице империи — Петербургу.

Хотя присоединение Финляндии и вызывалось государственною необходимостью и было неминуемым последствием значения Петербурга, как столицы империи, хотя сумасшедший шведский король сам бы начал войну с Россией, если бы она не предупредила его, но тем не менее, на это новое приобретение смотрели в России, как на дар Наполеона и не встретили его сочувствием. При разрыве с Францией ожидали непременно и враждебных действий со стороны Швеции. Оградив присоединением Финляндии Петербург от возможности внезапного нападения со стороны Швеции, император Александр постоянно изъявлял желание не только сохранить мирные с нею отношения, но и способствовал ее благосостоянию. Статья третья Фридрихсгамского мирного договора служила явным выражением этого желания. Но, конечно, император не мог рассчитывать на подобные отношения со стороны Швеции и потому, с одной стороны, он осыпал милостями жителей новоприобретенного края, даже в ущерб выгодам империи, а с другой — наш кабинет не без некоторого удовольствия смотрел на ослабление Швеции, расстроенной управлением Густава IV и волнуемой внутренними беспорядками, после свержения его с престола. Граф Румянцев говорил о ней с таким же презрением, как и о Турции, называя

ее больною, которой не надо мешать умереть*. Но вслед за известием о мятеже в Стокгольме после внезапной кончины наследного принца, герцога Зюдерманландского**, по поводу которой так выразился о Швеции наш канцлер, внезапно пришло известие о выборе единогласно представителями всех сословий шведского королевства на сейме в Эребро наследником престола Наполеонова маршала Бернадота, князя Понте-Корво.

Это известие было неожиданным и для шведского посланника при нашем дворе, графа Стединга, незадолго перед тем получившего сведения от своего правительства, что все вероятности клонятся к тому, что будет избран герцог Августенбургский, старший брат умершего наследного принца и племянник датского короля***. Сообщая вслед затем своему посланнику в Петербург известие об избрании маршала Бернадота, шведское правительство поручало ему успокоить Россию (*il est à désirer que la Russie ne s'effarouche point*). К этой депеше барон Энгерштрём, занявший место министра иностранных дел в шведском кабинете, собственноручно приписал: «Теперь, граф, отечество нуждается в ваших дарованиях, в вашем благоразумии и в том уважении, которое вы заслужили в России. Дело в том, чтобы убедить эту державу, что никакое иностранное влияние не имело места в этом избрании, и что король не отступится от той мирной политики, которой он следовал до сих пор». Но какие бы уверения ни представлял граф Стединг,

*Депеша графа Стединга к шведскому королю 25-го июня (7-го июля) 1810 г. *Mémoires posthumes du C-te de Stendingh*, éd. du c-te Biornstern, Paris, 1847, III, p. 111–116: «C'est un malade qui s'éteint et auquel il ne faut pas toucher avant qu'il expire. On prétend même qu'il a tenu un propos pareil en plein conseil et que plusieurs membres ont dit assez haut pour être entendus, qu'ils croyaient le comte Roumianzow plus malade que la Suède».

**Здесь необходимо пояснение, иначе читатель может быть введен в заблуждение. В отечественной исторической литературе герцогом Зюдерманландским обычно называют Карла (1748–1818), брата шведского короля Густава III и дядю шведского короля Густава IV Адольфа, после низложения которого (1809) он занял шведский престол под именем Карла XIII. В нашей литературе его имя часто упоминается в связи с тем, что в 1796 он сопровождал в Петербург короля Густава IV Адольфа с целью сватовства к вел. княжне Александре Павловне, мероприятии неудачном (некоторые историки считают виновником этой неудачи именно герцога Карла Зюдерманландского). Поскольку Карл XIII стал шведским королем в 61 год и не имел детей, рикстаг и король выбрали в 1809 наследником Шведского престола герцога Карла-Августа Августенбургского (род. 1768), но тот внезапно умер в 1810, поэтому пришлось выбирать наследника снова. Первоначально склонялись к кандидатуре старшего брата Карла-Августа — Фридриха-Христиана, но остановились на наполеоновском маршале Ж.-Б. Бернадоте. Поэтому здесь речь идет о смерти герцога Карла-Августа Августенбургского (*Прим. ред.*)

***Депеша барона Веттерстеда к графу Стедингу от 8-го августа 1810 года; через 10 дней, от 28-го августа, он уведомил его об избрании Бернадота.

действительно пользовавшийся уважением в Петербурге как высокообразованный, исполненный благородных чувств человек и старейший член дипломатического корпуса, они не могли успокоить нашего правительства потому прежде всего, что едва ли успокаивали его самого, вовсе не принадлежавшего к поклонникам Наполеона. Притом, если бы даже и не под влиянием Франции совершился выбор ее маршала в наследники шведского престола, то под руководством этого избранника Швеция, как государство слабое, могла попасть под влияние самой могущественной державы в то время, явно выражавшей уже враждебное расположение к России и угрожавшей ей войною в непродолжительном времени.

В тот же день, как граф Стединг получил это известие, он поехал сообщить его графу Румянцеву. «Кажется, известие было таково, — уведомлял он потом своего короля, — что должно было бы произвести на него впечатление, но опытный в искусстве притворяться (*habile dans l'art de se composer*), он не показал ни малейшего знака удивления или неодобрения. Напротив, он нашел весьма естественным, что король предложил чинам выбрать князя Понте-Корво, которого единодушно желал избрать весь народ шведский. Несмотря, однако же, на это видимое спокойствие, я положительно знаю, что русские в отчаянии от этого выбора, точно так же, как и датчане, что, мне кажется, служит хорошим предзнаменованием для Швеции»*.

Представители малых держав, несмотря на личные их достоинства, подвержены слабости величаться и радоваться, если вследствие каких-нибудь случайных обстоятельств их отечество может находиться в положении, угрожающем великой державе. Граф Стединг также не избег этого недостатка, зависящего, впрочем, от любви к отечеству и народной гордости. Представители великих держав, в свой черед, страдают иногда другим недугом — ко всему относиться в подобных случаях с невниманием и как бы с презрением, как будто к ничтожным явлениям. Но граф Румянцев только хитрил в этом случае, как дипломат старой школы; что не ускользнуло, впрочем, от внимания столь же опытного дипломата, каков был граф Стединг. Но ни наш канцлер, ни представитель Швеции не были правы. Ни Россия, ни русский кабинет не могли прийти в *отчаяние* от избрания маршала Бернадота, подобно Дании; но, конечно, к этому происшествию, значительно усложнявшему заботы нашего правительства неизвестностью насчет того, к каким последствиям оно может повести, русский кабинет не мог относиться равнодушно.

*Депеша графа Стединга шведскому королю от 22-го августа (3-го сентября) 1810 г.

Известие об избрании маршала Бернадота было неожиданным и для французского посла в Петербурге. Незадолго до его получения, при свидании с графом Стедингом, герцог Виченцкий указал ему на статью, только что появившуюся во французских газетах, в которой было выражено мнение, что было бы всего выгоднее для Швеции избрать наследным принцем Датского короля: «Подумайте о том положении бессилия, в каком находится ваша страна, поставленная в необходимость опасаться вторжения отовсюду. Конечно, этого не случится при жизни императора Александра, а после него? — говорил Коленкур. — Между тем, соединение трех слабых держав, то есть Дании, Швеции и Норвегии, в одно сильное государство придаст вам значение и обеспечит навсегда от вторжения русских. Сообразите, что это единственный случай, который представляется вам, чтобы увеличить ваши владения и усилиться без всякой опасности, — такой случай, который, если вы его упустите, может быть, и не повторится уже более никогда». Он говорил, указывая с особенным ударением на это соображение и как бы давая подозревать, что эта журнальная статья имеет важное значение потому, что выраженное в ней мнение разделяет и сам император Наполеон, как и писал своему правительству граф Стединг*. Действительно, вслед затем как пришло из Петербурга известие об избрании Бернадота, французский посланник получил от своего правительства поручение уверить наш кабинет, что император Наполеон желал, чтобы Швеция избрала наследником своего престола герцога Августенбургского или Датского короля, и что он не принимал никакого участия в избрании князя Понте-Корво; но раз последний был избран единодушно шведскими чинами, Наполеон не считал возможным запрещать своему маршалу принять это почетное и тяжелое назначение. Впрочем, Коленкуру поручалось говорить так: маршал уже не молод, он много испытал военных трудов; этот опыт, конечно, заставит его ценить покой, и поэтому его желания будут состоять в том, чтобы сохранить мир и привести в порядок внутреннее неустойство Швеции, и что этот выбор не представляет ничего противного выгодам России. Еще прежде французское правительство сообщило своему послу, для представления нашему кабинету, списки с письма шведского короля к императору Наполеону, в котором он извещал, что для более тесной связи с Данией он желал бы избрания герцога Августенбургского, а также ответа Наполеона на это письмо, в котором, одобряя мнение короля, император выражал мысль, что более тесная связь с Данией может доставить выгоды Швеции**.

*Депеша королю от 7/19-го июля 1810 г.

**Thiers. XXIII; Bignon. ch. XXII.

Но для Франции известие об этом избрании не было неожиданным. В Париже за несколько уже времени ходили об этом слухи в такой степени, что император Наполеон счел нужным упомянуть о них при прощальном свидании с князем Алексеем Борисовичем Куракиным, нашим министром внутренних дел, который был послан в Париж как чрезвычайный посол поздравить французского императора со вступлением в брак с австрийской эрцгерцогиней. «Что касается до шведских дел, — говорил он ему, — которые, без сомнения, должны привлекать ваше внимание, то вы, конечно, можете быть недовольны, если поверите слухам, распространившимся в обществе, о намерении шведов избрать наследником престола одного из французских генералов. Но я сообщал уже вашему императору письмо ко мне шведского короля и мой ответ на него, в котором я писал, что готов одобрить все, что король сочтет за благо сделать для Швеции, а он желал, чтобы наследником престола был избран принц Августенбургский»*. Это избрание давно уже было предметом толков в высших слоях парижского общества и особенно между представителями иностранных держав, с тех пор, как только что было получено известие о внезапной кончине бывшего наследника. Это избрание было делом необходимости, потому что король шведский, совершенно неожиданно вынужденный возложить на себя корону Швеции, после лишения престола Густава IV, был человек старый, бездетный и болезненный, нуждавшийся не только в преемнике своего достоинства, но и в помощнике в деле управления государством. Между тем, такое событие изменяло положение европейских дел, а Европа давно уже привыкла к той мысли, что всякое такое изменение совершается не иначе, как по воле императора французов. Поэтому всех занимала мысль о том, как он отнесся к этому вопросу. Но его взгляд не был известен, и потому возникали различные предположения, о которых подробно извещал наше правительство полковник Чернышев, тщательно следивший за всем и ловко узнававший придворные и правительственные тайны. В продолжение некоторого времени, но очень недолго, говорили в Париже, что будет избран малолетний сын свергнутого Густава IV. «Как можно предполагать, — говорил шведский посланник при тюильрийском дворе, барон Лагербельке Чернышеву, который довольно сблизился с ним, — чтобы мы избрали ребенка наследником престола. Ему только восемь лет, а по нашим законам король достигает совершеннолетия только в восемнадцать лет. Поэтому в то время, когда он вступит в управление госу-

*Депеша князя Алексея Борисовича Куракина графу Румянцеву от 8/20-го августа 1810 г.

дарством, его отцу будет только 40 лет, и тогда он, или отстранит его от себя и в таком случае будет дурным сыном, или же подчинится его влиянию и будет мстить за него. Сделать подобный выбор значило бы приготовить в будущем новые бедствия для Швеции». Барон Лагербельке принадлежал к французской партии и принимал деятельное участие в перевороте, окончившемся свержением Густава IV с престола. В это время с ним с особенною благосклонностию обходилось французское правительство; император и граф Шампаньи часто видались с ним и подолгу беседовали. Но против избрания малолетнего сына Густава, хотя более всех имевшего на это права, были не только лица так называвшейся французской партии в Швеции, но и общее мнение всех сословий государства.

«Я знаю из верных источников, — писал Чернышев графу Румянцеву, — что слух о возможности избрания его высочества принца Георга Ольденбургского наследником шведского престола чрезвычайно неприятен императору Наполеону: его политика требует того, чтобы избран был французский принц, на которого можно было бы вполне полагаться и, в случае разрыва с Россией, сделать диверсию со стороны Швеции, что может быть весьма для нас опасным. Это обстоятельство император считает до такой степени важным, что многие полагают, будто он послал значительные суммы к Дезожье, французскому уполномоченному в Стокгольме, человеку умному и весьма ловкому, чтобы усилить там французскую партию. Говорят даже, что король, напуганный последними происшествиями, готов подчиниться влиянию Франции и прямо писал об этом императору Наполеону. Многие лица положительно меня уверяли, что император предлагал Вестфальскому королю и вице-королю Итальянскому предложить себя кандидатами при этом избрании; но они отказались, что возбудило его гнев против них. После того его внимание обратилось на князя Понте-Корво. Этот маршал, которого расположением я пользуюсь и часто у него бываю, три недели тому назад уехал с семейством в Пломбьер. Он мне всегда казался преданным России и постоянно отдавал ей должную справедливость. За несколько дней до своего отъезда, лишь только пришло известие о смерти наследного шведского принца, он, разговаривая со мною об этом происшествии, сказал: «Я буду говорить с вами не как французский генерал, но как друг России и ваш; ваше правительство должно употребить все способы, чтобы воспользоваться этим обстоятельством и посадить на шведский престол государя, на которого оно могло бы надеяться. Такая политика с его стороны необходима и важна потому, чтобы в случае войны с Францией или с Австрией быть уверенным в Швеции и не опасаться диверсии с ее стороны в пользу той

державы, с которой вам придется вести войну. Если вы будете иметь возможность сосредоточить все ваши силы в одном каком-либо месте, то из этого можете извлечь неисчислимые выгоды». Я считаю нужным заметить, что так говорил мне маршал Бернадот в то время, когда был весьма недоволен здешним двором, и потому я предполагаю, что он говорил искренно»*.

Слухи о различных лицах для выбора в наследники шведского престола начали ходить в Париже еще прежде, нежели в самой Швеции. На больного короля смерть его наследника и затем народный бунт, окончившийся убийством графа Ферзена, одного из важных сановников, так подействовали, что даже возникло опасение за его жизнь. Эта опасность, грозившая повергнуть Швецию в положение еще более затруднительное, доводила в первое время правительственных лиц королевства до отчаяния. «Без наследника престола, не зная, откуда его взять, мы находимся между Францией, которая настаивает, чтобы мы объявили войну Англии, и между флотом Англии, который может уничтожить всю нашу торговлю и завладеть нашими заморскими владениями. Надо стараться не потерять головы и действовать, не теряя достоинства, насколько наше бессилие это позволит. Судьба и сила обстоятельств, может быть, выведут нас из этого печального положения, но мне тяжело на склоне моей жизни оплакивать несчастья отечества»**. Так писал шведский министр иностранных дел барон Энгерштрём к посланнику при нашем дворе графу Стедингу, который ему отвечал, что «никогда настоящее не представлялось таким сомнительным, а будущее таким неопределенным для Швеции. Если мы соединимся с Данией, то, может быть, не будем уже более шведами; если не соединимся, то обеим странам грозит опасность завоевания со стороны их могущественных соседей». Если мысль о соединении скандинавских держав и представлялась увлекательною для некоторых государственных лиц Швеции, как и графу Стедингу, то единственно как отвлеченная мысль, но совершенно не исполнимая на деле. Народ ненавидел датчан; образованные сословия, привыкшие к свободным учреждениям, опасались абсолютизма датского правления и личного характера короля. Поэтому, предлагая его сейму для избрания в наследники шведского престола в числе других, нельзя было не знать, что он

*Письмо гр. Румянцеву от 13/25-го июля 1810 г. О предложениях Наполеона Вестфальскому королю и вице-королю Итальянскому уведомлял канцлера и гр. Нессельроде 28-го июня (10-го июля) 1810 г.

**Депеша от 1-го июля н. ст. 1810 г.

непременно будет отвергнут*. Но этого выбора желал император Наполеон.

Слабая держава, как Швеция, в выборе наследника престола должна была иметь в виду поставить себя под покровительство одной из великих держав. В Европе их было только три в то время: Англия, Россия и Франция.

Мирные связи с Англией были весьма важны для Швеции в видах ее внутреннего благоденствия, зависевшего в сильной степени от внешней торговли; но в политическом отношении находившаяся в непримиримой вражде с Францией, Англия не могла ей оказать действительного покровительства, пока Франция находилась в союзе с Россией. Сухопутными границами Скандинавский полуостров единственно соприкасался с Российской империей. Без этого обстоятельства она была бы островом, столь же неуязвимым для Наполеона, как и самая Англия, флот которой оградил бы ее от всяких высадок и вторжений, а согласие на присоединение Норвегии вознаградило бы за потерю Померании.

Не желая, конечно, входить в явно враждебные отношения к Англии, Швеция в деле выбора наследного престола должна была иметь в виду преимущественно Россию и Францию. Действительно, родилась мысль избрать в наследники престола принца Георга Ольденбургского, мужа русской великой княгини Екатерины Павловны, зятя русского императора. Но эта мысль не могла осуществиться на деле по многим причинам. С одной стороны, она имела весьма незначительное число приверженцев в Швеции, и они заявляли ее нашему посланнику, но он отвечал, что зять императора едва ли захочет стать во главе «вольного и мятежного народа», а наше правительство, со своей стороны, не предпринимало никаких мер, чтобы придать силу этой мысли**. С другой стороны, общее мнение Швеции вовсе не было в пользу России, только что воевавшей с нею и присоединившей к себе всю Финляндию, так как на это мнение имели значительное влияние все военные люди.

При таком положении дел, естественно, шведский король, или лучше сказать, шведское правительство через него вынуждено было обратиться к Наполеону и просить его совета и указания. Но король

*Депеша гр. Стединга к шведскому королю 7/19-го июля и к барону Энгерштрёму 1/13-го августа. Депеша барона Веттерстеда гр. Стедингу 8-го авг. н. ст. 1810 г. «Что касается до датского короля, то вся Швеция против этого избрания». *Mémoire de S-te Hélène*: «Le vrai roi de ma politique, — говорил Наполеон, — celui du véritable intérêt de la France, c'était le roi de Danemark, parce que j'eusse alors gouverné la Suède par mon simple contact avec les provinces danoises».

**Депеша Алопеуса гр. Румянцеву от 12/24-го апреля 1809 г.

заявил и свое желание, при этом случае, об избрании брата умершего наследника престола, принца Августенбургского.

Таким образом, самая сила обстоятельств открыла широкое поприще для свободных действий императору Наполеону. Естественно, в его виды входило распространять свое господство и над Швецией. Он так действовал и до этого времени, употребляя своим орудием Россию как единственную державу, соприкасавшуюся сухопутными границами со Швецией. Предполагая воевать с Россией, конечно, он понимал, так же, как и Бернадот, какое значение в этом случае может получить Швеция и какую важную помощь может она ему оказать. Ему оставалось только последовательно действовать в прежнем направлении, соображаясь с новыми обстоятельствами и не встречая особенно никаких препятствий со стороны политики России, уклонявшейся от всякого вмешательства во внутренние дела шведского королевства. В этих видах он и желал, чтобы избран был Датский король, который вследствие своих владений на континенте находился в полной от него зависимости, то есть Наполеон указывал на такого кандидата, на которого никто бы не указал, зная наперед, что он избран не будет. Но в соображения императора Наполеона вовсе не входили ни народные желания, ни свободные учреждения страны. Народы должны были повиноваться всякой власти, какой ему угодно было подчинить их. Так он действовал в отношении ко всем народам Западной Европы и в это время упорно преследовал эту мысль в отношении к Испании. Что же касается до свободных учреждений шведского королевства, то они возбуждали только его ненависть. Их существование он приписывал единственно слабости власти и надеялся, что Датский король вырвет их с корнем. При таком положении дел, конечно, был бы избран герцог Августенбургский, брат покойного наследного принца. В комиссии, составляемой обыкновенно перед общим собранием чинов, он получил все избирательные голоса, кроме одного; но король Датский запретил ему, как подданному и родственнику, соглашаться на этот выбор, и, подстрекаемый французскою политикой, упорно настаивал на своем избрании. При таких-то обстоятельствах совершенно случайно совершился выбор маршала Бернадота. Но случайность относилась только к его лицу, потому что Швеция готова была избрать всякого кандидата, который был бы приятен Франции и доказал бы ее желание заслужить покровительство Наполеона*.

*Депеша гр. Сухгелена к гр. Румянцеву от 6/18-го сентября 1810 из Стокгольма; G. Suederus Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808—1814. перевод Фруаца, т. I, гл. 10, стр. 99—109; Bignon. Hist. de l'Empire, deuxième époque, ch. XXII; Thiers. Hist. de l'Empire XXIII.

В то время, когда в Швеции уже совершался этот выбор, Чернышев писал графу Румянцеву из Парижа, что «следующие лица уверили его, что предложение барона Лагербельке о князе Понте-Корво не входит в виды Наполеона, потому что с его политикою не согласно возводить на престол одного из своих генералов, не находящегося с ним в родстве и характеру которого, твердому и решительному, он не доверяет. Поэтому еще не знают, на что он решится, а предполагают, что если ему не удастся доставить это назначение одному из членов своего семейства, то он скорее согласится на то, чтобы выбор пал на незначительного немецкого князька, который находился бы под его полным влиянием»*.

Что касается до того, что будто бы император Наполеон желал, чтобы наследником шведского престола был избран кто-либо из его родственников, то это были только предположения парижского общества, имевшие весь вид вероятности по согласию с прежним образом действий Наполеона, но ничем не подтверждаемые. Избрание же Бернадота, конечно, льстило самолюбию французского императора**, но не было ему приятно, потому что он не любил Бернадота; считал его слишком либеральным и опасался, подозревая его в недоброжелательстве к себе. Если весь народ свободным избранием возводит на престол одного из старейших генералов наполеоновых войск, то, конечно, он не мог не согласиться на это избрание. Но он принял Бернадота учтиво и холодно***. Впоследствии, отпуская Чернышева в Петербург, Наполеон поручил ему объяснить императору Александру, что он не принимал никакого участия в этом избрании (*qu'il n'y avait été pour rien*). Когда в первый раз маршал сообщил ему о таком намерении шведских чинов, то он ему не поверил. Но потом, когда шведский король уведомил его об этом избрании, он должен был согласиться: «Я бы желал лучше, чтобы Швеция строже соблюдала континентальную систему, нежели видеть на ее престоле моего маршала, не соединенного родством с моим семейством. Это может только вскружить головы всем другим; каждый из них, может быть, станет думать, что имеет право на корону»****. И в заключение он прибавил, что в видах Франции следовало бы желать, чтобы королевство шведское слилось с датским.

*Письмо к гр. Румянцеву от 8-го августа 1810 г.

**Депеша кн. Куракина к гр. Румянцеву от 24 авг. (5 сент.) 1810 г. из Клиши.

***Депеша кн. Куракина из Парижа от 8/20-го августа 1810 г.; депеша гр. Сухтелена из Стокгольма от 7/19-го декабря 1810 г.

*****Exposé des discours que m'a tenu S.M. l'Empereur... de 23 octobre à mon audience de congé, представленное Чернышевым государю по возвращении из Парижа в 1810 г.*

В то время, когда дело шло о выборе маршала Бернадота и слухи об этом не умолкали в Париже, он находился в Пломбьере, и, возвратясь оттуда, был хорошо принимаем при дворе, но никого не принимал из своих знакомых у себя дома. «Может быть, — писал Чернышев, — сознавая свою неспособность к скрытности и, наоборот, склонность к откровенности, он боялся выдать сам себя и потому решился никого не принимать». Только в первых числах сентября он пригласил к себе обедать Чернышева, который вообще был дружески принят в его доме, и после обеда, отведя его в сторону, сказал ему: «Итак, вы знаете, мой друг, что случилось со мною! Я скажу вам откровенно, что в первый раз, когда мне сделали это предложение, мне показалось, что камень упал на мою голову, и я готов был отказаться; но потом я подумал: если, по моей известности, доблестный народ считает, что я обладаю достаточными дарованиями и силою воли, чтобы управлять им, то с моей стороны было низостью не исполнить его желания. Скажу откровенно, что в этом случае действовало и самолюбие, и участие к этому делу со стороны императора, исполненное благоволения. Я знаю, что на меня падет огромная ответственность, когда я достигну престола; я знаю, что шведский народ, хотя и добрый и обладающий многими прекрасными качествами, однако же народ беспокойный; но я пережил всю революцию в моем отечестве, научился опытом и могу предостеречь шведов от многих заблуждений. Вам известен мой образ мыслей, поэтому мне не нужно уверять вас, что я буду *хорошим соседом*. Я знаю, что военный человек, не лишенный дарований, если начнет воевать с твердым намерением делать завоевания, рано или поздно может достигнуть своей цели; но, по моему мнению, благоденствие народа не зависит от обширности его владений. Все мои заботы будут обращены на то, чтобы привести в порядок все отрасли управления, сухопутные и морские силы; чтобы покровительствовать торговле страны и обеспечить ее спокойствие от внешнего нападения. Я нисколько не заблуждаюсь в трудности моего положения и знаю, какого рода могут встретиться обстоятельства. Таков мой взгляд на вещи, мой друг; он вытекает из тех начал, которым я всегда следовал и которым никогда не изменю; но, конечно, я француз, люблю мое отечество и многим обязан императору»*.

Хотя Бернадот не любил и имел причины не любить императора Наполеона; несколько завидовал ему, считая и себя призванным к высшему назначению, а не к тому только, чтобы быть покорным слугою своего товарища по оружию, но едва ли можно сомневаться в том, что

*Депеша Чернышева гр. Румянцеву от 5/17-го сентября 1810 г.

он искренно желал быть в мирных отношениях со своею родною страной и не возбуждать неудовольствия ее повелителя.

Но вместо того, чтобы воспользоваться таким расположением нового наследника шведского престола, согласным и с общим мнением Швеции, император Наполеон только усилил свои притязания. Его посланник обходился с Бернадотом надменно и дерзко, настаивая на том, чтобы Швеция непременно объявила войну Англии. Он и Чернышеву поручил просить императора Александра, чтобы он как союзник Франции действовал заодно с нею в этом случае; но наш кабинет не успел еще обратиться со своими представлениями к Швеции, как пришло известие, что она уже объявила войну Англии, получив настоятельное требование Франции в три дня решить вопрос: воевать ли с Англией, или – с Францией и ее союзниками*.

Когда граф Стединг сообщил это известие графу Румянцеву, то последний выразил ему удивление, почему Швеция так скоро решилась на подобный шаг. При свиданиях с Чернышевым император Наполеон и не упоминал о войне. «Я не могу сказать, чтобы этот ваш поступок не был согласен с видами России, – говорил граф Румянцеv, – потому что мы действуем на основании одинаковых начал с Францией; но он повлечет большие неудобства для вас, а мы желаем спокойствия Швеции. Поверьте мне, что у вас не хотели воспользоваться нашим к вам расположением, а обратились в другую сторону, между тем как у нас все счеты с вами покончены, и мы не желаем более никаких приобретений**». Эти слова поразили шведского посланника, который и поспешил сообщить их своему правительству, прибавив, что общественное мнение в России крайне недовольно тем, что Швеция объявила войну Англии.

В то время, когда политика России выразила желание сблизиться со Швецией, император Наполеон все более и более усиливал свои требования. То он требовал, чтобы Швеция прислала во Францию в его распоряжение один из лучших своих полков, то чтобы доставила в Брест 6000 матросов для французских кораблей, то чтобы отдала свои таможни в заведование французским чиновникам. Французские корсары ловили шведские торговые суда и брали их в плен, как у воюющей державы, даже в шведских водах. На письма Бернадота император Наполеон во все не отвечал, и его посланник обходился с ним, как с подданным своего императора, который безусловно должен исполнять его приказания.

Если оставить в стороне личные чувства Бернадота к императору французов, то нельзя не заметить, что образ действий Франции в

*Депеша гр. Румянцева кн. Куракину.

**Депеша Стединга королю от 20-го ноября (2-го декабря) 1810 г.

отношении к Швеции был таков, что вынуждал последнюю совершенно предаться России; в союзе с нею представлялось единственное для Швеции спасение. Принудив ее объявить войну Англии и признать континентальную систему, Наполеон поставил ее в безвыходное положение. Действительной войны с Англией Швеция вести не могла, не имея на то ни достаточно сил, ни средств. Англия уничтожила бы ее флот, разгромила бы порты, и французские корсары не могли бы защитить ее, как не защитили Дании. Строго следовать континентальной системе Швеция могла еще менее; ей в непродолжительном времени грозило бы не только простое разорение, но совершенная невозможность существования: она нуждалась бы в хлебе и соли. Такое положение дел необходимо возбудило бы волнения в стране, первую жертвою которых сделался бы Бернадот.

С другой стороны, объявляя войну на бумаге и поддерживая на деле мирные отношения к Англии, ведя с ней торговлю вопреки континентальной системе и в ущерб ей, Швеция ставила себя целью постоянных нападений и угроз со стороны Франции*. Бернадот очень хорошо понимал это положение и, без сомнения, скорее решился бы на разрыв с Францией, нежели с Англией, если бы к требованию Наполеона объявить ей войну не присоединила бы свой голос Россия. Швеция должна была уступить в этом случае потому, что только со стороны одной России могла ей грозить действительная опасность. К России примыкали ее сухопутные границы, а в зимние месяцы и лед Ботнического залива не был непроходим, как это уже известно было по опыту. Без этого обстоятельства Швеция была остров, столько же огражденный от покушения Франции, как и острова Великобритании. В союзе с нею она не могла бы опасаться нападений. При таком положении дел весьма естественно, что все внимание шведской политики было обращено на Россию, и Бернадот искренно желал снискать расположение русского императора и заявлял свое расположение нашему посланнику, который и сообщил об этом нашему двору.

Наследному принцу было чрезвычайно приятно, писал Сухтелен Румянцеву, когда по поручению императора он, как русский послан-

*Письмо гр. Стединга к королю от 31-го мая (12-го июня) 1810 года. «Les Anglais, qui vont en Russie pour y faire le commerce illicite, sont dans l'usage de se faire recevoir bourgeois dans quelque ville de Suède. Ils viennent ensuite chez moi, leurs lettres de bourgeoisie à la main, me demander une lettre de protection, que je ne puis pas leur refuser. L'inconvénient ne serait pas grand, si ces messieurs étaient tant soit peu discrets; mais, comme ils ne le sont qu'à moitié, ils ne se cachent pas de cette manoeuvre, et ils compromettent la mission de V.M., qui, par là, devient véritablement la protectrice du commerce anglais en Russie».

ник, объявил ему, что Россия почитает все свои счета со Швецией оконченными и желает находиться с нею в дружелюбных отношениях; что же касается лично до него, наследного принца, то император ценит его дарования, дорожит его расположением и обещает свою взаимность в этом отношении. Россия, как союзница Франции, обязана была содействовать ей в этом, чтобы ввести Швецию в континентальную систему и вынудить ее объявить войну державе, в войне с которою она сама находится, вместе с Францией. Но собственно Швеции Россия не угрожает и желает находиться с нею в мирных и дружеских отношениях*. Это известие, сообщенное Бернадоту дипломатическим путем, получило для него еще большее значение, когда он узнал о неожиданном приезде в Стокгольм с особым поручением от императора флигель-адъютанта А.И. Чернышева. Самый выбор такого лица, не состоявшего на дипломатической службе, но употреблявшегося для личных сношений русского государя с императором Наполеоном, а в то же время знакомого Бернадоту и пользовавшегося его расположением, не мог не возбудить его внимания.

В начале ноября месяца 1810 года Чернышев только что возвратился в Петербург из Парижа с письмом Наполеона к императору Александру. Отпуская Чернышева, французский император, между прочим, говорил ему: «Император Александр первый меня понял и только один мог понять, так же, как и его министр, и потому я надеюсь, что он обратит внимание на мое требование во всем его объеме. В таком случае необходимо решительно отказаться от всяких полумер, при которых отношения между двумя империями могут продолжаться кое-как год или два, но окончатся непременно ссорою. Но если бы его величество неуклонно следовал принятому направлению, не обращая внимания на крики и жалобы купцов, которые повсюду англичане в глубине души, то можно бы надеяться, судя по тем сведениям, которые я получаю из Англии, что в непродолжительном времени мы достигли бы общего мира. Необходимо, чтобы Россия принудила Швецию выполнить ее обязательства в этом отношении. До сих пор я чрезвычайно был недоволен, потому что англичане в Балтийском море запасались у нее дровами и водою». Такое поведение Швеции Наполеон приписывал господствовавшей там анархии и интригам и надеялся, что оно изменится, если князь Понте-Корво исполнит данное им при отъезде обещание. Но если его обещание было неискренне и если Швеция к весне не запрет своих портов и не встретит англичан пушечными выстрелами, то Наполеон выражал намерение снова занять Померанию и пригласить нас

*Депеша гр. Сухтелена к гр. Румянцеву от 2/15-го декабря 1811 г.

опять начать войну со Швецией. «Без этого, — прибавил он, — Швеция будет смеяться надо мною, потому что я не могу иначе напасть на нее»*. В то же время, как император Наполеон давал такое поручение Чернышеву, он пригласил в Фонтенебло шведского посланника Лагербельке и в резких выражениях объявил ему, что Швеция должна или немедленно объявить войну Англии, прекратить всякие торговые с нею сношения и конфисковать ее товары, или воевать с Францией, и что он дал уже предписание своему поверенному в делах в Стокгольме потребовать от шведского правительства в пять дней решительного ответа на это требование**. Барон Алькье, предъявляя это требование, прямо выражал, что Россия, как союзная держава с Францией, готова поддержать его, тогда как петербургский кабинет еще не мог иметь времени отвечать на предложение императора Наполеона, привезенное Чернышевым. Внезапное известие о том, что Швеция уступила настояниям Франции и объявила войну Англии избавило его от необходимости выразить свой взгляд на отношения к Швеции, совершенно изменившиеся после заключения Фридрихсгамского мира. «Что касается до того, — писал граф Румянцев князю Куракину, — что император Наполеон говорил Чернышеву о Швеции, его величество, желая представить новые доказательства своего союза с Францией, намеревался поручить генералу Сухтелену поддерживать представления барона Алькье, как узнал, что Швеция дала уже ответ, соответствовавший желанию императора Наполеона. Несмотря на то, что его величество поручил Чернышеву возвратиться во Францию через Швецию с тою целью, чтобы его появление в Стокгольме послужило свидетельством согласия, существующего между союзниками***. Но этого согласия не существовало даже и в дипломатических бумагах, потому что в этой же самой ноте русский канцлер, по предписанию императора, поручал нашему посланнику при тюильрийском дворе отклонить все требования Наполеона о безусловном запрещении внешней торговли даже с нейтральными. Россия покончила все счета со Швецией, и, конечно, не начала бы новой войны с нею в угоду Франции, которая очевидно для всех угрожала ей войною. Чернышеву поручено было объявить тайно наследному принцу, что «*никому* из своих союзников Россия не обязывалась не только воевать со Швецией, но и участвовать в войне, которую кто-нибудь из них объявит ей. Его величество, — говорилось далее в инструкции Чернышеву, — прямо заявляет, что он реши-

*Записка Чернышева, Exposé des discours etc.

**Bignon. Hist. de L'Empire, 2-me époque, ch. XXIV.

***Нота гр. Румянцева, от 24-го ноября 1810 г.

тельно намерен сохранять мир со Швецией; ему надоели войны, которые он вынужден был вести, и все его желание заключается в том, чтобы водворить мир как для своего государства, так и для всей Европы, залитой кровью и обедневшей от упадка торговли вследствие жестоких мер, которые грозят повергнуть ее к временам варварства и в какое время? — в то, которое гордится своим просвещением. Его величество, любя мир, с удовольствием узнал, что те же чувства выразил наследный принц, отвечая на приветствие шведских чинов. Поэтому он желает его доверия к положительному его уверению, что единственным его желанием, согласным и с политическими выгодами, будет поддерживать благосостояние Швеции. После заключения Фридрихсгамского мира*, все изменилось; между двумя державами окончилась продолжительная вражда, которая часто поднимала одну из них против другой. В настоящее время выгоды обеих держав вынуждают их поддерживать взаимную дружбу, и особенно Россия должна желать, чтобы никакие внутренние несогласия не возмущали спокойствия Швеции. В этом отношении политика России твердо убедилась в том, готова всегда следовать этому началу и представила уже много доказательств тому после окончания войны. Следовательно, выгоды государства, личные желания императора — все дает повод надеяться, что наследный принц не откажет ему в доверии, которое он постарается оправдать своими действиями, кои несомненно докажут, что он желает благоденствия Швеции и готов ему содействовать всеми способами**. Такой

* *Фридрихсгамский мирный договор* между Россией и Швецией завершил русско-шведскую войну 1808—1809, закончившуюся поражением шведских войск, и был подписан 5 (17) сентября 1809 в г. Фридрихсгам (ныне г. Хамина, Финляндия) со стороны России министром иностранных дел графом Н.П. Румянцевым и Д.М. Алопеусом, со стороны Швеции графом Х. Стедингом и А. Шёльдебрандтом. Этому предшествовали следующие события: вступление русских войск в Финляндию в феврале 1808 привело к аресту по приказу шведского короля Густава IV полномочного министра России при шведском дворе Д.М. Алопеуса (впоследствии графа), что послужило поводом Александру I манифестом от 20 марта 1808 объявить о присоединении Финляндии к России в качестве Великокняжества. Русское правительство при этом обязалось сохранить ее прежние законы и сейм. Утрата Финляндии вызвала в августе 1809 революцию в Стокгольме, низложение короля Густава IV и провозглашение регентом герцога Зюдерманландского, вскоре возведенного сеймом на престол под именем Карла XIII, первым делом которого было обращение к императору Александру I с просьбой о мире. В соответствии с Фридрихсгамским мирным договором Финляндия до Торнео, включая Аландские острова, отходила к России, Швеция обязывалась расторгнуть союз с Великобританией, заключить мирные договоры с Данией и Францией и присоединиться к континентальной блокаде (*Прим. ред.*)

** *Инструкция Чернышеву при поездке в Стокгольм 19 ноября 1810 г., писанная самим императором.*

взгляд на отношения России к Швеции русский император поручал Чернышеву выразить наследному принцу. Чернышев приехал в Стокгольм в ночь с 1-го на 2-е декабря 1810 года, совершив чрезвычайно трудное путешествие чрез Аландские острова по льду Ботнического залива. Посвятив утро на официальные посещения шведских министров и посланников других держав, он особенно ласково был принят бароном Энгерштрёмом, который, встретившись с ним в тот же день во второй раз, заявил ему, что наследный принц, узнав о его приезде, поручил ему сказать, что он чрезвычайно этим обрадован и с величайшим нетерпением желает его видеть, особенно потому, что он приехал прямо из Петербурга и может сообщить, в каком расположении к нему находится император. Он в отчаянии, что придворные обычаи препятствуют ему иметь свидание с ним, прежде нежели он представится королю. На другой же день утром Бернадот устроил его представление, и больной король, несмотря на то, что с трудом мог говорить, ласково беседовал с Чернышевым около получаса. Он говорил об искреннем желании быть в дружбе с Россией, поручал обратиться к наследному принцу, которого весьма хвалил, и, наконец, заметил, что ему приятно было узнать, что Чернышев принадлежит к числу старинных знакомых Бернадота, который говорил ему очень много хорошего о нем.

После представления королю Чернышев вместе с графом Сухтеленом немедленно отправился к наследному принцу. Лишь только Бернадот увидал входящего Чернышева, как поспешил подойти к нему, поцеловал его несколько раз и осыпал приветствиями. «В присутствии Сухтелена и Энгерштрёма, — доносил императору Чернышев, — я только сказал принцу, что Ваше Величество поручили мне выразить ему Ваши чувства уважения к его заслугам и качествам. Его высочество принял это заявление с живою радостью и отвечал мне, что после этого он считает себя совершенно счастливым и все свои желания исполненными. Когда граф Сухтелен сообщил ему о Вашем к нему расположении, то он до такой степени был проникнут признательностью, что позволил себе выразить ее вам на письме. Затем он сказал, что просил меня довести до Вашего сведения, что после всего того, что он слышал о Вашем характере, его единственное желание заключается в том, чтобы иметь счастье сойтись душою с Вами (*d'avoir le bonheur de s'entendre d'âme avec elle*) и доказать, что он недостоин этого».

Говоря таким образом, Бернадот несколько отделился от присутствовавших. Этим движением воспользовался Чернышев, чтобы неслышно для других сказать ему: «Государь, мой повелитель, узнав, что прежде ваше королевское высочество удостаивали меня благосклонности и доверия, именно поэтому поручил мне ехать через Стокгольм,

чтобы передать истинные его чувства к вам и тем предупредить возможность всякого недоразумения, которое может быть вредно для обоих государств. Позвольте мне просить вас прежде моего отъезда назначить мне особое свидание».

Назначив ему явиться через день в определенный час, Бернадот сказал, что надеется повидаться с ним и не один еще раз. «Мне необходимо знать расположения императора, чтобы согласовать с ним мой образ действий. При настоящем положении дел я понимаю, что Россия есть единственная держава, от благорасположения и покровительства которой зависит не только благосостояние Швеции, но и самое ее существование. О нем-то я прошу императора и поручаю вам передать ему мою просьбу. Что касается до меня, то я даю решительное обещание, что шведское правительство готово все сделать, чтобы заслужить благорасположение России, и будет избегать всего, что могло бы навлечь самое малейшее против нее неудовольствие. Конечно, потеря Финляндии составляет еще свежую рану; но, смотря на вещи беспристрастно, я сам понимаю, что эта провинция была слишком удалена от Швеции, и она не могла долго удерживать ее за собою. В настоящее время Швеции нужен мир, она должна довольствоваться тем, что имеет, и стараться отклонить те опасности, которыми угрожает настоящее положение дел в Европе. Россия, если захочет, то может обратить свое оружие против востока, юга и запада и быть вполне уверенною, что Швеция не изменит своей политики и желанию оставаться с нею в мире, потому что она очень хорошо знает, что может обойтись без всех других государств, кроме России, от которой зависит ее спокойствие и мир». Затем Бернадот изъявил Чернышеву прискорбие, что не имеет чести быть лично знаком императору, и выразил мысль, что ему было бы весьма приятно, если бы император дозволил ему приехать в Петербург нынешним летом, чтобы лично выразить чувства своего уважения. Говоря таким образом, Бернадот приблизился к тем лицам, которые находились в этой зале, и ловко перевел разговор на предметы, не имевшие особенного значения.

Через день (4-го декабря), в назначенное Бернадотом время, Чернышев снова явился к нему после представления королеве, которая приняла его так же милостиво, как и король. Около двух часов будущий король Швеции по титулу, но действительно уже царствовавший в ней под иным именем, вел с 25-летним офицером русской гвардии разговор, весьма важный в политическом отношении.

Осыпав любезностями Чернышева, относившимися лично к нему, при начале свидания Бернадот заявил, что будет говорить с ним так же откровенно, «как бы говорил с самим собою» (*comme avec ses entrailles*).

Действительно, в этом разговоре он выразил тот же взгляд, как и при первом свидании, но с такою ясностью и решительностью, что должно было устраниться всякое сомнение о его будущем образе действий. Он говорил, что приезд Чернышева в Стокгольм и то, что он ему сказал о расположении к нему русского императора тем более возбуждает в нем радость, что носились слухи, будто его поездка в Париж касается именно отношений Франции к Швеции и жалоб на нее. Говорили даже, что дела приходят в такое положение, что Швеции грозит разрыв с Россией, если бы она не согласилась беспрекословно исполнять все требования Франции. «Россия, — говорил Бернадот, — единственная держава, которой может бояться Швеция, и которой покровительство и защита безусловно необходимы для ее существования и спокойствия. Швеция никогда бы не решилась сделать этот гибельный для общего спокойствия шаг, не объявила бы войны Англии, если бы император Наполеон не уверял, что русский император поддерживает его в этом случае. Конечно, Швеции приходится иметь свою долю участия в общем деле всей континентальной Европы; но ее положение отлично от всех других государств, потому что она только и может существовать, сохраняя мир и поддерживая торговлю. Между тем эта война лишает ее доходов и предметов первой необходимости, без которых она обойтись не может, как, например, соль и др. Но объявлением войны Англии Швеция сделала все, что только могла в угоду Франции; все другие ее требования не могут быть исполнены без нарушения основных законов страны. Например, чтобы конфисковать товары, которые уже находятся внутри страны, в домах, и прошли через таможи, надо разрешение сейма, а собирать с этой целью сейм было бы крайне опасно. Король не может прибегнуть к этой мере, которая может повлечь за собою гибельные последствия. Положение Швеции после объявления войны Англии таково, что она не может выносить его более восьми или десяти месяцев, не лишившись самых необходимых предметов для своего существования. Вам я могу сказать прямо, — прибавил Бернадот, — что все эти меры только продолжают и усиливают страдания и несчастья всей Европы, тогда как, по моему мнению, они могли бы принести пользу, если бы гордость и самолюбие французского правительства не были помехою».

Заметив из последних слов настоящее расположение наследного принца к Франции, Чернышев воспользовался этим случаем, чтобы заявить ему, что действительно император Наполеон обращался к русскому государю с просьбою подкрепить своим участием его требования, предъявленные Швеции, но что после Фридрихсгамского мира желания и политические выгоды России требуют как внутреннего бла-

годенствия Швеции, так и поддержания постоянных дружеских сношений с нею. При таком расположении в ее виды вовсе не входит стеснять свободу действий шведского правительства, которое, как в этом случае, так и во всех других, может действовать сообразно своим собственным выгодам, не опасаясь никакого препятствия со стороны русского правительства.

«То, что вы мне говорите, — ответил на эти слова Бернадот, — возвращает мне душевный мир и спокойствие. Швецию хотели всеми способами напугать и действительно напугали. Французские агенты не только уверяли, что Россия начнет войну со Швецией, если она не исполнит требований ее союзника Наполеона, но что между двумя дворами уже в ходу мысль о том, что Франция готова уступить всю Швецию России взамен балтийских берегов. Я готов был, — продолжал Бернадот, — пожертвовать собою и всем своим семейством для блага Швеции, которая не лишена и способов защищаться; но я убежден, что для ее благоденствия и счастья необходимо сохранять мир. Откровенно вам скажу, что то ужасное положение, в которое поставила меня Франция в последнее время, повергает меня в невыразимую грусть. Я никогда не ожидал такого образа действий со стороны державы, которой я не без пользы и не без славы прослужил тридцать лет, ни со стороны императора Наполеона, которому прежде я оказывал услуги и избавлял его от многих неприятностей и затруднений. Я полагал, что он будет моим защитником, будет покровительствовать мне, а не поставит меня в грустное положение с первых дней моего прибытия в Швецию и не сделает жертвою своего случайного дурного расположения духа потому только, что я имел несчастье из его товарищей сделаться его подданным. Но и в качестве подданного я не стал бы выносить подобных выходов. Ничто не может изгладить во мне тяжелого сознания, отравляющего мою жизнь, что стране, которая так почетно призвала меня, чтобы царствовать в ней, я принес войну, которая ее разорит».

После таких откровенных заявлений Чернышев позволил себе выразить главную мысль, составлявшую существенную сторону его посольства, что цель императора Александра заключается именно в том, чтобы достигнуть мира, в котором одинаково нуждаются все европейские государства, и что поэтому он поручил ему заявить наследному принцу, в знак своего к нему уважения, намерение свое сохранить мирные отношения к Швеции при всевозможных обстоятельствах. Император Александр не обязывался никому из своих союзников воевать с нею и даже принять участие в войне, которую кто-либо из них объявил

сохранит его в тайне, потому что разглашение его может причинить вред обоим государствам.

Выслушав это заявление, наследный принц не мог скрыть своей радости и уверял, что теперь он может быть не только спокоен, но и счастлив, заслужив доверие и расположение императора, и что с этого времени все его старания будут направлены к тому, чтобы оправдать их и доказать, что как он, так и Швеция достойны его покровительства. «Император может обратить свое оружие, — повторил он Чернышеву, — на Константинополь, Вену или Варшаву; Швеция останется спокойною. Ее единственная цель будет состоять в том, чтобы находиться в союзе с Россией и довольствоваться тем, чем она владеет, не вмешиваясь в чужие споры. Никогда его величество не увидит, чтобы Швеция решилась пролить кровь хотя бы одного из своих подданных или истратить один талер в таком деле, которое могло бы быть неприятно России, и никогда она не начнет войны ни с кем, если не нападут на нее, а это невозможно. Пока Швеция находится в союзе с Россией, целый мир не может ей ничего сделать. Смотря беспристрастно на положение Швеции и обдумывая всевозможные предположения, я прихожу к глубокому убеждению, что ей нужен только союз с Россией и ее покровительство. Что касается до Финляндии, которая действительно в глазах шведского народа составляет еще не исцелившуюся рану, то я убежден, что если бы и возможно было возратить ее, воспользовавшись обстоятельствами, когда Россия находилась бы в войне с кем-либо из своих соседей, то обладание такою отдаленною провинцией для Швеции, у которой и так мало рук для обработки своих земель, было бы гибельно. Если бы случайно и удалось бы мне удержать ее за собою при жизни, то во всяком случае я через нее завещал бы моему сыну непременную войну, которая могла бы лишить его престола, потому что достаточно простого здравого смысла, чтобы понять, что рано или поздно сорок миллионов народа одержат верх над двумя с половиною. Между тем теперь, когда оба государства отделяются друг от друга естественными границами, я могу спокойно предаться усовершенствованию земледелия и заняться тем, чтобы дать Швеции хорошую конституцию, что я считаю весьма важным и неотложным делом. Скажите его величеству, — прибавил он, — что с прибытием моим в Швецию я сделался совершенно человеком севера, и уверьте его, что он может смотреть на Швецию, как на свой верный редут. Я хорошо понимаю все, чем я обязан Франции, и употреблю все старания, чтобы сохранить с нею дружеские отношения; но это никогда не заставит меня

потерять из виду свои выгоды, то есть выгоды Швеции, сделавшиеся моими»*.

Искренни ли были заявления Бернадота как о чувствах его к русскому императору, которого он не знал лично, так и об отношениях к России, только что завоевавшей у Швеции Финляндию? Веря их искренности, не ошибался ли молодой русский офицер, случайно сделавшийся орудием важных политических сношений? Этот вопрос представлялся бы излишним, если бы современные сообщения своему правительству французского посланника из Стокгольма не бросали на них некоторую тень подозрения.

В начале 1811 года барон Алькье писал своему правительству, что «однажды, указывая на развернутую карту на своем столе, Бернадот сказал ему: «Нам нужно что-нибудь, чтобы вознаградить нас за потерю Финляндии; нам нужна граница, которой у нас нет». — «Не разумеете ли ваше высочество Норвегию?» — спросил его французский посланник. «Конечно, — отвечал Бернадот, — Норвегию, которая сама желает присоединиться к Швеции и которую мы можем получить помимо Франции, при помощи Англии. Но что касается до меня, то я желал бы получить ее от императора. Пусть он ее отдаст нам, и тогда я буду силен. Я обещаю ему сорок тысяч войска к маю месяцу и еще десять тысяч к началу июля; Данию можно вознаградить, отдав ей Мекленбург и Померанию. Тогда я обещаю, что крепко запрю Швецию для торговли с Англией». Алькье уведомлял свое правительство, что барон Энгерштрём постоянно выражал ему желание сблизиться с Францией. «Мы не русские, мы не англичане, — говорил он ему, — мы желаем быть французами, если только император этого захочет. Мы желали бы возвращения тех времен, когда мы по-прежнему будем союзниками Франции, Польши и Турции»**. Нельзя не обратить внимания на последние слова, в которых действительно выражается издавняя, традиционная политика Швеции, и не признать их весьма естественными в устах ее министра иностранных дел. Он выражал общее мнение Швеции, враждебно настроенное против России и сочувственно стремившееся к Франции. Едва ли много можно было найти лиц в Швеции, которые разделяли бы взгляд, выраженный наследным принцем Чернышеву, на ее отношения к России, особенно в это время, когда, по его выражению, потеря Финляндии составляла еще болевшую рану. Весьма вероятно, что лично барон Энгерштрём и не сочувствовал ему вначале и только потом,

*Донесение Чернышева императору из Стокгольма от 7-го декабря 1810 года.

**Депеши бар. Алькье к герцогу Кадорскому из Стокгольма от 7-го февр., 22-го марта и 10-го апр. н. ст. 1811 г. *Bignon. Hist. de France, ch. XXIX* (1811 год).

увлекаемый с одной стороны Бернадотом, а с другой раздражаемый оскорбительными действиями Франции, вошел в его виды, как вошло и общественное мнение Швеции*. Но что касается до разговора наследного принца с бароном Алькье о Норвегии, то здесь обнаруживается весьма важное обстоятельство, что и видно из депеши Алькье. Если этот разговор происходил прежде свиданий принца с Чернышевым, то он вовсе не обличает двоедущия Бернадота и коварства его политики, в чем упрекают его писатели-французы, безотчетные поклонники Наполеона. Только это свидание могло убедить Бернадота в желании России находиться в мирных отношениях к Швеции. До тех пор она была в его глазах союзницею Франции, и, как он полагал, вместе с нею принудила Швецию объявить войну Англии, которую он считал гибельною для своей страны, и не напрасно.

Вера Чернышева в искренность заявления Бернадота о своем политическом взгляде совершенно оправдалась последовавшими событиями. Этот взгляд мог бы казаться подозрительным или случайным и непрочным в соображении предстоявших действий, если бы его выразил потомок прежних государей Швеции, тесно связанных с прошлою ее историей, который не мог не сочувствовать воинской славе некоторых из своих предков и прежнему значению Швеции в числе северных держав. Но Бернадот был человек новый, желавший упрочить шведский престол как для себя, так и для своего потомства. Сочувствие к Франции, не основанное ни на каких важных политических выгодах для Швеции, случайно возбужденное в это время раздражением против России за присоединение Финляндии, не могло служить ему основанием для прочных политических соображений. Он понимал политику императора Наполеона и знал личные его свойства. Созидание сильных государств вовсе не входило в виды последнего, и если он желал, чтобы образовалось Скандинавское государство из Дании, Швеции и Норвегии, то этою маскою прикрывалось иное намерение, а именно: присоединить собственно Швецию к Дании, владевшей уже Норвегией. Этим способом он вывел бы Швецию из ее уединенного положения в отношении к материку Европы, из положения, неуязвимого для него так же почти, как положение Англии, без помощи России. Нуждаться в посторонней помощи, и притом самостоятельной и великой державы, не согласовалось с властолюбием Наполеона; между тем как Дания, находившаяся в полной от него зависимости, овладев Швецией, стала бы исполнять безусловно все его повеления.

**Swederas. Schwedens Politik, Ac. I, 17, s. 132.*

Но это предположение, соединенное для Швеции с потерей государственной самостоятельности и свободных учреждений, возбуждало всеобщее негодование шведов. Оно послужило первым основанием, которым воспользовался Бернадот, чтобы повернуть общественное мнение против Франции, объяснив цель ее политики. Затем, после избрания его наследником престола, когда шведы рассчитывали на покровительство императора Наполеона, начался ряд преследований и унижений со стороны Франции, которые дали Бернадоту возможность окончательно увлечь за собою общественное мнение страны. Если бы на престоле Швеции он оставался простым подручником Наполеона и безусловно исполнял бы его желания, то довел бы страну до разорения и гибели и вызвал бы возмущение, которого сам первый сделался бы жертвою. Едва ли возможно сомневаться в искренности политических убеждений, выраженных им Чернышеву. Но в то время он считал еще возможным, при угрожавшем разрыве между Россией и Францией, сохранить нейтралитет для Швеции, так же, как казалось это осуществимым и для некоторых других держав, как, например, для Австрии. Поэтому он постоянно говорил Чернышеву, что для Швеции необходимы мир и спокойствие. Если он не заводил с ними речи о Норвегии, то лишь потому, что хорошо знал, что петербургскому кабинету известно это условие, которое единственно могло заставить шведов забыть о потере Финляндии, укрепить союз с Россией и упрочить его династию на шведском престоле*.

Вообще свидетельства агентов Наполеона подозрительны, тем более показание такого заносчивого и легкомысленного человека как барон Алькье, которого неумеренность должен был сдерживать сам Наполеон и, наконец, даже отозвать его из Стокгольма**. Его образ действий в отношении к шведскому кабинету и особенно к наследному принцу выразился и во время пребывания Чернышева в Стокгольме.

Россия находилась еще в союзе с Францией, и потому Чернышев должен был посетить французского посланника. В первый день своего приезда он поехал к нему вместе с графом Сухтеленом, но не застал его дома. Отплачивая за посещение посещением, барон Алькье также не застал дома Чернышева. Только через несколько дней, на обеде, который Сухтелен давал дипломатическим чинам, они познакомились друг с другом. Наговорив Чернышеву множество любезностей, Алькье отвел его в сторону и объяснил, что его приезд в Стокгольм будет весь-

*Депеша гр. Стединга шведскому королю от 9/21-го февраля и 11/22-го марта 1810 г., т. III, стр. 70—83.

**Депеша шведского министра иностранных дел к гр. Стедингу от 19-го февраля 1811 г.

ма приятен французскому правительству, потому что служит новым доказательством дружеского со стороны русского императора расположения к Франции и желания, которое он всегда выражал, действовать заодно с нею. Ввиду этого представители обеих держав должны быть проникнуты взаимною договоренностью в своих действиях и сообщениях, и потому он считает нужным сообщить ему, что Швеция ведет себя чрезвычайно дурно как в отношении к внутреннему управлению, так и к внешним сношениям. Наследный принц принял совершенно ложное направление и ведет себя неприлично, позволяя себе такие выходки против Наполеона, которые могут его оскорбить. В этом отношении он доходит даже до смешного, угрожая, что должен будет предаться совершенно в руки России, как будто ее политика не одна и та же с французскою. Конечно, император Наполеон не придает большого значения личности наследного принца, но необходимо, чтобы как Россия, так и Франция действовали с ним решительно.

«Вообще барон Алькье, — писал Чернышев императору, — выражается насчет наследного принца в высшей степени неприлично, говоря, что в сущности он однако же добрый малый (*un bon diable, un bon homme*), который не лишен даже некоторых способностей, но что это — южная голова, исполненная слишком вулканических мыслей, что он имеет привычку слишком много болтать и слушаться таких советов, которые приводят его на ложный путь. Император Наполеон, который не вмешивался в его избрание шведами, конечно, не имеет никаких причин его поддерживать и тем более изменять для него свои великие соображения».

На эту выходку Чернышев скромно отвечал Алькье, что все, что он слышит от него об образе действий наследного принца, объясняется, по его мнению, страхом, чтобы новая война, которая совпала с его приездом в Швецию, и, конечно, неприятная купцам и всем лицам, имеющим соотношения с торговыми оборотами, не повредила ему в общественном мнении; но что в сущности ему кажется, что как наследный принц, так и вообще шведское правительство, решившись немедленно объявить войну Англии, доказали готовность исполнять желания императора Наполеона.

«Несмотря на то, — возразил ему барон Алькье, — делается однако же очень много плутней, и вы не можете себе представить, до какой степени шведы заслуживают того, чтобы их называть северными гасконцами».

Подобные речи не могли не поразить своею странностью Чернышева. Он даже пришел к тому заключению, что вероятно французское правительство предписало Алькье говорить таким образом: или для

того, чтобы окончательно устранить подозрение, что оно принимало участие в избрании Бернадота, или чтобы посорить нас со Швецией, возбуждая против нее постоянно новые жалобы, потому что Франция, конечно, готова пожертвовать и наследным принцем, и Швецией, лишь только бы возбудить новую войну против России. Но в этом случае большое значение имел личный взгляд барона Алькье. Французское правительство, хотя и одобряло в сущности его действия, но постоянно однако же предписывало ему быть сдержаннее и умереннее в своих поступках. Но это мало на него действовало. Увидавшись снова через несколько дней с Чернышевым, он спросил его: как относится наследный принц к последним мерам, принятым шведским правительством по настоянию Франции?

«Что касается до объявленной войны, то мне показалось, — отвечал Чернышев, — что его высочество готов поддерживать континентальную систему, не иметь никаких сношений с Англией и запретить как ввоз, так и вывоз товаров. Что же касается колониальных товаров, которые уже ввезены и находятся в Швеции, то на основании конституции ни он, ни король не могут их тронуть».

«Да, — с запальчивостью отвечал барон Алькье, — в Швеции не существует королевской власти, все головы здесь возбуждены до такой степени и все находится в таком брожении, что можно подумать, что находишься во времена террора во Франции. Наследный принц слишком слаб для того, чтобы изменить этот порядок дел, когда он взойдет на престол — одним ударом, который только и представляет надежное средство, чтобы спасти Швецию. Он не сумеет воспользоваться тем увлечением, с которым относятся к нему шведы. Между тем все это могло бы совершиться, если бы император Наполеон захотел избрать наследника для шведского престола. Конечно, не Бернадота посадил бы он своим наместником (*comme son lieutenant*)». Затем, обращаясь к образу действий Швеции, Алькье выразил убеждение в том, что, несмотря на обещания, она не исполняет ни одного из своих обязательств; что Гётеборг и другие ее порты наводнены английскими товарами, что торговые обороты этого города в последние шесть месяцев были громадны, что, как положительно известно, в настоящее время там имеется на 10 миллионов ливров сахара, 7 миллионов кофе и на 6 миллионов бумаги, и что даже теперь Швеция позволяет себе действовать совершенно в противность мирному договору, заключенному ею с Францией. «Я могу вам сообщить все сведения, — сказал он, — но только прошу не говорить об этом в Стокгольме». И потом Алькье рассказал Чернышеву, что на одном бале, около двух недель тому назад, наследный принц подошел к датскому поверенному в делах Дернау и предложил войти

в соглашение между обоими правительствами, чтобы позволить свободное плавание судам обеих держав с английскими видами, принимая за правило, что флаг покрывает груз. Дернота будто бы крайне поразило такое предложение, и он отказался даже сообщить о нем своему правительству, как о решительно несогласном с его видами. Барон Алькье уверял, что вслед за тем подобное предложение сделал Дерноту и барон Энгерштрём, и что в настоящее время в Копенгагене находится полковник Седерстрём с целью начать переговоры по этому делу.

Чернышев выразил Алькье удивление, чтобы могло произойти что-нибудь подобное, ибо в наследном принце он заметил совершенно иные расположения в отношении к этому предмету; но Алькье отвечал ему, что у Бернадота чрезвычайно переменчивый характер: сегодня он действует так — с полным убеждением, но никак нельзя отвечать, чтобы через неделю, и даже через сутки, он не изменил своего мнения под влиянием лиц своего министерства, которые все более или менее получают свои выгоды от этой торговли. Забывая о своем значении, как посланника Франции, он продолжал: «Я должен сознаться, что положение Швеции весьма тяжелое, и что долго она выносить его не в состоянии; но тем не менее я должен исполнять мои обязанности». Прощаясь с Чернышевым, Алькье просил его заявить императору Наполеону, что он объяснил ему положение дел в Швеции с совершенною откровенностью. Но французский дипломат не только откровенно выразил Чернышеву свои взгляды, но даже распустил по городу слух, что русское правительство совершенно разделяет их, что Чернышев именно для того прислан, чтобы влиянием России подкрепить все те требования, которые он, Алькье, предлагает от лица французского императора, и что в этом смысле русский агент имел уже настоятельные переговоры с наследным принцем. Эти слухи распространились до такой степени в Стокгольме, что смутили даже Бернадота.

Когда по его приглашению (5-го декабря) Чернышев приехал к нему завтракать наедине с ним, он прежде всего с видимым смущением просил его объяснить значение слухов, распускаемых французским посланником. Соблюдая необходимую сдержанность, потому что Россия находилась еще в союзе с Францией, Чернышев отвечал: «Император, как я говорил уже вашему высочеству, желает по мере сил сохранить мир между Россией и ее союзниками, и особенно с Францией. Получив известия, что Швеция исполнила требования императора Наполеона, он послал меня объявить ее правительству, что ему приятно видеть, что в отношении к континентальной системе Швеция действует согласно с Францией; но вместе с тем он желал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы выразить вам свое уважение и заявить через ме-

ня настоящие его чувства и уверить вас, что он не имеет никакого намерения стеснять свободу действий Швеции и желает ей благоденствия, а не несчастья».

Бернадот, поняв значение этого ответа, остался им очень доволен и говорил, что дает священный обет (*sa parole d'honneur sacrée*), что Швеция останется спокойною, в каких бы Россия ни находилась обстоятельствах, и ничего не сделает, что могло бы ей быть неприятно. Он говорил, что готов выразить это обещание даже на письме. «Потом, — писал Чернышев к императору, — он распространился в жалобах на Францию, говоря, что император Наполеон выразил свое желание властвовать над целым миром и недоброжелательство в отношении к нему лично, доведенное до последней степени. Если бы он захотел подождать еще четыре месяца, что для него весьма было возможно по случаю времени года, которое не вынуждало к такому скорому принятию этой меры, то и принц сам пожелал бы остаться в хороших отношениях и старался бы по мере возможности исполнить то, что требовала его система. Затем он снова прибавил, что всему причиною то, что угрожали ему Россиею. Сверх того, как он мне сказал, особенно его возмущало то, что требования императора Наполеона заявлялись таким грубым и дерзким образом, и он не вынес бы такого обращения, даже будучи его подданным, а тем более теперь он не допустит себя до этого в другой раз. Лучше погибнуть с оружием в руках, нежели допустить унижать народ, который избрал его управлять им. Император ничего ему не может сделать, если только не вмешается Россия; но если бы даже и мог, то неизвестно еще, на чью бы сторону стали французские солдаты, раз вступив на шведскую почву. Он очень им известен, любим ими и уважаем, часто начальствовал над ними и в некоторой степени может рассчитывать на них».

Любезность наследного принца к Чернышеву простиралась до того, что он во время пребывания последнего в Стокгольме не только виделся с ним почти ежедневно и беседовал наедине, но даже пригласил его на прощание к себе. «По придворным обычаям я не могу давать обедов иностранцам; но я испросил у короля позволение сделать это исключение для вас», — сказал он ему. Лишь только явился в назначенное время Чернышев, он пригласил его в кабинет и еще долго беседовал с ним наедине. Прежде всего он поручил ему отвезти в Париж два письма, одно — к Наполеону, другое — к его сестре, принцессе Полине. Затем, если Наполеон будет спрашивать о нем, то просил его отвечать, что Чернышев оставил его в большом горе относительно положения Швеции, которое вследствие объявления войны Англии сделалось едва не безвыходным. Чтобы угодить императору Наполеону, он будет

строго соблюдать обязанности, которые эта война на него возлагает; но он обращается к его великодушию и просит облегчить его положение, которое в скором времени сделает его совершенно несчастным, потому что Швеция будет нуждаться в соли и других необходимых предметах продовольствия, между тем как ее склады наполнены железом, торговля которым составляет главнейший ее доход. Что касается до колониальных товаров, находящихся уже внутри государства, то по законам страны король не может до них коснуться, а если бы он захотел действовать насильственно, то непременно сам погиб бы в несколько дней. То же самое случилось бы и с 50-ю другими королями, которые последовали бы за ним. «В этом, — сказал Бернадот Чернышеву, — более или менее и заключается содержание моего письма к императору Наполеону. Вы можете в настоящее время сделать Швеции очень много зла или очень много добра». Эту последнюю мысль он подробно развил Чернышеву, очевидно, желая дать направление его действиям в отношении к Швеции перед французским правительством.

«Если вы скажете, — говорил он, — что нашли меня совершенно счастливым и Швецию в цветущем положении, которая только из недоброжелательства к Франции тяготится им, то вследствие этого заявления Наполеон убедится в справедливости своих требований, потом усилит их еще более и по необходимости выведет нас из терпения, заставив решиться на крайние меры, чтобы защищать свою независимость. Конечно, Швеция не может вести правильную войну; но внутри государства местные условия и дух народный представляют ему достаточные средства для обороны от несправедливого нападения, особенно если в этой войне Россия не примет участия». Бернадот уверял Чернышева, что, возбудив народный дух и руководя им несколько разумно, можно достигнуть того, что император Наполеон найдет в Швеции вторую Испанию; между тем Франции следовало бы избегать подобных бедствий, потому что он, хотя и брат короля Иосифа, но, к прискорбию, совершенно убежден, что Наполеону не дожить до окончания этой злополучной войны. «Но вы можете оказать величайшую услугу Швеции, — продолжал Бернадот, — если скажете императору Наполеону, в каком бедственном положении она находится и что ей грозит разорение. В таком случае, быть может, он и отступит от своих требований. Неужели, — говорил он, — шведский народ и я не можем рассчитывать только на то, чтобы он не мешался в дела маленького уголка земли, находящегося на краю света, который желает только спокойно заниматься своими делами».

Резкость французской политики, не обращавшей никакого внимания на местное положение Швеции и внутреннее ее устройство, и тре-

бования, заявляемые с наглою грубостью представителем Франции в Стокгольме, довели Бернадота действительно до раздражения, которое он не всегда умел скрывать, и развили его старинное нерасположение к императору Наполеону до ненависти. В конце разговора с Чернышевым он не выдержал и начал укорять Наполеона в неблагодарности за те важные заслуги, которые он ему оказал во многих случаях его жизни. Излагая их с подробностью, он, между прочим, указал на весьма важный случай. Во время последней войны с Австрией (в 1809 г.), когда Наполеон находился в Шенбрунне и вел переговоры о мире, удалив из армии Бернадота, которым был недоволен, англичане сделали высадку к берегам Голландии, на остров Вальхерн. Не считая возможным ослаблять находившиеся под его рукою войска, когда заключение мира еще не было обеспечено, Наполеон предписал составить войско из местных сил, остававшихся во Франции, и двинуть его против англичан. Начальство над этим войском вверено было Бернадоту, как единственному опытному маршалу, находившемуся в то время в Париже. «Когда я был в Антверпене, партия недовольных — а их было весьма много в это время, — говорил он Чернышеву, — предлагала мне стать во главе правительства, пользуясь отсутствием Наполеона и затруднительным положением, в котором он находился. От меня зависело возбудить междоусобную войну во Франции, которая, для благоденствия Европы, поставила бы Наполеона в ужасное положение. Но, сохраняя мою верноподданническую присягу, я отверг это предложение. Наполеон знал о моем поступке и не оценил его». Не менее выразил раздражения Бернадот, когда заговорил о Дернаоте, посланнике датского короля, которого называл покорным слугою барона Алькье и который способствовал наиболее своими происками и донесениями тому, что Швецию принудили объявить войну Англии. «Я гораздо более, — сказал наследный принц, — мог бы причинить зла Дании, нежели она Швеции; чтобы отомстить ей, мне стоило бы только послушаться призыва соседнего народа, желающего освободиться от ига Дании и соединиться со Швецией. Это единственное приобретение, которого, может быть, могла бы желать впоследствии Швеция для того, чтобы иметь естественные границы; но строго следуя моей системе и не желая завоеваний, которые считаю бедственными для народов, я останусь покойным, пока природный враг Швеции не выведет ее из терпения».

В таком условном виде в первый раз было выражено наследным шведским принцем желание приобрести впоследствии Норвегию.

Отдавая отчет императору о своем посольстве, Чернышев писал, что считает себя счастливым, что оправдалось на деле все то, что он сообщал о характере наследного принца. «Он говорил со мною так

откровенно и с таким чувством, — писал Чернышев, — что я не могу не верить его словам. Он, конечно, не преданный Наполеону человек; его самолюбие слишком уязвлено, и он совершенно потерян для Франции. Свою откровенность он довел до того, что сказал мне: «Швеция бедна, и потому я должен извлечь из Франции все — до последнего рубля моего там имущества». Что касается до его чувств в отношении к России, то я осмеливаюсь уверить Ваше Величество, что он искренно расположен к нам, и если мы будем щадить его, то вполне можем на него рассчитывать. Ваше Величество можете быть совершенно покойны насчет Финляндии и даже располагать свободно частью войск, которые там находятся, потому, во-первых, что Швеция не имеет средств для наступательной войны, ни денег, ни строевых войск, ни продовольствия, и во-вторых, что наследный принц слишком убежден, что все выгоды Швеции состоят именно в том, чтобы искать покровительства и защиты Вашего Величества, — поэтому он будет действовать согласно с Вашими желаниями*.

Бернадот не только искренно так думал, но мог и выражать свой взгляд Чернышеву, конечно, втайне, как уполномоченному державы, еще не разорвавшей союза с Наполеоном, потому что общественное мнение Швеции уже совершенно отвернулось от Франции. После приезда Бернадота шведы надеялись, что император Наполеон поможет им деньгами и войсками вновь отторгнуть Финляндию от России; но вместо того последовали непрерывные настойчивые требования его политики, выражаемые повелительно и грубо его представителем в Стокгольме и вынудившие Швецию объявить войну Англии, которая могла уничтожить ее благоденствие. Неудовольствие против Франции сделалось в Швеции всеобщим; все сословия одинаково резко выражали свою ненависть к ней. Наследному принцу с трудом удавалось, при свободе шведской печати, удерживать появление сочинений против Наполеона и еще с большим трудом, при всеобщей ненависти к французам в это время, не утратить расположения к нему шведов**. Несмотря на трудное положение, он вышел из него с успехом и, по свидетельству Чернышева, пользовался всеобщим доверием, конечно, и потому, что вынужден был смотреть сквозь пальцы на торговлю с Англией, без которой Швеция и существовать не могла.

Из Стокгольма, через Зунд и Бельт, с большими затруднениями Чернышев приехал в Данию и через 14 дней был уже в Париже. Его посольство на этот раз было особенно затруднительно; он был как бы представителем двух держав, снабженный собственноручными пись-

*Письмо Чернышева к императору Александру из Стокгольма от 7-го декабря 1810 г.; его же донесение из Парижа от 3/15-го февраля 1812 г.

***Stedingk. Mémoires posthumes. t. III, p. 297 ff.*

мами как русского императора, так и наследного шведского принца к императору французов. Сверх того и барон Алькье поручил ему доставить его донесение графу Шампаньи, в котором он уведомлял, будто Бернадот желает привлечь Данию к тайному покровительству английской торговли. Чернышеву предстояло показать, что Россия в отношении к Швеции действует совершенно согласно с видами Франции, между тем как она изменила уже свою политику в этом отношении, а также, что Швеция охотно покоряется воле Наполеона, насколько это возможно, но в то же время и стараться, чтобы император французов смягчил свои требования.

Какую ни придавал император Наполеон важность сношениям с Россией в это время, однако же при свидании с Чернышевым, после обычных приветствий и получив письмо императора Александра, прежде всего заговорил с ним о состоянии дел в Швеции и о Бернадоте. Не владея течением своих речей, он долго и непрерывно говорил; но вся его речь состояла из многочисленных вопросов, на которые он однако не давал времени отвечать Чернышеву. Наконец, доносил Чернышев императору Александру, *когда император Наполеон позволил ему говорить*, он отвечал ему, что император Александр, по возвращении его в Петербург и после пяти-шести дней отдыха, намерен был послать его в Стокгольм, чтобы своими представлениями поддержать требования, предъявленные им Швеции в отношении к Англии и тем представить новое доказательство своей дружбы к Франции. Узнав потом, что настояния барона Алькье уже увенчались успехом, он все-таки счел нужным отправить его в Париж через Стокгольм с поручением объяснить шведскому правительству, что виды нашего кабинета совершенно одинаковы с видами Франции, и засвидетельствовать о совершенном согласии между обеими империями. Судя по тому, что король шведский говорил Чернышеву, последний выразил мнение, что шведское правительство решилось строго соблюдать те обязательства, которые возлагает на их страну объявление войны Великобритании.

Представив затем письмо Бернадота, Чернышев говорил, что наследный шведский принц поручил ему заявить его скорбь по случаю того ужасного положения, в какое поставлена Швеция после объявления этой войны, которой она не имеет никаких средств поддерживать. Притом, несмотря на искреннее желание короля и самого наследного принца, чтобы заслужить благосклонность императора Наполеона, они не могут исполнить других его требований в отношении к колониальным товарам, которые уже ввезены и находятся в пределах Швеции. Конституция страны запрещает им наложить на них руку, а прибегнуть к государственному перевороту они опасаются, потому что это

погубит их самих. Несмотря на то, наследный принц дает положительные уверения, что шведское правительство строго исполнит все принятые им обязательства в отношении к англичанам, не будет продолжать с ними никаких сношений, прекратит торговлю с ними и даже вооруженною рукою готово противиться ввозу их товаров.

«Я предсказал наследному принцу, — отвечал император Наполеон, — в какое затруднительное положение он себя поставит и какие произойдут последствия, если он не уничтожит эту конституцию. Не стоило и царствовать, не имея возможности действовать свободно и будучи рабом народа беспокойного и своевольного. Одна уже свобода печати представляется чудовищным явлением и противным королевской власти, особенно у народа тревожного и не отдающего себе отчета в том, чего он хочет. Надеется ли он, когда достигнет престола, действовать лучше, нежели его предшественник король?»

Свободные учреждения вообще какой бы то ни было страны возбуждали ненависть императора Наполеона, а конституция Швеции по преимуществу, потому что она препятствовала ее правительству так же безусловно исполнять его приказания в отношении к торговле с Англией и в распоряжении своими подданными, как исполняла их Дания, которая снабжала его корабли своими матросами и конфисковывала английские товары. Но этим учреждениям Швеции и был обязан своим избранием маршал Бернадот и сам считался их защитником даже во Франции. По личному убеждению, он не мог их уничтожить, да едва ли имел достаточную для того силу, если бы даже, в угоду императора Наполеона, и решился на такой государственный переворот. Вопрос, предложенный Наполеоном, поставил Чернышева, конечно, в затруднительное положение, но он должен был отвечать на него.

«В продолжение немногих дней, которые я провел в Стокгольме, — говорил он, — я заметил однако же, что наследный принц успел заслужить доверие короля и преданность народа, который весьма расположен к нему, как мне известно из верных источников». Заметив, что своим влиянием ему удалось даже достигнуть того, что в печати не появляется сочинений, которые могли бы оскорблять какое-нибудь из европейских государств, Чернышев поспешил обратить разговор к другим предметам.

Барон Алькье, не подозревая настоящей цели посольства Чернышева в Швецию и с полной самоуверенностью считая русский кабинет совершенно покорным исполнителем требований Наполеона, выразил ему откровенно свой взгляд на действия наследного принца и вообще Швеции и даже поручил ему доставить его депешу графу Шампаньи. Чернышев подозревал, и весьма основательно, что в этой депе-

ше он сообщал французскому министру иностранных дел то же известие, которое на словах передавал ему, именно — будто бы наследный принц приглашает датское правительство действовать совокупно со Швецией в пользу торговых сношений с Англией, следовательно, желает отвлечь ее от покорности тюильрийскому кабинету, и с этою целью отправил в Данию особого агента, полковника Седерстрёма. Из разговоров с наследным принцем Чернышев заметил его презрение к датскому посланнику, которого он считал подручником и наушником Алькье, и его недоверие вообще к датскому правительству; поэтому Чернышев был убежден, что Бернадот не мог обратиться с подобным предложением к Дании. Считая таким образом известие, сообщаемое французским посланником при шведском дворе, одним из вымыслов, направленных к тому, чтобы более и более раздражать императора Наполеона, он счел долгом смягчить то впечатление, которое оно могло произвести на него. Потому, заявив о нем как о слухе, он выразил сомнение в его справедливости, так как заметил из слов короля и наследного принца, что вообще между шведским и датским правительствами существует неприязнь и недоверие. Полковник Седерстрём действительно находился в Копенгагене, как он узнал, проезжая чрез этот город, но с целью поблагодарить от лица наследного принца датского короля за почести, оказанные его супруге при проезде ее через Данию в Париж. Седерстрём испросил дозволения остаться несколько долее в Копенгагене для свидания с родственниками, которых у него там много. «Барон Алькье, — продолжал Чернышев, — устаивал меня полной доверенности в своих разговорах. По его мнению, положение Швеции весьма затруднительно и будет все более и более ухудшаться. Ее магазины наполнены железом, составляющим главный предмет ее торговли; чрез семь или восемь месяцев у нее совершенно не будет соли, которая ей существенно необходима, между прочим для соления рыбы, составляющей пищу большей части ее народонаселения». «Действительно, — отвечал ему император Наполеон, — положение Швеции весьма печально; но и все другие государства вынуждены переносить значительные лишения. Поэтому и Швеции следует страдать при общем страдании». Вслед затем, к изумлению Чернышева, Наполеон весьма быстро почти шепотом и с видимым волнением проговорил: *«Если англичане еще продержатся несколько времени, то я не знаю, что из этого выйдет и что я буду делать»*. Потом, как бы желая изгладить впечатление, произведенное невольно вырвавшимися словами, он начал расспрашивать Чернышева о подробностях образа жизни наследного принца, какое

носит он платье, кем окружен, хорош ли дворец, в котором он помещается, и т.п.*

Невольно вырвавшиеся слова Наполеона обличают, что он мог бы сознавать всю неисполнимость той задачи, которую так упорно преследовал; но в его гениальном уме пробуждалось сознание не для того, чтобы просветлять мысль и ограничивать волю пределами возможного, а для того только, чтобы сильнее возбудить страсть и вынудить на новые невозможные действия. Чтобы заставить Англию подчиниться своей воле, он счел необходимым подчинить себе наперед Россию, в которой видел последнюю и единственную помеху для исполнения своих замыслов, единственную преграду его безграничному произволу. Одна эта мысль поглотила всю его деятельность, и он, не упускавший ничего из виду, упустил Швецию, понадеявшись на то, что во главе ее управления стоял француз, бывший его маршал, которому он считал возможным только приказывать и обращаться с ним как со своим рабом. Чернышев не мог, конечно, выступить перед ним ходатаем за Швецию, а его описание бедственного ее положения не послужило для императора Наполеона достаточным намеком на то, чтобы смягчить свои требования. Напротив, сознавая, что для достижения своих видов он подвергает страданиям всю Европу, он считал даже справедливым, чтобы в этом общем страдании приняла свою долю участия и Швеция. Так же мало подействовало на него и письмо наследного шведского принца, которое привез ему Чернышев. «Хотя Швеция доходит до такого бедственного положения, — писал он Наполеону, — что не будет иметь средств вести войну, которую объявила, однако же ее правительство и при таком положении употребляет всевозможные усилия, чтобы поддержать ее. Но король не имеет власти предать такое широкое действие конфискациям, как это возможно в других странах. Конституция страны ограждает права личные и собственность каждого гражданина, и если бы король решился принять меру, противную конституции, то никто из его советников не согласился бы на это, и непосредственным последствием подобной меры была бы междоусобная война. Я пользуюсь доверием народа, но, без сомнения, потерял бы всякую нравственную силу с того дня, как решился бы предложить меру, которая нанесла бы удар конституции, хотя бы самый незначительный. Король готов сделать все угодное Вашему Величеству, что не выходит из пределов его власти; он не остановится ни перед каким жертвованием, чтобы доказать свою преданность Франции; но я заклиная вас, государь, принять в соображение наши средства и поч-

*Письмо Чернышева императору из Парижа от 3/15-го января 1811 г.

тить нас доверием, которого мы заслуживаем за нашу искреннюю и неизменную преданность»*.

«Вы удивитесь, — писал Бернадот в то же время принцессе Полине, сестре императора Наполеона, — когда узнаете, что между тем как все предполагают, будто я мирно пользуюсь тем блистательным положением, в каком нахожусь, я самый несчастный человек. Но вы удивитесь еще более, если я вам скажу, что все причины моих несчастий проистекают от Франции, моего отечества, которому я служил, которое защищал с оружием в руках тридцать лет и которое я оставил с душой, угнетенной грустью и сожалением». Далее в этом письме Бернадот прямо говорил, что Швеция не может вести войну, которую Франция заставила ее объявить, что ее существование отдано в жертву Англии и совершенно зависит от последней. Бернадот надеялся, что любимая сестра Наполеона может оказать ему пособие; но она боялась и говорить об этом письме, утратив все значение при дворе своего брата, который после женитьбы на австрийской эрцгерцогине, не расположенной к ней, считал нужным смотреть иначе на легкое поведение принцессы Полины.

Все мольбы Швеции, выраженные в письмах наследного принца, император Наполеон оставлял без ответа и крайне грубо обращался с ее посланником при его дворе. Во время приемов дипломатических чинов всех государств он не только не говорил с ним ни слова, но, как бы не признавая его присутствия, оборачивался к нему спиной. Его министерство усиленно настаивало на запрещении всяких торговых сношений с Англией и на строгом преследовании ее товаров. Его посланник при стокгольмском дворе доводил требования Франции до последней степени неучтивости. Конечно, личный характер барона Алькье имел влияние на его образ действий, но тем не менее он согласовался и с теми наставлениями, которые получал от своего правительства.

В начале 1811 года болезнь шведского короля так усилилась, что опасались скорой его смерти, и все управление страной перешло в руки наследного принца. Ввиду неопределенного положения дел между Россией и Францией, опасаясь постоянных преследований Наполеона, Бернадот выразил его посланнику мысль, что *нуждается в его советах* и желал бы заключить с ним союз, полагая возможным обеспечить нейтралитет Швеции при ожидаемой войне. Наполеон воспользовался этим предложением, конечно, с иными видами и поручил барону Алькье войти в переговоры, но вести их, не приводя ни к каким определенным заключениям, потому что этот союз он желал заключить только в случае *войны с Россией*, о которой избегал говорить в это время,

*Письма к императору Наполеону и принцессе Полине от 21-го декабря 1810 г. н. ст.

далеко еще не окончив свои приготовления к ней и озабоченный плохим положением своих дел в Испании. Но отдаляя заключение союза, увлекая неопределенными переговорами, Наполеон в то же время настаивал на том, чтобы наследный принц принял решительные меры против торговли с Англией. Не довольствуясь однако же подобными требованиями от государей своих союзников, он сам распоряжался за них, и его каперы, пользуясь правом плаванья в водах союзных с ним держав, ловили не только английские суда, нагруженные товарами, но и принадлежавшие России, Дании и Швеции. При захвате шведских судов французским капером в Штральзунде произошла стычка между шведскими конскриптами и экипажем французского судна. Это случайное обстоятельство, вызванное разбойническими действиями французских каперов, император Наполеон считал за оскорбление Франции и предписал своему посланнику потребовать удовлетворения от шведского правительства, хотя честь Франции не была оскорблена в этом случае, ибо местные власти арестовали виновных и несколько времени продержали их в заключении. Это требование барон Алькье выразил в ноте, наполненной дерзкими и оскорбительными выражениями против Швеции и ее правительства. Шведский министр иностранных дел просил его заменить эту ноту другою, отказываясь принять ее и довести до сведения короля в том виде, как она была написана. Вместо того Алькье ту же самую ноту отправил прямо к наследному принцу, уведомив, что не войдет ни в какие более сношения с бароном Энгерштрёмом. Наследный принц, со своей стороны, не желая доводить отношений с Францией до явного разрыва, уговаривал его точно так же изменить эту ноту; но, встретив упорное сопротивление со стороны французского уполномоченного и грубые упреки шведскому правительству, отказался ее принять и разгорячась, выразил со своей стороны упреки его образу действий как в отношении к Швеции, так и лично к нему*.

Французское правительство, которое барон Алькье немедленно уведомил об этом происшествии, тайно выразив неодобрение своему посланнику в отношении к шведскому правительству, как бы подтвердило их разрывом дипломатических с ним сношений. Оно перевело Алькье посланником в Копенгаген, никого не назначив на его место к стокгольмскому двору.

В таких неприятных сношениях с Францией прошел 1811 год для Швеции. В начале следующего года совершились два важные для нее происшествия. В январе месяце наш посланник получил депешу графа

*Нота бар. Энгерштрёма к гр. Стедингу от 19-го февраля н. ст. 1811 г. *Bignon. Hist de l'Empire*, ch. XXIX.

Румянцева*, в которой канцлер поручал ему сообщить наследному принцу желание императора лично познакомиться с ним и выбрать время и место для их свидания. Барон Николай представил ее в подлиннике наследному принцу, и тот прочел ее вслух с большим вниманием. «Я не могу описать того выражения, — доносил наш посланник графу Румянцеву, — какое приняло лицо наследного принца во время чтения, явно обнаруживавшее, что он сильно тронут тем вниманием, которое оказывал ему наш государь. Потом его королевское высочество сказал мне: «Заметьте, прошу вас, что я глубоко проникнут признательностью к этому новому знаку доверия, которое оказывает мне император. Я чрезвычайно этим обрадован и могу присовокупить, что и король, которого я предупредил о сообщении, какое вы мне делаете, также весьма доволен. По приказанию императора я готов отправиться для свидания туда и в то время, какое угодно будет ему назначить. Я отдаю себя в полное его распоряжение, чего, конечно, не сделал бы ни для какого другого государя. Если бы император Наполеон пожелал иметь свидание со мною, то я назначил бы долину, на которую каждый из нас приехал бы во главе эскадрона; но для свидания с императором Александром я отправлюсь один туда, куда он назначит. Я прошу вас сообщить об этом и графу Румянцеву». Получая постоянные известия о той поспешности, с которою император Наполеон готовится военные средства и передвигает свои войска, приближая их более и более к пределам России, Бернадот полагал, что военные действия начнутся скоро, и потому опасался, что император Александр должен будет отправиться к войскам, а это может отсрочить его свидание с ним. «В таком случае, — прибавил Бернадот, — я буду письменно и постепенно сообщать императору мои мнения. Я желаю славы и счастья императору Александру. Его слава будет славою всей Европы; его счастье будет счастьем всего человечества. Я уверен, что вы весьма скоро встретите неприятеля со всеми его физическими и моральными силами».

Бернадот очень хорошо понимал, что сила Наполеона заключается не в одних его войсках, что им предшествует и пособляет проповедь идей, провозглашенных революцией, которыми Наполеон лишь прикрывал свой деспотизм, но которые могли увлекать умы, угнетенные средневековым рабством. «Надо действовать повсюду на направление умов, — говорил шведский наследный принц нашему посланнику, — мне кажется, что чем скорее император Александр провозгласит себя польским королем, предоставив большие выгоды стране, тем это будет лучше. В Германии надо распустить слух о громадном количестве

*Депеша гр. Румянцева от 31 декабря 1811 г.

русских войск, преувеличивая даже их число, и о том, что им идут на помощь 60 тысяч шведов и будут действовать в тыл французской армии. Надо привлечь к себе Австрию и особенно увлечь эрцгерцога Карла, указав ему в будущем на корону баварскую или итальянскую. Мне весьма неприятно, что ваш мир с турками до сих пор не заключен. Я действую в Константинополе; но для вас настало теперь время нанести сильный удар с этой стороны; забудьте о Персии, сосредоточьте ваши силы, нападите на турок и, разбив их, предложите им мир на возможно выгодных для них условиях и никак не увеличивайте ваших требований. Необходимо образовать большую силу в защиту блага человечества. Самая тесная связь между Россией и Швецией уже не может подлежать сомнению; настало время, когда она должна быть заявлена перед целым миром; но к этому союзу следует привлечь Турцию, Австрию, Пруссию, Англию и Испанию. Надо распространить в этой стране мысль, что император Александр сочувствует делу испанского народа, поощрить юнту, и это окажет великое влияние на весь народ. Я люблю короля Иосифа, но и умею отделить это чувство от того, которое я питаю к человечеству. Я особенно прошу вас обратить внимание на это и заявить, что не только желаю, но и прошу его величество не давать большого генерального сражения, но маневрировать, отступать, затягивать войну надолго; таков должен быть способ действий против французов. Если война продолжится два года, то я обещаю, что они будут побеждены. Генералы будут сражаться храбро — в этом и сомнения быть не может; но многие из них при продолжительной кампании перейдут на нашу сторону. Лучше постоянно отступайте, но не решайтесь на сражение, и если французы подойдут даже к воротам Петербурга, то и тогда я с большою уверенностью скажу, что они пропали, нежели даже в том случае, если бы ваши войска достигли берегов Рейна».

Таким образом, план действий, который советовал принять Бернадот, совпадал в общих чертах с тем, на котором останавливалось и наше правительство: не вступать в решительные сражения, заманивать неприятеля вглубь страны, истощать его силы переходами и действиями отдельных отрядов, а между тем действовать на его фланги и тыл, стараясь отрезать его сообщения. Но Бернадот не знал боевых сил ни России, ни Франции. «Я предполагаю, — говорил он нашему посланнику, — что войска Наполеона будут состоять из 250 тысяч; но будьте уверены, что с вами будут сражаться только 150 тысяч; остальные ему необходимо оставить в своем тылу. Я особенно советую вам действовать казаками, доводите их число до 12000, если это возможно. Это войско составляет большое преимущество вашей армии перед французскою, у которой нет ничего подобного. Пусть главною целью казаков будет

проникнуть в неприятельскую главную квартиру и даже захватить самого Наполеона. Вообще, пусть они стараются разрушить все в тылу неприятельской армии. Французский солдат дерется хорошо, но если он узнает, что у него отнимают солому и лекарство, он падает духом; не берите пленных, кроме офицеров. Но мы должны действовать политикою еще более, нежели войсками, и когда войска сделают один шаг, политика должна сделать три»*.

Второе происшествие, вынуждавшее, с одной стороны, Швецию приступить окончательно к союзу с Россией, а с другой, — и Россию принять более решительные меры для заключения этого союза, было именно занятие французскими войсками шведской Померании, о котором наследный принц заявил нашему посланнику. «Теперь мы свободны от всех обязательств в отношении к Франции», — сказал барон Энгерштрём нашему посланнику. Узнав об этом, канцлер империи, по повелению императора, писал к барону Николаи**, что такое явное насилие и *во всякое время* было бы неприятно его величеству, но в *настоящее время* оно оскорбляет его особенно, а потому император, колеблясь, поручает вам объявить наследному принцу свое соболезнование и выразить по случаю этого важного для Швеции обстоятельства не бесплодные лишь уверения в дружбе, но то убеждение, что император решился не отделять своих выгод от выгод Швеции, и что никакое предложение Наполеона, как бы оно ни было благоприятно для России, не заставит его изменить этому убеждению***. Но в то же самое время, как была отправлена депеша, шведское правительство решилось отправить особого посланника в Петербург именно для заключения союза с нами. Это поручение возложено было на адъютанта короля графа Лёвенгельма, которого Бернадот снабдил следующим письмом к императору****. «Занятие шведской Померании французскими войсками вынуждает короля отправить к Вашему Величеству доверенное лицо, которое объяснит причины вторжения, совершенно противного всем договорам. Берега Средиземного моря, Голландия и Балтика, постепенно забираемые под власть Франции, а также Германия, стесненная внутри, показывают самым недальновидным государям, что все правила политики устранены, и их место заступила система, разрушающая всякое равновесие, соединяя множество народов под властью одного. Подвластные государи, испуганные этим постоянно возрастающим владычеством, с ужасом ожидают дальнейшего развития

*Депеша бар. Николаи от 29-го января (10-го февраля) 1812 г.

**Депеша бар. Николаи от 21-го января (2-го февраля) 1812 г. из Стокгольма.

***Депеша гр. Румянцева от 25-го января 1812 г.

****Депеша бар. Николаи от 26-го января (7-го февраля) 1812 г.

этой системы. Во время этой всеобщей скорби взоры всех обращаются на Ваше Величество; все смотрят на Вас, государь, с верою и упованием. Но позвольте заметить Вашему Величеству, что во всяком успехе в жизни ничто не может сравниться с обаянием первого момента; пока продолжается сила этого обаяния, все покоряется тому, кто первый возьмется за дело; умы, пораженные удивлением, неспособны рассуждать, и все преклоняется пред волею и силою обаяния, которых бояться или которые их привлекают»*.

Последние строки этого письма показывают, что Бернадот вызвался даже начать военные действия против Франции, что действительно входило в его соображения. Через несколько дней после этого письма, встретив нашего посланника на балу у Браге (Brahe), наследный принц сказал ему: «Взоры всей Европы, всего человечества устремлены на императора Александра. От сохранения России зависит будущая участь всех нас. Для защиты нашего дела я готов пролить кровь до последней капли. Но, — прибавил он, — необходима настойчивость: эта война только тогда может быть успешна, когда долго продлится, по крайней мере, два года»**.

Таким образом, оба двора в одно и то же время приступили к осуществлению одной и той же мысли, то есть к заключению оборонительного и наступательного союза между собою, к которому намеревались привлечь Англию и таким образом превратить его в общий союз северных держав. Без сомнения, граф Лёвенгельм был принят с полною благосклонностью императором Александром, и немедленно, по обоюдному согласию, были утверждены предварительные условия союзного договора. Эти условия заключались в том, что обе державы обеспечивали взаимно целостность своих владений. Такое условие имело важное значение для России, только что присоединившей к империи шведскую Финляндию и Аландские острова, потому что окончательно отклоняло всякую мысль со стороны Швеции о их возвращении. Но взамен этого условия, важного для России, она допустила другое, выгодное для Швеции: русский император обещался оказать содействие в присоединении Норвегии к Швеции, вследствие ли мирных соглашений с Данией, вознаградив последнюю другими областями в Германии, или силою оружия. Но, обещаясь помогать Швеции в приобретении Норвегии, Россия выговорила и помощь с ее стороны против общего врага; Швеция обязывалась образовать корпус войск из 25 или 30 тысяч человек, к которому Россия присоединяла своих от 15 до 20 тысяч.

*Письмо Бернадота от 6-го февраля н. ст. 1812 г. из Стокгольма.

**Депеша Николаи от 29-го января (10-го февраля) 1812 г. из Стокгольма.

Этот союзный корпус под начальством Бернадота в случае нужды должен был действовать против Норвегии, а потом высадиться на берега Германии для действия во фланг французам. К этому союзу обе державы положили привлечь и Англию*.

Но прежде, нежели эти условия были облечены в форму предварительного договора, после нескольких совещаний графа Лёвенгельма с канцлером графом Румянцевым, император Александр отправил в Стокгольм генерала Сухтелена в качестве чрезвычайного уполномоченного, поручив ему наиболее важные известия сообщать непосредственно и помимо министерства иностранных дел наследному принцу. Генералу Сухтелену поручено было доставить ему следующее письмо императора: «Спешу отправить в Стокгольм генерала Сухтелена, чтобы докончить так хорошо начатое дело тесного союза северных государств. Только этот союз может служить противодействием постоянно возрастающему могуществу Франции, опирающейся на зависимые от нее государства. Швеция и Россия подают пример, и можно надеяться, что ему последуют и другие государства. Высокие дарования вашего королевского высочества принесут существенную пользу этому великому делу. Вам предстоит играть великую роль, идя по стопам Густава-Адольфа, и довершить то, что он мог только начать. Но к этим политическим видам присоединяются другие, гораздо более существенные, по моему мнению. Они состоят в том, чтобы возродить снова либеральные идеи в Европе, предохранить ее от того варварства, к которому она приближается такими быстрыми шагами, и обратить ее внимание к заботам о счастье бедного человечества, угнетаемого таким жестоким образом и в продолжение стольких лет. Что касается до меня, то я готов содействовать великим видам Вашего Высочества, и Вы постоянно будете находить во мне друга и соперника, а не соперника, ревнивого к славе. Мне кажется, что содействовать ей — уже достаточно хорошее призвание. Его-то я желаю исполнить. Необходимо, чтобы полнейшая доверенность сопутствовала всем нашим действиям: только она одна может обеспечить нам успех. Я, со своей стороны, обещаю Вам, что никаким тайным видам, никакой задней мысли я не позволю занять мой ум ни на одно мгновение и требую взаимности в этом отношении. Я позволю себе сказать, что по нашим взаимным чувствам мы созданы для того, чтобы во всем быть согласными, и, к счастью, выгоды наших государств так сложились, что обязывают нас к согласным действиям. Божественное Провидение да увенчает успехом

*Предварительный союзный трактат, подписанный 24-го марта (5-го апреля) в Петербурге гр. Румянцевым и гр. Лёвенгельмом.

предприятие, которого целию служит счастье людей и стран, Им населенных; а Ваше Высочество я усердно прошу содействовать мне вашими советами и познаниями»*.

Нельзя не остановить пристального внимания на этом письме императора, послужившем поводом к постоянной переписке с наследным шведским принцем, продолжавшейся во все время Отечественной войны. Оно проникнуто такою искренностью, таким доверием, что невольно возбуждается вопрос: каким образом француз, бывший маршал Наполеона, соединенный даже узами родства с его семейством, сражавшийся еще недавно под его начальством против России и случайно введенный в сонм государей, мог внушить к себе не только такое доверие со стороны русского императора, но и личное расположение?

Конечно, политические соображения требовали употребить все старания, чтобы Швеция не соединилась с французами против нас, но или оставалась нейтральною, или — что еще важнее — вступила в союз с нами. Но политические соображения не могут создать личных чувств к человеку, хотя бы и нужному по обстоятельствам времени. Император не изменял своих личных чувств в отношении ко многим лицам, услугами которых именно в это время считал себя вынужденным обстоятельствами воспользоваться, или удалить от общественной деятельности тех, к кому питал личное расположение, которое сохранил и впоследствии. Весь образ действия маршала Бернадота с тех пор, как он вступил на шведскую почву, в отношении к России действительно мог внушать доверие к его политическим воззрениям. Даже его враги, легитимисты и поклонники Бурбонов, недоверчиво и презрительно относившиеся к нему, изменили в это время свой взгляд. «Ваше Величество с удивлением заметите невероятную странность совершающихся событий, — писал в это время сардинскому королю граф де Местр, — законный государь теряет престол, потому что против всех правил благоразумия желает продолжать войну против Франции, а его преемник — и какой преемник! — сам объявляет ей войну. Но за него Россия, а Швеция составляет остров, если Россия за нее. Если человек, призванный таким непостижимым образом на престол Швеции, явится на континенте, чтобы драться против бывшего своего государя, то Наполеон встретит в нем самого большого и опасного врага. Я не знаю, государь, что сделает этот человек, но я хорошо знаю, что он имеет все, чтобы сделать многое, потому что нужно же обладать значительными достоинствами, чтобы подчинить себе общественное мнение, как он сделал в Швеции. Если он сделает пролом как солдат, то многие государи могут пройти в него, как в руках швеи

*Письмо из Петербурга от 26-го февраля 1812 г.

железная игла заставляет проходить золотую нитку, которая и остается на своем месте, тогда как ломкое орудие становится уже ненужным. Я желаю, чтобы сравнение до конца осталось верным, потому что не должно и невероятно, чтобы он сделался основателем династии»*. Но не таков был взгляд (не оправданный потом событиями), который имел император Александр на личность наследного принца шведского. Он не смотрел на него как на орудие, очень полезное в данное время, но которое впоследствии можно бросить по ненадобности; он выражал чувства искренней дружбы к Бернадоту. На чем же она могла быть основана, что было общего между ними? Император сам отчасти объясняет это. Маршал Бернадот слыл защитником так называвшихся в то время либеральных идей и потому — врагом наполеоновского деспотизма. Сверх того, в глазах императора имела важное значение боевая опытность Бернадота, как бывшего маршала Наполеона и потому близко знакомого с его военными соображениями и распоряжениями. Потому, возвышая его дарования в этом отношении, Александр просит у него советов и указаний и таким образом вызывает уже на дальнейшую переписку.

Граф Сухтелен отправился из Петербурга в конце февраля, а 8-го марта уже прибыл в Стокгольм, совершив трудный переезд по льду Ботнического залива. Барон Энгерштрём немедленно уведомил короля и наследного принца о его приезде и просил его в тот же день повидаться с ним, или же на другой день, если он «чувствует необходимость отдохнуть после столь трудного путешествия»**.

Жребий Швеции был брошен; она отдавалась в руки России, и потому приезд Сухтелена естественно возбудил нетерпеливое любопытство, в особенности наследного принца. Он знал уже, как был принят в Петербурге граф Лёвенгельм, и, благодаря за этот прием, говорил нашему посланнику: «Уверьте императора, что какие бы ни последовали обстоятельства, счастливые или несчастные, в каких будет находиться его величество, я и Швеция останутся ему верными союзниками. Смеем думать, что с тех пор, как Наполеон возвысился до звания первого консула, все уже видели, что я не принадлежу к числу обыкновенных

*К письму от 2/14-го февраля приписка 3/15-го февраля 1812 г. *Correspondance diplomatique de J. de Maistre*, t. I, pp. 52 et 53.

**Депеша бар. Николаи к гр. Румянцеву от 8/20-го марта 1812 года; *J. de Maistre, Correspondance diplomatique*, t. I, p. 78: «Le vieux général s'est conduit en jeune homme, arrivé aux îles d'Aland, il a trouvé que la glace commençait à céder; il a donc mis un bateau sur deux patins, il s'est mis dedans avec son aide-de-camp et son portefeuille et il s'est lancé dans ce bel équipage, flottant ou glissant, suivant l'occasion; il est arrivé heureusement»; Письмо бар. Энгерштрёма к Сухтелену 8/20-го марта.

людей. С того мгновения, как я стал ногою на шведскую почву, я уже предал совершенно забвению все мои прежние чувства и заботился только о благе моего нового отечества. Я убежден, что Швеция на будущее время должна крепко держаться союза с Россией, которого узы еще более скрепляются для меня моими личными чувствами к вашему императору. Я много раз уже говорил вам в этом смысле и снова повторяю вам то же для того, чтобы заметить, что при нашем союзе не должно быть места для сомнений и подозрений. Напишите вашему кабинету от моего имени, что только слабость и происки наших неприятелей могут возбуждать сомнения в твердости нашего союза и что, будучи уверен в самом себе и в чувствах императора Александра, я не изменю моего образа действий»*.

Главная цель посольства Сухтелена в Швецию заключалась, конечно, не в том, чтобы передать наследному принцу на словах главные условия союза, заключаемого Россией со Швецией, так как эти условия были ему известны из сообщений графа Лёвенгельма; цель посольства была иная. С одной стороны, при содействии шведского правительства ему поручалось привлечь к этому союзу Англию, дипломатический агент которой, сэр Тортон, тайно находился уже в Швеции, а с другой — уговориться с наследным принцем о составе и переправе в Швецию русского вспомогательного корпуса, который должен был поступить под его начальство и, вместе с шведскими войсками, действовать во фланг Наполеону. Ему также поручалось сообщать императору военные соображения наследного принца, которым он придавал особенное значение. Сухтелен, как военный генерал, весьма образованный, мог, по мнению императора, успешно исполнить это поручение, и потому Александр поручал ему писать об этом непосредственно на свое имя.

По приезде в Стокгольм генерал Сухтелен почти ежедневно виделся с наследным принцем, причем постоянно заходила речь о том, как следует действовать против Наполеона, тем более, что Сухтелен сам вызывал на это Бернадота. Все его соображения он сообщал подробно в письмах к императору.

Бернадот не придавал безусловного значения наперед составленным планам военных действий. Многие из них, по его мнению, оказывались неудачными при самом начале кампании, потому что неприятели, поняв план своего противника, предупреждали своими действиями его исполнение. Но если даже и удалось бы начать приводить такой план в исполнение, то при дальнейшем ходе дел он мог бы быть исполнен лишь отчасти, в большей или меньшей степени, смотря по тому,

*Депеша бар. Николаи к гр. Румянцеву 20-го февраля (2-го марта) 1812 г.

как будет действовать противник. Но для всякой войны есть однако же не зависящие от обстоятельств общие правила, основанные на соображениях о местности, характере неприятеля, свойствах самих войн и средствах той и другой из воюющих сторон. В том положении, в котором тогда находилась Россия в отношении к Франции, ей всего выгоднее было, по мнению Бернадота, затягивать войну на продолжительное время, потому что для нее это было возможно, а для Наполеона решительно невозможно. России не следовало рассчитывать на случайность, и потому необходимо было избегать больших сражений; гораздо лучше было по возможности превратить войну в ряд мелких стычек (*a guerre de postes*). Поэтому на операционных линиях для больших армий Бернадот советовал избирать позиции, крепкие по природе, и укреплять их еще более и не в дальнем от них расстоянии содержать значительные резервы; остальными же частями армии действовать на фланги неприятеля, чтобы таким образом заставить его отделить отряды от главных сил, изнурять его переходами, заставлять ходить взад и вперед, что всего неприятнее для французского солдата и в чем можно взять перевес над ним. Всего более важным условием Бернадот считал иметь как можно более казаков, и притом повсюду, но не сосредоточивать их при главной армии, где они были бы менее полезны, нежели при отдельных отрядах, а давать им действовать в разных направлениях в тылу у неприятеля, отнимая у него все, что возможно: транспорты, продовольствие. Бернадот предполагал, что русские войска не перейдут Вислу, что главное поприще войны будет между Вислой и Неманом, и что Гродно сделается средоточием действий. Он не советовал выдвигать наш центр слишком далеко вперед, но скорее наш левый фланг, если только нас не предупредит в этом случае неприятель. По его мнению, мы могли бы войти в восточную Пруссию так же, как Наполеон вошел в шведскую Померанию, без объявления войны, известив, что входим как друзья короля для сохранения ему этой области. Этим способом, быть может, еще возможно было бы привлечь к себе прусские войска. Он советовал занять Кёнигсберг, и если возможно Грауденц, но прежде всего Пиллау и блокировать Данциг, лишь только море откроется. Содержа флотилию у Пиллау, мы сохраним наше сообщение с флотом, будем господствовать в гафах и угрожать всему побережью. Пиллау Бернадот считал самым важным местом, где с 15 тысячами войска или более, смотря по обстоятельствам, мы в состоянии будем держать настороже весь левый фланг неприятеля. Для того, чтобы содержать там такое количество войск, необходимо устроить два укрепленных лагеря: один — близ города, другой — несколько впереди, при начале перешейка (*istme*). К этому надо присоединить незначительное укрепление у Лохштадта, если

только позволит местность. Действуя таким образом, мы можем сильно угрожать левому флангу неприятеля, заставить его отвлечь туда значительную часть сил и содержать большой гарнизон в Данциге. Если же он захотел бы усиленно действовать на этом фланге, тогда только наш центр мог бы двинуться вперед, угрожая флангу, который неприятель вынужден был бы нам открыть. С нашего крайнего левого фланга преимущественно должны быть направлены значительные отряды казаков и азиатских наездников. Как бы ни было значительно их число, надо стараться его увеличить еще более.

«При незначительном даже успехе, — говорил Бернадот, — будь это хотя удачное авангардное дело, необходимо распустить воззвания, которые подействовали бы на общественное мнение. Для их содержания можно найти много предметов, например, хотя все то, что намерены сделать для Польши, уничтожение Рейнского союза, восстановление германского и т.п. Одним словом, наиболее необходимо действовать на умы, а наименее драться, то есть вести правильную войну. В случае неудачи, нужно постоянство. Если бы пришлось отступить за Двину и даже до Невы, нужно только постоянно преследовать свою цель, и она будет достигнута: Наполеон так же кончит борьбу с Александром, как Карл XII с Петром I. Предположим, — говорил Бернадот, все более и более воодушевляясь, — предположим самое величайшее несчастье, какое только может быть: Петербург в опасности! Что мне помешало бы лететь к нему на помощь, посадить все войска на суда и сделать высадку в тылу французов или идти в Финляндию?» Бернадот постоянно уверял нашего посланника, что ему известно из самых верных источников, что Наполеон находится уже в крайне затруднительном положении; все средства его истощены; он не может вести войну в продолжение двух лет: у него не будет ни денег, ни людей, ни лошадей, и в это время чем далее он углубится в Россию, тем будет для него хуже. «Конечно, нежелательно, — заключал Бернадот, — чтобы дела получили такой оборот, потому что сильно пострадают области, которые будут заняты, и особенно Литва», — и потому он выражал желание, чтобы в Гродно были сооружены укрепления, хотя бы тет-де-пон* и расширены укрепления Риги.

Предлагая такой образ действий для главных русских сил, наследный принц полагал в то же время необходимым содействовать им с обоих флотов, чтобы заставить неприятеля разделить свои силы и угрожать его сообщениям. Для этой цели Бернадот предполагал сделать, с одной стороны, вылазку на берега Европы, в тыл французским вой-

*Tête-de-pont (фр.) — предмостное укрепление, плацдарм (Прим. ред.)

скам, шведских и русских войск под его начальством, а с другой — привлечь к союзу турок и, соединив их войска с нашею Дунайскою армией, действовать в Далмации и Италии. С помощью наших флотов, говорил он Сухтелену, мы можем высадиться на остров Фионию, потом в Шлезвиг и, владея обоими морями, подвигаться вперед к ганзейским городам, чтобы занять положение, угрожающее левому флангу французских войск, может быть, около Ганновера или в стране, жители которой наиболее выкажут нам расположение. Это движение вынудит Наполеона отделить значительные отряды от своей большой армии и таким образом окажет важное пособие главным русским силам. Если бы ему противопоставили такое значительное количество сил, что он был бы принужден отступать, то и в таком случае цель диверсии была бы достигнута. Он полагал отступать на Ютландский полуостров, представляющий весьма много хороших военных позиций, которые тем удобнее было бы защищать, что, с помощью флотов, он не мог бы опасаться за свои фланги, между тем как неприятель, чем более подавался бы вперед, тем более по той же самой причине подвергал бы опасности свои фланги. Неприятель никогда не мог бы ни принудить, ни помешать наследному принцу сесть на суда, чтобы сделать высадку где-нибудь в другом месте. После потери шведской Померании и острова Рюгена с тою частью, которая отошла к Пруссии, Бернадот считал этот план действий удобнее высадки в шведскую или прусскую Померанию, которая могла бы окончиться неблагополучно, если бы неприятель противопоставил ему количество сил, несоразмерно значительнее его отряда: тут сообщения наследного принца с флотом могли быть перерезаны, потому что, по неудобству берегов, флот не всюду мог бы подходить к ним.

К войскам шведским предполагалось присоединить русский отряд из 24 батальонов, четырех рот артиллерии и одного казачьего полка. Бернадот очень был доволен, что в русском отряде, назначаемом под его начальство, будут находиться казаки, которых значение во время войны он высоко ценил. Но узнав, что казачий полк состоит не более как из 500 человек, он поручил Сухтелену просить государя назначить еще один полк, а Сухтелен, который также должен был находиться при этом отряде, просил со своей стороны роту пионеров.

Выражая свои предположения о диверсии совокупных шведских и русских сил, наследный принц не выдавал их за окончательные, но только за общие мысли, которые могут изменяться сообразно с обстоятельствами. Конечно, чтобы подобная диверсия могла иметь успех, нужно было прежде всего войти в мирные соглашения с Англиею. «В каком положении находятся ваши сношения с Англией?» — спросил

он при этом случае генерала Сухтелена. Конечно, он подразумевал тайные сношения, потому что Россия, находясь в союзе с Францией и в войне с Англией, не могла явно иметь никаких мирных сношений с последнею. По этому предмету Сухтелен не мог сообщить ему никаких определенных сведений. «Как отнесется император, если я вмешаюсь в это дело?» — спросил его Бернадот. «Мне кажется, — отвечал Сухтелен, — все, что может способствовать нашему делу, было бы весьма желательно. Во всяком случае все, что Ваше Высочество сделаете от своего лица, мы можем этого и не знать, и, следовательно, император не может быть поставлен в затруднительное положение». «В таком случае положитесь уже на меня», — заметил Бернадот.

«Воспользовавшись этим разговором, — писал Сухтелен императору, — я сказал наследному принцу, что Ваше Величество поручили мне особенно благодарить его и короля за полномочие, данное графу Лёвенгельму, отправить от себя нарочного в Константинополь. Принц мне сказал, что он только этого и хочет, чтобы предупреждать ваши желания и что, если Вы одобрите, то он намерен отправить туда генерала Таваста с особенным поручением открыть глаза туркам и объяснить, чего они могут ожидать от Наполеона. Ему положительно известно, что император французов не только никогда не отказывался от прежних своих замыслов в отношении Египта, но напротив того, более ими занят с тех пор, как Франция потеряла все свои колонии. В настоящее время одним камнем он замышляет сделать два удара: под видом помощи туркам со стороны Далмации, что во всяком случае составляет диверсию против вас, он проведет войска в Морею и овладеет ею. Оттуда, захватив суда и хороших матросов, он сделает экспедицию в Египет. Наследный принц хочет указать на это туркам и объяснить им, что они не только должны заключить мир с нами, но и союз. Принц желает только знать, одобрите ли Вы его намерение».

Выслушав это предложение, наш посланник заявил, что, без сомнения, император его одобрит и что он не считает даже нужным испрашивать на это особых приказаний и только донесет о том императору.

В первые дни после приезда Сухтелена в Стокгольм Бернадот неожиданно получил странную депешу из Парижа без подписи с предложениями от лица Наполеона вступить в союз с Францией. Эта депеша была прислана с нарочным французского министерства, но от супруги наследного принца, находившейся в это время в Париже, и была написана рукою герцога Бассано. «Наследный принц 13/25-го марта получил, — уведомлял Сухтелен наше правительство, — от императора Наполеона официальную ноту, хотя без подписи, но написанную известною рукою, следовательно, имеющую все признаки подлинности. В этой ноте

вслед за лстивым предисловием и похвалами лично наследному принцу ему предлагается объявить нам войну в то время, как сделается известным, что император французов начал войну с нами, и напасть на Финляндию. За это Наполеон обещает Швеции не заключать мира с Россией, пока она не обяжется возвратить Швеции Финляндию. Сверх того, он обещает Швеции часть Норвегии, ежемесячно по полтора миллиона франков субсидии и вначале выдачу их за три месяца вперед, наконец, на 20 миллионов колониальных товаров в каких-либо немецких городах из портовых, причем шведы могут перевезти эти товары к себе или продать на месте. Наследному принцу предоставляют всевозможные для него выгоды, если он заключит наступательный и оборонительный союз с Францией, с которою уже заключили союзы Саксония, Пруссия, Австрия, Турция и другие. Требуется решительный ответ до 12-го апреля нового стиля. Наследный принц был так благосклонен, что *показал мне* эту бумагу, которую только что получил, но заметил при этом, что она не введет его в обман и что он неразрывно связал свою судьбу с Вашим Величеством. Наследный принц заметил также, что в этой бумаге упоминается об Австрии, которая, как он уверен, останется нейтральною, и нет ни слова о Дании»*.

Этот странный образ действий с независимою державою вполне соответствовал однако же как вообще характеру Наполеона, так и его настроению в это время. Он не любил Бернадота, когда он был его маршалом, за его свободные убеждения и некоторую, хотя и весьма скромную, самостоятельность в действиях; он возненавидел его, когда тот, с его согласия, принял предложение Швеции и, сделавшись наследником ее престола, несмотря на то, что выражал постоянное желание действовать в согласии с Францией, сохранял однако же свою самостоятельность и не хотел жертвовать свободными учреждениями страны, призвавшей его на престол, и ее существованием прихотливому произволу повелителя Франции. Император Наполеон, прервав все сношения с ним, считал унижительным вместо того, чтобы давать простые приказания своему бывшему маршалу, войти в правильные дипломатические сношения с ним. Но привлечь его на свою сторону он считал необходимым, начиная войну с Россией, ввиду той пользы, которую Бернадот мог ему оказать, угрожая с севера Русской империи, и особенно Петербургу. Наполеон не терял надежды на успех в этом случае, потому что верил в успех всякого своего предприятия и

*Письмо Сухтелена к императору из Стокгольма от 18/30-го марта 1812 г.; *Mémoires posthumes de Stendink*, t. III, p. 198 ff.; *Bignon. Hist. de l'Empire*, 2-me époque, t. XXXIII.

рассчитывал на то, что Бернадот все-таки француз и что, поставив на испытание его народное чувство, он вынудит его принять сторону Франции, чтобы не подвергнуть себя упреку в измене бывшему своему отечеству. Герцог Бассано в конце 1811 года жаловался одному из посланников на образ действий России, подготавливая мысль о необходимости воевать с нею; на вопрос его, может ли Франция в случае этой войны рассчитывать на Швецию, Бассано отвечал, что хотя тюльрийский кабинет имеет много причин быть недовольным поступками шведского правительства, но тем не менее надеется, что в случае войны Швеция не будет действовать против Франции. «Эти слова, — уведомлял Чернышев наше правительство, — поразили этого посланника потому особенно, что несколько времени тому назад герцог Бассано говорил ему, что на Швецию можно вполне положиться, что она будет действовать заодно с Францией по первому *приказанию* императора»*. Может быть, в это время Наполеон уже не совсем верил в силу этого приказа в отношении к Швеции, но не предполагал однако же возможности, чтобы она могла действовать заодно с врагами Франции.

Гордость препятствовала императору Наполеону войти в прямые сношения с Швецией, как он вошел с Пруссией и Австрией; но выгода союза с нею вынуждала его однако же стремиться к такому сближению. В этих затруднительных обстоятельствах он прибег к следующему средству: в Париже проживала в это время супруга Бернадота, родная сестра жены его брата Жозефа. Он поручил герцогу Бассано войти через нее в переговоры со Швецией. Но она не решилась передавать своему мужу словесные заявления министра французского императора и требовала, чтобы он изложил их письменно. Исполняя ее желание, герцог Бассано привез ей эту ноту, но без своей подписи, чтобы таким способом устранить мысль о правильных сношениях своего двора со штокгольмским кабинетом, и в случае, если Бернадот захочет разгласить эту попытку, сохранить за своим повелителем возможность отказаться от этой ноты, признав ее неправильною и потому как бы не вышедшею из тюльрийского кабинета.

Конечно, подобный образ действий мог только еще более оскорбить самолюбие Бернадота; он понял его и, показав немедленно эту ноту нашему посланнику, уверял его в желании сохранить неразрывно союз с Россией. Говоря с ним о современном положении дел, Бернадот сообщил ему, что Наполеон всеми способами привлекает Австрию в союз с ним, но, придавая веру заявлениям ее посланника, Бернадот уверял, что она не прельщается этими заманчивыми предложениями и

*Письмо Чернышева гр. Румянцеву от 7/19-го сентября 1811 г.

твердо решила сохранить нейтралитет. «Я поручил, — говорил Бернадот, — написать эрцгерцогу Карлу, чтобы пробудить его от сна, что он старейший из европейских генералов, с успехом сражавшийся со славными полководцами; что если возгорится война, то он обязан перед собою, перед своим храбрым народом, перед Европой и человечеством уговорить своего брата-императора принять участие в борьбе, от которой зависит судьба Европы. Если дела пойдут так, как следует надеяться, то в Европе окажется два или три свободные престола или придется устроить несколько новых, не считая польского. Он рожден для того, чтобы занять один из них, который сочтет более приличным для себя и для своего дома. Казалось бы, итальянский престол должен обратить на себя его внимание. Одним словом, — заключил Бернадот, — мне хотелось возбудить его; не знаю, что из этого выйдет»*.

Такое ревностное участие в приготовлениях к борьбе с Наполеоном принимал бывший его маршал. Давая советы России, предлагая свою помощь, он в то же время сносился с Англией, Турцией, Австрией и заботился о сближении нашего посланника с английскими агентами и сообщал ему различные сведения, которые получал из Парижа и Франции от прежних своих друзей. Но в это время он еще рассчитывал на то, что Пруссия и Австрия будут действовать заодно с Россией. Он понимал однако же, что Пруссия, находившаяся совершенно в тисках у Франции, не могла добровольно приступить к союзу с Россией. Этот союз мог быть только вынужден наступательными военными действиями. Убедившись, что Россия не начнет наступательной войны, он, конечно, переставал рассчитывать на Пруссию, но постоянно сохранял убеждение, что Австрия ни в каком случае не вступит в союз с Наполеоном. Он думал, что если она не заключит союза и с Россией, то во всяком случае сохранит нейтралитет, как вдруг австрийский посланник при стокгольмском дворе, неожиданно и для него самого, объявил Бернадоту, что Австрия заключила уже оборонительный и наступательный союз с Наполеоном и приглашает Швецию приступить к этому союзу. Эта новая проделка Наполеона вынудить Швецию ко вступлению с ним в союз, не входя в прямые сношения с нею, еще более раздражила Бернадота. Он осыпал упреками австрийского посланника, генерала Нейперга, который постоянно уверял его, что Австрия никогда не решится действовать против России. «Мы получили дурные известия, — сказал он Сухтелену при первом свидании с ним после заявления австрийского посланника, — но они могут только укрепить нас в нашем образе мыслей. Теперь более, нежели когда-нибудь оказывается,

*Письмо Сухтелена к императору из Стокгольма 18/30-го марта 1812 г.

что император Александр не желал войны, потому что в противном случае он давно бы начал ее, в то время, когда мог еще спасти Пруссию и предупредить союз Наполеона с Австрией; теперь надо заботиться о том, чтобы выиграть время»*.

Конечно, такое важное обстоятельство, как союз Франции с Пруссией и Австрией, должен был значительно изменить взгляды Бернадота на способ военных действий России против Наполеона. Его совет занять русскими войсками восточную Пруссию и некоторые из ее крепостей представлялся уже невозможным. После того как Пруссия вступила в союз с Наполеоном, это было бы равносильно началу наступательной войны с самою Францией. Союз Австрии с Францией, который в разговорах с нашим посланником Бернадот называл «негодным союзом» (*vilaine alliance*), особенно его озабочивал и он отыскивал способы разорвать его. Хотя Австрия — думал он — не может выставить в настоящее время для действия против России более 35 или 40 тысяч войск, но к осени их число она может увеличить до 80000. Тогда России по необходимости придется противопоставить им достаточное войско и таким образом ослабить главные свои силы, которые предназначаются для действия против французских войск. Если, как предполагал Бернадот, император Наполеон «не может вывести против нас более 220 тысяч человек, из которых едва 100 тысяч настоящих французов», то и в этом случае обстоятельства, в которые будет поставлена Россия, представлялись ему крайне затруднительными, особенно потому, что турки могут угрожать нашему левому флангу. Поэтому Бернадот советовал во что бы то ни стало заключить с ними мир и даже привлечь их к союзу с Россией, что может удерживать австрийцев в осторожном положении. Он предполагал, что можно даже ограничить пределы России течением Серета, а если настаивать на том, чтобы границей был Прут, то можно обещать туркам приобретение впоследствии Далмации или Ионических островов, также верховные права над Сербией и Черногорией, и даже в крайнем случае Трансильваниею. «Ввиду этих обещаний, — говорил Бернадот, — турки не устоят и согласятся не только на мир, но и на союз с нами».

Способный увлекаться, иногда заносчивый, французский маршал, не знакомый, конечно, с вековой политикой России в отношении к Турции, мог добросовестно предлагать, ввиду достижения главной цели, подобные уступки туркам со стороны России; возможно предположить и то, что воспитаннику революции и политики своего бывшего повелителя не приходило на мысль, что можно смело обещать то, че-

*Депеша Сухтелена от 19/31-го марта 1812 г.

го, при изменившихся обстоятельствах, можно и не исполнить и даже нельзя будет исполнить впоследствии. Как опытный военачальник, он хорошо понимал значение угрозы наполеоновским силам со стороны флангов. С севера он сам предполагал действовать совокупно с русскими, с юга он желал к подобным же действиям направить Турцию и потому вызывал Россию на всевозможные уступки ей и предлагал свое содействие, чтобы склонить Турцию к союзу с Россией против общего врага. Он объявил Сухтелену, что отправляет в Константинополь генерала Таваста с важными известиями, которые могут напугать турок, открыв им настоящие замыслы Наполеона. Несмотря на то, что его устрашал союз Австрии с Наполеоном, и он придумывал способы его разорвать: «Необходимо стараться, — говорил он Сухтелену, — всеми способами отторгнуть австрийского императора от союза с Наполеоном, обещая ему возвращение Тироля, королевство итальянское вместе с Пьемонтом, с одной стороны, и до границ Этрурии, с другой — как независимое государство для эрцгерцога Карла, королевство Этрурию — для какого-либо другого эрцгерцога, и Венецию с Истрией — для третьего, но под верховным владычеством австрийского дома. Если же она не согласится, то можно представить ей, что она сама будет виновницей великих для себя бед, особенно если действовать так, чтобы Венгрия отделилась от нее, избрав себе особого короля, и если присоединить к последней Трансильванию (в том случае, если только она не будет обещана туркам), тем более, что эта область весьма возбуждена против Австрии в настоящее время за нетерпимость в делах веры. Кстати о вере, — прибавил Бернадот, — она может служить сильным орудием против Наполеона. В числе предположений у него было и то, чтобы во всей Европе было только одно вероисповедание, все равно какое — одна церковь, которой он объявил бы себя главою. Так как он, вероятно, не склонился бы к вероисповеданию греческому, то все принадлежащие к этому исповеданию могли бы опасаться гонений. Этот предмет очень важен для возбуждения умов и может придать войне народный характер, как в Испании».

Отступление русских войск внутрь страны и прежде входило вображения Бернадота, а теперь он считал его уже делом необходимости. «Стольких соединенных врагов против России вынудят, наконец, ее войско, — говорил он, — отступить за Двину и временно, может быть, еще далее. Надо все предвидеть: и хорошее, и дурное». Он предполагал, что одна из наших армий будет отступать по направлению к Твери и Москве, другая, придерживаясь более к северу, — на Динабург, но никак не на Ригу и Нарву. В этом направлении он полагал достаточным для действий менее значительный корпус войск, который, постоянно отступая, дрался бы с неприятелем и замедлял бы быстроту его движения.

При таком расположении войск, по его мнению, можно было бы и оказать помощь Риге и Динабургу, если бы они были осаждены, действовать на фланги и сообщения неприятеля и помогать одною армией другой.

Экспедиция соединенных русских и шведских войск в Германию, так занимавшая его прежде, в это время уже не представлялась ему возможною немедленно и отодвигалась в неопределенное будущее. «Он предполагал, что, если дела пойдут уже очень дурно, чего избави Боже, — писал Сухтелен императору, — то он мог бы явиться со своею армией на главном поприще войны и принять в ней участие. В таком случае он высаdil бы войско на острове Эзеле и оттуда в Эстляндию, но для этого необходимо заготовить там продовольствие, госпитали и т.п. Он надеется, что в этом не будет предстоять нужды; но, во всяком случае, несмотря на то, что приходится отказаться от всех выгод первоначального предположения об экспедиции, он уверяет, что не задумается ни на мгновение отложить его и явится с войсками на главное поприще войны».

Без сомнения, собственная судьба и судьба Швеции должны были составлять главный предмет забот Бернадота; но нельзя не заметить, однако же, что он почти совсем не заводил речи о Норвегии. Как только русский император дал ему на это свое согласие и обещал содействовать к тому, Бернадот считал это дело уже оконченным в сущности, а его исполнение, то есть действительное присоединение Норвегии к Швеции, только вопросом времени. По петербургскому договору наше правительство обещало содействовать этому присоединению или путем мирных переговоров, или вооруженною рукою. С этой целью наш кабинет, считая необходимым испробовать первое средство прежде, нежели прибегнуть ко второму, полагал отправить в Копенгаген нашего посланника при стокгольмском дворе барона Николаи*. Когда Сухтелен извещил об этом намерении Бернадота, то последний отвечал, «что вполне сочувствует мысли императора действовать мирными способами на Данию, не прибегая к насильственным средствам, и очень бы желал, чтобы это было возможно, но сомневается в том. Он полагал, что барон Розенкранц, датский министр иностранных дел, понимает всю тягость для Дании наполеоновского ига, которое рано или поздно будет иметь гибельные для нее последствия, но что король не отступит от принятого им образа действий и притом слишком боится Наполеона. Поэтому Бернадот полагал, что посылка барона Николаи в настоящее время в Копенгаген не только не будет иметь полезных

*Союзный трактат между Россией и Швецией от 24-го марта (5-го апреля) 1812 года, подписанный гр. Румянцевым и гр. Лёвенгельмом в Петербурге, ст. III

последствий, но только встревожит Данию». Напасть на Норвегию вооруженною рукой он также считал затруднительным, хотя и делал различные предположения в случае этого нападения. Притом ему не хотелось ссориться с Данией вследствие особых причин. «Наследный принц, — писал Сухтелен, — сообщил мне за тайну, что он имеет намерение согласить датского короля, чтобы тот выдал свою дочь за его сына Оскара, которому теперь 13 лет, а принцессе, второй дочери короля, кажется, семь. Такое соглашение, кажется, весьма желательно для наследного принца».

Действительно, эта мысль весьма занимала Бернадота, и он желал, чтобы ее исполнение было так же обеспечено согласием императора Александра, как и присоединение Норвегии. Поэтому он поручил барону Энгерштрёму приготовить отдельную дополнительную статью к петербургскому договору и переговорить о ней с нашим уполномоченным.

Приготовления к сейму, который должен был открыться в Эребро, чтобы согласием народных представителей Швеции одобрить образ действий, принятый ее правительством, или лучше сказать, Бернадотом, без сомнения, должны были занимать его внимание. В Швеции еще оставались приверженцы Франции, желавшие возвратить назад Финляндию. Если они и понимали, что не могут достигнуть этого собственными силами Швеции, то современные обстоятельства давали возможность добиться того же при помощи Наполеона, призывавшего Швецию к союзу с ним именно этою ценою. Но несмотря на труды и работы по предстоявшему сейму, наследный принц поручил барону Энгерштрёму непременно до отъезда в Эребро приготовить эту дополнительную статью к петербургскому договору. Швеция нуждалась еще в хлебе и просила Россию снабдить ее мукою. Этим обстоятельством прикрывалась необходимость скорейшего заключения этой статьи. На обеде, который наследный принц давал перед отъездом в Эребро, 27-го марта (8-го апреля) он спросил нашего посланника: говорил ли ему барон Энгерштрём об этой статье? «Он только что сообщил мне о ней, — отвечал Сухтелен, — и просил после обеда заехать в министерство иностранных дел, чтобы прочесть ее». «Прочтите же ее прежде, а потом я поговорю с вами о ней на вечере у королевы». Этот вечер был в тот же день, и лишь только приехал туда Бернадот, как отозвал в сторону Сухтелена и спросил, читал ли он статью. «Я готов ее подписать, — отвечал Сухтелен, — уже потому, что она только прибавочная к договору, но и по существу ее я уверен, что император, ввиду того расположения, которое он питает к вам, утвердит ее, если только не оставит его то соображение, что всякий семейный договор не может быть составлен без согласия представителей семьи во всех ее линиях.

Во всяком случае, я доведу до сведения его величества ваше желание». «Хорошо, — отвечал Бернадот, не имея возможности в многочисленном собрании долго продолжать разговор, — эта статья.., потом хлеб и более всего заботы о безопасности и сохранении особы императора!»* Последние слова относились к тому известию, которое он получил из Парижа и сообщил нашему уполномоченному, что император Наполеон намерен чрез масонов покуситься на его жизнь: наследный принц предохранял от подобного же покушения и нашего императора.

Наследный принц отправлялся на сейм в Эребро, а император Александр — в главную квартиру русских войск в Вильну. Уведомляя императора о предложении Австрии и об ответе на него шведского правительства, Бернадот писал: «Усилия французских агентов распутить слухи, что Ваше Величество вызываете на войну Наполеона, заставляя меня думать, что он хочет отложить начало войны. Граф Нейперг уверял меня, что он готов войти в соглашение, и что австрийский император желает этого. Если военные действия еще не начались, то я не усматриваю в этом предложении ничего, что могло бы повредить выгодам севера. Выигрывая время, мы приобретаем только друзей, и справедливость нашего дела постепенно будет подрывать силу общественного мнения, на которой только основывались успехи императора Наполеона. Если столкновение с Францией отложится, то это только облегчит Вашему Величеству возможность окончить войну с Портой, и я полагаю, что Вам следует решиться на всевозможные пожертвования, чтобы достигнуть этого. Султан, узнав об угрожающей ему опасности, быть может, войдет в союз с вами, Англией и Швецией. Быть может, он легче согласится на это, если ему обещать протекторат над Рагузой и Ионическими островами и присоединение Далмации. Сообщая эти мысли, я прошу верить, что желаю только Вашей славы и независимости севера»**.

Австрийские посланники, обманутые сами своим правительством, вводили в заблуждение и других. Под влиянием Нейперга Бернадот еще надеялся, что война между Россией и Францией может быть отсрочена. В этом смысле написан и ответ шведского двора на приглашение Австрии к союзу с Францией. Но император Александр уже не считал возможным, чтобы мог состояться конгресс, и вообще чтобы переговоры остановили военные действия. В самый день своего отъезда в Вильну он писал Бернадоту, отвечая на это письмо, что получаемые сведения об Австрии «чрезвычайно неприятны; но с твердостью

*Письмо Сухтелена к императору Александру от 29-го марта (10-го апреля) 1812 г.

**Письмо к императору от 1-го апреля 1812 г. из Стокгольма.

и постоянством, — говорил император, — я уверен, что мы успешно окончим готовящуюся войну. Во всяком случае я разделяю мнение Вашего Высочества, что не должно отвергать предложений о конгрессе, если только они будут сделаны со стороны императора Наполеона, но с тем условием, чтобы за основание была наперед принята мысль о независимости северных государств. Но так как трудно предполагать, чтобы император Наполеон решился принять в основание эту мысль, то держусь того мнения, что следует все приготовить, чтобы в противном случае употребить все средства для успешной борьбы с нашим врагом. Мне кажется, следует принять обширный план действий. Славянские племена воинственны по природе, и если их возбудить, то они могут составить значительную силу, которая, соединясь с недовольными венграми, может произвести сильную диверсию против Австрии и французских владений на Адриатическом море. В случае удачи можно даже через Боснию и Кроацию проникнуть далее и войти в сношения с Тиролем и Швейцарией. Я посылаю адмирала Чичагова, человека с головою, устроить все в этом смысле; но для этого необходимо, чтобы Англия оказала нам сильную помощь, прислав в Балтийское море свой флот и приняв на свой счет содержание немецких батальонов, которые можно составить из дезертиров войск Рейнского союза, так и снабжая деньгами славян, которые будут действовать с целью общей независимости. Сегодня я уезжаю в Вильну, потому что по полученным мною сведениям французы приближаются уже к Кёнигсбергу. Во всяком случае, без крайней необходимости я не решусь быть зачинщиком войны; но, находясь на месте, я буду иметь возможность вернее судить о положении дел и о тех мерах, которые следует предпринять»*.

*Письмо 9-го апреля 1812 г. из Царского Села.

Глава четвертая

Окончание
войны
с Турцией
и Бухарестский
мир

Если север озабочивал политику русского кабинета, то юг должен был не менее привлекать ее внимание и даже более возбуждать забот. Со Швецией во всяком случае Россия находилась в мире, хотя этот мир и мог внушать опасения. Нашей политике предстояло только, конечно, ценою будущих выгод для Швеции, поддерживать этот мир, отвлечь ее от союза с Наполеоном и, при благоприятных обстоятельствах, привлечь к союзу с нами. Между тем на юге продолжалась упорная война, и надо было одержать блистательные успехи над турками, чтобы принудить их к выгодному для нас миру.

Война с Турцией представлялась в глазах России, живо еще помнившей времена Екатерины, явлением странным и непонятным. Вызванная Турцией по проискам Наполеона и без всяких поводов с нашей стороны, она с 1806 года продолжалась беспрерывно уже шестой год. Самая продолжительность показывала, что эта война имеет особое значение, делавшее ее непохожею на предшествовавшие наши войны с Оттоманскою Портою. Пять полководцев, опытных и пользовавшихся достойно приобретенною известностью, один за другим предводительствовали нашими войсками: Мелиссино, князь Прозоровский, князь Багратион, граф Каменский и, наконец, после временного и недолгого начальства графа Ланжерона, генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов. Не было недостатка в обдуманнных планах военных действий, в ревностном их исполнении, в блестящих подвигах, в победах, в содействии Молдавской армии со стороны наших войск на Кавказе и в Персии, флота в Черном море и эскадры адмирала Сенявина в Архипелаге; но общим последствием было продолжение войны, постоянно затягивавшейся на неопределенное время, несмотря на то, что наше правительство постоянно изъявляло желание приступить к мирным переговорам. Сильнее ли сделалась Турция в это время, нежели была прежде? Увеличились ли ее вещественные и нравственные способы для военных действий?

Напротив того, она не только ослабела сравнительно с прежним временем, но даже несколько раз находилась почти на краю гибели от внутренних кровавых переворотов. В продолжение этой войны три раза вспыхивали возмущения в Константинополе; после бунта, стоившего жизни султану Селиму, Мустафа Барьятор возбудил народ к новому восстанию, сверг султана Мустафу и на его место посадил его молодого брата Махмуда. Через несколько месяцев вновь вспыхнул бунт

янычар, в котором погиб прежний султан Мустафа и Мустафа Барыятор. Жизнь Махмуда была пощажена только потому, что он был последним в роде Османов. Эти происшествия служили явным признаком слабости Турции, которою однако же не могла воспользоваться Россия. В первом случае война с Францией за Пруссию лишила ее свободы действий в отношении к Турции. Последовавший затем Тильзитский мир окончательно передал в руки Наполеона возможность нашего примирения с нею. По Тильзитскому договору посредничество в примирении России с Турцией принял на себя император французов, и переговоры о мире перенесены были в Париж. Последствием такого положения дел было усиленное стремление русской политики освободиться от этого коварного посредничества, послужившее одним из поводов к эрфуртскому свиданию. По договору, заключенному в Эрфурте, Наполеон отказался от статьи Тильзитского договора, обязывавшей Россию очистить дунайские княжества, и подтвердил свои словесные обещания, данные в Тильзите, на присоединение их к России. Вместе с тем он отказался и от посредничества в заключении нами мира с Оттоманскою Портою. Русской политике были таким образом развязаны руки в одном из важнейших для нее вопросов: она торжествовала победу; но то же самое условие развязало руки и Наполеону действовать против нас, не стесняясь данными по этому вопросу обязательствами. Находясь в видимом союзе с Россией, он после заключения Венского мира и женитьбы на австрийской эрцгерцогине, избрал своим орудием Австрию. Эта роль совершенно совпадала с видами ее политики на Востоке. Она давно уже и постоянно действовала враждебно против нас в Константинополе. После эрфуртского свидания, предлагая нам свое посредничество взамен французского, Австрия убеждала Порту не делать никаких уступок России. Под ее влиянием Турция заключила союз с Англией, которая враждебно относилась ко всем приобретениям России от Турции, как в Европе, так особенно на азиатских границах. Содействуя Англии, она впоследствии сделалась в одно и то же время и посредницею Франции во враждебных действиях против нас в Константинополе. Нужны были особенное, так сказать, прирожденное австрийской политике, неизменное коварство и беззастенчивая ловкость, чтобы в этом случае направлять к общей цели действия двух заклятых между собою врагов, каковы были Франция и Англия в это время.

Особенное свойство этой продолжительной войны заключалось и в том, что обе воюющие стороны постоянно и искренно желали ее окончить, то есть как будто вели ее поневоле. Так и было действительно: политика Франции вынудила Порту нарушить свои договоры с Россией и

вызвать ее на войну; политика Франции поставила наш кабинет в такое положение, что без ущерба достоинства России он не считал возможным убавить свои требования о вознаграждениях за войну, вызванную самою Оттоманскою Портою. Обыкновенно мирные переговоры бывают последствием войны; удачные или неудачные военные действия оказывают влияние на условия этих договоров. В этом случае было иначе: рядом с военными действиями постоянно начинались и мирные переговоры, и ни те, ни другие не приводили ни к каким последствиям, потому что одни ослабляли силу действия других. Наши победы не внушали страха, который мог бы возбуждать желание во что бы ни стало заключить мир, ибо Порта знала всегдашнюю готовность нашего кабинета приступить к переговорам, которые предоставляли ей постоянную возможность окончить войну и заключить мир. Вступая в переговоры, мы часто давали туркам возможность выигрывать время для увеличения их военных сил и упускали удобное время для военных действий. Единственным последствием этой долгой войны было как истощение сил обеих воюющих сторон, так и опустошение областей, которые служили поприщем военных действий. Вызванная на войну самою Турцией, сделав значительные пожертвования для этой войны, Россия, конечно, имела право требовать вознаграждений со стороны Турции; но мера этих вознаграждений определилась случайными обстоятельствами, совершенно отклонившими внимание от действительного положения и выгод как России, так и Турции. При тильзитских переговорах император Наполеон обещал нашему государю не только не противиться присоединению дунайских княжеств к Российской империи, но соблазнял его потом надеждами на еще большие приобретения, вовлекая в переговоры об изгнании турок из Европы и разделе ее европейских владений. Эрфуртским договором Наполеон прямо признал присоединение к России дунайских княжеств и заявил об этом законодательной палате*. Заручившись этим согласием, сделавшись известным всем европейским дворам, русский кабинет естественно считал унижением своего достоинства, признаком бессилия ограничить свои требования; а между тем, если не в упоении своим могуществом, а с умыслом так поступил император Наполеон, то этот поступок был гениальным выражением самой коварной политики: он лишил русское правительство свободы в действиях при заключении мира с Турцией и замедлял переговоры.

Но это одна сторона дела; была и другая, может быть, еще более обращавшая на себя внимание русского кабинета: общественное мне-

*Речь при открытии заседаний законодательного корпуса 3-го декабря 1809 года.

ние России было против того направления нашей политики, которое началось с Тильзитского договора. Оно порицало союз с Наполеоном и высказывалось против тех войн, которые Россия вынуждена была начать под его влиянием, и особенно против турецкой, тянувшейся так долго и стоившей стольких пожертвований. Приобретением Финляндии ограждая безопасность столицы и приобретением на юге границ по Дунаю ограждая наши южные области, русский кабинет желал оправдать эту политику перед Россией. Он полагал, что Порта при том неустройстве, в котором находились ее внутренние дела, не в состоянии противиться требованиям России, и упрямство ее приписывал исключительно влиянию иностранных держав, несмотря на то, что главнокомандующие русскими войсками положительно считали невозможным достигнуть согласия Порты на уступку не только Молдавии и Валахии, но даже Бессарабии. «Император принял уже некоторым образом обязательство перед своими подданными и в глазах целой Европы, — писал граф Румянцев графу Каменскому, — присоединить к России Молдавию и Валахию и потому не может отменить сего условия. Положение дел в Европе чрезвычайно благоприятно к достижению нашей цели. Наполеон крайне озабочен поражениями своих войск в Испании и при каждом случае уверяет Россию в дружбе. Австрия, не зная на женитьбу Наполеона на эрцгерцогине Марии-Луизе, тайно изъявила желание пребывать с императором Александром в прежних, самых искренних сношениях»*.

Действительно, император Наполеон, желая привести в сколько-нибудь сносное положение свои дела в Испании и деятельно приготавливая огромные средства для вторжения в Россию, чтобы выиграть время, постоянно заявлял о своем добром расположении к русскому императору и о желании поддержать союз с ним. При каждом представлявшемся случае он указывал на присоединение к России, кроме Финляндии, еще и дунайских княжеств, как на совершившиеся уже факты и как на те огромные выгоды, которые приобрела Россия вследствие тесного союза с Францией.

В 1810 году при аудиенциях нашему чрезвычайному послу, князю Алексею Борисовичу Куракину, который был послан императором Александром с особенною целью — поздравить Наполеона с заключением брака с австрийскою эрцгерцогинею, французский император говорил: «В моем послании законодательной палате я выразил ясно мое удовольствие, что Россия приобрела Финляндию, Молдавию и Валахию. В настоящее время я предписал моему посланнику в Константинополе

*Отношение графа Румянцева к графу Каменскому от 8-го августа 1810 г.

объявить Порте, чтобы она забыла и думать об этих княжествах, что Россия не может и не должна их возвращать, и что упорство Порты в этом случае ни к чему не приведет, кроме бесполезной потери людей». Через несколько недель, отпуская князя Куракина обратно в Россию, Наполеон сказал ему, что снова предписал Латур-Мобуру убеждать Порту, чтобы она не думала о возвращении ей Молдавии и Валахии. «Хотя последние известия из Константинополя, — говорил он, — уведомляют, что султан ходил в мечеть и сам намерен отправиться к войскам, это не может иметь никаких последствий. Султан — молодой человек, слабый и ограниченный; в войсках нет никакой дисциплины, в управлении господствует совершенное безначалие. Между нами будь сказано: я не люблю турок; но если бы в их главе находился человек, способный возбудить их прежние свойства, то, быть может, он возродил бы этот народ. Но при теперешнем расстройстве, в котором находится Турция, ей нужен только мир, и я уверен, что отъезд султана к войскам предположен именно с целью начать мирные переговоры. Не подлежит сомнению, что вы заключите мир еще в этом году, лишь только я объявлю, что признаю княжества собственностью России. Я не изменю моего мнения, хотя, говоря таким языком с Турцией, я могу потерять то влияние, которое имею на эту страну. Вы отняли у французов и австрийцев те привилегии, которыми они пользовались в Молдавии и Валахии. Австрия спрашивала моего совета, как следует поступить в этом случае? Я отвечал, что, признав уже дунайские княжества принадлежащими России, я более ничего не могу ей сказать. Я даже должен желать, чтобы они вам принадлежали, во-первых, потому, что таким образом упрочиваются ваши границы: левый берег Дуная — природою положенная граница, и он должен принадлежать вам; во-вторых, что это приобретение удовлетворяет желаниям императора Александра, а мне всегда приятно все то, что он считает для себя выгодным; наконец, в-третьих, я не скрою от вас, что желаю этого приобретения для России потому, что этим самым она делает себе врагом Австрию, которая, между нами будь сказано, боится вас столько же, сколько и меня. Приобретение вами Финляндии совершенно противно моей политике; но я радовался этому приобретению России потому, что вы отняли ее у союзника Англии, у такого короля, который никак не хотел жить в мире со мною. Присоединение Молдавии и Валахии увеличивает владения России вопреки Тильзитскому трактату, в котором было установлено очищение этих княжеств. Союз с Францией доставил вам значительные выгоды. Дунай — с одной стороны, Финляндия — с другой; не об этом ли постоянно мечтали ваши предки со времен Петра Великого? И вот их мечта осуществилась. Я удивляюсь, почему у вас

нет значительного флота на Черном море, который вы могли бы противопоставить турецкому. Балтийский флот вам ни на что не нужен, вы не можете соперничать там с английским».

«Когда император Наполеон говорил об определении нашей границы течением Дуная и четыре раза возвращался к этому предмету, — писал князь Куракин графу Румянцеву, — я позволил себе заметить ему, что три крепости, расположенные на правом берегу этой реки, составляют как бы мостовые укрепления и ворота в нашу империю. Он не счел нужным отвечать мне и перевел разговор на другие предметы»*. Но впоследствии он прямо и решительно отвечал на это замечание в разговоре с полковником Чернышевым. Рассуждая с ним о военных действиях графа Каменского против турок, он сказал: «Только в двух случаях Франция может поспорить с Россией: если вы заключите отдельный мир с Англией, я буду воевать с вами; точно так же — если вы захотите перейти за Дунай. Пока дело идет о течении Дуная, я согласен; но лишь только вы захотите что-либо приобрести на правом берегу, я буду воевать с вами. Существование Турции слишком важно для политического равновесия Европы, и я не могу относиться равнодушно к дальнейшему ее раздроблению. Я не употреблял никаких способов, чтобы замедлить заключение вашего мира с турками. Я смотрю на это с точки зрения выгод Франции; если, с одной стороны, говорил я сам себе, такая обширная держава, как Россия, увеличится еще приобретением двух прекрасных областей, которые умножат ее средства, то, с другой — я выигрываю то, что Австрия делается таким ее врагом, каким никогда не бывала. Скажу вам откровенно, если я согласился в Эрфурте на присоединение к России дунайских княжеств, то сделал это по ненависти к Австрии»**.

Наполеону, мечтавшему о всемирном владычестве, никогда не приходила в голову мысль о разделе с кем бы то ни было своей власти. Он выражал ее иногда, уступая обстоятельствам, но не придавал ей иного значения, как простой временной уступки, как дипломатической хитрости, которой никогда не намеревался исполнить на деле. Так прельщал он императора Александра возможностью разделить с ним власть над Европой, и как бы приступая к осуществлению этой мысли, вовлек наш кабинет в переговоры о разделе Турции. Они не привели, конечно, к предположенной цели, но достигли другой, которой именно и

*Депеши князя Алексея Борисовича Куракина из Парижа графу Румянцеву от 30-го мая (11-го июня) и 8/20-го августа 1810 г.

**Записка Чернышева от 1810 г. *Exposé des discours que m'a tenu S.M. l'Empereur Napoléon etc.*; депеша герцога Кадорского Коленкупу от 20-го июля 1810 г.; *Bigon. Histoire de France*, ch. XXI.

желал достигнуть император Наполеон: они продлили нашу войну с турками и послужили поводом к требованиям таких тягостных пожертвований со стороны Турции, на которые она не могла согласиться. Эта последняя причина заставила Наполеона признать за Россией приобретение Бессарабии и дунайских княжеств Эрфуртским договором и объявить об этом во всеуслышание Европы. К ней присоединилась и другая, которую в нечаянной откровенности, что заговариваясь часто делал Наполеон, он выразил сам Чернышеву — ненависть к Австрии. Замышляя нанести последний и решительный удар этому государству, он должен был заручиться уверенностью, что Россия не только не окажет ей в помощи, но будет ему содействовать. Он не только не думал разделять свою власть над Европою с русским императором, но всеми способами старался ослабить Россию, вовлекая ее в войну со Швецией и Австрией и способствуя продолжению войн с Турцией и Персией, чтобы таким образом, ослабляя Россию, удобнее подчинить ее своей власти в то время, когда он сочтет это нужным для своих целей.

Это время и наступило, по мнению Наполеона, после женитьбы на австрийской эрцгерцогине. Действительно, его могущество достигло тогда, по общему мнению, высшей степени и началось падение, что, впрочем, замечали лишь немногие. Оставалась одна держава в Европе, которую предстояло ему сокрушить: именно Россия. Ненависть к Австрии уже не могла иметь более места; но в его душе она не заменилась дружбою. Он готов был оказать ей покровительство в той мере, в какой она могла быть ему полезна, но не заключать с нею союза, как равный с равною. Расчеты венского кабинета в этом случае потерпели полное крушение; но поездка Меттерниха в Париж, не вызванная никакими особыми обстоятельствами, не могла не озабочивать наш кабинет. Канцлер поручил нашему посланнику собрать по возможности точные сведения о ее цели и значении. «Все, что делает здесь Меттерних, — отвечал ему князь Куракин, — хранится в глубочайшей тайне. Однако же я имею основательные причины предполагать, что до сих пор он не успел заключить наступательного и оборонительного союза с Францией. Но тюильрийский кабинет желает держать нас в подозрении на этот счет, всеми способами распространяет эту мысль и хочет доказать ее справедливость теми ласками и вниманием, которые оказывает лично Меттерниху. Этим объясняются газетные статьи и слухи, распространяемые в Германии, которые достигли и вас. В то время, когда император Наполеон таким образом направляет свою политику в отношении к нам, возбуждая беспокойство с нашей стороны насчет Австрии, он желает возбудить в ней зависть к России, представляя крайне опасными для нее наши виды на Турцию. Эта тактика не нова;

ею пользовался император Наполеон во все времена, посеявая подозрения и раздоры между европейскими государствами, которых согласие было бы ему опасно, и этим способом он достиг того всеобщего господства над Европою, которым теперь обладает»*. В то же время и Чернышев уведомлял графа Румянцева из Парижа, что Наполеон употребляет все способы возбудить Австрию против нас, указывая ей на наши действия во время последней войны и упрекая, что мы решились взять у нее один из округов Галиции: «Известия о наших победах в Турции производили на него неприятное впечатление, тем более, что они служили предзнаменованием скорого и блестящего мира, тогда как он был совершенно убежден, что эта война затянется надолго. Он подшучивал над действиями наших войск в Турции, но победы заставили его изменить свои речи»**. Сколько неприятны были ему наши победы, столько же радовался он поражениям и немедленно сообщал о них своему посланнику в Петербург, предполагая, что там не узнают иначе истины***. Ему не нравился образ действия наших войск в Турции. «Зачем ваши войска перешли Дунай, — говорил он Чернышеву, — это возбудило только фанатизм турок, и они дрались лучше, нежели в прошлом году. Какая цель этого движения? Идти в Константинополь? Но этот поход встретил бы весьма много затруднений и не со стороны одних турок, но и других держав. Чтобы привести в исполнение такое предположение, нужно иметь во главе войск человека, одаренного военными способностями, и в то же время решительного политика. Но если граф Каменский и обладает первыми качествами, то весьма слаб во вторых». Осаду Рушук Наполеон считал ошибкою, которая повела бы к гибельным последствиям, если бы графу Каменскому не удалось потом одержать победу над турками под Шумлою. Он полагал, что нам следовало содержать на Дунае только четыре дивизии и ограничиваться защитою его левого берега, отражая нападения турок, которые, увидя, что все их попытки остаются тщетными, решились бы, наконец, заключить мир на тех условиях, которые мы бы им предложили. «Но цель нашего перехода за Дунай, — отвечал ему Чернышев, — состояла лишь в том, чтобы разбить неприятеля и тем принудить его к заключению мира. Подобный образ действий Ваше Величество сами не раз употребляли и достигали своей цели».

«Да, конечно, — отвечал Наполеон, но вместе с тем заметил, что этот переход на правый берег Дуная очень встревожил Австрию. —

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву от 29-го июля (9-го августа) 1810 года.

**Письмо Чернышева графу Румянцеву из Парижа от 13/25-го июля 1810 г.

*** *Bignon. Hist. de France, ch. XX.*

Она просила у меня объяснений насчет тайных статей Эрфуртского договора, но я успокоил ее, говоря, что в них идет речь только о Молдавии и Валахии»*.

Австрию действительно тревожило всякое удачное дело наших войск в Турции, и особенно появление наших войск в Белграде. Это последнее обстоятельство возбудило даже дипломатическое вмешательство и со стороны тюильрийского кабинета, но его скоро успокоил ответ России, что вступление наших войск в Сербию обуславливалось военными соображениями, а вовсе не видами присоединения Сербии к России. Но беспокойство Австрии поддерживал и усиливал сам император Наполеон. В начале 1811 года он решился уже прямо дипломатическим путем спросить Австрию, какое направление примет политика венского кабинета в отношении к войне России с Турцией. «Я желаю, — писал он своему министру иностранных дел, — чтобы граф Отто разузнал, чего хочет в этом отношении Австрия, и как намерена она действовать. Франция по Тильзитскому договору установила возратить туркам Молдавию и Валахию и только в Эрфурте отказалась от своего вмешательства. Франция так поступила из ненависти к Австрии (*en haine de l'Autriche*), которая приготавлилась тогда воевать с Францией. Но ничто не может быть так противно австрийской монархии, как присоединение этих княжеств к России. Теперь Франция с неудовольствием относится к такому значительному увеличению русской империи, тем более, что вследствие последнего указа (относительно тарифа) в Молдавию и Валахию не будет допущен ввоз французских товаров. Но возможно ли надеяться, чтобы Порты и в следующем году могла защищать эти княжества? Не следует ли опасаться, что вместе с ними она может потерять и Сербию? Франция не может выразить мнения против присоединения Молдавии и Валахии к России, не вынудив Россию заключать мир с Англией, что повлекло бы за собою немедленно войну. Впрочем, и Россия едва ли согласится добровольно отказаться от них. Но вопрос о Молдавии и Валахии имеет второстепенное значение для Франции, между тем как для Австрии он в высшей степени важен. Поэтому необходимо знать, на что может решиться в этом случае ее политика? Решится ли Австрия воевать с Россией? Вообще, как намерена она действовать? Надеется ли она, что турки не уступят этих княжеств»**.

Венский кабинет, лишившись уже надежды заключить наступательный и оборонительный союз с Францией, конечно, понял, что им-

*Записка Чернышева 1810 г.

**Письмо императора Наполеона к герцогу Кадорскому 25-го февраля н. ст. 1811 г.; *Bignon. Hist. de France, ch. XXVIII.*

ператор Наполеон хочет руками Австрии загребать жар, и отвечал, что не считает возможным противодействовать видам России вооруженною рукою, но с этого времени удвоил свои старания в Константинополе, при помощи Франции и Англии, поддержать упорство Турции, советуя ей не соглашаться на уступку России этих княжеств и продолжать войну с нею, а в то же время уверять петербургский кабинет, что, несмотря на семейные связи с Наполеоном, Австрия желает сохранить дружественные отношения к России. Конечно, образ действий французской политики не был тайною для петербургского кабинета; граф Румянцев несколько раз давал это заметить герцогу Виченцскому, который извещал о том свой кабинет. Но император Наполеон считал оскорблением своего величия, когда осмеливались не поддаваться его обманам, понимать тайные его намерения и действия и не верили не только его словам, но и торжественным обещаниям. Он сильно гневался за это и гнев свой выражал при каждом случае. «Граф Румянцев верит всяким слухам, — говорил он Чернышеву, — он считает меня способным поощрять упрямство турок и стараться продолжать вашу войну с ними. Я слишком могуществен для того, чтобы прибегать к подобным средствам; такая политика прилична только маленьким немецким государствам, как Пруссия, которые и не умеют действовать иначе. Не прибегая к подобным средствам, я прямо объявил бы войну»... «Всякий раз, как вы начнете подозревать меня в интригах, — говорил Наполеон князю А.Б. Куракину, — вы жестоко меня оскорбите и покажете, что вместо заботы о сохранении союза вы ищите случая поссориться со мною»*. Таковы были отношения европейской политики к нашим войнам и миру с турками в 1810 году. В конце этого года Порта заявила, что не иначе приступит к переговорам о мире, как с принятием Россией предварительного условия, что ее граница с Турцией будет определена рекою Днестром. На этом условии Австрия предлагала свое посредничество нашему кабинету в примирении нас с Оттоманскою Портою. Император Александр отверг как посредничество Австрии, так и условие, предложенное Портою. «Неужели в Царьграде, — писал он графу Каменскому, — могут думать, что мы согласимся на такое предложение, когда Бессарабия, Молдавия и Валахия давно уже покорены российским оружием, когда мы имеем в нашей власти все крепости на Дунае с значительным пространством впереди их? Не Порте Оттоманской следует сделать уступку в пользу России, но России возвратить Порте все то, что не нужно нам за собою оставить». Император прямо выражал,

*Записка Чернышева 1810 г.; депеша князя Куракина к графу Румянцеву от августа 1810 г. из Парижа; *Bignon. ch. XXI.*

что не находит «ни нужды, ни приличия довольствоваться иною границею, как Дунай».

Между тем разрыв России с Францией ни для кого уже не был тайной, и военные приготовления Наполеона достигли такого развития, что вся Европа была уверена, что в следующем 1811 году он начнет войну с Россией. Некоторое время в этом был уверен и наш кабинет, и потому император в январе месяце этого года предписал графу Каменскому от девяти дивизий, находившихся под его начальством, пять отправить обратно в Россию, а с четырьмя остальными ограничиться оборонительною войною против турок, защищая лишь левый берег Дуная и удерживая за собою крепости на правой его стороне*. Уменьшение войск наполовину, предписание вести только оборонительную войну и в то же время решительное требование заключить мир не иначе, как на прежних условиях, поставили графа Каменского в крайне затруднительное положение. «Когда не могли мы, — отвечал он государю, — достигнуть сих условий силой оружия, то какую надежду можем питать согласить турок на уступки, когда увидят они, что мы принуждены вести войну оборонительную»**.

В таком положении находились наши дела на Дунае, когда, пораженный смертельною болезнью, молодой и даровитый полководец граф Н.М. Каменский был заменен престарелым военачальником времен Екатерины — генералом Голенищевым-Кутузовым.

Ему предстояли как в военном, так и в дипломатическом отношении задачи гораздо более трудные, нежели всем его предшественникам. С войском, убавленным более нежели наполовину, состоявшим всего из 46 тысяч человек, он не только должен был продолжать военные действия, но и заключить мир во что бы то ни стало, потому что необходимость его заключения с каждым днем становилась более и более настоятельною. Между тем наш кабинет знал, что *единственное средство* принудить Турцию к заключению мира состоит в том, чтобы нанести сильное поражение ее войскам, как постоянно писал граф Румянцев князю Багратиону, как знал по опыту наш кабинет, а также знал хорошо и сам Кутузов***.

Но возможно ли было надеяться, располагая незначительными средствами, при оборонительной войне нанести такое сильное поражение неприятелю, чтобы принудить его искать мира и согласиться на тяжелые условия? Возможно ли даже было с таким недостаточным

*Повеление императора графу Каменскому от 15-го января 1811 года.

**Донесение графа Каменского государю 22-го января 1811 года.

***Рескрипт императора Александра князю Прозоровскому 23-го января 1809 г.; отношение графа Румянцева князю Багратиону от 28-го ноября 1809 г.

количеством войск не только успешно оборонять границу по течению Дуная почти на 1000 верст протяжения, но и удерживать крепости на правой его стороне и не выпустить из рук Молдавию, Валахию и Бессарабию, уже занятые давно нашими войсками? Едва ли какое-нибудь совещание ученых теоретиков, знатоков стратегии и тактики отвечало бы на эти вопросы иначе, как отрицательно. Но, конечно, они разрешились иначе в соображениях опытного вождя и дипломата времен Екатерины, беспрекословно принявшего новое назначение на закате своей жизни, исполненной доблестных подвигов и увенчанной славой. *Правая рука* Суворова, по собственному его выражению, на первой поре своей военной службы замеченный Екатериною и удостоенный потом постоянным ее вниманием и покровительством, он, конечно, так же, как и все ее сподвижники, проникнут был чувством безусловного повиновения верховной власти, олицетворявшейся для них в виде женщины, озаренной гением. В половине марта (15-го числа) Кутузов выехал из Вильны и к апрелю месяцу прибыл в Бухарест, где его ожидал умирающий Каменский, радуясь, что передает начальство над войсками опытному полководцу*.

Трудное положение нового главнокомандующего усиливалось еще более решимостью султана не только продолжать войну оборонительную, но действовать даже наступательно, если Россия не изменит своих условий для заключения мира. Два обстоятельства придали силу упрямому и настойчивому характеру султана в это время: отступление пяти дивизий из Молдавской армии в границы России и усиленные подстрекания Франции. Эти последние не имели бы особого значения для турок, ненавидевших Наполеона и не придававших веры его обещаниям, но их поддерживали Австрия и Англия, со своей стороны отклонявшая турок от примирения с Россией на тех условиях, которые предлагал наш кабинет.

Приближавшаяся война России с Францией ободряла турок к продолжению военных действий против нас; а что действительно близка эта война, в том убеждал Турцию отзыв пяти дивизий из армии, действовавшей против нее, — отзыв, вынужденный необходимостью для России усиливать средства обороны против нового врага. Престарелый визирь Юсуф-паша, не способный к решительным действиям, был сменен, и на его место назначен Ахмед-бей, прославившийся у турок отбитием приступа князя Прозоровского к Браилову. Ему в соотрудники придан Бошняк-ага, не менее его известный упорною защитой

*Письма Кутузова к его супруге от 1-го, 6-го и 13-го апреля 1811 г. *Русская Старина*, 1872 г., т. V.

Рушука против графа Каменского. С поспешностью отовсюду собирались войска и сосредоточивались у Шумлы и Софии и к маю месяцу составляли 75-тысячную армию, готовую двинуться на левый берег Дуная*.

В то время, когда турки собирались с силами, наш главнокомандующий не предпринимал никаких военных действий; но строго следуя плану, наперед рассчитанному и соображенному с обстоятельствами времени, местностью и давно знакомыми ему свойствами турок, принимал деятельные меры для защиты 1000-верстной черты, занимаемой нашими войсками от Белграда до самых устьев Дуная. «Тщетно было бы помышлять, — писал он военному министру, — такое огромное расстояние занять везде сильно. Раздробление же войск без подвижных корпусов отворит путь в Валахию первому неприятельскому корпусу, несколько значительному». Поэтому он срыл и взорвал укрепления Никополя и Силистрии и перевел все войска на левый берег Дуная, расположив главные свои силы у Бухареста, Журжи и Рушука, правое крыло в Крайове, левое у Слободзеи, а на оконечностях оборонительной линии оставил небольшие отряды при устьях Дуная и в Белграде. «Расположение войск сообразно с нынешними обстоятельствами, — писал он государю, — может перемениться, и я мгновенно передвину войска. Идти к Шумле атаковать верховного визиря невозможно и бесполезно. Завоевание Шумлы по принятому правилу оборонительной войны совсем не нужно. Но, может быть, *скромным поведением* моим ободрю самого визиря выйти из Шумлы или выслать значительное число войск к Разграду и далее к Рушуку. Тогда, соединив корпуса Ланжерона и Эссена и оставив небольшой гарнизон в Рушукe, поведу их на неприятеля; *конечно*, с помощью Божией, *разобью* его и могу преследовать его по плоскости верст 25 за Разград, без всякой для себя опасности. В то же время Засс (составлявший правое крыло его войск), по крайней мере, с 10 батальонами пехоты, соразмерным числом конницы и артиллерии переправится за Дунай и пойдет к Враце. К сей переправе приказал я втайне делать все приготовления, но действий Засса не велю приводить в исполнение, если неприятель против него будет сильнее 12 тысяч человек. Главный мой корпус и корпус Засса не должны предпринимать нападений на сильные укрепления, а только на слабые окопы, делаемые турками на всяком ночлеге; ибо брать приступом крепости с большою потерей людей и с тем, чтобы вследствие войны оборонительной, опять оставлять их, стоило бы дорого и было бы неблагоприятно. Сожалею очень, что я не могу представить повествования о блистательных моих

*Полн. собр. соч. Михайловского-Данилевского. т. III, гл. XXX и след.; Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, B. VII, C. III è IV.

действиях и быстрых победах, но доношу только о весьма умеренных, единственно оборонительной войне свойственных предположениях»*.

Защищать Рушук, требовавший значительного гарнизона при малочисленном войске и в видах оборонительной войны было так же затруднительно и бесполезно, как и оборонять другие укрепленные места на правом берегу Дуная. Но главнокомандующий наперед объяснил причины, по которым счел нужным еще удерживать Рушук в наших руках. Намереваясь вызвать самих турок на действия наступательные, он предполагал, что визирь двинется против него и пошлет корпус к Видину для вторжения в Валахию; он надеялся разбить его между Рушуком и Разградом и принимал меры против вторжения турок в Валахию. Разбить турок он считал необходимым не только по военным соображениям, но и потому, что совершенно был уверен, что они не только не будут уступчивы, но вовсе не войдут в мирные соглашения, если не потерпят сильных поражений, и особенно войска верховного визиря. До того времени он не хотел вызывать турок на переговоры о мире, но охотно воспользовался, подготавливая для них почву, случаем войти в приятные сношения с верховным визирем, который сам подал ему повод к тому. Приехав в Бухарест, М.И. Кутузов нашел там Ахмеда-агу, посланного визирем к графу Ланжерону с письмом, в котором он просил дозволения доставить деньги Пехлеван-паше, находившемуся у нас в плену. «По опытности, какую я имел случай приобрести в сношениях с министерством Порты, не хотел я для начатия таких моих сношений с визирем делать первого шагу», — писал Кутузов Румянцеву; но, воспользовавшись его письмом к графу Ланжерону, он поспешил уведомить его о своем назначении главнокомандующим Молдавскою армией. Уверяя визиря, что он примет меры для отправления посланного им Ахмеда-аги к Пехлевану-паше, он писал ему, что по прибытии к войскам с удовольствием узнал, что почти в одно и то же время, как он был назначен главнокомандующим Молдавскою армией, и Ахмед-паша был возведен в высокое звание визиря. «Считаю долгом, — писал он ему, — поздравить вас с этим назначением, основываясь на моем старинном знакомстве с вами, которое началось около 19 лет тому назад. Я с удовольствием вспоминаю то время и радуюсь счастливому случаю, поставившему меня в настоящее время в непосредственные отношения

*Донесение государю от 20-го мая и отношение к военному министру того же числа 1811 г., сходное по содержанию. В конце донесения государю М.И. Кутузов излагает однако же предположения, как бы он действовал, если бы мог вести наступательную войну. Этот план замечателен тем, что он совершенно сходен с планом, которому следовал граф Дибич в 1829 г.

к Вашей светлости, дающие мне возможность выразить те чувства, которые я питаю к вам с такого отдаленного времени. Смею думать, что несчастные обстоятельства, поставившие во враждебные отношения две империи, не могут иметь влияния на нашу старинную дружбу. Она может быть совместна с тем усердием и верностью, которые мы питаем к нашим государям»*.

Незадолго до того, как Кутузов отправил это письмо к визирю, в главную квартиру Молдавской армии прибыл Италинский, бывший нашим посланником в Константинополе, с предписанием нашего кабинета вызвать турок на мирные переговоры. С этою целью решено было отправить переводчика Фонтон к визирю; но Кутузов задержал его отправление в ожидании ответа на свое письмо. Он не хотел сделать первого шага, как он выражался в этом случае, и ожидал, что его сделает сам визирь в ответе на письмо. Его ожидание оправдалось. «Поспешность, с которою Ваше превосходительство известили меня о своем назначении, — писал ему Ахмед-паша, — поздравления, которыми вы почтили меня по случаю моего вступления в верховный визириат, и желание возобновить наши частные, старинные дружеские отношения, — все это мне чрезвычайно приятно и побуждает вознести мольбы к Всевышнему, чтобы несогласия и вражда, продолжающиеся до настоящего времени между двумя империями, которые некогда были соединены узами дружбы, были бы как можно скорее устранены, и чтобы нам суждено было сделаться орудиями мира». Упомянув о прежних предположениях насчет мирных переговоров, заявленных графом Ланжероном, Ахмед-бей уже прямо выражал желание прислать уполномоченных для переговоров с нашими**.

Получив это письмо, Кутузов немедленно отправил переводчика Фонтон в Шумлу со своим ответом, в котором выражал согласие принять турецких уполномоченных для переговоров с Италинским. С Фонтонем прибыл из Шумлы турецкий уполномоченный Гамид-эфенди. Но после первых переговоров с ним наши уполномоченные заметили, что ему не велено даже приступать к переговорам, если мы будем настаивать на границе по Дунаю***.

Эта неудача, в самом начале грозившая разрывом переговоров, произошла оттого, что исполняя предписания нашего кабинета Италинский

*Письмо визиря к графу Ланжерону 12-го апреля; письмо Кутузова к визирю 20-го апреля; его же донесение графу Румянцеву из Бухареста 24-го апреля 1811 г.

**Письмо визиря от 28-го апреля; отношения Кутузова к графу Румянцеву от 26-го апреля и 3-го и 6-го мая 1811 г.

***Письмо Кутузова к визирю 7-го мая; донесение Фонтон Кутузову из Шумлы 15-го мая; отношения Кутузова к графу Румянцеву 12-го, 20-го мая и 1-го июня 1811 г.

написал верховному визирю, что он назначен по Высочайшему повелению для переговоров о мире*. Из этого письма визирь понял то, что так тщательно желал скрыть Кутузов, — что сам русский кабинет делает первый шаг в этом случае. Уже в разговорах с Фонтоном во время его пребывания в Шумле он изменил тон и выражал надменные требования, которые и повторил Гамид-паша нашему уполномоченному. Уведомляя об этом канцлера, Кутузов писал ему, что «не имея ни малейшей надежды получить себе успеха от сих переговоров, мы старались по крайней мере исполнить волю его императорского величества, склонив Гамида-эфенди остаться на некоторое время здесь, под благовидным предлогом, ибо как он сам, так и мы должны донести нашим дворам о несогласиях, встретившихся при самом начале переговоров»**.

Кутузов перенес по военным соображениям главную квартиру в Журжу (6-го июня). Тайный советник Италинский оставался в Бухаресте, где всеми способами старался удержать подолее Гамида-эфенди, доставляя ему всевозможные удовольствия. Но время длилось, и ожидать успехов от переговоров было невозможно, пока наш кабинет не решится изменить своих требований. Кутузов это понимал и ожидал только, какое влияние окажут на турок подготовляемые им военные действия, не решаясь писать к государю о том, что необходимо изменить наши требования, чтобы достигнуть заключения мира. Он не решался, конечно, зная, что подобные предложения делали его предшественники, но они были неудачны.

Из этого затруднительного положения вывело его отношение графа Румянцева от 6-го июня, в котором канцлер уведомлял его, что один из пленных турок, румелийский беглер-бей Измаил-паша, взятый в плен вместе с Пехлеваном при Базарджике и содержавшийся в Орле, по его желанию и с разрешения правительства приезжал в Петербург и сообщил различные сведения о положении Турции, которые имели влияние на взгляды нашего кабинета. Из разговоров с ним убедились, что Порта никогда не уступит Молдавии и Валахии, и притом не вследствие влияний посторонних держав, каковы Франция, Австрия и другие, но по упрямству самого султана. Сообщая об этом разговоре Кутузову, по повелению государя, канцлер писал: «Хотя его величество и не переменяет мнения своего, что на случай трактования о мире первая и главнейшая цель наша должна быть утверждение за нами обоих княжеств, и что никакие другого рода приобретения заменить того не могут, но, воздавая полную цену и справедливость превосходным

*Письмо Италинского к визирю от 3-го мая 1811 г.

**Отношение Кутузова к графу Румянцеву от 10-го июня 1811 г.

талантам вашим и усердию, его величество не только позволяет вам, но и вызывает вас сказать ему мнение ваше, полагаете ли вы, по зрелом соображении всех обстоятельств, такое султаново упорство в самом деле непреодолимым, и чтобы он имел способы надолго еще устоять в оном? И в таком случае не признаете ли вы для нас полезнее для совершенной развязки дел следующую перемену: чтобы требовать уступки Молдавии по реку Серет, а взамен же за остальную часть сего княжества и за всю Валахию чтобы Порты нам заплатила, буде не может более, то хотя 20 миллионов пиастров? Государь император указал мне также по беспредельной и неограниченной его к вам доверенности сообщить вам все мысли его по сему предмету во всей откровенности. Граница по реку Серет была бы всегда им признаваема за наилучшую для России; но приобретение обоих княжеств оставляло бы в наших руках способ сделать какой-нибудь выгодный промен с Австрией, уступкою ей Валахии за другую область. А хотя бы такового промена не последовало, то, имея возможность постепенно предлагать ей Валахию, в виде ли уступки или обмена, сохраняли бы мы всегда чрез то сильнейший вес в политической системе венского кабинета и надолго бы его к себе привязали. Вот причины, по коим наиболее желательно для нас приобретение обоих княжеств, и по оным его величество почитает сие приобретение наиважнейшим для своей империи. Передавая все сии замечания известному вашему усердию к пользе отечества, вашей прозорливости и великой опытности в делах, его величеству угодно знать ваши заключения по сим предметам вследствие того, что будет предлагая турецким чиновникам»*.

Это отношение канцлера, конечно, весьма обрадовало Кутузова, как выражение доверия к нему государя, и особенно потому, что обличало возможность со стороны нашего кабинета изменить те требования от Порты, на которых он так долго и упорно настаивал. Он немедленно отвечал канцлеру. Подтвердив заявление Измаила-паши о характере султана, разделяемое не только турками, но и всеми иностранцами, знакомыми с Портою, он видел главную причину неуступчивости его в отношении к Молдавии и Валахии не в этом одном обстоятельстве. «Мы требуем, — писал он, — *четырёх* провинций от Порты: Малой Валахии, Большой Валахии, Молдавии и Бессерабии. Но не столько входят в расчет пространство и качество сих земель, сколько корысть частных людей, кои управляют делами Порты или в управлении участвовать надеются, а наиболее *фанарских греков*, тех, кои льстятся достигнуть до княжества, и множества тех, кои под покровительством госпо-

*Отношение графа Румянцева к Кутузову от 6-го июня 1811 г.

дарии надеются обогатиться при местах в сих княжествах. От сих греков переходят ежегодно подарками превеликие суммы ко всем чиновникам Порты, и влияние сих людей на умы министерства турецкого известно; а оное множество частных польз препятствовать может долгое время к постановлению мира на том основании, чтобы повсеместно Дунай сделать границею». Упорство султана не устояло бы долго против недовольствия народа, и особенно янычар, требовавших заключения мира. Внушения иностранных держав Порты не доверяла, особенно Франции, зная о прежних замыслах Наполеона и Австрии, которой своекорыстная политика была давно ей известна. Намерения султана с тех пор, как он узнал о движении пяти дивизий из Молдавской армии обратно в Россию, о нашем намерении вести оборонительную войну и перенести военные действия на левый берег Дуная, давали нашему главнокомандующему даже удобный случай успешно исполнить свои собственные предположения о военных действиях против турок. Но устранить влияние фанариотов и других греков на Порту он считал невозможным, по крайней мере так скоро, как этого требовали обстоятельства, вынуждавшие нас не медлить заключением мира. Он очень хорошо знал, что эти греки представляют не только ум и знание в турецком правительстве, но держат в своих руках всех ее сановников и чиновников ежегодными богатыми подкупам. Он знал по опыту корыстолюбие чиновников Порты и еще большее корыстолюбие и властолюбие этих греков, уже несколько столетий хищнически грабивших дунайские княжества и, конечно, не желавших выпустить из своих рук богатую добычу. Поэтому, даже уступку Австрии обеих Валахий он не считал таким условием, которое могло бы облегчить нам заключение мира с турками. «Если бы даже Австрия решилась принять их, — продолжал Кутузов, — и заняла бы их своими войсками, то и тогда война продолжалась бы столько же долго». Различие состояло бы только в том, что она «не была бы для нас таким бременем, как ныне. Короткая операционная линия и соединение почти с губерниями подольскою и киевскою, облегчило бы в разных отношениях военное наше положение, когда напротив того, раздвинувшись до самой Сербии, — положим и в мирное время, — какую надежность иметь можно при всех оборотах политических дел удерживать такие провинции? Какое протяжение границ, и какой расход войска! Почитаю при нынешних обстоятельствах и с хорошими способами (то есть, с гораздо большим количеством войск), едва возможным приобретение в год или два Валахий; но считая не весьма трудным достигнуть до уступки Молдавии».

М.И. Кутузов основывал свое мнение главным образом на том соображении, «что корыстолюбивые виды частных людей в Константинополе

с сохранением обеих Валахий еще довольно будут иметь пищи для своей алчности». Молдавией же не особенно дорожат фанариоты. «Драгоман Порты князь Мурузи при разговорах, когда речь коснется этого княжества, называет его *бесполезным* для Порты, состоящим как будто на особых правах». Сверх того, Кутузов надеялся, что «воплъ народа и корпуса янычарского, желающих мира, будет иметь более важности, если будут знать, что требования наши столь умеренны». В подтверждение этого мнения, он упоминал о рассказах австрийского генерального консула Раабе, только что прибывшего из Константинополя, и давно знакомого Кутузову, который утверждал «что между людьми, которые трутся около министров, носится мнение, что необходимо отдать землю до Прута, что уже и составляет половину того, что при уступке всей Молдавии они потерять могли». Но, предполагая возможность поземельных уступок со стороны Турции, Кутузов прямо опровергал мнение Измаила-паши о денежных вознаграждениях, и был уверен, что Порта никогда на них не согласится: «Скорее думаю, писал он, — она согласится на уступку Молдавии, нежели на пожертвование 20 миллионов пиастров, что хотя и делает только 2 миллиона червонных, но никак не согласно с глупостью турок».

Выражая надежду, что Порта может уступить Молдавию, он не упоминает однако же о границе по р. Серет, а указывает на то, что турки без особых затруднений уступят земли по Прут; напоминает о Бессарабии, про которую как будто забыли в наших сообщениях, говоря постоянно о Молдавии и Валахии. «В конце моего письма, — заключает он, — вижу, что отвечал более, как то, о чем меня вопрошали; но уповаю, что простится мне что-либо излишнее и отнесется к моей ревности», и усердно просил, что, «если государю угодно будет сделать в требованиях наших какую перемену», то сообщить ему немедленно, чтобы он мог воспользоваться пребыванием Гаида-эфенди в Бухаресте и приступить к настоящим переговорам»*.

В этом письме выразился не военачальник только, но и опытный политик, дипломат, хорошо знавший турок и их правительство. Он первый указал на главную и существенную причину, поддерживавшую упорство султана, не хотевшего и слышать об уступке России дунайских княжеств, то есть, на *греков-фанариотов*, в руках которых находилось управление этими княжествами**. Наше правительство того вре-

*Письмо Кутузова графу Румянцеву из Журжи от 18-го июня 1811 г.

**Это обстоятельство заметил впоследствии и прусский агент в Константинополе барон Вертерн: «Je me permets de faire une observation, qu' aussi long temps que la cour imperiale persistera à se faire céder les provinces au-delà de Sereth, elle excite tous les Grecs d'ici à une opposition sourde, qui étant d'accord avec les dispositions guerrières du souverain,

мени думало покровительствовать княжествам, оставляя обычное устройство диванов в Молдавии и Валахии и назначая в них по одному только русскому сановнику в качестве посредника между народным правлением и нашими главнокомандующими; но вместо того оно покровительствовало грекам, угнетавшим народ. «Весьма сомнительно, — писал Фонтон еще князю Багратиону, — чтобы бояре-управляющие были к нам преклонны. Им однако ж, хотя бы из благодарности, надлежало быть нам преданными, ибо мы позволяем им грабить безнаказанно. Они притворяются будто вздыхают о народном бедствии, и имеют бесстыдство приписывать сие расходам, причиняемым армией. Но достоверно то, что земля сия при хорошем управлении могла бы содержать армию вдвое многочисленнее. Бедность есть токмо следствие их грабительств. Никогда земля сия не была так угнетена, как при греческих господарях. Почему ваше сиятельство не перемените расположения вашего к боярам, коим вверили управление? Почему оно не может быть лучше вверено российской комиссии?»*

Слыша отовсюду о жалобах народа, а в то же время и самих подчиненных ему войск, он со вниманием исследовал положение дел и донес о нем императору. «Надлежало бы, — писал он, — исписать целую книгу, когда бы хотел изобразить во всей ясности те исторжения, которые себе валахское правительство позволяло и которые довели обывателей до отчаяния»**. Он решился собрать всех бояр, чтобы выбрать новых чиновников; но и те оказались такими же, как и прежние, потому что были избраны из той же самой среды***. Опасаясь с присоединением княжеств к России лишиться, наконец, возможности грабить народ, они усилили грабеж в это время и сваливали вину на

ne restera pas sans effet et qui cesserait aussitôt que l'on laisserait aux Turcs les provinces en deçà du Prouth; puisqu' alors une assez grande partie de la Moldavie leur resterait pour en former une principauté en faveur des Grecs». Депеша от 25-го ноября 1811 г., полученная в Петербурге в январе 1812 г.

*Отношение Фонтон к князю Багратиону от 8-го декабря 1809 г.

**Донесение государю князя Багратиона от 3-го февраля 1810 г.

***Воззвание кн. Багратиона к боярам, напечатано в статье Н.Ф. Дубровина о князе Багратионе, *Военный Сборник* 1865 г. № 2, стр. 215—221. «Я старался, — говорит Багратион вначале, — проникнуть и исследовать источники зла: старания мои обнаружили мне картину, ужасающую самое человечество» и в конце прибавляет после подробного описания злоупотреблений национального правительства княжеств: «Но что всего более меня оскорбляет — это то, что доведение народа до столь жалостного положения, самым постыдным образом в глазах печалью удрученных обывателей, приписывается требованиям армии российской, когда все вышеописанное по сущей истине обнаруживает во всей ясности, что не армия российская, но сами управители земли суть виновники угнетения народа».

русские войска, и когда обличали их, то они взводили клеветы на русских главнокомандующих.

Как вопли народа, так и клеветы на русские войска и их вождей доходили до Петербурга, возбуждали негодование императора и распространялись даже по всей Европе. «Что ваши генералы сильно грабят в Турции?» — спросил Наполеон Чернышева в одном из разговоров с ним в 1810 году. На его ответ, что подобные злоупотребления неизвестны в наших войсках, и что в последних наших войнах в Финляндии и Турции строго соблюдалась дисциплина, он возразил, смеясь: «Вы не откровенны со мною; я знаю, что русские войска не так грабят, как мои; но не отвечаю за ваших авангардных начальников и казачьих полковников»*.

Очевидно, при таких условиях управления дунайскими княжествами, какие бы ни принимал меры новый главнокомандующий, они не много могли облегчить несчастное положение народа. Но в первое время после приезда в главную квартиру он и не мог принимать этих мер**, озабоченный военными соображениями и приготовлениями, чтобы не только отразить вторжение турок в Валахию со стороны Видина, но и вызвать верховного визиря из Шумлы и разбить его войска на правом берегу Дуная. Это последнее соображение, конечно, не согласовалось с видами оборонительной войны и недостаточными боевыми средствами. Граф Ланжерон временно, по случаю болезни графа Каменского, начальствовавший над уменьшенной на пять дивизий Молдавскою армией, не решился на военные действия за Дунаем. Но Кутузов руководствовался в этом случае не одними военными соображениями. Не победы над турками, привычные для старого генерала, столько раз побеждавшего их, составляли предмет его забот; но заключение мира с ними, которого необходимость в это время он понимал как русский и государственный человек, достойный великой европейской державы. Но для успеха мирных переговоров он считал необходимым наперед разбить турок, чтобы сделать их сговорчивыми. Он поджидал, не выступит ли визирь из Шумлы и своим бездействием поощрял его к этому движению. Действительно, визирь вышел из Шумлы, привел войско к Разграду и устроил укрепленный лагерь, и в то же время двинул 25-тысячный корпус к Видину для вторжения в Вала-

*Записка Чернышева 1810 г. *Exposé des discours etc.*

**Впрочем, вот что говорил молдо-валахский митрополит Игнатий в проповеди, произнесенной в Бухарестском соборе 6-го апреля 1811 г. после рассказа о подвигах Кутузова, как военачальника и дипломата: «Лишь только он приехал и едва успел бросить взгляд на страну, он немедленно приказал не брать подвод у крестьян. Таким образом, покровительствуя землевладельцу, он дает ему вовремя сеять и предотвращает голод, от которого уже так ужасно страдала страна».

хию. Узнав об этом, Кутузов переправил на правый берег Дуная несколько передовых отрядов для наблюдения, как бы вызывая этим визиря подвинуться далее в долину между Разградом и Рушуком. Не видя против себя больших неприятельских сил и получив подкрепления, визирь с 60-тысячным войском приблизился к Рушуку и стал лагерем в 14 верстах от Кадыкоя. В это время и Кутузов перевел главные свои силы на правый берег Дуная и поставил их в боевой порядок в четырех верстах перед Рушуком. 22-го июня произошло сражение, хотя упорное, но окончившееся полною победою для наших войск*. Визирь был отброшен в свой лагерь при Кадыкое и укреплял его более и более, ожидая нападения со стороны русского главнокомандующего. Кутузов не преследовал турок; на предложения своих боевых сотрудников он отвечал: «Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, а потом что будем делать? Придется возвращаться назад, и тогда визирь, как и в прошлом году, объявит себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмеда-бея, и он опять придет к нам». Чтобы доказать, что победа осталась за ним, Кутузов три дня простоял на поле сражения, а потом не только отступил на левый берег Дуная, но и вывел всех жителей из Рушука, сжег его и взорвал все укрепления, вопреки советам своих генералов, которые ручались, что отстоят его от нападений турок «Не в Рушукке важность, — говорил Кутузов, — главное дело состоит в том, чтобы заманить визиря на левый берег Дуная. Увидя наше отступление, он на верное пойдет за нами». И действительно, предположения Кутузова оправдались; но отступление во всяком случае дало возможность визирю объявить себя победителем. Не только в Константинополе сражение при Рушукке праздновали как победу над русскими, но отступление на левый берег Дуная наших войск как в Петербурге, так и в Париже произвело впечатление и заставило усомниться в одержанной Кутузовым победе.

«Сражение при Рушукке, несмотря на благодарственный молебен, есть поражение, потому что пришлось отступать и прервать все сообщения с Сербией», — говорили в Петербурге**, особенно те, которые считали нужным порицать Кутузова, зная, что император не расположен к нему со времени аустерлицкого сражения, а другие повторяли их слова. «У вас была резня с турками под Рушуком», — сказал Наполеон, подойдя к Чернышеву на одном из представлений ему дипломатического корпуса в Тюильри.

*Донесения Кутузова императору от 21-го и 23-го июня 1811 г.

**Comte J. de Maistre, Correspondance diplomatique, I, p. 17.

«Это было сражение по всем правилам, а не резня, — отвечал Чернышев, — дело весьма значительное и славное для нашего оружия».

«Ваш главнокомандующий сделал ошибку, поставив войска слишком далеко от города, к которому в случае нужды пришлось бы ему отступить».

«Наш главнокомандующий избрал позицию не настолько отдаленную от города, чтобы не мог воспользоваться сильным гарнизоном, который в нем был составлен, и составлял в то же время его резерв», — возразил Чернышев.

«Уверяют, — продолжал Наполеон, — что турецкая конница напала на ваши каре с изумительной силой и окружила их».

«Да, государь, — отвечал Чернышев, — их многочисленная конница в этой атаке пронеслась между нашими каре, но встреченная на шею, стоявшею за ними, хотя и меньшею по числу, была опрокинута и прогнана».

Так отзывался Наполеон о сражении при Рущуке в то время, когда получил уже известия об отступлении наших войск за Дунай; но после первого о нем известия он был сильно встревожен и опасался скорого заключения нашего мира с турками. За несколько времени перед тем в Париже упорно поддерживался слух, что он намерен сосредоточить корпус войск от 50 до 60 тысяч в Далмации и поручить маршалу Нею, вызванному из Испании, предводительствовать им с целью возбуждать и поддерживать турок, а в то же время угрожать Австрии и заставить ее действовать в видах своей политики. «Если действительно, — писал Чернышев, сообщая этот слух графу Румянцеву, — Наполеон задумал это, то привести в исполнение такое предположение при тех огромных средствах, которыми он обладает, ему будет нетрудно. Между тем, если мы не поспешим заключить мир с турками во что бы ни стало, то это войско, под начальством такого способного и предприимчивого генерала, будет угрожать нам большою опасностью»*.

Кутузов наперед знал, что его отступление может нанести вред только его личной славе, как он писал государю, но оно было необходимо для пользы России. «С начала кампании, — говорил он в отношении к военному министру, — я видел, сколь много положение наше затрудняется рущукским ретраншементом, и как связывает руки сей пост, которого не только без сильного гарнизона оставить не можно и такого, который отнимает большую половину всей пехоты, могущей двигаться к подкреплению разных пунктов на великом пространстве, нами занимаемом; сверх того, и те войска, которые за таким великим гарнизоном, оставаясь подвижны-

*Письма Чернышева к графу Румянцеву от 5/17-го июля и 7/19-го октября 1811 г.

ми, удалить от Рушука не позволяет. К сохранению сего поста иных мер и иного положения по нынешней силе неприятеля избрать не можно, как то, в котором я находился перед визирскою баталией и несколько дней после, то есть стоять перед Рушуком и закрывать его всеми кое-как собранными силами. Единственная позиция, которую для сего избрать можно, не теряя связи с Рушуком, есть та, на которой я дал баталию. Она такова, что никак не можно (если неприятель без меры нас сильнее) визирю попрепятствовать, заняв фронт армией, обойти наш левый фланг и внедриться в садах, простирающихся до самого ретраншемента на 5 верст, из коих каждый разделен валом и рвом. В каком положении будет тогда армия и Рушук? Полагаю, что неприятель сего не смел или не умел бы сделать, но когда заставит меня чрез диверсию на правом моем фланге перейти за Дунай и оставить Рушук на собственные силы гарнизона, коего менее 18 баталионов уже никак в ретраншементе оставить невозможно, когда главный корпус, оставшись в 11 баталионах, ослабленный пойдет на подкрепление отдаленных пунктов, а гарнизон Рушука будет защищаться в таком ретраншементе, который представляет все невыгоды, ибо кроме той части, где паша был атакован, везде окружен высотами и садами, начинающимися круто от самого рва ретраншемента. Гарнизон имеет еще и ту невыгоду, что батареями неприятельскими легко можно потопить мост, который лишит его сообщения с левым берегом Дуная. Все сии причины столь важны, что я по совершенному убеждению принял мысль, тотчас после одержанной над визирем победы, оставить Рушук. Сие только и можно было произвести после выигранной баталии, в противном же случае казалось бы то действием принужденным, и ежели бы вместо выигранного сражения была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Рушук. Негоциация с Муллою-пашею о покупке судов идет еще сомнительно, а между тем 23-го числа получил подтвердительное известие, что визирь приказал из Софии идти к стороне Видина Измаил-бею с 15 или 20 тысячами. Итак, несмотря на частный вред, который оставление Рушука только может сделать *лично мне*, и предпочитая малому сему уважению пользу государя моего, упразднив Рушук, как были упразднены Силистрия и Никополь, выведя жителей, артиллерию, снаряды, словом все, и подорвав некоторые места цитадели, 27-го перешел я совсем на левый берег Дуная. От 22-го числа до совершенного моего перехода к Журже не было ни одного пистолетного выстрела на аванпостах. Мост и все к тому способы в моих руках, и я во всякое время, в любом месте буду иметь тет-де-пон на той стороне, когда ни вздумаю»*.

*Отношение Кутузова к Барклаю де Толли от 2-го июля 1811 г.

Отступление Кутузова ободрило и верховного визиря. 17-го июля его нарочный явился к Кутузову с письмом, в котором визирь писал, что не может приступить ни к каким переговорам прежде, нежели будет наперед обеспечена целость и независимость владений Порты, и просил его сообщить ему, на каких основаниях он уполномочен договариваться о мире. Если предполагаемое им условие не будет принято, то дальнейшее пребывание Гамида-эфенди в Бухаресте он считает ненужным. Кутузов отвечал решительно, что подобное условие не может быть принято за основание мирных переговоров, и что он не имеет причины задерживать Гамида-эфенди, которого верховный визирь всегда может вызвать к себе, хотя ответ, которого он ожидает из Петербурга, еще не получен. Этот ответ послан был в стан визиря с переводчиком Антоном Фонтоном, который знал визиря лично, находившись долгое время с ним после взятия Браилова. Объявив ему решительно, что Порта не согласится уступить Молдавию и Валахию, визирь выражал однако же искреннее желание заключить мир. «Вы помните, — говорил он Фонтону, — когда я в Браилове, как частный человек, говорил с вами об этой войне, я не скрывал моего мнения, что обе империи, теперь воюющие между собою, должны бы находиться в мире, чтобы противодействовать замыслам их общего врага. Тогда я не предполагал, что буду занимать это место, которое теперь занимаю; но я вам клянусь, что мое мнение осталось неизменным. Все выгоды России и Порты заключаются в том, чтобы прийти к соглашению как можно скорее, чтобы иметь возможность защищать себя, потому что я верно знаю, что французы такие же ваши враги, как и наши. Они употребляют все средства, чтобы помешать заключению мира; они стремятся к тому, чтобы мы взаимно истощали друг друга, чтобы потом, пользуясь нашею слабостью, осуществить свои коварные замыслы». Чтобы доказать свое мнение он потребовал последнюю ноту Латур-Мобура, но она не оказалась налицо и находилась в Шумле у Рейс-эфенди. «Я желал, — говорил визирь, — представить вам удостоверение в расположении Франции к России, дав вам в подлиннике прочесть ноту французского посланника, в которой он старается отклонить Порта от заключения мира. Но мы не так глупы, чтобы верить в дружбу к нам Франции и желание ее оказать нам услугу. Мы знаем, что она стремится к своим выгодам и к нашей гибели; но мы знаем также, что для достижения этой цели, она прежде всего будет действовать против России. Я велел отвечать французскому посланнику, что Блистательная Порта знает свои выгоды и будет вести войну или заключит мир, смотря по тому, что будет соответствовать благу государства. Все, что я вам говорил, передайте

моему другу генералу Кутузову; это наибольшее доказательство моей к нему дружбы, какое я могу представить»*.

Слова верховного визиря, без сомнения, были искренни; это мнение разделяли и большая часть турецких сановников; но он, как сам выражался Фонтону, был стеснен в своих действиях волею султана, который и думать не хотел об уступке Молдавии и Валахии в то время, как собрал значительные силы, намеревался действовать наступательно и праздновал сражение при Рушуке, как победу над русскими. Наш кабинет, конечно, еще менее мог согласиться на то условие для мирных переговоров, которое заявил Гамид-эфенди и подтвердил верховный визирь, и потому Кутузов поручил Италинскому немедленно отпустить Гамида из Бухареста, объявив ему, что «министерство нашего государя по рассмотрении тех сообщений, которые он сделал Италинскому в бывших с ним переговорах, не нашло в них никаких предложений к миру; что провинции, которых мы требуем признания за Россией, в самом существе состоят уже в ее владении и занимаются ее войсками; что самые меры, ныне с нашей стороны принятые, чтобы вести войну оборонительную, показывают твердое намерение, не озабочивая себя новыми приобретениями, защищать сии провинции как нашу собственность, и что если Порта упорствует в том, чтобы возвратить оные себе, то пусть пытается искать того силою своего оружия»**.

К этой попытке и приготавлился верховный визирь, получивший отовсюду подкрепления и побуждаемый султаном, считавшим победою сражение при Рушуке, особенно после переправы русских войск на левый берег Дуная. Разбив «императорский лагерь» при Рушуке, визирь простоял в нем до конца августа месяца, медля приступить к решительному действию в виду противника, которого давно знал и опасался, приготавливая способы для переправы значительного войска. М.И. Кутузов, со своей стороны, радовался нерешительности визиря, потому что поджидал вызванных им двух дивизий, тех, которым из молдавской армии велено было возвратиться за Днестр.

М.И. Кутузов любил повторять выражение графа Румянцева-Задунайского, что «если бы турки выучились разбивать двадцатипятитысячный корпус русских войск, то могли бы разбить и пятидесятитысячный», и потому не заботился о равновесии своих сил с турецкими. Он смело принял сражение под Рушуком с тройным против своих количеством войск неприятеля; но вообще наши силы в это время далеко

*Письмо визиря к Кутузову от 17-го июля; ответ Кутузова 18-го; донесение Фонтона 20-го, отношение Кутузова к гр. Румянцеву 22-го июля 1811 г.

**Донесение Италинского Кутузову 25-го июля; отношение Кутузова к гр. Румянцеву 28-го июля 1811 г.

не соответствовали турецким и не могли успешно действовать на протяжении тысячеверстной линии. Но всего было важнее для него то, что это сражение показало, что турки многому *выучились* с тех пор, как он дрался с ними. «Движение распоряжений верховного визиря, — писал Кутузов, — было так мудро, что могло бы служить славою самому искусному генералу; войска дрались храбро, а конница действовала с такою наглостью, что я в долговременную мою противу турецких служб службу, таковой не памятую»*. Победа далась нелегко, и мысль, еще прежде занимавшая Кутузова, увеличить свои боевые силы, должна была занимать его еще более.

На пути к войскам он узнал о движении пяти дивизий обратно в пределы империи. Около Ясс он встретил 9-ю дивизию и изменил ее расположение.

«С начала прибытия моего к армии, — писал он Барклаю де Толли, — я писал вам о расположении 9-й дивизии в Яссах, находящейся иным образом несколько вперед нынешнего ее положения. Обстоятельства тогда были таковы, что и невозможно было коснуться к сей части армии, могущей быть ежедневно нужною на западной границе империи. Турки, удостоверясь в том, что план войны нашей оборонительный, и что мы не сильны, могут и вовсе не заботиться ныне о мире. Визирь деятельно стию своей собрал знатные силы, но одно, что только может возродить в них желание к миру, есть то, чтобы дать движение 9-й и 15-й дивизиям в Валахию с тем, чтобы и самые передовые части сил войск не более двинуть с их нынешних мест, как на 10 маршей. Всякий раз, когда доводимы были до турецкого полномочного слухи о движении сих дивизий, то при всяком таком случае замечено было в нем большое беспокойство, и ежели бы по нынешним обстоятельствам государю императору угодно было на сие соизволить, то не должно бы терять времени»**.

Опасения Кутузова, что турки в это время могут вовсе *не заботиться о мире* с нами, оправдались скорее, вероятно, нежели он сам предпо-

*Отношение Кутузова к Барклаю де Толли от 23-го июня 1811 г.

**Письмо Кутузова к Барклаю де Толли из Журжи от 16-го июля 1811 года. — На подлинном письме надписано рукою Барклая: «Июля 2-е Высочайше велено отписать, что государь согласен на то, что подвинул бы к себе 9-ю дивизию, а 15-й приказал бы быть готовою к походу к соединению к нему: но без особой важной причины, о которой он должен заблаговременно уведомить, не трогал бы сию последнюю дивизию к себе. Напоследок сказать, что желательно бы было, чтобы сие повело к цели, которую он от сего ожидает, и приблизило бы нас к миру, к чему однако же, судя по его отношениям, еще никакой надежды нет. Что же касается до обстоятельств нынешних, то кажется, что они те же самые, что были весною». На это отношение военного министра (1-го августа) Кутузов, в частном письме к нему сообщает ему свое мнение о необходимости заключить мир с турками до разрыва с Францией, хотя бы и с некоторыми уступками. Письмо из Журжи 20-го августа 1811 года.

лагал. На другой день после отправления этого письма к военному министру он получил то письмо визиря от 17-го июля, которое угрожало совершенным перерывом мирных переговоров. Получив разрешение императора, он предписал 9-й дивизии и части 15-й идти на соединение с ним и ожидал прибытия их к сентябрю месяцу. К 1-му числу действительно пришла дивизия Ермолова и вслед за нею часть дивизии Моркова.

Между тем ночью на 28-е число августа месяца показались около Журжи на левом берегу Дуная турецкие отряды. Приняв их за шайки грабителей, наши передовые войска завязали с ними дело, которое однако же усиливалось более и более, по мере того как приставали к левому берегу новые отряды турецких войск. Это обстоятельство вынудило самого главнокомандующего выехать на поле битвы. Лишь только он появился, то немедленно приказал прекратить бой, поняв, что не шайки только грабителей, но и войско визиря переправляется на левый берег Дуная. «Пусть их переправляются, — говорил он, — только бы перешло их поболее на наш берег», — и, выступив из-под Журжи, стал в трех верстах от нового турецкого лагеря. Переправив на левый берег Дуная большую часть своего войска (до 36 тысяч), верховный визирь укрепил свой стан, послав отряд к Видину с поручением вторгнуться в Малую Валахию и действовать во фланг Кутузову, которого намеревался атаковать с другого фланга. Но эта экспедиция была отражена и не достигла цели; а пока медлил визирь, русский главнокомандующий скрытно переправил на правый берег Дуная корпус Моркова с поручением разгромить рущукский лагерь, занять берег против нового стана визиря на левом и, таким образом, окружить его и отрезать от всех сообщений. 20-го октября переправился корпус Моркова и двинулся на турок. Из стана Кутузова были видны его движения; он пристально и молча наблюдал за ними, пока, наконец, не развились наши знамена над визирским лагерем. Тогда он улыбнулся и, махая фуражкой, закричал: ура!, повторенное всеми войсками. «И простому солдату, — говорит наш историк этой войны, — были видны неминуемая гибель врагов и мудрость соображений полководца. Поражаемые огнем с фронта, тыла и флангов, турки не знали, в какую сторону отвечать, как укрыться от выстрелов. Наскоро строили они вал против Моркова, но беспорядочно, не слушая повелений начальников. Еще верховный визирь и паши давали приказания, не вникаемые, не исполняемые, будучи уже более зрителями, нежели действителями. Голос начальников не был слышен, как голос кормчего во время бури, когда ревет ветер и гремит гром. Турки

падали на колени, простирали руки к небу, вопия: Алла! Алла! Вскоре в их лагере воцарилась тишина ужаса»*.

Цель, предположенная главнокомандующим, была достигнута: блистательнее военного подвига не совершалось еще во все продолжение этой многолетней войны. Но на военные успехи Кутузов смотрел не как на цель своих действий, а как на средство принудить турок к заключению мира. На другой день, 3-го октября утром, в нашем стане разнеслась весть, что визирь бежал, переправившись ночью в маленькой лодке на правый берег, и взволновал всех. Генералы и офицеры собрались у ставки Кутузова; он вышел веселый и поздравил их с радостным событием. В недоумении, что случилось, они смотрели на него и друг на друга. «Визирь ушел, — сказал Кутузов, — его побег приближает нас к миру. По обычаю турок, верховный визирь, окруженный неприятелями, лишается полномочия договариваться о мире. Если бы визирь не ушел, то некому было бы известить султана о настоящем положении, в какое мы поставили его армию».

Кутузов, как полководец, безошибочно привел в исполнение свои военные соображения, не ошибался и как политик. В то время когда окружена была большая часть войска визиря, другая, оставшаяся у Рушук, разбитая Морковым, разбежалась. Собрать новые войска в непродолжительное время визирю не представлялось возможности, и оставалось только воспользоваться своим правом вступить в мирные переговоры. «Обстоятельства и положение визиря теперь таковы, что ежечасно мог бы мне представиться случай заключить мир, если бы удостоился я получить высокомонаршее государя императора разрешение не держаться непременно требования Дуная границей, а принять основанием трактата и другие условия, на которых визирь предложил бы мне вступить в мирные переговоры». Действительно, в тот же день визирь писал ему, прося заключить перемирие, и потом приступить к переговорам о мире, но Кутузов отклонил это предложение до того времени, пока визирь не объяснит новых условий, на которых может заключить с ними мир. Через два дня визирь снова прислал письмо, в котором уверял в искреннем желании способствовать заклю-

**Михайловский, Данилевский*, Полн. собр. соч. т. III, стр. 316; донесение Кутузова императору 3-го октября 1811 г.: «Благоразумие и быстрота генерала Моркова превосходят все похвалы; все войска наши на левом берегу Дуная были свидетелями ужаса, который распространился по всему турецкому лагерю при нечаянном приближении пяти каре генерала Моркова и легкой нашей конницы... Легко может статься, что визирь ночью, несмотря на бдительность наших судов, и ускользнет своего персоною в Рушук, но препятствовать ему будем, сколько возможно».

чению мира*. «Хотя я не имею полномочий сделать поземельные уступки и изменить прежние границы, — писал визирь, — несмотря на то, одушевленный желанием избавить обе империи от бедствий войны согласованием их взаимных выгод, я прямо объявляю, что могу принять на себя заключение перемирия с тем условием, которое готов дать на письме, что или крепость Хотин с ее округом будет уступлена России, или вознаграждены иным способом ее издержки на войну». Уступка была незначительна и, конечно, не могла удовлетворить Россию; но это было первый шаг к уступкам и явное выражение того, что визирь был уполномочен сделать некоторые уступки, хотя и не признавался в этом. «Не будучи уполномочен, — писал Кутузов графу Румянцеву, — не смел бы он сделать такого подвига в минуту, когда и без того кредит его, а, может быть, и самая жизнь большой подвержены опасности. Я даже уверен, что полномочия его простираются не на одну уступку крепости Хотинской с ее округом или замену деньгами. Предложения визиря, несомненно, малозначащи; но я почел нужным воспользоваться таковым, сделанным от него первым, шагом, дабы начать предварительные объяснения о мире, и довести его до благоразумной базы». Поэтому Кутузов поспешил отвечать на письмо визиря «с откровенностью и доверием, на которые уполномочивала старинная его дружба с ним». «Вы предлагаете, — писал он визирю, — уступку Хотина с округом или соответствующее вознаграждение. Но мой государь постоянно выражал желание Дунай положить границею своей империи. Я имею в этом отношении прямые предписания и отступить от них не могу; они не были изменены, потому что не было и со стороны Порты предложено никаких примирительных условий. Я сообщил вам об этом: как же теперь я осмелюсь ходатайствовать перед моим государем за предложение, до такой степени удаляющееся от его требований? Как осмелюсь я даже представить его ему? Это значило бы побудить его сделать мне выговор, и, может быть, потерять навсегда хорошее его мнение о моем усердии и продолжительной моей службе, не принеся никакой пользы делу примирения, составляющему предмет наших обоюдных желаний. Я не дам никакого хода вашему предложению и считаю его как бы несуществующим. Очень было бы желательно и даже необходимо, чтобы это предложение вы заменили другим, которым я мог бы воспользоваться и представить его моему государю с большею надеждою на успех. Если Ваша светлость, — наводил его на мысль Кутузов, — предложите удобную в военном смысле границу, и

*Отношение Кутузова к графу Румянцеву 3-го октября; письмо визиря к Кутузову 2-го октября; его ответ 3-го октября 1811 года.

при том положенную самую природою, как, например, течение реки, то я представлю моему государю как такое условие, которое можно принять, и буду ходатайствовать о заключении перемирия»*.

Едва Кутузов успел отправить это письмо, как получил новые наставления из Петербурга, которых он давно ожидал в ответ на свое письмо от 18-го июня. «Я занялся отправлением к Вашему сиятельству курьера, — отвечал он немедленно графу Румянцеву, — для испрошения разрешительных правил, на коих угодно Его Императорскому Величеству предоставить мне в настоящих обстоятельствах основать прелиминарные пункты, как получил сего числа почтеннейшее секретное ко мне отношение ваше, совершенно меня развязывающее и не оставляющее мне никакого желания, кроме скорого успеха от трудов и стараний моих, кои неусыпно к сему благодетельному предмету обращены будут». Получив новые наставления, Кутузов верил уже в возможность заключения мира, и потому уведомлял канцлера, что, быть может, решится заключить перемирие, «если таковая мера даст скорейший ход негоциации, тем более, что военные действия и без того, по причине позднего времени года, долго продолжаться не могут»**.

По мере того, как русский кабинет более и более убеждался во враждебных замыслах Наполеона, он также более и более стремился к заключению мира с Турцией. Испытав уже неудачу в переговорах и убедаясь, что невозможно удержать за собою оба дунайские княжества, он решился на уступки, но не хотел начинать переговоры на новых условиях, пока наше оружие не одержит новых блистательных успехов над турками. Сражение при Рущуке и предположение Кутузова вновь вызвать визиря из его укрепления и заставить дать сражение, в успехе которого он не сомневался, послужило поводом к тому, что канцлер, по поручению государя, сообщил ему новые условия для мирных переговоров. «Храбрость войск российских, — писал он ему, — знаменитые таланты и опытность начальника, ими предводительствующего, подают нам несомненную надежду, что оружие наше в сем случае покроется новою славой. В таком предположении обстоятельств, государь император указал мне сообщить вам высочайшую его волю, что если бы после одержанного нами успеха над турками, если б учинили они шаг к сближению, то, не отвергая оного, немедленно войти в переговоры на следующем основании:

*Отношение Кутузова к графу Румянцеву 9-го октября; письмо визиря Кутузову 5-го октября, ответ его визирю 7-го октября 1811 года.

**Отношение Кутузова к графу Румянцеву 9-го октября 1811 г., на бивуаке при Слобдзее.

1) Приобретения наши ограничить одною Молдавией и Бессарабией. Если бы турецкие уполномоченные затруднились уступить все эти княжества, то дозволялось согласиться на границу по реке Серету, потом по Дунаю до впадения его в Черное море.

2) За уступку нами Валахии назначить денежную сумму; а политическое существование сего княжества определить в какой-либо новой форме управления, как то: учреждением там внутреннего, независимого правительства или восстановлением господаря, с некоторыми против прежнего отменами в пользу княжества, и таковое постановление обеспечить взаимною гарантией России и Порты.

3) Обеспечить жребий Сербии, сколь можно согласно с желанием сербской нации.

4) Относительно Грузии утвердить за каждою страною, как на суше, так и по берегам Черного моря то, что при подписании мирного договора будет ими занимаемо».

Если турецкие уполномоченные изъявили бы согласие на эти условия, как главные и существенные, то все остальные статьи договора предоставлялось постановить по усмотрению самого главнокомандующего и «немедленно подписать окончательный мир, не теряя времени в пересылках в Петербург для испрошения новых наставлений, лишь бы все то было последствием вновь одержанных блистательных успехов. Без успехов такое смягчение наших требований имело бы вид слабости и опровергнуло бы твердость нашей политической системы; но умеренные требования после одержанной победы в глазах самого неприятеля представлятся великодушием и в то же самое время опровергнут во мнении его все неприязненные внушения, какие о наших замыслах до него доходили».

Когда канцлер писал эти строки, то знаменитый день 2-го октября еще не наступал; но весть о нем пришла спустя немного времени по отпращивании отношения Румянцева к Кутузову и возбудила уверенность, что мир немедленно будет заключен. Но этой уверенности еще не было в то время, когда канцлер писал приведенное отношение к Кутузову. Тогда русский кабинет предвидел еще возможность, что «паче чаяния и по одержании нами успеха», Порта сама не возобновит переговоров. В таком случае император поручил Кутузову *«найти побочное средство»** таковые предложения учинить со своей стороны, объявив притом, что если Порта на оные не согласится в то же время, то при будущих переговорах прежние наши требования возобновятся во всей их силе, и тогда Порта не вправе уже будет ссылаться на снисходительные условия,

*Слова эти собственноручно написаны императором.

ныне ей предлагаемые. Его Императорское Величество, — продолжал Румянцев, — ценя в высокой степени усердие ваше к нему, любовь к отечеству и превосходное проницание ваше и опытность во всех частях государственного служения, уполномочивает вас неограниченную властью к совершению сего дела, на правилах, выше объясненных, уверен будучи, что все, что к пользе и славе империи его может обратиться, не будет вами упущено»*.

Так оканчивалось отношение графа Румянцева, которое, по выражению Кутузова, развязывало ему руки для вступления в мирные переговоры. Ему не было нужды вызывать турок на переговоры, на которые напрашивался сам визирь. Не успел еще он отправить своего ответа канцлеру на его отношение, как приехали посланные с письмом от Ахмеда-паши и предложили новую границу по рекам Кундук и Бых, вследствие чего к нам отходили Хотин, Аккерман, Бендеры и Каушаны, то есть часть Бессарабии. Кутузов отклонил это предложение, не входя даже в рассуждения; но полагая, что уполномоченные визиря имели, сверх того, и другие предложения, он оставил их вместе с Фонтоном, который давно был знаком с ними. Предположение Кутузова оправдалось: посланные от визиря признались Фонтону, что уполномочены уступить все пространство земли до Прута. Но главнокомандующий и на это не согласился и дал им понять, что единственная граница, о которой он позволит себе представить государю, та, которая отделяет Молдавию от Валахии, и то потому только, что эта граница совершенно известна, ясно обозначена и не может впоследствии подать повод к спорам.

Уведомляя об этом графа Румянцева, Кутузов писал ему, что не прежде заменит сие предложение согласием на принятие границей реки Серета, «как по усмотрении совершенной невозможности склонить оттоманское министерство на уступку нам всей Молдавии». Так он действовал, чтобы исполнить желание государя, но предвидел однако же, что получить границу по Серету будет крайне затруднительно. «Не могу скрыть от вас, — писал он графу Румянцеву, — что я предусматриваю в получении Серета границей великие затруднения от упорства фанариотских греков, имеющих большое влияние на Порту. Они не захотят выпустить из рук своих большую часть княжества молдавского, ибо надежда и цель каждого из них есть достижение звания господарского в одном из двух княжеств. Быть также может, что верховный визирь остановится на предложении, от него сделанном, о назначении реки Прута границей между двумя империями, и сим прервана будет нить

*Отношение графа Румянцева к Кутузову от 30-го сентября 1811 г., утвержденное императором 28-го сентября.

негоциации. В таком случае упорство визиря на уступку нам всей Молдавии или части оной по Серету, тогда как с армиею своею находится в весьма тесном положении, будет уже неоспоримым доказательством неопременного решения Порты ограничить пожертвования свои рекою Прутом». Не одержав еще блистательных успехов над турками, не приступая к решительным переговорам с самим визирем, Кутузов еще надеялся, что турки уступят нам всю Молдавию, и алчность фанариотов может удовлетвориться двумя Валахиями; но теперь он начинал уже терять эту уверенность, и его опасения оправдались впоследствии.

На другой день после отправления этого отношения, к Кутузову вновь явился Эссад-эфенди с письмом от визиря, в котором он извещал, что, хотя предложенные им основания для мирных переговоров он считает согласными с началами справедливости, но так как Кутузов отверг их, то, желая всеми способами содействовать великому делу примирения двух государств, он предлагает определить границу течением реки Серета. Что же касается до второстепенных условий, как особых привилегий для Валахии, восстановления господарей и некоторых уступок в отношении к Сербии, то они могут быть определены при самих переговорах. Визирь не говорил определенно об азиатских границах, но его посланный объявил, что Галиб-эфенди будет снабжен полномочиями и по этому вопросу. Принимая предложения визиря, Кутузов писал ему однако же, что если и будет возможность согласиться на границу Серета, то вопрос о границах в Азии может представить затруднения, и потому предлагал ему снабдить достаточными полномочиями Галиба-эфенди и его товарищей.

13-го октября турецкие уполномоченные прибыли к Дунаю и с дозволения главнокомандующего переправились на левый берег. На другой день, до приема послов, Кутузов принимал главного драгомана Порты князя Мурузи и к крайнему удивлению узнал, что визирь не имеет еще полномочий от султана для заключения мира, как он это предполагал, и что только четыре дня тому назад он потребовал их из Константинополя. Хотя Мурузи и уверял, что полномочия будут немедленно присланы, что это формальность, которая не должна останавливать переговоров, и что визирь, когда назначают его предводительствовать войсками, получает уже вместе с тем право заключить мир, однако же это обстоятельство тревожило Кутузова. Он заявил о том турецким уполномоченным, представлявшимся ему в тот же день. Галиб-эфенди старался так же, как и Мурузи, уверить, что это полномочие немедленно будет прислано, и что возможно наперед начать переговоры. «Впрочем, — прибавил он, — бывали примеры, что и до

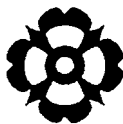
получения полномочий от султана начинали переговоры: так было в 1791 году. Еще в Галаце предварительно были начертаны все условия договора, и только в Яссах получено было потом султанское полномочие. Поэтому возможно, не открывая еще конгресса, составить комитет и назначить в него членов с обеих сторон с тем, чтобы он обсудил все статьи и приготовил проект трактата».

«Я не мог оспаривать доказательства Галиба-эфенди, — писал Кутузов графу Румянцеву, — ибо действительно мне самому известно, что первые переговоры начаты в таком точно виде, и даже султанские полномочия, присланные потом в Яссы, были не на имя визиря, а на имя всех уполномоченных, которые вели с нами переговоры. С одной стороны можно подумать, что шаг, сделанный визирем, есть только одна уловка, дабы получить перемирие, надеясь посредством одного освободить окруженное нами войско; но вы согласитесь со мною, что, несмотря на сие предположение, от коего себе визирь никакой пользы не получит, не могу я упустить случая, столь для нас благоприятного, и должен употребить все мои старания, дабы желаемое и теперь начатое дело не прервалось, и мы не потеряли пользы, дарованной нам действием нашего оружия и счастливым стечением обстоятельств. Визирь уже согласен на назначение границею Серета, чего, признаюсь вам чистосердечно, не смел я надеяться. Следовательно, главнейшая статья постановлена. Отказав турецким уполномоченным в предложении их начать переговоры и возобновить военные действия, войска наши, бесспорно, покроют себя новыми лаврами; но можем ли надеяться, чтобы представился нам не только в сию, но и в будущую кампанию столь благоприятный случай для трактования с такими выгодами и на таких условиях? Визирь, спасая большую часть войск своих, в наших руках находящихся, и коих один только мир освободить может, ищет спасти свою голову и потому, бесспорно, употребит все средства для скорейшего получения полномочий. Если же при возобновлении военных действий сие войско будет взято нами в плен, то, увидя сию надежду потерянною, не осмелится он взять на себя согласиться на такие пожертвования землею. Желание спасти главную часть турецкой армии в сем еще году будет также сильным побудительным средством для самого султана ратификовать мирный трактат. Она составлена из корпуса янычар, из албанцев и анатолийцев; пожертвовав ими теперь, не может он надеяться в предбудущие кампании получить малейшую помощь от Али-паши Янинского, от Чапана-оглу, да и самые янычары, в коих утвердится тогда подозрение, что он хочет их корпус истребить, восстанут при первом побуждении их выступить в поход против нас».

Изложив эти соображения, Кутузов извещал наше правительство, что намерен согласиться на открытие переговоров, но прервет их немедленно, если заметит, что визирь действует неискренно и собирает средства для освобождения своих войск, окруженных на левом берегу Дуная. Впрочем, он не имел подобного подозрения, зная, что в непродолжительном времени визирю не удастся собрать достаточного количества войск, особенно в виду приближения зимы. «Но к крайнему сожалению, — писал он, — я предвижу, что настоящее положение дел далее продлится, нежели я первоначально предполагал». Предполагая, что до того времени, когда можно будет приступить к заключению самого договора, он успеет получить известия из Петербурга, он просил снабдить его наставлениями по вопросам о денежной контрибуции, Белградской крепости и азиатской границе. Чтобы сразу не прервать сношений с визирем и его уполномоченными, Кутузов не упоминал о деньгах, предоставляя себе впоследствии объясниться с ними об этом требовании, которое было представлено туркам еще в прошлом году при графе Каменском, и на которое мы имели теперь еще более права, оставляя им, кроме Валахии, еще пять округов Молдавии. Кутузов был однако же уверен, что уполномоченные, несомненно, отклонили бы это требование. «Я с своей стороны, — писал он графу Румянцеву, — сильнеею образом настаивать буду; но не допущу, чтобы сия статья была причиною нового и совершенного разрыва. Я помню, что в Кайнарджицком мире, к коему приступлено было после блистательнейшей войны, продолжавшейся несколько лет, под предводительством мудрейшего полководца, главным препятствием представилось требование наше 7 или 8 миллионов, и мы должны были от оного отказаться. Ясский конгресс 1791 года, коего я сам был свидетелем, совсем было рушился по причине потребованных нами шести миллионов, и князь Безбородко принужден был в последней конференции сию статью уничтожить. Не одно истощение финансов заставляло турок упорствовать в согласии на денежные вознаграждения, но и предрассудок, по которому им всякая денежная плата представлялась данью, унижающею достоинство Блистательной Порты. Другой вопрос, который Кутузов считал крайне затруднительным, состоял в том, чтобы удержать за сербами Белградскую крепость; он полагал, что Турция никогда на это не согласится. «Да и действительно, — писал он, — не может она оставить ключ своих владений в руках народа ей недоброжелательного и который, по невежеству своему или по корыстолюбию, может при первой остуде Порты с Австрией, впустить в столь важную крепость австрийские

войска. Впрочем теперь, когда не требуем мы более Валахии, не вижу я, какой бы сие могло для нас быть пользой, а потому и положил вовсе о Белграде не упоминать, уверен будучи, что и турки о сем упоминать не будут»*.

*Отношение Кутузова к графу Румянцеву из Журжи, 15-го октября; письмо визирия Кутузову 2-го октября; ответ на него Кутузова 13-го октября 1811 г. Уполномоченными со стороны Турции были: Муфти-заде-Селим-Кечай-бей, Гамид-эфенди, Кетерн-эфенди, Незиб-эфенди и князь Мурузи, с нашей стороны – тайн. сов. Италинский, ген.-м. Сабанеев и д. ст. сов. Фонтон.

Глава пятая

*Переговоры
и подписание
мира
с Турцией*

Соглашаясь на открытие предварительных переговоров с визирем, Кутузов выразил однако же особым письмом свое удивление в том, что визирь не позаботился об испрошении полномочия у султана. Если бы Кутузов знал, что уполномоченные приедут, не исполнив этого существенного условия, то, писал он, не принял бы их, и теперь соглашается на открытие переговоров единственно потому, что уверен в добросовестности визиря. Но во всяком случае Кутузов заявлял, что не откроет конгресса до тех пор, пока султанское полномочие не будет доставлено. Визирь немедленно отвечал нашему главнокомандующему пространным и умоляющим письмом, оправдываясь обстоятельствами. Он торжественно заявлял, что в грамоте на пожалование его визирем, между прочими полномочиями ему предоставлено право объявлять войну и заключать мир. Несмотря на то, при самом вступлении в сношения о переговорах с нами, он требовал из Константинополя особое полномочие на настоящий случай, несколько дней назад повторил свое требование и ожидает немедленного его удовлетворения*.

19-го октября начались предварительные переговоры. Наши уполномоченные открыли первую конференцию предложением определить новую границу между двумя империями; требуя уступки Бессарабии и всей Молдавии, они определили границу по течению Дуная с того места, где находилась граница между Молдавией и Валахией и до впадения его в Черное море Георгиевским рукавом. Но, встретив сильное сопротивление со стороны турецких уполномоченных, после долгих споров совещавшиеся пришли к следующему заключению: Оттоманская Порта уступает России Бессарабию и часть Молдавии на левом берегу Серета, с городами, крепостями, селениями и всем, что в тех провинциях находится; границу между обоими государствами будет составлять р. Серет до своего впадения в Дунай, а от этого места — течение реки Дуная до впадения её в море Сулинским гирлом. Все острова, лежащие на левой стороне фарватера этой реки и Сулинского гирла, будут принадлежать России, лежащие же по правую сторону останутся во владении Порты, исключая одного ненаселенного острова против Галаца, который уступается России. Купеческие суда обеих держав могут, как и прежде, плавать по Сулинскому

*Отношения Кутузова к графу Румянцеву 16-го и 18-го октября; письмо Кутузова к визирю и его ответ 15-го октября 1811 г.

рукаву, составляющему новую границу, и по всему Дунаю; но военные русские суда могут ходить только до соединения этой реки с р. Серетом.

«Ваше сиятельство изволите заметить, — писал Кутузов графу Румянцеву, — что назначение Сулинского гирла границею в устье Дуная не согласно с первоначальным нашим требованием; но мы, хотя и упорно настаивали на требовании Георгиевского, однако же, принуждены были от него отступить потому, что в летнее время по Георгиевскому рукаву, в низкие воды никакие суда, кроме самых мелких, ходить не могут. Затворив же Порте плавание по Сулинскому гирлу, отняли бы мы у нее, без особенной для нас пользы, всякое водяное торговое сообщение между Валахией и Булгарией и Черным морем. Для нас важно было иметь весь Чатальский остров, лежащий против Измаила и Килии и занимающий пространство между рукавами Килийским и Сулинским, — того мы и достигли, хотя с крайним трудом. Что же касается до Георгиевского рукава, то, хотя мы его и оставляем Порте, но всегда можем запретить всякий вход из него в Сулинский, построив вместо имеющегося уже ныне штерншанца, при разделении Сулинского и Георгиевского рукавов, крепкий блокфорт».

Определив первую статью предложенного мирного договора, наши уполномоченные перешли к рассуждениям о том, на каких условиях Россия возвращает Порте Валахию и часть Молдавии на правом берегу Серета. Турецкие уполномоченные долго не соглашались на то, чтобы постановить новые привилегии в пользу княжеств и господарей. Они считали совершенно достаточными те, которые были определены прежними трактатами, и говорили, что не имеют полномочий изменять их. Но, видя, что наши уполномоченные не отступают от своих требований, они представили этот вопрос на решение визиря и дали повод предполагать, что в этом случае можно ожидать некоторых уступок со стороны Порты. Но вопрос об уступках по азиатской границе они отвергли безусловно. Едва наши уполномоченные предложили утвердить за каждой из договаривающихся сторон как на суше, так и по берегам Черного моря, то, что при подписании мирного договора будет занимаемо ими, как турецкие уполномоченные сильнейшим образом восстали против этого предложения. «После уступки обширного пространства земли в Европе, — говорили они, — невозможно допустить уже подобной уступки в Азии, и мы имеем прямое предписание визиря отклонить подобное требование, если бы оно было выражено».

Наши уполномоченные настаивали на своем требовании, и потому как те, так и другие, решили предоставить главнокомандующему и визирю дать направление переговорам по этому вопросу. Это произошло на конференции 23-го октября. На другой день Галиб-эфенди изъявил

желание иметь особое свидание с тайным советником Италинским и при этом свидании повторил ему решительную невозможность принять для азиатской границы начало *uti possidetis** обеих сторон во время подписания мирного договора. При этом случае он передал ему письмо визиря к нашему главнокомандующему. В этом письме визирь выражал ту же мысль. «Мы установили основания для мирных переговоров, — писал он, — ценою уступки с нашей стороны таких важных областей, как Молдавия и Бессарабия, и особенно находящихся там крепостей; но было бы явлением беспримерным, если бы подобные уступки мы сделали на обеих границах. Это предложение со стороны Вашего сиятельства не согласно с теми началами умеренности, которые я надеялся в вас найти, ни с вашим высоким образованием».

Притом визирь заявлял, что и он не имеет полномочий говорить об этом вопросе, и просил вовсе обойти его в мирном договоре. Хотя граф Кутузов отвечал решительным отказом визирю, однако же счел нужным обратить на этот вопрос особенное внимание нашего кабинета.

«Теперь остается вникнуть, — писал он графу Румянцеву, — довольны ли для нас важны новые в Азии приобретения, чтобы для них разорвать начавшиеся переговоры, предпочесть их всем выгодам скорого мира и решиться на новые значительные пожертвования и убытки, или же немедленное заключение для нас полезнее, нежели сомнительная надежда, что со временем, посредством величайших усилий и действием постоянных подвигов оружия нашего, одержим мы такое требование от Порты? По моему мнению, не новые приобретения в Азии, а скорее конец войны должен быть главнейшею целью настоящей негциации. И если султан согласится утвердить сделанные уже визирем уступки, на которые он был вынужден затруднительным положением, в какое я его самого и войска его поставил, уступки, доставляющие нам большое пространство земли и твердую в Молдавии границу, — то можем мы, не настаивая теперь непременно в требованиях наших относительно Азии, оставить план распространения границ наших в том краю без действия, пока обстоятельства позволят нам им единственно заняться, а между тем довольствоваться сохранением за ними, из завоеванных на берегу Черного моря мест, крепостцы Потти или Сужюн-Кале, непременно для коммуникаций нам нужных, и если Бог поможет нам склонить Порту на таковую уступку, то возратить ей прочие города, войсками нашими занимаемые. Если же Порта на отдачу нам одного или нескольких приморских городов или же на принятие основанием

* Формула взаимного признания прав воюющих сторон на занятые ими территории (лат.) (Прим. ред.)

границы в Азии *uti possidetis* не согласится, и я удостоверюсь, что одна сия статья препятствует к достижению желаемой цели мира, то остается мне одно только средство, которое я должен буду употребить, если не получу между тем новых от Вашего сиятельства предначертаний. Средство сие состоит в том, чтобы склонить турецких уполномоченных подписать статью *темную и запутанную*, которая, не упоминая вовсе о требованиях наших, предоставила бы нам возможность, при самом выполнении условий, в ней означенных, настоять в сохранении за нами того, что нашими войсками теперь занимается. Например если бы мы с общего согласия положили сказать просто в той статье: «для постановления границы в Азии будут назначены с обеих сторон особые комиссары».

Постановления отдельных условий предположенного договора хотя и озабочивало Кутузова, но еще более озабочивало его то обстоятельство, что не получалось так долго полномочия со стороны султана, особенно потому, что до него доходили слухи, что первым движением султана, по получении известий о плене армии визиря, было разослать повсюду фирманы о наборе новых войск. Хотя он не думал, чтобы в позднюю осень можно было собрать новое войско, но подобное настроение султана не могло не внушать опасений, что он не даст полномочий для переговоров о мире. Поэтому Кутузов постоянно напоминал о них Галибу-эфенди, рассчитывал с ним сроки, готов был согласиться и на отсрочки, но намерен был, наконец, прервать переговоры. «Признаюсь, — писал он графу Румянцеву, — что имея единственно в виду желание доставить отечеству нашему мир, так давно ожидаемый, крайность сия весьма была бы для меня чувствительна, но вы сами со мною согласитесь, что производящиеся теперь переговоры, хотя и весьма полезны, приуготовляя скорейший ход делам на случай открытия конгресса, но пока обстоятельства, принимаемые турецкими уполномоченными, не утверждены султанскою полною мочью, они никакой силы и действия иметь не могут». Но с таким же нетерпением, как русский главнокомандующий, ожидал султанских полномочий и верховный визирь. Эти полномочия показали бы ему, что султан примирился с положением дел, и он не поплатится за него головою*.

В то время, когда сообщение Кутузова насчет своих опасений за мирные переговоры нашему кабинету были на пути в Петербург, нарочный вез к нему оттуда отношение канцлера, в котором выражена

* Отношение Кутузова к графу Румянцеву 29-го октября; письмо визиря к Кутузову 26-го октября; ответ ему Кутузова 28-го октября; письмо Фонтана к Кутузову о разговоре с визирем 29-го октября 1811 г.

была надежда, что мир состоится немедленно. Одобряя от имени государя «благоразумную по всем частям предусмотрительность Кутузова», Румянцев в то же время писал ему: «Благодарение Богу, храбростью наших войск, деятельностью и благоразумием предводителя их, приближаемся, кажется, мы к той минуте, в которую отечество будет вновь обрадовано славным и полезным миром. По соглашению уже теперь о главной оного статье, то есть о границе по Серету, Его Величество предоставляет на ваше благоусмотрение сделать постановление о Валахии к обеспечению преимуществ сего княжества сколько возможно покровительством России, и сохраняя через то некоторое там наше влияние». Признавая представляемые Кутузовым причины трудности сохранить за сербами белградскую крепость весьма основательными и «по маловажной от того для нас пользе», государь позволял ему не настаивать на этом условии, но позаботиться о том, чтобы, по крайней мере, турецкими войсками были очищены все другие крепости, и чтобы «внутреннее управление в Сербии было установлено по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России». Поручая по возможности обеспечить судьбу Валахии и Сербии, предписывалось ему, однако же, не терять из виду, что «главнейшая наша цель есть мир с Портою, полагающий границею реку Серет». Это условие считалось существенным; в отношении ко всем другим главнокомандующему дозволялось делать уступки и даже отказаться от некоторых, как, например, от требования денежного вознаграждения. Таким образом, заключение мира казалось обеспеченным; но в конце этого отношения граф Румянцев прибавил, что, отказавшись от денежного вознаграждения, мы имеем право настаивать на наших требованиях о границе в Азии, то есть утвердить именно за каждою стороною то, что при подписании мира ими там будет занимаемо: «Его Величество поручает сию для нас столь важную статью особенному вашему попечению. При твердом в том с нашей стороны настоянии, вероятно, Порта долго упорствовать не будет, получая неожиданные ею уступки со стороны Дуная, и в денежных требованиях». Из этих слов видно, что взгляд нашего кабинета на этот вопрос был совершенно противоположен взгляду Кутузова, который усиленные со своей стороны требования об азиатской границе на условии *uti possidetis* считал неперменным поводом к разрыву переговоров, а между тем в этом же отношении к нему канцлер говорил: «В заключение я должен еще подтвердить вам, что главнейшая цель Его Величества есть та, чтоб отнюдь не прерывать настоящей негоциации, и чтоб она наипоспешнейше вела нас к миру. Государь император, приемля в полной цене достохвальное ваше служение в довершении сего вели-

кого дела, со всею пользой и славой для отечества полагается на вас с полною доверенностью и с полною надеждою»*.

Незадолго до получения этого отношения Кутузов, которого начинали уже тревожить медленность в доставлении султанских полномочий и известие о приходе новых войск для подкрепления визиря, 4-го ноября послал письмо Ахмеду-паше и в нем настоятельно требовал объяснения такого неопределенного положения дел. «Чувства доверия и дружбы, которые существуют между нами, — писал Кутузов визирю, — не позволяют мне более скрывать от вас то неприятное положение, в которое меня поставили взаимные отношения между нами. Месяц тому назад вы предложили мне заключить перемирие и начать переговоры о мире. Я поспешил принять это предложение, полагаясь на ваши искренность и честность, которые мне известны. Следуя моему только личному убеждению, я решился начать предварительные переговоры до получения необходимых в этом случае полномочий от султана». Замедление в присылке полномочий Кутузов считал признаком враждебного расположения и требовал объяснений от визиря. В ответе на это письмо визирь успокаивал нашего главнокомандующего уверением, что через несколько дней он непременно получит полномочия; а в разговоре с нашим переводчиком Фонтоном, который привез ему письмо Кутузова, он, между прочим, сказал, что если бы к великому несчастью султан не дал полномочия на заключение мира с уступкою своих владений по Серету, то он пожелал бы иметь тайное свидание с нашим главнокомандующим и предложил бы меньшие территориальные уступки, но с прибавкою денежного вознаграждения, заключение наступательного и оборонительного союза с Россией, с обязательством дать в помощь России 40 тысяч войска, если Франция объявит ей войну. Вместе с тем Кутузов получил известия из Константинополя, что султан действительно не соглашается на уступки, сделанные визирем при переговорах с нами. Уполномоченный Франции Латур-Мобур уверял султана, что Франция скоро начнет войну с Россией, и что в этом случае император Наполеон непременно восстановит польское королевство, присоединив к нему и несколько областей от России, и тогда Порта будет находиться в соседстве не с Россией, а уже с Польшею. Стараясь всеми способами предупредить заключение мира с Россией, он уверял, что если Порта сделает уступки, требуемые Россией, то Франция отнимет у нее потом эти области и отдаст Польше, которой границы в этом случае она также определит течением Дуная.

*Отношение графа Румянцева к Кутузову от 26-го октября 1811 г.

Австрийский интернунций Штюрмер действовал иным образом; он, как говорили, представил депешу графа Меттерниха в подтверждение уверений, что Россия готова отступить от всех своих требований лишь бы заключить мир с Турцией, и что в этом смысле даны уже новые наставления Кутузову.

Все эти известия, вместе с личным характером султана и влиянием фанариотов, о чем знал наш главнокомандующий, не могли смущать его. Сообщая их графу Румянцеву, Кутузов предполагал, что султан желает «сохранить за собою в Европе Галац и Измаил с их землями, в Азии же Черкесию и р. Рион, определяя границу так, чтобы Анапа, Суджон, Сухум принадлежали Порте, равно как и левый берег Риона, то есть крепость Поти, оставя нам для морской нашей коммуникации только берег Мингрелии». «Сие собственное мое мнение, — продолжал Кутузов, — некоторым образом сходно бы было и со словами визиря, который в первом свидании с переводчиком Фонтоном именно сказал, что я весьма справедливо утверждаю право России на Грузию и Имеретию, давно нами завоеванные, и что он сам находил бы неосновательным, если бы Порта захотела иметь притязание на эти провинции. Впрочем, прибавил он, так как России нужно иметь свободную коммуникацию с Грузией морем, посредством реки Риона, то можно постановить сие особою статьею». Кутузов предполагал, что мысль о денежном вознаграждении и о заключении союза с нами султану подал сам визирь, видя нежелание его уступить территорию по р. Серет, и находился теперь в тревожном состоянии, опасаясь перерыва переговоров. «Я не перемену границ, — писал он графу Румянцеву, — в Европе противу того, что визирем уже обещано, без высочайшего повеления приступить не могу, а также разорвать переговоры, разорвав перемирие, не смею, и таким образом, в крайнем затруднении нахожусь»*.

В половине ноября верховный визирь вызвал в Рушук одного из уполномоченных, Галиба-эфенди, который, возвратясь оттуда 16-го числа, пригласил к себе переводчика Фонтону, объявил ему о получении полномочий и просил передать письмо визиря главнокомандующему, в котором заключалось то же самое известие. Галиб-эфенди объявил также, что по султанским полномочиям он назначен первым уполномоченным для переговоров и просил назначить конференцию на другой день, 17-го ноября. В этой конференции, после обычных приветствий и прочтения полномочий, Галиб-эфенди в длинной речи говорил о необходимости и выгоде мира для обеих держав и об ис-

*Отношение Кутузова к графу Румянцеву 11-го ноября; его письмо к визирю 4-го ноября; донесение Фонтону Кутузову 10-го ноября 1811 г.

креннем желании султана достигнуть этой цели посредством этого конгресса. «Нельзя не заметить, — говорил он, — какую принял на себя ответственность верховный визирь, когда, не зная еще намерений султана об условиях мира, он отправил уполномоченных для начатия переговоров. Поэтому, все их труды для начертания условий будущего договора должны считаться лишь предварительными, которые остались бы без всяких последствий, если бы султан не снабдил их своим полномочием. Полученные полномочия служат достаточным свидетельством искреннего желания султана заключить мир с русским императором; но он желает прочного мира, а не простого перемирия, которое при первом удобном случае попыталась бы одна или другая сторона нарушить. Прочность же мира зависит от тех условий, на которых он будет заключен. До сих пор постановленные условия не представляют такого ручательства, и потому их надо оставить и вести переговоры о мире на новых основаниях». А.Я. Италинский отвечал, что и намерения русского императора заключаются в том, чтобы достигнуть заключения прочного мира, который не мог бы служить поводом впоследствии к недоразумениям или спорам, и в этих-то видах и постановлены главные основания для договора. Главнокомандующий, только убедившись в том, что эти основания будут приняты, заключил перемирие и допустил уполномоченных приступить к предварительным переговорам. Отвергая теперь условия, на которые уже согласился визирь, турецкие уполномоченные обличают, что он действовал недобросовестно в отношении к нашему главнокомандующему, оказавшему ему доверие.

«Но верховный визирь, — отвечал Галиб-эфенди, — действовал в этом случае не вследствие определенных полномочий, а в силу той великой власти, которую он вообще облечен и в надежде, что султан одобрит его поступок. Но вышло иначе. Конечно, существенная цель, к которой относились все действия визиря, а именно желание заключить мир, одобрено султаном; но частные условия для заключения мирного договора, не будучи им одобрены, должны быть изменены». На вопрос наших уполномоченных, какие же новые основания имеют они предложить для мирного договора, Галиб-эфенди отвечал, что условие о границе по р. Серет отвергнуто султаном.

Наши уполномоченные в сильных выражениях заявили удивление и объявили, что отвержение этого условия вынуждает их прекратить дальнейшие переговоры, как совершенно бесполезные. Турецкие уполномоченные старались продлить переговоры доказывая, что надобно выслушать все взаимные предложения, и что, представив этот вопрос на благоусмотрение русского кабинета и в ожидании новых от него наставлений, можно вести переговоры о всех других условиях

договора. Но наши уполномоченные, настояв на своем мнении, прервали заседание, объявив, что доведут все сообщенное турецкими уполномоченными до сведения главнокомандующего, и без его разрешения не вступят ни в какие дальнейшие переговоры.

Турецкие уполномоченные, которым поручено было непременно достигнуть мирных с нами соглашений, были крайне смущены решительным поступком Италинского. Вечером в тот же день Галиб-эфенди послал князя Мурузи к одному из наших уполномоченных, Фонтону, поручив ему объявить, что турецкие уполномоченные понимают, что нашим невозможно было принять сделанное ими предложение официально и вступить в какие бы то ни было по этому случаю объяснения, не доложив предварительно главнокомандующему; но что нельзя же им отказать в дальнейших переговорах и не выслушать от них сообщений о намерениях султана по крайней мере в частном свидании, которое он желал бы иметь с нашим первым уполномоченным. «Я тем охотнее согласился на это предложение первого турецкого уполномоченного, — писал Кутузов графу Румянцеву, — что мне самому нужно было, наконец, узнать, в чем именно состоят предполагаемые султаном отмены». Получив разрешение главнокомандующего, Италинский имел свидание с первым турецким уполномоченным 18-го ноября. Повторив уверения в искреннем желании султана окончить миром эту войну, продолжающуюся уже пять лет, турецкий уполномоченный объяснил, что он не может, однако, принять такие тягостные условия, как определение границ по р. Серет. Но его государь, одаренный твердым характером, отвергая это условие, не поддался, однако же, внушениям иностранных держав, чтобы вовсе не заключать мира с Россией. Напротив того, он предпочитает теперь же искренно примириться с нею, нежели рассчитывать на те выгоды, которые они обещают ему в будущем. Но этот мир может состояться лишь на условии *status quo ante bellum**, то есть через возвращение всех завоеванных русскими областей турецкой империи. Русский двор доказал бы этим свою умеренность и вынул бы замолчать зависть других держав.

Конечно, Италинский выразил только удивление, выслушав слова Галиба-эфенди, и заявил уверенность, что наше правительство, в какое положение оно ни было бы поставлено, не заключит на этом условии мира с Портой и не прекратит войны. По словам Италинского, наш государь достаточно доказал свою умеренность, соглашаясь возвратить две трети завоеванных ими областей; что же касается до иностранных внушений, то султан должен понять, что если они направлены к ослаблению России, то впоследствии поплатится за это сама Турция.

*Положение, существовавшее до начала войны (лат.) (Прим. ред.)

Галиб-эфенди, видя, что Италинский решительно отвергает предложенное им условие, заявил, что если Россия непременно требует поземельных уступок, то он может уступить по р. Прут, но не до самого впадения этой реки в Дунай, а до Фальчи, а оттуда проведется черта до Кудука, и эта последняя река составит границу до впадения ее в море. Таким образом Аккерман с частью Бессарабии будут уступлены России, а Килия и Измаил останутся за Портою. «На этом условии, — говорил Галиб-эфенди, — я готов хоть сейчас подписать мир и уверен, что султан утвердит его».

«Эти условия таковы, — отвечал ему Италинский, — что я не могу себе позволить даже рассуждать о них и уверен, что главнокомандующий никогда не решится представить их императору». То же самое велел повторить турецкому уполномоченному и сам Кутузов через переводчика Фонтон. Не желая довести переговоры до окончательного разрыва, Галиб-эфенди прислал к нему князя Мурузи просить, чтобы в ожидании новых наставлений из Петербурга по вопросу о границе, не прерывать переговоров по другим условиям договора; перевести конгресс в Бухарест по случаю дурного времени года и позволить нашим уполномоченным сойтись на новое совещание с турецкими 21-го ноября. Кутузов дозволил, и это новое совещание доказало только, до какой степени сами турки опасались прекращения переговоров, упрашивая представить на усмотрение нашего императора вновь предложенные ими условия и позволить вести переговоры о других.

«Новые предложения Порты, — писал Кутузов, пожалованный уже в это время графом за победы над турками*, графу Румянцеву, — относясь до статьи, которая уже совершенно поставлена была и удостоилась одобрения Его Величества, я не имею права вступать касательно до нее в какие-либо с турецкими полномочными объяснения; не теряя однако ж из виду волю государя императора отнюдь не прерывать настоящих переговоров, положил я, не принимая на себя никакого перед турецкими полномочными обязательства, представить вам для донесения Его Величеству полное во всех отношениях сведение о сем обстоятельстве и покорнейше просить вас почтить меня для собственного моего руководства уведомлением о высочайшем государя императора решении, которого с нетерпением ожидать буду»**.

*Письмо графа Кутузова к супруге от 26-го ноября 1811 года: «Забыл тебя поздравить графиней, но указу еще нет здесь». *Русская Старина* 1872 г.

**Отношение графа Кутузова к графу Румянцеву 28-го ноября; протоколы совещаний конгресса 17-го и 21-го ноября; донесение графу Кутузову Италинского и Фонтон и письмо визири 15-го ноября 1811 г.

Вслед за тем Кутузов перенес свою главную квартиру из Журжи в Бухарест*, перевел туда конгресс и дозволил ему собираться для совещаний о других условиях мирного договора; но в половине декабря он получил отношение графа Румянцева, который сообщил ему волю государя, чтобы прервать переговоры. Государь был удивлен, что турки решились отступить от статьи договора, которая была предложена самим визирем, и поручал Кутузову объявить ему о прекращении перемирия и приступить к военным действиям.

«Во всех потому распоряжениях, — писал ему граф Румянцев, — государь император полагается с неограниченною доверенностью на искусное ваше предводительство и не сомневается, чтобы сие новое ополчение при самом своем начале не было ознаменовано покорением турецкого корпуса, запертого на левом берегу Дуная, со всем его оружием, амуницией и багажом. Благоразумные меры, которые по прозорливости вашей будут приняты, и дальнейшие успехи, яко неминуемые оных последствия, конечно, вскоре принудят турок сделать новый шаг к сближению, и в таком случае Его Величеству угодно, если визирь отнесется к вам с предложением о мире, чтобы вы отвечали, что к возобновлению конгресса и открытию вновь переговоров не можете вы приступить без предварительного и формального его согласия на три прелиминарные пункта:

- 1) чтоб река Серет была принята границею, как уже было договорено;
- 2) что о Сербии будет сделано постановление, обеспечивающее спокойное и безмятежное существование сей нации;
- 3) относительно границ в Азии Его Величество подтверждает прежнее свое мнение.

Что касается до сделанного визирем в разговоре с Фонтоном предложения о союзе для взаимного вспомоществования 40-тысячным корпусом войска, на случай неприятельского нападения на ту или другую из договаривающихся держав, то государь император не усматривает для себя никакой пользы в таковом постановлении; а потому Его Величеству приятно было бы такую статью миновать. Но если б однако же вы имели причину думать, что нашею на то податливостью можно склонить визиря к миру на предначертанном основании, то Его Вели-

*«Наконец приехал отдыхать в Бухарест, после такой трудной кампании, — писал граф Кутузов своей супруге 13-го декабря 1811 г. — Кажется Бухарест очень был рад меня увидеть; встреча была великолепная, и два дня город был иллюминирован, и везде были транспаранты с греческими надписями и иные очень, сказывают, хороши; везде что-то много *Темистокла*. Вчера, в день рождения государя, у меня был обед, а в клубе бал, где людей множество было; дом большой, а повернуться было негде». *Русская Старина* 1872 г.

чество уполномочивает вас и на такой союз объявить ваше согласие, если вы то признать изволите за полезное».

Мысль визиря о союзе, выраженная им в частном разговоре с нашим переводчиком, помимо турецких уполномоченных, без объявления полномочия на этот случай султана, конечно, не имела никакого значения и показывала только желание визиря достигнуть заключения мира и смягчить отказ султана утвердить условия, на которые он, визирь, уже выразил свое согласие этому отказу, который уполномоченные Оттоманской Порты объявили в первом же заседании конгресса. Кутузов, конечно, не придавал значения и был доволен, что и русский кабинет отнесся к нему с полным равнодушием и скорее даже желал отклонить предложение Порты о союзе. Что же касается до предписания начать военные действия против того корпуса турецких войск, который и так уже был во власти нашего главнокомандующего, то в них и не предстояло нужды.» Его Императорскому Величеству угодно, чтоб я прервал перемирие, — отвечал Кутузов графу Румянцеву, — приступил к начатку военных действий и открыл бы оные покорением турецкого корпуса на сем берегу Дуная. Войска сии теперь уже в моих руках. Я преуспел побудить визиря подписать условие, в силу коего турецкая армия обезоружена, вся артиллерия ее взята под сохранение в Журжу, войска же с их начальниками расположены под присмотром военных команд наших по разным деревням в Валахии*, тогда когда бы, употребляя силу оружия на покорение людей, приведенных в отчаяние, бесспорно, потеряли бы и мы немалое число людей. Перемирие, заключенное между мною и верховным визирем, ни под каким видом не связывает мне рук и не препятствует возобновить военные действия, о чем должен я только объявить ему 20 дней наперед. Но я, признаюсь Вашему сиятельству, я не вижу, чтобы мера сия была большою для наших дел пользы, и сверх того, теперь мало имею способов действовать с успехом наступательным образом. Время года и дороги, почти непроходимые, суть главнейшим сему препятствием, и на подвозы жизненных припасов по сей дороге никак полагаться не можно. Таким образом разстроилась бы и армия к тому времени, когда неприятель, может быть, опята в больших силах покажется весною в поле»**.

В то время, когда это отношение было отправлено в Петербург, к нему спешил оттуда фельдъегерь со следующим собственноручным письмом императора:

* Это сделано было уже 25-го ноября, до оставления графом Кутузовым Журжи. Письмо его к супруге 26-го ноября. (*Русская Старина* 1872 г.) и донесение государю 27-го ноября 1811 г.

**Отношение графа Кутузова к графу Румянцеву из Бухареста 13-го декабря 1811 г.

«Граф Михаил Ларионович! Не могу скрыть от вас неприятное впечатление, которое произвели надо мною последние депеши ваши. Мирная негоциация не вперед продвигается, но назад. Вам следовало бы при столь явном нарушении доброй веры со стороны турецких чиновников, решительно им объявить, что прекращение военных действий последовало единственно по соглашению визиря на известные кондиции, но что если оные отвергаются, то вы немедленно разорвете перемирие и начнете тем, чтобы принудить к сдаче корпус, окруженный на левой стороне Дуная. Твердые сии изъяснения имели бы несомнительно полный успех. Впрочем, если б и разрыв последовал, я оный предпочитаю миру на иных условиях как те, кои мною вам были назначены. Все опасения, вам вселяемые насчет содействия Пруссии и Швеции с Францией, суть совершенно пустые и явные действия французской миссии к Константинополю. Извещения же, полученные вами от графа Штакельберга, заслуживают небольшого уважения. Сему последнему и не следовало совсем вам давать свои наставления, о чем я ему и заметил. Сами вы в своем письме к военному министру уведомляете о собственном вашем примечании, что султан стал податливее. Прибавя твердости с нашей стороны, сия податливость должна еще увеличиться. Но сей твердости никак я не нахожу в ответах наших уполномоченных. Вместо того, чтобы распространяться насчет моего великодушия, когда турецкие чиновники упомянули, что султан ожидает снисхождения с моей стороны, прилично было бы им заметить, что всем желанием моим сделать приятное султану, — достоинство России, после сделанных армиею нашею завоеваний, сего мне не дозволит. Сей ответ отклонил бы дальнейшие домогательства турецких полномочных. Не могу также не заметить вам, что после столь большой перемены в расположениях к миру с турецкой стороны, следовало бы и вам тот же час убавить податливости, во-первых, не соглашаясь иначе, как на сдачу военнопленными запертого корпуса турецкого, и во-вторых, отказав в переезде конгресса в Бухарест, где отверзается лишь пространное поле всем интригам иностранных дворов, посредством их агентов, там находящихся. Сообразив внимательно все происшедшее и свесив все обстоятельства, относящиеся к политическому положению Европы, я нахожу:

- 1) что мир, неприличный достоинству России, будет для нее более вреден, нежели полезен;
- 2) умаля оным уважение к могуществу России, докажет явный недостаток твердости кабинета нашего, и
- 3) навлечет печальное понятие о наших уполномоченных и о побуждениях, коими они действовали.

Вследствие сих причин нахожу нужным вам предписать следующее:

1) Если до получения сего повеления вы не предупредили склонить турецких уполномоченных к принятию предлагаемых нами кондиций, то объявите им, что, если султан не одобрил предварительные условия, на которые визирь согласился, то и я имею равное право не одобрять капитуляцию, сделанную вами о принятии турецкого войска в ваш присмотр, а повелел вам, если турецкие полномочные не примут после сего извещения предлагаемые нами кондиции, считать сей корпус совершенно военнопленными, отменя турецкий караул, находящийся при них и оружию, отрядить достаточное число нашего войска для препровождения как пашей, так и все прочее войско без изъятия военнопленными во внутрь России.

2) Не приступать к предписанию мира иначе, как на тех условиях, кои мною вам были предписаны.

3) В противном случае объявить турецким уполномоченным, что военные действия тотчас же начнутся, к чему и приготовить все нужное вверенной вам армии, усиленной обученными рекрутами, в оную поступившими.

Уповая твердо на помощь Всевышнего, надеюсь равномерно на ваше искусство, коему вверяю славу российского оружия*.

Получив рескрипт императора, Кутузов приступил к немедленному исполнению предписанных ему мер. Он разослал предписания военным начальникам приблизить войска к месту пребывания турецкой армии, чтобы при объявлении ее военнопленною и отправлении в Россию «отнять у нее все способы сделать нам малейшее сопротивление. На производство сих мер предосторожности, — писал он графу Румянцеву, — потребовалось более времени, нежели я первоначально предполагал, по причине обходов, которые от дурных дорог в настоящем позднем времени года отряды наши принуждены были сделать; а потому и конференция между нашими и турецкими полномочными не прежде могла быть назначена, как в последнее число декабря».

При открытии конференции, наш первый уполномоченный объявил, что главнокомандующий получил приказания государя в ответ на донесение его о переговорах, бывших в Журже 17-го ноября, когда представители Оттоманской Порты предъявили полномочия от султана и новые условия мирного договора. «Хотя император, — говорил Италинский, — и одушевлен желанием через заключение мира прекратить бедствия войны, но не следует упускать из виду, что у него есть

* Собственноручное письмо императора из Петербурга 12-го декабря 1811 г.

обязанности в отношении к самому себе, к своему достоинству, к своей империи и к своим подданным. Вследствие того император требует, чтобы новая граница в Европе была определена рекою Серетом, как это было договорено с верховным визирем, и чтобы приобретения, сделанные нами в Азии силою оружия или особыми соглашениями с жителями, остались за нами: Анапа, Сухум, Суджан и Поты, а также все крепости, города и области и, морские берега, находящиеся в настоящее время в нашей власти, и чтобы судьба сербов обеспечена была особым условием в мирном договоре».

На вопрос: принимают ли турецкие полномочные эти три условия? как Галиб-эфенди, так и его товарищи отвечали, без сомнения, отрицательно, потому что и не имели права отступить от повелений султана. Тогда Италинский заявил им, что поэтому перемирие будет прервано, а турецкое войско, на этом берегу Дуная находящееся, будет объявлено военнопленным и отправлено в Россию. Турецкие уполномоченные употребляли все свое красноречие, чтобы доказать, что между отвергнутыми императором основаниями для мирного договора и перемирием ничего нет общего. Если султан отверг первоначально принятые условия для договора, то и русский император мог отвергнуть вновь предложения; стало быть, дело становится между ними, и уполномоченные должны оставить этот вопрос без решения (*ad referendum*), пока не сообщат султану о требованиях русского императора и не получат от него новых наставлений. Но, тем не менее, перемирие может до того времени оставаться в прежней силе, и судьба турецкой армии на левом берегу Дуная не должна подвергаться изменению.

Конечно наши уполномоченные не убедились этими рассуждениями и заявили, что, если султан мог не одобрить действий своего верховного визиря, то без сомнения, и русский император, ввиду этого обстоятельства, может не утвердить конвенции, заключенной главнокомандующим его войсками. Требование уступок в Азии особенно возмущало турецких уполномоченных. «Не было примера, — говорил Галиб-эфенди, — чтобы Порта делала уступки из своих владений в Азии и в Европе в одно и то же время. Народное мнение, считающее Азию колыбелью магометанства, может служить неодолимым препятствием для Порты в этом отношении, и мы не имеем даже права приступать к какому бы то ни было переговорам по этому предмету».

После продолжительных переговоров, обе стороны одинаково поняли, что конгресс надо считать разрушенным.

Немедленно после этой конференции Кутузов уведомил всех военачальников о прекращении перемирия. Но на другой же день уполномоченные Порты прислали просить его, чтобы он приостановил на

несколько дней исполнение этой решительной меры и оставил турецкое войско в прежнем положении, по крайней мере до того времени, когда возвратится нарочный, которого с этим известием они посылают к визирю. «Но я не мог на их требование согласиться, — уведомлял Кутузов графа Румянцева, — имея касательно сих войск точные от государя императора предписания. Я не воспретил однако же самим полномочным оставаться в Бухаресте до получения отзывов от визиря». По их желанию Кутузов согласился даже уведомить визиря письмом о последних решениях нашего кабинета. «Теперь, — писал он Румянцеву, — нам остается только ожидать, какое действие произведет над верховным визирем и над самим султаном решительное объявление, сделанное от нас турецким уполномоченным, и какое получают они от министерства своего повеление; если оно будет сообразно с требованиями нашими, то хотя настоящий конгресс уничтожен, и переговоры совершенно прерваны, нетрудно однако же будет оные возобновить. К сему присутствие здесь турецких полномочных более еще преподаст возможности»*.

Очевидно, графу Кутузову не хотелось окончательно упустить из рук возможности заключения мира, и он давал турецким уполномоченным все способы как можно долее оставаться в Бухаресте, что соответствовало и их собственным желаниям. Они знали, что султан искренно желает заключить мир с Россией. Этим общим видам пособил разлив Дуная, замедлив приезд нарочного от визиря, которого послали к нему турецкие уполномоченные; а между тем в это время они старались разузнать мнение графа Кутузова, не допустит ли русское правительство определить границу рекою Прутом, предполагая, что султан согласится на это. Только в конце января возвратился нарочный от визиря, который, отвечая на письмо нашего главнокомандующего, говорил только, что сделал донесение султану о предложениях нашего кабинета. Визирь не отзывал уполномоченных Порты, и граф Кутузов не побуждал их оставить Бухарест.

Между тем после отступления наших войск на левый берег Дуная и решения султана действовать наступательно, император Наполеон вполне был уверен, что наш мир с Турцией не состоится. «Наши военные действия, как они ни были славны для нашего оружия, — писал в это время Чернышев из Парижа графу Румянцеву, — однако же доказали, что предположение наше вести оборонительную лишь войну требует гораздо более войск и пожертвований с нашей стороны, нежели

*Отношение графа Кутузова к графу Румянцеву 3-го января; письмо к визирю 1-го января 1812 г.; протоколы конференции 31-го декабря 1811 г.

предполагали прежде. Без этого они не приведут ни к каким счастливым последствиям, потому что не можем же мы надеяться, чтобы турки, отказавшиеся от тех условий, которые мы хотели возложить на них, в самое несчастное для них время, подчинились им теперь и согласились на те же уступки, когда они овладели правым берегом Дуная, очнулись от того ужаса, который мы навели на них, и, поощряемые императором Наполеоном, собираются начать войну, которая может быть так для них выгодна. Наполеон совершенно уверен в упорстве турок и что они постоянно будут отказывать нам в заключении мира на предлагаемых нами условиях. В этом смысле он говорил с некоторыми лицами и весьма много рассчитывает на эту диверсию в случае войны с нами»*. Но эти расчеты были сильно поколеблены на некоторое время полученными известиями о взятии визирского лагеря при Рушук и об окружении большей части его войска на левом берегу Дуная, — обстоятельств, которые иначе объяснили значение отступления нашего главнокомандующего после одержанной победы при Рушук. «Счастливые происшествия, совершившиеся на Дунае, вызвали наружу те действительные чувства, которые император Наполеон питает к нам, — писал тот же русский офицер нашему канцлеру около месяца спустя. — Узнав о них, он так мало мог владеть собою, что выразил явно, до какой степени ему неприятно, что наши дела приняли счастливый оборот и могут привести нас к скорому заключению мира, который так и не согласуется с его политикой и его выгодами. Говоря об этом с двумя высокопоставленными лицами, он в жару разговора с величайшею скорбью сказал: «Поймите этих собак, этих негодяев, турок, которые сумели дать себя разбить таким образом! Кто мог это предвидеть и этого ожидать!?»**. Лишь только Наполеон узнал о наших успехах, как отправил несколько нарочных гонцов в Константинополь с целью, которая всем известна: чтобы поощрить турок к продолжению войны с нами и во что бы то ни стало помешать заключению мира. Он чрезвычайно встревожен, что может опоздать со своими предложениями, и никто не сомневается, что он обещал туркам немедленно начать против нас военные действия, если они прервут мирные переговоры с нами. Мысль о том, что эти переговоры могут окончиться удачно, так его тревожит, что он даже при большом обществе не может скрыть дурного расположения духа. На представлении дипломатического корпуса и на вечере он чуждался нас и не мог сказать ни слова нашему посланни-

*Письмо к графу Румянцеву из Парижа 7/19-го сентября 1811 г.

**«Conçoit-on ces chiens, ces gredins de Turcs, qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte! Qui est-ce qui aurait pu le prévoir, s'y attendre!?»

ку о полученных известиях. Что касается до меня, то император Наполеон четыре раза в этот день подходил ко мне с видимым желанием заговорить со мною, но всякий раз только спрашивал о здоровье и отходил, не слушая моих ответов, а с моими соседями часто вел продолжительные разговоры». Дела Турции до такой степени озабочивали Наполеона в это время, что он с поспешностью устроил особого рода сообщение с Константинополем, через которое сведения оттуда могли бы на двенадцатый день получаться в Париже*. Чернышев уверял, что все благомыслящие люди в самом Париже полагают, что единственное скорое заключение нами мира с турками может остановить или по крайней мере замедлить войну Франции против России. Ту же мысль выражал графу Румянцеву и наш посланник при тюильрийском дворе. «Если наш мир с Оттоманскою Портою, может быть, уже заключен теперь, или по крайней мере, будет заключен скоро, в продолжение этой зимы, то почти можно быть уверенным, что император Наполеон не начнет войны с нами в этом году, и мы будем иметь достаточно времени обеспечить наше спокойствие и на будущее время. Таково здесь общее мнение, наиболее распространенное и совершенно согласное с моими убеждениями. Но если мы не заключим этого мира, столь желанного и столь необходимого для нас, и упрямство султана, поощряемое иностранными кознями, вынудит нас на новые военные действия в Болгарии, то не может подлежать никакому сомнению, что Франция воспользуется продолжением этой войны для того, чтобы начать свою войну против нас с помощью всех сил Германии и бывшей Польши. Нам придется вести войну на всех наших границах от Балтики до впадения Дуная в Черное море. Никогда еще России не угрожало такое бедствие и со стороны такого ужасного врага, как в настоящее время! Надо его предупредить, надо сохранить могущество нашей империи таким, каково оно теперь. Невозможно, чтобы на эти ужасные обстоятельства не было обращено внимание нашего доброго государя. Я уверен, что вы часто указываете ему на них со всею истиной и силой в ваших представлениях. Если мы можем выйти из такого положения только посредством заключения мира с Турцией, то я не понимаю, почему мы не заключаем его безотлагательно на таких условиях, на каких только возможно в настоящее время, устранив на время наши виды на княжество до более благоприятного времени. В этом состоит самое пламенное мое желание, возбуждаемое преданностью государю и отечеству. Думаю, что и вы его разделяете и сделаете все, что можете, для нашего спасения и нашей

*Письмо Чернышева к графу Румянцеву из Парижа 6/18-го декабря 1811 г.

славы»*. Граф Румянцев не разделял однако образа мыслей своего двоюродного брата; он думал, напротив, что спасает честь и достоинство империи, настаивая на присоединении к ней дунайских княжеств, столько лет находившихся уже во власти России, и которые могли только вознаградить те жертвования, каких стоила России эта война с турками, возбужденная политикой Наполеона. Всякую уступку Турции в этом случае он считал, не без основания, уступкою козням императора французов и его коварной политике, торжественно провозглашавшей согласие на присоединение к России дунайских княжеств и тайно возбуждавшей Австрию и самого султана не соглашаться на заключение мира с Россией на этом условии. Он думал пересилить его в делах политической интриги, конечно, рассчитывая на большие оборонительные средства, приготовленные Россией, как значилось на бумаге, для отпора гораздо меньших сил врага. Как тогда предполагали, основываясь, между прочим, на соображениях Бернадота, которые очень ценили в этом случае, и не придавая веры точным донесениям наших дипломатических агентов из Франции; полагали, что император Наполеон с умыслом преувеличивает свои боевые средства, чтобы напугать Россию, и что агенты передают лишь те сведения, которые он допускает им узнавать. Император в главных основаниях разделял взгляды своего канцлера и предлагал в это время решительными военными действиями принудить Порту к заключению мира. «Желая кончить решительно войну с Портою, — писал он графу Кутузову, — не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царяграда, совокупно морскими и сухопутными силами»**. Но едва приступлено было к некоторым мерам для приведения во исполнение этого положения, как оказалось, что для того необходимо потребуются значительное время, и что война с Франциею может открыться ранее, нежели будет снаряжена эта экспедиция, потому что войска императора Наполеона уже подходили к Одеру. Сила обстоятельств вынуждала отложить это предприятие; а между тем необходимость заключить мир с турками становилась все более и более настоятельною. Для достижения этой цели оставалось только одно средство — решиться на уступки. Но когда султан отверг те условия для мирного договора, на которые согласился уже его верховный визирь, русский кабинет принял этот поступок за оскорбление достоинства империи и поручил графу Кутузову прервать переговоры.

*Частное письмо князя Куракина к графу Румянцеву из Парижа 30-го декабря 1811 г. (11-го января 1812 года)

**Рескрипт графу Кутузову 16-го февраля 1812 года

Император Наполеон всеми силами старался заставить турок, со своей стороны, прекратить переговоры; но вместо них эти переговоры, конечно, неожиданно для него, прервала сама Россия. Получив эти известия Наполеон успокоился, уверенный вполне, что война между русскими и турками не скоро прекратится, и что он воспользуется ею, начав с открытием весны свое нашествие на Россию. Но самая настойчивость, с которою он требовал, чтобы Порта прервала переговоры с нами и продолжала войну, внушали ей подозрения. Ни султан, ни его диван не верили обещаниям Наполеона, испытав все коварство его политики. Император Александр Павлович, хотя и был оскорблен отказом султана утвердить условия мирного договора, уже одобренные его визирем, но, оставив мысль об экспедиции под стены Царяграда, считал необходимым как можно скорее заключить мир с Турцией. Когда он узнал, что Кутузов оставил в Бухаресте турецких уполномоченных, то остался доволен его поступком. «Его Величество изволил одобрить, — писал ему граф Румянцев, — что вы не возбранили турецким уполномоченным продлить пребывание их в Бухаресте в ожидании новых предписаний». В то же время он советовал Кутузову, пользуясь этим пребыванием уполномоченных Порты, внушать им и особенно Галибу-эфенди, следующие мысли: «Когда Россия в настоящем положении дел предлагает мир Порте, то в таковом мире не должно, как бы то было во всякое другое время, усматривать одно только прекращение войны. Здесь, напротив, представляется могущественная империя, которая, промыслом Всевышнего, одержав знаменитые в войне с Портою успехи, желает положить оным предел миром и наиболее к тому побуждаема замыслами других держав, которые в совещании своем положили, чтобы воспользоваться настоящею войною к конечному ниспровержению Оттоманской империи в Европе и готовятся пригласить и его величество ко взаимному разделу остатков сей державы. Сии замыслы основаны на мнении о невозможности, чтобы Порта нашла средства к продолжительному отражению и о сопряженном с тем вместе упорстве ее продлить настоящую войну, тогда как всякая кампания, ослабляя истощенные уже силы ее государства, оканчивается новыми для России успехами. В таковом положении обстоятельств, предлагая мир, желания и виды Его Величества состоят в том, чтобы поспешным совершением одного разрушить сии пагубные для Порты разных кабинетов замыслы, как не соответствующие ни намерениям Его Величества, ни пользе его империи. Следовательно, не для прекращения только войны его величество желает сего мира, но дабы под кровом одного взять на себя попечение охранять Оттоманскую Порту, чтобы быть ее другом и во мзду маловажных, от нее требуемых, уступок соделаться противу всех

на нее нападения защитником обширных турецких владений в Европе. При сем случае не неуместно будет припомнить Порте о предложенной ей некогда помощи от Австрии, пред самым почти заключением Кайнарджийского мира, о чем и секретный договор был постановлен между ними; что хотя, по прекращении той войны, условия сии со стороны Австрии остались в бездействии, и Порта никакой помощи от ней не получила, тем не менее она уступила венскому двору Буковину, которая сим, без действия оставшимся, договором назначалась в вознаграждение. Из сего примера, равно как и из многих других, каковые история нам представляет, само собою извлекается то заключение, что если бы мы и ничего не завоевали у Порты, то и тогда вправе были бы требовать у нее уступок во мзду тех важных услуг, кои имеем мы искреннее желание оказать ей. Пусть испытает Порта таковые расположения наши и вместе с миром пусть потребует от нас *союза*, в силу которого обе державы обоюдно обязались бы охранять друг друга от общих им неприятелей. Порта ведает, сколь сильно влияние высочайшего двора в некоторых ей подвластных странах, то в сию ль эпоху должна она жалеть некоторых пожертвований, взамен коих обеспечиваются ее владения и разрушаются угрожающие ей ковы недоброхотов ее. Государь император, отдавая полную справедливость изящным качествам и превыспренним силам душевным ныне царствующего султана, не может думать, чтобы от прозорливости его скрылось то опасное положение, в какое будет поставлена Оттоманская империя, когда настоящие прения первейших европейских кабинетов окончатся миром между ними или хотя и войною, но ежели к тому времени Порта не успеет окончить своей войны с Россией. От прозорливости султана не должно также скрываться, что и ополчение вегабитов подвергает постоянной опасности как империю Турецкую, так и самый закон, коего он глава, и что одна ими выигранная баталия может решить жребий того и другого. К чему же должно стремиться все внимание о попечении турецкого правительства в таком положении дел сей монархии? К тому ли, чтобы возвратить себе провинции, несколько уже лет потерянные ею, исповедующие разный с нею закон, и от которых все ею приобретаемые выгоды состояли только в удовлетворении происков фанарских греков и в пресыщении сребролюбивой их алчности, или к тому, чтобы приобрести дружбу императора Александра, и на сем твердом основании, обеспечив европейские свои владения, обратить все свои силы на поражение вегабитов и на укрощение мятежей, которые, конечно, не замедлят возродиться в Египте?»*.

*Отношение графа Румянцева в графу Кутузову 4-го февраля 1812 года.

Те же самые мысли поручались графу Кутузову внушать турецким уполномоченным и последующими отношениями к нему графа Румянцева. Месяц спустя Румянцев писал ему, что «прибывший на днях из Парижа полковник Чернышев привез известие о желании императора Наполеона к сохранению теснейшей связи между Россией и Францией. Посол князь Куракин то же самое подтверждает, обращая внимание императорского двора на несомнительный способ, по дошедшим до него верным сведениям, к прекращению всех распрей с Францией. Сей способ есть раздел Оттоманской империи, или точнее, областей, принадлежащих ей в Европе. Сходство сих известий с дошедшими к нам из Стокгольма найдено Его Величеством столь важным, что он повелел мне немедленно отправить к Вашему сиятельству нарочного курьера с сим известием». Графу Кутузову поручалось немедленно вызвать к себе Галиба-эфенди и сообщить ему это известие, «требуя от него непроницаемой тайны», и объяснить, «что Его Величество существование Турецкой империи считает необходимо нужным в общем составе Европы; посему, извещая султана о грозящей ему опасности, невзирая на все обещания французского правительства, которые опытом доказываются столь лицемерными, предлагает султану от искреннего сердца превратить войну, ныне существующую, в теснейшую дружбу. Его Величество уже предлагал самые умеренные условия для заключения мира и если найдет в султана столь же искреннее желание с ним сблизиться, то все возможные способствования окажет к довершению сего дела. Пусть происки держав, желающих поработения Европы, уничтожатся с посрамлением от тесной связи двух сильных империй, каковы суть Российская и Оттоманская; пусть личная дружба двух знаменитых государей угасит пламя сей печальной войны и споспешествует к водворению порядка и тишины в Европе. Государь император в твердой уверенности, что прозорливость султана укажет ему, что в случае недостижения желаемой цели не останется ничего другого делать Его Величеству, как с сокрушенным сердцем согласиться на предложение Франции и силами своими содействовать тогда к падению Турецкой империи»*.

Точно такие же сведения, какие граф Румянцев поручал графу Кутузову сообщить Галибу-эфенди, должен был сообщить Порте шведский уполномоченный Гимель, с этою целью посланный Бернадотом в Константинополь.

Граф Кутузов довел полученные им известия до сведения уполномоченного Оттоманской Порты. «Мысль Наполеона о разделе Турции

*Отношение графа Румянцева графу Кутузову 5-го марта 1812 г.

не нова и давно мне известна, — заметил он и дал понять, что доведет сообщенное ему известие до сведения султана. Не вызывая еще к себе Галиба-эфенди, Кутузов прежним путем, через одного из его чиновников, Манук-бея, сообщил ему эти известия. Замечательно, что этот чиновник представил турецкому уполномоченному следующие соображения со своей стороны: «По известиям из Вены видно, что война между Россией и Францией начнется весьма скоро, что Австрия вступила в союз с Францией и будет с нею действовать заодно. Если предположить, что австрийцы начнут военные действия против русских со стороны Валахии, а может быть, и Молдавии, если к ним присоединятся и французы, то без сомнения, русские будут, защищаясь, отступать в свои пределы, чтобы не быть окруженными и отрезанными от России. Неужели можно предполагать, что австрийцы и французы, заняв эти области после удаления из них русских, сейчас же отдадут их назад Порте? Конечно, император Наполеон, приглашая к союзу Австрию, обещал ей вознаграждение. Это вознаграждение не может быть в ущерб России или Польше, потому что, говорят, он намерен восстановить Польшу в прежнем ее виде. Надо предполагать, что он присоединит к ней Галицию, и тогда обещанное Австрии вознаграждение должно значительно увеличиться. Откуда же он их возьмет? Очевидно, от Турции. Тогда речь пойдет уже не об уступке каких-нибудь пустынных участков в Азии или незначительных пространств земли на левом берегу Дуная, которых теперь требуют русские, но придется уже уступить оба берега этой реки, Сербию, Болгарию и всю страну до Балканских гор. Какая бы ни постигла участь Молдавию, если Наполеону удастся осуществить свои предложения, Валахия, на которую известны давнишние виды Австрии, ни в каком случае не будет ею возвращена Порте. Но Австрия потеряла все свои порты на Адриатическом море и лишена возможности вести морскую торговлю, что составляет предмет постоянных ее сожалений и зависти, — то, по всей вероятности, она пожелает завладеть и Варной. Потребуют ли немедленно этих уступок от Порты Франция и Австрия, или отложат свои требования до окончательного примирения с Россией, удерживая в своих руках Молдавию и Валахию, что будет делать Порта при таком положении дел? Начнет ли она войну с Австрией и Францией, тогда как не заключила еще мира с Россией? Но она не в состоянии вести войну с тремя державами. Отсрочит ли она свое решение по уступкам до окончательного примирения всех держав, или до заключения своего мира с русскими? Но эта отсрочка едва ли не ухудшит положения Порты. Или согласится она на все пожертвова-

ния?». «И тогда вы, — говорил Манук-бей Галибу-эфенди, — приехав заключать мир с русскими, вынуждены будете поневоле вести переговоры с австрийцами». Трудно предположить, чтобы все эти соображения могли принадлежать незначительному турецкому чиновнику, или кому бы то ни было, а не самому графу Кутузову, который внушал их через переводчика Бароцци Манук-бею, в дополнение к известиям, сообщенным ему графом Румянцевым*.

Разговор Манук-бея произвел такое сильное впечатление на первого турецкого уполномоченного, что он немедленно все выраженные им соображения передал в пространной депеше визирю для сообщения в Константинополь. Такое расположение духа усилил в нем королевско-шведский секретарь Гимель, прибывший в Бухарест с тем, чтобы оттуда продолжать путь в Константинополь с поручениями от своего правительства, имевшими целью содействовать примирению России и Турции. Посредничество такой державы в пользу заключения мира с Россией, как Швеция, которую Турция привыкла со времен Карла XII считать постоянным врагом России и другом Оттоманской Порты, не могла не произвести на него впечатления. Оно усиливалось еще более тем обстоятельством, что во главе управления шведским королевством стоял француз, бывший маршал Наполеона, решившийся в этом случае действовать наперекор видам императора французов. «Мы готовы были бы сделать и большие уступки, — сказал он Гимелю, — но Россия не показывает ни малейшей умеренности в своих предложениях и не перестает настаивать в требованиях, на которые Порта никогда согласиться не может; Россия одна удаляет эпоху мира, в надежде продолжением войны принудить турок согласиться на все ее желания». Но вместо больших уступок, которые действительно заявлял в письме к графу Кутузову верховный визирь, турецкие уполномоченные потребовали предварительно, чтобы наши уполномоченные согласились совершенно устранить статью об Азии и вовсе о ней не упоминать в договоре. Конечно, граф Кутузов не мог согласиться на это требование. Вслед затем он вызвал к себе Галиба-эфенди, велел перевести ему депешу графа Румянцева от 5-го марта и до такой степени убедил турецкого уполномоченного, что последний говорил потом, что в продолжение своей 20-летней службы не встречал ни одного ни турка, ни христианина, который говорил бы с такою искренностью, что невозможно было сомневаться

*Письмо графа Кутузова к графу Румянцеву 18-го марта; отношение к нему же 1-го марта; рапорт графу Кутузову Фонтона о переговорах с Манук-беем и Галибом-эфенди 24-го февраля 1812 г.

в истине его сообщений и в искреннем его желании примирить обе империи*.

Сообщения Швеции оказали влияние и в Константинополе. «Я полагаю, — писал нашему кабинету прусский агент из Константинополя в конце 1811 года, — что Порта согласилась на мирные переговоры в Журже более для того, чтобы выиграть время и успеть собрать новые войска, а не с целью заключить мир на предложенных ей условиях. Я предполагаю, что турецкие уполномоченные будут затягивать переговоры до тех пор, пока Франция не начнет войны с Россией, в надежде, что тогда петербургский кабинет предложит им лучшие условия. Султан скорее пожертвует теми войсками, которые окружены Кутузовым, нежели согласится на заключение мира на предлагаемых условиях. Если императорское правительство желает скорого заключения мира, то должно согласиться на границу по Пруту, отказаться от своих требований в Азии и не слишком вмешиваться в дела Сербии**». Таков действительно был взгляд самого султана; но сообщения Галиба-эфенди и особенно шведского уполномоченного подействовали на него.

За несколько дней до того времени, как граф Кутузов должен был получить окончательные предложения Турции со стороны нашего кабинета, 29-го марта, Галиб-эфенди пригласил к себе Фонтону, вручил ему письмо визиря к главнокомандующему и объявил о получении новых наставлений от своего правительства. На другой день он снова пригласил и доказывал ему, что современные обстоятельства Европы требуют скорейшего окончания этих переговоров, которые и так уже слишком долго продолжаются, а потому изъявил желание иметь свидание с самим графом Кутузовым или с Италинским. Кутузов исполнил его желание, поручив Италинскому пригласить к себе Галиба-эфенди для совещания, которое преимущественно состояло в рассуждениях об Азии. «Порта, — говорил турецкий уполномоченный, — предполагала заключить мир на условии сохранить целостность своих владений, как в Европе, так и в Азии; но, желая скорее заключить мир, она решилась на жертвования, тяжелые для нее и выгодные для России, уступая значительную часть своих владений в Европе. Поэтому уже, независимо от соображений народных, политических и религиозных, не позволяющих ей делать подобные уступки в Азии, она считает справедливым требовать восстановления там положения дел, бывшего до войны». Галиб-эфенди убеждал в необходимости скорейшего заключения мира,

*Отношение графа Кутузова к графу Румянцеву 2-го, 4-го, 6-го и 17-го марта; письмо визиря к графу Кутузову 15-го февраля 1812 г.

**Депеша Вертерна 23-го ноября 1811 г., полученная в Петербурге в январе 1812 г.

чтобы избежать иностранного вмешательства и предложил следующие условия: 1) восстановление в Азии status quo ante bellum; 2) уступку России областей по ту сторону Прута и все течение этой реки, исключая Измаила и Килии с их округами; 3) безопасность, забвение прошлого и полное прощение сербам; 4) заключение мира с Персией, которая действовала в этом случае заодно с Турцией.

Конечно, Италинский не мог принять этих новых условий, и все совещания его с Галибом-эфенди окончились тем, что он обещал доложить о них главнокомандующему. Но их не мог также принять и граф Кутузов. Он поручил Фонтону объявить турецкому уполномоченному, что это прежние предложения, которых он не решится представить государю, с прибавкой еще нового о Персии. «Но в этом новом условии ничего нет оскорбительного для России, — говорил Галиб-эфенди Фонтону, — Порты желает только, чтобы в мирном договоре упомянуто было о Персии; но, конечно, мир с нею император заключит на таких условиях, какие признает для себя выгодными»*.

В тот день, когда происходило это свидание, 12-го апреля, граф Кутузов получил новые наставления от канцлера и собственноручное письмо от императора. «Государь император, — писал граф Румянцев, — поручил мне объявить последнюю и решительную волю:

1) чтобы р. Серет на том основании, как сие прежде соглашено было, служила границею между двумя империями;

2) относительно Сербии обеспечить спокойное существование сей нации обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее в оной земле управление, но предоставит то на волю и произвол жителей. Государь не оспаривает у султана ни права взимать по-прежнему дань с Сербии, ни других преимуществ, которые могут служить к ознаменованию владычества его над сею землей, а в вящее доказательство искреннего своего расположения и по сей статье, его же султанскому величеству предоставляет начертать в свое время какое он за благо примет постановление между двумя дворами о сей нации, довольствуясь, чтобы в мирном трактате одно то в пользу ее было выговорено, что во внутреннем у себя управлении будет она совершенно свободна;

3) о Валахии и остальной части Молдавии подтвердить постановление прежних трактатов;

4) относительно границ в Азии, которая, как кажется, есть единый камень преткновения в настоящем положении мирной негоциации,

*Отношение графа Кутузова к графу Румянцеву 29-го апреля: *entrevue confidentielle de Ghalib-Effendi, Ketchaï-bey et Italinsky et Fonton le 31 mars 1812.*

государь император изволил заметить, что хотя турецкие уполномоченные и упорно настаивают, чтобы о том ничего не упоминать, но что на сие нельзя согласиться. Сам Галиб-эфенди в доверенном разговоре с Манук-беем ему признался, что требования наши так маловажны, и что после толиких, сделанных нами в том крае пожертвований, нельзя, чтобы отказались мы от всех наших приобретений. Как может Его Величество согласиться на возвращение Порте областей, добровольно вступивших в подданство России и исповедующих единый с нею закон, и которые Порта уже едва оспаривала у нас до начатия настоящей войны? Приобретенная уже в продолжение оной войны Абхазия равномерно вступила добровольно в российское подданство; обладатель оной получил свою инвеституру от государя императора и вверил сына своего на воспитание Его Величеству. Представляемые турецкими полномочными препятствия со стороны религии опровергаются самым тем, что жители Крыма также магометанский закон исповедуют. Равная свобода как касательно религии, так и отношений по оной к верховному главе магометанского закона, предоставится и жителям того края. Его Величество, искренно желая отвратить все препятствия к заключению мира, предлагает в статье об Азии постановить: что обе державы, дабы за сим одним не останавливать благорасположения их к скорейшему прекращению сей войны, взаимно соглашаются, чтобы в том краю все оставить в нынешнем положении, от заключения мира на пять лет с тем, чтобы по истечении этого срока или прежде были назначены обоюдные полномочные комиссары для окончательного определения границ по дружельбному о том обеих держав соглашению.

Государь император соизволяет, чтобы Ваше сиятельство, объявляя сие, изволили присовокупить, что обстоятельства, в каковых находятся теперь всеобщие дела в Европе, не дозволяют Его Величеству продолжать далее негоциацию с Портой и нудят его без отлагательства или заключить мир, или возобновить тесный союз с Францией и приступить к приведению в действие всех ее обширных планов. В последнем случае Порта не может упрекнуть Россию, ибо она принимала все меры к заключению мира.

Государь император, со своей стороны, довольствуется одним миром на тех умеренных условиях, которые от Его Величества предполагаются; но ежели собственный интерес Порты побуждает ее желать и теснейшего союза между обеими державами, то государь император дозволяет Вашему сиятельству, вместе с мирным трактатом, подписать статью о союзе на том основании, как уже сообщена о сем была Вашему сиятельству Высочайшая воля. Его Величеству угодно, чтобы по общении всего оного Ваше сиятельство изволили назначить ближай-

ший срок для получения решительного ответа. Ежели турецкие полномочные, в силу данных им наставлений или по сношении вновь с визирем, на требования наши согласятся, то государь император вас уполномочивает без отлагательства и не отписываясь вновь, подписать мирный трактат, — в случае же их на то решительного несогласия, — прервать негоциацию и выдать им паспорта для отъезда.

По прочтении сей депеши, государь император указал мне прибавить, что если бы турецкие уполномоченные, не согласясь на предлагаемую нами меру касательно азиатской границы, готовы б однако же были подписать мир при согласии нашем на их по сей статье предложение, то есть чтобы в мирном трактате об Азии совсем было умолчено, то Его Величество уполномочивает Ваше сиятельство и на сие согласиться, дав только им выразуметь, что в таком случае, само собою разумеется, войска наши из занимаемого там ими края уже не выступят.»

В этом отношении так же, как и в предшествовавших, выражена мысль о союзе с Портою, которого прежде не только не предлагал наш кабинет, но напротив, отклонил, когда граф Кутузов сообщил о нем, как о частном предложении визиря. Но после того виды русской политики в отношении к Турции изменились под влиянием советов наследного шведского принца, указывавшего на пользу такого союза и со своей стороны желавшего склонить к нему Турцию.

Вместе с отношением графа Румянцева граф Кутузов получил собственноручное письмо императора. «Вы получите с сим курьером, — писал он, — от канцлера разрешение на вопросы, возникшие по мирным переговорам. Обстоятельства час от часу становятся важнее для обоих империй. Величайшую услугу вы окажете России поспешным заключением мира с Портой. Убедительнейше вас вызываю любовью к своему отечеству обратить ваше внимание и усилия к достижению сей цели. Слава вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия и с тем проницанием, которым вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу. Для единственного вашего сведения сообщая вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашему желанию, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с вашей стороны доставить заключение мира, можете вы сделать необходимую уступку в статье о границе в Азии; в самой же крайности позволяю вам заключить мир, положи Прут по впадение оногo в Дунай границею. Но сие вверяю я личной вашей ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи; на сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю вам

согласиться, как постановя союзный трактат с Портою. Я надеюсь, что вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите из виду ничего нужного к достижению желаемой цели»*.

Эти два документа послужили основанием для заключения Бухарестского мира. Отстраняя личный взгляд графа Кутузова на необходимость немедленного заключения мира ввиду тех грозных обстоятельств, в которых находилась Россия в это время, нельзя не остановиться на вопросе: давали ли ему право полученные им от императора и канцлера предписания заключить мирный договор на тех условиях, на которых он его заключил? О действиях Кутузова в отношении к Турции ходили между современниками многочисленные слухи и даже сплетни. Говорили, что донесения его о победах неверны, и отступлением после сражения при Рущуке доказывали, что он не был победителем, а напротив был разбит; что мирные переговоры с турками идут медленно по его бездеятельности; что он позволяет войскам безнаказанно грабить жителей Молдавии и Валахии, и наконец, что он заключил мир с турками несогласно с данными ему предписаниями, и потому только, что узнал о назначении на его место Чичагова, поспешил предложить условия, которые могли быть приняты турецкими уполномоченными без долгих прений. Если полагаться на свидетельства его недоброжелателей, то можно думать, что сам император верил некоторым из этих слухов**. В виду только этого обстоятельства нельзя оставить без ответа предложенного выше вопроса.

Если принять в соображение одно отношение графа Румянцева, посланное ему как последнее слово со стороны нашего кабинета, как *ultimatum*, то не подлежит никакому сомнению, что граф Кутузов отступил от данных ему предписаний при заключении Бухарестского

*Отношение графа Румянцева и собственноручный рескрипт императора графу Кутузову от 22 марта 1812 г.

***Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff*, Berlin, 1858, стр. 4 и 6. «Mais, — говорил будто бы император Чичагову, — la paix avec la Turquie n'avance pas; les excès de nos troupes en Moldavie et en Valachie ont exaspéré les habitants; l'indolence et l'intrigue président à tout de ce côté. D'ailleurs, je ne crois pas que le chef actuel, auteur de tous ces maux, soit capable d'obtenir les résultats qui demandent de l'énergie, de la bonne volonté et de la célérité dans l'exécution». ; *Comte J. De Maistre*, *Correspond. diplomat.*, I, стр. 100: «Savez-vous de quoi s'amuse le général Koutousoff, au lieu de faire la paix? Il passe les jours et les nuits avec une Valaque dont il est ensorcelé et qui passe publiquement pour être aux gages de la Porte. Vous saurez qu'il a eu la tempe percée par un coup de feu qui lui a emporté l'oeil et a fait de lui un des plus charmants hommes qu'on puisse connaître». Подобные сплетни ходили попеременно почти о всех главнокомандующих Молдавскою армией. Что касается до деятельности графа Кутузова, то о ней свидетельствует огромная переписка его с канцлером, военным министром, кроме его военных действий, а равно и переписка Италинского с графом Румянцевым.

договора. Граница в Европе определена течением реки Прута, а не Серета; о границах в Азии включено неточное и неясное определение. Но вместе с отношением графа Румянцева Кутузов получил письмо от императора, о котором канцлер даже и не знал. Император уполномочивал его сделать уступки требованиям Порты, если уполномоченные будут упорно на них настаивать, в отношении к постановлениям договора о границах в Европе и Азии. Но действительно император уполномочивал его сделать эти уступки в том только случае, если турки заключат союз с Россией. Относительно этого условия, однако же взгляд, выраженный в отношении канцлера, не согласовался со взглядом, выраженным императором в его письме к графу Кутузову. По отношению канцлера Кутузову дозволялось только при заключении мирного договора подписать и статью о союзе с Турцией, если, «собственный интерес Порты побуждает ее желать и теснейшего союза между двумя державами», то есть согласиться на заключение союза в том случае, если предложит его Порта. Между тем из письма императора следовало заключить, что он дозволял сделать большие уступки, но при непременно условии заключения союза с турками. Но отношение графа Румянцева писано по воле императора, им одобрено и передавало приказания от его лица. Естественно, это противоречие должно было поставить в затруднительное положение графа Кутузова, и он мог подумать, что взгляд нашего кабинета на этот вопрос не определился еще с достаточною ясностью и решительностью. Но мнение о том, что необходимо заключить мир с Портою как можно скорее, со всею решительностью выражено в письме государя. Несмотря на то, Кутузов, вероятно, исполнил бы желание государя и в отношении к союзу с турками, если бы не был уверен, что, настаивая на этом обстоятельстве, он упустит последнее время для заключения мира и тем навлечет великие бедствия, и если бы не случилось даже особого обстоятельства в отношении к этому вопросу, о котором не знал еще наш кабинет, а именно — вмешательства Австрии.

На другой же день после получения отношения графа Румянцева и рескрипта императора, граф Кутузов вызвал на свидание Галиба-эфенди и объявил ему условия для заключения мирного договора. «Если Порта примет предложенные условия, — говорил он ему, — то император ограничится заключением только мира на этих умеренных условиях; но если особенные выгоды Порты побуждают ее желать более тесного союза между двумя державами, то он уполномочил меня вместе с мирным договором подписать и статью о союзе».

«Я буду считать себя весьма счастливым, — отвечал турок, — если Ваше сиятельство предлагаете эти условия для соглашений; но если

они составляют ultimatum, то это повергло бы меня в отчаяние, потому что они составляют лишь повторение тех, которые уже были отвергнуты султаном». Продолжительный разговор с турецким уполномоченным привел графа Кутузова к тому мнению, что Порта, желая восстановить прежние границы в Азии, не думает, однако же, входить в пререкания о тех странах, которые вступили в подданство России до начала войны. Он придал этому свиданию конфиденциальный характер, и потому Галиб-эфенди говорил откровенно и почти буквально прочел последние наставления, полученные им от Порты. Он повторял и снова утверждал, даже с клятвою, что ни он, ни великий визирь не имеют полномочий сделать какие-либо изменения в отношении к условию о границах в Азии; что же касается до европейской границы, то они предлагают провести ее по Пруту, только чтобы Измаил и Килия с небольшими округами остались за Турцией. Граница от Прута прошла бы по Адрианову валу или по Тимурову, как они его называют, до р. Кудука, и в этом случае Галиб-эфенди полагал, что визирь может еще сделать некоторые уступки. В отношении к Молдавии и Валахии, а равно и в отношении к сербам, он считал возможным также достигнуть соглашений. «Ваше сиятельство видите, — говорил Галиб-эфенди, — что я ничего не могу отвечать на те условия, которые вы мне объявили, и должен только отдать отчет верховному визирю и требовать от него последних предложений (ultimatum): но для этого я просил бы вас объявить, имеете ли возможность сделать в них некоторые изменения».

«Я вижу, — отвечал ему граф Кутузов. — что мы еще далеки от окончания дела, и я ничего не могу прибавить к тому, что уже объявил, разве только, что статья о Персии совсем излишняя».

Очевидно Галиб-эфенди мог только известить визиря о предложенных условиях. Но чтобы сохранить на него свое влияние и, может быть, зная хитрость азиатов, разузнать подробнее о новых наставлениях данных уполномоченному Порты, граф Кутузов поручил Фонтону видаться с ним. Галиб-эфенди должен был сообщить визирю о новых условиях, предложенных русским правительством, и это обстоятельство дало Кутузову повод ввести Фонтон в прямые сношения с ним, оказав ему любезное внимание. Для того, чтобы Галиб с большей точностью мог передать визирю наши условия мирного договора, Кутузов дал Фонтону последнее отношение от канцлера для прочтения турецкому уполномоченному и присоединил списки со статьей Эрфуртского договора о дунайских княжествах.

В беседах с турецким уполномоченным Фонтон выражал удивление, как может Блистательная Порта поддаваться льстивым обещаниям Наполеона, тогда как он стремится к ее разрушению. «Возможно ли

предполагать, — говорил Фонтон, — что Наполеон желает добра России или Турции. А не ищет только собственных выгод с той стороны, с которой ему будет легче их приобрести. Поэтому спрашиваю вас, не легче ли и не выгоднее ли для Наполеона приступить к разделу европейской Турции, соединясь для этой цели с Россией, нежели напасть на Россию, в союзе с Турцией, и начать войну, которой последствия весьма сомнительны и могут быть даже гибельны для него?»

«Конечно, — отвечал Галиб-эфенди, — Наполеон желает зла Турции столько же, сколько и России, и потому султан, несмотря на все предложения Франции, не поколебался предпочесть дружбу с Россией, а потому и необходимо, чтобы обе державы примирились ввиду общего врага. Но по этой же причине не следует вашему кабинету так упорно настаивать на своих требованиях и предлагать нам такие тяжелые условия». Из всех разговоров Фонтон убедился, что турки не откажутся от своих условий и согласятся только уступить часть черноморского берега, необходимого для наших сообщений морем с Грузией и для торговли, да кроме того, быть может, визирь решится на незначительные изменения в европейской границе и не прямо отклонит условие о союзе*.

Так проходило время до 17-го апреля, когда турецкие уполномоченные получили, наконец, ответ визиря и просили назначить заседание конгресса, чтобы *окончить* переговоры. Через день (19-го апреля) состоялось продолжительное заседание, но не привело ни к каким заключениям. Галиб-эфенди начал даже отказываться от тех заявлений, которые он сделал Фонтону о полномочиях визиря. В ответ на рескрипт императора граф Кутузов писал что переговоры «занимают ныне всю мою заботливость; драгоценность времени в нынешних обстоятельствах побуждает ревность мою, как наискорее донести Вашему Императорскому Величеству, что ни есть основательнее; но медленность людей, с которыми имеем дело, и обстоятельства нынешние и сомнительность останавливают всякую поспешность. Едва в течение 19 дней, будучи в постоянных, конфиденциальных переговорах с Кечай-беем (или Галибом-эфенди), я и действительный статский советник Фонтон, постепенно дошли было и согласились на все артикулы, в Высочайшем рескрипте ограниченные в таком виде, что я сии уступки приему на собственный мой страх. Что же касается до Азии, то у него (то есть, у Кечай-бея) предположение такое, чтобы возвратить Порте все набережные крепости и расстояние берега между крепостью

*Protocole de l'entrevue particulière qui a eu lieu le 3 avril entre le comte Koutousoff et le Ketchai-bey, rapport du translateur A. Fonton au comte Koutousoff, 5 avril 1812 ?.

Анаклия и Потти оставить в употребление России — à l'usage de la Russie — для сообщения морем с провинциями, ею владеемыми, то есть с Мингрелией, Имеретией и Карталинией, а более о владеемых нами провинциях не говорить. Я на столь малые предложения не соглашался и оставил сей артикул некоторому времени; начались было уже и формальные конференции. Но к удивлению моему, вчерашнего числа, в вечеру, Галиб-эфенди призвал к себе Фонтону, который один только ведает о соглашениях наших, и объявил, что он, по здоровом размышлении, находит, что он обещанных границ сам собою подписать не может, а должен ожидать ответа от визиря с курьером, которого он отправил по оному предмету уже пятый день, и коего возвращения ожидает не более, как в четыре дни: а между тем предложил, не могу ли я согласиться, чтоб Измаил и Килию срыть и берег Дуная без крепостей оставить за Портою. Вчера в вечеру сделано сие странное предложение, а сегодня поутру послал я того же Фонтону с уведомлением, что, усматривая, что Порта не имеет искреннего желанья к миру, я объявляю, что все сделанные мною ему лично обещания об уступках, которые я осмеливался было принять на собственный мой страх и ответственность, все возвращаю и требую, чтобы все, мною при откровенных разговорах сказанное, было предано забвению и *comme par avenu* — и припоминая ему, что при начатии между нами откровенностей, таковое положено было между нами условие. Перемена такая в словах Кечай-бея тем удивительнее, что на сих днях не было к нему курьера, который бы мог произвести такое разноречие. Союзный трактат предложен был вместе с уступками, и тогда Кечай-бей казался от сего не удаленным: так представил оное и визирю. Может быть, уполномоченный и действительно испугался данного мне слова и решился ожидать от визиря ответа; а может быть, и точно получил вчерашнего числа известие, такового дорогой, о которой я еще сегодня известиться не мог... Получив, — оканчивал свое донесение граф Кутузов, — от Вашего Величества столь милостивый рескрипт, горестно мне в старости моей, что должен занимать Вас донесениями столь неудовлетворительными. Вы, Всемилоостивейший государь, изволите меня срочно вызывать именем Отечества, которое я, конечно, люблю всеми чувствами, но где имя ваше, Государь, там не надобно мне гласа Отечества»*.

В это время действительно случилось обстоятельство, которое через несколько дней сделалось известным графу Кутузову и объяснило медленность визиря и перемену в заявлениях уполномоченных Порты.

*Письмо к императору из Бухареста 20-го апреля 1812 г.

В половине апреля Мавроени, турецкий уполномоченный при венском дворе, писал князю Мурузи, что Австрия обещает России оставаться нейтральною во время ее войны с Францией, но с неперменным условием, чтобы она немедленно заключила мир с Портою, приняв границую течение р. Прута. Но граф Кутузов полагал, что этого письма не мог знать Галиб-эфенди. В противном случае «было бы неудивительно, что он вновь пустился торговаться о границах». Может быть, он и не знал этого письма, но до него дошло другое, более важное известие из Константинополя, сообщенное немедленно Каннингом, английским посланником при Оттоманской Порте, и нашим уполномоченным в Бухаресте. В конце марта Австрия заключила союз с императором Наполеоном, в котором обязалась (ст. 9-я), между прочим, привлечь к такому же союзу и Турцию. Если Порта отказала бы Австрии в заключении союза и в то же время заключила союз с нами, то вооружила бы против себя не одну Францию, но и Австрию, которая была бы для нее еще опаснее. Очевидно, отказывая в союзе Австрии, Порта должна была в то же время отказать и нам. Граф Кутузов понял это положение Порты, и уведомляя императора о попытках Австрии в Константинополе, писал государю: «Впрочем, быть может, что Порта, несмотря на сии предложения Франции и Австрии, видит лучшую пользу свою в том, чтобы заключить мир с нами: но при настоящих обстоятельствах, будучи обольщена Францией, и самые умеренные кондиции покажутся ей тяжелыми. Что же касается до заключения с Россией союза, то по сим новым обстоятельствам, кажется, и нет на сие надежды, а потому если бы и ныне согласились полномочные на границу европейскую, тогда решусь я и без союзного трактата подписать кондиции; но поставлю оные *sub spe ratī*, дабы тем удобнее такой трактат можно было не ратификовать, буде оный будет не угоден»*.

В тот же день, как было отправлено это письмо в Петербург, приехал в Бухарест нарочный от визиря с давно ожидаемым ответом, и на другой день (30-го апреля) были возобновлены переговоры с первым турецким уполномоченным. «Предложения визиря, — писал граф Кутузов государю, — как Галиб-эфенди объявил, состояли в том, чтобы Килию и Измаил скрыть и оставить места их с малыми округами в принадлежности Порте, и, сверх того, место для построения турецкого города при впадении Кагульского озера в Дунай и местечко Рени с некоторою округой оставить за Портой, оставя впрочем все пространство между Прута, Днестра, Дуная и моря за Россией. С того дня все время проходило в пустых и упрямых спорах с его стороны. Наконец,

*Письмо к императору из Бухареста 29-го апреля 1812 г.

удостоверясь я, что всех требований моих мне удержать будет невозможно, и зная, сколь опасно потерять еще более время и тем дать случай французскому поверенному в делах и барону Штюмеру успеть в их внушениях при Порте, приготовил письмо к визирю, в котором изъяснил, что уже время кончить столь смешные переговоры и тем, чтобы разорвать конгресс, ежели не будут приняты мои предложения, самые умереннейшие, и сие письмо сообщил Орду-кадию, второму уполномоченному, который, как духовная особа, имеет много уважения, изъяснив ему все следствия бедственные, которые угрожают Порте, ежели не сделаем скорого конца. Он принялся за сие с горячностью и тот же час пригласил с собою третьего полномочного, имел разговор с Галибом-эфенди, которым убеждал его к принятию моих кондиций, принимал на себя ответственность сего дела перед Богом и людьми и, наконец, согласил его. Почему вчерашнего же вечера, от имени уже трех полномочных приехал ко мне князь Мурузи, с которым условились, чтобы некоторые артикулы подписать, яко прелиминарии, разменяться ими и отправить поспешнее в Константинополь и тем преградить все успехи французской партии. Сделав сие, продолжал составление всего трактата. Соглашено между прочим, чтобы как можно менее давать публичности всему производству, никогда всем полномочным вместе не собираться на конференции и не в доме, для конгресса назначенном, а в партикулярном, сколь можно менее употреблять секретарей и прочего, дабы на некоторое время утаить сие происшествие от недоброхотствующих. Иностранным агентам будет сделано ложное уведомление, что никак мнения взаимных полномочных не сходятся и через приказы делаются приготовления к скорой кампании. К срытию Измаила никакого срока не полагается; следовательно, достаточно надолго будет испортить один какой-нибудь бастион. Часть берега противу Мингрелии и с укреплением остается в употреблении и власти России. Общественность рукава килианского становится для Порты мечтательною, потому что правым берегом сего рукава она ко вреду нашему пользоваться не может. Все сделанное предаю великодушию Вашего Императорского Величества. Что я ничего лучшего сделать не мог, тому причиною положение дел в Европе; что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог. Уважьте, Всемилостивейший Государь, что при всех лестных обещаниях, от Франции Порте делаемых, и при ожидании неприятностей для Порты в случае от того ее отказа, заключится мир, выгоднейший Канарджийского и Ясского; ибо Порта лишается своих лучших пяти крепостей и с немалым пространством земли, не пустой. Но ежели за всем тем выгоднее будет разорвать все мною обещанное, в таком случае

приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Несчастье частного человека с пользою общею ни в какой расчет не входит. О содержании тайного своеручного рескрипта Вашего Императорского Величества никто не владеет, да и государственному канцлеру я с сим курьером никаких уведомлений не делаю»*.

Предположения графа Кутузова оправдались; изложенные на письме предварительные условия были подписаны уполномоченными обеих держав и разменены 5-го мая, а 16-го подписан и самый мирный договор. «Сего времени обстоятельства, — доносил граф Кутузов императору, — не позволили никак твердо настоять на заключении союзного трактата и дожидаться на сие согласия от султана для заключения мира. Таковым поступком весьма легко могли бы принудить Порту избрать сторону, предлагаемую австрийцами для союза. Ваше Императорское Величество могли видеть из письма Каннинга, к Италинскому адресованного, сколь велика была его боязнь, дабы при затруднениях, с нашей стороны им делаемых, сие не произвелось бы в действо. А когда уже заключится мир, тогда Порта неминуемо поссорится с Францией и легче будет склонить оную к союзу особливою негоциацией»**.

Нет нужды, кажется, доказывать, каким великим благодеянием для России было заключение этого мира перед самым началом Отечественной войны; но и самые условия договора, по которому Россия получала Бессарабию и часть Молдавии, не только не роняли достоинства империи, но были таковы, что этот мир может смело быть поставлен в ряд договоров с Портою, заключенных Россией после блистательных войн и далеко не в таких затруднительных обстоятельствах***. Еще менее представляется нужды доказывать ввиду изложенных обстоятельств, кому Россия обязана этим благодеянием, потому что она и почувствовала это и поняла в то самое время.

На другой день после подписания предварительных условий, уполномоченные приступили к составлению самого договора; 6-го мая приехал в Бухарест адмирал Чичагов и передал графу Кутузову следующий рескрипт государя: «Заключением мира с Оттоманскою Портою прерывая действия Молдавской армии, нахожусь приличным, чтобы Вы прибыли

*Письмо к императору из Бухареста 4-го мая 1812 г.

**Письмо к императору 7-го мая 1812 г.

***После заключения этого мира, в Петербурге разнеслась новая сплетня, что Кутузов подписал мир, будучи предупрежден графом Румянцевым, что Чичагов послан сменить его (*Comte J. de Maistre, Correspond. diplom.*, I, p. 100) и потому решился на всякие условия. Но граф Румянцев был против мира с турками, если они не уступят всей Молдавии, Бессарабии и Валахии, советовал продолжать войну, сочувствовал замыслу Чичагова и вел с ним постоянную переписку.

в Петербург, где ожидают Вас награждения за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали мне и отечеству. Армию, Вам вверенную, сдайте адмиралу Чичагову»*.

Рескрипт был помечен 5-м апреля, то есть, ровно за месяц до подписания предварительных условий мира, за который благодарил его государь, и без сомнения, граф Кутузов понял все его значение, но остался еще десять дней в Бухаресте до окончательного подписания и размена самого мирного договора.

*Вместе с этим рескриптом Чичагов привез другой, который должен был вручить Кутузову в том случае, если бы мир не был еще заключен: «Михаил Ларионович! Опытность Ваша в государственных делах, доказанная с толикою пользою для службы отечеству, заставляет меня желать, в важных, ныне предстоящих обстоятельствах, видеть Вас заседающим в Государственном Совете, коего круг деяний я нашел приличным расширить. Поспешите прибыть в столицу, сдав армию, Вам вверенную, адмиралу Чичагову. 5-го апреля 1812 г.».

Глава шестая

*Сношения
с Пруссией*

В то время как на восточных окраинах Европы, на севере Швеции и на юге в Турции, выражались стремления к самостоятельной политической деятельности, вся Западная Европа томилась под игом деспотической власти императора французов. Иго одинаково было всюду, но его разнó чувствовали и иначе переносили в разных местностях. Ближайшие к России, соседние и бывшие некогда великими державами, Пруссия и Австрия, утратив самостоятельное политическое значение, сохранили однако память о нем, возбуждавшую желание возратить то, что было утрачено. При виде России, принявшей в это время решительное положение самостоятельной и свободно действующей державы, в них еще более усиливалось это желание. Но в то же время чувство слабости и бессознательный страх перед роковою силою Наполеона удерживали всякий порыв их к разумно свободной деятельности. Но в отношении к Пруссии, находившейся под зорким и подозрительным надзором императора французов, ослабленной, разоренной и угрожаемой близким присутствием его военных сил, такая деятельность была и невозможна. Немногие лица из высших слоев общества, побуждаемые ненавистью к нему и желавшие освободить Германию от иностранного ига, требовали союза с Россией; им сочувствовал народ, но он не имел свободы действия; большая же часть высших сословий и правительственные лица Пруссии подчинились влиянию Франции и видели в союзе с Наполеоном единственный способ продлить, а может быть, и обеспечить в будущем существование Пруссии. Обе партии естественно в равной мере опирались в своих действиях на короля и обе одинаково жаловались на его нерешительность. Но если, по ограниченным по природе способностям Фридриха-Вильгельма, и нельзя было требовать от него силы воли, сообразной с чрезвычайными обстоятельствами, то самое положение, в котором находилась Пруссия в его время, оправдывало его нерешительность, усиленную грустным настроением духа, в котором он находился постоянно после смерти своей супруги, сильно поддерживавшей партию, враждебную Франции*. Лишенный ее советов и поддержки, король естественно должен был подчиниться наибольшему влиянию противной партии, взгляды которой оправдывались, по-видимому, положением дел.

*Королева Луиза скончалась 19-го июля нового стиля 1810 г. в Шарлоттенбурге.

Если бы Россия решилась действовать наступательно, перенести театр военных действий на Вислу, занять герцогство Варшавское и Восточную Пруссию, то, без сомнения, Пруссия могла бы соединиться с нею и даже была бы вынуждена к тому силою обстоятельств, которые на всякий случай давали ей возможность оправдать свой образ действия перед ее грозным победителем. Но Россия не хотела начинать войны с Францией. Постоянно заявляя Европе, что союз ее с Наполеоном составляет полное ручательство в соблюдении всеобщего мира, император Александр употреблял все, согласные с достоинством империи, способы отклонить нарекание на его политику в возбуждении новой войны. Но именно такой образ действий России и ставил в крайне затруднительное положение Пруссию. Она была окружена войсками Наполеона и его союзников, крепости ее по Одере и Данциг были в его руках и он без согласия прусского правительства увеличивал в них гарнизоны, налагая на Пруссию новую тяготу — содержать их на свой счет; требовал продолжения новых военных дорог в ее областях; настаивал на своевременной уплате контрибуции; распоряжался своими чиновниками в ее таможнях; забирал и жег английские товары в ущерб ее подданным. Средоточие внутреннего управления Пруссии находилось, собственно говоря, во французском посольстве; маркиз Сен-Марсан был настоящим наместником Пруссии, а королевская власть должна была действовать тайно, стараясь скрывать от него свои распоряжения. Единственное утешение для прусского правительства состояло в том, что маркиз Сен-Марсан принадлежал к числу немногих, оставшихся в правительстве Наполеона, дипломатов, как Талейран, граф Нарбонн и др., не утративших старых преданий и облакавших грубое самовластие своего повелителя в мягкие и учтивые формы дипломатических приличий. Несмотря на то, положение короля было таково, что он опасался принимать русского посланника, и это обстоятельство было принято во внимание нашим кабинетом. Графу Ливену даже собственноручные письма императора к королю поручалось передавать через третьих лиц, если бы требование с его стороны личного свидания с королем могло возбудить подозрение французского посланника. Император французов ежедневно мог наводнить Пруссию своими войсками и даже захватить королевское семейство прежде, нежели русские войска могли прийти на помощь. В этой помощи, вероятно, и не сомневался король; но окружавшие его лица, расположенные к Франции, естественно могли его убедить, что эта помощь не может быть своевременна при оборотном положении, которое приняла Россия, лишив себя тем самым

возможности сблизить с Пруссией свои войска и переступить свои границы. Надеясь на отдаленную помощь, нельзя подвергать себя ежечасно угрожавшему бедствию.

Эти люди совершенно увлекли короля в свои виды, но их тщательно скрывали от нашего посланника. Король, выражая иногда свое расположение к России и императору Александру, просил сейчас же нашего посланника не сообщать о его разговоре с ним ни графу Гольцу, ни барону Гарденбергу. Граф Румянцев недоумевал насчет действительных взглядов прусского кабинета и поручал графу Ливену разузнать и сообщить о взглядах прусских государственных людей, канцлера и министра иностранных дел. Барон Гарденберг, после откровенных разговоров с нашим посланником, просил его не сообщать их графу Румянцеву. Дружба России и Пруссии принимала в это чрезвычайное время особенное направление, исполненное взаимного недоверия. Но это недоверие со стороны Пруссии основывалось только на том, что Россия не может подать ей своевременной помощи, что она недостаточно сильна, чтобы противостоять Наполеону, и сама лишает себя способов, упорно продолжая войну с турками; наконец, что русское правительство может ошибиться в выборе главнокомандующего войсками. Недоверие России имело более оснований. Она подозревала, что страх вынудит Пруссию, несмотря на уверения в своей дружбе и на желание союза с Россией совершенно предаться в руки Наполеона. Последствия и оправдали верность этого предположения.

В начале 1811 года вся Европа была уже уверена, что война между Россией и Францией неизбежна, и что Наполеон начнет ее с открытием весны, к чему действительно клонились все его распоряжения. Плохой оборот его дел в Испании отсрочил потом на год начало этой войны; но в это время никому и на мысль не приходило, чтобы неуспех мог сопровождать военные действия Наполеона. Немногие полагали, что его распоряжения не имеют целью собственно войну с Россиею, но предпринимаются в виде угрозы, как военная демонстрация. Так думал канцлер граф Румянцев и бывший военный министр Пруссии, человек наиболее преданный мысли о необходимости союза с Россией для действий против Наполеона, генерал Шарнгорст. «Наполеон ведет войну в Испании, — говорил он нашему посланнику, — и она занимает большую часть его войск. Число его войск, находящихся в Германии, слишком недостаточно, чтобы ожидать войны с этой стороны. Поэтому на подкрепления, которые он сюда отправляет, следует смотреть, как на демонстрацию против России вследствие каких-либо несо-

гласий с нею в переговорах или как на меру предосторожности, вызванную какими-нибудь действиями с ее стороны». Но Россия не может, по его мнению, придавать важного значения этой демонстрации, пока Пруссия еще свободна от всяких обязательств и может соединить с нею свои силы. На это-то обстоятельство он советовал обратить особенное внимание, потому что император Наполеон примет со своей стороны все меры, чтобы воспользоваться силами Пруссии в свою пользу. «Вы знаете чувства короля, — говорил он графу Ливену, — но знаете также, что весьма многие иначе расположены к России. Число их значительно увеличилось после последних происшествий; отчаяние почти овладело всеми с того времени, как опасность приблизилась, и нет ничего в виду, что могло бы защитить от нее. Россия не может быть равнодушна к тому: будет или нет существовать Пруссия, которая может оказать ей пособие даже военными силами. О них, может быть, имеют у вас неправильное понятие, и я полагаю даже, что есть люди, которые стараются выказать их незначительными. Надобно приблизить ваши войска к границам и особенно заключить мир с турками. Приобретение двух областей за Днестром может ли идти в настоящее время в сравнение с защитой Пруссии?»* Всеобщее отчаяние, о котором говорил Шарнгорст, охватило и короля; он опасался за судьбу своей страны, которая снова должна была сделаться поприщем военных действий и испытать все бедствия войны, и выражал свои опасения графу Ливену. На сообщение об этом состоянии духа короля граф Румянцев отвечал нашему посланнику, что русский император понимает всю важность опасений короля за свои владения, когда общественное мнение, которое и он разделяет, уверено, что император Наполеон замышляет войну против России; но государь еще далеко в этом не уверен. Но если бы даже и началась эта война, то он убежден, что прусский король не будет действовать против него. Убеждение его в этом случае непоколебимо; оно основано как на той горячей дружбе, которую ему во всех случаях выражал этот государь, так и на том, что в этом заключаются выгоды самой Пруссии. Возможно ли, чтобы Пруссия забыла свои собственные выгоды до такой степени, чтобы поверила, что Франция может доставить ей какую-либо пользу или увеличить ее владения? Франция самый злейший и единственный ее враг в настоящее время и еще надолго. Какую пользу может извлечь Пруссия, содействуя своими военными силами ослаблению

*Депеша графа Ливена 26-го января (7-го февраля) 1811 г. из Берлина.

России, тогда как это, может быть, единственная держава, которая составляет противовес Франции, и которая одна может умерить ее властолюбие. Это властолюбие уже по собственному ее признанию не хочет признавать никаких границ, если справедливо, что она собирается объявить, что Италия, Швейцария и часть Испании присоединяются к французской империи. Его величество с охотою готов выразить свое убеждение, что для блага русской империи, он считает не только необходимым сохранение Пруссии и Австрии, но и усиление их*.

Но если граф Румянцев и полагал, что для императора Наполеона нет никакой выгоды начинать войну с Россией и был прав как теоретик, то император Александр лучше понимал характер своего противника, способного увлекаться страстями, не умеряемыми никакими нравственными началами, и потому считал войну с ним неизбежною, хотя, конечно, не мог предвидеть — начнется ли она именно весною 1811 года или позднее. Поэтому он не ограничился простым заявлением, что собственные выгоды Пруссии требуют того, чтобы она не действовала против России, но в то же самое время дал собственноручное наставление нашему посланнику при берлинском дворе о том, как он должен поступать в этом случае. Поручая ему лично или через третьих лиц, со всею осторожностью, доставить собственноручное свое письмо королю, он писал: «В случае войны с Францией, содействие Пруссии было бы для нас чрезвычайно полезно. Но для того, чтобы достигнуть этой цели, вы должны действовать с крайней осторожностью. Мы не уверены, решится ли король сообщить содержание письма императора своему министру (т.е. графу Гольцу), или кому-либо из лиц своего правительства, например, канцлеру (то есть барону Гарденбергу); поэтому вы поступите благоразумнее, если будете ожидать, чтобы они начали переговоры с вами об этом важном предмете. Но по вашим донесениям нам известен образ мыслей генерала Шарнгорста в отношении к нам и внушает нам полное доверие. Поэтому вы можете начать с ним разговор об этом важном предмете и как стараться понять его личный взгляд, так и узнать его мысли насчет возможных действий прусского кабинета. В том случае, если бы по приказанию короля барон Гарденберг или Гольц начали с вами переговоры по этому предмету, то постарайтесь убедить их прежде всего, до какой степени необходимо, чтобы эти переговоры хранились в глубокой тайне. Затем объясните им, что мы ре-

*Отношение графа Румянцева к графу Ливену 7-го февраля 1811 г.

шились всеми мерами избегать разрыва с Францией и ни в каком случае не будем зачинщиками войны. Постарайтесь, чтобы они поняли, что эта война или доставит возможность Пруссии вознаградить все ее потери, если усилия союзных войск увенчаются успехом, или продолжит на долгое время рабство всей Европы. Нам необходимо, чтобы Пруссия честно и откровенно выразила свои виды и намерения, и вы употребите все возможные старания, чтобы достигнуть этой цели»*.

Но этой цели чрезвычайно трудно было достигнуть при господстве французской партии при дворе и в правительстве, и при слабости характера короля. Берлинский кабинет вел двойную политику и, следовательно, не мог *честно и откровенно* выразить свои взгляды. Свои сношения с Францией он тщательно скрывал от нашего посланника и даже от некоторых из своих государственных людей, как, например, от генерала Шарнгорста, который один только и мог сообщить о них сведения графу Ливену. Страх приближавшейся войны, которая, как полагали тогда в Берлине, должна была начаться немедленно, послужил поводом к тому, что французская партия одержала верх. Еще в мае 1811 года, воспользовавшись несколькими благосклонными словами, сказанными герцогом Бассано прусскому посланнику, король предписал генералу Круземарку «предложить императору Наполеону заключить оборонительный и наступательный союз, в силу которого во всех войнах, какие бы ни предприняла Франция в Германии или на границах Пруссии, и которые не будут чужды выгод этого государства, она предоставит в распоряжение императора Наполеона вспомогательный корпус войск, сообразный со своими средствами. О численности этого корпуса можно договориться особо. Со своей стороны, император Наполеон должен обеспечить целость и неприкосновенность территорий прусских владений и обязаться помогать Пруссии во всех случаях, когда обратится она с просьбой о помощи. Его высокому содействию предстоит ввести в этот союз государства Рейнской конфедерации и герцогство Варшавское. Прусские вспомогательные войска будут действовать в виде отдельного корпуса, под начальством прусского генерала, который будет находиться в распоряжении императора. Этот корпус будет по преимуществу употребляем для защиты Пруссии и ее границ, но сообразно с общим планом военных действий. В этом отношении он будет находиться под непосредственным начальством императора или главнокомандующего всеми его войсками. Перед началом каждой войны будет постановлен особый договор о движении войск сообразно с требованиями обстоятельств; но до тех пор

*Projet d'instruction pour le c-te de Lieven, 7 février 1811.

французские войска могут пользоваться в прусских владениях только теми военными дорогами, которые определены уже существующими соглашениями. Но средства Пруссии так истощены, что она не могла бы покрыть тех издержек, которые наложили бы на нее вновь принимаемые ею на себя обязательства, если бы императору Наполеону не было угодно облегчить ей возможность исполнить эти обязанности. Но принимаемые мною обязательства, — говорилось далее в предписании прусского короля, — тогда только сделаются прочными, когда будут основаны на полном и взаимном доверии, на которое я считаю себя вправе рассчитывать, доказывая мою постоянную преданность его императорскому величеству тем, что до сих пор неуклонно следовал его политической системе, и еще более тем, что предлагаю ему союз. Заключенный на предлагаемых основаниях союз устранил все поводы к недоразумениям, и в таком случае я позволю себе надеяться:

1) что императорское величество обратит внимание на мое справедливое требование о возвращении крепости Глогау, которая, по смыслу заключенных договоров, должна быть очищена по внесении первой половины контрибуции, в настоящее время уже уплаченной. Не по недостатку доверия я возобновляю это требование в то время, когда более тесные узы готовы соединить существенно мои выгоды с выгодами императора, а потому, что содержание французских гарнизонов в крепостях по Одере сопряжено с огромными для меня издержками. Этот налог до такой степени превышает средства Пруссии, до такой степени несовместим с издержками, которые потребуются для вновь принимаемого мною на себя обязательства, что если его императорское величество облегчит от такой тяготы мое государство, то покажет свое доверие и доброе расположение ко мне;

2) что в том случае, когда вспомогательный корпус должно будет привести в военное положение, император убавит в соразмерности требования уплаты контрибуции и совершенно прекратит их, лишь только начнется война; Пруссия не может вынести этих издержек одновременно с уплатою тяжелой контрибуции;

3) наконец, что император не будет настаивать на исполнении постановлений договора от 8-го сентября 1808 года о том, чтобы не увеличивать прусского войска, что становится уже необходимым в виду предстоящей защиты государства;

4) что касается до приобретений, территориальных или иных, на которые может рассчитывать Пруссия за свое содействие Франции, то в этом случае я полагаюсь на правосудие и дружбу моего августейшего союзника. В одном только я желал бы, чтобы наперед состоялось соглашение: географическое положение Пруссии таково, что большая

часть ее владений может сделаться театром войны или во всяком случае подвергнуться сопряженным с нею затруднениям: поэтому я желал бы обеспечить на этот случай надежное местопребывание для моего семейства. Я лщу себя надеждою, что император не только согласится сам, но вместе с тем и употребит свое влияние, где будет нужно, чтобы с этой целью нейтрализовать часть Силезии, пограничную с Австрией, где я и мог бы найти местопребывание со своим семейством во все продолжение войны»*.

В приведенном письме прусского короля к своему посланнику при французском дворе заключается уже полное содержание прилагаемого Наполеону договора о союзе. Таким образом, в то самое время, как король медлил ответом русскому императору, своему другу, на предложение о союзе, не отклоняя его однако же, он вполне обдумал и предложил союз его противнику, императору французов. Хотя Пруссия была совершенно окружена войсками Наполеона, и хотя последний имел возможность принудить ее действовать заодно с ним, однако же предложение короля было выгодно для Франции потому, что добровольный союз во всяком случае мог быть надежнее вынужденного. Как же отнесся император французов к этому предложению?

Император Наполеон ненавидел Пруссию, по собственному его признанию, и хотел, вопреки своим выгодам, совершенно ее уничтожить; но в это время он принял за правило не отвергать дружелюбных заявлений Пруссии, не доверяя им в то же время. Рабски увлекаясь страстями своего повелителя, его министерство иностранных дел действовало в том же направлении. В конце 1810 года Шампаны, по его приказанию, представил ему особый доклад об отношениях к Пруссии. «Современное состояние Пруссии, — писал он, — несмотря на ее чрезвычайную слабость, заслуживает особенного внимания. Министр, предпринявший восстановить обломки этой почти не существующей монархии, собственно говоря, не обладает ни достаточною силою характера, ни обширным умом, ни ревностною деятельностью, которые могли бы заменить слабость короля. Этот государь, по смерти супруги, погружен в какое-то нравственное усыпление, из которого тщетно его желают исторгнуть. Под его именем правит Гарденберг, а Гарденбергом управляет партия, которой он полагает быть главою, но в сущности он только опасное орудие в ее руках». По своим убеждениям и прежней деятельности, прусский канцлер Гарденберг считался врагом Франции и защитником союза с Россией. Но не с этой точки зрения

*Письмо короля к Круземарку 2/14-го мая 1811 г. *Mémoires d'un homme d'état*, III, p. 314 et 315.

опасалось его влияния французское министерство. Оно знало, что при тогдашнем положении Пруссии канцлер ее, несмотря на личные убеждения, при слабости короля и силе французской партии, вынужден будет действовать в видах императора Наполеона. Орудием какой же опасной партии оно его считало? «Эта партия, — продолжает герцог Кадорский, — господствует уже на севере Германии, ее деятельность стесняется там лишь присутствием французских войск. Она старается распространить свое влияние на Вену и даже на Баварию и управлять общественным мнением. Она овладела университетами, учеными обществами, мистическими союзами и всеми мечтательными умами, которые перемешивают политические замыслы с химерами иллюминатов и в прежнее время, при отце теперешнего короля, имели большое значение при берлинском дворе. Происшествия, изменившие потом все положение Европы, дали этой секте только новое направление. До того времени она мечтала управлять народами во имя королевской власти; теперь же, как кажется, она стремится к тому, чтобы уничтожить ее и овладеть доверием народов. Обширный переворот непрерывно подготавливается во всей Германии, и ненависть к французам помогает успешному его распространению. Хотя немного, но есть однако же несколько высокопоставленных лиц, знающих объем и тайную цель этого странного заговора, которого тайные проповедники скрываются под именами докторов, советников, философских писателей и постепенно подготавливают всеобщий взрыв. Даже в государствах Рейнского союза и при дворах, наиболее преданных политике Франции, даже министры этих государей содействуют этим замыслам, не подозревая, что они сами будут жертвами этого движения. На основании достоверных сведений, получаемых с разных сторон посланниками вашего величества, можно предполагать, что существует намерение возбудить и соединить всю Германию в общее революционное движение против Франции и самых правительств германских, и что последствия этого движения трудно и предвидеть.»

Вот с какой точки зрения Пруссия обращала на себя внимание французского правительства. Одним из главных вождей этого движения оно считало барона Штейна, и ему уже удалось устранить его от участия в деле управления. Но оно видело его продолжателей и преемников в лицах графа Стадиона в Австрии и барона Гарденберга в Пруссии и полагало, что заодно с ними готовы были действовать и многие другие. Этих вождей народного движения в Германии оно подозревало в желании склонить политику Пруссии к союзу с Россией. Им оно приписывало намерение для достижения этой цели

женить овдовевшего прусского короля на русской великой княжне, о чем доносились слухи в то время. Такой союз при содействии общественного мнения в России, которому противодействует лишь граф Румянцев, казался французскому правительству возможным и опасным. Оно полагало, что Россия откладывает его заключение только до тех пор, пока не заключит мира с турками. «Если такие *предательские* намерения, — продолжает министр иностранных дел Франции, — входят, действительно, в виды прусской политики, то ее миролюбивые заявления не могут возбуждать удивления: таков всегда язык страха и бессилия. Но, предполагая, однако же, вопреки всякой вероятности, что заискивания вступить в соглашение с Россией составляют только попытки нерешительного и робкого министра, и что предложения его Франции совершенно искренни, все-таки представляется вопрос: какие выгоды может нам доставить Пруссия в качестве союзника и какими опасностями может она угрожать в качестве врага?»

Положение дел представлялось в это время французскому министерству иностранных дел в таком виде, что главною целью усилий Франции должно быть изгнание англичан из Пиренейского полуострова. Пока эта цель не будет достигнута, нельзя приступить к окончательному достижению второй, то есть к строгому соблюдению континентальной системы на всем материке Европы. Поэтому следует избегать всякой важной ссоры на севере Европы. Но действуя в этом смысле, следует предвидеть возможность заключения мира между Россией и Оттоманскою Портою. «Хотя, — говорит герцог Кадорский, — действия французской политики в Константинополе и дают повод предполагать, что России не удастся в скором времени заключить этот мир, тем не менее, партия, желающая мира, берет значительный перевес в Петербурге. При этом дворе, исполненном интриг, все может измениться в один день. Граф Румянцев не смеет или не хочет ей противодействовать. При таком положении дел возможно, что при молчаливом содействии Англии, мирные переговоры в Молдавии закончатся скоро, и потребуются не более 20 часов, чтобы подписать договор на барабане, как это было в Кайнарджи. Тогда Россия выведет свои войска из Турции, расположит их эшелонами по польской границе от Брод до Мемеля, может войти в соглашение с Англией, отступит от континентальной системы, откроет Балтийское море для английской торговли для того, чтобы поднять свой курс, уверяя при том постоянно, что желает поддерживать мирные отношения к Франции. В таком случае вашему величеству придется или оставить мысль о том, чтобы вынудить Англию отказаться

от насильственных мер на морях, или снова перенести войну на Одер и Вислу. В этом-то случае, который рано или поздно должен осуществиться, Пруссия приобретает значение. При самом первом признаке войны с Россией ваши войска перейдут Эльбу и направятся на Берлин, — будем ли мы в союзе или во вражде с Пруссией. Как союзник, что может дать нам прусский король? Тридцать или сорок тысяч войска, питающего враждебные к нам чувства; и которые он едва в состоянии содержать на средства своего государства? Но если он будет нашим врагом, то отношения совершенно изменяются. В ваших руках находятся крепости Глогау, Кюстрин, Штеттин, и вы, не покидая Парижа, одним страхом можете выгнать оттуда прусский двор за Вислу. Вследствие этого одного все средства Бранденбургской марки, Померании и даже Силезии останутся в полном распоряжении французских властей, которые, действуя в них как в странах завоеванных, доставят нам весьма важные выгоды. Конечно, вероятно, что прусское войско может быть увеличено на несколько тысяч. Бедность, грабеж, ненависть к французам привлекут под знамена, может быть, до 50 тысяч; но немцам, полякам и вестфальскому королю можно предоставить богатое вознаграждение в Силезии и Бранденбурге за их содействие французам. При союзе же с Пруссией сделалось бы невозможным увеличить владения вестфальского короля. Это желание вознаграждений и уверенность, что Пруссия исчезнет с европейской карты, удвоит ревность и жертвы естественных союзников Франции».

Как общий вывод из всех этих соображений, герцог Кадорский представлял, что союз с Пруссией бесполезен для Франции во время мира и отяготителен при войне с Россией. «Мудрость вашего величества, — говорил герцог, — уже решила важную меру: присоединение Голландии, за которую последует и присоединение ганзейских городов. Уже приняты все меры, чтобы оно совершилось прежде, нежели будут подписаны предварительные условия мира между Россией и Турцией. Когда границы империи будут простирались до Балтийского моря, Пруссия будет совершенно окружена владениями империи или ее союзников. Французские гарнизоны будут постоянно занимать лучшие из ее крепостей внутри страны, семьдесят миллионов, просроченных уплатою контрибуции, истощат все ее средства, ее порты будут закрыты нашими таможенными чиновниками для всякой торговли с англичанами. В таком положении к чему нам нужен союз с нею и какую опасность может причинить нам ее бессильная ненависть?» Вообще, по мнению Шампаньи, надо поддерживать теперешние с нею отношения и тщательнее наблюдать за народным в ней движением и не отвергать,

но и не заключать бесполезного союза, который может возбудить опасения России и даже вынудить ее преждевременно для выгод Франции, разорвать с нею союз*.

При таком взгляде на значение Пруссии в общей системе французской политики в это время, тюильрийский кабинет, очевидно, должен был отвергнуть предложения прусского короля. Он, действительно, их отверг, но, объяснив вместе с тем, что отвергает из опасения возбудить подозрение петербургского кабинета в то время, когда Франция находится еще в союзе с Россией и желает поддержать его. Не лишая Пруссию надежды на заключение этого союза в будущем, при могущем последовать разрыве с Россией, тюильрийский кабинет не переставал, однако же, угнетать Пруссию, постоянно настаивая на уплате контрибуции, насчитывая значительные проценты за просрочки, без ее согласия, усиливая свои гарнизоны в ее крепостях и тем увеличивая ее издержки на их содержание. Когда обращали его внимание на своевременную уплату условленной части контрибуции, он отвечал, что Пруссия никогда не уплатит всей контрибуции и останется постоянно в долгу у Франции. На ее посланника Наполеон не обращал ни малейшего внимания и при дипломатических приемах никогда не говорил с ним ни слова, несмотря на все заискивания генерала Круземарка, и в то же время осыпал изысканными учтивостями австрийского князя Шварценберга для того, чтобы еще более оттенить свое презрение к Пруссии. При каждом случае Наполеон издевался над королем прусским. В разговорах с нашими дипломатическими чиновниками, жалуясь на то, что граф Румянцев подозревает его в тайных происках в Константинополе, затрудняющих нам заключение мира с Турцией, он говорил, что так неприлично было бы действовать такому могущественному государю, как император французов, что он открыто принял бы сторону турок; так могут действовать только мелкие немецкие государи, как, например, прусский король. Эти выходки против короля, конечно, имели и другую цель, кроме желания выказать презрение к Пруссии: они могли оскорблять и его могущественного друга, русского императора. «Король прусский, — говорил Наполеон графу Шувалову по случаю нашего протеста по ольденбургскому делу, — сказал, что Россия поступает слишком легкомысленно, обнародуя подобные манифесты. Бедняков, — прибавил он,

*Граф Шампани, Rapport a S. M. Imperiale et Royale, Fontainebleau, 16-me novembre 1810, сообщенный нашему правительству Чернышевым при письме к канцлеру 5/17-го июля 1811 г. из Парижа.

смеясь, — близко касается это обстоятельство, они очутятся между двух огней», в случае разрыва с Россией и войны с нею*.

Действительно, Пруссия находилась между двух огней, и это положение вынуждало ее политику или действовать решительно, или кривить душою. Изнурение страны, слабость военных сил, всеобщий страх, внушенный грозным победителем, слабость характера короля и незначительное число из окружавших его лиц, которые советовали бы ему сопротивляться Наполеону, препятствовали Пруссии вступить решительно в союз с Россией и склоняли ее политику на сторону Франции. Но с одной стороны, презрительное отношение к ней французского императора, отклонившего союз с нею, а с другой — опасение раздражить Россию и, может быть, вызвать ее на вооруженное занятие восточной Пруссии, а в то же время и чувство дружбы короля к русскому императору, поставили в двусмысленное положение ее политику. Король, опасаясь принимать русского посланника, постоянно сносился с ним через третьих лиц, к которым питал особую доверенность. Связав себе руки предложением, сделанным им Франции, он скрывал его от графа Ливена и хотя выражал в то же время желание заключить союз с Россией, но отклонял исполнение этого намерения и придумывал различные к тому затруднения. Главнейшее из них состояло в том, что Пруссия может вступить в союз с Россией не иначе как с уверенностью, что к их союзу присоединится и Австрия; а между тем король не доверял политике венского кабинета. В конце февраля он прислал к графу Ливену полковника Врангеля объявить, что до него дошли достоверные сведения о неискренних действиях Австрии в ее сношениях с Россией, что он убежден, что в случае разрыва с Францией, Австрия не соединится с Россией и Пруссией, и что все, чего возможно ожидать от нее, будет состоять лишь в том, что она останется спокойною. В следующем месяце он снова прислал того же посредника заявить нашему посланнику, что он получил депеши из Вены от барона В. Гумбольдта, который писал ему, что он счел нужным поближе узнать взгляд венского кабинета на настоящие отношения России и Франции. На вопросы Гумбольдта граф Меттерних отвечал, что он считает войну неизбежною, и полагает, что обе стороны уже решились воевать между собою. На вопрос прусского посланника о том, как в случае этой войны намерена действовать Австрия, граф Меттерних отвечал, что она решилась оставаться спокойною и уже ни в каком случае не действовать заодно с Россией. «Эти известия до такой степени напугали короля, — говорил барон Врангель, — что он считает свое положение

*Письмо графа Шувалова к императору из Парижа 3/15-го мая 1811 г.

крайне затруднительным, если нельзя уже более рассчитывать на Австрию». Врангель уверял нашего посланника, что он употребляет все средства, чтобы поддержать короля в добром расположении к России, но «что его положение так затруднительно, что может принудить его принять иное решение»*.

В таком расположении духа нашел короля и полковник Чернышев, который в это время приехал в Берлин, проездом из Петербурга в Париж. Узнав о его приезде, король назначил ему свидание, о котором, в своем отчете государю, полковник Чернышев писал: «Я нашел короля в чрезвычайном беспокойстве и нерешительности». Лишь только Чернышев явился, король описал ему самыми мрачными красками современное положение своего государства, особенно с того времени, как новые отряды французских войск начали входить в его пределы для усиления гарнизонов в крепостях. «Во всех возможных случаях, — говорил он ему, — при разрыве России с Францией, Пруссия будет первою жертвой и я уверен, что она исчезнет с карты Европы».

Желая успокоить в некоторой степени тревогу короля, Чернышев отвечал, что русский император не вызывает войны, не желает ее и готов все сделать, чтобы отклонить ее бедствия. Объяснив все усилия нашего кабинета, предпринятые в этом смысле, Чернышев заметил, что если бы даже и началась война, то император, никогда не упуская из вида выгод Пруссии, конечно, поспешил бы к ней на помощь.

«Конечно, — отвечал король, — но это будет уже поздно. Судьба поставила столицу Пруссии на аванпостах государства, так что она всегда может быть окружена со всех сторон. Бывают, — прибавил он, — тяжелые, ужасные обстоятельства, которые лишают возможности действовать согласно с естественною необходимостью и собственными желаниями». Эти слова короля так же, как и заявления Врангеля нашему посланнику, были, очевидно, сказаны с намерением предупредить русский кабинет насчет возможности заключения Пруссией союза с Наполеоном.

«Потом, — доносил Чернышев императору, — король выразил желание, чтобы Ваше Величество употребили все способы привлечь Австрию на свою сторону и заставить ее действовать заодно с Россиею. Он говорил, что это единственный способ спасти его и развязать ему руки. Я довел до его сведения, что в этом отношении Ваше Величество действуете неуклонно и, кажется, можете предполагать, что если Австрия и не будет действовать заодно с нами, то во всяком случае не будет действовать и против нас. На это король сказал мне, что то же самое

*Депеши графа Ливена графу Румянцеву 22-го февраля (6-го марта) и 18/30-го марта 1811 г.

пишет ему его посланник из Вены; но его донесения дают однако же повод к опасениям. Потому что венский кабинет еще находится в нерешительном состоянии, и что образ мыслей графа Меттерниха еще не выразился ясно и определенно. Я тем более могу верить донесениям прусского посланника в Вене, что он враждебен французской системе и, следовательно, заметил бы расположение Австрии к ней. Но я был уже предвзят в отношении барона Гумбольдта, человека весьма умного, но строптивого, и потому отвечал, что в настоящем случае можно представлять себе обстоятельства или в слишком розовом свете, или слишком в черном. Кажется, в эту последнюю крайность впал барон Гумбольдт. Вообще мне показалось, что король находится в ужасно-нерешительном состоянии; кажется даже, что если последует разрыв, то будет поступать так, как поступит Австрия»*.

Сообщение берлинскому кабинету нашего протеста по ольденбургскому делу способствовало в это время к усилению тревоги, господствовавшей при прусском дворе. Министерство иностранных дел, действовавшее в лице Гольца совершенно в видах Франции, отнеслось к нему недружелюбно, усматривая в нем вызов с нашей стороны к разрыву с Францией, и советовало согласиться на вознаграждение герцогу Ольденбургскому, предлагаемое Наполеоном. Это обстоятельство подало нашему посланнику повод требовать свидания с бароном Гарденбергом, от которого он надеялся вместе с тем узнать об отношениях к нам берлинского кабинета.

Граф Ливен, прочитав прусскому канцлеру все бумаги, касавшиеся ольденбургского дела, говорил, что император Александр употребляет все средства, чтобы отклонить войну, но нельзя поручиться, чтобы Наполеон желал того же. Напротив, есть много поводов предполагать, что он противного мнения. Заявления нашему посланнику в Париже, что он намерен увеличить до 15 тысяч гарнизон в Данциге, предписание членам Рейнского союза, чтобы их военные контингенты находились в готовности к движению по первому указанию, и подкрепление гарнизонов в крепостях по Одру, кажется, могут служить безошибочными признаками желания императора французов начать войну с Россией. «То же подтверждает, — прибавил барон Гарденберг, — и его требование провести через Пруссию две новые военные дороги в Штеттин».

Воспользовавшись этим замечанием, граф Ливен подробно разработал мысль, что Наполеон «постепенно и незаметно овладевает всеми способами Пруссии. Король, исполняя беспрекословно все требования Франции, окажется, наконец, совершенно в распоряжении императо-

*Письмо Чернышева из Парижа 9/12-го марта 1811 г.

ра Наполеона; его обесславленные войска станут под знамена своего угнетателя; народ, разоренный уже многолетними бедствиями, вынужден будет на новые жертвования для своего врага и для собственной гибели. Из самостоятельного государя король превратится, наконец, в простого вассала злейшего из своих врагов. Для Пруссии предстоят три способа действия: или соединиться с нами, или с французами, или ни с теми, ни с другими...»

«Этот последний способ, — прервал его Гарденберг, — был бы самым худшим, короля прусского ожидала бы судьба гессенского курфюрста. Соединиться с Россией — вот единственно возможный способ действия для короля; так он и поступит. Но для этого необходима полнейшая взаимная доверенность между нами, и нужно условиться в средствах беспрепятственно привести в исполнение такое намерение. До сих пор Франция не обращалась еще к нам с предложениями; граф Сен-Марсан не делал даже никакого намека и не возбуждал вопроса о наших приготовлениях. Быть может, император Наполеон считает наши силы ничтожными; может быть, он не доверяет нам и рассчитывает, что лучше иметь нас врагами или, наконец, он хочет усыпить нас?...»

«Это последнее предположение, — прервал в свою очередь наш посланник, — было бы самым опасным для Пруссии, и старался доказать ему, сколько нужно употребить благоразумия и внимательности, чтобы не упустить того мгновения, когда король еще может действовать свободно, и чтобы обеспечить как его личность, так и силы Пруссии от внезапного решительного действия со стороны Франции».

«В том-то и заключается вся трудность, — отвечал барон Гарденберг, — чтобы уловить это мгновение».

«Ваша опытность и дарования, — отвечал граф Ливен, — ручаются в этом случае, что вы вовремя определите это мгновение и воспользуетесь им с должною решимостью».

Польщенный этими словами нашего посланника, прусский канцлер начал объяснять графу Ливену, что в этом отношении уже приняты все меры, и что только поэтому он мог с некоторою решительностью вести переговоры о четырех тысячах французских войск, вступивших в Пруссию без предварительного соглашения с ее правительством, и даже сказал французскому уполномоченному, что не следует ставить короля в отчаянное положение: иначе он сумеет спасти свою честь или погибнуть со славою. «Эти слова, — продолжал Гарденберг, — а равно и наши военные приготовления, которые, без сомнения, известны Наполеону, могут вызвать его гнев; можем ли мы в этом случае надеяться на помощь России?» — спросил он в заключение. «Я с тою целью и вызвал вас на переговоры, — отвечал

граф Ливен, — чтобы объяснить вам, что собственные выгоды Пруссии требуют, чтобы она вошла в тесный союз с Россией. Если мы остановимся на этом начале, то может ли быть вопрос о том, защитит ли Россия своего союзника? Россия сделает более; она побуждает вас торопиться в этом случае, полагая, что для вас же выгоднее, как можно отдалять разрыв между Россией и Францией, потому что ваше же государство сделается первоначальным поприщем войны. Если благоразумие предписывает вам не упускать того мгновения, когда король еще в состоянии действовать свободно, то ваши собственные выгоды предписывают вам равномерно не ускорять решения о вашей судьбе и независимости».

Повторяя, что судьба Пруссии зависит от ее добрых отношений к России, Гарденберг долго распространялся о ее бедственном положении и об еще больших бедствиях, которые предстоят ей, когда начнется война, а потом перешел к вопросу об отношениях наших к Австрии и войне с турками. «Если бы я был министром русского императора, — говорил он, — то первою моею заботою было бы уговорить его как можно скорее окончить эту войну». Привлечь Австрию к союзу с Россией он считал необходимым для успеха совокупных действий России и Пруссии. Когда граф Ливен стал уверять его, что наши отношения к Австрии как нельзя более дружественны, барон Гарденберг вдруг спросил его: «Правда ли, что начальство над русскими войсками будет вверено барону Беннигсену; говорят, его спрашивали о состоянии его здоровья и требовали журнал его последней кампании. Он мой соотечественник, — прибавил Гарденберг, — и я настолько хорошо знаю его, что могу наверное сказать, что такое назначение будет ему не по силам и не по способностям»*.

Положение канцлера Пруссии было таково, что, расставаясь с нашим посланником после этого свидания, он просил его ничего не сообщать об этом разговоре графу Гольцу, уверяя, что последний не знает тайных видов прусского кабинета. Франция действительно не делала в это время никаких попыток привлечь Пруссию к союзу, но их делала, и при том настоятельно напрашиваясь на союз, сама Пруссия. Едва ли барон Гарденберг, как человек честный и преданный мысли о необходимости союза с Россией, позволил бы себе не только скрыть, но и прямо отрицать переговоры об этом с тюильрийским кабинетом; по всей вероятности, он и сам находился в том же положении, в какое ставил прусского министра иностранных дел, стараясь скрыть от него

*Депеши графа Ливена графу Румянцеву 25-го марта (6-го апреля) и 31-го марта (12-го апреля) 1811 года из Берлина.

свои отношения с нашим посланником. Он, вероятно, и не знал в это время о переговорах, которые Круземарк вел по поручению короля с французским кабинетом. Но ему, конечно, известна была нерешительность короля и влияние на него защитников союза с Францией, с одной стороны, а с другой — его дружба с русским императором и ненависть к Наполеону, и он думал управлять прусскою ладьею, неспособною уже к самостоятельному движению, следуя на середине между этими двумя течениями, до той поры, пока не сочтет нужным вступить в одно из них, то есть до того времени, когда уже будет поздно, и одно из этих течений само увлечет за собою слабую Пруссию. Такую политику, согласную с положением и личным характером прусского канцлера, не отличавшимся особенною твердостью, одобрил однако же и русский посланник. Это одобрение может быть объяснено тем положением, которое приняла Россия в отношении к Франции. Император был уверен в неизбежности войны, но не желал ни вызвать ее какими-либо действиями со своей стороны, ни действовать наступательно. Но такая политика барона Гарденберга не только не могла иметь успеха, но и не могла долго продолжаться. После того, как предложение о союзе генерала Круземарка было отклонено французским правительством, прусский король, быть может, приписывая неудачи личности своего посланника, к которому не был расположен Наполеон, решился отправить к нему в качестве доверенного лица князя Гарцфельда, которого склонность к Франции не подлежала сомнению. «Князь Гарцфельд — француз с головы до ног, — говорил нашему посланнику барон Гарденберг, который был против этого посольства, — и граф Гольц дал ему наставления в смысле заключения союза с Францией». Но и эта попытка осталась безуспешною; французское правительство заявило Гарцфельду, что считает бесполезным вступать в какие бы то ни было соглашения с Пруссией, чтобы не возбудить чрез это подозрений России. Прусский канцлер, как кажется, только вследствие посольства князя Гарцфельда и узнал, что его правительство домогается вступить в союз с Наполеоном. Радуюсь, что предложение не было принято, он в то же время старался доказать нашему посланнику необходимость показывать вид, что Пруссия действительно желает союза с Францией, и в этом смысле уже сам писал генералу Круземарку. Но в то время, когда князь Гарцфельд отправился в Париж, в Берлине уже разнеслись слухи, что король вступил в союз с Наполеоном. Эти слухи дошли, конечно, и до графа Ливена; но он не хотел им верить и особенно не верил участию в этом деле барона Гарденберга.

Действительно прусский канцлер немедленно его уведомил, что эти слухи не имеют никакого основания. То же самое вслед затем сообщил

ему и граф Гольц. Но граф Ливен, хотя и не верил этим слухам, однако же не мог не обратить на них внимания и потому через барона Врангеля просил объяснений у самого короля. На другой день король прислал к нашему посланнику в Берлин барона Врангеля объявить, что никакого нового договора с Францией не было заключено, и что даже не было никакого предложения в этом смысле с ее стороны; что после Тильзитского мира в первый раз только граф Лористон передал ему привет со стороны Наполеона. «Король уверен даже, — говорил Врангель, — что Наполеон не имеет намерения заставить его подписать подобный договор; но если бы король был к тому вынужден, то счел бы своим долгом прежде всего уведомить о том русского императора».

Если барон Гарденберг, по неведению, до самого возвращения князя Гарцифельда из Парижа не сообщал нашему посланнику о попытках Пруссии вступить в союз с Францией, то король имел слабость уже умышленно скрывать их от нашего правительства. Конечно, император Александр и наш кабинет могли поверить, что Наполеон принудил короля подписать подобный договор с ним; но им не могло и прийти на мысль, чтобы сама Пруссия домогалась союза с непримиримым своим врагом, против единственной дружественной с нею державы в Европе. Граф Ливен, после сообщений, сделанных ему Гарденбергом, по возвращении Гарцифельда, писал даже графу Румянцеву, что он «глубоко убежден, что Пруссия будет действовать заодно с нами. Ее содействие для нас чрезвычайно важно, как и ваше сиятельство полагаете, потому что постоянно предписывали мне действовать в этом смысле». Но в тот же самый день, как он это писал, у него был барон Врангель и, сообщив ему приведенные известия от имени короля, вошел в подробные рассуждения о том ужасном положении, в каком находится король, утверждая, что ему ничего иного не остается делать, как безусловно покориться воле императора Наполеона, по невозможности ему сопротивляться и по неизвестности, в которой он находится в отношении намерений и средств, приготовленных русским императором для отпора нашествия французов. Он уверял даже, что королю вовсе неизвестно число наших войск. Генерал Шарнгорст, со своей стороны, выразил нашему посланнику опасения, чтобы короля не склонили на совершенно противную нам сторону. Когда граф Ливен говорил ему, что ходят слухи, что король заключил уже союз с Наполеоном, он отвечал положительно, что не заключено никакого договора. «Еще ничего не испорчено, — говорил он, — но клика, окружающая короля: Кёкериц, Калькрейт, Гольц и Витгенштейн, для того, чтобы сохранить хоть тень существования, готовы предать короля в руки Франции». Он говорил, что не полагается ни на кого из окружающих короля, не исключая да-

же Врангеля, кроме лишь майора Бойена, начальника отделения в военном министерстве. Что касается барона Гарденберга, то Шарнгорст был уверен, что он держится «хороших начал». Но и канцлер прусский говорил нашему посланнику в том же смысле, что король собирается описать в письме к русскому императору свое ужасное положение. «Из этих слов, — писал граф Ливен графу Румянцеву, — я понял, что положение Пруссии считают опасным, потому что 20 тысяч войск собрано в Саксонии, 12 тысяч как гарнизон в Магдебурге, 15 тысяч в Мекленбурге, до десяти тысяч в крепостях по Одере, и особенно по причине неизвестности, что делать, когда начнется война между Россией и Францией. Мне известно, что австрийское правительство дало сюда знать, что оно не полагает, чтобы возгорелась война, и что оно постарается сохранить нейтралитет; но оно не может обязать себя не воевать с Россией. Однако же Гарденберг уверял меня, что король не заключит союза с Францией и сохранит за собою свободу решиться впоследствии на действие, которое сочтет полезным для своего государства»*.

Австрия была действительно более знакома, чем Пруссия, с видами французской политики. Император Наполеон в это время отложил намерение начать войну с Россией в этом году и снова начал уверять в искреннем желании покончить все недоразумения путем мирных переговоров. Опасность, перед которою трепетала Пруссия, отдалилась, и она могла несколько свободнее вздохнуть и хладнокровнее обсудить свои выгоды. На этом обстоятельстве основывались надежды прусского канцлера склонить короля к союзу с Россией. Но его усилия не имели успеха. «Положение Пруссии, — говорил Гарденберг Ливену при свидании с ним в конце августа, — со дня на день будет становиться затруднительнее, если русский император замедлит принудить короля не только принять окончательное решение, которое уже принято бесповоротно, но и определит, наконец, время, когда следует привести его в исполнение (то есть заключить союз с Россией). Необходимо объяснить ему ту опасность, которой он себя подвергает, если упустит то мгновение, когда он может еще свободно располагать собою и защитить свое лицо. Постоянно присылаемые подкрепления в крепости по Одере служат угрозой тому, что ему будет уже трудно и почти невозможно оставить Берлин, когда он решится на это. Но и к этому последнему средству для своего спасения он не может прибегнуть до тех пор, пока не узнает, на что решился наш двор: на войну или на мир, потому, что если он оставит Берлин, то этот поступок будет служить явным

*Депеша Ливена графу Румянцеву 8/20-го, 11/23-го, 16/28-го апреля, 22-го апреля (4-го мая), 12/24-го мая и 11/23-го апреля 1811 года.

свидетельством, что король решил принять сторону России. В таком случае он подвергает, с одной стороны, свое государство мщению Наполеона, а с другой — помешает самой России, если она имеет в виду покончить пререкания с Францией путем мирных переговоров. Я должен вам сказать, что удаление за Одер король считает таким средством, к которому он прибегнет только в самом крайнем случае, и которое ему неприятно, потому что скажут, будто он оставил своих подданных в тяжелое время, а это в свою очередь произведет дурное впечатление во всей Германии. Король лучше желал бы отступить во главе своих войск».

Таким образом решение определить время, когда следует заключить мир с Россией, которое он незадолго принимал на себя, оказалось ему не по силам, и он просил уже, чтобы эту обязанность принял на себя русский император, пользуясь дружбою к нему прусского короля. Но очевидно, делая подобное предложение, он считал это дело выше своих сил только по независимым от него обстоятельствам, потому что неизвестно было, на что решилась Россия: на войну или на мир. Без сомнения, если бы русский император принял на себя эту обязанность, то по необходимости должен был бы открыть своему союзнику как виды своей политики, так и все средства, которыми он может располагать на случай войны. Что же относилось до этой войны, то она казалась все более и более неизбежною. Мирным заявлениям Наполеона, которым, может быть, и поверил на некоторое время берлинский кабинет, противоречили постоянные военные приготовления и особенно речи русскому посланнику 15(27)-го августа, разнесшиеся по всей Европе и произведшие тревогу. Если позднее время года, приближавшаяся осень, давало повод предполагать, что в этом году война не начнется, то все были уверены в ее неизбежности на следующий 1812 год. На это указывала и перемена в политике императора Наполеона в отношении к Пруссии.

Герцог Бассано и сам император начали оказывать более внимания прусскому посланнику в Париже. Поводом к тому послужили новые наставления, полученные от барона Гарденберга генералом Круземарком. «Если желание не возбуждать подозрений России, — писал прусский канцлер своему посланнику, — послужило причиною к тому, что император Наполеон не хотел войти ни в какие объяснения о предложении короля в мае месяце заключить союз с Францией, то это обстоятельство не может иметь уже прежнего значения в настоящее время, когда военные приготовления Франции против России достигли таких размеров и все более и более увеличиваются, и когда сам император по великодушию своему не скрывает уже от петербургского кабинета возможную цель этих вооружений.

Страх возбудить его подозрения может ли в настоящее время еще останавливать императора заключить более тесный союз между Францией и Пруссией, составляющий предмет искренних желаний короля? Смотреть ли на него, как на демонстрацию для поддержания спокойствия на севере или как на действительное содействие при разрыве двух империй? Во всяком случае, не обещает ли он выгод для Франции? На основании этих соображений король вновь решается обратиться с предложением к императору Наполеону и надеется, что в настоящее время он пожелает войти в переговоры с ним о союзе».

Может быть, барон Гарденберг, начиная вновь переговоры, полагал только успокоить Наполеона насчет видов Пруссии и, выиграв время, заключить потом союз с Россией; но главною причиною, вызвавшею на новую попытку берлинский кабинет, был страх, который и выразился в этом же сообщении прусского канцлера. «Не денежные затруднения, как они не велики, — писал он генералу Круземарку, — составляют главную заботу короля, но политическое наше положение, которого финансовые затруднения составляют только необходимые последствия. Все вооружено вокруг нас. С одной стороны, русские войска двигаются около наших границ, а с другой, — войска Варшавского герцогства, хотя и предназначенные против России, могут, однако же, одинаково быть употреблены и против Пруссии. Саксонские войска помещены на самых наших границах и в два перехода могут достигнуть королевской столицы. Один Данциг заключает в своих стенах целую армию. Вместо 10.000 человек, как было условлено договорами, Франция постепенно довела свои гарнизоны в трех крепостях на Одере до 23.000, и их содержание стоит Пруссии ежемесячно огромной суммы в 250.000 талеров. В настоящее время, когда я пишу, гарнизон в Штеттине доведен уже до 26 с лишком тысяч человек. Представьте себе, генерал, до какой степени должен быть встревожен король, когда во всех осаждающих, так сказать, нас войсках господствует общее мнение, что Пруссия будет уничтожена. Питая искреннюю доверенность к его императорскому величеству, король, конечно, сам лично может отклонить от себя подозрения, вытекающие из этих слухов, но он не может предотвратить того, чтобы мнение, громко выраженное даже самими генералами в пределах его государства, не сделалось, наконец, общим мнением. Что может он сделать, когда из Парижа не принимают никаких мер для того, чтобы смягчить и остановить влияние этого мнения, гибельного как для внутренних дел Пруссии, так и для внешних ее сношений? Может ли он, при той неизвестности, в которой оставляет его Франция, без всякой помощи, несмотря на неоднократные предложения короля и желание предоставить в пользу Франции

все свои средства на условиях, на которых весьма легко прийти к соглашению, — может ли он, повторяю, не обращать никакого внимания на отчаянное положение своего народа и не принимать мер для его защиты? Уверенность в безопасности, доведенная до крайности, заслуживала бы порицания, и сам император, которого дружбу и уважение более всего желает приобрести король, не одобрил бы его. Действительно, мы вооружаемся, потому что обстоятельства настоятельно обязывают к тому короля, и потому еще, что гораздо лучше, как я и сказал Сен-Марсану, умереть с оружием в руках, чем позорно погибнуть. Но мы вооружаемся для Франции, которая может иметь в нас верного союзника, добровольно вступив с нами в договор, если предпочитает она наше свободное содействие той борьбе, которой грозит нам война с нею и которая со стороны короля будет борьбою отчаянною»*.

Хотя эти наставления барон Гарденберг сообщал своему посланнику для личного сведения и соображения, не уполномочивая его самого начинать речь о переговорах, а предоставляя ему только ожидать повода к тому со стороны французского министерства, но он повторил их Сен-Марсану; он знал, что последний сообщил их своему правительству, и надеялся, что при содействии Сен-Марсана они будут приняты с большею благосклонностью, нежели прежде. Действительно, этот вопль отчаяния был услышан; герцог Бассано подавал надежду барону Круземарку, что Франция готова заключить союз с Пруссией, что он работает уже над этим делом, наконец, что оно готово и будет представлено им императору в Антверпене во время поездки его в Голландию в сентябре месяце и оттуда прямо будет сообщено в Берлин. Сен-Марсан уверял Гарденберга, что император Наполеон потому только до сих пор отклонял предложение Пруссии, что вопрос об его отношениях к России еще не решен, но он скоро разрешится, и тогда посланник сам сделает предложения, которые, без сомнения, будут для нее вполне удовлетворительны**.

Отложив нашествие на Россию до лета 1812 года, Наполеон вынужден был этим обстоятельством изменить свою политику в отношении к Пруссии, клонившуюся к совершенному ее уничтожению, как отдельного самостоятельного европейского государства. Он должен был дать ей надежду сохранить свое существование, решившись заключить с нею союз с тою целью, чтобы не довести ее действительно до отчаяния, к которому она уже была так близка, и не заставить броситься в ру-

*Письмо барона Гарденберга к генералу Круземарку 30-го августа н. ст. *Mémoires d'un homme d'état*, III, pp. 315 et 316.

**Депеша Ливена 5/17-го сентября.

ки России, к чему был склонен по личным чувствам король, и к чему стремились хотя и немногие из прусских государственных людей. Он должен был предупредить это событие, которое могло вызвать разрыв с Россией прежде, нежели он считал возможным начать войну, и побудить даже Россию к наступательным действиям, которые он также желал отклонить. Ему нужно было, с одной стороны, отвлечь Пруссию от союза с Россией, с другой — показать России, что к войне с нею может вынудить его только ход дел, независимый от его желания сохранить мир и союз с нею. Для достижения первой цели он выразил согласие заключить союз с Пруссией, для достижения второй — счел нужным сильно восстать против тайных вооружений Пруссии ввиду того, чтобы не возбудить подозрений русского кабинета. Конечно, он давно имел сведения об этих вооружениях, как и догадывался прусский канцлер, но, предполагая начать войну в 1811 году, не обращал на них внимания, потому, во-первых, что они не могли быть значительны, а, во-вторых, потому особенно, что Пруссия не могла их окончить вовремя. Если бы война началась в 1811 году, то все свои приготовления в этом отношении она не успела бы довершить, и они не имели бы никакого важного значения в отношении военных действий, а между тем истощили бы еще более и без того уже скудные средства Пруссии, что совершенно соответствовало видам Наполеона. Но они получали совершенно иное значение в том случае, когда война с Россией откладывалась до будущего года: Пруссия выигрывала время для довершения своих вооружений и могла значительно увеличить число своих войск. В них не нуждался в таком количестве Наполеон, располагая уже громадными силами, но он опасался их, если бы они соединились с русскими войсками против него. Ему не нужен был ни союз с Пруссией, ни ее военное содействие; она и так уже находилась в его распоряжении, окруженная со всех сторон его войсками, и пошла бы за ним по его мановению; но ему нужно было отклонить возможность ее союза с Россией, и потому он подал ей надежду на союз с Францией, о котором умолял его король, и, кроме того, ему хотелось лишить Россию союзника, обладавшего все-таки значительными силами.

Герцог Бассано, вследствие сообщений французского посланника из Берлина, начав речь о союзе с Пруссией с генералом Круземарком и давая ему надежду на заключение этого союза, в то же время выразил мысль, что император Наполеон был крайне удивлен, узнав о вооружениях Пруссии, вопреки заключенным с нею договорам. То же самое повторил и Сен-Марсан барону Гарденбергу и несколько дней спустя объявил ему волю императора Наполеона, что Пруссия должна

прекратить всякое увеличение условленного договорами числа войск и все вооружения в крепостях, потому что такого рода действия не согласны с видами России, которая желает поддержать мир. При свидании с нашим посланником в это время в Париже французский министр иностранных дел на его замечание, что пруссаки укрепляют Шпандау и Кольберг, собирают войска в Померании, отвечал, что французское правительство с удивлением узнало о военных приготовлениях прусского короля и предписало Сен-Марсану предъявить требование, чтобы они немедленно были приостановлены.

«Эти вооружения могут угрожать России,» — заметил князь Куракин.

«Столько же, как и Франции, — ответил герцог Бассано, — но мы их не боимся. Впрочем, — прибавил он, — прусскому королю не следовало бы забывать, что только дружбе к нему императора Александра он обязан, что по Тильзитскому договору возвращены ему и те из его владений, которые находятся теперь в его власти».

Грубую выходку Наполеонова министра иностранных дел, выражавшую прямо глубокое презрение к Пруссии и косвенно насмешку над Россией, понял наш посланник и не оставил без ответа.

«Кому же неизвестно, — ответил князь Куракин, — что Пруссия находится совершенно во власти императора Наполеона, который всегда может немедленно наводнить ее своими войсками, по крайней мере, западную ее половину. Если только по ходу дел он сочтет это для себя выгодным. Но если вопрос о войне будет решен, то и для нас важно, чтобы войска наши могли немедленно занять Кёнигсберг и северную часть Пруссии, не останавливаясь ни перед какими обещаниями такого бессильного двора, как берлинский, который трепещет за свое существование и наперед обещает так явно подчиниться господству Франции, потому что если бы мы положились на них, то первые заплатились бы за это доверие впоследствии. Поспешив предупредить французов, заняв северную Пруссию, мы достигнем по крайней мере той цели, что перенесем туда поприще войны, бедствиям которой подверглись бы в противном случае наши области, Литва и Курляндия»*.

Это мнение о политике Пруссии, выраженное нашим посланником герцогу Бассано в октябре месяце 1811 года, давно входило в его политические убеждения. Еще в начале этого года, в то время, когда политика России надеялась на сочувствие и даже содействие Австрии и Пруссии, князь Куракин писал графу Румянцеву, что они будут увлечены влиянием Франции, если наш двор не употребит особых усилий

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву 29-го октября (10-го ноября) 1811 года.

удержать их в союзе с собою; в конце же этого года он полагал уже, что Пруссия совершенно для нас потеряна*.

При двойной политике, которую вела в это время Пруссия, оба известия из Парижа одинаково возбудили тревогу ее канцлера. Взяв в свои руки переговоры о союзе с Францией, он рассчитывал, что Наполеон, с презрением относившийся к Пруссии, не станет договариваться с нею, как равный с равным, как с самостоятельной державою. Между тем он изъявил согласие на заключение союзного договора, а в то же время настоятельно требовал прекращения вооружений. Сен-Марсану предписано было не только заявить об этом прусскому министерству, но и самому королю, и наблести на местах посредством чиновников своего посольства, чтобы это требование было действительно исполнено. Хотя король и выразил удивление и неудовольствие, что согласие на союз, который он сам предлагал Франции, сопровождается такою угрозою, однако же исполнил требование Франции. При свидании с графом Ливеном в это время, барон Гарденберг выразил крайнее беспокойство. «Положение короля, — говорил он ему, — становится все более и более затруднительным. Хотя мы и ожидаем сообщения условий союза от Франции, но они еще не получены, и мы желали бы затянуть дело; но если эти условия будут получены, то нас могут принудить к немедленному заключению союза. В таком случае можете ли вы заявить, — спрашивал Гарденберг русского посланника, — что при настоящем положении дел тесный союз Пруссии с Францией может быть заключен иначе, как с враждебными целями против России, что поэтому такой союз возбудит беспокойство русского императора, и он сочтет его враждебною против него мерою и признаком войны?»

«Не можете ли вы найти других предлогов отказать Франции? — отвечал граф Ливен, — я не имею полномочий сделать вам такое сообщение».

«Я предвидел ваш ответ, — заметил ему барон Гарденберг, — и потому прошу немедленно отправить нарочного в Петербург и просить наставлений на этот случай**».

Смушение прусского канцлера действовало и на нашего посланника; он действительно немедленно сообщил нашему кабинету о таком положении дел; а в то же время барону Гарденбергу удалось уговорить короля отправить тайно особого уполномоченного в Петербург войти

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву 6/18 февраля 1811 года и письмо к нему же полковника Чернышева от того же числа из Парижа.

**Депеши графа Ливена графу Румянцеву 11/23-го сентября, 12/24-го сентября и 23-го сентября (5-го октября) 1811 г.

в ближайшие отношения с нашим правительством. Выбор пал на генерала Шарнгорста, который оставил Берлин под видом осмотра войск и под чужим именем приехал в Петербург в конце сентября месяца. Вследствие переговоров с нашим канцлером и военным министром была заключена им, от лица прусского короля, *военная конвенция* с Россией, которой сущность состояла в следующем:

Император всей России и король прусский при современном состоянии Европы, принимая за основание своей политики, употребляют все меры к тому, чтобы избежать войны с Францией, но считают однако же долгом озаботиться о безопасности и сохранении своих государств. С этою целью их уполномоченные заключили и подписали военный договор на следующих условиях:

Для избежания разрыва с Францией не увеличивать войск и не сосредоточивать так, чтобы это могло внушить ей опасения, а равно не считать поводом к войне частные столкновения между офицерами и движения французских войск небольшими отрядами. Но за разрыв мирных отношений, за которыми должна немедленно последовать война, считать: 1) всякое враждебное действие французских войск с явною целью вторжения в одну из областей прусского или русского государств; 2) значительное увеличение войск Франции или ее союзников на Эльбе и Одере; что касается до увеличения французских войск за Эльбою, то само по себе оно не может считаться поводом к началу войны, но лишь поводом к сосредоточению войск; однако же значение этого увеличения войск может быть определено другими современными ему обстоятельствами; чтобы судить о них с надлежащею точностью, обе договаривающиеся стороны должны всеми способами узнавать о движениях неприятеля и сообщать сведения о них одна другой; 3) вторжение и занятие одной из областей Пруссии под каким бы предлогом оно ни последовало (ст. 1–3).

Если последует одно из этих происшествий, то русские войска немедленно двинутся на помощь Пруссии, но не иначе, как по предъявлении начальниками прусских войск собственноручного предписания короля. Но если обстоятельствами король будет поставлен в такое положение, что ему невозможно будет дать такое предписание, то в таком случае и для ускорения действий постановлено, чтобы генерал-майор Йорк, командующий войсками в Пруссии, вошел в сношение с графом Витгенштейном, под начальством которого находится правое крыло русских войск, и извещал обо всем, что происходит на Висле и Одере, а равно в Данциге и герцогстве Варшавском.

Получив извещение от генерала Йорка об одном из таких обстоятельств, которое условлено считать за повод к открытию военных дей-

ствий, граф Витгенштейн немедленно двинет свои войска в пределы Пруссии для соединения с прусскими войсками и известит другие части русских войск о своем движении, сообразно с которыми и они приблизятся к границам. Эти соединенные войска предназначаются для действий против неприятельских сил на Висле и в герцогстве Варшавском. Но сверх того, русский император придвинет корпус войск к границам близ Таурогена ввиду того, что неприятель по всем вероятностям, сделает покушение на Кёнигсберг, чтобы овладеть приготовленными там военными средствами. Он может употребить с этою целью многочисленные гарнизоны Торна и Данцига. Корпус русских войск через пять дней по получении приказа перейдет границу между Тауроге-ном и Тильзитом и, соединившись с прусскими войсками, будет прикрывать Кёнигсберг. Если главнокомандующим прусскими войсками будет назначен принц крови, то русский император сообразно с этим назначит для начальства своими войсками старейшего из генералов. В противном случае всеми соединенными войсками начальствовать будет граф Витгенштейн, и в его распоряжении будут находиться прусские войска под начальством генерала Йорка. Но во всяком случае, в продолжение войны, командующий этим корпусом будет находиться под главным начальством главнокомандующего всеми русскими армиями. Сверх того, русский император нарядит вооруженную флотилию, которая была бы достаточна для того, чтобы обеспечить плавание между Мемелем, Пиллау и Кольбергом и господствовала бы над Фришгафом, и которая начала бы свои действия немедленно по открытии войны. Прусский же король, со своей стороны, обязывался по возможности укрепить дороги от Торна и Данцига к Кёнигсбергу и переходы через реки, как Пасаргу и Фрашинг, чтобы замедлить движение французов и тем дать возможность сосредоточиться и приблизиться к русским войскам; равно привести Кёнигсберг в такое положение, чтобы он был в безопасности от нечаянного нападения и мог обороняться хотя бы некоторое время. Наконец, в продолжение времени от заключения конвенции до открытия военных действий, обе договаривающиеся державы обязывались, по мере увеличения военных приготовлений, увеличивать и свои средства для обороны (ст. 4—11).

Касательно военных действий в конвенции было постановлено, что хотя вообще способ ведения войны и общий план военных действий условлены заранее договаривающимися державами, тем не менее нельзя определить каждое движение в частности, не зная намерений неприятеля, которого нападения решено ожидать. Но соображаясь с настоящим положением и силою войск, как русский император, так и прусский король обязуются, лишь только начнется война, принять все

меры к тому, чтобы отклонить возможность частных неудач и препятствовать неприятелю быстро подвигаться вперед. С этой целью необходимо по возможности противопоставлять большие силы сравнительно с неприятельскими, и как можно далее вперед отодвинуть операционную линию. Общий же план военных действий состоял в том, что русские войска, лишь только война сделается неизбежною, с возможною быстротою двинутся к Висле, чтобы предупредить там неприятеля и сосредоточить значительные силы. «Так как это может считаться, — сказано в конвенции, — самым счастливым последствием первоначальных военных действий при настоящем положении дел, то по этой причине бесполезно и даже опасно льстить себя наперед надеждою, что можно достигнуть еще больших успехов смелыми действиями, но само собою разумеется, что при неуклонном следовании принятой системе войны, военные действия против неприятеля будут развиваться далее, по мере того, как будут способствовать обстоятельства, которых предвидеть невозможно». Действующие войска должны были состоять из 17 полных дивизий русских и 80 тысяч пруссаков; но прусские войска были частью разбросаны по королевству незначительными отрядами, частью же не были еще окончательно сформированы. Поэтому условлено было, чтобы они по возможности были сосредоточены и поставлены под защиту крепостей или укрепленных лагерей.

Относительно частных движений войск было постановлено, что лишь только начнется война, русский корпус войск в 18 батальонов, 8 эскадронов и 2 казачьих полков перейдет границу и двинется или на Прегель, или к Кёнигсбергу, смотря по обстоятельствам, и, соединившись с прусскими войсками, будет действовать, прикрывая Кёнигсберг. В то же время другие пять дивизий русских войск, ближайшие к границам, двинутся в герцогство Варшавское. Если неприятель отделит часть своих войск, находящихся в герцогстве, к Кёнигсбергу, то русские войска будут превышать числом неприятеля. Если же, что впрочем невероятно, они не обратятся к Кёнигсбергу, и подвижные корпуса данцигского гарнизона двинутся в Варшавское герцогство, то соединенные русские и прусские войска, оставив часть своих сил, чтобы наблюдать за действиями остального данцигского гарнизона, который может угрожать Кёнигсбергу, приблизятся к левому крылу русских войск и будут действовать совокупно с ними.

В продолжение этого времени прусские войска будут действовать так: бригады Йорка и Стутергейма должны прикрывать дороги к Данцигу и Торну так, чтобы одна могла помогать другой и, задерживая движение неприятеля, способствовать соединению с ними русского вспомогательного корпуса. Войска прусского короля, находящиеся в Мар-

ках, должны сосредоточиться в крепостях Грауденце или Кольберге, и только в случае невозможности исполнить это движение, идти в Силезию; остальные же, раздробленные на мелкие части и разбросанные по государству, смотря по обстоятельствам, должны двигаться к Висле и соединиться с главной армией или сосредоточиться у Кольберга и действовать против левого крыла неприятеля, затрудняя ему движение к Висле, или, наконец, в случае крайности, все эти войска должны войти в Силезию. И в этих обстоятельствах они могут оказать пользу, послужив основанием для образования особой силезской армии, что представляется возможным, если принять в соображение значительное население этой области, ее средства и настроение жителей. Цель этой армии должна состоять в том, чтобы, войдя в сообщение с правым крылом русских войск, действовать против неприятельского правого крыла. По этой конвенции прусский король обязывался оставаться в Берлине до тех только пор, пока мог считать это пребывание безопасным для себя и своего семейства. Но, по мере приближения к столице французских войск, он должен был немедленно оставить ее, что будет согласно с его же собственным заявлением французскому правительству (ст. 12–20*).

В то время, как уполномоченный прусского короля заключал эту конвенцию с нашим кабинетом, канцлер получил депеши графа Ливена, который извещал о требовании Наполеона, чтобы Пруссия прекратила вооружения и в то же время открыла переговоры с ним о заключении союза, и что берлинский двор находится в неизвестности насчет принятых Россией решений в отношении мира или войны с Францией. Отвечая на эти сообщения, граф Румянцев передавал замечания самого императора, выраженные им при чтении депеши графа Ливена. «Еще в то время, — писал он, — когда император узнал, что король сделал распоряжения об увеличении укреплений Шпандау, он мне сказал, что считает эту меру, которая не может принести большой пользы, опасною в том отношении, что она может обратить на себя внимание императора Наполеона на тайные вооружения Пруссии, произведенные ею с таким успехом. Его величество предсказал мне, что эти работы начаты понапрасну, что их не успеют окончить, прежде чем Франция потребует их уничтожения и, придравшись к тому, потребует еще новых жертв со стороны Пруссии». Сообщая графу Ливену, что по мнению императора Александра, Пруссия должна уступить требованиям Франции в отношении к вооружениям, действительно,

*Convention signée à Pétersbourg le 5/17 octobre 1811. Она подписана со стороны России графом Румянцевым и Барклаем де Толли, со стороны Пруссии — генералом Шарнгорстом.

несогласным с договорами, Румянцев в то же время писал, что известие о предложенном будто бы Францией союзе с Пруссией «произвело тяжелое впечатление на русского императора. Франция, оставаясь верною своему образу действий, не остановится перед тем, чтобы принести новую коронованную жертву. Она не только не будет удовлетворена этою полною покорностью ее воле, но под видом и предложом союза окончательно уничтожит прусскую монархию. Поставив ее, в силу этого договора, в полную свою зависимость, она раздробит и совершенно уничтожит ее военные силы и тогда поступит с прусским королем так же, как поступила с гессенским курфюрстом». «Не могу скрыть от вас, граф, — писал русский канцлер, — что император, рассуждая об этом предмете и увлекаясь чувствами искренней дружбы к королю, выразил опасение, как бы такой союзный договор, во всяком случае невыгодный для Пруссии, не отдалил от него сердца его подданных. Они не могут не заметить, что его воля направлена к тому, чтобы заглушить в них благородное и горячее желание видеть независимым свое отечество; а без этого желания население не может составить народа (*sans laquelle tout peuple cesse de former une nation*)».

Но все эти соображения канцлер сообщал для личного назидания нашего посланника, поручая ему самому решить вопрос: можно ли сообщить или не сообщить их барону Гарденбергу? Если же он сочтет нужным сообщить, то во всяком случае, ему поручалось не выражать ни малейшей жалобы, ни малейшего недовольствия с нашей стороны. «Неудовольствия и не существует, — писал он, — его величество любит короля и желает ему счастья, которого он достоин по своим добродетелям».

Таким образом, в русской политике того времени можно заметить как бы два течения. Одно вытекало из уверенности, что император Наполеон решил воевать с Россией и, вызывая ее на мирные переговоры, только желал выиграть время и стремился к тому, чтобы, не действуя наступательно, воспользоваться этим временем и подготовить как все средства для обороны, так и союзников. Другое выходило из предположения, что, делая военные приготовления, император Наполеон не думает начать войну с Россией, невыгодную для него самого, но хочет поугатать ее войной и таким образом принудить к уступкам в мирных переговорах. Император Александр был представителем первого направления, а его канцлер — второго. Усиленное искание союза с Пруссией, которого желал прусский канцлер, не входило в виды графа Румянцева в это время, чтобы не возбудить негодования Наполеона и не дать ему нового повода обвинить Россию в желании вызвать его на войну. Но в этом случае уклончивый и нерешительный характер того отношения, которое Румянцев отправил к графу Ливену, кажется, мо-

жет быть объяснен иными причинами. Румянцев говорит, что в этом документе наш посланник «найдет, некоторым образом, те *наставления*, которых по обстоятельствам еще невозможно ему дать», — вероятно потому, что переговоры с Шарнгорстом только что были начаты, и конвенция не была еще заключена. Но в том же отношении, представляя на личное соображение графа Ливена сообщаемые им сведения, Румянцев однако же положительно поручает ему выразить барону Гарденбергу «удивление, что он говорит, будто бы в Берлине недостаточно известны намерения России». Поэтому Румянцев поручает Ливену «выразить и уверить Гарденберга, что, во-первых, Россия не желает войны, но что она приготовила все средства для того, чтобы вести ее и не опасаться, что она начнется; вследствие этого она употребит всевозможные старания, чтобы избежать войны как по государственным соображениям, так и по человеколюбию; во-вторых, что она решилась всякое вторжение французов в Пруссию считать объявлением ей войны, и тогда она немедленно возьмется за оружие»*.

Пока продолжались переговоры с генералом Шарнгорстом о подробностях военных действий в союзе с Пруссией, император, зная по депешам Ливена, что Франция завязала переговоры с Пруссией о союзе с нею, и опасаясь, что это слабое государство способно поддаться насилию, отправил к нему проект союзного договора с Россией следующего содержания:

«Его величество император русский и его величество король прусский, одушевляемые одинаковым желанием сохранить мир в Европе, постоянно доказывали при каждом случае это желание со времен Тильзитского мира. Несмотря на то, намерения императора Наполеона в этом отношении все более и более представляются сомнительными:

1) вследствие несоблюдения многих условий Тильзитского договора, немедленно после его заключения и в настоящее время вследствие удержания в своей власти крепости Глогау, несмотря на то, что Прусский король уплатил условленную часть контрибуции;

2) через занятие и присоединение к Франции герцогства Ольденбургского в нарушении прямого смысла XII-й статьи Тильзитского договора;

3) через усиление гарнизонов в прусских крепостях против числа, условленного договорами, и

4) через постоянное увеличение вооружений и количества французских войск на севере Германии, в Варшавском герцогстве и через

*Нота графа Румянцева графу Ливену 24-го сентября 1811 г. из Петербурга.

приведение в военное положение войск Саксонии и Вестфальского королевства.

Эти действия достаточно убеждают высокие договаривающиеся стороны в том, что намерения французского императора враждебны им обоим. Поэтому его величество русский император и его величество король прусский, в видах благоразумной предупредительности, сочли долгом заключить договор, который, доказывая их народам и всему миру их искренние желания избежать бедствий войны, имел бы целью только оградить себя в случае нападения неприятеля на одно из договаривающихся государств. Вследствие сего обе договаривающиеся высокие стороны торжественно объявляют:

1) что не имеют иной цели, кроме поддержания мира в Европе; никакие честолюбивые виды об увеличении своих владений не входят в их соображения, равно как и всякие другие, которые могли бы нарушить общее спокойствие;

2) если, несмотря на все их старания достигнуть этой цели, на одну из договаривающихся сторон или на обе вместе будет учинено нападение императором Наполеоном или государствами Рейнского союза, или войсками Варшавского герцогства, то русский император и король прусский торжественно обещают помогать друг другу всеми своими силами и употреблять все усилия к успешному окончанию этой решительной для судьбы всей Европы войны;

3) всякое вторжение в границы того или другого государства и всякое движение войск французских или Рейнского союза в значительном числе через Пруссию в герцогство Варшавское, будет принято за объявление войны;

4) начав войну, высокие договаривающиеся стороны обязуются не прекращать ее иначе, как по обоюдному согласию;

5) всякое предложение императора Наполеона, клонящееся к тому, чтобы обессилить основание этого договора или ему воспрепятствовать, будет отвергнуто, и ни одна из договаривающихся сторон не скроет от другой сделанных ей предложений с целью отторгнуть ее от этого союза*.

В то время как наш посланник получил этот проект договора, берлинский кабинет снова находился в тревоге. Император Наполеон повторил свое требование о прекращении вооружений не только с большею настойчивостью, но и с оскорбительным для Пруссии условием. Оказывая явное недоверие к ее правительству, он требовал, чтобы одному из чиновников французского посольства в Берлине предо-

*Черновой проект этого договора писан рукою самого императора Александра.

ставлено было освидетельствовать на местах, действительно ли прекращены работы в крепостях и сбор распущенных солдат. Барон Гарденберг с негодованием сообщил об этом условии графу Ливену и уверял, что прусское правительство никогда на это не согласится. Между тем на другой же день наш посланник узнал, что секретарь французского посольства Лефевр уже отправился из Берлина для исполнения этого поручения. Прусский канцлер возлагал вину в этом случае на графа Гольца, но, конечно, он так поступил не иначе, как с согласия самого короля. Еще до прибытия генерала Шарнгорста из Петербурга, Сен-Марсан уже получил наставления от тюильрийского кабинета и вступил в переговоры о союзе с бароном Гарденбергом. Но едва открылись эти переговоры, как генерал Шарнгорст привез заключенную им конвенцию, а вслед затем и граф Ливен передал прусскому канцлеру проект союзного договора с Россией. Барон Гарденберг обрадовался, получив эти документы, как уведомлял наш посланник графа Румянцева, и уверял даже потом, что и король изъявлял свое удовольствие по этому поводу. Действительно, опираясь на эти документы, прусский канцлер составил подробную записку о политическом положении Пруссии и представил ее королю. В этой записке, чтобы определить, с какою из держав, с Францией или Россией, следует Пруссии вступить в союз, барон Гарденберг отвечает наперед на следующие вопросы: 1) полезен ли вообще союз Пруссии с Францией, 2) предлагаемые Францией условия союза способны ли утвердить его или сами в себе уже заключают его разрушение, 3) обладает ли король еще свободой выбора, с какою из держав заключить союз, с Россией или Францией, и, наконец, 4) какие, при настоящих обстоятельствах, могут произойти последствия союза с тою или другою державою?

Отвечая на первый вопрос, Гарденберг говорит: «Огромные силы Наполеона, его стремление к владычеству над всею Европою, доказанное многочисленными опытами коварство, с которыми Франция не исполняет своих обещаний и даже нарушает договоры, лишь только найдет их условия почему-либо для себя неудобными, явное стремление захватить под свою власть морские берега, чтобы английской морской силе противопоставить еще большую и взять в свои руки торговлю всех европейских государств, географическое положение Пруссии, от которого зависит, что все эти обстоятельства наибольшую тягостью упадут на нее, различие характеров короля и Наполеона, между которыми невозможно ни взаимное доверие, ни полное согласие в видах, память о перенесенных бедствиях и унижениях, ненависть к Франции лучшей части народа и войск, — все эти обстоятельства в совокупности достаточны для того, чтобы отклонить мысль о союзе с Францией».

При том этот союз невозможен: в отношении к Пруссии он превратился бы в полное ее подчинение Франции. «Говорят, — продолжает Гарденберг, — прежде всего надо думать о том, чтобы спасти свое существование, предоставить все другое будущим лучшим временам. Но я спрашиваю: можно ли действительно достигнуть этой цели посредством союза с Францией? Судьба Этрурии, Испании, Португалии, Голландии и еще прежде Сардинии показывает, чего могут ожидать от Наполеона его союзники». Особенное положение Пруссии еще с большею вероятностью заставляет опасаться таких же последствий. Если Наполеон не разрушает Рейнского союза, то потому только, что последний вполне подчинен его власти, и потому, может быть, что не считает разрушение его своевременным ввиду своей цели. Не остановился же он присоединить к Франции владения герцога Ольденбургского, также члена Рейнского союза?

Переходя ко второму вопросу, барон Гарденберг рассматривает предлагаемые Францией условия союзного договора и находит, что они клонятся к тому, чтобы вполне подчинить Пруссию французской власти. Действительно, такова и была цель этого договора. Условия союза, которые прусский король сообщил своему посланнику в Париже в мае (2/14-го 1811 года) месяце, были отклонены французским правительством. В это время император французов считал себя всемогущим, и ему не приходило и в голову, при той ненависти, которую он питал к Пруссии, входить в договоры с ее королем, как равному с равным. Он требовал, чтобы Пруссия или вступила в состав Рейнского союза и, следовательно, вполне подчинилась его воле, или заключила с ним наступательный и оборонительный союз, без определения срока и на все возможные случайности. Требуя участия и содействия Пруссии в своих завоевательных подвигах, Наполеон не облегчал ее затруднительного положения, но усиливал его еще более. Он не убавил контрибуций и настоятельно требовал их уплаты, не возвращал крепостей, которые после уплаченной уже части контрибуции должен был возвратить, не позволял увеличивать свыше 42.000 число войск и не обещал никаких вознаграждений за содействие Пруссии в его войнах. Только два условия имели вид уступки в пользу Пруссии: нейтрализация Силезии, где могло бы на случай войны найти убежище прусское королевское семейство и развалины государственного управления Пруссии, и обеспечение обладанием теми областями, которые оставались еще под властью Гогенцоллернов. Но первое условие требовало наперед согласия другой из воюющих сторон, то есть, России; второе укрепляло на непредвиденное время обрезанную завоеваниями Наполеона незначительную область королевства. Пруссия в том виде, как оставил ее Фри-

дрих Великий, постоянно считала свою область недостаточною и стремилась к новым приобретениям. Колебание ее политики во время войн Наполеона основывалось на том, что она желала за свое содействие той или другой стороне приобрести Ганновер. Но после несчастных войн с французами, вместо увеличения своей области утратив половину прежних своих владений, могла ли она примириться с таким положением? Естественно, что барон Гарденберг не мог советовать заключить союз с Францией на таких условиях потому, что неминуемым последствием такого союза было бы «полное подчинение Франции, которое угрожало опасностью для Пруссии и даже совершенным ее уничтожением».

Но сверх того, переходя к разрешению третьего вопроса, Гарденберг доказывает, что король, вследствие добровольно данных им русскому императору обещаний, утратил уже свободу выбора в том, с кем — с Францией или с Россией — заключить ему союз. «До 4/16-го июля этого года, — говорит он, — то есть до возвращения князя Гарцфельда из Парижа, руки короля не были связаны, и он мог свободно действовать в этом случае. Но когда на предложение короля заключить союз князь Гарцфельд не привез прямого ответа, и следствием его посольства оказались пустые уверения, а между тем наше положение с каждым днем становилось опаснее, тогда король, тщательно вникнув в положение дел и взвесив все представленные ему верными его слугами доводы за и против этого союза, *сам*, совершенно самостоятельно (я должен указать на это обстоятельство с откровенностью, как я привык поступать) решил, в случае *войны вступить в союз с Россией*. С этого времени все действия были направлены к этой цели: с усиленною деятельностью производились вооружения; генерал Шарнгорст послан был в Петербург заключить военный договор на таких условиях, чтобы король мог рассчитывать на сильную помощь со стороны России. Король снабдил наставлениями генерала на этот случай и в собственноручном письме к императору Александру (4/16-го июля) положительно заявил о своем решении. Он советовал только, по возможности, поддерживать мир, окончить войну с турками, не отдавать Пруссию в жертву огромным силам Наполеона и оказать ей сильную помощь, ссылаясь в этом на те предложения, которые будут представлены Шарнгорстом. Если эти советы и не вполне были приняты, и даже существенные подробности отклонены, если долго пришлось ожидать известий о всех частных условиях военного договора, то во всяком случае император Александр не оставил короля в неизвестности относительно главного вопроса. Донесения Шёлера свидетельствуют, с какою радостью император узнал о решении короля; с генералом

Шарнгорстом были открыты переговоры, и сам император, в письме к королю от 27-го сентября, изъявил готовность вступить в союз с Пруссией. Император писал: договор скоро будет подписан; но и до этого времени король может быть уверен, что всякое враждебное действие против Пруссии Россия примет как объявление войны ей самой, и если откроется война, то без взаимного согласия она не заключит мира. Письмо императора имеет такую же обязательную силу, как и самый договор. Все, чего ни требовал король, было немедленно исполнено: граф Ливен действовал согласно его желанию и предъявил проект союзного договора, который он был уполномочен подписать. Наконец Шёлер уведомил 18-го октября об отъезде Шарнгорста и о том, что он заключил договор, согласный с желаниями короля. Император давал обещание по первому требованию короля двинуться со всеми своими войсками».

В заключение приведенных соображений барон Гарденберг говорит: «Король утратил уже право выбора между Россией и Францией: оставаясь верным данному слову, он должен заключить союз с Россией. Если бы император Александр отказал в помощи королю и объявил бы, что намерен вести только оборонительную войну, как это казалось прежде, то король мог бы считать себя свободным от всяких обязательств. Но когда император обещает Пруссии помощь всеми своими силами, то нельзя уже найти повода отказаться от данных ему обещаний».

Отвечая затем на последний вопрос, Гарденберг говорит, что последствия союза, как с тою, так и с другою державой будут тяжелы для Пруссии вследствие ее географического положения, но не в равной мере. При союзе с Россией Пруссии придется встретить первый напор огромных сил Наполеона, и большая часть ее областей сделается первым поприщем военных действий. Если Россия будет побеждена, то Пруссии грозит совершенное уничтожение. Но не та же ли опасность грозит ей и при союзе с Францией, но только в ином виде? В случае победы Наполеона Пруссия окажется в полной от него зависимости. «Его двусмысленные отношения к ней, доказанные многими опытами и обличаемые теперь предложенными им условиями союза, приводят к тому заключению, что ни одной древней династии он не оставит на известной степени могущества. Или Пруссия должна будет вполне ему подчиниться, или он ее уничтожит. Заключая союз с Россией, Пруссия, конечно, должна встретить первый напор войны; но она будет иметь надежду на помощь союзников — России и Англии, а, может быть и некоторых других. Положение дел совсем не так дурно, как было в 1806 году перед Йеной и Ауерштедтом.

В продолжение войны Пруссия будет получать пособия деньгами, оружием и другими военными принадлежностями. Свободная торговля в тех областях, которые не будут заняты неприятелем, также доставит выгоды. Я сознаюсь, что успех сопряжен с великими трудностями, но достигнуть его возможно. Стоит хорошо воспользоваться одною победой, и все изменится; Наполеону придется бороться с гораздо большими затруднениями, нежели в 1806 и 1807 годах. Если же успех увенчает дело, тогда Пруссия приобретет существенные выгоды: возвратит утраченную ею самостоятельность и, может быть, потерянные области».

В заключение изложенных соображений барон Гарденберг советовал королю, не упуская времени, тайно заключить союз с Россией и точно также начать переговоры с Англией о вспоможениях на тот случай, когда начнется война; не прерывая приготовления к войне, в то же время стараться отклонить все, что могло бы нарушить мир и продолжать затягивать переговоры с французским посланником; но в то же время решиться оставить Берлин, где как сам король, так и его семейство, подвергались опасности попасться в плен Наполеону.

Эту записку* барон Гарденберг подал королю в то время как, по его же словам, *с часу на час* ожидали возвращения из Петербурга генерала Шарнгорста. Недолго спустя последний действительно приехал в Берлин и привез военную конвенцию, заключенную им согласно с наставлениями, полученными от короля, и подписанную им со стороны Пруссии, а графом Румянцевым и военным министром Барклаем де Толли, с одобрения императора, со стороны России. Эта конвенция должна была подкрепить записку барона Гарденберга, вывести короля из колеблющегося положения и вынудить к окончательному решению. Между тем прусский канцлер, продолжая вести переговоры о союзе с французским посланником, избегал свидания с графом Ливеном; через третьих лиц сообщал ему короткие известия о переговорах и ничего не отвечал на предложения России. Прождав 15 дней после открытия этих переговоров, в то время когда барон Гарденберг уже представил свою записку королю и генерал Шарнгорст возвратился в Берлин, граф Ливен, чтобы выйти из неизвестности о ходе дел, решился написать письмо прусскому канцлеру и выразить удивление, что так долго не отвечают на предложения нашего кабинета. «Наш кабинет, — писал он ему, — со всею поспешностью сообщил мне все наставления, которых желал сам король. Я известил ваш кабинет,

*Denschrift über die Nothwendigkeit und über die Gefahren eines Offensiv-und Defensivbündnisses mit Napoleon. 2 November (21 October) 1811. Leben des Fürsten Hardenberg von Klose. Halle, 1851, S. 334—349.

что французские предложения о союзе получены в Берлине, и с тех пор прошло 15 дней, а я нахожусь в совершенной неизвестности о том, как приняты королем последние сообщения нашего кабинета, которых он сам желал. Император, полагаясь на уверения его величества короля в его дружбе к нему и в твердой решимости не входить ни в какие договоры с Францией, конечно, может быть совершенно спокоен в этом случае, потому что выгоды Пруссии совершенно тождественны с выгодами России в настоящее время. Но моему государю любопытно знать, в какой степени предложения Франции согласны с ее настоящими отношениями к России. Без сомнения, он не поверит, чтобы король, его друг, мог оставить его в неведении о таком важном деле, и может приписать это преступной небрежности с моей стороны». Желя избавить от подобного подозрения, Ливен просил барона Гарденберга почтить его немедленным ответом*.

Барон Гарденберг немедленно отвечал нашему посланнику, но таким неопределенным письмом, которое вовсе не было ответом на его вопрос. «Я льщу себя надеждой, — писал он, — что вы не меня обвиняете в замедлении объяснений, которые вы имеете право ожидать. Это совершенно не зависело от меня; я же со своей стороны не промедлю ни минуты сообщить их вам, когда буду иметь возможность». Затем прошла еще неделя, как, наконец, прусский канцлер пригласил к себе на совещание (17-го июля) нашего посланника. Он прочитал ему, конечно не вполне, предложения Пруссии французскому кабинету, сделанные в мае месяце, новые предложения этого правительства и замечания на них Пруссии. Затем — «канцлер мне сказал, — писал граф Ливен нашему правительству, — что на предложенных Пруссии условиях, очевидно, союз не будет принят Францией: следовательно, Пруссия еще не готова к тому, чтобы заключить союз, да и вообще в этой негоциации много таких вопросов, которые послужат поводом затянуть ее надолго». «Впрочем, — говорил канцлер, — если бы Франция согласилась на все наши требования, то король поручил мне условиться с вами в составлении ответа на предложение вашего кабинета». Этот странный ответ, без сомнения, поразил нашего посланника: Пруссия до такой степени была уверена в дружбе к ней России, что полагала даже, что в угоду ей Россия будет бить сама себя своими руками, и что представитель ее правительства в Берлине поможет прусскому кабинету составить ответ, в котором Пруссия объявит, что, вступая в союз с Францией, она становится врагом России. Граф Ливен уже с самого начала перегово-

*Письмо графа Ливена барону Гарденбергу от 27-го октября (8-го ноября); ответ Гарденберга 28-го октября (9-го ноября) 1811 г.

ров прусского канцлера с Сен-Марсаном замечал двусмысленное поведение с ним прусского правительства. Слова барона Гарденберга открыли ему, наконец, истину. Он отвечал ему, что вовсе не считает нужным входить в рассмотрение бумаг, относящихся до переговоров Пруссии о союзе с Францией, но желает иметь ответ короля на представленный им проект союзного договора с Россией и удивляется, что до сих пор его не получил. «Я не имею никаких об этом приказаний короля», — отвечал барон Гарденберг. Прусское правительство, по-видимому, полагало, что особенная дружба с державою позволяет действовать не только враждебно в отношении к ней, но и неучтиво.

Несмотря на этот ответ и зная, конечно, то затруднительное положение, в котором находилась Пруссия, тот панический страх, который она ощущала, как и вся почти Европа, при имени Наполеона, а также слабость и нерешительность характера короля, граф Ливен подробно выразил Гарденбергу свой взгляд на предположенный Пруссией союз с Францией. «Проект союза, представленный вам французским правительством, — говорил он, — рассчитан на то, чтобы воспользоваться как территорией государства, так и всеми средствами Пруссии для войны против России. Какие же в этом случае может возлагать король надежды на Францию? Именно теперь он должен поспешить заключением союза с Россией на основании того проекта договора, который я сообщил, и в котором заключаются те условия, которые предлагал сам король. Откладывая это дело, король подаст повод думать в Петербурге, что он действительно склонен к заключению союза с Францией. Я, со своей стороны, этого не предполагаю; но я считаю нужным обратить на это ваше внимание. Уступчивость короля только может убедить Наполеона, что он может располагать всеми средствами Пруссии и ускорить его решение начать войну. Быть может, он только и желает убедиться в этом, чтобы объявить войну. Следовательно, король, желая сохранения мира, действует совершенно противоположно своим видам и выгодам».

Барон Гарденберг отвечал, что таков и его личный взгляд; но король полагает, что стоит ему только заключить союз с Россией, чтобы вызвать Францию на войну и потерять свою корону. «Но я желаю знать, — продолжал граф Ливен, — доволен ли король конвенцией Шарнгорста и представленным мною проектом союзного договора, желает ли он заключить этот договор или уже изменил свое мнение?»

«Нет, — отвечал Гарденберг, — мнения короля неизменны; но он затрудняется решиться на это и приискивает причины, чтобы оправдать то неопределенное положение, от которого не имеет силы отрешиться. Он говорит, что в настоящее время он вовсе не считает себя

обязанным заключать тот договор, который он предлагал в июне месяце, когда Россия не показала особого к тому расположения. С тех пор до октября месяца прошло много времени, и положение его значительно ухудшилось. При том он предлагал союз на тех условиях, чтобы Россия заключила мир с Турцией, привлекла на свою сторону Австрию и могла бы занять Польшу. Но ни одно из этих условий не исполнено. Король полагает, что успех в войне будет за той из воюющих сторон, которая будет властвовать в Польше; между тем даже из договора, подписанного Шарнгорстом, нельзя быть уверенным, чтобы Россия обеспечила себе овладение Польшей и чтобы ее войска могли вовремя подоспеть на помощь Пруссии и спасти ее. При том первый корпус, предназначенный для перехода за границу, весьма малочислен, и план действий не простирается далее Вислы».

Гарденберг, начав речь с заявления, что не имеет никаких поручений со стороны короля отвечать на вопрос нашего посланника о том, как отнесся король на предложение России о союзе, высказал в течение разговора, что король положительно отвергает их и на основании каких причин. Но эти причины показались нашему посланнику пустыми придирками и он начал опровергать их значение одну за другою и, наконец, вынудил прусского канцлера выразиться откровеннее, что только слабость характера короля отклоняет его от заключения союза с Россией. Гарденберг сказал ему о записке, которую представлял королю и обещал сообщить ее графу Ливену. Но из разговоров с бароном Гарденбергом наш посланник заметил, что была и еще причина, по которой король не был доволен русским проектом союзного договора, а именно: в ней нет обещания вознаграждений и приобретений для Пруссии. Даже в то время, когда дело шло единственно о спасении существования Пруссии, ее не покидала мысль о приобретениях и выгодах.

Барон Гарденберг, может быть, не теряя еще надежды отклонить короля от союза с Францией или от желания продлить хорошие отношения к нашему посланнику, предложить ему написать свои возражения на те причины, на которые напирал король, не соглашаясь вступить в союз с Россией, но только не в виде *официальной ноты*, а *конфиденциального письма*. Граф Ливен не замедлил исполнить его желание, не позволяя себе, конечно, упускать даже ничтожного способа для того, чтобы исполнить возложенное на него правительством поручение.

«Короля, по-видимому, останавливают, — писал он прусскому канцлеру, — заключить союз с Россией такие соображения, которые нетрудно опровергнуть: 1) наша война, еще продолжающаяся с турками; 2) наши не совсем искренние отношения к Австрии; 3) незначительное наше влияние на Польшу, и 4) опасение заключить с нами союз ввиду

того впечатления, какое он произведет на Францию. На первое соображение я отвечу, что в настоящее время мы находимся гораздо ближе к заключению мира с турками, нежели были в то время, когда король предложил нам союз. Не могло бы быть выгодно и для Пруссии, если бы Россия должна была заключить унижительный мир с турками, уступив им все свои завоевания. Мы заботились о выгодном для нас мире. Турки, со своей стороны, поощряемые нашими врагами, употребили все свои силы и убедились, наконец, что мы можем успешно отражать их даже незначительным количеством войск. Что касается до второго соображения, то Австрии неизвестны тайные сношения России с Пруссией, почему же не предположить, что, может быть, точно такие же сношения существуют между Веной и Петербургом, которые могут быть неизвестны в Берлине? По третьему соображению отвечать также нетрудно: Россия могла увеличить свое влияние на Польшу не иначе, как заняв эту страну своими войсками. Это было бы началом войны, которую желает предотвратить Пруссия. По четвертому не могу не заметить, что если бы императору Наполеону сделалась известна военная конвенция, заключенная между Россией и Пруссией, то она произвела бы на него точно такое же впечатление, как и союзный договор, и послужила бы ему точно таким же поводом жаловаться на Пруссию. В этой конвенции, конечно, идет речь только о военных действиях, и против нее говорят, что она не обнимет всех этих действий и ограничивается только указанием на первоначальные, которые должны простирались только до Вислы. Но возможно ли определять наперед дальнейшие военные действия? Едва ли даже возможно их предвидеть»*.

Это письмо, если даже и было показано королю, не могло произвести никакого влияния на него после отвергнутой им записки барона Гарденберга. Переговоры с Францией продолжались по-прежнему, и Пруссии хотелось выговорить некоторые облегчительные условия; Франция же не отвечала, стараясь только не прерывать переговоров, но и не заключать преждевременно союзного договора. Только в январе месяце 1812 года барон Круземарк получил следующее письмо от герцога Бассано: «Любезный барон! Настало время произнести приговор о судьбе Пруссии. Я не скрою от вас, что для нее это вопрос жизни или смерти. В Тильзите намерения императора в отношении Пруссии были весьма строги. Эти намерения такими же и остались и могут измениться только в том случае, если

*Письмо графа Ливена к барону Гарденбергу 9/21-го ноября 1811 г.; депеши графа Ливена графу Румянцеву 24-го октября (5-го ноября) и 10/22-го ноября 1811 г.

Пруссия делается нашею верною союзницею. Время дорого, обстоятельства важны»*. В то же время Сен-Марсан решительно объявил прусскому правительству, что император Наполеон не согласится на увеличение числа прусских войск и на плату деньгами за продовольствие французских войск и не возвратит прусских крепостей до окончательного морского мира, то есть до мира с Англией. «Если вы хотите, — говорил он прусскому канцлеру, — я пошлю в Париж ваш проект союзного договора с этими условиями; но я уверен, что император Наполеон сейчас же отзовет меня из Берлина». Эта угроза оказала действие, и король немедленно решился утвердить договор в том виде, как предложила его Франция, и таким образом передал Пруссию совершенно в руки Наполеона**.

Скрывая еще свои действия от русского императора, он отправил с письмом к нему своего адъютанта барона Кнезебека в Петербург. Но император получил известие о решительном обороте прусской политики на сторону Франции еще до его приезда и сообщил об этом барону Шёлеру, который тогда управлял прусским посольством в Петербурге, но находился в полном неведении о действиях своего правительства. Он принадлежал к числу тех лиц, которые ненавидели Наполеона и стремились к тому, чтобы вовлечь Пруссию в тесный союз с Россией. Получив эти известия от императора, Шёлер отвечал ему письмом. «Я не в силах, — пишет он, — выразить Вашему Величеству то впечатление, которое произвело на меня чтение сообщенных Вами мне писем. После недавнего разговора с Вами, сообщенные известия были для меня громовым ударом с безоблачного неба. Неминуемая гибель короля, окончательное разрушение моего отечества, изгнание всех тех, которые постоянно следовали чувствам долга и чести, вот последствия, которые прежде всего представились моей, убитой горем, душе и разрушили в ней всякую надежду».

Заключение Пруссией союза с Наполеоном произвело точно такое же впечатление на всех тех, которые, по выражению Шёлера, «следовали чувствам долга и чести». Барон Штейн, узнав об этом союзе, писал из Праги в Лондон графу Мюнстеру: «Пруссия во второй раз обманула ожидания всех честных и благомыслящих людей: она безусловно предалась во власть своему злейшему врагу, собственными руками приготовляя себе могилу»***. «Но, — писал далее барон Шёлер императору, — я несколько ободрился, пообдумав обстоятельства». Прусского уполномоченного ободрили письма, полученные им от генерала

*Mémoires d'un homme d'état, t. III, 334.

**Депеши графа Ливена к графу Румянцеву 13/25-го и 16/28-го января 1812 г.

***Письмо барона Штейна 7/19-го апреля 1812 г.; *Pertz, Das Leben des Fürsten. v. Stein, B. III, S. 49.*

Шарнгорста и майора Бойена. Первый писал ему, что дело еще не решено окончательно, что он употребит последние усилия, чтобы уговорить короля оставить Берлин и переехать в Бреславль, как для собственной безопасности, так и ради безопасности своего семейства. Это средство считали последним все лица той партии, к которой принадлежал Шарнгорст, и на него единственно возлагали надежду в это время.

«В действиях короля заметна нерешительность, — писал наш посланник графу Румянцеву, — а не шаткость убеждений. Не перестаю уверять ваше сиятельство с глубоким убеждением, что они совершенно согласны с видами России, и ни в каком случае добровольно он не вступил бы в союз с Францией; по слабости его характера, по страху вызвать войну, который питают в нем его окружающие, или по малодушию, или из личных выгод, или по глупости, он приходит в ужас при одной мысли, что его выезд из Берлина решит участь государства. Если бы он согласился, наконец, оставить свою столицу, то вся возможная для него решимость возникла бы непременно вследствие этого поступка». Но кроме страха за участь Пруссии, была и другая причина, удерживавшая короля от этого действия. «Трудно себе представить, — писал также граф Ливен, — до какой степени король — раб своих привычек». Решимость оставить привычный в своей столице образ жизни и обыденные занятия ужасали слабого короля, почти столько же, как и участь его государства. Усиленные настояния императора Александра, после эрфуртского свидания, заставили его оставить Кёнигсберг*, где он поселился было по заключении Тильзитского мира, и возвратиться в Берлин. Такие же настояния считали необходимыми и для того, чтобы вынудить его оставить Берлин и переехать в Бреславль. В этом именно смысле писал к Шёлеру и майор Бойен. Он просил прусского уполномоченного убедить императора Александра написать письмо к королю и «строго и решительно именем дружбы указать ему, какой опасности он подвергает себя, свое семейство и самые драгоценные интересы верного своего народа». Бойен уверял, что такое письмо может произвести большое влияние на короля, если только оно будет немедленно к нему отправлено. «Что касается до меня, государь, — прибавлял, со своей стороны, Шёлер, — то я убежден, что Ваше Величество можете с успехом противодействовать тем опасным советам корыстолюбия и страха, которым подчиняется король, и спасти его. Россия в этом случае должна подражать поведению Франции в отношении к другим державам и всем тем, кто будет действовать заодно с нею, предлагать важные выгоды, обязуясь торжественно доставить их и обеспечивая всеми способами, которыми

*Депеша графа Ливена графу Румянцеву 10/22-го ноября 1811.

она может располагать, но в то же время угрожая безграничною ненавистью и самым жестоким мщением всем, кто будет действовать против нее. Может быть, предлагая такой образ действий, я нарушаю долг почтения и обязанности в отношении к моему государю, но моя глубокая преданность к особе Вашего Величества и жестокое убеждение, что это единственный способ спасти мое отечество и короля, достойного лучшей участи, могут извинить меня».

Едва ли не был прав прусский уполномоченный, что на политику его отечества в это время можно было действовать только насилеи, как и действовал император Наполеон, или возбуждением своекорыстных видов; но он ошибался, предлагая императору Александру подобный образ действий, несогласный ни с благородством его личного характера, ни с политическими видами России, не желавшей действовать наступательно, без добровольно заключенного с нею союза со стороны Пруссии. Русский император, конечно, решился бы помогать союзнику и другу, но не спасать его насильственно вопреки его воле.

Но политические единомышленники прусского уполномоченного, предлагая еще средства не допустить их отечества к союзу с Наполеоном, сваливая всю вину на короля и забывая, что к этому союзу увлекала его многочисленная партия пруссаков, едва ли верили сами в успех этих средств. И Шарнгорст, и Бойен оканчивали свои письма к Шёлеру поручением передать русскому императору их усердную просьбу принять их в русскую службу, в случае окончательного разрыва Пруссии с Россией.

Генерал Шарнгорст сердился на посольство Кнезебека в Петербурге. Извещая о нем Шёлера, он выражал негодование, что Кнезебек не отказался от такого поручения. Он называл его человеком «двоедушным, лживым и интриганом, который считает себя умнее всех других». Вероятно, — писал Шёлер, передавая этот отзыв императору, — генерал также описал Кнезебека и графу Ливену; но я считаю долгом заявить Вашему Величеству, что я хотя и не могу очистить моего товарища от всех обвинений, но полагаю, что генерал Шарнгорст обрисовал его уже слишком темными красками. Впрочем, государь, Кнезебеку не удастся, конечно, убедить Вас в справедливости той нелепой мысли, что, в видах поддержания мира, Россия должна обезоружиться немедленно, — хотя это и составляет цель его посольства»*.

Так предвредило само прусское посольство русского императора о миссии Кнезебека, который приехал в Петербург несколько дней спустя после этого письма (2-го февраля). Через два дня после приезда

*Письмо Шёлера императору Александру I, от 29-го января 1812 г.

он получил дозволение явиться к императору и представить ему письмо прусского короля.

«Что вы мне скажете, барон Кнезебек?» — спросил его император, лишь только он вошел в его кабинет.

Прусский уполномоченный вручил государю письмо короля и вкратце изложил его содержание. Король желал сохранения мира и полагал, что того же желает и император. Но соединение огромных сил со стороны России близ ее границ, военные приготовления и движение войск со стороны Франции, думал король, непременно приведут к войне, если обе державы не войдут в миролюбивые переговоры, которых, со своей стороны, желает император Наполеон. Поэтому он просил, чтобы император Александр или облек достаточными полномочиями своего посланника при тюильрийском дворе, или послал особого уполномоченного, чтобы полюбовно достигнуть соглашения по всем вопросам, послужившим поводом к пререканиям между двумя державами. Король позволял себе обратиться с таким советом к императору как вследствие дружбы, так и настоящего положения Пруссии, на которую прежде всего обрушатся все бедствия войны, если даже она и не сделается главным поприщем военных действий.

«Никто более меня, — отвечал ему император, — не желает сохранения мира. Правда, что мои войска придвинуты к границам, но я был к этому вынужден тем, что Франция все более и более усиливалась на Висле, продолжала занимать сильными гарнизонами Данциг, Штеттин, Кюстрин, не возвратила вам Глогау, укрепила Торн, Прагу, Модлин, Ченстохов. Сосредоточие русских войск было последствием вооружений Франции, а не угрожающею мерою со стороны России. Напротив того, это — мера оборонительная; мои войска не переходят границ. Кажется, я достаточно доказал Европе мое расположение к миру, не выставя ольденбургский вопрос как причину войны и храня молчание по случаю занятия Гамбурга и Любека. Я готов поступить точно так же и по случаю занятия Померании. Россия строго соблюдает договоры; поэтому с ее стороны не представляется никаких поводов к объяснениям. Впрочем, желая представить новое доказательство моих миролюбивых намерений, я действительно хотел послать особого уполномоченного в Париж, после заключения мира с турками, чтобы снова показать, что, несмотря на изменение политических дел, мои мирные намерения остаются неизменными; но эти новые переговоры возбудили бы только новые притязания со стороны Франции и новые пререкания, и при том я имею причины думать, что это посольство не было бы приятно императору Наполеону».

Генерал Кнезебек старался уверить государя, что, напротив, Наполеон будет очень доволен, но что это посольство принесет пользу в

том только случае, если состоится немедленно, ибо две великие державы не могут оставаться во всеоружии долго одна против другой. Такое положение неизбежно приводит к войне, и можно опасаться даже, что военные действия могут начаться прежде, нежели этот уполномоченный выедет из Петербурга.

При этом свидании генерал Кнезебек не упомянул о главном вопросе, от решения которого зависела война или мир с Францией, о закрытии русских портов для нейтральной торговли. Но спустя несколько дней при совещании с канцлером, который точно так же, как и император, сказал ему, что Россия не имеет, о чем объясняться с Францией, он начал речь об этом вопросе и представил ему даже особую о нем записку. Поэтому, при втором свидании с Кнезебеком, император уже сам начал говорить об этой торговле. «Я строго исполняю, — говорил он, — все условия договоров. Россия не имеет никаких сношений с Англией и не ведет никакой с нею торговли. Еще недавно были конфискованы четыре корабля, которые, по их бумагам, оказались подозрительными. Очень может быть, что кто-нибудь и встретил обоз с товарами с этих кораблей. Он мог казаться большим, потому что много нужно небольших русских телег, чтобы поместить груз даже одного корабля. Спросите купцов, спросите помощников, до какой степени стеснена наша торговля к ущербу России. Стеснять ее еще более, запрещая нейтральную торговлю и без того весьма незначительную, невозможно. Я, как государь, имею обязанности в отношении к моему народу, и я не могу не соблюдать их».

Генерал Кнезебек заметил, что континентальная система, которой цель состоит в том, чтобы достигнуть свободы морей, страдает от торговли России с американцами, и это положение дел непременно вызовет войну.

«Во всяком случае, — отвечал император, — не я буду зачинщиком войны, потому что я не обязывался препятствовать нейтральной торговле. Народ имеет свои права, которые я должен принимать во внимание, и первое из них есть право на существование. Уступать в этом случае, имея наготове войска, было слабостью. Теперь бесполезно даже было бы посылать уполномоченного в Париж: император Наполеон принял такое грозное положение, что эта попытка показалась бы исканием мира из страха войны»... В это время получены были известия о сосредоточении саксонских войск у Губека и движении баварцев.

«Положение Европы, — отвечал Кнезебек, — в настоящее время таково, что вынуждает отложить все второстепенные соображения и стремиться к достижению одной великой цели: поддержанию мира. Так и Ваше Величество, по свойственному великодушию, без сомнения

будете действовать, и в этом случае никакой поступок не может быть ниже Вашего достоинства. Можно ли почесть слабостью такую попытку поддержать мир со стороны государя, у которого под рукою 300.000 войска?» Обращая внимание государя на гибельные последствия войны, генерал заметил, что она начнется при самых неблагоприятных для России обстоятельствах, которые он и начал перечислять одно за другим: «Война с Турцией еще продолжается; Наполеон владеет линиями по Висле и Одере; Россия должна защищать огромное протяжение своих границ, не имея крепостей»...

«Все это справедливо, — прервал его император, — я не скрываю от себя своего положения. Вы забыли еще прибавить, что я лично не могу равняться с таким военным гением, как Наполеон, что у меня нет такого полководца, которого я мог бы противопоставить ему. Я сообразил все эти обстоятельства, и они всем известны и могут убедить Европу, что я не желаю войны и никогда не буду зачинщиком; но на случай нападения я все приготовил, чтобы защищаться долго и упорно. Я не хочу показать слабость характера перед моим народом, а это именно была бы слабость, если бы я теперь отправил уполномоченного в Париж искать мира. Впрочем, России не о чем давать объяснений, да притом и князь Куракин облечен достаточными полномочиями, чтобы выслушать все, что может предложить нам император Наполеон».

Генерал Кнезебек почувствовал, конечно, выслушав императора, что его поручение окончено и — не удалось.

«Но если бы сам император Наполеон прислал уполномоченного или поручил войти в переговоры графу Лористону, согласились ли бы Ваше Величество на это?» — спросил он и, услышав утвердительный ответ, решил выехать из Петербурга.

На прощальном свидании (14-го марта) император повторил ему все, что говорил прежде, прибавив: «Самым лучшим доказательством моих миролюбивых желаний может служить то обстоятельство, что я не начал войны весною прошлого года. Тогда я был готов к войне настолько же, насколько и теперь. Подвинувшись в Эльбе, я вынудил бы Пруссию соединиться со мною и не встретил бы достаточных сил, которые могли бы остановить движение моих войск. Я не считаю себя полководцем; но выгоды этого образа действий бросаются всем в глаза. Если бы я и теперь решился действовать наступательно, я тоже мог бы еще иметь выгоды, но я этого не сделаю, и вы можете сказать вашему государю, что я буду ожидать пушечного выстрела на моих границах».

Личные ли нравственные качества императора, или политические соображения, основанные на знании характера государства, с которым он желал заключить *добровольный* союз, отклонили его от намерения

вовлечь Пруссию *насильственно* в союз с Россией, но во всяком случае его поступок соответствовал достоинству России. Насильственный союз Пруссии с Россией, без сомнения, в случае неудачи военных действий, окончился бы так же, как и союз ее с Францией в начале 1813 года, то есть изменою своему союзнику.

Генерал Кнезебек после первых еще свиданий с императором «с сердцем, пораженным глубокою скорбью», по его выражению, написал ему письмо, в котором, повторяя все то, что говорил на словах, особенно старался доказать, что открытие мирных переговоров с Францией не может причинить вреда России. «Я предполагаю, государь, — писал он, — что император Наполеон решился на войну: в таком случае не начнется ли война, если даже и Вы не войдете ни в какие объяснения? Не найдет ли он поводов к войне и без новых переговоров с тем уполномоченным, которого Вы отправите к нему? Едва ли возможно в этом сомневаться. Напротив того, отказ отправить этого уполномоченного подаст ему повод к жалобам, которых важность он не преминет выставить перед всею Европою. Неотправление уполномоченного не помешает начаться войне в предположенном случае. Но, если это предположение, государь, ошибочно, если император Наполеон искренно желает объясниться по ольденбургскому делу, то посылка доверенного лица для переговоров, снабженного достаточными полномочиями вести переговоры и подписать договор, может предотвратить войну так же, как непосылка может повести к ней. И почему же можно угадать, что не представляется на этот случай? Если вообразить себя на месте императора Наполеона, то он находится в положении человека, который знает, что он сделал неприятный для другого поступок. Если оскорбленное им лицо избегает объяснений и в то же время вооружается, то он естественно должен предполагать, что эти вооружения предназначаются против него, и сам готовится. Не достигнув объяснений, без сомнения он в скором времени сделается открытым врагом. Эти рассуждения приводят к такому заключению: если император Наполеон желает войны, то посылка уполномоченного в Париж не причинит никакого вреда; но если это предположение неверно, отказ послать его может привести к войне, несмотря на то, что Ваше Величество и вся Европа желают избежать ее. Из молчания ничего не может последовать доброго, но непременно вред, и оно представляется несогласным ни с Вашим великодушием и откровенностью, ни с политикою великой державы, какова Россия. Что новые переговоры послужат императору Наполеону к новым притязаниям против России и к новым спорам, это — только предположение. Если бы действительно таковы были цели императора Наполеона, то эти при-

тязания он выразил бы во всяком случае: пошлете ли Вы или не пошлете уполномоченного в Париж. Посылка не увеличит вреда, но может, напротив, уменьшить его, если выбор уполномоченного будет удачен, и если он отправится немедленно, пока Франция еще не успела сосредоточить и привести в движение все свои силы, что без сомнения случится в начале весны, в половине марта или в апреле»*.

Кнезебек, не зная тех поручений, с которыми русский император намеревался послать в Париж графа Нессельроде, мог, конечно, удивляться и не понимать, почему новые переговоры не только не поведут к мирным соглашениям между Россией и Францией, но произведут окончательный разрыв и поведут к немедленному открытию военных действий. Намерение отправить в Париж особого уполномоченного находилось в связи с заключением мира с турками и союза с Пруссией. Но переговоры с уполномоченными Порты тянулись, не приводя к решительным заключениям, а Пруссия явно становилась на сторону Франции. Между тем, если бы император Наполеон отверг предлагаемые Россией условия, что не могло подлежать сомнению, то необходимым последствием было бы вступление русских войск в Восточную Пруссию, а затем в герцогство Варшавское. Поэтому-то письмо так же мало могло подействовать на императора, как и словесные убеждения Кнезебека, и казалось бы, что прощальное свидание еще более должно было *поразить грустью его сердце* и доказать ему решимость императора не уступать притязаниям Наполеона; но он не потерял надежды на сохранение мира, как писал в отчете своему королю. Эта странная надежда основывалась на непонятной, при тогдашнем положении Пруссии, самоуверенности, не личной, но народной. «Император Александр, — писал Кнезебек своему государю, — без сомнения, искренно желает мира. Вероятно, объяснения с Францией начнутся на основании тех известий, которые привезет Чернышев. То *направление, которое приняла политика Вашего Величества в это время, должно иметь огромное влияние* как на решимость императора Александра, так и на общее мнение в России, и конечно, перевесит обещание выгод в случае войны, если Швеция будет на ее стороне. Все зависит от тех условий, которые Франция предложит для соглашения. Мир сохранится, если эти условия будут таковы, что император без унижения своего достоинства может заявить их народу, не опасаясь нареканий, и если они будут совместимы с благосостоянием государства, которое весьма много зависит от

*Письмо генерала Кнезебека к императору Александру 12/24-го февраля 1812 г., С.-Пб.; донесение Круземарка прусскому королю 23-го марта п. ст. 1812 г.; *Fain, Manuscrit de 1812, t. I, appendice 1 chap. pp. 129–139; Comte J. de Maistre. Correspond. politique, t. I, pp. 55–56.*

торговли, сохранится потому, что ни император, ни окружающие его лица, ни народ не желают войны». Без сомнения, от этих условий зависело бы сохранение мира, но, конечно, угрожающее положение, которое принимала Пруссия в отношении к России, едва ли могло оказать какое-нибудь влияние на действия русского императора, решившегося ожидать нашествия неприятеля в границах своей империи. Но мог ли император Наполеон предложить России такие условия, на которые она могла бы согласиться, не утратив своего значения великой и независимой державы?

Но если взгляды прусского дипломата на политическое положение дел и отличаются особенною близорукостью, то его мнение о характере предстоящей войны было совершенно верно и согласно с предвещениями как французских посланников при нашем дворе, так и всех иностранцев, видевших Россию в это время. «Но если начнется война, — доносил он прусскому королю, — то она будет ужасна, русские будут драться с ожесточением. Военные силы России должны быть значительны. Русский вообще храбр; государство, встретив нашествие врага в своих границах, и народ, возбуждаемый священниками, — что непременно случится, — придадут этой войне значение народной и религиозной и сделают ее продолжительнее, нежели она могла бы быть, если бы император решился вести ее вне своих границ. Я не считал себя вправе скрыть эти соображения от Вашего Величества; надо быть здесь, чтобы убедиться в их истине, и я ссылаюсь на всех, кто был здесь в одно время со мною. Местность страны представит много затруднений, которые трудно преодолеть. Болота, большие леса, малочисленное народонаселение, плохие большие дороги, ни одной большой реки, которая благоприятствовала бы движениям, вообще страна бесплодная, — все это будет затруднять движения и не позволит сосредоточивать на долгое время большие силы на одном месте. Необходимо будет разбрасывать их отдельными корпусами, чтобы обеспечить им продовольствие, а это обстоятельство представит с одной стороны, значительные выгоды для обороняющихся, а с другой — непреодолимые препятствия для наступающих, препятствия, которые в состоянии уничтожить самые гениальные предприятия, особенно если обороняющиеся будут опустошать страну по мере отступления в наперед избранные позиции и с благоразумием защищать их шаг за шагом. Эти выгоды понимают в России, о них прямо говорят, и я полагаю, что таков и будет способ войны; но едва ли на ком-нибудь остановился выбор главнокомандующего».

Кнезебек выехал из Петербурга в тот же день, 24-го февраля (7-го марта), и в то же самое число прусское министерство подписало союз-

ный договор с Францией, присланный из Парижа за подписью уже герцога Бассано. Договор, предназначенный к известности, был только *оборонительный* между королем и императором Наполеоном «против всякой из европейских держав, которая напала бы на владения одной из договаривающихся сторон» и обеспечивающий целость ее владений (ст. 2-я и 3-я). На каждый же случай, когда новым союзникам пришлось бы совокупно действовать в исполнение этого договора, предполагалось заключать *особое* соглашение. Но этот случай уже имели в виду. В тот же день подписан был другой *тайный* трактат, в котором постановлено, что первый договор будет не только оборонительным, но и *наступательным*, с тем лишь условием, что Пруссия не обязана принимать участия в войнах Франции за Пиренеями, в Италии и Турции. Казалось бы, этим договором обеспечивалось содействие Пруссии в войне Франции с Россией. Несмотря на то, в тот же день прусское правительство подписало еще три договора также тайные, первый — о мере содействия Франции в войне с Россией, второй — об образе действий в отношении к Англии, и третий — о продовольствии французских войск во время их похода через Пруссию; этот последний трактат должен был окончательно разорить жителей этой страны*.

Скрывая вообще свои действия от нашего посланника, прусский кабинет не мог однако же утаить от него посольства Кнезебека. Барон Гарденберг счел нужным заявить о том графу Ливену, говоря, что король решился послать генерала в Петербург с тем, чтобы объяснить русскому императору, что он «более всего желает сохранить его доверенность и дружбу, представить печальное положение Пруссии, конфиденциально сообщить о безуспешных его попытках склонить Австрию к союзу против Франции, объявить, что он вынужден был уступить требованиям последней и просить его — не нарушать мира». Справедливо было только последнее обстоятельство, то есть желание убедить русского императора подчиниться так же безусловно воле Наполеона, как подчинилась Пруссия. О всех других предметах не было и помину в переговорах Кнезебека с нашим правительством. Впрочем, так говорил барон Гарденберг нашему посланнику, как канцлер Пруссии. Но при этом же свидании он говорил ему: «Как частный человек, я совершенно разделяю ваш образ мыслей, в чем могла убедить вас моя записка, которую вы читали. Она не произвела ни малейшего впечатления на короля; его действиями в настоящее время руководит только *страх*. Я предвижу время, когда короля оставят все порядочные люди, и окружают его люди продажные и покорные Франции. Я также оставил бы его; но при смерти королевы я дал ему клятву никогда его не оставлять.

*Mémoires d'un homme d'état, t. III, p. 334.

Но это не может продолжаться долго; меня постараются удалить. Скоро, быть может, я буду вынужден просить убежища у вас. Надеюсь, что вы не откажете мне в этой просьбе, зная мои чувства и убеждения».

Конечно, это признание прусского канцлера не оставляло в нашем посланнике уже никакого сомнения относительно того направления, которое приняла политика берлинского кабинета; но прошло около месяца после этого свидания, как король прислал к нему барона Врангеля объявить, что Пруссия заключила союзный договор с Францией. «Но этот договор, — говорил он, — не заключает в себе ничего враждебного России. Он заключен с тою целью, чтобы спасти существование Пруссии и определить проход французских войск через ее владения». Король продолжал скрывать от нашего посланника значение своего союза с Наполеоном в отношении к России даже в то время, когда оно сделалось известным всей Европе, и когда он сам поручил тому же барону Врангелю объявить графу Ливену, что уже нет никакой надежды на поддержание мира, потому что Наполеон окончательно решил воевать с Россией.

Выслушав Врангеля, граф Ливен просил его передать его признательность королю за эти заявления, но в то же время сказать, что он считал себя достойным большей доверенности и откровенности с его стороны, потому что не только ему, но и всему дипломатическому корпусу известно, что договором, заключенным Пруссией с Наполеоном, определено число прусских войск, которые будут воевать вместе с его войсками против России*.

Барон Гарденберг объяснял политику берлинского кабинета исключительно страхом короля за существование своего королевства. Но король отличался слабостью характера и постоянно находился под влиянием окружавших его лиц. Обе партии могли пользоваться и пользовались этим страхом, как орудием для своих видов и целей, и если победила одна другую, то это служит доказательством, что она была сильнее и многочисленнее. Действительно, людей влиятельных в прусском правительстве, желавших союза с Россией, было весьма немного, да и из них некоторые вынуждены были действовать вопреки своим убеждениям, как и сам прусский канцлер. Сен-Марсан, кажется, был прав, когда доносил своему правительству, «что король и его министр ревностно желали заключить союз с Францией, видя в нем единственное средство спасти государство и улучшить его состояние в будущем. Они видят в нем не только меру, вызванную временными обстоятель-

*Депеша графа Ливена графу Румянцеву 20-го января (1-го февраля) и 20-го февраля (3-го марта) 1812 года.

вами, но вообще основание для прусской политики. Таково мнение барона Гарденберга, и после многочисленных с ним разговоров я убедился, что он твердо его держится. Все беспокойства Пруссии только и заключались в опасении, что ей не удастся заключить этого союза. Это было единственное оружие, которым могли воспользоваться наши враги, если бы только воспользовались вовремя и увлекли в союз с собою короля, внушив страх народу. Это опасение исчезло. Король и его министры только и думают о том, чтобы добросовестно следовать системе Франции и помогать видам императора Наполеона всеми средствами, находящимися в их распоряжении. То внимание и готовность, которую выказывают при всяком даже незначительном случае, могут служить тому доказательством. Народ, который вообще всегда здраво смотрел на обстоятельства, радуется тому направлению политики, которое приняло его правительство. Конечно, я не хочу сказать, чтобы не находилось лиц, которые им недовольны и жалуются на обстоятельства, не хочу сказать, чтобы в случае неудач не выразился дух оппозиции и не приобрел последователей; но я уверен, что Пруссия — такая же верная союзница Франции, как Саксония и Бавария; быть может даже, она считает этот союз в политическом отношении выгоднее, нежели две державы*».

Таков действительно был взгляд прусского правительства на союз с Францией, то тем не менее некоторые лица считали его вынужденным обстоятельствами и не питали к нему сочувствия. К числу их принадлежали барон Гарденберг и сам король. «Я убит горем, государь, — писал он русскому императору, решившись, наконец, объявить ему об этом союзе, — когда думаю, какое направление вынудила меня принять необоримая необходимость. Но я огорчаюсь еще более, думая, что Ваше Величество, которое всегда отдавали справедливость моим чувствам, откажете мне в ней в настоящее время». Говоря, что только крайняя необходимость вынудила его «пожертвовать влечениями его сердца», король подробно излагает обстоятельства, предшествовавшие заключению им союза с Францией. «Ваше Величество, вспомните, — писал он, — с какою подробностью я излагал Вам в наших последних разговорах в Петербурге то положение, в каком я буду находиться в Берлине, окруженный со всех сторон неприятельскими войсками, даже во время мира. Оставив Кёнигсберг и переехав в Берлин для пользы моего государства и уступая Вашим советам, я не мог скрывать от себя, что с этого времени я должен буду считать себя в совершенной зависимости от Франции, и в случае ее

*Депеша Сен-Марсана герцогу Бассано от 18-го апреля 1812 г. из Берлина. *Fain, Manuscrit de 1812, I appendice du I chap., pp.114 et 115.*

войны с Россией, по несчастью, должен буду следовать за нею. Когда доброе согласие между двумя империями начало разрушаться, припомните, государь, сколько раз я заклинал Вас письменно и поручал графу Ливену сообщить Вам, чтобы Вы употребили все способы для избежания войны, которая могла начаться при самых неблагоприятных для Вас условиях, и которая, лишь только Австрия отказалась бы от участия, вынудила бы Пруссию на ужасное решение соединиться с Францией. Ваше Величество полагали, что выгоды Вашей империи требовали готовить огромные вооружения, умалчивая о причинах и цели этих приготовлений, которые я постоянно считал самым верным средством вызвать войну. Год тому назад, быть может, простыми переговорами и уважением к общим выгодам Европы можно было предотвратить эту ужасную борьбу, которая скоро начнется. Теперь, когда обе державы вооруженные стоят одна против другой, трудно начать переговоры и достигнуть соглашения. По мере того, как приближался разрыв, мое положение становилось затруднительнее и плачевнее. В крайних обстоятельствах, когда мои владения могли быть наводнены со всех сторон враждебными войсками; когда силы и средства, которыми я мог еще располагать, могли быть уничтожены прежде, нежели я мог бы их соединить; когда Ваше Величество, твердо следуя предпринятой системе не действовать наступительно, отнимали у меня всякую надежду на скорую и достаточную помощь; когда разрушение Пруссии было бы началом войны с Россией, я должен был уступить обстоятельствам, и прежде всего — спасти свое государство от немедленного разрушения. Вы можете быть уверены, государь, что я не скрываю от себя ужасных последствий войны для моего государства, ни той опасности, которая может угрожать ему впоследствии; но для меня оставался только выбор между двух зол. Ближайшая опасность должна была иметь влияние на мои решения, и каков бы ни был исход настоящих происшествий, будущее обещает мне возможность сохранить мое существование ввиду взаимных выгод России и Франции, когда они будут хорошо поняты, и в надежде на драгоценную для меня Вашу дружбу. Нет нужды говорить Вам, государь, чего мне стоило решиться поступить так, как я поступил; но я утешаю себя мыслью, что исполнил первейшую обязанность — относительно сохранения государства, пожертвовав самыми дорогими мне чувствами. Это одно успокаивает мою совесть. Пожалейте обо мне, государь, но не обвиняйте меня. Я позволю себе сказать, что и Ваше Величество сами бывали в таком положении, когда разум вынуждал лучше покориться жестоким обстоятельствам, нежели погибнуть, хотя бы и со славой, и когда Вы принимали хотя и благоразумные решения, но которые дорого стоили Вашему великодушному сердцу.

Какой оборот ни приняли бы события, моя непоколебимая привязанность к особе Вашего Величества не изменит своих свойств. Если начнется война, мы не сделаем более зла один другому, чем сколько требуют строгие правила войны, и не будем забывать, что мы — друзья, и что придет время, когда мы будем союзниками. Уступая непреодолимой необходимости, мы сохраним однако же свободу и искренность наших чувств»*.

Нельзя позволить себе заподозрить искренность этого письма, написанного с таким чувством и с такою откровенностью, а оно в свою очередь, доказывает, что король иначе действовать не мог. С одной стороны страх, который овладел всею Европою в виду роковой, как бы стихийной силы императора Франции, не признающей ни нравственности, ни права и справедливости, страх, который на слабую, хотя и благородную душу действовал сильнее, и которого действие усиливало влияние общественного мнения большинства правительственных людей Пруссии, с другой — положение, принятое Россией, не решавшуюся действовать наступательно и силой привлечь в свой союз Пруссию, совершенно объясняют образ действий прусского короля. Он не желал действовать так, как он действовал, и это объясняет, почему он скрывал от нашего кабинета свои переговоры с Францией до последней минуты; но его кабинет сознательно действовал против России, увлекая за собою своего главу барона Гарденберга; он был враждебен России и ожидал великих благ от императора Наполеона.

Последствия союза Пруссии с Францией обнаружили весьма скоро: генералу Йорку дано было знать, чтобы он не руководствовался более теми наставлениями, которые были даны ему правительством ввиду военной конвенции, заключенной Шарнгорстом с Россией; король запретил привоз колониальных произведений из России (25-го апреля); французские войска наводнили Пруссию и начали грабить ее, как завоеванную страну; в Берлин, Шпандау, Пиллау и Кёнигсберг введены французские гарнизоны; управление Берлином поручено французскому генералу, король принужден был почти бежать в Бреславль**.

*Письмо короля к императору Александру I из Потсдама, от 10/22-го марта 1812 года.

***Mémoires d'un homme d'état*, t. III, p. 335; депеша графа Ливена графу Румянцеву от 30-го января (11-го февраля) 1812 г.

Глава седьмая

*Сношения
с Австрией*

В письме прусского короля к императору Александру, писанном в марте месяце 1811 года, он указывает на политику Австрии как на одно из существенных обстоятельств, вынудивших Пруссию не вступать в союз с Россией, к чему клонились его помышления. Действительно, во всё продолжение 1811 года король и его канцлер постоянно указывали нашему двору на двусмысленную политику венского кабинета. Много раз король поручал сообщать графу Ливену, нашему посланнику при берлинском дворе, известия, получаемые им из Вены от своего посланника барона Гумбольдта, расположенного в пользу союза с Россией и ненавистника французского ига, тяготевшего над Германией. Но наши дипломатические деятели не придавали значения известиям Гумбольдта, опираясь, конечно, на те сведения об отношениях к нам венского кабинета, которые сообщало им наше правительство, и приписывали личным качествам барона тревожный характер его сообщений.

Пруссия опасалась Австрии не без причины: у них были старые счеты. Если император Наполеон решился уничтожить Пруссию как самостоятельное государство, разделив ее владения между другими государствами, и лишить короны Гогенцоллернский дом, в чем не сомневался король и его кабинет, то, без сомнения, Австрия могла принять участие в этом разделе, чтобы возвратить Силезию, отнятую у нее насильственно Фридрихом Великим. Недовере ли русского правительства к тем известиям, которые получала Пруссия от своего посланника из Вены, или вернее, ее собственная подозрительность в отношении к Австрии побуждала ее кабинет употреблять все средства, чтобы разузнать действительные политические виды Австрии, так ловко скрываемые графом Меттернихом. В ноябре 1811 года король отправил в Вену особого уполномоченного — Якоби, старинного приятеля первого министра Австрии, и получил от него утешительное известие, что император Австрийский принимает величайшее участие в судьбе Пруссии, что он искренно желает сохранить ее существование и с целью ее уничтожения никогда не присоединится к видам Франции. Но в то же время он заявил, что Австрия слишком истощена последними войнами, что она чувствует недостаток как в войсках, так и в деньгах, и потому не может принять участия ни в каких военных дейст-

виях. Сообщая эти известия нашему посланнику, барон Гарденберг прибавил, что венский кабинет чрезвычайно недоволен с.-петербургским, который будто бы весьма холодно отнесся к его предложению содействовать нам в примирении с турками. Хотя, по словам Меттерниха, Россия впоследствии и предлагала Австрии, «поделиться с нею завоеваниями у турок, но Австрия, замечал Гарденберг, подозревает такие завоевательные замыслы со стороны России, для которых последняя пожертвует и Пруссией и Австрией, если бы на них напала Франция. Вообще, после Тильзитского договора было довольно распространено в Германии мнение, что мир между Францией и Россией состоялся на том условии, что Россия не будет препятствовать Франции властвовать на западе Европы, а Франция — России на востоке. Это мнение высказывалось иногда и перед войной 1812 года». «Я забыл прибавить, — писал граф де Местр сардинскому королю, сообщая об огромных военных приготовлениях России, — что последствием всех этих приготовлений может быть мир. Оба вождя могут взаимно напугать один другого. С одной стороны, последует признание *западного императора* со всеми последствиями этого титула, с другой — что помешает этим двум господам разделить между собою Европу? Я вовсе не думаю, чтобы русский император был томим жаждою приобретений; но если он не может избежать войны на жизнь и на смерть иначе, как решившись на приобретения, ни достигнуть твердого мира без приобретений, в таком случае я ни за что не отвечаю и не могу себя уверить, чтобы Наполеон не мог сделать ему подобного предложения, убедившись, что его попытка напугать не удалась»*. Соглашение между двумя императорами ввиду подобной цели ультрамонтанское воображение графа де Местра допускало лишь как *дьявольское наваждение*, а граф Меттерних хотя и не придавал ему вовсе веры, употреблял однако как средство внушить и так уже напуганной всеми страхами Пруссии недоверие к России.

Вслед за Якоби король прусский послал в Вену с большими полномочиями человека, пользовавшегося особенным его доверием, генерала Шарнгорста, но и эта попытка осталась без успеха. Венский кабинет объявил ему, что Австрия питает расположение к Пруссии, но не вступит с нею ни в какие договоры на случай войны России с Францией. Вся ее забота будет состоять в том, чтобы сохранить строгий нейтралитет. «При этом заявлении, — писал граф Ливен, — венский кабинет горько жаловался на Россию и дал понять, что

*Correspond. politique, t. I. pp.81 et 82; письмо 9/21-го апреля 1812 года. «Mais si cet accord avait lieu, ce serait au moyen de quelque autre accord diabolique».

поведение нашего кабинета вынуждает его действовать таким образом». Граф Меттерних говорил, что мы упустили случай заключить мир с турками, а это де служит доказательством, что нас не исключительно занимают дела Европы, и что у нас имеются и другие виды. Австрия предлагала свое участие ввиду современного положения дел; но русский кабинет отвечал ей, что находится в самых лучших отношениях к Франции, а между тем император Наполеон постоянно жалуется на Россию, и обе империи продолжают свои вооружения.

Сообщая нашему кабинету эти известия о направлении политики венского кабинета, граф Ливен писал, что они произвели сильное впечатление на короля, и что теперь «можно опасаться, чтобы он не стал на сторону Франции»; но сам посланник не придавал им должного значения и считал преувеличенными*. Может быть, такими же считал их и наш кабинет, выслушивая постоянные уверения в дружбе Австрии к России от ее уполномоченного министра при нашем дворе и получая донесения своих посланников из Вены; но во всяком случае он не питал особенного доверия к политике венского кабинета, зная ее действия против нас в Турции и подозревая в тайных сношениях с Францией после женитьбы императора Наполеона на австрийской эрцгерцогине.

Еще до этого брака император Наполеон начал выражать неудовольствие против России за ее недостаточное участие в войне с Австрией; но после заключения этого брака политика его кабинета постоянно действовала враждебно по отношению к России. Отказ утвердить конвенцию о Польше, им же самим предложенную, торжественное непризнание III-й статьи нашего Фридрихсгамского договора со Швецией и происки в Константинополе явно обличали направление этой политики. Но император Наполеон избегал еще разрыва с Россией, уверял в желании сохранить союз с нею и искреннюю дружбу с императором Александром и потому старался убедить, что его брак с дочерью австрийского императора имеет значение семейного союза и нисколько не изменяет его политических отношений к другим державам и даже к самой Австрии. В феврале 1810 года князь Куракин писал нашему канцлеру, что в то время, когда он лежал больной в постели и собирался отправить нарочного в Петербург, к нему заехал герцог Кадорский. «Он мне сказал, что его нарочно прислал ко мне император Наполеон объявить, что он выбрал уже себе невесту в особе эрцгерцогини Марии-Луизы, старшей дочери австрийского

*Депеша графа Ливена графу Румянцеву от 10/22-го ноября, 6/18-го декабря и 23-го декабря 1811 (4-го января 1812 г.).

императора: ему предложили ее руку, и он принял предложение, потому что эта принцесса уже способна к браку (*déjà nubile*) и ее мать и бабка были весьма плодовиты (*fort fécondes*), что дает ему надежду, что его желание иметь прямых наследников исполнится и обеспечит счастье Франции; император Наполеон надеется, что этот выбор будет приятен и нашему императору, потому что устраняет возможность новой войны с Австрией и, следовательно, способствует сохранению мира на материке Европы, чего так желает Россия. Притом герцог уверял, что политика не входила в соображения при этом выборе, и что император Наполеон по-прежнему будет поддерживать союз с Россией*.

Действительно, сам император Наполеон при каждом случае выражал эту мысль. Принимая нашего чрезвычайного посланника, князя Алексея Борисовича Куракина, приехавшего с исключительной целью поздравить его от лица русского императора с бракосочетанием, он выразил удовольствие именно потому, что только в этом и состояла цель его посольства. «Я полагаю, — сказал он, — что после этого замолчат уличные политики, распускающие слухи, что союз мой с Австриею приведет к холодным отношениям к России. Я совершенно с иной точки зрения смотрю на этот союз. Это семейная связь, которая ни в каком случае не может иметь влияния на политические союзы, требуемые выгодами обеих империй. Я женился потому, что должен был это сделать во всяком случае; но эта женитьба не может изменить моих убеждений и моих обязанностей. Стоя во главе народа, я тщательно должен охранять его выгоды, не завидуя ни выгодам, ни благоденствию России. Отдаленность одной империи от другой не может и не должна служить поводом к разрыву союза, который предполагают. Мои действия доказали, до какой степени я желал заключить союз с Россией»**.

Едва ли и уличные политики, как называл общественное мнение Наполеон, предполагали, что отдаленность одной империи от другой может служить поводом к разрыву союза между ними. Что же касается до него самого, то это обстоятельство во время тильзитских переговоров он считал одним из поводов к прочности союза. Общественное мнение верно угадало разрыв Франции с Россией именно в это время, но ошиблось только, приписывая его браку Наполеона с австрийскою эрцгерцогинею. Это был действительно семейный союз, удовлетворявший гордости Наполеона, но не союз политический.

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву 28-го января (9-го февраля) 1810 года.

**Депеша князя Алексея Куракина графу Румянцеву 30-го мая (11-го июня) 1810 года.

При эрфуртском свидании он отклонил предложение императора Александра принять в союз двух империй и третью, то есть Австрию, которая при этом условии изъявила готовность прекратить свои вооружения. Не вступить в союз с Австрией, как равный с равным, желал император Наполеон, но покорить ее своей власти так же, как и Пруссию, окружив ее со всех сторон своими войсками или войсками своих союзников. Этой цели он достиг силою; после Шёнбруннского мира Австрия оказалась почти в таком же положении, как и Пруссия. Брачным союзом Наполеон полагал, посредством нравственного влияния, придать большую прочность своему господству над Австрией. Если бы он согласился в Эрфурте на союз трех империй, то сам подписал бы отречение от своих замыслов на господство над всею Европою, усилил бы Россию союзом с Австрией, к которому в крайнем случае могла присоединиться и Пруссия, и создал бы сильный оплот против своего стремления к всемирному владычеству. Но покрыв Австрию силою оружия и приобретя возможность нравственного на нее влияния, он вполне достигал своей цели. Ему легко было потом принудить ее к союзу политическому, но это не входило еще в его виды. Он не хотел возвышать политическое значение Австрии в Европе и еще менее вызвать разрыв с Россией ранее, нежели считал для себя выгодным. Поэтому при каждом случае он повторял уверения в дружбе к русскому императору и желание поддержать союз между двумя империями, а в то же время стремился к тому, чтобы возбудить враждебные чувства Австрии против России. Почва для такого образа действий была подготовлена. Вопрос о приобретениях России от Турции возбуждал зависть венского кабинета и желание таких же приобретений на Балканском полуострове.

При прощальном свидании с нашим чрезвычайным послом, император Наполеон повторил те же уверения в дружбе к русскому императору и желание поддержать союз с Россией и, между прочим, сказал: «Я объявил уже, что считаю Молдавию и Валахию принадлежащими России, и не перемену моего слова, несмотря на то, что это может убавить мое влияние в этих странах. Вы отняли у Франции и Австрии те привилегии, которыми они пользовались в этих княжествах. Австрия советовалась со мною, как надо поступать в этом случае, и я отвечал, что, признав их уже собственностью России, я не могу вмешиваться в это дело. Я должен даже желать, чтобы эти княжества вам принадлежали, во-первых, уже потому, что это утверждает ваши границы на левом берегу Дуная, то есть на естественной границе, которую необходимо вам было приобрести, во-вторых, потому, что это приобретение исполняет желание императора Александра,

а для меня всегда приятно то, что может доставить ему выгоды, — третьих, наконец, не скрою от вас: я не противлюсь этому увеличению вашей империи потому, что оно *делает Австрию постоянным вашим врагом*, которая, скажу вам, боится вас столько же, как и меня. Что касается до меня, то я не заключаю и не заключу никакого союза с Австрией. Цель пребывания здесь графа Меттерниха состоит лишь в том, чтобы выхлопотать некоторые льготы в отношении к их внутренним делам. Переговоры, которые он ведет, касаются, так сказать, администрации и не имеют никакого политического характера. Я заключил родственный союз с австрийским императором, потому что этот брак был выгоден для меня во всех отношениях; но тут нет места для политики»*.

Конечно, это последняя причина наиболее входила в расчеты Наполеона и, выражая ее князю Куракину, он имел намерение возбудить подозрение нашего кабинета к политике Австрии точно так же, как, пользуясь нашими приобретениями в Турции, на которые с постоянною завистью смотрела Австрия, он возбуждал ее против нас. «Он старается возбудить зависть австрийцев в отношении к нам по случаю наших приобретений в Турции, — писал в то же время флигель-адъютант Чернышев нашему канцлеру. — Он указывает им даже на наш образ действий в последнюю войну и ставит нам в укор, что мы решились взять у Австрии предложенную им часть Галиции». Наполеон, сообщал Чернышев, говорил ему, что решился дать согласие на то, чтобы Россия приобрела Молдавию и Валахию только из ненависти к Австрии (*par la haine contre l'Autriche*). «Я сказал себе, — говорил император французам, — мои виды исключительно французские; если, с одной стороны, такая обширная держава, как Россия, увеличится еще приобретением двух прекрасных областей, которые доставят ей важные средства, то с другой — я приобретаю ту выгоду, что Австрия становится во враждебные к ней отношения, чего не случилось бы при других обстоятельствах. Но это ее дело, а не мое; мои виды туда не простираются (*mon eau ne va pas jusque là*); это австрийский вопрос, а не французский»**. Но как только изменились, после последней войны с Австрией и брачного союза с ее императорским домом, отношения к ней Франции, Наполеон счел долгом указать на этот вопрос венскому кабинету, известив своего посланника, что именно *из ненависти* к Австрии он согласился на приобретение Россией дунайских княжеств и дал понять, что когда место ненависти заняла уже дружба, скрепленная родством, то французская

*Депеша князя Куракина к графу Румянцеву 8/20 августа 1810 г.

**Exposé des discours que m'a tenus l'empereur Napoléon le 9|21 et 11|23 octobre 1810.

политика в отношении к этому вопросу может принять иное направление*. Эти намеки оказали свое действие на политику венского кабинета.

До заключения Тильзитского мира нашим посланником в Австрии был граф А.К. Разумовский, вполне разделявший, не по званию только, которым был облечен, но и по личным убеждениям, враждебные чувства своего кабинета к политике Франции. По заключении этого мира, он должен был оставить свое место, уступить его князю Куракину, тоже не поклоннику Наполеона, но считавшему союз с ним политическою необходимостью и в этом отношении более соответствовавшему тогдашним видам петербургского кабинета. Но взгляды графа Разумовского на политику того времени проистекали не из чувств русского человека, сознанных разумно представителем России при одной из старейших европейских монархий, а сливались с общим взглядом всей старой феодальной европейской аристократии, с которою, конечно, ничего не имело общего русское дворянство, но с которою Разумовский сжился до того, что, окончив свою службу государству, не счел нужным возвратиться в отечество. Он оставался в Вене, где настроил дворцов, в городе и за городом, и где его дом служил средоточием, привлекавшим все высшее общество столицы Австрии своим роскошным гостеприимством, своими пирами, обедами и ужинами и умною беседой о современной политике. Дамы разных наций занимали видное место в беседах, а особенно жена русского героя князя Багратиона. Там вертелся и Генц, главный сотрудник графа Меттерниха, подкупный и развратный, подспудный политик; там, рядом с графом Стадионом, после Шенбруннского мира уступившим свое место министру иностранных дел Австрии графу Меттерниху, постоянно присутствовал и этот последний**. Князь Куракин, разумеется, стал прирожденным членом этого общества. Задача князя Куракина была не слишком трудна; уверяя Австрию в желании России сохранить ее существование в Европе в качестве сильной и самостоятельной державы, необходимой не только для европейского равновесия политических сил, но и для ограждения России от напора завоевательных стремлений представителя революционной Франции, Куракин должен был только останавливать ее от наступательных действий и советовать не начинать войны с ним при таких неблагоприятных обстоятельствах, когда Россия даже, так благорасположенная к ней, должна будет дейст-

* *Bignon*, Histoire de France, 2-me époque, ch. XXVIII; письмо императора Наполеона к герцогу Кадорскому 25-го февраля н. ст. 1811 г., стр. 387–388.

** *Bignon*, Histoire de France, 2-me époque, ch. XXVIII, ? 392 et ff.

воват против нее совокупно с Наполеоном, в силу тайных условий. Куракин полагал, и не без основания, что исполнил возложенное на него поручение. В то время, когда граф Румянцев находился при императоре в Эрфурте, Куракин уведомлял его, что он «льстит себя надеждою, что государь будет доволен его известиями, что венский кабинет дал положительные уверения в желании сохранить мир. Австрия только и желает мира и без сомнения не нарушит его. Она последует тем внушениям, которые получала через мое посредство. Я считаю себя счастливым, что могу вам сообщить эти хорошие известия. Вы кстати получите их в Эрфурте, и они могут быть вами приняты во внимание при предстоящих там важных переговорах»*.

Но именно эрфуртские переговоры разрушили надежды нашего посланника. Австрия, оскорбленная не только непринятием ее в союз с Россией и Францией, но и исключением от всякого участия в этих переговорах, поняла, что император Наполеон вызывает ее на войну, к которой она и должна готовиться. В это время Куракин назначен был послом в Париж, а его место в Вене, после непродолжительного пребывания там Алопеуса в качестве русского поверенного в делах занял граф Штакельберг. Он точно так же, как Куракин, попал в среду того общества, которого средоточием был дом графа Разумовского. С переменою политического положения Австрии после войны, оно не изменило своих взглядов и только с большею раздражительностью относилось к политике императора Наполеона, которая оскорбляла даже французского посланника при венском дворе. Граф Отто обращал на это внимание графа Меттерниха, а его секретарь Лагранж, приехав в конце 1810 года в Париж, представил императору Наполеону особую записку, в которой взгляды, выражаемые графом Разумовским в Вене, представлял весьма враждебными Франции и крайне для нее опасными. В его сношениях с нашим уполномоченным Алопеусом Лагранж замечал зародыш коалиции против Франции и своими доносами заподозрил многих из жителей Вены. Уведомляя об этом наш кабинет, князь Куракин писал: «император Наполеон желает знать со всеми подробностями обо всем, что происходит в иностранных государствах, не считая неважным для общего хода дел никакого поступка, никакого слова, как бы пусто и ничтожно оно ни было. Поэтому он обращает особенное внимание на *анекдотическую* сторону переписки своих посланников и уполномоченных при иностранных дворах (*attache une extrême valeur à la partie anecdotique de la correspondance de ses ministres et agents à l'étranger*). Зная вкусы своего повелителя, они наперерыв

*Частное письмо князя Куракина графу Румянцеву из Вены 9/21-го сентября 1808 г.

друг перед другом стараются сообщить ему как можно более сведений, которые большею частью оказываются ложными». К числу таких сообщений принадлежала и записка Лагранжа, подавшая однако же повод к тому, что герцог Кадорский жаловался на графа Разумовского нашему посланнику, а император Наполеон требовал даже от графа Меттерниха, чтобы его выслали из Австрии. «Я отвечал ему, — рассказывал граф Меттерних нашему посланнику в Париже, — что император, мой повелитель, никогда не решится на это, и — что графа Разумовского чрезвычайно уважают в Австрии. Он ведет весьма мирный образ жизни, как частный человек, проживая свои огромные доходы, и по своему рождению и званию не может быть выслан из государства». Император Наполеон, прибавляет князь Куракин, не настаивал более на этом вопросе и намерен обратиться со своим требованием к нашему правительству; вместе с тем Куракин выражал уверенность, что его попытка не увенчается успехом*. Так ли отвечал граф Меттерних императору Наполеону, как передавал он нашему посланнику, или иначе, но с вероятностью можно предполагать, что он старался убедить его, что то общество, которое он сам посещает постоянно, и следовательно, наблюдает за ним, которое открыто выражает свои мнения, состоит из иностранцев и людей, не имеющих значения в правительстве Австрии, не может быть опасно. Действительно, и при том оно опасно только для нового нашего посланника, а не для политики венского кабинета, принявшей с переменою обстоятельств новое направление.

После Шенбруннского мирного договора, граф Меттерних, заняв место графа Стадиона, круто повернул направление политики венского двора, но с такою ловкостью, что на первых порах этого не заметили ни общество, ни сам император. Ему удалось вывести императора Наполеона из крайне затруднительного положения в отношении к нашей императорской семье, устроив, при помощи австрийского посланника при тюильрийском дворе князя Шварценберга, его брак с австрийскою эрцгерцогиней. Этою удачею в семейном деле Меттерних желал немедленно воспользоваться и в политических видах. Лишь только совершенно было бракосочетание, как он обратился с просьбою к императору Наполеону дозволить ему приехать в Париж. Если бы с этою просьбою обратился к нему один из членов Габсбургского дома, то, без сомнения, Наполеон понял бы, что она вызвана родственным чувством, участием к молодой императрице и желанием убедиться в ее счастливой судьбе. Но австрийский министр иностранных дел, испрашивая

*Депеша князя Куракина графу Румянцеву от 5/17-го сентября 1810 г.

это дозволение, руководился, конечно, не семейными чувствами, а политическими соображениями. Поэтому император Наполеон, поручил уведомить графа Меттерниха, что дозволяет приехать ему в Париж, но без особенных поручений от австрийского правительства: не в качестве чрезвычайного посланника по делам политики. Отклоняя явные поручения, он допускал однако же тайные (*confidentielles*) и велел объявить, что Меттерних будет принят при тюильрийском дворе так же, как был принят граф Румянцев после эрфуртского свидания*.

Поездка в Париж первого министра Австрии, не вызванная никакими явными причинами, возбудила подозрения нашего кабинета. Канцлер поручал князю Куракину разузнать о действиях графа Меттерниха. Но окружая его всеми любезностями, тюильрийский двор хранил строгую тайну о своих переговорах с ним, и нашему посланнику не удалось ничего разузнать. «Я имею основание предполагать однако же, — писал он графу Румянцеву, — что не заключено наступательного и оборонительного союза между Австрией и Францией; но тюильрийский кабинет, желая возбудить в нас подобное подозрение, употребляет все средства, чтобы пустить в ход эту мысль, и хочет заставить верить, относясь с необыкновенным вниманием лично к графу Меттерниху, что действительно существует тесный политический союз между двумя кабинетами. Это обстоятельство и подало повод к слухам, распространившимся во всей Германии и распущенным газетами. В то время, как император Наполеон действует в отношении к нам таким образом, чтобы внушить нам подозрение в отношении к Австрии, он разжигает ее зависть к нам, преувеличивая в ее глазах наши виды на Турцию. Такой образ действий не нов: он послужил способом для императора Наполеона подчинить своему господству всю Европу, возбуждая постоянно недоверие одной державы к другой и препятствуя согласию между ними, которое так для него опасно». Чтобы противодействовать такой политике Наполеона, Куракин советовал откровенно объясниться с венским кабинетом**. Но ему знаком был кабинет графа Стадиона, и он не мог предполагать, чтобы после нового унижения, испытанного Австрией от Наполеона, ее политика могла так круто повернуть свое направление в руках нового министра. Хотя император Наполеон и не заключил немедленно союза с Австрией,

*Письмо герцога Кадорского Коленкуру от 18-го мая 1810 г.; донесение его же императору Наполеону от 24-го марта 1810 г.

**Депеша князя Куракина графу Румянцеву 28-го июля (9-го августа) 1810 г.

считая его преждевременным, но к ее предложениям отнесся иначе, нежели к таким же предложениям Пруссии. Даже в то время, когда он решился заключить союз с нею и держал ее в своих руках, окружив своими военными силами, он настоятельно требовал, чтобы она прекратила вооружение и не увеличивала своих войск более назначенного Тильзитским договором количества. Совершенно иначе он отнесся к Австрии. Последствием поездки графа Меттерниха в Париж было то, что кроме некоторых льгот в отношении к уплате контрибуции, установленной Шенбрунским договором, Наполеон отказался, из личного будто бы уважения к императору австрийскому, своему тестю, от одной из важных статей этого договора, а именно, чтобы Австрия не увеличивала своих войск более 150 тысяч*. Дозволяя ему увеличивать по собственным соображениям войска, он, очевидно, не опасался, чтобы, они могли обратиться против него, а между тем Австрия могла вооружить несравненно большие силы, нежели Пруссия. Так искренно граф Меттерних, поддерживаемый князем Шварценбергом выражал свою неприязнь к России, возбуждая Францию разорвать с нею союз и начать военные действия**.

Если новое направление политики венского кабинета оставалось неизвестным для князя Куракина, то еще большею тайной оно было для нашего посланника в Австрии. Возвратившись из Парижа, граф Меттерних получил большую силу в своем правительстве. Не столько выпрошенные им льготы в уплате контрибуции, сколько отмена унижительной для гордости самостоятельного монарха статьи, ограничивавшей число его войск, приобрели ему расположение императора; а рассказы чадолубивому отцу о счастье его дочери, о блеске и величии, которым она окружена, ввели его в близкие отношения к его государю. Приобретя влияние на императора, Меттерних не заботился уже о мнениях и взглядах венского общества, по-прежнему поддерживал с ним дружеские отношения, по-прежнему посещал дом графа Разумовского и по-прежнему уверял нашего посланника в неизменной политике венского кабинета, основанной на сохранении дружеских отношений между Австрией и Россией.

Между тем тучи нашествия наполеоновых сил на Россию скоплялись все более и более на западе Европы, и все были уверены, что они разразятся разрушительною грозой в 1811 году. Вопрос о том, какое примет участие австрийская империя в этом новом и

*Ст. 2-я секретного договора см. *Bignon*, Histoire de France, ch. XVI, p. 227.

***Fain*, Manuscrit de 1813, замечания Наполеона на объявление войны Австрией, 12-го августа 1813 г., т. II, стр. 208.

решительном перевороте в судьбах европейских государств, приобретал все больше и больше значения в соображениях политических деятелей. Из Парижа князь Куракин и Чернышев постоянно указывали на необходимость привлечь Австрию к союзу с Россией и для этой цели заключить во что бы то ни стало мир с турками. Наследный принц шведский постоянно рассчитывал на этот союз, слушая уверения австрийского посланника при стокгольмском дворе, генерала Нейперга, принимавшего деятельное участие в сближении Швеции с Россией. Король прусский указывал на этот союз, как на одно из условий и для союза Пруссии с Россией.

Конечно, значение Австрии при предстоящем перевороте понимал и русский кабинет. В начале 1811 года император Александр собственноручно написал инструкцию графу Штакельбергу, в которой поручал ему следующее: «объяснить венскому двору мои отношения к Франции, заверяя положительно, что я не желаю войны и употребляю все способы, совместные с моим достоинством, чтобы отложить ее. Но если на меня нападут, то, будучи уверен, что Австрия не может быть равнодушна к сохранению России, я счел полезным сообщить ей сведения о тех значительных силах, которыми я могу располагать». Заявляя нашему посланнику, что он лично передал о них подробные сведения графу Сен-Жюльену, австрийскому посланнику при нашем дворе, император для соображения сообщил ему также собственноручно написанный список всех войск. Он поручил ему уверить венский кабинет, что не требует содействия от Австрии, зная, как она нуждается в мире и спокойствии, но считает необходимым войти в соглашение с нею о таких политических событиях, которые возможно предвидеть, если только начнется война. «В числе этих событий, как самое важное и вероятное, — писал император, — я предвижу — восстановление Польши императором Наполеоном, причем в состав ее он включит и Галицию, отдав взамен ее Австрии какие-либо другие области. Если ему удастся это, с целью, конечно, вредить России, то, не имея возможности прямо воспрепятствовать исполнению его намерений, я считаю более благоразумным принять меры к устранению того зла, которое может из того последовать. В этом случае Россия будет вынуждена занять Польшу, употребив на то все способы, которыми может располагать, и тогда я предлагаю Австрии Молдавию и Валахию по р. Серет в полную собственность, чтобы доказать ей, с одной стороны, что я не стремлюсь лишь к приобретениям, а с другой — что виды России клонятся к тому, чтобы Австрия оставалась могущественною державой».

Император поручал также своему посланнику объявить австрийскому правительству, что в случае счастливого исхода для России этой возможной войны, он отнесется благоприятно, если Австрия захочет вознаградить себя за понесенные ею потери. Но для личного руководства посланника он прибавлял: «В случае неизбежного уже разрыва между Россией и Францией, если бы вам удалось склонить Австрию к деятельному нам содействию против Франции, то этим вы оказали бы мне великую услугу. Но во всяком случае не следует показывать, что мы просим ее об этом». На тот случай, если бы венский двор открыто решился действовать заодно с Россией, император поручил графу Штакельбергу иметь в виду следующие два обстоятельства: 1. Австрия должна начать действовать в то время, как уже откроется война между Россией и Францией, и следует решительно удержать Австрию, если бы она решилась начать действия прежде нас и тем избавить Россию от неприятности быть вовлеченною ею в войну, как это случилось в 1805 году. «Я сам, — писал император, — должен определить время моего разрыва с Францией». 2. Необходимо, чтобы каждый действовал своими силами со своей стороны, а не соединяя сил обеих империй в одно войско; но цель должна быть общая: ограничить притязания Наполеона, а вовсе не вести войну с Францией.

В случае союза с Австрией император не желал, чтобы она относилась враждебно к Баварии, чем могла только скрепить ее союз с Наполеоном. Напротив, он желал, чтобы она признала неприкосновенность баварских владений, а в случае счастливого исхода войны, обещал свое содействие возвратить Австрии Тироль от Баварии в промен на какие-либо другие области*.

«Об этой инструкции не знает канцлер», — писал император в заключение графу Штакельбергу, и поручал ему все известия о том, как он будет сообразно с нею действовать, сообщать прямо ему в собственные руки, в Зимний дворец, помимо министерства иностранных дел. Это обстоятельство снова указывает на двойное течение в русской политике, хотя и одинаковой в основных взглядах, но различавшихся в способе действий. Чем объяснить, что император, питавший доверие к своему канцлеру, скрывает от него сношения с австрийским двором по вопросу такой важности? Вероятно, граф Румянцев сохранял уверенность, что император Наполеон не имеет намерения начать войну, но желает только запугать Россию военными приготовлениями, и не терял надежды, что в таком случае Наполеон обратится вновь к мирным переговорам

*Instruction secrète pour le c-te de Stackelberg, 13 février 1811.

и делается сговорчивее; поэтому канцлер считал преждевременным входить в переговоры о союзах и особенно с Австрией, чтобы этим самым не раздражить Наполеона и действительно не вызвать его на войну. Он знал, что сам Наполеон не входил еще в переговоры о формальных союзах с этими державами и, может быть, в этом обстоятельстве усматривал подтверждение своей мысли, что он не решился еще на войну, и что пререкания между Россией и Францией могут быть еще улажены путем мирных переговоров. Но взгляд императора был иной: он был уверен, что Наполеон решился воевать и потому желал вывести из двусмысленного положения политику венского двора и убедиться, как будет действовать Австрия в предстоявшей войне. Но этой цели русской политике не удалось достигнуть во все продолжение 1811 года. Конечно, главнейшая причина заключалась в том, что граф Меттерних не мог обличить своей политики ранее, нежели требовали этого виды тюльрийского кабинета. Австрия не колебалась, как Пруссия, но прямо стала подручицею Франции и ожидала только урочного часа начать вместе с нею войну против России. Но до того времени она, без сомнения, должна была скрывать свои намерения. Граф Меттерних постоянно уверял нашего посланника, что «единственное желание императора, его повелителя, заключается в том, чтобы обе древнейшие империи шли рука об руку как в видах своих взаимных выгод, так и общих европейских дел». Он подробно перечислил, какие заслуги России оказывала политика венского кабинета как в отношении к Франции, так и Оттоманской империи, уверяя, что совершенно зависит от нас заключить немедленно мир с последнею и поддерживать дружбу с первою. Если венский кабинет не может свободно действовать в общих видах с русскою политикою, то в этом виновата сама Россия, упорно затягивая войну с турками требованиями от них значительных территориальных уступок и отказывая в полномочиях своему посланнику в Париже, или не посылая особого посольства для миролюбивых соглашений с французским правительством, которое только того и желает. В отношении к Пруссии Меттерних выражал совершенную холодность и уверял нашего посланника, что она ведет тайные переговоры с Наполеоном. Слухи о сближении Пруссии с Францией, о ее вступлении в Рейнский союз постоянно возобновлялись в Вене в продолжение 1811 года. Но рядом с ним возобновлялись слухи о таких же переговорах венского кабинета и уже в августе месяце говорили, что предварительные условия соглашения между Австрией и Францией подписаны в Вене графом Отто и графом Меттернихом. Сколько доверял первым наш посланник, столь же мало верил он последним. Он постоянно уверял наше правительство, что Австрия не примет никаких предложений

Франции и сохранит свой «нейтралитет, до такой степени благоприятный для нее при настоящем положении европейских дел». Что касается до союза с Россией, то граф Штакельберг питал убеждение, что его нельзя достигнуть. Но во всяком случае, желая сообразоваться с наставлениями, данными ему императором, он, по его словам, заговаривал иногда с графом Меттернихом насчет замыслов императора Наполеона восстановить Польшу и тех опасностей, какими это событие может угрожать обеим империям. Граф Меттерних совершенно соглашался с его мнением; но при этом замечал, что сама Россия была к тому поводом, допустив такое значительное усиление Варшавского герцогства в 1809 году. Затем, когда наш посланник заявлял, что обеим империям следует принять меры против этого зла, и намекал, на каких условиях возможно было бы согласиться между собою в виду этой цели, граф Меттерних отклонил всякое объяснение и общими словами отвечал на такие намеки, что Австрия желает сохранить дружеские отношения к России*.

Это одно обстоятельство уже должно было бы внушить нашему посланнику некоторое подозрение к политике австрийского двора; но к нему присоединились еще и другие. Известия о победах графа Кутузова над турками произвели такое раздражающее впечатление на графа Меттерниха, что он перестал уже скрывать свою вражду к России. «Государственный министр, — писал граф Штакельберг, — прямо говорит, что всякий наш мир с турками будет чрезвычайно невыгоден для Австрии, если он не будет заключен на основании *status quo ante bellum*. Он высказал свой взгляд в этом отношении перед многими лицами и так резко, что это доказывает, что он ошибся в своих расчетах, преувеличивая силы Турции и уменьшая наши. Конечно, это ставит в затруднительное положение министра иностранных дел перед императором, которого он постоянно уверял, что наш мир с турками не будет скоро заключен. Теперь наши успехи над турками могут, вопреки его расчетам, повлечь за собою скорое заключение мира, что может побудить графа Меттерниха склонить своего государя к союзу с Францией. Я столько же опасаясь оскорбленного самолюбия министра, сколько и угрожающего ущерба выгодам Австрии. Она не может равнодушно смотреть на наши приобретения на востоке, единственной стране, на которую направлены ее притязания на приобретения, могущие вознаградить ее за потери, понесенные в войнах против Франции.»

Наш посланник, входивший совершенно в виды австрийской политики, не был поражен странностью расчетов Австрии на при-

*Депеши графа Штакельберга к графу Румянцеву от 18/30-го января, 23-го января (5-го февраля), 8/20-го апреля, 5/17-го июля, 9/21-го июля и 16/28-го августа 1811 года.

обретения со стороны державы, с которою она находится в мире, потому только, что Россия, воюя с турками, и побеждая их, могла законно присвоить себе ту добычу, на которую рассчитывал венский двор. Таковы действительно были виды этого двора. «Граф Меттерних, — продолжает наш посланник, — вчера говорил одному из моих товарищей с видом оскорбления, что Россия не приняла прошлую зиму посредничества Австрии в примирении ее с Оттоманскою Портою, предложенного через посредство Сен-Жюльена, что он постоянно льстил себя надеждою, что для установления искренних отношений к Австрии Россия откажется от всех приобретений со стороны Турции. Если же вместо того наш мир с турками будет заключен в Бухаресте на тех условиях, которые казались вероятными при отъезде последнего оттуда курьера, то я не отвечаю, какие из этого могут произойти последствия в отношениях к нам венского кабинета». Австрия предлагала нам свои услуги для примирения с турками именно в тех видах, чтобы как возможно ограничить наши приобретения от Порты и за свое посредничество приобрести свою долю участия в них.

Месяц спустя, наш посланник сообщал графу Румянцеву, что «речи графа Меттерниха о ходе дел в России становятся тревожнее, нежели были прежде. Впрочем, до тех пор, пока мы не заключим мира с турками, мы ставим в такое же затруднительное положение Австрию в отношении к Франции, в каком находилась и Пруссия. Сходство между ними недурно определил граф Меттерних, говоря, что Пруссия есть войско без страны, а Австрия — страна без войска. Сходство положения, беспокойство, к несчастью, возможное, что Россия как-нибудь войдет в соглашение с Францией в ущерб Пруссии и Австрии, сближают их между собою, и впервые с тех пор, как я здесь нахожусь, сделались часты сношения Вены с Берлином». Входя совершенно в виды австрийской политики и забывая свои обязанности как представителя русского кабинета, граф Штакельберг рассуждал о том, что несогласие этих дворов было постоянною причиною несчастий Европы, и полагал, что от их соглашения могут произойти благие последствия, как бы не замечая, что оно состоялось под влиянием Франции и против России, — а между тем извещал наш кабинет, что император Наполеон желает, чтобы Австрия вступила в союз с Пруссией, и содействует этому всеми способами*.

*Депеши графа Штакельберга от 3/15-го ноября, 17/29-го декабря и 27-го декабря 1811 года (8-го января 1812 года).

Конечно, русский кабинет не мог быть доволен действиями своего представителя при венском дворе. Недовольный ими император, вероятно, ввел канцлера в тайны своей политики в отношении к Австрии, и граф Румянцев, в начале июня, писал графу Штакельбергу: «Император, судя по некоторым из ваших сообщений, убедился, что венский кабинет твердо решился поддерживать нейтралитет в случае разрыва России с Францией, и, следовательно, мы не должны опасаться, чтобы Австрия объявила себя против нас. Но, без сомнения, Его Величеству было бы приятнее, если бы два старинные императорские двора вступили в более тесные отношения между собою, притом и более согласные с их истинными выгодами». Описывая наши отношения к Франции, Румянцев говорил, что хотя тюильрийский кабинет и постоянно говорит о желании сохранить мир с Россией, но все его действия противоречат словам и обличают противоположные намерения. При таком положении дел, наш канцлер выражал желание получить более определенные сведения о видах венского кабинета. В ответ на это граф Штакельберг уведомил его, что граф Меттерних отклоняет всякие переговоры о союзе, уверяет, что Австрия не вступила в союз с Францией, но в то же время не отвечает за дальнейшие действия ее политики. Эти сообщения вызвали новое требование канцлера к нашему посланнику не ограничиваться неопределенными заявлениями, но доставить положительные сведения о направлении, которое принимает политика Австрии в отношении к нашему двору. На это граф Штакельберг отвечал: «Мои отношения к венскому двору хороши, даже удивительно хороши, если принять в соображение, что влияние на него Франции будет постоянно преобладающим до тех пор, пока мы не дадим твердую точку опоры австрийскому правительству заключением мира с турками. Что она колеблется между двумя направлениями (*page entre deux eaux*), — это зависит от сущности того положения, в котором она поставлена; что у ее министра иностранных дел два лица: это опять такое же неизбежное зло. Сказать вашему сиятельству, к которому из них я более питаю доверия, я не могу; у вас более данных, чтобы судить об этом. В Вене ненавидят французов; и двор, и город совершенно согласны в этом чувстве. Мне кажется, что правительство, которое всеми мерами старается поддержать свое достоинство в сношениях с Францией, с трудом согласится втайне трудиться над своим собственным разрушением; но закон необходимости, но обязанность государя делать как можно менее зла своим народам, если он не может сделать им добра, — вот перед чем, граф, должна замолчать всякая риторика. Наша политика или лжеполитика, помешавшая нам во что бы то ни стало заключить мир

с турками и привлечь на свою сторону Пруссию, приставила нож к горлу австрийскому правительству, а императора поставила на лезвие бритвы. Можем ли мы требовать, хотя с малейшею тенью справедливости, чтобы, восхищаясь Невой, он допустил прогнать себя из своей столицы за Дунай. Конечно, я не вполне извиняю этого государя и тем более его министра, которому — смею вас уверить — мне случалось говорить много горьких истин насчет их образа действий. Но дух смущения здесь господствует, и в теперешнем положении дел мы сами виноваты еще более их, потому что далее находимся от пропасти, на краю которой стоит уже венский двор. Чтобы не быть свергнутым в эту пропасть, он сделает все, что ни прикажет ему французское правительство, пока он не убедится в возможности опереться с уверенностью на простертую ему сильную руку помощи».

Узнав на другой же день после этой депеши, о военных приготовлениях во всех областях Рейнского союза, граф Штакельберг снова писал канцлеру: «Ничто не может извинить в моих глазах *ложной политики* (*l'impolitique*), которая помешала нам, на каких бы то ни было условиях, заключить мир с турками и привлечь к себе Австрию, что теперь уже невозможно по времени года. Ничто не может извинить нас в том, что мы представили Пруссии действовать свободно, дозволили ее политике колебаться между Наполеоном и Александром и не обеспечили себя, какими бы то ни было средствами, в ее содействии, не заняли Грауденца, который укреплен, не укрепили Мемеля — нашими ли рублями или прусскими руками»*.

В приведенных словах слышится голос не представителя русского кабинета при венском дворе, но строгого судьи и порицателя политики нашего двора. Если бы даже граф Штакельберг и был прав, упрекая Россию за то, что она не заключила до сих пор мира с турками в свой ущерб и в выгоду Австрии, что силою не привлекла к союзу с собою Пруссию, не заняла Грауденца, не укрепила Мемеля, — если бы даже он был прав, выражая образ мыслей, господствовавший в доме графа Разумовского и порицавший всю политику России, начавшуюся с Тильзитского мира, то во всяком случае он был виноват перед русским кабинетом уже потому, что вовсе не действовал в его видах, какие бы они ни были, а сделался орудием враждебных ему направлений. Без сомнения, подобные отношения

*Отношения графа Румянцева к графу Штакельбергу от 3-го июня и 15-го декабря 1811 г.; депеши графа Штакельберга от 19-го (31-го) января и 20-го января (1-го февраля) 1812 г.

посланника к своему кабинету не могли быть оставлены без внимания, и граф Штакельберг получил собственноручное письмо императора со строгим выговором*.

Несмотря, однако же, на сообщения нашего посланника, на которые нельзя было положиться, наш кабинет сохранял уверенность, что Австрия не выступит враждебно против России в союзе с Францией, но в самом худшем случае, останется нейтральной. Эту уверенность поддерживал в нем австрийский посланник при нашем дворе, граф Сен-Жюльен, конечно, руководствуясь наставлениями, получаемыми им от своего министра иностранных дел. Его уверения подкрепляли известия, получаемые из Стокгольма. Наследный принц шведский общал барону Сухтелену, конечно, со слов графа Нейперга, австрийского посланника, что император Наполеон делал «весьма выгодные предложения Австрии; но она держится крепко и желает оставаться нейтральной. Я поручал писать к эрцгерцогу Карлу, — говорил Бернадот, — чтобы пробудить его от его усыпления, и поручал ему сказать, что он старейший теперь из военачальников, что он с успехом сражался с лучшими полководцами, что его долг как в отношении к самому себе, так и к его храброй нации, Европе и всему человечеству, — убедить императора, его брата, принять участие в войне, которая может открыться, и от которой зависит решение судьбы всей Европы. Если дела пойдут так, как следует надеяться, то придется создать новых три или четыре престола, не считая польского. Он рожден для того, чтобы занять один из них, — тот, который будет ему приятнее и приличнее его дому. Престол Италии мог бы обратить на себя его внимание. Одним словом, я старался расшевелить его, но не знаю, что из этого следует»**.

Неудивительно, что бывший маршал Наполеона, по примеру своего властелина, считал не только возможным создавать престолы, но и раздавать их по своему усмотрению; но странно то, что он не знал, как мало австрийские эрцгерцоги имели влияния на дела своего государства и что после суворовских войн именно эрцгерцог Карл не особенно благоволил к России.

*Рескрипт 11-го февраля 1812 г.: «Monsieur le conseiller privé actuel comte de Stackelberg! Je ne puis voir sans étonnement le ton qui règne dans vos dernières dépêches: ce n'est pas celui qui convient envers son chef. D'ailleurs, toute dépêche qui vous est adressée, passant sous mes yeux, peut bien motiver des objections de votre part, mais non une critique dans le genre de celle que vous en faites. Je vous invite donc à vous abstenir à l'avenir de me mettre dans le cas de vous faire des observations pareilles et de nuire par là à l'estime que je vous porte et à la justice que je me plaisais à rendre à votre service. Sur ce, je prie Dieu,» etc.

**Письмо Сухтелена к императору от 18-го (30-го) мая 1812 г., из Стокгольма.

В русском обществе многие однако же не доверяли австрийской политике. Зная расстройство и слабость государства, эти лица опасались, что Наполеон силою может увлечь его за собою. «Граф, — говорил графу Сен-Жюльену бывший посланник сардинского короля, граф де Местр, — вас заставят действовать так, как захотят». «Мы слишком сильны, — отвечал он, — чтобы нас можно было заставить». Поэтому в Петербурге внимание было устремлено именно на Австрию, и все ожидали ее решительного шага. «Глаза всех устремлены на Австрию, — писал в это время граф де Местр сардинскому королю; — все спрашивают, что она будет делать? Если уже необходимо отвечать на этот вопрос, то я скажу, что она сделает то, чего сама не ожидает (*elle fera ce qu'elle ne croit pas*)*. Действительно, она так и поступила, хотя не бесознательно и не случайно, но увлеченная своим первым министром.

Под влиянием Наполеона последовало сближение вечных соперниц между собою, Пруссии и Австрии, и последствием этого сближения было обоюдное с их стороны предложение посредничества между Россией и Францией, или точнее сказать, просьба, обращенная к петербургскому кабинету, войти в переговоры с Наполеоном. Лишь только барон Кнезебек приехал в Петербург, как нарочно посланный из Вены барон Маршаль привез поручение австрийскому посланнику при нашем дворе присоединиться к его заявлениям и склонить русский кабинет отправить в Париж особое посольство. Пруссия, или лучше сказать, прусский король, может быть, и верил в действительность предпринятой им меры; но граф Меттерних, без сомнения, не верил ей: он сам говорил графу Штакельбергу, что, по известиям, полученным им из Парижа от князя Шварценберга, император Наполеон не придаст значения посольству графа Нессельроде, потому что уверен, что последний не будет снабжен достаточными полномочиями**.

Между тем, вслед за заключением союзного договора между Пруссией и Францией, Австрия заключила такой же 2-го (14) марта в виде двух документов. Первый был почти повторением такого же договора, какой был заключен Австрией в 1756 году, и подобно прусскому, заключал в себе статьи лишь оборонительного союза, по которому обе державы, признавая взаимно неприкосновенность своих владений, обязывались защищать их от всякого нападения вооруженною рукою (ст. 1—3). Корпус вспомогательных войск, который в этом случае одна держава должна была послать на помощь другой, определялся в 30 тысяч человек, из которых 24 тысячи было пехоты и 6 тысяч конницы,

*Correspondance diplomatique, t. I, p. 48 et 83.

**Отношение графа Румянцева к графу Штакельбергу от 3-го февраля 1812 г.; депеша графа Штакельберга 16/28-го декабря 1811 г.

при 60 пушках, и должен был постоянно находиться на военном положении, готовым выступить в поле не позднее двух месяцев после требования (ст. 4). Этот договор обе державы предполагали содержать втайне, конечно — потому, что одною из его статей (ст. 6) постановлено было *обеспечить* неприкосновенность турецких владений в Европе, что было уже явным отступлением со стороны императора Наполеона от признания прав России на дунайские княжества.

Во втором договоре, заключенном в то же время и состоявшем из отдельных тайных статей, прямо выражено, что вспомогательный корпус австрийских войск не будет действовать ни за Пиренеями, ни против Англии, но только против России, при имеющей открыться войне: «Он должен немедленно двинуться и сосредоточиться таким образом, чтобы с 1-го мая в 15 дней мог быть собран во Львове, снабженный двойным продовольствием на 20 дней, артиллерией и перевозочными средствами». Император французов «к этому же времени» двинет все свои силы против России. Хотя австрийский корпус и будет составлять отдельное целое под начальством своего генерала, но действовать как французский корпус — в общей связи с войсками императора французов и по непосредственным его указаниям. В случае, если бы восстановлено было польское королевство, Наполеон обеспечивает за Австрию спокойное обладание Галицией, если сама она не согласится получить взамен ее иллирийские провинции. В случае счастливого исхода войны он обещает вознаградить Австрию за ее содействие увеличением ее владений. В заключение обе договаривающиеся стороны обязались привлечь к этому договору Оттоманскую Порту и содержать его втайне*.

Эти договоры как с Пруссией, так и с Австрией, весьма мало походили на международные обязательства между двумя самостоятельными государствами, в которых соблюдаются обоюдные выгоды (*bilaterales*). Несмотря на то, что союз с этими государствами приносил пользу и был необходим именно для Франции, и она должна вознаграждать за содействие своих союзников, все условия договора постановлены исключительно в пользу одной стороны, а именно Франции. Такой смысл договора с Пруссией еще может быть объяснен тем крайне униженным положением, в котором она находилась; но что Австрию могли удовлетворять неопределенные обещания увеличить ее владения в случае успешного исхода войны, — это может быть объяснено только тем, что она сама подстрекала Наполеона начать войну против России, обещая

*Traité d'alliance entre la France et l'Autriche du 14 mars 1812, articles séparés et secrets (*Fain*, Manuscrit de 1812. t. I, (прилож.) appendice au I. ch. pp. 116—121.

свою помощь. Первое известие о заключении этого союза пришло в Петербург из Швеции. Наши посланники — ни венский, ни парижский, ничего о нем не знали вовремя.

В половине марта (17-го) генерал Сухтелен узнал, что граф Нейперг, австрийский посланник, получил известие о заключении союза между Австрией и Францией и поручение пригласить Швецию присоединиться к этому союзу. После того, при первом же свидании (19-го марта), сам наследный принц сказал Сухтелену: «Мы получили весьма неприятное известие, но оно однако же должно только укрепить нас в наших намерениях» — и объяснил ему, что граф Нейперг получил депешу от австрийского посланника при французском дворе, князя Шварценберга, написанную на другой день по подписании им союзного договора с Наполеоном, и в которой он поручал ему объявить этот договор стокгольмскому кабинету, пригласить Швецию присоединиться к союзу и обещать ей за то возвращение Финляндии. Известие об этом «скверном» союзе, как называл его Бернадот (*vilaine alliance*), его крайне поразило, и он, по словам нашего посланника, «осыпал упреками Нейперга за то, что тот постоянно уверял его, что Австрия останется в строгом нейтралитете, а между тем теперь явился с предложением вступить в союз против России. Австрийский посланник извинялся тем, что его кабинет держал его в полной неизвестности о том, что происходило». «Этому я верю», — прибавляет Сухтелен*, — и это действительно было верно не только относительно Нейперга, но и австрийского посланника при нашем дворе графа Сен-Жюльена, постоянно уверявшего, что Австрия питает искреннее расположение к России и не вступит ни в какой союз против нее. Бернадот отвечал резким отказом Австрии и списки со всех бумаг передал Сухтелену, который и сообщил их нашему двору.

Известие о заключении союза между Австрией и Францией поразило неожиданностью и наш двор, а еще более австрийского посланника, который совершенно растерялся и вздумал было неудачно отрицать его справедливость. «Он человек легкий, но честный, — писал о нем граф де Местр своему двору, — и поэтому-то его сюда назначили: честного человека легче и обмануть, и сделать орудием для обмана других. Очевидно, он был послан сюда, чтобы забавлять русский двор, который, вероятно, даже менее обманут, нежели он сам»**. Немедленно посылая список с союзного договора между Австрией и Францией графу

*Депеша Сухтелена графу Румянцеву от 19/31-го марта 1812 г. *Comte de Maistre*, *Correspond. polit.*, т. I, pp. 82.

**Депеша 9/21-го апреля; *Correspondance diplomatique*, т. I, pp. 78 et 83.

Штакельбергу, канцлер поручал ему заявить венскому двору, что «император поражен, узнав о поступке государя, на дружбу которого он, казалось, приобрел все права, как по чувствам, проистекающим из личных связей, так и по отношениям почти непрерывным, в которых в продолжение столетий находились их древние монархии, которые, несмотря ни на какие политические бури, все-таки преходящие, не должны терять из виду, что само географическое их положение вынуждает их не быть безучастными одна к другой. Его Величество не считает нужным скрывать, до какой степени ему неприятно было убедиться в том, какое имели значение те уверения в дружбе к России, которые постоянно заявлял венский двор через вас и своего у нее посланника, графа Сен-Жюльена, в то самое время, когда он решился уже действовать против нее враждебно. Не с тою ли целью употреблялись заманчивые приемы доверия и дружбы, чтобы скрыть от Его Величества уже данное обещание воевать с нею и тем еще более повредить его империи!»

Но император, негодуя на поступок австрийского двора, в то же время был так уверен в торжестве его видов и целей с нашими, что не мог допустить и мысли о свободном и добровольном его действии в этом случае и полагал, что он увлечен силою обстоятельств. «Мы все-таки не изменяем своих отношений к Австрии, остаемся в сношениях с нею, — сказано в той же ноте канцлера, — и требуем, чтобы она поступила в отношении нас так же, как мы поступили с нею. В то время, когда она хотела начать войну с Францией, мы объявили ей, что связаны тайным договором с Наполеоном, по условиям которого обязаны помогать ему, если Австрия *нападет* на него, и посылали даже список с самой статьи». Поэтому графу Штакельбергу предписано было требовать объяснения от венского двора, в какой мере она будет помогать Наполеону в войне против нас*?

Этот вопрос объясняется тем, что нашему кабинету не было известно содержание тайного договора Австрии с Францией, заключенного в одно и то же время с явным, и существования которого нельзя было однако же не предполагать. Явный договор был слишком общ, и его применение ввиду готовившихся уже происшествий необходимо должно быть определено с большою ясностью. Притом в нем постановлено было стараться привлечь к союзу Франции и Австрии только Турцию; а между тем австрийский посланник в Стокгольме, по поручению князя Шварценберга, предлагал и Швеции приступить к этому союзу. Граф Сен-Жюльен уверял наш двор, что венское правительство во все непричастно к этому делу, и всю вину сваливал на Нейперга и

*Нота канцлера графу Штакельбергу от 28-го марта 1812 г.

Шварценберга. «Австрийское посольство, — писал граф де Местр своему правительству, — негодует на Шварценберга, утверждая, что он, по легкомыслию, позволил себе послать такую депешу в Стокгольм. Я начал смеяться, услышав такое объяснение»... «Мы вам сейчас представим доказательства». Я прервал мудреца: «Вероятно, вы скажете мне, что сам Шварценберг говорит в своей депеше: вследствие договора, подписанного мною *вчера*, а министр не должен основываться на договоре, еще не ратификованном его государем». «*Именно так*», отвечали мне. Итак, это-то *именно* и указывает на то, что в инструкции министру было сказано: лишь только будет подписан договор, вы делаете то-то, не ожидая ратификации. Вы можете приписывать какие угодно качества князю Шварценбергу, кроме глупости»*.

Наш кабинет, отправив своему посланнику при венском дворе список с главного договора, заключенного Австрией с Наполеоном, вслед затем уведомил его о поступке графа Нейперга, который предлагал Швеции приступить к этому договору и поручал ему немедленно потребовать объяснений от венского двора**. Союз Австрии с Наполеоном имел особенное значение для России. Им обеспечивалась неприкосновенность турецких владений в Европе, а наш мир с Оттоманскою Портою еще не был заключен. Удалось ли бы нам заключить этот мир до начала войны с Францией, или нет, во всяком случае возможность территориальных приобретений от Турции делалась сомнительною. Австрия, соединенно с французскими войсками, находившимися в Иллирийских областях, могла уничтожить все надежды, основанные на победах графа Кутузова. Вовлекла бы она в союз с собою и Францией Оттоманскую Порту, или нет, достаточно было враждебного положения ее войск вместе с французскими, чтобы вынудить наши войска, простиравшиеся только до 45 тысяч, к отступлению от Дуная в пределы империи. Такое положение дел естественно возбуждало важный для нас вопрос, в какой мере Австрия обязалась помогать Наполеону в войне с Россией, и вынуждало наш кабинет выражать надежду, что Австрия приступила к союзу с Францией не по доброму желанию, но вынужденная силою обстоятельств.

В то время как наше правительство давало такие поручения графу Штакельбергу, союз Австрии с Францией уже не был тайною в Вене. Слух о нем распространился немедленно по получении самых актов, подписанных в Париже. Он поразил неожиданностью венское общество, которое, следуя уверениям, постоянно заявляемым самим графом

*Correspondance diplomatique, t. I, ff. 88.

**Отношение графа Румянцева к графу Штакельбергу от 8-го апреля 1812 г.

Меттернихом, ожидало, что Австрия сохранит нейтралитет при предстоявшей войне; союз этот возбудил сильное негодование, особенно когда сделались известными тайные статьи. Эти слухи дошли, конечно, и до нашего посланника, который, сообщая их канцлеру, писал под влиянием страха, распространившегося во всей Германии, «что военные приготовления Франции огромны. Может быть, преждевременно и слишком печально, если бы пришлось уподобить Пруссию и Австрию этому варшавскому правительству, которое только в войне ищет своего спасения; но в такое чрезвычайное время, какого еще не бывало в истории, следует и это обстоятельство иметь в виду. Распространяются самые чудовищные предположения. Говорят, что император Наполеон начинает войну с Россией с тою целью, чтобы увлечь ее в предпринимаемый поход в Азию, где в Индии он намеревается поработить могущество англичан. За войсками он ведет множество всякого рода ремесленников из Франции, и сверх того, набирает еще в Германии, и на это указывают, как на доказательство такого предположения. Что касается до меня, то я более склонен предполагать, что он намеревается устроить против нас укрепленные лагеря и основать колонии по примеру римлян. По тому огромному количеству войск, которое он собрал, можно предполагать, что эту войну он считает последнею на материке Европы; она совершенно изменит положение Германии и Польши, и ее последствием, может быть, будет восстановление достоинства западного императора. И мы, вероятно, увидим, что для достижения этой-то цели будет помогать Наполеону Австрия, ничем не отличаясь от государей Рейнского союза»*.

Общественное внимание было весьма сильно возбуждено не только в Вене, но и во всей почти Австрии. «Союз Австрии с Франциею, — говорит современник, — произвел странное впечатление на весь народ и особенно на войска. Множество офицеров вышло в отставку, другие объявили, что подадут просьбы об их увольнении от службы, лишь только им будет объявлен поход. Дело дошло до того, что для австрийского офицера отказаться от участия в войне, что в прежнее время покрывало бы его позором, сделалось теперь долгом чести, которым хвастаться, и которое оправдывается самыми строгими военными людьми. Австрийские войска в продолжение двадцати лет постоянно вели войну с французами, в продолжение двадцати лет не переставали внушать к ним ненависть и мщение всему народу. Без сомнения, нельзя было ожидать, чтобы договор, внезапно заключенный правительством, мог

*Депеша графа Штакельберга графу Румянцеву от 3/15-го августа и 27-го марта (8-го апреля) 1812 г.

сразу перевернуть все убеждения народа и затушить все воспоминания, особенно когда неизвестны причины, побудившие двор к заключению такого договора. Эта ненависть к Франции не утратила своей силы, и Россия встретит среди австрийцев врагов только в числе 30 тысяч вспомогательного французам корпуса, который, без сомнения, не будет увеличен, если император останется верным своим убеждениям, в чем едва ли можно сомневаться»*.

Предполагал ли граф Меттерних, что необходимое выражение его новой для Австрии политики, *наступательный* союз с Францией против России, произведет такое впечатление и вызовет такие последствия в его отечестве? Если такое предположение входило в его соображения, то думал ли он победить общественное мнение, не придавая ему важного значения, решительными действиями своей политики и страхом, внушаемым Наполеоном всей Германии? Но это общественное мнение, в особенности же настроение военных кругов, не могло не иметь влияния на императора Франца. Действуя на его ограниченные способности, его можно было уверить, что он жертвует своею дочерью и заключает союз с Наполеоном для спасения своих государств, — но гордый и упрямый Габсбург, столько раз униженный повелителем Франции, не мог сделаться подручником Наполеона. Рассчитывал ли граф Меттерних своим влиянием победить ненависть своего государя к французам и ошибся ли в своем расчете? В настоящее время еще не представляется возможности отвечать положительно на эти вопросы, но можно положительно сказать, что граф Меттерних блистательно вывел из затруднительного положения политику Австрии.

Если в расчеты Меттерниха входило то впечатление, которое устроенный им союз с Францией произведет на общественное мнение и на императора Франца, то без сомнения он пользуясь этим обстоятельством, намеревался дать новый оборот австрийской политике. Конечно, это свидетельствует о его расчетливой прозорливости. Если же это впечатление не было им предусмотрено, то вовремя поняв его значение и сообразно с ним изменив свою политику, он показал необыкновенную ловкость государственного человека, неразборчивого, конечно, в средствах, но одаренного высокими способностями. Ему удалось доказать на деле возможность самого невероятного явления, что одна держава может быть врагом другой, вести войну против нее, и в то же время сохранять с нею дружеские отношения.

*Observations sur la situation politique et militaire de l'Allemagne, par le capitaine de Pfuhl au service de l'Autriche. 1 septembre 1812. *Pertz*, Das Leben des Fr. v. Stein. B. III, S. 626 ff.

По получении предписания нашего правительства, граф Штакельберг обратился с просьбой о свидании с императором Францем. Но это свидание не могло состояться по случаю нездоровья императора, а его министр иностранных дел немедленно (24-го апреля) принял нашего посланника для переговоров. Граф Штакельберг был очень доволен, что предписание канцлера поставило его в положение несколько сносное. Не разрывая связей с венским кабинетом, что естественно должно бы последовать после заключения им союза с Францией, он мог вести переговоры с ним, как будто мирные отношения между обеими империями продолжали существовать. Напомнив австрийскому министру, как поступил перед войною 1809 года русский кабинет, предупредивший наперед венский двор, что в силу тайного договора с Наполеоном он вынужден будет помогать ему в войне против Австрии в случае наступления с ее стороны и указав на заслугу, оказанную ей в самую войну русскими генералами, не позволявшими приводить к присяге в верности Наполеону жителей Галиции, как предписывал князь Понятовский, — граф Штакельберг требовал, чтобы Меттерних, сообщил ему, в какой мере Австрия обязалась помогать Наполеону. Тогда, не имея возможности скрывать далее смысл договора, сделавшийся уже всем известным в Вене, граф Меттерних объяснил Штакельбергу его содержание и прибавил, что обещанный вспомогательный корпус в 30 тысяч человек на деле будет простираться лишь до 26 тысяч и что, если Россия снисходительно отнесется к этой жертве, которую Австрия решилась принести, вынуждаемая крайнею необходимостью, то его кабинет готов вступить в тайное соглашение с русским о том, что на всех других границах обеих империй мир нарушен не будет.

Это предложение, ограничивая определенною местностью военные действия Австрии против нас, устраняло опасения нашего правительства о возможности вторжения австро-французских войск в дунайские княжества. Но нашему посланнику не были известны эти опасения, и он не имел никаких наставлений по этому случаю. Он понял, напротив, что Австрия опасается вторжения наших войск со стороны Буковины, и, вероятно, был прав. Конечно, это вторжение могло бы состояться лишь в том случае, если бы Россия заключила мир с Оттоманскою Портою. Но граф Меттерних хорошо знал, что турки готовы немедленно заключить его, после побед, одержанных графом Кутузовым, если Россия не только откажется от своих требований на территориальные приобретения, но даже убавит их, к чему, конечно, она была бы вынуждена с открытия войны с Наполеоном. Он опасался притом, что, недовольная австрийским правительством и сильно волновавшаяся в это

время, Венгрия может воспользоваться этим случаем, чтобы восстать против него и действовать заодно с русскими.

Таким образом, взаимные опасения обеих империй, встретившись одно с другим, привели к тем соображениям, которые и выразил граф Меттерних нашему посланнику. Не позволяя себе, за неимением наставлений своего кабинета, входить в рассуждения о сущности этих соображений, граф Штакельберг отвечал: «Но какие же ручательства может представить нам австрийское правительство, что оно не будет увлечено в большее участие в войне, нежели определено в ее договоре с Францией, как это уже случалось? Договор 1756 года, по существу совершенно сходный с этим, повел однако к тому, что в 1758 году она заключила новый, по которому как Австрия, так и Франция, обязывались помогать одна другой *всеми* своими силами, а не одним только вспомогательным корпусом *в определенном* количестве войск».

«Этими ручательствами, — отвечал граф Меттерних, оскорбленный недоверием к своей политике, — могут служить выгоды самой австрийской монархии, если не принимать в расчет честное слово ее государя», от имени которого он говорил с нашим посланником.

«Но выгоды Австрии, — заметил граф Штакельберг, — должны были остановить и заключение настоящего договора с Францией, который, покоряясь *роковой необходимости* (*funeste nécessité*), она однако же заключила. Мне кажется, легче было уклониться от первого шага, нежели, сделав его, не быть, в силу той же необходимости, принужденною решиться на следующий, второй».

«От этой опасности совершенно обеспечен австрийский император, — отвечал граф Меттерних. — В продолжении войны на севере он имеет возможности развить свои военные силы до такой степени, что они могут действовать с пользою как вообще для европейских дел, так и для России, когда начнутся переговоры о мире, которые, конечно, будут последствием и этой *ужасной войны*» (*terrible lutte*).

На это граф Штакельберг заметил, что если бы только половина тех сил, которые предполагает теперь собрать Австрия, была собрана в 1811 году, то их было бы совершенно достаточно для того, чтобы отклонить заключение союза с Францией, между тем как собрание и устройство войск во время войны представляет большие затруднения. К справедливому замечанию нашего посланника надо прибавить: «для воюющей державы»; но Австрия не намеревалась воевать с нами; она приносила в жертву войне только 30-тысячный корпус князя Шварценберга, сохраняя за собою свободу действий нейтральной или даже мирной державы. Поэтому весьма справедливо рассуждал граф Меттерних, отвечая нашему посланнику следующее:

«Напротив, во время войны для Австрии гораздо удобнее увеличивать и устраивать войска. В военное время она гораздо более может потребовать войск от Венгрии, чего не имела бы права сделать во время мира. Вооруженные силы в Трансильвании, — прибавил Меттерних, — простираются до 20 тысяч. Они приведены в военное положение на средства этой области; после выхода из Галиции корпуса князя Шварценберга в нее вступят 30 тысяч войска. Все это, вместе с резервами, составит от 80 до 100 тысяч войска и будет уже достаточной силой для того, чтобы обеспечить *разумный нейтралитет Австрии*», — говорил, по словам нашего посланника, граф Меттерних.

Посылая действовать против нас 30 тысяч войска, австрийское правительство предоставляло нам право смотреть на них, как на баварцев или как на вспомогательные войска других государей Рейнского союза; оно считало их потерянными для нее, с того времени как они выступят за ее границы и поступят в полное распоряжение императора Наполеона (*des enfants perdus pour l'Autriche*). «Впрочем, — сказал граф Меттерних, оканчивая разговор с нашим посланником, — Россия имеет верное средство предотвратить австрийскую диверсию на Дунае: ей стоит только заключить мир с турками». «На условии, конечно, — замечал граф Штакельберг в своем отчете правительству, — *status quo ante bellum*».

Поступок генерала Нейперга был точно также предметом переговоров между нашим посланником и австрийским министром иностранных дел. В тот же день, как был подписан союзный договор в Париже, император Наполеон поручил князю Шварценбергу сообщить список с него австрийскому посланнику при стокгольмском дворе, и пригласить шведское правительство присоединиться к этому союзу. Князь Шварценберг исполнил поручение французского императора, без сомнения, полагая, что действует в видах своего правительства, и не рассчитывая на то, чтобы наследный принц шведский, бывший маршал Франции, мог поступить так решительно, немедленно объявить об этой попытке русскому правительству. Когда наш посланник попросил у графа Меттерниха объяснений по этому делу, он крайне смутился. «Я позволил себе заметить, — писал граф Штакельберг нашему правительству, — что таким поведением австрийский посланник при тюильрийском дворе приравнял своего государя к клиентам Наполеона, членам Рейнского союза. Граф Меттерних смутился до крайности и выражал мне сожаления как со своей стороны, так и от лица императора. Он уверял, что это случилось не только без его ведома, но и прямо против его желания. Министр иностранных дел желал это доказать, прочитав мне отпуски с предписаний графу Нейпергу. Доне-

сение князя Шварценберга из Парижа, от 3-го марта, то есть за одиннадцать дней до подписания союзного договора, дало уже повод графу Меттерниху опасаться, что этот посланник может подчиниться непосредственным приказаниям императора Наполеона, которого цель заключалась в том, чтобы заподозрить Австрию в глазах России. Это донесение пришло в Вену 10-го марта и на другой же день министр иностранных дел сделал предписание Нейпергу выехать из Стокгольма под предлогом отпуска, полученного им для устройства своих частных дел в Швабии, а между тем остановиться в Берлине до получения нового предписания. «К несчастью, случилось так, — говорил граф Меттерних, — что это предписание генерал Нейперг получил 2-го апреля, тогда как депешу князя Шварценберга он получил уже 28-го марта, хотя она была написана и отправлена из Парижа 14-го марта, в самый день подписания союзного договора. Но зло уже было сделано; впрочем генерал Нейперг выехал из Стокгольма и находится теперь в Германии, что может служить доказательством, что его поступок не одобрен венским кабинетом». «Граф Меттерних, — продолжает в своей депеше граф Штакельберг, — кажется не ошибался в том, какое впечатление должно было произвести в Петербурге известие, сообщенное генералом Сухтеленем, и, прочитав мне свое предписание к генералу Нейпергу от 11-го марта и его ответы, убедил меня совершенно, что он не принимал участия в деле, в котором обвиняет более Флоре, нежели князя Шварценберга».

Нельзя не поверить нашему посланнику, что граф Меттерних был смущен, давая объяснения о поступке князя Шварценберга и Нейперга, потому что самые его объяснения служат тому доказательством. Не будучи смущен, Меттерних едва ли проговорился бы о депеше князя Шварценберга от 3-го марта, которая обличала, что последний действовал с ведома своего правительства, и представил бы какие-нибудь объяснения, почему депеши, отправленные 11-го марта из Вены в Стокгольм, пришли гораздо позднее той, которая туда же была отправлена из Парижа тремя днями позднее. Чтобы доказать нашему посланнику, что австрийская политика постоянно клонилась к тому, чтобы поддержать дружеские отношения к России, Меттерних прочел ему записку, которую он будто бы написал для императора в 1812 году, то есть в то время, когда наиболее трудился о заключении союза с Францией, и в которой изложены начала политики, совершенно согласной с видами нашего кабинета. Хотя австрийский министр и убедил нашего посланника в своей невинности в этом случае, но едва ли полагал, что так же легко убедить и наш кабинет, а потому часто потом обращался к этому вопросу, сообщая графу Штакельбергу новые объяснения.

Так он сказал, между прочим, что это «несчастное происшествие заставило возобновить старинное предписание министерства графа Кауница, которым запрещалось посланникам венского двора при иностранных государствах непосредственно переписываться между собою». Графа Меттерниха смутило неожиданное для него происшествие: он, очевидно, не думал, чтобы бывший французский маршал Бернадот решился вывести наружу и заявить русскому двору эту проделку венского кабинета.

Через несколько дней после свидания с графом Меттернихом, наш посланник допущен был до свидания с австрийским императором (6-го мая). Так же как и его министр, он выразил полнейшее неодобрение поступка его представителей при французском и шведском дворах и поручил графу Штакельбергу донести императору Александру, что это происшествие было для него чрезвычайно неприятно потому, что могло ему представить в ложном виде как начала его политики, так и личные его к нему чувства. Император Франц подтвердил показания своего министра, что ничего подобного не могло бы случиться, если бы князь Шварценберг предварительно снесся со своим правительством.

«На это я позволил себе заметить, — говорил граф Штакельберг, — что такая политика (*ce piège tendu à son ambassadeur à Paris par le chef du gouvernement français*) в отношении к его посланнику со стороны главы французского правительства, однако может служить признаком искренности вновь возникших отношений между двумя дворами. Император, не отвечая прямо на мое замечание, начал говорить о союзном договоре».

Император и не мог отвечать прямо на неуместное и несогласное с дипломатическими приличиями замечание графа Штакельберга: глава французского правительства был зять австрийского императора и коронованный папою император Франции.

Император Франц сказал графу Штакельбергу, что он хорошо помнит те уверения, которые выражал ему год тому назад, что новые его соглашения с Францией не противоречат им потому, что они вынуждены необходимостью, о которой он и тогда говорил. «Если я вынужден был заключить семейный союз для того, чтобы спасти существование моей империи, то точно такие же причины вынудили меня заключить и этот новый союз». Император указал нашему посланнику на продолжительное время, протекшее между браком его дочери с императором Наполеоном и союзным договором, который Австрия решилась с ним заключить, свидетельствуя этим обстоятельством о своем нежелании входить в политические соглашения с Францией. Император выразил

сожаление об этом требовании государственной необходимости и искреннее желание, чтобы русский император, к которому он не перестает питать глубокую преданность, был уверен, что втайне он сохраняет надежду на самый искренний союз между двумя империями. Он поручал нашему посланнику непременно заявить, что он не считает себя непосредственным участником в этой несчастной северной войне, если она возгорится. Исключая 30-тысячный корпус, в котором он не мог отказать императору Наполеону, и который никогда не будет увеличен, между двумя правительствами может господствовать доброе согласие и мир на всех других границах империй. «Император, — сообщает граф Штакельберг нашему двору, — говорил с большим одушевлением, выражая желание, чтобы наш император согласился на предлагаемый нам способ отношений между двумя империями и не доводил бы дел до крайности. В противном случае император Франц был бы вынужден, к величайшему его сожалению, противопоставить нам 200 тысяч войска, которые могли послужить с пользой для России, как угроза для Франции при будущих мирных переговорах».

Таким образом, дальновидная политика Австрии устраивала себе выгодное положение в будущем, как посредницы между воюющими державами. Когда война истощит их силы, она, обладая свежим 200-тысячным войском, хотела положить свой меч на весы и устроить мирные соглашения, конечно, не забыв и своих выгод. Граф Меттерних постоянно указывал нашему посланнику на то, какую пользу в этом случае Австрия может принести России. «Я должен засвидетельствовать, — доносил наш посланник, — что в продолжение этого разговора, тянувшегося до полутора часа, император выражал начала самой здоровой политики и самое доброжелательное к нам расположение, насколько это возможно при настоящем положении дел. Несколько раз он поручал мне засвидетельствовать о его личных чувствах дружбы к нашему государю, которые он сохранит при каких бы то ни было обстоятельствах. Ни малейшего упрека, ни малейшей жалобы не сорвалось с его языка, если не принимать в расчет намек на то уединенное положение, в котором держала себя наша политика (*notre système d'isolement*), и на отказ с нашей стороны принять посредничество венского двора в примирении нас с Оттоманскою Портою. Мне было известно, что об этом важном деле находилась особая статья в тайном договоре, по которой Австрия и Франция обеспечивали неприкосновенность владений Турции; воспользовавшись этим указанием императора, я спросил его об этой статье. Он без всякого затруднения отвечал мне, что действительно существует такая статья, но что она обеспечивает

только владения Турции в Европе и не относится до ее азиатских земель»*.

Упрек, что политика России со времен Тильзитского мира находилась в *удиненном положении* (système d'isolement), был постоянно на языке у лиц той партии, которая стояла за строй средневековой государственной жизни и старые династии и одинаково ненавидела и начала французской революции, и деспотизм Наполеона. Она состояла из лиц высших обществ всех старых европейских государств и сосредоточивалась в это время по преимуществу в Петербурге и Вене. В этой последней столице, как мы уже знаем, дом графа Разумовского служил местом их постоянных собраний. Из их бесед наш посланник почерпнул свои воззрения на политику нашего кабинета и выражал их в отношениях к нашему канцлеру сначала в виде строгих осуждений, а потом в форме тонких намеков. *Удиненное* положение нашей политики, *система изолирования* видов России, конечно, от двух германских держав, еще сохранивших некоторый облик самостоятельных государств и не входивших в состав Рейнского союза, в переводе на обыкновенный язык означало *союз России с Францией*. Но этот упрек всего менее следовало выражать Австрии, потому что этот союз был заключен Россией в то время, когда Австрия из недоброжелательства к Пруссии, отказалась от участия в общей борьбе против Наполеона, и это обстоятельство *более* всего должно было бы обращать на себя внимание нашего посланника.

Постоянное соперничество между собою двух первенствовавших германских держав, постоянная измена одной против другой в критических обстоятельствах, давали Наполеону возможности одерживать постоянные успехи в военных действиях, выводили его из самых затруднительных обстоятельств и возлагали всю тяжесть войны на одну Россию. Так было в 1805 и 1807 годах; перед войною 1812 года обе эти державы, уверяя Россию в своей дружбе, должны были воевать с нею, потому что, выдавая постоянно одна другую и взаимно не доверяя одна другой, они не могли согласиться между собою действовать заодно.

Если в таком положении находились Пруссия и Австрия, то едва ли может быть и речь о других германских государствах, неспособных по своей слабости действовать самостоятельно, входивших в состав Рейнского союза и покорявшихся безусловно повелениям императора Наполеона. Что же касается до германского народа, тяготившегося чу-

*Депеши графа Штакельберга к графу Румянцеву и графу Салтыкову, управлявшему министерством иностранных дел по отъезде канцлера в Вильну вместе с императором, 16/28-го апреля и 29-го апреля (11-го мая) 1812 года.

жеземным игом, разоренного военными поборами и континентальною системою, то такое бедственное положение вещей действительно существовало и не в одной Германии, особенно северной, но и в Италии, и даже в самой Франции. Немецкие патриоты говорили о нем очень много, рассчитывая в то время на возможность народного восстания в Германии. Но народное восстание только там может получить важное значение, где могут найтись для него точки опоры, как, например, в Испании, где временное правительство располагало некоторыми военными силами и могло рассчитывать на поддержку английских войск. Ничего подобного не было в Германии, где правительства повиновались воле Наполеона и отдавали свои войска в его распоряжение. Народное восстание, и то почти в одной лишь Пруссии, действительно выразилось, но лишь впоследствии, когда в начале 1813 года вошли в нее русские войска.

В таком положении находилась политика европейских государств перед началом Отечественной войны. С одной стороны, Наполеон, державший под железною рукою всю континентальную Европу, исключая Испании, которая с помощью Англии вела борьбу с ним на жизнь и на смерть, с другой — Россия, которая не без осторожности могла рассчитывать только на союз со Швецией и на нейтралитет Турции, а впереди — на помощь Англии.

*Приложение
Вопрос Польский.
1806—1809 г.*

Вслед за заключением Тильзитского договора, снова возник вопрос, который политика европейских держав давно уже считала оконченным и разрешенным, — вопрос Польский. До этого времени он носился над действительной жизнью в области мечтаний поляков высших сословий и *великодушных друзей человечества*, незнакомых с историческою жизнью народов. Благоразумные однако же и опытные люди из поляков во время мира, при спокойном размышлении, понимали невозможность восстановления старой Речи Посполитой собственными ее средствами. Но здраво относясь к вопросу в начале, они впадали в ошибку при дальнейших о нем соображениях: они полагали, что народ, утративший возможность собственными силами возродиться снова к государственной жизни, может воскреснуть силою посторонней помощи. Происшествия, совершавшиеся в Западной Европе с последних лет прошлого столетия и продолжавшиеся в первом десятилетии XIX века, французская революция и время *Наполеона I*, прямым путем и неизбежно вводили их в ошибку и затем в *обман*. Взгляд на постоянные перемены, происходившие в Европе, на то, как легко падали и разрушались старые государства и из их развалин возникали новые, естественно возбуждал надежду в поляках на возможность восстановления разрушенного здания польского государства и привлекал их сочувствие к той силе, которая пересоздавала Европу — к Франции, созданной революцією, и к великому ее предводителю. Весьма немногие из них обращали взгляд в иную сторону, не на Россию, конечно, но на русского императора. К числу последних принадлежали немногие лица или близкие к императору и знавшие задушевные его думы, или некоторые польские паны тех областей, находившихся уже под властью России, которые входили в состав старой Литвы, сохранившей еще остатки воспоминаний о самостоятельности этого княжества, союзного с Польским королевством, но не слившегося с ним в одно народное и государственное целое.

Император Александр еще с ранней молодости, будучи великим князем при жизни Екатерины, выражал сочувствие к полякам. Раздел Польши он считал не только несправедливым делом, но и важною политическою ошибкою. Поставленный в необходимость скрывать свои взгляды как при дворе своей бабки, так и своего родителя, он обрадовался, со свойственным юности жаром, что нашел человека, которому мог выражать их с полною откровенностью. Это был также молодой

человек (старее его только семью годами) — князь Адам Чарторыйский*. Императрица Екатерина постоянно привлекала к своему двору молодых поляков из наиболее влиятельных семейств, с одной стороны как заложников для безопасности, а с другой, чтобы дать им возможность познакомиться с Россией, сблизиться с русскими и по опыту оценить ту милость и расположение, которые она им оказывала. В числе их были два сына князя Чарторыйского, представители одного из самых влиятельных и богатых семейств польской знати. Одного из них, князя Адама, она назначила к великому князю Александру, другого к его брату Константину.

Князь Адам был вероятно первым человеком, которому с заносчивостью молодости, с откровенностью души, одаренный от природы возвышенными качествами, будущий русский император впервые искренно высказывал свои убеждения. Эту искренность подтверждает не только личная дружба, которую питал он к нему почти во всю свою жизнь; но и то, что, войдя на престол, он поручил князю Чарторыйскому управление своим министерством иностранных дел, без сомнения с тою целью, чтобы содействовать осуществлению одушевлявшей их мысли. Но мог ли император Александр, хотя и желал, восстановить Польшу в прежних ее пределах?

Политика русского кабинета до Тильзитского мира была враждебна Франции. Едва он вступил на престол, как заключил мир с Англиею и этим действием определил свои отношения к Наполеону. Поддерживая потом дружеские отношения с Австриею и Пруссиею, сражаясь за них с французами, мог ли он думать отторгнуть от них же те области бывшего Польского королевства, которыми они владели, особенно в то время, когда все сочувствия поляков стремились к Франции, к Наполеону. Подобное намерение встретило бы неодолимое препятствие со стороны его союзников, оно ослабило бы их значительно и усилило бы Наполеона, против которого они совокупно действовали. Не меньшее, если не большее препятствие встретило бы это намерение и со стороны России, хотя в то время взгляд на причины, побудившие к разделу Польши, и на значение тех ее областей, которые достались на долю России, не выяснился еще достаточно. Прошлая история России была забыта, а если и вспоминалась иногда, то не возбуждая сочувствия. Знали, конечно, что эти области были некогда достоянием России, но, утратив живую связь с прошедшим, не выводили необходимо практического последствия из этого обстоятельства; что Россия

*Князь Адам Чарторыйский р. 3-го января 1770 г., ум. 1861 г. — Император Александр р. 12-го декабря 1777 года. (Прим. ред. «Русской Старины»)

находилась поэтому совершенно в иных к ним отношениях, нежели Пруссия и Австрия к своим новым приобретениям от Польши. Россия возвратила свое, а они взяли чужое, с ее стороны это не было только делом грубого насилия, как смотрели на него в то время передовые люди*. Но положительно не знали другого, еще более важного обстоятельства, что народонаселение этих областей было русское и православное, насильственно привлеченное к унии, которую готово было оставить при первом благоприятном случае; что оно ненавидело поляков, как угнетателей, и всеми помыслами души постоянно стремилось к России. В глазах русского просвещенного общества, эти губернии были польскими и так назывались постоянно в то время, потому что взгляд обращался только на высшее сословие, которое действительно было польское или ополячившееся окончательно. Но как бы ни желали высшие слои общества и даже отдельные лица отрешиться от своей истории, от своего происхождения, забытое прошлое хотя и бессознательно для них, но могущественно напоминает о своем существовании: никогда законный сын своих отцов не сделается подкидышем, если бы даже такая нелепая мысль и могла прийти в какую-либо пустую голову. Так оказалось и в этом случае: все русское образованное общество, все правительственные лица, за немногими исключениями, были против этого намерения; но, конечно, свое мнение они подкрепляли иными доказательствами.

Наконец, необоримое препятствие для осуществления этого намерения представляла политика повелителя Франции. Мог ли Наполеон при общем расположении к нему политиков, возлагавших на него всю свою надежду, выпустить из своих рук важное орудие, которым едино временно он мог угрожать еще сохранившей все свои силы России и не окончательно обессиленным им Австрии и Пруссии? Если император Александр великодушно мечтал о восстановлении Польского королевства, то, конечно, не с тою целью, чтобы увеличивать число врагов своей империи и усиливать их, обессиливая свое государство. Он мечтал о восстановлении не враждебной России Польши, но союзной,

*Припомним здесь, что после второго раздела Польши императрица Екатерина II приказала вычеканить медаль, на которой красовалась надпись: «Отторженная возвратах». Медаль эта имела глубокий смысл и служила выражением ясно сознанный исторической правды. Подобная медаль, конечно, не могла бы появиться в царствование императора Александра и может служить мерилom той пропасти, которая отделяла воззрения представителей двух различных эпох русской истории. Это видно, между прочим, и из слов, с которыми император Александр обратился в 1819 году к князю П. А. Вяземскому: «Меры — сказал ему государь, — принятые императрицею Екатериною при завоевании польских областей, были бы теперь не согласны с духом времени» (*Прим. ред. «Русской Старины»*)

нераздельно соединенной с нею под одною державною властью, его самого и его преемников. Такая Польша, если б оказалось возможным, послужила бы оградой для России против замыслов Наполеона и вообще против Запада Европы. В этом смысле он и выражал князю Чарторыйскому свои мысли, который может быть искренно верил в возможность подобного явления и поддерживал такое заблуждение силою дружбы, которую питал к нему император, и силою своего влияния как министр иностранных дел.

Эта мысль составляла предмет его постоянных дум и забот. Он верно служил русскому государю и даже России: он желал поддержать ее силу и значение в Европе; но, конечно, с тою целью, чтобы сохранить в ее лице могущественное орудие для восстановления старой Польши. Едва ли можно сомневаться, что эта мысль была постоянным предметом его бесед с императором, и в качестве его друга, и в качестве его министра, когда он считал нужным представлять ему подробные записки по этому вопросу.

«Пока продолжается война, — писал он 5-го декабря 1806 года, — которая должна решить участь Европы и России, или окончательно поработить первую, или оставить еще ей надежду на существование, Польша, при настоящих обстоятельствах, главнейшим образом обращает на себя внимание двух империй, но совершенно с различных точек зрения. Французы уверены в сочувствии к ним Польши, она составляет для них цель, которая возбуждает их мужество, поддерживает упорное стремление к ее достижению. В Польше Бонапарт найдет точку опоры, чтобы победить Россию и проникнуть до старинных ее границ. Удаляясь более и более от средоточия своих действий, он должен бы ослаблять себя; но Польша доставит его прозорливому гению, его неутомимой деятельности такие же средства, как и Франция: народонаселение, которое легко возмутить и которое привычно к оружию, храбрых и опытных офицеров, деньги, продовольствие, любовь к своей Родине, ее чести и свободе. Эти чувства способны довести до величайшего возбуждения, которое, проистекая из чистого источника, не может быть побеждено как только такую же нравственную силою. Для России, напротив, поляки составляют предмет беспокойства и постоянных подозрений, это — оружие, которым Бонапарт издали, но постоянно угрожал державам, разделявшим между собою владения Польши. Теперь, когда наступило время употребить в дело это оружие, он с беспокойством относится к своим подданным — полякам. Напрасно Польша представляет все способы для успешной войны в защиту русского престола, русское правительство опасается ими воспользоваться; чтобы не возбудить неудовольствие в народонаселении, оно боится употребить в дело

своих подданных, чтобы они не обратились против него, и эта страна обречена ожидать вторжения в нее французов, чтобы Бонапарт воспользовался ее средствами.

При настоящем положении дел, Польша настолько уменьшает могущество России, ее физические и нравственные силы, насколько увеличивает могущество и силы Франции. Если благоразумная политика предписывает увеличивать свои собственные средства и уменьшать средства врага, то, без сомнения, необходимо изменить такое положение дел и установить совершенно противоположные отношения Польши как к Франции, так и к России. Для того чтобы этого достигнуть, представляется только одно средство: торжественно объявить восстановление Польши и себя ее королем, навечно со всеми преемниками. Последствия этого поступка, столько же великодушного, сколько и мудрого, политически были бы неисчислимы. Он возбудит всеобщий восторг в сердцах всех поляков, *которые только того и желают*, — благодарность и любовь за исполнение их желаний соединить вокруг престола все их чувства и все их силы. Вместо того чтобы предоставлять наши области действию происков и соблазна Наполеона, мы увидим прусские, восставшие за нас спасительной преградой для врага, лишь только будет провозглашено восстановление Польши. Вместо того, чтобы подозрительно наблюдать за нашими областями и не пользоваться их средствами, оказалось бы, что сами они, с ревностью прочного и законного существования, против самозванца (*usurpateur*), который льстит им временными и опасными обещаниями. Наконец, вместо того, чтобы соприкасаться непосредственно к огромной Французской империи границами бесконечных протяжений, Россия, соединив с собою Польшу, устроила бы передовую цепь, за которою она оставалась бы спокойною со всеми своими силами, — цепь, способную противостоять всякому нападению извне, а в то же время эта цепь могла бы послужить началом для России тех связей, которые впоследствии соединяли бы вокруг нее все отрасли старой *Славянской семьи*. Тогда как всякое подозрение со стороны России, что в случае войны она не может надеяться на преданность части своих подданных, так и всякий расчет на это обстоятельство со стороны неприятеля, устранились бы окончательно. Какое важное приобретение для внутреннего блага, спокойствия и силы империи!»

Предлагая такую важную меру императору Александру, его министр иностранных дел, без сомнения, счел нужным обратить внимание на возражения, которые она могла встретить. В этом отношении, война, начавшаяся уже блистательными победами Наполеона при Йене и Ауерштедте, в которой Россия решила принять участие, прежде всего должна была обратить его внимание. К чему принимать эту меру,

когда все зависит от военных действий? — могли ему заметить прежде всего, не входя в объяснение о существе самой меры. Если мы победим Наполеона, то, конечно, наши польские губернии останутся за нами; если будем побеждены, то он может отнять их и в том случае, когда русский император провозгласит восстановление Польского королевства. Все зависит от последствий военных действий. Если Бонапарт останется победителем, — отвечает на это возражение князь Чарторыйский, — и сам провозгласит восстановление Польши, то он смело может идти вперед. У него в тылу и во флангах создадутся новые войска. Но, в противном случае, когда Россия провозгласит восстановление Польши, он не может подвигаться вперед, не подвергая себя нападениям народного восстания, которое окружило бы его со всех сторон. В первом случае, он без особенных препятствий мог бы достигнуть Днепра, во втором он с большим гораздо трудом мог бы подвигаться вперед. Мы же с своей стороны, усиливаясь постоянно новыми войсками, не были бы принуждены отступать до старых наших границ. Средства восстановленной Россиею Польши будут ей полезны равномерно и в том случае, если бы война была нерешительна и затянулась бы надолго, как и в том случае, если бы русские остались победителями. «Нельзя сказать наперед, где бы победа увенчала наше оружие? Не предписано ли нашим войскам и весьма благоразумно отступать, оставлять области во власть неприятеля и не вступать в сражение без уверенности одержать верх над ним? Если мы позволим Бонапарту воспользоваться средствами восстановленной им Польши, то, преследуя его, мы встретим те же затруднения, которые он встретил бы при своем отступлении. Мы должны были, удаляясь от своего средоточия, постоянно усиливать свои средства, чтобы успешно действовать против грозной линии по Одеру. Кто же может усилить нас? Конечно, не Пруссия, которая уже не существует и которой ненадежная и необдуманная политика уже причинила нам столько бедствий. Мы можем усилить себя только теми средствами, которые охотно предоставят нам возбуждение духа и преданность поляков».

Считая изложенные соображения совершенно достаточными, чтобы доказать необходимость предлагаемой меры, князь Чарторыйский предполагал, что встретит и другие возражения со стороны лиц благонамеренных и просвещенных. «Может быть, скажут, — писал он, — что это повлечет отделение от империи нескольких губерний; но это отделение будет только кажущееся. Корона польская будет безусловно соединена с русским престолом. Империя вместо того, чтобы потерять, приобретет еще все другие части Польши. Необоримая сила обстоятельств вынудила Россию сделать важную политическую

ошибку, допустив раздел Польши, тогда как она должна была вся принадлежать ей. Почему же не исправить этой ошибки теперь?

Но, скажут, для того, чтобы с успехом привести в исполнение эту меру, возбудить восторг в поляках, необходимо будет дать им правительство, соответствующее их желаниям и прежним их законам. Без сомнения; в противном случае, это была бы полумера, она вовсе не доставила бы тех выгод, которых следует ожидать. Необходимо, чтобы благодеяния императора превосходили обещания и соблазны Бонапарта. Но эти самые благодеяния установят более тесные и неразрывные связи между империею и польским народом.

Не следует забывать, что чем более народ управляется согласно с его желаниями, его характером и привычками, тем более он бывает предан своим государям. Почему же отдельная конституция менее обеспечивает постоянное и верное подданство? Венгрия, несмотря на свои права и преимущества, в продолжение веков служит образцом верности, твердою опорою Австрии. Венгерцы спасли Марию-Терезию. Король французский был всемогущ в провинциях, сохранивших свои областные чины и свои привилегии в Бретани, Пуату, Анжу, и которые до конца были защитою трона, религии и дворянства. Польский король мог все делать в своем государстве, несмотря на управление, чрезвычайно дурно устроенное. Русский двор в продолжение долгого времени пользовался преобладающим влиянием в Польше и сохранил бы его навсегда, если б действовал более кроткими и благосклонными мерами. Неужели возможно сомневаться, что император, сделавшись отцом этого народа, сосредоточив в своих руках все способы правительства, все источники власти, не пользовался бы своими правами во всей их полноте? Впрочем, в чем же заключается вопрос; в том, чтобы устроить прочное и сильное правительство, чего желает всякий хороший поляк, и соединить его с формами, подходящими к древним народным установлениям».

Но вопрос о восстановлении Польши, кроме его значения в качестве вопроса внутренней политики России, имел не менее важное значение, как вопрос внешней политики в отношении к Пруссии и Австрии. Князь Чарторыйский не упустил из внимания и этой его стороны.

«Могут заметить, — писал он, — что король прусский наш союзник, он побежден, он потерял свои владения; но он однако же не отказался еще от них, и, присоединяя его польские области к России, не будем ли мы содействовать его ограблению?

Это сомнение исчезнет само собою, если станем на правильную точку зрения, с которой и должно смотреть на эту меру. Бонапарт теперь властелин прусской монархии, он самовластно распоряжается в

ней на правах победителя, он приближается к пограничным с нами областям, возбуждает в них революцию, которая угрожает и нашим областям. Дело состоит не в том, чтобы присвоить достояние своего союзника; но предупредить врага, деятельного, неумолимого, хищного и вырвать у него из рук добычу, которая может поставить Россию в крайне затруднительное положение, отнять у него эти области — и подчинить его козням свои собственные. Я позволю себе сказать, что это единственный способ, которым мы можем спасти нашего союзника, что необходимость вынуждает нас присоединить к своим владениям эти области, потому что иначе мы сами не будем в состоянии выдерживать борьбу и приобрести вознаграждения за это Бранденбургскому дому, заключив почетный мир с неприятелем.

Наконец, могут сказать: не следует ли опасаться, что эта мера устраним Австрию, угрожая ей потерей обеих Галиций, и не вызовет ли ее на войну с нами?

Без сомнения, невозможно провозгласить восстановление Польши, не войдя предварительно в откровенные и искренние переговоры с венским двором. Но эти переговоры не представляют затруднений; побудительные причины к осуществлению этой меры слишком справедливы, австрийский кабинет поймет свою собственную опасность, и переговоры с ним легко приведут к соглашению. Если Наполеон заключит с нею договор об уступке ему обеих Галиций в промен за другие области, то ей нет уже никакого до них дела, и Россия может присоединить их, отняв у Бонапарта. Если же такой договор еще не заключен, то необходимо дать знать венскому кабинету о том, что мы решились присоединить польские области Пруссии, и это необходимо в видах собственной безопасности Австрии. Впрочем, можно обещать ей, что ее польские области останутся неприкосновенными до последующего дружеского соглашения с нею о их присоединении, потому что естественно, что должны быть соединены все прежние польские владения».

Князь Чарторыйский постоянно желал направить так политику нашего двора в отношении к Западной Европе, чтобы в основу ее действий положить восстановление Польского королевства. В этом смысле он постоянно говорил и писал императору Александру; но только в этой записке он во всей полноте изложил свой взгляд. Поэтому необходимо было подробно изложить ее содержание, как важного исторического документа. Он желал восстановления Польского королевства, но неразрывно связанного с империею в лице императора и его преемников в качестве королей польских. Опираясь на восстановленную Польшу, которая служила бы оградой империи от покушений на нее со стороны Наполеона, он полагал, что обещаниями богатых вознаграждений за

потерянные польские области возможно привлечь на нашу сторону Австрию и Пруссию и в союзе с ними действовать против Франции.

Нет поводов подозревать искренность взгляда князя Чарторыйского в этом случае. Он понимал, что восстановить Польшу могут только или император Александр, или Наполеон. Первого он любил, сочувствовал его либеральным взглядам и знал искренность его мнений в этом отношении. Второго он считал счастливым представителем грубой силы, который только может разрушать, а не восстанавливать, поработать, а не освобождать, что он не имеет в виду восстановления прежней Польши, но пользуется этою мыслью, как средством увлечь за собою поляков, заставить их жертвовать для его целей жизнью и имуществом и угрожать другим державам и особенно России. Если бы сила обстоятельств и привела его к восстановлению Польши, то — для большего ее порабощения под его деспотическую власть.

При таком взгляде на дело, естественно он все надежды возлагал на императора Александра и, пользуясь его дружбою и значением, как его министр иностранных дел, он старался уговорить его приступить к осуществлению этой меры. Самым благоприятным для этого временем он считал 1805 год, когда Пруссия не только не хотела помогать Австрии и действовать вместе с Россией против Наполеона, но на одно требование русского императора провести часть войск через ее владения в Австрию отвечала, что такой поступок со стороны России вынудит и 200 тысяч своих войск отдать в распоряжение Наполеона; когда вслед затем французы нарушили неприкосновенность прусских владений, то и тогда берлинский кабинет решился присоединиться к союзу против них, на следующих лишь условиях: чтобы Россия уговорила Англию уступить ей Ганновер и приняла посредничество Пруссии между Наполеоном и союзниками, обещаясь действовать совокупно с ними по получении от него ответа и во всяком случае не ранее, как через месяц. Между тем, не успел еще пройти этот срок, как Аустерлицкое сражение окончило эту войну. Так же благоприятным временем для осуществления своей мысли он считал год спустя, когда подавал императору Александру приведенную выше записку, когда он двигал уже свои войска на помощь Пруссии, приглашая и Австрию оказать содействие против общего врага, но Австрия поступила точно так же в отношении к Пруссии, как и эта держава год тому назад в отношении к Австрии. Как в том, так и в другом случае, прежде нежели русские войска сосредоточились в полном составе и приступили к военным действиям, войска австрийские в 1805 году и войска прусские в 1806 году были разбиты Наполеоном, овладевшим вслед затем столицами этих государств. Как в том, так и в другом случае, всю тягость войны с против-

ником, превосходящим ее силами, должна была принять на себя Россия, которая намеревалась только помогать своим союзникам. При таком соперничестве обеих великих германских держав между собою, из которых каждая преследовала своекорыстные цели и для их достижения готова была покориться воле Наполеона, возможно ли было предполагать, что они спокойно отнесутся к восстановлению Польши под владычеством русского императора. Между тем так предполагал князь Чарторыйский и тем доказал только, что умный и знакомый с положением европейских дел министр может быть лишен всякого практического смысла, под упорным и постоянным влиянием предвзятой мысли, и что поляк может совершенно не понимать общего настроения своих соотечественников.

Император Александр хотя и разделял взгляды своего министра на необходимость восстановления Польши, но понимал всю невозможность привести эту мысль в исполнение при тогдашних политических обстоятельствах. Он убедился в этом окончательно, после сношений с Пруссией перед войною 1805 года и когда, год спустя, перед войною в Пруссии, князь Чарторыйский представил ему свою записку, он отвечал ему: «я получил бумагу, которую вы сочли нужным мне сообщить. Вы желаете поговорить о ней, я готов доставить вам случай; но не могу вам не выразить моей уверенности, что эти разговоры ни к чему не поведут, потому, что основания наших взглядов диаметрально противоположны между собой». При таком взгляде на дело, естественно, политика императора Александра должна была заключаться только в том, чтобы всеми мерами устранить возможность восстановления Польши императором Наполеоном, потому что такая Польша была верно его союзницею; а в виды русского императора не могло входить желание усиливать своего врага.

Война за Пруссию окончилась так же несчастливо для России, как и предшествовавшая война за Австрию. Но в отношении к вопросу о Польше, она имела гораздо большее значение. Лишь только войска Наполеона приблизились к границам польских областей, принадлежавших Пруссии, как в них обнаружилось движение в пользу Франции и против пруссаков. По мере их приближения к Познани и Варшаве, поляки прогоняли прусских чиновников, устраивали временное народное правительство, собирали и вооружали ополчения. Народонаселение этих городов приняло с восторгом французов. Познань прислала к нему депутацию в Берлин приветствовать его, как освободителя Польши, и просить его помощи и покровительства. При въезде его в Познань, он проехал под нарочно на этот случай сооруженными триумфальными воротами, с надписью: «Освободителю Польши».

В ожидании встретиться снова на поле сражения с русскими войсками, — чего он менее всего желал, — Наполеон рассчитывал на это восстание поляков; поэтому выписал Домбровского, как сподвижника Костюшки и всех поляков, служивших в его войсках, предписал своему министру полиции Фуше прислать ему самого Костюшко, который находился в это время в Париже, и, не дождавшись даже ответа, велел от его имени напечатать подложное воззвание к полякам, приглашавшее их к восстанию, и поручил своему посланнику в Австрии затянуть венский кабинет в мнимые переговоры о Галиции, успокаивая, впрочем, его опасения. Его бюллетени описывали восторг поляков при встрече французских войск так «как будто бы они встречали войско Собесского после победы»; «Монитор» и другие журналы не находили слов для порицания преступного действия трех европейских держав, совершивших раздел Польши, столь необходимой для благоденствия Европы, о котором так заботился император Наполеон. Приветствуя ласково польские депутации, он говорил им, что Франция никогда не утверждала своим согласием раздела Польши, что для ее возрождения нужна кровь, кровь и еще кровь, советовал им приготовить 30 или 40 тысяч войска, и тогда он провозгласит их независимость в Варшаве. Между тем, в то же время, в 36-м бюллетене из армии, описывая восторг поляков при вступлении французских войск, говорил: «будет ли восстановлен польский престол? Этот великий народ возникнет ли к новой жизни и независимости? Воскреснет ли из гроба? — Только Бог, в руках которого судьба вселенной, может решить эту задачу!» Находясь в Познани, окруженный восторженными поляками, поощряя на вооружение, он получил письмо Даву к Бертье из Варшавы от 19-го ноября (1-го декабря), в котором он восхвалял настроение духа в Варшаве; но в то же время писал, что «лица влиятельные (*les grands*) стараются успокаивать своим влиянием восторг средних классов. Их пугает неизвестность будущего, и они прямо говорят, что не могут выставить себя открыто на стороне французов, пока не будет провозглашена независимость Польши и дано тайное обещание гарантировать ее существование». Вслед затем, он получил писанное на другой день (2-го декабря) письмо от Мюрата, который повторял ему то же самое, и известие от Фуше, что Костюшко не соглашается нарушить данного им императору Павлу слово не сражаться против России, и что он объявил подложным напечатанное от его имени воззвание к полякам.

Эти сведения взбесили Наполеона и в минуты гнева заставили его выразить действительный взгляд на вопрос о восстановлении Польши.

«Костюшко сумасшедший (*un sot*), он вовсе не пользуется таким значением между поляками, как предполагает», — писал он к Фуше.

«Поляки, которые выражают такую осторожность, — отвечал он Мюрату, — и требуют обеспечений для того, чтобы стать на нашу сторону, — эгоисты, которых не воодушевляет любовь к отечеству. Я знаю людей. Мое величие основано не на помощи нескольких тысяч поляков. Они должны были с восторгом воспользоваться настоящими обстоятельствами, а не мне делать первый шаг. Пусть они выкажут твердую решимость сделаться независимыми, пусть обяжутся поддерживать короля, которого я им дам, и тогда я увижу, что надо будет делать (*Et alors je verrai a qui j'aurai a faire*). Дайте им хорошо почувствовать, что я не пришел вымалывать престол для кого-либо из своих; у меня нет недостатка в престолах для моих родственников».

Очевидно, император Наполеон вовсе не желал в это время восстанавливать Польши, но хотел воспользоваться ее средствами для своих личных целей, внушая полякам одни лишь неопределенные надежды в будущем. Эти надежды он считал нужным поддерживать в них для того, чтобы пользоваться ими впоследствии и не заставить их по необходимости принять сторону России. Такое отношение императора Наполеона к Польше выразилось ясно и в Тильзитском договоре.

По этому договору области, которые составляли до 1-го января 1772 года часть бывшего Польского королевства и потом в разные времена перешли во владение Пруссии, должны поступить в полную собственность саксонского короля под названием Варшавского герцогства и будут управляемы по таким конституциям, чтобы, охраняя свободу и преимущества обитателей этого герцогства, они согласны были с спокойствием соседственных держав. Из этих областей отделялась незначительная часть под названием Белостокской области и присоединялась к России, «для поставления между нею и герцогством Варшавским, сколько возможно, естественных границ»*.

По-видимому, не произошло никакой важной перемены в судьбе польского вопроса: несколько из областей бывшего Польского королевства из-под власти Пруссии перешли под власть саксонского короля; им предположено дать такое устройство, которое, обеспечивая свободу граждан, в то же время не возбуждало бы опасений со стороны соседних держав. Но в этом-то устройстве и заключалось то значение, которое получило впоследствии Варшавское герцогство. Из Тильзита Наполеон возвращался во Францию чрез Кёнигсберг, Позен и Дрезден. В этом городе он утвердил 10–22 июля особый статут для герцогства Варшавского, по которому крестьяне объявлены были свободными, признано равенство всех граждан перед законом, учрежден

*Полн. соб. зак. 1807 г. Тильзитский договор № 22584, ст. V и IX.

Сенат и Палата представителей (*des nonces*), в качества законодательных учреждений, и особое министерство для управления и отдельное польское войско. Таким образом, учреждалось особое, совершенно независимое от саксонского правительства польское государство, только под верховною властью саксонского короля. Но и эта верховная власть была только видимая, на самом же деле она принадлежала самому императору Наполеону. Он утвердил конституционный статут для нового герцогства, через год после того он распространил на него свой гражданский кодекс и постоянно распоряжался устройством и образованием особых его войск. Саксонский король не был даже простым его наместником, но, так сказать, хранителем нового герцогства до тех пор, пока император Наполеон не даст ему другого назначения. Саксонское правительство само понимало это отношение к Варшавскому герцогству; король не оказывал никаких пособий из доходов Саксонии, а собственных доходов герцогства, вынужденного Наполеоном содержать несоответствовавшее его средствам количество войск, не доставало на покрытие расходов.

Образование Варшавского герцогства не удовлетворило желаний поляков и внушило подозрение в русском кабинете. Поляки вовсе не имели желания сделаться подданными саксонского короля, незначительная область герцогства горько напоминала им о прежних обширных владениях королевства, содержание несоразмерного с средствами количества войск изнуряло народ налогами и наборами и увеличивало бедность. Многие громко начинали говорить, что Наполеон пользуется ими, как угрозою против России, и вовсе не думает о восстановлении. Но его защитники, — а к ним принадлежало большинство, — видя, что Наполеон требовал от герцогства содержания значительного количества войск, были убеждены, что он при благоприятных обстоятельствах употребит его для присоединения к герцогству остальных владений бывшей Польши. «Одно уже существование герцогства Варшавского, — как говорил князь Чарторыйский императору Александру, — поддерживает в поляках чувство любви к отечеству. Оно, как призрак прежней Польши, производит необоримое впечатление на всех тех, которые это разрушенное государство считают своим отечеством. Как будто тому, кто потерял дорогого для себя человека, вдруг является его тень и обещает скорое возвращение и его самого». Такие ожидания получили особенное значение потому, что при каждом случае Наполеон поддерживал их в поляках, его войска не оставляли герцогства, и под надзором его военных людей производились работы в крепостях, составлялись корпуса польских войск под начальством Домбровского, князя Понятовского и Зайончека.

Такое положение дел в герцогстве Варшавском естественно возбуждало опасения России и Австрии, конечно, противоречило обещанию, торжественно заявленному в Тильзитском договоре, что это герцогство получит такое устройство, которое, обеспечивая свободу граждан, не нарушит *спокойствия соседних держав*. Естественно, возникало подозрение, что внезапно возникшая личная дружба Наполеона к русскому императору — неискренняя, и тесный союз Франции с Россией поведет к войне сначала с Австрией, а потом и с Россией. Таково было общее мнение в России, которое, конечно, не многие решались прямо выражать императору. Но его выражал однако же постоянно в своих донесениях канцлеру графу Румянцеву и самому государю наш посол при тюильрийском дворе, назначенный вслед за заключением мира и союза в Тильзите — граф П. А. Толстой, а также в особой записке, представленной лично императору и тайной для всех, — подробно изложил и князь Чарторыйский в то время, когда еще не изгладились личные впечатления свиданий в Тильзите.

II

Если положение европейских дел, созданное Тильзитским договором, было непрочным и союз с Россией должен был окончиться войною с Францией, то нельзя не заметить, что Варшавское герцогство было одною из могущественных причин этой непрочности. После Тильзитского мира начали образовываться особые польские войска этого герцогства и до открытия войны с Австрией в 1809 году, из русских областей, принадлежавших прежде старой Польше, вступили в них до 12 тысяч человек или просто беглецов, которых заманивало само правительство герцогства, или дворян, оправдывавших свою службу в польских войсках правами обоюдного подданства и нашей дворянской грамоты, дозволявшей дворянину служить иностранному государству. Естественно, это обстоятельство постоянно поддерживало волнение в этих областях, которое не могло не возбуждать опасения в русском правительстве. Но, соблюдая союз с Францией, оно не решалось ни принять карательных мер против своих подданных, ни вызвать Францию на особые переговоры по этому случаю. Наша дипломатия только указывала на него как саксонскому королю, так и императору французов. Но первый отговаривался бессилием потому, что герцогство имеет свою конституцию, а второй считал это делом польского легкомыслия, которое не может иметь важных последствий. С открытия военных действий императора Наполеона против Австрии, число перебежчиков из Белоруссии, Подолии, Волыни

и Белостокской области в войска герцогства Варшавского значительно увеличилось. Эта война, в которой император Александр по условиям Эрфуртского договора должен был помогать императору французов, окончательно выставила на вид то ложное положение, в которое была поставлена Россия союзом не с Францией, конечно, которая не существовала, но с таким человеком, как Наполеон.

Конечно, не может подлежать ни малейшему сомнению, что ему известно было, какого рода чувство питало к России Варшавское герцогство, его войска и их предводитель князь Понятовский. Он не мог их не знать, имея постоянные сношения с поляками и сам усиливая эти чувства. Несмотря на то, для совокупного действия с русским вспомогательным корпусом против австрийцев, он назначил именно войска герцогства Варшавского, с незначительною помощью саксонцев, назвав их девятым корпусом Великой армии. Кроме войск Великой армии, совокупно с которыми должен был действовать русский вспомогательный корпус, этой войне придавала весьма важное значение та область, которая должна была служить для нее поприщем; а именно Галиция, разделенная рекою Вислою на две половины — с польским населением и с русским. Конечно, первая принимала с восторгом войска Варшавского герцогства, как избавителей от немецкого ига; вторая, ненавидевшая поляков, наоборот, принимала с таким же восторгом русские войска.

Нашему правительству, без сомнения, точно также была известна невозможность действовать русским войскам в союзе с польскими. Поэтому заслуженному военачальнику екатерининских времен, князю С.Ф. Голицыну, назначенному предводительствовать нашим вспомогательным корпусом, было предписано тремя дивизиями занять Галицию, а четвертую оставить в Белостоке для *охранения пределов России со стороны Варшавского герцогства*.

Если от правительства этого герцогства последует вызов к соединенному действию против австрийцев, то изъявлять согласие только в том случае, когда от того можно ожидать важных выгод для русского оружия. Вообще же *уклоняться* от совокупного действия с варшавскими войсками и помогать им только побочным образом*.

Наше правительство предполагало, что австрийцы не станут сражаться с нами, и это предположение оправдалось на деле. В мае месяце австрийские войска под начальством эрцгерцога Фердинанда заняли Варшаву и почти все герцогство. Войска польские не могли сопротивляться превосходившим их силам. Но лишь только русские войска при-

*Отношение графа Румянцева князю Голицыну 6-го мая 1809 г.

близились к границам Галиции, как австрийцы начали отступать, прямо заявляя, что они не считают императора Александра врагом Австрии и потому не будут драться с его войсками. Но в то время, когда враги уклонялись от боя и не хотели признавать себя врагами, наши союзники приняли на себя их обязанности. Князь Понятовский, по приказанию Наполеона, возбудил восстание в польских областях, повсюду рассылал воззвания, явно призывая к восстановлению Польши, вербовал охотников в свои войска. Его воззвания не только возбудили всю верхнюю Галицию, но и смежные русские губернии, откуда сбегались паны и шляхта в его войска. Он переманивал даже солдат польского происхождения из войск князя Голицына и на замечания наших военачальников о противозаконности подобных действий, нарушавших договор с Саксониею, он насмешливо отвечал: «русские — союзники наши, так почему же им не служить вместе с нами». Как верхняя Галиция с восторгом принимала войска князя Понятовского и считала их своими избавителями, так, наоборот, южная, населенная русскими, точно с таким же восторгом принимала наши войска и изъявляла желание, чтоб Россия удержала ее за собою. Это движение было так сильно, что князь Голицын предлагал императору присоединить ее, объявив себя королем польским. Конечно, это предложение, едва ли исполнимое в то время, было отклонено императором. Но это расположение к России в южной Галиции, разумеется, крайне было неприятно для варшавцев князя Понятовского. Он всеми способами старался вредить России в глазах императора Наполеона и постоянно клеветал на князя Голицына и вообще русских, объясняя все их действия тайными соглашениями с австрийцами. Когда русские войска заняли Львов, он исходатайствовал у Наполеона повеление привести галичан к присяге на верность французскому императору, его именем производить суд и управлять страною, набирать солдат во французскую армию и заменить австрийские гербы французскими. Но когда он сообщил это повеление князю Голицыну, он не исполнил его и отвечал, что «повеление императора Наполеона может быть исполнено только там, где находятся варшавские войска, а не в стране, занятой русскими, где, без повеления Его Величества императора Александра, не будут допущены ни присяга Наполеону, ни замена австрийских гербов французскими, ни набор войск». «Союзники наши, — доносил он государю, — озабочивают меня более, нежели неприятель». Предписывая варшавским войскам действовать совокупно с русскими, император Наполеон не мог предвидеть последствий соединения враждебных между собою войск. Получая потом доносы князя Понятовского на русских, он без сомнения оценивал их по достоинству. Несмотря на то, они послужили ему поводом начать

переговоры с русским кабинетом. Он предписал Коленкуру сделать представление нашему правительству об изменническом образе действий наших войск в Галиции.

Нашему кабинету не трудно было, конечно, объяснить французскому послу отношения к нашим войскам варшавцев, и дать ему понять, что обвинения Наполеона основаны на ложных доносах. Неудивительно, что эти объяснения удовлетворили Коленкура; но и Наполеон не дал дальнейшего хода этим переговорам. Очевидно, он и сам не верил польским доносам; но очень был рад иметь их под рукою, чтобы к чему-нибудь придаться впоследствии, при заключении мира с Австрией, и не отдать России Галиции, как он сам заявлял при начале войны, призывая Россию на помощь.

При всяком столкновении варшавских войск с нашими, происходили ссоры между ними. «Наглость варшавских войск выходит из границ, — доносил государю князь Голицын. — Обоюдная ненависть друг к другу царствует не токмо между офицерами, но и между нижними чинами обеих армий. Не могу изъяснить Вашему Величеству всех унижений, которые войска ваши от варшавцев переносить должны. Смею сказать, что если бы я был помоложе, то не достало бы у меня терпения». Узнав, что его оклеветали и в глазах Наполеона, он просился в отставку, но император Александр не принял просьбы и одобрил все его действия. *Эта наглость варшавцев*, по выражению нашего военачальника, особенно резко обнаружилась при занятии нашими войсками Кракова и едва не повела к кровавому столкновению с ними. Об этом происшествии следующей выпискою из донесений князя Голицына извещил граф Румянцев французского посла: «Князь Голицын уведомляет императора, что вследствие приказа, данного им князю Суворову, начальнику 9-й дивизии, занять Краков, этот генерал с большим успехом исполнил возложенное на него поручение. Его авангард занял город 3-го июля, в 4 часа пополудни». Согласно с тем же приказанием, генерал-майор граф Сиверс, начальствуя над авангардом, привел отряд казаков под командою полковника Штакельберга, чтобы препятствовать австрийцам сжечь мост на Висле. Этот отряд встретил неприятеля, намеревавшегося именно разрушить этот мост; завязалось дело, неприятель был прогнан и мост спасен. При этой стычке был ранен Штакельберг и казачий капитан.

Штакельберг, вошел в Краков 2-го июля, а граф Сиверс 3-го со всем авангардом. Он занял уже весь город, когда узнал, что приближается отряд варшавских войск, чтобы войти туда. Он поехал к начальнику этого отряда для предупреждения его, что город уже занят русскими войсками, и неприятель отступил. Но, не найдя начальника этого от-

ряда, он отправил к нему своего адъютанта, а сам возвратился в город. Там он узнал, что в предместье уже вошла конница князя Понятовского под предводительством графа Потоцкого. Он обратился к нему с тем же извещением; но оно не произвело никакого действия. Неделю спустя показались колонны пехоты, и лишь только завидели наших драгун, они взяли ружья на руку и вошли в город, показывая, что, если встретят сопротивление, то преодолеют его силою. До 10 тысяч войск вошло в город под предводительством князя Понятовского и стали в боевой порядок. В этом положении они простояли с полудня до ночи, ничего не евши, и казались скорее неприятельскими, нежели союзными войсками. Когда приехал князь Понятовский, граф Сиверс представил ему все неприличие подобного поведения его войск и просил его в самых учтивых выражениях выступить из города, который занят русскими войсками и потому должен оставаться в их власти. Но Понятовский, не обращая внимания на эти представления, с сердцем отвечал, что право занять этот город принадлежит ему, потому что он сражался под его стенами и заключил конвенцию с австрийским генералом Монде. Граф Сиверс отвечал, что и он точно также дрался, первый занял город и не знает, также ли дрался князь Понятовский и заключил ли конвенцию с австрийским генералом. Некоторые польские генералы, которые при этом присутствовали, вмешиваясь в разговор, позволили себе употреблять оскорбительные выражения, так что граф Сиверс вынужден был напомнить им, что — он генерал русского императора и просить их соблюдать должные приличия.

Князь Понятовский с своей стороны требовал, чтобы граф Сиверс вышел из города и занял бы предместье Подгурже на правом берегу Вислы, со всеми магазинами, которые там находились. Граф Сиверс доказывал что он имеет право занимать как город, так и предместье и объявил, что он не выступит из города, не получив приказания от своего начальника.

После долгих пререканий согласились, что город будет занят как русскими, так и варшавскими войсками в равном числе, а предместье — одними русскими. Остальная же часть варшавских войск перейдет Вислу, как будто для преследования неприятеля.

К этому князь Голицын прибавляет, что дерзкое поведение варшавских войск выходит из всяких границ и ставит его в крайне затруднительное положение, «которое вынуждает его просить государя, не будет ли возможно определить для русских войск отдельное поприще действий так, чтобы они не сталкивались с варшавскими войсками и ничего не имели с ними общего. В противном случае, он слагает с себя ответственность, если последуют весьма неприятные происшествия».

Такое положение дел, если б оно продолжалось далее, могло бы, конечно, повести к таким происшествиям, которые изменили бы как ход войны, так и политику России и Франции. Но в это время уже заключено было перемирие между Австриею и императором Наполеоном, и вслед за тем открылись мирные переговоры.

Но еще прежде получения последних известий от князя Голицына, наш кабинет уже решился войти в переговоры с Франциею по этому вопросу. Император Наполеон находился в Шёнбрунне и был занят мирными переговорами с Австриею. При нем находился и его министр иностранных дел, Шампани, герцог Кадорский, на долю которого, конечно, падал наибольший труд по этому делу. Без сомнения, в виду этого обстоятельства, переговоры по польскому вопросу заведены были нашим канцлером с французским послом при нашем дворе. За несколько месяцев еще до подписания Шёнбруннского договора (3-го октября) граф Румянцев писал (15-го июля) Коленкуру, герцогу Виценцскому: «Когда император Тильзитским миром положил конец войне с Франциею и всем своим прежним политическим отношениям, ему оставалось еще окончить войну с Персиею и Турциею. Несмотря на их тягость, он предпринял две новых войны, с Англиею, последствием которой была и война с Швециею, чтобы показать свое искреннее участие в союзе и действовать согласно с выгодами императора, своего союзника. В виду той цели, чтобы вынудить Англию заключить мир с Франциею, Его Величество должен был пожертвовать почти всеми выгодами своей торговли и, следовательно, поставить своих подданных в крайне стесненное положение и себя самого лишить значительных доходов, приносимых таможнями.

Вследствие этого случилось то, что и было предвидено: русский курс упал за границу, цены на все предметы возвысились значительно и сильною тягостью упали на все сословия. Это было огромное жертвование со стороны нашего государя; но он имел его в виду, надеясь на вознаграждения впоследствии, ибо тем самым нанес огромный ущерб торговле Англии, полагал победить упрямство, с которым она поддерживала постоянно войну на материке Европы, чтобы деспотически распоряжаться на морях и постепенно уничтожить флоты всех государств.

Все действия государя направлены были к этой цели, как возгоралась новая война между Франциею и Австриею, и хотя ему трудно было выносить тягость четырех войн, он не задумываясь принял участие в пятой, единственно для пользы своего союзника и исполняя свои обещания, которые считал долгом всегда исполнять. Австрия соприкасается с русскою империею обеими Галициями. Эти области должны

были сделаться поприщем действий его войск и отчасти войск саксонского короля, состоявших в распоряжении главы Рейнского союза. Ничто, казалось, не нарушало выгод русского императора: войскам Его Величества могло быть только приятно действовать совокупно с войсками саксонского короля в одних и тех же видах. Но войска Варшавского герцогства, в силу самых обстоятельств, действовали двойственно. Они не оставались в пределах саксонского войска, напротив, они называли себя польскими войсками, повсюду рассылали прокламации во имя отечества, провозглашали восстановление прежней Польши, набирали в свою службу воинов, даже вне пределов герцогства и, возбуждая патриотические чувства, привлекли к себе многих из подданных русского императора, которые до того времени оставались, после падения Польши, мирными гражданами его империи. Они без паспортов ушли за границу, увели за собою целые отряды, которые действовали оружием против пограничной стражи, которая не была так сильна, чтобы удержать их переход. Гербы старой Польши явились на границах империи. С тою ли это целью, чтобы показать, кому принадлежит область, на которой их ставили? Люблинский комендант полковник Ч—ский хвастался Анштетту, нашему поверенному в делах в Вене, когда он возвращался оттуда, что он распечатывал письма, надписанные на мое имя, прикладывал к ним потом свою печать и так отправлял. Я не получал этих писем и очень рад, потому что не желаю получать письма ко мне в таком виде. Ч—ский оправдывал свой поступок правом войны. Странное признание! Этот поляк полагает, что ему следует воевать с русскими, когда император французов пользуется войсками саксонского короля только в войне против австрийцев. Всеми передается за достоверный слух, хотя министерство и не имеет прямых доказательств, что этого-то рода власти остановили нарочного от князя Прозоровского и силою отняли у него бумаги.

Мысль о восстановлении прежней Польши бродит в умах всех обитателей герцогства Варшавского. Она не передается в виде тайного желания; напротив, выражается явно с полною надеждою осуществления и с этою целью проповедуют крестовый поход против России. Но осуществление этой мысли, даже воображаемое, может основаться только на разрыв союза между двумя императорами. Все стремления вооруженных сил герцогства Варшавского и его правительства естественно направлены к этой цели. Они должны постоянно и безостановочно действовать для того, чтобы разрушить эту дружбу. Это так должно быть; это иначе и быть не может.

Но это же обстоятельство должно побуждать министра русского императора употребить все средства, чтобы теснее скрепить узы этой

дружбы и устранить все то, что могло бы препятствовать достижению этой цели. Убежденный в этой истине, я испрашивал приказаний государя, моего повелителя, по этому печальному вопросу. Его Величество поручил мне, не теряя времени, войти немедленно в переговоры о нем с вами, как представителем Франции, представив вам со всею откровенностью положение дел. Описав вам это положение, по приказанию императора, я должен однако же присовокупить, что я объяснил важность зла для того только, чтобы совокупно с вами обдумать меры для отклонения вредных его последствий. Мой государь искренно желает поддержать союз, который он заключил ввиду пользы своей империи и по чувству искренней дружбы к императору Наполеону, и надеется оказать ему важные услуги. Он полагает даже, что наступило для этого время. Он желает только избавиться от тех препятствий, которые затрудняют это дело.

Его Величество напоминает о тех заявлениях, которые предшествовали войне с Австриею, в которых герцог Виченцкий выражал намерение определить будущую судьбу Галиции, в том предположении, которое и осуществилось в настоящее время, что успехи оружия союзников отторгнут ее от Австрии. Имею честь предупредить господина посла, что я получил приказание от моего государя войти теперь же в переговоры с ним по этому предмету. Он этого желает потому особенно, что подобную конвенцию между двумя монархами считает единственным средством для устранения множества препятствий, встречаемых, если можно так выразиться, *на пути союза*. Его Величество весьма желает, как можно скорее, доставить доказательства той дружбы, которую он питает к своему союзнику, и верности, с которою он соблюдает свои обязательства. Поэтому он предписал князю Голицыну не обращать особенного внимания на этих проповедников польского имени, не поддерживая никакими уступками их заблуждений в отношении к мысли о восстановлении бывшего королевства, продолжать с решительностью военные действия и во всех случаях поступать так, как это принято между державами, когда одна из них действует в союзе с другой, т. е. чтобы в занятых ими у неприятеля странах она имела равное влияние на управление в них, требование от жителей присяги, взимание налогов и рекрутов. Мир произнесет последнее слово об окончательной судьбе обеих Галиций; но дружба, которая царствует между двумя императорами, и их взаимное доверие могут подготовить ее в настоящее время, и я очень рад приступить к этому делу; мне поручил мой государь совокупно с вами, господин посол, еще более скрепить союз, существующий между двумя императорами. Он один может упрочить мир в Европе, в котором она так нуждается».

Изготовив ноту, канцлер граф Румянцев получил приказание императора сообщить Коленкуру сведения, только что полученные от князя Голицына, о краковских происшествиях. Сообщая их, он прибавлял с своей стороны: «Краков уже находился в нашей власти, когда появились войска князя Понятовского. Спор дошел до того, что войска стояли друг против друга, готовые вступить в бой. До 10 тысяч войск Варшавского герцогства пытались насильно заставить 3 тысячи русских очистить Краков. Это печальное происшествие, совершившееся в виду всех граждан города и улаженное соглашением, чтобы Краков оставался во власти обеих войск, усиливает во мне желание устранить все эти затруднения совокупно с вами, посредством соглашения. Прошу вас, соединим наши усилия и, с общего согласия, устранив все затруднения, покажем Европе союз между двумя монархами более искренним и тесным, нежели он был когда-нибудь. Таково искреннее мое желание, и я уверен, что и вы его разделяете»*.

Вероятно, французский посол разделял в этом случай желание русского кабинета; но его полномочия не простирались, конечно, до того, чтобы он мог заключить такую конвенцию. Хотя перед началом войны его правительство поручило ему указать нашему на Галицию, как вознаграждение за ту вооруженную помощь, которую Россия окажет Франции, в случае успешного окончания военных действий; но война еще продолжалась. Поэтому, прежде нежели он мог отвечать нашему канцлеру, он должен был испросить наставлений у своего двора.

Между тем после сражения при Ваграме было заключено перемирие между Австриею и французскими войсками; но вопрос, последуют ли за тем заключение окончательного мира или снова возобновятся военные действия, оставался нерешенным. Победа не была так решительна, чтобы вызвать немедленно мирные переговоры; положение французских войск было затруднительно; в Италии, несмотря на успехи французского оружия, продолжалась упорная борьба; Англия сделала высадку на остров Вальхерн. Если все эти обстоятельства и заставляли императора Наполеона желать заключения мира, он не решился бы заключить его на условиях, не тяжких для Австрии, таким образом не достигнуть сразу предположенной им цели ослабить эту империю, если не в той же мере, как Пруссию, то почти так же. При том в австрийском правительстве еще преобладало мнение тех лиц, которые считали возможным и необходимым продолжать войну. Действительно, австрийские войска не были разгромлены окончательно, они отступали в порядке и могли быть усилены новыми, готовыми силами.

*Нота графа Румянцева Коленкуру 15-го июля 1809 г.

При таком положении дел, как для той, так и другой воюющей стороны самым существенным представлялся вопрос о том положении, которое примет в этом случае Россия.

В это время, по приказанию императора Наполеона, Бертье, герцог Невшательский, написал письмо к князю Голицыну, спрашивая его, как будут действовать вверенные его предводительству русские войска, в том случае, если возобновятся военные действия против Австрии. Такой вопрос обличает уже недоверие к своему союзнику, действительно внушенное Наполеону донесениями предводителей войск герцогства Варшавского и самими действиями русского вспомогательного корпуса. Едва ли он придавал веру первым, зная характер поляков и их притязания; но очень был рад ими воспользоваться, особенно в настоящем случае, когда самые действия русского вспомогательного корпуса давали ему повод выражать свое неудовольствие. Эти действия были вялы и нерешительны вследствие двух причин, достаточных для их объяснения, не входя в рассмотрение других соображений. Русский вспомогательный корпус поставлен был в печальную необходимость протягивать дружескую руку врагам и драться вместе с ними против друзей, хотя бы и притворных. Он должен был действовать против врага, который явно показывал, что не хочет сражаться с русскими; при каждой встрече австрийцы постоянно отступали перед нашими войсками, предоставляя им без боя занимать Галицию. Войска герцогства Варшавского, с которыми пришлось совокупно действовать нашему вспомогательному корпусу, своею ненавистью к русским, заявляемою дерзко и нахально, и хвастливою притязательностью явно проповедуя крестовый поход против России для восстановления прежней Польши, возбудили такую вражду, что благоразумие требовало от вождей русских войск удалиться от них и действовать без их помощи и участия. Естественно, что, при таких обстоятельствах, действия русских войск не могли быть решительными и удовлетворить требования императора Наполеона. Австрийское правительство, с своей стороны полагая, что Россия ведет войну как бы поневоле, вынужденная силою обстоятельств, в нерешительных действиях русских войск находило подтверждение своему предположению.

На письмо Бертье князь Голицын отвечал немедленно в том смысле, что действия вспомогательного русского корпуса находятся в полной зависимости от действий войск, предводительствуемых императором Наполеоном. Если, по истечении перемирия, вновь начнется война с их стороны, то и русские войска немедленно приступят к военным действиям. Получив сведения об этой переписке, наш кабинет воспользовался этим обстоятельством для вызова вновь французского посла на

переговоры о Польше. Граф Румянцев сообщал ему, что император, одобряя ответ князя Голицына, написанный *в духе союза*, существующего между ним и французским императором, и согласно с его собственными мнениями, полагает однако же, что такой вопрос не может быть предметом переговоров только между военачальниками, как это было, и потому поручил ему войти с ним в сношения. Исполняя волю государя, канцлер писал Коленкуру, что император, пребывая верным союзу, очень доволен, что может представить новое доказательство своей личной дружбы к императору Наполеону и доказать перед всею Европою, что он неизменно соблюдает обязательства, возложенные на него договорами. Поэтому, если вновь откроются военные действия против Австрии, он готов предписать 20-ти тысячному корпусу действовать против них совокупно с войсками императора Наполеона. Этот корпус немедленно откроет действия по заключении французским послом предложенного ему соглашения, которое одно «может обеспечить от слухов, распускаемых теми подданными саксонского короля, которые считают себя как бы отдельным государством, и, действуя согласно с этим мнением, надеются на расширение своих границ в явный ущерб выгодам России». Но в то же время, когда новый корпус русских войск будет действовать совокупно с французскими войсками, император считает нужным удержать другой в Галиции, для поддержания спокойствия в этой области, «где возбуждено уже опасное для России волнение». «Его Величество, — писал граф Румянцев, — решился на такой образ вовсе не из видов увеличения своих владений. Он будет очень доволен, если в настоящее время мир будет заключен с тем условием, что вся Галиция останется собственностью Австрии, которой она до сих пор принадлежала. Я повторяю: если теперь же будет заключен мир, по которому союзникам и подружникам (*les alliés et les confédérés*) предоставлены будут вознаграждения не в Галиции, Его Величество ничего для себя не требует. Он сочтет достойным для себя вознаграждением благоденствия мира, которыми воспользуются миллионы людей, за то участие, которое он принимал в этой войне, действуя как союзник французского императора. Потому я предлагаю снова господину послу избавить петербургский кабинет от тех затруднений, которые возбуждают для него современные происшествия в Галиции, заключением конвенции, которая может их устранить. Тогда откроется способ для моего государя увеличить число войск, предназначенных для военных действий. Император с прискорбием вынужден оставлять в бездействии часть своих войск, которую он предпочитал бы употребить для увеличения средств обоих императоров-союзников, чтобы принудить Австрию к заключению мира, а равно и ту опасную

державу, которая, пользуясь своим положением, отделенная морями от всех других, поддерживает войну на материке Европы своим золотом и своими подстрекательствами, разрушая таким образом богатство и благосостояние как государств, так и частных лиц»*.

На эту ноту так же, как и на первую, Коленкур ничего не мог отвечать нашему канцлеру, потому что правительство оставляло его в совершенной неизвестности о ходе мирных переговоров с Австрией и о своих условиях мира. Кроме словесных и неопределенных заявлений о дружбе Наполеона к императору Александру, о расположении к России политики тюльрийского кабинета, о желании будто бы императора французов, чтобы сам граф Румянцев принял участие в мирных переговорах с Австрией, он ничего не мог отвечать и тем менее приступить к заключению самой конвенции. Император Наполеон даже вводил в заблуждение наш кабинет, намекая Чернышеву, что, в вознаграждение за участие в этой войне, Россия приобретет большую часть Галиции с городом Львовым**.

В таком положении находился этот вопрос до самого заключения Шёнбруннского мира, неожиданно поразившего наш кабинет своими условиями. Россия в вознаграждение за помощь, оказанную французскому императору, получила округ в восточной Галиции, с народонаселением в 400 тысяч душ, а к герцогству Варшавскому была присоединена западная Галиция, Краков с его округом и Замосц, с народонаселением, простиравшимся до 2-х миллионов жителей. Таким образом, то положение дел, которое петербургский кабинет считал опасным для России, становилось еще опаснее, возбуждая надежды поляков на восстановление бывшего королевства и давая к тому средства, несоразмерные с обстоятельствами, увеличением герцогства Варшавского. А между тем Коленкур, не получая наставлений от своего кабинета, не отвечал на две ноты нашего канцлера. Получив сведения о Шёнбрунском договоре, граф Румянцев снова получил приказание императора войти с ним в сношения. «Мир заключен, — писал он ему, — такое происшествие всегда приятно императору, а также еще более потому, что австрийскому дому сохранено почетное положение, за что поручил мне выразить благодарность своему союзнику, который принял во внимание участие России в сохранении австрийской монархии. По тому же самому договору, император французов распорядился единственно в видах своих выгод тою частью австрийских владений, которая была завоевана войсками моего государя, предоставив в пользу России округ с 400 тысяч населением и увеличив силу герцогства Варшавского почти на 2 миллиона, как бы в подкрепление общего мне-

*Нота графа Румянцева Коленкуру 9 (21) октября 1809 г.

**Письмо Чернышева к графу Румянцеву из Шёнбрунна 16-го (28-го) сентября 1809 г.

ния, что оно предназначается к тому, чтобы сделаться Польским королевством. Его Величество прямо объявляет, что был вправе ожидать иного решения. Обращая внимание на это неудобство, император находит его огромным (immense) в отношении к выгодам своего государства; но он не имеет намерения ни остановить, ни затруднить дело мира и предписал уже князю Голицыну точно сообразовать свои действия с постановлениями мирного договора. И в этом случае император поступил так же, как и всегда поступал, как верный и добросовестный союзник; он свидетельствует перед всею Европою, как дорого для него сохранение того направления своей политики, которое она приняла после Тильзитского мира и, не скрывая своих мыслей, как бы на его месте поступил иной государь, явно выражает их своему союзнику. Он обращается к императору Наполеону с настояниями самой искренней дружбы и приглашает его принять участие такое же, как он принимает, в сохранении великого дела — союза между двумя империями. Он делает даже более: он питает полное к нему доверие и, чтобы это доказать, поручает мне, несмотря на то, что война уже окончена, возобновить герцогу Виченцскому предложение, — которое я уже делал, — испросить у своего государя полномочие для заключения здесь конвенции, которая однажды и навсегда убедила бы Россию, что она безопасно владеет областями, приобретенными предками моего государя после падения Польского королевства; одним словом, такую конвенцию, в которой бы положительно было выражено для убеждения как подданных Его Величества, так и подданных Варшавского герцогства, что новое увеличение его области и его сил, доставленное ему французским императором, никогда не поведет к восстановлению Польского королевства. Некоторые словесно сделанные в этом отношении предложения при начале войны, но еще более уверенность Его Величества в дружбе к нему императора Наполеона, на которую он отвечает полным сочувствием, его уверенность, что тесный союз Франции и России во всех случаях составляет такое важное событие его царствования, к достижению которого стремились многие из его предшественников и которое он желает упрочить и передать в наследство своим преемникам, — все эти соображения заставляют его предполагать, что император Наполеон не имеет намерения в заключенном им мирном договоре с Австриею оставить зародыша новой войны и сам согласится, что нет удобнее способа для устранения такого предположения, как заключение конвенции, которую он предлагает*.

*Нота графа Румянцева Коленкуру 22 октября 1809 года. Курсивом напечатанные строки вписаны самим императором Александром I в черновую ноту, написанную собственноручно канцлером.

Три ноты одна за другою, написанные канцлером русской империи к французскому послу, ноты, на которые не последовало от него ответа в качестве представителя Франции, и лишь только словесные заверения в желании сохранить дружеские отношения между двумя кабинетами, служат достаточным доказательством того, какую важность придавало наше правительство политическому вопросу, предложенному им на совокупное разрешение обеих держав. Конечно, Коленкур не был виноват в неприличном и невежливом поведении в отношении к петербургскому кабинету: он не получал никаких предписаний по этому вопросу от своего правительства и вынужден был выражать только личные свои соображения, может быть, и весьма искренно. Но личные мнения французского посла могли убедить только наше правительство в том, что он поставлен в затруднительное положение и что его личные мнения уже не соответствуют целям его правительства, на которые указывают его действия.

Три ноты нашего канцлера, повторявшие одно и то же предложение, последовали одна за другою не при одних и тех же обстоятельствах; но первые две предшествовали Шёнбруннскому договору, а третья написана была после того, как нашему правительству сделались известны его унижительные для России условия. Обстоятельства решительно изменились, как и сам граф Румянцев заявляет в последней ноте, а предложение нашего правительства французскому осталось таким же, как и было прежде. Продолжая упорно настаивать на своем предложении, наш кабинет полагал, что Шёнбрунский мир заключает в себе зародыш новой войны, которую может отклонить заключение конвенции о Польше.

В то время, когда наш кабинет настоятельно вызывал на переговоры французского посла, император Наполеон, оставляя его в неведении о своих намерениях, деятельно вел мирные переговоры с Австриею. Задумав значительно увеличить Варшавское герцогство, он, конечно, не мог сообщить своего намерения русскому двору в то время, когда польский вопрос особенно его тревожил. Успех переговоров о мире зависел от положения русских войск. Если бы русский кабинет узнал об этом намерении до заключения мира, — то весьма возможно, что союз с Франциею был бы разорван немедленно и наши силы соединились бы с австрийскими для продолжения войны, весьма опасной для императора Наполеона. Только окончив мирные переговоры за четыре дня до подписания договора, он написал императору Александру, что он «дал Австрии самый выгодный мир, отнесся к ней с такою умеренностью, которой она никогда не могла ожидать. Я льщу себя надеждою, что это будет приятно Вашему Величеству». Что же касается до увеличения герцогст-

ва Варшавского, то упомянув о нем мимоходом, он прибавлял: «Благоденствие Варшавского герцогства требует, чтобы оно пользовалось милостивым расположением Вашего Величества, ваши же подданные могут быть уверены, что ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах они не могут надеяться на мое покровительство». Это письмо встревожило императора и произвело неприятное впечатление на наш кабинет. Император Наполеон явно выражал в нем, что как будто ему неизвестны те требования, которые заявлял его послу наш канцлер, по приказанию, конечно, императора. Он предоставлял благосклонному расположению русского государя увеличенное им герцогство Варшавское, неумышленно проговорившись, что он не *возбудит бунта* в государстве своего союзника и друга, в поляках, его поданных. Преемник Карла Великого, как в то же время величал себя император Наполеон в письме к папе Пию VII, счел долгом обещать русскому государю, что он не будет действовать так как мог бы действовать атаман разбойников*.

Конечно, смысл этого письма был понят честною душою русского государя, презиравшего всякую подлость и гнушавшегося низкого обмана, особенно в лице, которое он должен был поневоле называть своим другом.

III

Спустя несколько дней после доставления этой ноты герцогу Виченцскому, наш канцлер получил письмо из Вены от французского министра иностранных дел, Шампаньи. Он отвечал на письмо графа Румянцева, при котором он препроводил список с Фридрихсгамского мирного договора, препровождая со своей стороны список с Шёнбруннского договора, он писал, что император Наполеон, при его заключении, более всего заботился о своих союзниках. «Он должен был отклонять предложения Австрии, которая охотно отдавала ему всю Галицию, для того, чтобы спасти некоторые из своих областей на границах Баварии и Италии. «Мы дадим вам в Галиции, — говорил мне князь Лихтенштейн, — два человека за одного, которого вы нам оставите в Австрии и Карниолии». Император постоянно им отказывал. Но вам известно уже из объяснений герцога Виченцского, что чувство чести не позволило императору оставить на мщение Австрии людей, которые ему хорошо служили и для него жертвовали собою. Благодарность должна быть первою благодетелью государей, так же, как честь — первым

*Письмо из Шёнбрунна 10-го октября 1809 г.

их долгом. Чувства чести и благодарности не позволяли Наполеону возвратить Австрии ту часть Галиции, которая поголовно восстала против нее. Никакое условие договора не обеспечило бы ее жителей от мщения правительства, так сильно ими оскорбленного и против которого они действовали. Такого рода обеспечение в их глазах казалось бы совершенным невниманием к ним, и потому император Наполеон, всегда верный обязанностям в отношении к своим союзникам, в этом случае изменил бы тем, которые наиболее были ему преданы.

Но следуя правилам здоровой политики, основанной на чести и справедливости, император Наполеон изыскал все средства, чтобы исполнить желание своего союзника, императора Александра. Западная Галиция отдана саксонскому королю, которого взгляды менее всего склоняются к революционным и который не обладает беспокойным честолюбием увеличивать свои владения. Император не только не желает вызвать мысль о восстановлении Польши, которая так далека от его видов; но он готов содействовать императору Александру во всех тех мерах, которые могли бы истребить навсегда воспоминание о ней в ее прежнем населении. Его Величество согласен на то, чтобы слова: *Польша и поляки* не только бы исчезли из всех политических договоров, но даже *из истории*. Он пригласит саксонского короля приступить к соглашению, которое бы клонилося к этой цели. Все, что может служить к поддержанию покорности обитателей Литвы, будет одобрено императором и исполнено саксонским королем. Затруднения, которые случались после заключения Тильзитского мира, не повторяются более: все будет сделано, чтобы их предупредить. Кажется, можно быть уверенным, что увеличение силы саксонского короля вместо того, чтобы поддерживать химерические желания в старых поляках, убедит их, напротив, в их несбыточности. Оно положит конец заблуждению, более опасному для них самих, нежели тревожному для тех правительств, под властью которых они находятся.

Австрия сохраняет еще три пятых части Галиции, притом, именно те области, которые наиболее привыкли к ее господству. Та часть, которая перешла во власть саксонского короля, заключает в себе немного более четверти всего ее народонаселения и едва десятую часть владений прежней Польши. Неужели присоединение такой незначительной части может вызвать к жизни, уже окончившее свое существование, большое государство? Но, повторяю, император Наполеон готов всеми средствами содействовать всякой мере, которая бы обеспечивала спокойствие и покорность старых поляков, и он полагает, что им же

может принести пользу, избавив их от новых несчастий, подчиняя их более и более мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга»*.

Это письмо имело, конечно, более определенное значение, нежели письмо императора Наполеона. В нем положительно выражалась мысль, что он не только не имеет в виду восстановление прежнего Польского королевства, но готов, напротив, содействовать всем тем мерам, которые будут приняты с целью разубедить в ней поляков. Но это письмо было писано министром французского императора из Вены, в его отсутствие, когда он был уже в Париже. «При этом дворе, — часто писали нашему правительству дипломатические агенты, — всякая мелочь имеет значение, здесь ничто не делается без умысла». Император Наполеон мог сказать впоследствии, как и часто с ним случалось, что министр не вполне понял его мысль, выразил не точно или превысил свою власть. Притом, ни император, ни министр не выражали прямо согласия заключить конвенцию о Польше между Францией и Россией. Напротив, обещая лишь свое содействие, французское правительство указывало на саксонского короля, как обладателя Варшавского герцогства, с которым Россия могла войти в соглашение по этому вопросу. Это письмо, не заключая прямого ответа на предложение нашего кабинета, скорее могло возбудить подозрение и недоверие к политике Франции, нежели успокоить его. Между тем наш кабинет воспользовался им, потому, конечно, что в нем ясно была выражена мысль, что в виды императора Наполеона вовсе не входит восстановление бывшего Польского королевства. Как письмо императора Наполеона, так и письмо его министра иностранных дел, не сохранялись в строгой тайне, как все вообще более важные бумаги в то время. Сам канцлер показывал письмо Шампаньи некоторым из поляков, очевидно, с целью распространить между поляками, русскими поданными, взгляд императора Наполеона на польский вопрос. Они сделались даже предметом общественных толков, которые дошли до императора и произвели на него неприятное впечатление. В них замешаны были Новосильцев и князь Чарторыйский. В разговоре с последним, когда он навел речь на этот случай, император выразил неудовольствие против Новосильцева, который позволил себе рассуждать о письме Наполеона к нему в гостинице за обедом. Желая защитить Новосильцева, как он сам говорит, — с ним он действительно был дружен, — но еще более, конечно, желая выведать взгляд самого императора, князь Чарторыйский заметил: «Новосильцев рассуждал об этом письме, как русский, он

*Письмо герцога Кадорского к графу Румянцеву из Вены 20-го октября 1809 г.

находил, что это письмо может рассеять все беспокойства, по крайней мере, на время; что же касается до меня, то как поляк, по иным совершенно причинам, я читал его с грустью».

«А вам известна депеша Шампаньи», — спросил его государь, прибавив, что она гораздо сильнее письма.

«Я не читал ее, — отвечал князь Чарторыйский, — но слышал о ее содержании». Он говорил, что с прискорбием видит из нее, что государь становится главным врагом польского народа и польского имени, что император Наполеон решился оставить поляков, лишить их всякой надежды на лучшую будущность, единственно потому, чтобы сделать ему угодное, что враждебное чувство к полякам дошло до такой степени, что желают имя Польши уничтожить даже и в *истории*.

Император, отклоняя от себя эти нарекания, говорил: «мои чувства, которые вам давно известны, нисколько не изменились; но так заставляю меня действовать мои обязанности, как императора, и всякий иной государь на моем месте поступил бы точно также». Князь Чарторыйский едва ли искренно замечал, что не может понять такого разделения качеств, соединенных в одном и том же лице. Он говорил: «вы сами, государь, признавали, что восстановление Польши совершится не только во вред, но к выгоде России, если обе короны соединятся на вашей голове».

«Это возможно, — отвечал государь, — но это неисполнимо и потому необходимо было принять другой способ действий».

Князь Чарторыйский выразил недоумение, желая показать, что не понимал взгляда императора на это дело. Он говорил: «если дело признается полезным по своей сущности, то, начав действовать в видах его осуществления, не следует вдруг переменять образ мыслей и давать направление в противоположную сторону. Напротив, надо готовить способы к его осуществлению и в этих видах давать направление событиям. Я не стану говорить о том, представлялись ли благоприятные обстоятельства для осуществления этой мысли, потому что они уже упущены; но замечу, что в настоящее время надо ожидать более благоприятных, готовить будущее и действовать так, чтобы не испортить путей для достижения своей цели. В этих видах не следует лишать народ всякой надежды и оскорблять его строгими мерами»... Прервав его речь, император с некоторым смущением сказал: «если б я мог ожидать, по крайней мере, что поляки опомнятся и будут иначе действовать»...

Это последние слова, как бы невольно вырвавшиеся у императора, показывают, что он не отказался от великодушной мечты своей молодости; но что опыт девятилетнего царствования доказал ему невозможность ее осуществления на деле.

Происшествия этих лет, когда Россия, как планета могучая и сильная, но сорвавшаяся с своей орбиты, утратила равновесие и в образе бродячей кометы то являлась бескорыстной защитницей старых государств Европы, то союзницею Наполеона, не имея ничего общего с первыми и не сочувствуя деспотизму второго, привели его к убеждению, что недостаточно ни его желания, ни средств империи к осуществлению этой мысли без согласия Пруссии и Австрии и без содействия Наполеона и особенно — без сочувствия самих поляков. Последняя война не могла убедить его, что все уверения князя Чарторыйского и немногих его друзей, что поляки только того и желают, чтобы восстановление королевства объявил император Александр под своим владычеством, — не имеют основания.

Получив письмо герцога Кадорского, граф Румянцев сообщил из него выписку французскому посланнику, прибавив, что выраженные в нем заявления совершенно удовлетворяют желания нашего кабинета. «Император совершенно полагается на уверения, выраженные так решительно; но как согласить эти уверения с действиями, которые совершенно им противоречат». Шесть дней спустя после этого письма (26-го октября), в Вене была подписана военная конвенция, в которой войска саксонского короля называются *польскими войсками* и говорится о *польской армии*. В газетах появляются статьи, возбуждающие надежды поляков, в гамбургской появилось, например, заявление о том, что дочь саксонского короля выходит замуж за князя *Понятовского, человека, одаренного блестящими качествами и которому, вероятно, предназначается носить корону Польши*.

«Сам герцог Кадорский, — писал граф Румянцев, — называет эти надежды поляков *химерами*. Следует положить конец опасным заблуждениям, для пользы самих поляков, чтобы избавить их от новых бедствий. Я совершенно разделяю мнение герцога Кадорского и потому снова предлагаю вам испросить необходимое полномочие, чтобы без отлагательства, заключением особой конвенции, навсегда устранить этот вопрос, причиняющий постоянные беспокойства»*.

Это была четвертая нота по одному и тому же вопросу, которую канцлер Русской империи решился написать герцогу Виченцскому, не получив ответа на три первые. Коварный образ действий тюильрийского кабинета не подлежал сомнению. Сам французский посланник, поставленный в ложное положение, писал своему правительству, что это *молчание* уже достаточно для того, чтобы оскорбить русское правительство. Но это молчание продолжалось и после окончания войны и

*Нота графа Румянцева герцогу Виченцскому 28-го ноября 1809 г.

заклучения мира с Австрией. Получив письмо Шампаньи из Вены, из которого он сообщил выписку Коленкуру, без сомнения русский канцлер немедленно отвечал на него и в этом ответе выразил ту же мысль о необходимости заключить конвенцию о Польше и просьбу снабдить для того полномочием французского посланника при нашем дворе*.

Долго не получая ответа, граф Румянцев написал эту четвертую ноту Коленкуру; но вслед за тем пришло письмо к нему от герцога Кадорского. Он написал: «вчера вечером я получил письмо нашего сиятельства. Радуюсь, что мне досталось на долю выразить вам неизменные чувства моего государя. Приказания, которые он поручил мне сообщить своему посланнику при вашем дворе, надеюсь, рассеют все недоразумения, о которых вы мне сообщаете. В этом случае император действует так, как и всегда желал действовать и если б он только узнал, что этого желают, то немедленно бы исполнил это желание».

Это желание нашего двора давно было заявлено Наполеону, через его посланника, и он не мог его не знать. Наглая ложь, так бессовестно выраженная его министром иностранных дел, обличает только, что Наполеон, несмотря на тотальность, не принадлежал к числу честных людей, уважающих нравственные начала и вообще людей порядочного общества. «Мой государь, — продолжает его слуга, — дорожит всем, что может способствовать к поддержанию союза между двумя империями. Он желает скрепить союз теперь, когда, может быть, приближается время достигнуть цели этого союза. Я убежден, что и вы и мы одинаково убеждены, что чем долее продолжается союз между двумя империями, тем более он должен продолжаться, и мы должны стараться сделать его вечным»**.

Но Коленкур получил только приказание употребить все средства, чтобы убедить русский кабинет, что восстановление прежней Польши вовсе не входит в виды императора Наполеона; но не получил полномочия на заключение конвенции.

В тот же день, как герцог Кадорский написал это письмо к нашему канцлеру, он говорил князю Куракину, что, по известиям, полученным из Петербурга, наш кабинет был весьма встревожен мыслью о восстании Польши. «Но, — говорил он, — герцогу Виченцскому поручено представить объяснения, которые могли совершенно успокоить ваш кабинет». Они действительно и произвели это действие.

«Но, — заметил ему князь Куракин, — и нам надо войти в переговоры с Саксонию, чтобы на прочных основаниях установить наши

*Письмо графа Румянцева к Шампаньи 25-го октября 1809 года.

**Письмо герцога Кадорского к графу Румянцеву 13 ноября нов. ст. 1809 г.

политические отношения к Варшавскому герцогству, которое, после увеличения его области, вошло в большие соотношения с Россиею. По моему мнению, необходимо установить положительные условия, всем известные, которые бы дали понять нашим подданным, прежде бывшим полякам, что они должны отказаться от преступного сочувствия к правительству и стране, которые они выражают при каждом случае».

«Нет никакой нужды входить об этом в переговоры с Саксониєю, — отвечал французский министр иностранных дел, — сообщения Коленкура совершенно успокоили ваш двор».

Но князь Куракин говорил так потому, что сам император Наполеон, по возвращении из Шёнбрунна в Париж, заявил ему эту мысль, которую незадолго перед тем выразил в письме к императору Александру. Слова его министра показывали, что эта мысль была уже оставлена, вероятно потому, что король саксонский, находившийся в это время в Париже, просил избавить его от обязательств, которых он выполнить не может. Он это знал по опыту, как исполнилась конвенция 1808 года о выдаче дезертиров, и не желал обманывать и действовать заведомо бесчестно, сознавая, что не имеет в сущности никакой власти над герцогством Варшавским.

Та ли причина, или иная послужила поводом, что были отстранены указанные Наполеоном соглашения с Саксониєю; но, во всяком случае, заявления его министра показывали, что Франция не желает заключать с нами особой конвенции о Польше. Но Шампаньи ошибался, объявляя, что русский двор совершенно удовлетворен теми объяснениями, которые представил ему Коленкур. Через несколько дней он получил известие от Коленкура о новой ноте, переданной ему графом Румянцевым, и потому, при свидании с князем Куракиным, после получения этих известий, говорил уже иное. На замечание нашего посланника, получившего сведения от своего кабинета, что объяснения, представленные Коленкуром, вовсе не удовлетворяют его, он отвечал, что получил уже полномочие заключить конвенцию о Польше на следующих основаниях: 1) выразить мысль, что Польша не будет восстановлена и герцогство Варшавское не увеличится более; 2) раздел Польши будет признан, как оконченное дело, но в том виде, в каком он находится теперь, после Венского мира; 3) уничтожение имен Польши и поляков; 4) герцогство Варшавское никогда не получит независимого существования, но будет одною из областей Саксонии; 5) Польские ордена будут уничтожены и, 6) поляки, русские подданные, не могут вступать в службу в герцогстве Варшавском и наоборот.

Снабдив полномочиями Коленкура, герцог Кадорский писал нашему канцлеру: «Я не могу отказаться от приятной привычки беседовать

с вами и потому пользуюсь случаем, чтобы сказать вам, что в моем письме от 20-го октября я вполне выразил чувства императора, моего повелителя. Эти чувства не изменились и служат руководством его политики. Император заявил их сам, перед Францией и Европою, он открыто выразил свою дружбу к России и желает поддержать союз между двумя империями. Уверения в этих чувствах вам немедленно были представлены, лишь только вы пожелали в них убедиться. Мое письмо даже *предупредило* ваши желания. *Потом* вы предпочли заключение конвенции. Давно уже герцог Виченцкий получил приказания заключить ее на указанных вами основаниях. Министерство иностранных дел постоянно действовало согласно с неизменными видами императора Наполеона. Поэтому я с удивлением узнал из донесения герцога Виченцкого о беспокойстве русского кабинета. Мы не можем отвечать за газетных писак, и вашему сиятельству известно, что министерство иностранных дел не издает ни одной газеты, и ни одна из них не подлежит его цензуре. Точно также, едва ли можно придавать какое-нибудь значение выражениям, которые издавна вошли в привычку, употребленным в конвенции, написанной военными людьми. Я уверен, что ваше сиятельство не придадите им значения, которого они не заслуживают, и что конвенция, которую поручено заключить с вами герцогу Виченцкому, совершенно удовлетворит вас. Что касается меня, то мне доставляет особенное удовольствие исполнять главную мою обязанность, т. е. поддерживать постоянное благорасположение моего государя к России и заботы о ее выгодах. Сегодня последний день года, которого начало мне особенно было приятно, потому что я встретил его вместе с вами. Желаю, чтобы и наступающий год дал мне приятную возможность выражать уверения в моей искренней преданности»*.

В тот день, когда французский министр иностранных дел писал это письмо, его товарищ, министр внутренних дел, граф Монталиве, в речи, произнесенной в законодательном корпусе, о положении империи, между прочим, говорил: «герцогство Варшавское увеличено частью Галиции. Его Величеству не трудно было присоединить к нему и всю Галицию; но он ничего не позволил себе сделать, что бы могло внушить беспокойство его союзнику, русскому императору. Часть Галиции второго раздела почти вся осталась во владении Австрии. Его Величество никогда не имел в виду восстановления Польши. Предоставляя новую Галицию Варшавскому герцогству, император действовал не столько из видов политики, сколько удовлетворяя требованиям чести. Он не мог оставить на мщение неумолимого государя народ, оказав-

*Письмо герцога Кадорского к графу Румянцеву 31-го декабря, нового стиля, 1809 года.

ший такое усердие к делу Франции». Сам император Наполеон в то же время при открытии заседаний законодательного корпуса говорил: «мой друг и союзник, русский император, присоединил к своей обширной монархии Финляндию, Молдавию и Валахию и часть Галиции. Я нисколько не завидую и желаю всякого добра этой империи, мои чувства к знаменитому (*illustre*) государю совершенно согласны с моею политикою» и при свидании с нашим посланником сказал, что он готов заключить всякую конвенцию о Польше, лишь бы только успокоить Россию*. Эти слова или объясняли до сих пор двусмысленную политику тюильрийского двора в отношении к вопросу о Польше, или показывали на совершившуюся в ней перемену в пользу России. В приведенном письме Шампаньи указывает на мысль о заключении конвенции как на предложение новое со стороны России, будто бы до того времени неизвестное французскому правительству, бросая таким образом подозрения на своего посланника, который будто бы не сообщил своему правительству о первых нотах графа Румянцева. Это одна из постоянных уловок политики Наполеона, и без сомнения Коленкур нисколько не виноват в этом случае.

Условия конвенции о Польше так часто и долго служили предметом разговоров и соображений графа Румянцева и герцога Виченцкого, что не представляли никаких затруднений для соглашения обеих договаривающихся сторон. Поэтому лишь только последний получил необходимое полномочие, немедленно была заключена и подписана следующая конвенция: «Его Величество, император всероссийский, и Его Величество, император французов, король итальянский, одушевляемые обоюдным желанием вернее упрочить мир на материке Европы и желая лишить Англию, которая всегда была открытым врагом континента и в настоящее время довела эту вражду до крайних пределов, всякой надежды снова возмутить спокойствие, решились не только теснее связать узы соединяющего их союза, но содействовать всеми способами, чтобы сделать его неразрывным. Вследствие того, Их Императорские Величества сочли необходимым дружески договориться о том, чтобы наперед устранить единственный предмет беспокойств, который может вредить их союзу, положив конец опасным заблуждениям и химерическим надеждам поляков на восстановление бывшего Польского королевства, в полной уверенности, что тем самым они принесут пользу самому этому народу, обеспечив его спокойствие и подданство тем державам, которым они принадлежат». В виду этих целей уполномоченные обеих договаривающихся сторон постановили следующие статьи:

*Депеша от князя Куракина к графу Румянцеву 19 (31) декабря Париж.

«1) Королевство Польское никогда не будет восстановлено:

2) Высокие договаривающиеся стороны позаботятся о том, чтобы наименование Польши и поляков не было присвоено ни одной из областей, входивших в состав королевства, ни ее обитателям, ни войскам и исчезло бы навсегда из всех публичных актов, какого бы рода они ни были.

3) Ордена прежнего королевства Польского будут уничтожены и вновь никогда возобновлены не будут.

4) Никто из прежних поляков, а теперь подданных российского императора, впредь не может быть принимаем на службу Его Величества, короля саксонского, в качестве герцога Варшавского и наоборот, ни один из подданных саксонского короля, как герцога Варшавского, не может быть принят в русскую службу.

5) Постановляется постоянным и неизменным правилом, что герцогство Варшавское не будет увеличиваемо никакою из областей, входивших прежде в состав Польского королевства.

6) Не будет более признаваемо *смешанных подданных* России и герцогства Варшавского; тем же, которые в настоящее время считаются таковыми, дается 12-месячный срок, со дня ратификации этой конвенции, для объявления, какому государству хотят принадлежать, и 3-хлетний срок для отчуждения имуществ, находящихся в том государстве, от подданства которому они отказались.

Его Величество император французов обязывается привлечь к этому договору саксонского короля и обеспечить его исполнение на деле.

8) Настоящая конвенция будет ратификована высокими договаривающимися сторонами, и ратификации разменены в Петербург в продолжение 50 дней или скорее, если будет возможно».

Из содержания этой конвенции видно, что она имела двоякую цель, во-первых, устранить всякую мысль о восстановлении прежнего Польского королевства, и во-вторых, повторить конвенцию 1808 года с Саксониєю о выдаче дезертиров, но в более широком размере. Мысль о том, что император Наполеон намерен восстановить старую Польшу, постоянно волновала наши губернии, присоединенные к России после ее раздела. Конвенция с Саксониєю не исполнилась, ибо король не имел достаточно власти, чтобы принудить к ее исполнению правительство Варшавского герцогства. Так называемые же смешанные подданные, будучи нелепостью в теории, ибо подданство двум государствам в одно и то же время невозможно, на деле представляло величайшие затруднения для России. Эти смешанные подданные безнаказанно могли ей вредить, имея постоянный доступ в ее владения и разнося повсюду волнения или вступая на службу герцогства Варшав-

ского. «Я считаю своею обязанностью, — писал в этом году наш посланник из Парижа к графу Румянцеву, — обратить ваше внимание на ревность, с которою поляки-владельцы имуществ, находящихся в областях, принадлежащих нашему правительству, и потому его подданные, стремятся вступать на службу герцогства Варшавского. Из их числа я укажу только на князя Доминика Радзивилла, который приехал в Варшаву с тем, чтобы составить целый полк конницы, которого почти все имения находятся в пределах России; на князя Сапегу, который находится в таком же положении; на графа Владимира Потоцкого, которого все имения находятся в России. Я не войду в рассмотрение всех затруднений, которые впоследствии могут возникнуть из этой поправки полякам действовать согласно с их тайными желаниями, постоянно направленными против России. Я указываю только на это злоупотребление, в уверенности, что и вы разделите мои мнения и испросите у нашего государя повеление, которое могло бы положить конец этому злу. По моему мнению, этого требуют наши заботы о том, чтобы сохранить те области, которые достались нам от бывшей Польши, и предупредить возмущение, которое и в них может развиваться».

Живя в Париже, куда съезжалось много поляков в это время и где они не скрывали своих чувств и взглядов, князь Куракин достаточно изучил их характер и понимал, какие вредные последствия может повлечь за собою та терпимость, которую оказывало русское правительство к действиям явно враждебных России поляков, наших подданных. Его опасения увеличились еще более после Шёнбруннского мирного договора, увеличившего значительно Варшавское герцогство, что в свой черед увеличило надежды и ожидания поляков. В замечательном донесении самому императору, в котором он оценивал значение этого договора, описывал положение дел в Европе и предупреждал, что вслед затем последует вторжение Наполеона в Россию, как неизбежное последствие этого положения, он писал о герцогстве Варшавском, что оно сделалось для нас еще опаснее, нежели Иллирийские области, оставленные Наполеоном в своем распоряжении, потому что и та и другая ставят Россию в непосредственное соприкосновение с Франциею. «В настоящее время, государь, пока еще продолжается ваш союз с императором Наполеоном, оно составляет ядро, к которому со всех сторон готовятся присоединиться все области старой Польши; оно тайно возбуждает это желание и prepares восстание и в ваших прежде бывших губерниях. Достаточно будет Франции только подать знак, и восстание вспыхнет. Я счел уже долгом обратить внимание вашего министерства на то увлечение, с которым множество поляков лучших семейств,

которых имения находятся в вашем государстве, ваши подданные, стремятся в Варшаву и живут там, не испрашивая на то предварительно дозволения Вашего Величества. Я поименовал нескольких лиц из самых замечательных и предлагал принять меры, чтобы остановить это вредное движение, которое все более и более становится всеобщим и по справедливости должно оскорблять вас. Позволяю себе повторить самому Вашему Величеству о необходимости принять против этого меры. Мудрость ваша, без сомнения, усмотрела уже, до какой степени настоящее положение дел требует заставить их уважать обязанности подданных Русской империи, не действовать самим и не употреблять своего имущества, несогласно с пользами России, которую исключительно они должны считать своим отечеством. Герцогство Варшавское, вследствие увеличения его области и народонаселения, сделалось одною из грозных второстепенных держав. В нем до 3 миллионов жителей и, как уверяют, будет до 80 тысяч постоянного войска, хорошего, привыкшего к войне и устроенного французскими генералами, которых Франция снабдила офицерами, унтер-офицерами и оружием».

Голос князя Куракина не был одиноким в этом случае. Вероятно, его мнение разделял и канцлер, но, вообще, почти все государственные люди империи советовали императору принять меры против образа действий поляков, русских подданных. Но император долго не решался, по личному вообще отвращению к карательным мерам, по некоторому может быть пристрастию к полякам и особенно стесняемый дружбою к Наполеону и союзом с Франциею, которые требовали, чтобы он благосклонно относился к герцогству Варшавскому. Но действие варшавского правительства и войск, находившихся под начальством князя Понятовского, в последнюю войну с Австриею, явно обличив отношения поляков к России, вынудили и его наконец принять некоторые административные временные меры, но в то же время оградив безопасность империи особым договором о Польше с императором Наполеоном.

В конце августа месяца этого года состоялся *именной указ*, данный *Сенату*, в котором сказано, что до сведения императора дошло, что некоторые из поселян и обывателей пограничных губерний, предаваясь, в простоте их, ложным и неосновательным слухам, отлучаются без ведома начальства их от своих жилищ и за границу. За такие *противозаконные отлучки* повелевалось их ловить и годных отдавать в солдаты, а негодных ссылая в крепостные *работы*. Но этот указ, по-видимому, направленный только против *поселян*, которые по *простоте их*, поддавались внушениям (а еще более в силу крепостного права), оканчивался постановлением именно о тех, которые, распускали подобные слухи и соблазняли бедных *поселян*, которыми пользовались на неограничен-

ном праве собственности. «Хотя по известной нам благонамеренности дворянства и помещиков, говорит вторая статья этого указа, в пограничных губерниях пребывающих, нельзя предполагать, чтобы кто-либо из них, предаваясь тем же ложным и неосновательным толкам, покусился на таковые отлучки, но тем не менее, если бы паче чаяния и из дворян и помещиков кто-либо был обличен в таковом преступлении, или же в попущении, подговоре, а паче в доставлении каких-либо способов к *вооружению*, каковых имения немедленно конфисковать, а самих их предавать суду по всей строгости законов».

Первая статья закона служила только призрачною завесою для второй, которая именно была направлена в надлежащую цель. Но этот строгий указ не вполне достигал цели; он карал польских помещиков, законных собственников имений, находившихся в пределах империи; но по естественному порядку дел, большая часть из них, как люди престарелые, или пожилые и опытные, не увлекались воинской отвагой; они мирно оставались в своих имениях, но их сыновья ревностно бросались в ряды врагов России, снабженные конечно всеми средствами от своих родителей. Это обстоятельство немедленно было замечено русскими губернаторами пограничных западных губерний и подало повод к новому *именному* указу, в котором было постановлено: «на имения отцов, которых дети, от них неотделенные, отлучаются без ведома начальства за границу, налагать запрещения с тем, чтобы части, которые, после их смерти, отлучившимся детям следовать будут, конфисковать на основании указа 24-го минувшего августа».

Император Александр решил принять эти меры уже в конце августа месяца, почти шесть недель спустя после того, как граф Румянцев начал вызывать на переговоры о заключении конвенции о Польше французского посланника и не получил никакого ответа на свои ноты. Молчание тюильрийского кабинета было причиною того, что русский император вынужден был действовать карательными мерами против злоупотреблений, которые он желал прекратить по обоюдному соглашению между им и Наполеоном заключением особой конвенции. Но эти меры без сомнения весьма не понравились полякам. Даже князь Чарторыйский считал их незаконными. Когда, в ноябре месяце он начал говорить о них, император прервал его речь сказав, «что обстоятельства принудили его принять меры, что он решился на них вследствие единогласного мнения своих министров. Впрочем поведение поляков таково, что требует строгих мер».

«В настоящее время я не имею в виду рассматривать их с точки зрения той политики, которой намерена держаться Россия в будущем, — отвечал князь Чарторыйский, — но позволю заметить Вашему Величеству,

что указ о конфискации не согласуется с строгими началами правосудия. Существуют *смешанные* подданные, и многие из тех, которые вступили в иностранную службу, принадлежат именно к этому разряду лиц. При том, указ будет иметь обратное действие, потому что эти лица не были предупреждены, что они должны так поступать, как поступали. Прежде, нежели наказывать, необходимо предупредить и назначить срок. Все русские дворяне имеют право вступать в иностранную службу и не подвергаются конфискации имущества. Притом если бы кто и подвергся этой каре лично, то имущество должно поступать к его наследникам».

«Но бывают обстоятельства, — отвечал ему император, — когда безопасности государства вынуждают к исключению из правил. Таково поведение поляков, и я согласился в этом случае с единогласным мнением министров».

Но спустя несколько недель после этого разговора, при новом свидании с князем Чарторыйским, император объявил ему, что «все строгие меры, принятые против поляков, будут отменены, это уж решено, но объявлено будет через несколько недель. Причины, которые побудили их принять, прекращаются, и я могу быть покойным» Так говорил император потому, что в это время Коленкур уже получил полномочие на заключение конвенции и наш кабинет надеялся, что она будет ратификована обоими государями в продолжение нескольких недель. В этом ожидании, император немедленно смягчил уже принятые меры, установив шестимесячный срок для уехавших самовольно за границу поляков, как и представлял князь Чарторыйский.

Лишь только конвенция была подписана уполномоченными обеих держав, Коленкур немедленно отправил её на утверждение императора Наполеона. В то же время и граф Румянцев писал к герцогу Кадорскому, в ответ на его последнее письмо, что «эта полезная конвенция, которая сделалась безусловно необходимою для того, чтобы навсегда скрепить союз между двумя империями, наконец заключена и подписана, и ратификации обещаны в продолжение 50 дней. Император чрезвычайно доволен заключением этого договора, потому что он однажды и навсегда, и решительно устраняет главнейшее препятствие для этого союза, которым он так дорожит, и может быть даже единственное, какое могло представиться. Он изъявляет искреннюю признательность императору Наполеону за то, что он прямо и честно решился рассеять распространившиеся уже слухи о предположении будто бы восстановить прежнее Польское королевство.

«Что касается лично до меня, — продолжал граф Румянцев, — то эта конвенция значительно облегчает мои занятия по службе, которые

я исправляю по воле вашего государя, и я считаю долгом благодарить вас, герцог, за содействие к окончательному и немедленному ее заключению. Теперь ничто не препятствует, чтобы союз наших императоров не выразился во всей силе и блеске, и я поистине торжествую, что волею моего государя на меня возложена обязанность заботиться о благе и выгодах обоих императоров, соединенных узами самой прочной дружбы. Я не хочу окончить письма, не сказав вам, герцог, до какой степени было приятно моему государю слышать о заявлениях императора Наполеона об отношениях к России в его речи при открытии Законодательного собрания и в отчете о состоянии Французской империи»*.

Граф Румянцев имел бы полное право торжествовать, завершая эту конвенцию политическую систему, которой он был представителем, систему, основанную на твердом союзе с Францией и приобретениях, обеспечивавших границы империи, если бы мог быть уверенным, что заключенная и подписанная им с французским уполномоченным конвенция будет утверждена императором Наполеоном. Но почему же он мог предполагать, что она не будет утверждена? Основная ее мысль согласовалась с письмами Шампаньи к канцлеру, подробные ее условия им были сообщены Коленкуру вместе с полномочием ее заключить и подписать, о готовности со стороны императора Наполеона исполнить желание нашего кабинета, его уверения, заявленные нашему посланнику и торжественно — Законодательному собранию.

Но если в это время граф Румянцев еще не сомневался в утверждении конвенции, то императора Александра уже начинали тревожить сомнения. Князь Чарторыйский, не знавший условий заключенной конвенции, но знавший речь Монталиве, письмо Шампаньи к графу Румянцеву, понимал, конечно, что дело идет об обязательстве Наполеона не восстанавливать бывшего Польского королевства. «Если даже, уступая требованиям русского кабинета, он согласится на такое обязательство, то, конечно, оно должно быть обоюдным, и в таком случае вы свяжете себе руки». Не получив прямого ответа на свое замечание, он продолжал: «Было время, когда обстоятельства как бы притупляли действие ударов, нанесенных Польше. Поляки начали свыкаться с своим положением, многие считали его временным; менее стали надеяться на восстановление Польши; но теперь, как существует герцогство Варшавское, усиленное после последнего мира с Австрией, эти надежды сделались всеобщими». «Я заметил Его Величеству, — говорил он, — с какою ловкостью Наполеон распространяет и поддерживает веру

*Письмо графа Румянцева к герцогу Кадорскому, 28-го декабря 1809 г.

в самые противоположные одно другому соображения и мнения. Положительно известно, что в тоже время, как он говорит вам в одном смысле, заставляет писать депеши и говорить речи, которые должны возбудить негодование поляков и привести их в отчаяние, он распространил между нами убеждение, что он не только заботится о судьбе Польши, но и питает особенное расположение к нашему народу. Тогда как считают его неспособным к сердечной привязанности и пользующимся всеми средствами единственно из своих выгод, ему удалось уверить поляков, что он их любит, желает им добра, смотрит на них, как на своих искренних друзей. Чтобы возбудить их восторг, достаточно ему пустить какую-нибудь газетную статью или послать в Варшаву одного из своих адъютантов-поляков, который, принятый повсюду обществом, будет рассказывать анекдоты или его слова, имеющие отношение к их любви к отечеству. Недавно он присылал туда одного из таких и возбудил всеобщее внимание»...

«А, что вы мне говорите! — прервал его император, — это бы еще ничего не значило; но я положительно знаю, что в то самое время, когда он поручил Монталиве произнести известную речь, он совершенно противоположное говорил вашим соотечественникам и старался изгладить дурное впечатление, которое могло произвести на них то место этой речи, которое касалось Польши, и возбудить их надежды всевозможными объяснениями и обещаниями».

В продолжение этого разговора с старинным другом, император откровенно выразил свой взгляд на характер Наполеона. «Это человек, — говорит он, — для которого все средства хороши, если они ведут к достижению его целей». В это время по всей Европе и в петербургском обществе носились слухи, что будто бы император Наполеон болен, что ему грозит сумасшествие, что даже он сошел с ума. «Имеют ли эти слухи какое-нибудь основание?» — спросил князь Чарторыйский императора Александра.

«Никогда Наполеон не сойдет с ума, это невозможно, те не знают его, которые могут это предполагать. Этот человек, у которого во время самых сильных потрясений голова всегда спокойна и холодна. Если он горячится, выходит из себя, то это только для виду, чтобы обмануть других. Все такие его действия большею частью основаны на расчете. Он ничего не делает, не сообразив и не рассчитав наперед значения своих действий. Самые насильственные, самые смелые его действия и те наперед хладнокровно соображены и рассчитаны. Любимая его поговорка состоит в том, что, намереваясь что-нибудь предпринять, прежде всего надо найти *способ*, как привести в исполнение задуманное дело (*en toute chose il faut d'abord trouver la méthode*).

Если только отыскал этот способ, то нет такого трудного дела, которого нельзя бы легко исполнить, и, наоборот, нельзя приступить ни к какому даже легкому делу, не найдя наперед способа для исполнения, иначе все можно испортить и никогда не достигнуть своей цели».

В этих словах нельзя не заметить наставлений Мефистофеля своему молодому другу, данных при свиданиях в Тильзите и Эрфурте, но далеко не достигших той цели, к которой стремился самоуверенный наставник. «Что касается до его болезни, то это все басни. Никто не пользуется таким хорошим здоровьем, как он; он никогда не был болен. Он страдал единственно худосочием (*humeur galeuse*), бросившимся внутрь и от которого его лечили. Никто лучше его не переносит усталости и работы; но ему нужен сон, часто в неопределенные часы, но только чтобы он мог проспать в сутки не менее 8 часов».

«Он не красноречив, ни на словах, ни на письме. Я был свидетелем, как он диктовал письмо, выражениями отрывочными, несвязными».

Этот разговор, из которого князь Чарторыйский вынес убеждение, что император Александр лучше всех понимает характер Наполеона, происходил в то самое время, когда граф Румянцев торжествовал окончательную победу своей политики и писал Шампаньи, что на нем лежит только приятная обязанность оберегать навсегда утвержденный союз между двумя империями и дружбу между двумя императорами.

Опасения и недоверие императора основываются на более верных началах, нежели надежды и ожидания его канцлера. После получения в Париже конвенции о Польше, в продолжение двух недель ни слова не говорили о ней нашему посланнику ни император Наполеон, ни его министр иностранных дел. Наконец в феврале (9-го), когда Шампаньи, по поручению императора, приехал к князю Куракину объявить, что избрал себе невесту в лице австрийской эрцгерцогини, он воспользовался этим случаем, чтобы выразить ему удивление по поводу этого молчания. «Конвенция находится у императора, — отвечал ему Шампаньи. — Как частный человек, не в качестве министра, я могу вам сказать, что император недоволен ее изложением, особенно положительным заявлением, что королевство Польское не будет никогда восстановлено. Он этого не желает, он этому не будет содействовать, это так; но ему кажется невозможным принять на себя такое обязательство на случай такого происшествия, которое может совершиться помимо его воли и которое, быть может, он не будет иметь возможности предотвратить». Вместе с тем он дал повод надеяться, что другие статьи не встретят затруднения, и вообще конвенция, с небольшими изменениями, будет утверждена.

В то время, когда нашему посланнику говорили, что император Наполеон по случаю брачных торжеств не имеет времени заняться делом о конвенции, тюильрийский кабинет приготовил новое изложение договора и сообщил его Коленкуру для представления нашему кабинету. В этом изложении существенно изменены были только четыре статьи: первая, третья, пятая и шестая, первую статью, в которой говорилось: «Польское королевство никогда восстановлено не будет», предполагалось заменить следующей:

«Его Величество, император французов, обязывается не содействовать никакому предприятию, клонящемуся к восстановлению Польского королевства, и не содействовать никакой державе, которая имела бы такое намерение; равно не помогать и не одобрять, не посредственно, никакого восстания и бунта обитателей областей, составлявших это королевство». Вместо статьи 3-й, в которой говорилось, что ордена бывшей Польши будут уничтожены *навсегда*, предполагалась следующая:

«Высокие договаривающиеся стороны и король саксонский отказываются, месяц спустя после размена ратификаций этой конвенции, давать знаки орденов бывшего Польского королевства. Эти ордена должны считаться уничтоженными и после смерти тех, которые в настоящее время их носят, исчезнет и их след».

В статье пятой было постановлено, как неизменное правило, что герцогство Варшавское никогда не может быть увеличиваемо на счет тех областей, которые входили в состав прежней Польши. Взамен этой статьи тюильрийский кабинет предлагал следующую:

«Постановляется правилом на будущее время, что ни Россия, ни герцогство Варшавское не могут увеличивать своих владений за счет областей, входивших в состав бывшего Польского королевства, исключая лишь того случая, что это может сделаться на основании особенно-го соглашения высоких договаривающихся сторон».

В статье шестой, которая уничтожала звание смешанных подданных и предоставляла им право в известное время избрать подданство одного из государств и продать их имущества, находившиеся в пределах другого, предлагалось следующее дополнение:

«Те из смешанных подданных, которые состоят в войсках того или другого государства, если захотят оставить их, будут уволены в отставку. Во всяком случае их имущества будут им возвращены и они воспользуются всеми льготами, предоставляемыми этою статьею вообще всем смешанным подданным».

Когда император Александр получил конвенцию, в новом виде изложенную французским правительством, он сам подробно рассмотрел

ее содержание, собственноручно написал замечания на те статьи, с которыми считал невозможным согласиться, и составил новое их изложение.

В отношении к первой статье, предложенной Францией, он замечал, что единственная цель, вследствие которой Россия желает заключения этой конвенции, заключается в том, чтобы утвердить посредством этого договора ту мысль, которая выражена в письмах императора Наполеона и герцога Кадорского и в речи, сказанной в законодательном корпусе. Только для того и заключается конвенция, чтобы в ней положительно было выражено, что Польское королевство никогда не будет восстановлено. Ослаблением смысла этой статьи уничтожается вся польза этой конвенции. «Неужели причины, послужившие поводом к ее заключению, выраженные в введении к ней, недостаточно благодетельны и важны, чтобы принять на себя формальное, положительное обязательство? Там сказано, что она заключается для того, чтобы *обеспечить непоколебимо мир Европы*, чтобы *отнять у Англии все способы* нарушать его. Конечно, подобные причины достаточны для того, чтобы выражать определенно свои мысли. Но эта статья в том виде, как она предложена Россиею, едва ли не удобнее, чем в новом ее изложении. Прилично ли, что император Наполеон, который постоянно и справедливо упрекает Англию за то, что она волнует материк Европы, поощряет рознь и возмущения, не принимает на себя иного обязательства, как не делать того же самого в государстве своего друга и союзника? Казалось бы, такое изложение этой статьи мало соответствует достоинству, которое необходимо сохранять в актах, переходящих в потомство».

Чтобы отклонить обвинение Наполеона, что эта статья была слишком резко изложена, император Александр предложил изложить ее в следующем виде:

«Его Величество, император французов, король Италии, чтобы доставить своему союзнику и всей Европе свидетельство его желания отнять у врагов мира на континенте всякую надежду его разрушить, обязывается точно также, как и Его Величество, император всероссийский, что королевство Польское никогда не будет восстановлено».

В отношении к новому изложению третьей статьи конвенции, в которой говорилось, что *высокие договаривающиеся стороны и король саксонский* впредь не будут жаловать знаки орденов бывшего Польского королевства, император Александр заметил:

«Кажется, довольно трудно постановлять, что договаривающиеся стороны отказываются давать ордена, которых никогда не давали». Поэтому, взамен этой статьи предложил следующую:

«Высокие договаривающиеся державы, а равно и саксонский король, обязываются считать ордена бывшего Польского королевства

уничтоженными, после размена ратификаций этого договора, так, чтобы и не оставалось и следов их по смерти тех, которые их теперь имеют».

С тех пор, как Польское королевство перестало существовать, как отдельное и самостоятельное государство и его области вошли в состав соседних с ним государств, само собою разумеется, что силою обстоятельств прекратились и все признаки самостоятельного существования польской государственной власти. С тех пор ни императоры русский и австрийский, ни король прусский не давали знаков и тем менее мог раздавать их саксонский король после образования герцогства Варшавского, к которому перешли только права Пруссии на эту область. В пятой статье по изложению тюильрийского кабинета выражалось общее начало, что ни Россия, ни герцогство Варшавское не будут увеличивать своих владений насчет областей, принадлежащих бывшему Польскому королевству. «Не говоря уже о том, — замечал на эту статью император Александр, — что в ней устанавливается оскорбительное для России равенство с Варшавским герцогством, которое уничтожается самую сущностью обстоятельств, не было ли наперед условлено, что герцогство Варшавское будет считаться одною из областей Саксонского королевства? Эта статья ничего не говорит о том, может ли саксонский король, если он вступит в войну с своими соседями, Австриею, Бавариею или Пруссиею и пр., в случае одержанных им успехов, делать приобретения из их владений. Между тем как, по изложению этой статьи, Россия, в случае войны с Австриею и Пруссиею, по своему географическому положению будет обязана не делать никаких насчет их областей приобретений. Начала, которыми руководствуется Россия, достаточно известны; она никогда не начнет войны; она не нуждается в расширении своих владений; но если ее вызовут на войну, то может ли она наперед принять на себя такое обязательство, вследствие которого уничтожается значение будущих успехов на войне и всякая война остается без вознаграждения? Если бы последовал разрыв между Россиею и Саксониею, то эта конвенция уничтожилась бы сама собою и, конечно, возможность приобретений открывалась бы в одинаковой мере как для той, так и для другой стороны. Эта статья в том изложении, как она была предложена, имела в виду предупредить увеличение Варшавского герцогства насчет прежних польских владений посредством промена, дара или другими подобными способами, а вовсе не для того, чтобы препятствовать саксонскому королю делать приобретения вследствие войн, которые он может предпринять. Но для того, чтобы доказать, что Россия не имеет никакой затаенной честолюбивой мысли, предлагается изложить эту статью так:

«На будущее время устанавливается правилом, что владения герцогства Варшавского не могут быть увеличиваемы на счет областей бывшего Польского королевства; точно также и Россия обязывается не делать приобретений из этих областей, если никто из ее соседей не начнет с нею войны».

Прибавление к шестой статье, сделанное тюильрийским кабинетом, очевидно, имело в виду наши указы о конфискации имуществ тех из поляков, русских подданных, которые не только самовольно отлучались из России, но и вступали в службу герцогства Варшавского. Но эти постановления были уже то отменены, то смягчены значительно указом, предоставившим им шестимесячный срок для возвращения в Россию. Поэтому император Александр согласился на это прибавление, за исключением лишь одного выражения (во всяком случае). Точно так же он не возражал и против нового изложения 8-й статьи, которая постановляла, что ратификации этого договора будут разменены в Париже, как предполагалось в первоначальной конвенции. Император Наполеон в отношении к этой конвенции был между прочим весьма недоволен тем, что графу Румянцеву удалось перетянуть переговоры о ней и ее заключение в Петербурге, тогда как он постоянно стремился сосредоточить всю политику Европы в Париже, чтобы удобнее подчинить ее своему преимущественному влиянию.

Замечания императора Александра на новое изложение конвенции послужили источником для особого наставления нашему посланнику в Париже, которому послано было и новое исправленное изложение конвенции с полномочием разменять ратификации, если только французское правительство изъявит согласие на сделанные изменения. К этому постановлению граф Румянцев прибавил с своей стороны некоторые соображения. «Первоначальную конвенцию не утверждали, — писал он князю Куракину, — потому что она была слишком положительна и не заключала в себе никакой взаимности. Слишком положительна! Но возможно ли это *слишком*, когда дело касается спокойствия миллионов людей. Она не представляет никакой взаимности! Но не несет ли она за собою в дар всех тех выгод, которые извлекла уже Франция из союза с нами и которые может извлечь из него впоследствии. Что нового представляет эта конвенция России, чтобы она могла быть обязана предоставить Франции какие-либо особые выгоды по праву взаимности, кроме своей дружбы, своего союза. Вся сущность этой конвенции заключается только в том чтобы рассеять неблагоприятные слухи, что Тильзитский договор уже разрушен и скрепить союз во всей его силе. По этому договору к саксонскому королю перешли только права прусского короля на эти области бывшей Польши,

а не польских королей. К этому сводится весь вопрос. Это надо говорить, объяснять, поддерживать и не вступать в новые обязательства. Как бы император Наполеон отнесся к тому, если бы Россия стала возбуждать против него жителей новых областей Франции или Италии? Согласна ли была с союзом между ею и Францией, если бы она напонила им о сардинском короле или ином, чтобы возбуждать их против законной власти? Может ли быть довольна Россия тем, что волнуют поляков, ее подданных? Это ли воздаяние за ее содействие, за ее преданность союзу? Разве Россия сделала что-нибудь противное Франции? Разве Франция имеет какие-нибудь особые права на Польшу? Россия ли или Франция во время мира, во время даже союза, возбудила вопрос о Польше? Какой взаимности можно от нее требовать в договоре, который имеет только целью успокоить ее в обстоятельства затруднительные, в которые ее поставили?»

Граф Румянцев был сильно взволнован, предвидя неудачу своего последнего дела, которым он предполагал довершить свою политическую систему, основанную на союзе с Францией, и оправдать ее в глазах России. Не выходя из верной мысли о союзе с Францией, он ошибался в том, что существует Франция, тогда как ее существование вместе с другими державами западной Европы было погребено под престолом Наполеона, стремившегося к такому владычеству над всеми, которое не могло быть определено никакими границами и не оставляло места для самостоятельного существования какому-либо другому государству. Он ошибался и в характере императора французов и, начиная разочаровываться в это время, не скрывал даже своих мнений о его политике.

В конце марта месяца были получены последние сообщения нашего кабинета по делу о конвенции. Князь Куракин употреблял всевозможные старания, чтобы дать ему ход; но безусловное молчание тюильрийского кабинета уничтожало все его старания. В первый раз заговорил о нем император Наполеон с его братом князем Алексеем Борисовичем Куракиным, который приехал в Париж в половине мая в качестве чрезвычайного посланника императора Александра для поздравления императора Наполеона со вступлением в брак.

На торжественном приеме посланников всех держав, явившихся с этою целью, он сказал ему, между прочим: «заключив мир с Австрией, я отдал России часть Галиции для того, чтобы доказать, что восстановление Польши вовсе не входит в виды моей политики. В моем письме к императору и в заявлении моего министра это выражено ясно». При этом случае он не упомянул о конвенции, и князь Куракин не счел возможным начинать о ней речь. Постоянно заявляя о личной дружбе им-

ператора Александра к Наполеону, об искреннем его желании поддерживать союз с Францией, он указывал, что единственно беспокойное поведение поляков может внушать опасения и вредить добрым отношениям между двумя империями. «Мне, как министру внутренних дел и в то же время начальнику полиции, известно, что происходило в наших областях, присоединенных от прежней Польши, во время австрийской войны. Не только собирались пожертвования в пользу восстановления Польши и значительные суммы препровождали в Варшавское герцогство, но образовалось просто переселение за границу поляков, подданных моего государя, вступавших большею частью в войска этого герцогства».

Император Наполеон отвечал ему в том смысле, что не следует придавать этому важного значения, а говор поляков о восстановлении бывшего королевства называл *простую болтовню*, (pure bavardage). Затем в конце июня, когда князь Куракин присутствовал при утреннем приеме (lever), он начал с ним продолжительный разговор и по обыкновению, без связи и переходя от одного предмета к другому, вдруг его спросил: «знаете ли вы о конвенции о Польше?»

«Его Величество, мой государь, принимая особенное участие в этом деле, поручил мне познакомиться с нею пред моим отъездом сюда», — отвечал ему князь Куракин.

«Эти переговоры запнулись на первой статье конвенции, на которой так настаивает ваше министерство, что она послужила поводом к охлаждению между двумя дворами в их взаимных отношениях. Но могу ли я принять на себя обязательство, что Польша никогда не будет восстановлена, и для чего требовать от меня невозможного, только божество могло бы дать такое обещание. Хотя это событие невероятно, но никакая человеческая сила не могла бы его предотвратить. Во время моего свидания с императором в Эрфурте, новая война на материке Европы *вовсе не входила в расчеты* и не казалась *возможною*; а между тем мне пришлось выдержать очень важную. Австрия напала на меня со всеми своими силами. Народонаселение Литвы могло восстать в это время. Конечно, вы обладаете достаточными силами, чтобы его подавить; но, несмотря на то, если б я принял такое обязательство, то я должен бы оказать вам помощь при этом случае, а я не хочу проливать кровь французов ни за поляков, ни против них».

«Но, государь, — отвечал князь Куракин, — эта конвенция выражала те начала, которые заключались в письме вашего величества к императору, моему государю, и в письме герцога Кадорского к графу Румянцеву, в которых прямо заявлено, что королевство Польское не будет восстановлено».

«Я полагаю, что вы не совсем верно припоминаете выражения, употребленные в этой переписке», — резко возразил ему Наполеон, и таким замечанием смутил неопытного дипломата, тогда как в этой переписке находились выражения гораздо более сильные.

«Я должен был сознаться, — доносил канцлеру князь Куракин, — что моя память не совсем ясно представляет мне эти выражения, и потому я не мог оспаривать его возражения; но я заметил ему, что этот вопрос в том положении, в котором он находится в настоящее время, то направление, которое ему дано, производит гораздо более вреда, нежели, если б даже он вовсе не был предметом переговоров». Существенная цель конвенции заключалась в том, чтобы успокоить волнение поляков, определить их будущность и заставить отказаться от несбыточных надежд и ожиданий. Между тем сначала распространились слухи о заключении этой конвенции, потом, — что французское правительство ее не утверждает; это обстоятельство только способствовало возобновлению прежних надежд и подогрело уверенность в намерении восстановить старую Польшу. «Вы более нежели правы, — ответил ему неожиданно Наполеон, — зная характер поляков, можно опасаться, что эти их ожидания поведут к худым последствиям. Я сам понимаю это и готов сделать все, чтобы успокоить императора Александра; но нельзя же требовать от меня невозможного. Как, вы хотите, чтобы я принял на себя обязательство, которого не могу исполнить! Это противно всем правилам дипломатии, чтобы включать в договоры такие догматические статьи; они служили бы только выражением насилия сильной державы над слабейшею. Франция не в таком положении, она никогда не признавала раздела Польши, я его признаю. Только слабость французского правительства того времени могла допустить этот раздел, и в этом случае постоянно будет падать на Францию упрек истории. Я готов все сделать для императора Александра, что только зависит от меня; но это превышает мою власть. Я могу, например, принять на себя обязательство *не содействовать, ни непосредственно, ни посредственно*, к восстановлению Польского королевства, или, если это для вас покажется лучше, мы можем взаимно *обеспечить неприкосновенность настоящих границ обеих империй, исчислив поименно все названия областей*, входящих в их состав. На это я могу согласиться.

Императору Александру очень хорошо известно, что Австрия только того и желала при заключении Венского мира, чтобы уступить всю Галицию, чтобы сохранить некоторые из своих немецких областей, но я на это не согласился».

Выслушав почтительно эти заявления императора Наполеона, наш чрезвычайный посол позволил себе спросить его: «известны ли

нашему кабинету те изменения статей конвенции, о которых он удостоил сообщить ему». «Нет», — отвечал император Наполеон. — Брачные пиршества и путешествие, которое должен был предпринять, лишили меня возможности заняться этим делом».

Выслушав заявления императора Наполеона, князь Куракин сказал, что донесет о них своему государю, а вместе с тем просил, чтобы он поручил герцогу Кадорскому сообщить их нашему посланнику.

«Но имеет ли ваш брат достаточные полномочия, чтобы окончательно заключить конвенцию», — спросил его Наполеон.

«Нет, государь, — отвечал ему князь Куракин, — ему поручено лишь заботиться о размене ратификаций, представить сделанные нашим кабинетом изменения и подписать акт, если Ваше Величество согласитесь принять эти изменения».

Два месяца спустя, на прощальном свидании, император Наполеон говорил князю Куракину, что в отношении переговоров о конвенции, он «не может ни в чем себя упрекать, это спор о словах, который поддерживают с упрямством. Коленкур ошибался, я желал исправить его ошибку, не мог я утвердить то, что он подписал, я полагал, что заботятся о делах, а не о словах. Эта конвенция не заключена только потому, что ваш брат не имеет достаточных полномочий для того, чтобы вести переговоры и как в этом случае объявили условия (*sine qua non*), то это было бы унижением моего достоинства, если б я подписал обязательство, которого не могу исполнить. Напрасно желают привлечь переговоры в Петербург. Происшествия совершаются с такою быстротою, что прежде, нежели успеют договориться между собою, можно объявить войну и проиграть сражение. Париж составляет средоточие, он более приближен к происшествиям, нежели Петербург. Необходимо предоставить посланнику право вести переговоры и, снабдив его наставлениями, уполномочить его оканчивать их».

Опираясь на то обстоятельство, что нашему посланнику не предоставлено было право заключить договоры, несогласные с предписаниями и видами нашего кабинета, князю Куракину, несмотря на вопросы с его стороны, ни слова не говорили об этом деле. «Я не имею еще никаких предписаний императора, конвенция находится у него», — таков был постоянный ответ герцога Кадорского нашему посланнику.

«Соглашаясь на заключение с нами этой конвенции, — писал он канцлеру, — тюильрийский кабинет, кажется, хотел лишь поманить нас, в сущности, вовсе не думает ее заключить». Когда наш посланник заводит о ней речь, то герцог Кадорский, пользуясь этим случаем, жаловался обыкновенно на графа Румянцева, подозревавшего в неискренности политику Франции и прямо заявлявшего, что она

поддерживает мысль о восстановлении Польши. «Так заключите скорее конвенцию, — отвечал наш посланник, — и повод к подозрениям уничтожится сам собою». «Никакой пользы не принесет и конвенция, если бы и была заключена, — возражал герцог Кадорский, — она не прекратит жалоб и обвинений. *Этот клочок бумаги, который стоит лишь захотеть, всегда можно разорвать*» Таков действительно был взгляд императора Наполеона на всякий заключаемый им договор. Поставленный в крайне затруднительное положение, наш посланник решился наконец заявить графу Румянцеву, что «кажется, достоинство России требует не настаивать более на заключении этой конвенции» и получил в ответ повеление императора Александра не говорить более о ней с французским министром иностранных дел и тем более с самим императором Наполеоном.

Так окончились эти переговоры, и вопрос польский из области внешней политики перешел в область внутренней обеих империй. Но всматриваясь в их постепенный ход, нельзя не обратить внимания на некоторые особенности, которые, по-видимому, не обуславливались их сущностью, а проистекали из иных источников. С одной стороны, чем может быть объяснен резкий поворот в политике тюильрийского кабинета? После заключения Венского мира, по-видимому, самое искреннее желание было успокоить петербургский кабинет, что его подданные не будут возмущены мыслью о восстановлении Польши. Император Наполеон решительно заявляет, что эта мысль не входит в его виды, изъявляет согласие заключить особую конвенцию по этому поводу и, вопреки постоянному стремлению сосредоточивать все важные переговоры в Париже, дает своему посланнику полномочие заключить ее в Петербурге, и его министр сообщает Коленкуру подробные для нее условия. Но лишь только пришла в Париж заключенная именно на этих условиях конвенция, как начались придирки к словам и выражениям и затем совершенное молчание об этой конвенции, как в отношении к нашему посланнику, так и нашему кабинету.

С другой стороны, зная взгляд императора Александра вообще на польский вопрос, чем объяснить, что он так упорно отстаивал выражение конвенции, что *Польша никогда не будет восстановлена*? Когда князь Куракин узнал о тех изменениях, которых требовал Наполеон в конвенции, заключенной в Петербурге, он писал графу Румянцеву, что находит их вообще весьма незначительными. «Важнейшая из них относится к статье, в которой говорится, что Польша никогда не будет восстановлена. Но, рассмотрев внимательнее дело, мне кажется, что и это изменение не может иметь важного значения. Не все ли равно для нас, обещает ли Франция, что Польша никогда не будет восстановлена, или примет

на себя торжественное обязательство, как она и предлагает, что никогда не будет этому содействовать ни посредственно, ни непосредственно. Если какая-нибудь в мире держава и может исполнить это предприятие, то, конечно, Франция. Давая же обещание принимать в нем участие, она совершенно обеспечивает нашу безопасность и разрушает все надежды поляков до тех пор, по крайней мере, пока она будет соблюдать этот договор. Я позволяю себе предполагать, что для нас гораздо выгоднее сделать уступку Франции в отношении к нескольким выражениям, которые не представляют особого значения, ввиду достижения предположенной нами цели, нежели самим, так сказать, из пристрастия к некоторым выражениям, дать право Франции отказать нам в утверждении такого важного договора. И не только дать это право, но потом повод возложить всю вину на наше упрямство, тогда как на деле это будет зависеть от недобросовестности и тайных ее видов, которые следует предотвратить».

Едва ли тонкий политик, как император Александр, мог не согласиться со взглядом, выраженным в этой депеше его посланником, если он был уверен, что каждая уступка с его стороны послужит поводом к новым притязаниям со стороны его друга и союзника, одним словом, пока он не потерял всякое к нему доверие.

Но что же было причиною таких внезапных перемен в политике двух империй, выразившихся именно по случаю переговоров о польской конвенции ?

Большая часть историков Наполеона, восхвалявших или порицавших его действия, одинаково ставят в зависимость переговоры о заключении этой конвенции с другими, которые действительно производились в одно и то же время, а именно с переговорами о сватовстве императора Наполеона к русской великой княжне.

Давно уже ходили в Европе слухи о намерении императора Наполеона развестись со своей супругою Жозефиною, от которой он не имел детей, и вступить в новый брак с целью иметь прямых наследников своей империи. По мере того, как увеличивалось его могущество, усиливались и эти слухи, так что в 1807 году один из приближенных ему людей, министр полиции Фуше, не думая, конечно, прогневить своего властелина, открыто говорил об этом и даже счел позволительным подготавливать к возможности этого события самую императрицу Жозефину. В то же время в Петербурге носились слухи, что готовится уже бракосочетание Наполеона с великою княжною Екатериною Павловною. Есть указания, что и Коленкур не чужд был участия в этом деле. Говорили, что Сенат сделает предложение императору Наполеону развестись с своею супругою и заключить новый брак, чтобы

даровать Франции наследника его престола. Многие, увлекавшиеся гением Наполеона, под влиянием только что заключенного в Тильзите союза одобряли это предположение; но большинство петербургского общества относилось к нему с ужасом и негодованием. Рассказывали даже, что этот вопрос был предметом семейных совещаний лиц царствующего дома, но не знали, конечно, с тою ли целью, чтобы отклонить это предложение или дать ему ход. Но вслед за тем сделалось известным, что император Наполеон был крайне раздражен на Фуше, сделал ему грозное внушение и поручил употребить все меры для того, чтобы опровергнуть эти слухи, которые действительно замолкли потом, до тех пор, пока в начале 1810 года не был объявлен торжественно развод императора французов с его супругою.

В этот промежуток времени устроилось дело о браке великой княжны Екатерины Павловны с принцем Ольденбургским, но не было однако же объявлено, когда совершилось свидание императоров в Эрфурте.

Проводя почти все время вместе, оба императора после празднеств и представлений, после трудов по вопросам политическим, в минуты отдохновения, беседовали между собою о различных занимавших их предметах. В этих беседах, император Наполеон заявлял о необходимости оставить после себя прямого наследника престола, что единственно могло бы упрочить созданное им здание Французской империи, и таким образом вызывал, чтобы сам император Александр сделал ему предложение, как бы устранить это затруднение. Но все его попытки были напрасны. Император Александр, конечно, не догадывался, чего желает его друг и союзник. Укреплять политическое здание, созданное Наполеоном, которое только и мог поддерживать его кровавый деспотизм, конечно, вовсе не входило в виды русского императора, и предлагать новый брак Наполеону, когда он так резко отнесся к подобной попытке со стороны его приближенного министра, было бы унижением для его достоинства. Поставленный в затруднительное положение, не желая сам прямо явиться как бы просителем перед русским императором, он решился прибегнуть к посредничеству Талейрана. Но и в этом случае он хотел показать, что не просит, конечно, даже не приказывает Талейрану устроить это дело; но напоминает ему обязанность, которую он должен исполнить в отношении к нему, то есть оказывая милостивое пособие его слабоумию и недогадливости.

«Знаете ли вы, — говорил, призвав к себе Талейрана, он — что Жозефина обвиняет вас в том, что вы заботитесь о разводе, и потому она возненавидела вас от всей души?» Удивленный таким заявлением, Талейран начал было оправдываться... Но его прервал Наполеон, объявив, что оправданий не нужно, но что действительно надо об этом позаботиться.

Опомнившись от неожиданности и выслушав длинную речь Наполеона о необходимости развода и нового брака, — речь, каких он много слышал, и оценил ее по достоинству, он понял, в чем дело, и начал рассказывать ему о тех отзывах о нем императора Александра, которые он сам слышал в разных собраниях общества и особенно у княгини Турни-Таксис, которой вечера постоянно посещал русский император.

Сладость речей Талейрана подействовала на Наполеона. «Если любит меня император Александр, то пусть он мне представит доказательство своей любви, пусть он скрепит еще более союз со мною, отдаст за меня свою сестру. Почему же он при наших ежедневных самых откровенных разговорах не сказал мне об этом ни слова? Почему он избегает разговора об этом со мною?»

Талейран понял, что должен принять на себя трудную обязанность вступить в переговоры об этом щекотливом вопросе с русским императором; но, конечно, понял также, что поведет их так, чтобы сложить с себя всякую ответственность в неудаче, приведя их к тому, чтобы в личном, семейном вопросе последнее слово принадлежало самим императорам.

В виду этой цели, он смело вступил в переговоры с русским императором и узнал от него, что о великой княжне Екатерине Павловне не может быть и речи, она не свободна, ее судьба решена и скоро последует ее бракосочетание с принцем Ольденбургским, что великая княжна Анна Павловна едва достигла 15-тилетнего возраста и, наконец, несмотря на свою самодержавную власть, как русский император, в вопросах семейных последнее, решающее слово принадлежит не ему, а вдовствующей императрице, его матери, перед которой он преклоняется, как почтительный сын. Такова была сущность ответа императора Александра; но, без сомнения, этому ответу он должен был придать такой вид, чтобы он не казался решительным отказом, чем и был по своей сущности и не оскорбил бы его союзника и друга. Без сомнения, с теми же уверениями в дружбе, в желании не только поддержать союз между двумя империями, но и подкрепить его семейными узами между царствующими домами, выразил император Александр, уступая просьбам Талейрана, тот же самый ответ самому императору Наполеону. Доказательством может служить то, что впоследствии он так же указывал на молодость великой княжны и на то, что решающий голос в этом деле будет принадлежать вдовствующей императрице-матери. Что же касается до великой княжны Екатерины Павловны, к которой только и могло относиться предложение Наполеона, то о предстоящем ее браке с принцем Ольденбургским было объявлено вслед за тем, как после Эрфуртского свидания император Александр возвратился в

Петербург. Граф Румянцев, приехавший из Эрфурта прямо в Париж, не скрывал этого события и говорил о нем Савари (герцогу Ровиго), исправлявшему несколько времени должность французского посланника при нашем дворе после Тильзитского мира, до назначения Коленкура, поэтому знавшего великую княжну Екатерину Павловну и восхищавшегося ее красотой, умом, образованием и любезностью.

Мысль о сватовстве за великую княжну Анну Павловну никому не приходила в голову даже год спустя, когда вдруг разнеслось известие о совершившемся разводе императора Наполеона. Конечно, во всех обществах европейских столиц, при всех дворах только и говорили об этом происшествии и о возможных невестах, на которых мог пасть выбор Наполеона. Перечисляя их, менее всего останавливались на нашей великой княжне, и весьма естественно, потому что ей не совершилось 16 лет, и все другие принцессы были ее старше. В Петербурге общественное мнение указывало упорно на Саксонскую принцессу, несмотря на то, что Коленкур прямо отрицал справедливость этого предположения, уверяя, что выбор еще не сделан и может быть падет даже не на принцессу крови.

Скрывал ли Коленкур намерения своего повелителя, как и должен был скрывать, потому что ему поручалось вести переговоры с соблюдением величайшей тайны или он говорил эти речи до получения приказаний, которых, конечно, не ожидал получить? Между тем, в первых числах декабря этого года, он получил следующую шифрованную депешу от своего правительства с строгим приказанием ему самому лично ее дешифровать.

«Слухи о разводе дошли до императора Александра в Эрфурте, он говорил о них императору и сказал, что *великая княжна Анна, его сестра, находится в его распоряжении*. Его величеству угодно, чтобы вы прямо и откровенно обратились с этим вопросом к Александру и сказали ему:

„Государь, я имею основание предполагать, что император, побуждаемый всею Франциею, намерен развестись с своею супругою. Могли ли я сообщить, что он может рассчитывать на вашу сестру? Подумайте, Ваше Величество, об этом *два дня* и дайте мне откровенный ответ не как французскому посланнику, но как человеку, страстно преданному обоим домам. Я не делаю форменного предложения, но умоляю вас откровенно выразить ваше мнение. Я осмеливаюсь обратиться к вам, государь, с этим заявлением, потому что всегда выражал откровенно свои мысли Вашему Величеству, не опасаясь не угодить вам“.

Вы ни под каким предлогом не сообщите об этом графу Румянцеву и после первого вашего разговора с императором Александром и потом второго, через два дня, вы предадите это дело совершенному заб-

вению. После того вы должны только сообщить мне о качествах молодой принцессы и особенно о том, скоро ли она достигнет того положения, что может сделаться матерью, потому что разница в 6 месячном сроке, в этом случае, составляет уже важное обстоятельство. Я не считаю нужным говорить, что все это дело должно быть покрыто непроницаемою тайною; вы сами понимаете в этом случае свои обязанности перед императором».

Как ни странен и неприличен в этом случае *двухдневный* срок и как он был ни исполним сам по себе, но он не мог быть исполнен и потому, что Коленкур получил эту депешу в то самое время, как император выехал из Петербурга в Тверь, ко дню именин своей сестры, Екатерины Павловны (24-го ноября) и оттуда в Москву, где провел день своего рождения (12-го декабря). На другой день выехал из Москвы, и 16-го декабря он был уже в Петербурге, и от этого числа (28-го нов. стиля) Коленкур уведомил императора Наполеона о первом своем разговоре с императором, по предмету возложенных на него тайных переговоров. Но возможно ли предполагать, что, не имея возможности, в продолжение двух недель, по случаю отсутствия императора из Петербурга, исполнить такое важное поручение, он оставил в неизвестности свой кабинет об этом обстоятельстве? Конечно, нет. Император Наполеон очень хорошо знал об этом обстоятельстве уже в конце декабря 1809 года и, несмотря на то, что в это именно время он не только узнал о заявлениях Венского посольства, что Австрия желает *предоставить* в его распоряжение одну из своих эрцгерцогинь, но поручил вести об этом переговоры, конечно, тайно; но так, чтобы, не обязывая его самого, обязать уже австрийский кабинет.

Между тем, первые известия, сообщенные Коленкуром, вовсе не показывали, что предложение Наполеона потерпит неудачу. Может быть, если бы этот брак совершился, то исторический ход последующих событий принял совершенно другое направление, и главный их руководитель не окончил бы последних дней в заточении на пустынном острове, где угас великий гений. Но исторические судьбы народов в руках Провидения, перед которым все помыслы и усилия человеческие — так ничтожны, как высказал некогда Гизо.*

*В то время, когда А.Н. Попов написал главу «Вопрос Польский» своей истории 1812 года, он не располагал всеми материалами, которые могли бы разъяснить дипломатические переговоры, сопровождавшие развод императора Наполеона с Жозефиною.

Поэтому эта часть труда нашего почтенного историка нуждается в совершенной переработке и в другом освещении. С тех пор богатства французских архивов сделались, наконец, доступными для исторических исследователей, и весь ход этого дела выяснен теперь окончательно во всех подробностях.

В «Русском Архиве» 1890 года С.С. Татищев впервые напечатал в полном объеме дипломатическую переписку Коленкура о предполагавшемся браке Наполеона с великою княжною Анною Павловною. Неудача этого сватовства была главною причиною отказа Наполеона ратифицировать конвенцию о Польше, а следовательно и крушения Тильзитского соглашения, сопровождавшегося войною 1812 года.

Перечислим затем сочинения, появившиеся на французском языке, относительно этого важного эпизода истории русской политики в 19-м столетии:

- 1) *Welshinger*. «Le divorce de Napoléon». Paris. 1889.
- 2) «Mémoires de Talleyrand». Paris. Первая часть, глава о Эрфуртском свидании.
- 3) *Tatistscheff*. «Alexandre I-er et Napoléon, d'après leur correspondance inédite». Paris. 1891.
- 4) *Vandal*. Napoléon et Alexandre I-er. Paris, 1891—1893. Т. 1-er et 2-d. (Прим. ред. журнала «Русская Старина»).

Краткая библиография

- Архив князя А.И. Чернышёва. Бумаги А.И. Чернышёва за время царствования императора Александра I. 1809—1825 Под ред. князя Н.В. Голицына. Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 121, СПб., 1906
- А. В а н д а л ь . Наполеон и Александр I. 3 тт., СПб., 1910—1911
- А.К. Д ж и в е л е г о в . Александр I и Наполеон. М., 1915
- Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. А.С. Трачевского. Т. IV. 1807—1808 Сб. РИО. Т. 88, СПб., 1893
- Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812. Издание Великого князя Николая Михайловича. 7 тт., СПб. — Пгр., 1905—1914
- Донесения полковника А.И. Чернышёва императору Александру I в 1810 и 1811, письма и донесения канцлеру Н.П. Румянцеву в 1809 и 1811 гг. и др. Под набл. А.Н. Попова. Сб. РИО. Т. 21, СПб., 1877
- В.П. Л а ч и н о в . Александр I и Наполеон в Эрфурте / *Русская Старина*, 1897, Т. XC, № 5, 6; Т. XCI, № 7
- А.З. М а н ф р е д . Наполеон Бонапарт. М., 1980
- Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в С.-Петербурге в 1807 г. — Акты Тильзитского мира. — Переписка императора Александра I с Наполеоном с июня 1807 г. по январь 1808 г. Под набл. А.А. Половцова. Сб. РИО. Т. 87, СПб., 1892
- Посольство графа П.А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. — От Тильзита до Эрфурта. Под ред. Н.К. Шильдера. Сб. РИО. Т. 89, СПб., 1893
- С.М. С о л о в ь е в . Император Александр I. Политика, дипломатия // Соч., в 18 кн. Кн. XVII. М., 1996
- Е.В. Т а р л е . Континентальная блокада // Соч., Т. III. М., 1958
- В.А. Т и м и р я з е в . Чернышёв и Мишель (Эпизод из истории отношений между Россией и Францией перед войной 1812 года) / *Исторический Вестник*, 1895, № 2
- А.С. Т р а ч е в с к и й . Франко-русский союз в эпоху Наполеона / *Исторический Вестник*, 1891, № 6
- А. Т ь е р . История Консульства и Империи. 5 тт., СПб., 1846—1849

Указатель имён

А

- Августенбургский герцог, Карл-Август (1768–1810)*, с 1809 наследник шведского престола 163
- Августенбургский герцог, Фридрих-Христиан*, старший брат Карла-Августа, племянник короля Дании 163, 165, 166, 170
- Адамс Джон-Кинси*, посланник США в Петербурге в 1809–1814 118
- Александр I Павлович (1777–1825)*, император X, XI, 2, 5, 6, 8–10, 12–14, 17–19, 21, 24, 27–29, 34, 36–39, 41–48, 51–67, 69–80, 86–95, 102–112, 114–119, 121–124, 127, 132, 134, 135, 137–143, 145, 146, 150, 155, 162, 165, 171, 173, 175, 177, 181, 192, 193, 199, 202, 203, 205, 206, 208, 214, 217, 218, 225–227, 231, 232, 279, 280, 299, 300, 302, 312, 322, 327, 328, 330, 333, 334, 341–343, 347, 353, 356, 358, 360, 367, 386, 392–394, 396, 399–401, 404, 406–408, 416–418, 420, 421, 425, 431, 433–442, 444–448
- Александр II Николаевич (1818–1881)*, император XII
- Александра Павловна (1783–1801)*, великая княжна, дочь Павла I, с октября 1799 австрийская эрцгерцогиня 163
- Али-паша Янинский (1741–1822)*, албано-турецкий политический деятель; происходил из мусульман южной Албании, во время греческого восстания 1770 встал на сторону турецкого правительства, регулярно платил дань султану, в остальном вел себя независимо, в результате был свергнут и убит 256
- Алопеус Давид Максимович (1769–1831)*, граф, русский дипломат, в 1803–1809 посол России в Швеции, впоследствии посланник в Пруссии 169, 177
- Алопеус Максим Максимович (1748–1822)*, русский дипломат, посланник России в Пруссии (1789–1796, 1802–1805), чрезвычайный посол в Лондоне (1807) 363
- Алькье*, барон, французский посол при Неаполитанском дворе, затем в Стокгольме и в Копенгагене 176, 183–188, 191, 193–195, 197, 198
- Анна Павловна (1795–1865)*, вел. княжна, дочь Павла I, с 1816 в браке с нидерландским наследным принцем Вильгельмом Оранским (с 1840 король Нидерландов Вильгельм II), королева Нидерландов 447–450
- Анштетт Иоганн-Протасий (1766–1835)*, русский дипломат, поверенный в делах России в Вене, в 1812 директор дипломатической канцелярии при Молдавской армии Кутузова, с 1818 чрезвычайный посол России при Германском союзе 411
- Аренбургский герцог* 20

Ахмед-бей, впоследствии паша, визирь, турецкий государственный деятель 233, 235, 236, 243, 254, 265

Б

Багратион *Петр Иванович* (1765–1812), князь, генерал от инфантерии; принимал участие в русско-турецкой войне 1788–1791, в Итальянском и Швейцарском походах Суворова (1799), во всех сражениях кампании 1805 и русско-французской войны 1806–1807, русско-шведской войне 1808–1809, в 1809–1810 главнокомандующий армией против турок, в 1812 командовал 2-й армией, в Бородинском сражении ранен осколком гранаты в ногу и 12 сентября умер 222, 232, 241, 362

Бафклай де Толли *Михаил Богданович* (1761–1818), князь (1815), генерал-фельдмаршал, военный министр (1810); по происхождению шотландец, предки переселились в Лифляндию; с 1776 на военной службе, в 1788 участвовал в штурме Очакова, принимал участие в войнах против Франции в 1806–1807 и 1812–1814, против Швеции 1808–1809, в Отечественной войне 1812 командовал 1-й Западной армией, в Бородинском сражении командовал правым крылом, в 1818 главнокомандующий 1-й армией; кавалер ордена св. Георгия всех степеней XI, 245, 248, 327, 335

Бароцци, переводчик 283

Барятинский *Иван Иванович* (?–1830), князь, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мюнхене в 1808–1812 121

Бассано герцог см. Маре

Безбородко *Александр Андреевич* (1747–1799), светлейший князь, государственный канцлер (1797), один из ближайших сотрудников Екатерины II 257

Бенеventская-Талейран см. Талейран, княгиня Бенеventская

Беннигсен *Леонтий Леонтьевич* (1745–1826), граф, генерал от кавалерии, на русской службе с 1773, в 1774 сражался в армии Румянцева, участвовал в русско-турецкой войне 1788–1791, в 1791–1792 в боях против поляков, участвовал в убийстве императора Павла I, в кампаниях 1806–1807, Отечественной войне 1812, в 1815–1818 главнокомандующий 2-й армией 314

Бернарот *Жан-Батист* (1764–1844), маршал Франции, князь Понте-Корво, с 1810 наследник шведского престола, с 1818 шведский король Карл IV-Юхан 163–168, 170–175, 178–181, 183–195, 197, 199–218, 278, 281, 374, 377

Бертье *Луи-Александр* (1753–1815), маршал Франции, князь Невшательский и князь Ваграмский, начальник Главного штаба императора Наполеона 151, 402, 414

Бестужев-Рюмин *Константин Николаевич* (1829–1897), историк V, X

Биньон, французский резидент в Варшаве 57, 58

Богарне *Гортензия* (1783–1837), дочь Жозефины Богарне, падчерица Наполеона Бонапарта 5

Бойен, майор, нач. отдела в прусском военном министерстве 317, 341, 342

Бонапарт:

Жозефина-Мария-Роза (1763–1814), 1-я супруга Наполеона, рожд. Таше де ла Пажери, в 1-м браке за графом Александром Богарне, от которого имела сына Евгения (впоследствии вице-король Италии и герцог Лейхтенбергский) и дочь Гортензию (жена голландского короля Людовика Бонапарта, мать Наполеона III) 445, 446, 450

Жозеф (Иосиф, 1768–1844), старший брат Наполеона, король Неаполитанский (1806–1808), затем король Испании (1808–1813), после низложения Наполеона жил до 1841 в США, затем во Флоренции 190, 200, 212

Людовик (Луи, 1778–1846), третий брат Наполеона, в 1806–1810 король Нидерландов, женат на дочери Жозефины, Гортензии Богарне, отец императора Наполеона III (1808–1873) 5

Люсьен (Люциан, 1775–1840), 2-й брат Наполеона, князь Канино, участвовал в перевороте 18 брюмера, был министром внутренних дел, затем разошелся с братом 5

Наполеон см. Наполеон I Бонапарт

Полина (1780–1825), сестра Наполеона, известная своей красотой, во 2-м браке принцесса Боргезе 103, 189, 197

Бошняк-ага, турецкий чиновник и военачальник 233

Браге, граф, шведский придворный 202

Бурбоны, королевская династия во Франции, Испании, Неаполе

В

Веллингтон Артур Уэсли (1769–1852), герцог, англ. фельдмаршал, боролся с войсками Наполеона в Испании, Португалии, вместе с Блюхером одержал победу над Наполеоном при Ватерлоо (1815), премьер-министр Великобритании (1828) 69

Вертерн, барон, прусский агент в Константинополе 240, 284

Веттерстед, барон, швед. министр иностранных дел 163, 169

Виктор, точнее *Виктор-Клод-Перрен (1766–1841)*, маршал Франции, герцог Беллуно, отличился в битвах при Маренго, Йене, Фридланде, в 1812 его корпус действовал против Витгенштейна, прикрывавшего Петербург, при отступлении французской армии из России прикрывал переправу через Березину 45

Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842), граф, светл. князь (1841), генерал-фельдмаршал, в 1812 командовал 1-м корпусом, прикрывавшим Петербург от войск Макдональда, Удино и Виктора, главнокомандующий после смерти Кутузова, главнокомандующий 2-й армией (1818), член Гос. Совета 324, 325

Витгенштейн, князь, придворный прусского короля 316

Виченцский герцог см. Коленкур А.-О.-Л.

Врангель, барон, полковник, придворный прусского короля 310, 311, 316, 317, 350

- Вреде Карл-Филипп* (1767–1838), князь, баварский генерал, вполн. фельд-маршал; участвовал в кампаниях 1805, 1807 и 1809; в 1812 командовал баварскими войсками в армии Наполеона 47
- Вурстингер*, австр. подданный, привратник русского посольского дома в Париже 129, 132
- Вяземский Пётр Андреевич* (1792–1878), князь, поэт, литературный критик, сенатор (1855), член Гос. Совета (1866), обер-шенк 394

Г

- Габсбурги*, королевская и императорская династия 364, 381
- Галиб-эфенди*, турецк. уполномоченный на переговорах в Бухаресте 255, 256, 261, 266–269, 274, 281–286, 289–291
- Гамид-эфенди*, турецк. уполномоченный на переговорах в Бухаресте 226, 237, 240, 246, 247, 258
- Гарденберг Карл-Август* (1750–1822), барон, вполн. князь, прусский государственный деятель, в 1803–1806 министр иностранных дел, с 1810 канцлер 37, 300, 302, 305, 306, 312–321, 323, 328, 331–339, 349–351, 353, 357
- Гарцфельд*, князь, спец. посланник прусского короля в Париже 315, 316, 333
- Генц Фридрих* (1764–1832), австр. политический деятель, публицист, сотрудник графа Меттерниха 362
- Георг (Петр-Фридрих-Георг, 1784–1812), принц Ольденбургский*, супруг (с 1809) вел. княгини Екатерины Павловны 167, 169, 446, 447
- Гизо Франсуа-Пьер-Гийом* (1787–1874), французский историк и государственный деятель 449
- Гимель*, шведский уполномоченный в Константинополе 281, 283
- Гоенцоллерны*, королевская и императорская династия 332, 356
- Голенцев-Кутузов Михаил Илларионович* (1745–1813), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, знаменитый полководец, кавалер ордена св. Георгия всех степеней XI, 70, 88, 222, 232, 233, 235–240, 242–258, 260–275, 278–285, 287–296, 370, 379, 382
- Голицын Сергей Федорович* (1749–1810), генерал от инфантерии, командующий русским вспомогательным корпусом, действовавшим в Галиции, в австро-франц. войне 1809 406–410, 412–415, 417
- Гольц Август-Фридрих-Фердинанд* (1765–1832), граф, прусский государственный деятель, посланник в России в 1807–1813, министр иностранных дел, вел. мирные переговоры в Тильзите, уполномоченный Пруссии на Эрфуртском свидании 1808, в 1816–1824 представитель Пруссии в Союзном сейме 300, 302, 312, 314–316, 331
- Граббе Павел Христофорович* (1787–1875), граф, генерал-адъютант, участвовал в войне 1812, заграничных походах 1813–1814, русско-турецкой войне 1828–1829, Кавказской войне 121
- Граверт Юлий* (1746–1821), прусский генерал от инфантерии, участвовал в сражении при Йене, в 1812 принял командование над прусским корпу-

сом в составе армии Наполеона против России, но по болезни сдал командование генералу Йорку 139

Гумбольдт фон, Карл-Вильгельм (1767–1835), барон, прусский государственный деятель и дипломат, посол в Вене (1809–1813), известный лингвист, старший брат знаменитого ученого Александра Гумбольдта 310, 312, 356

Густав II Адольф (1594–1632), шведский король, при котором Швеция достигла наивысшего могущества 203

Густав III (1746–1792), шведский король 163

Густав IV Адольф (1778–1837), шведский король в 1792–1809; военные неудачи — поражения в войнах с Францией и Россией, что привело к потере шведской Померании и Финляндии, деспотический режим вызвал брожение в шведском обществе, восстание в армии, арест короля и его низложение риксдагом в 1809, выбор новым шведским королем Карла Зюдерманландского; в 1810 покинул Швецию и под именем полковника Густавсона жил до конца жизни сначала в Германии, потом в Швейцарии; был женат на Фредерике-Доротее Баденской (родной сестре русской императрицы Елизаветы Алексеевны), от которой имел сына Густава (1799–1877), носившего имя принца Вазы 162, 163, 166, 167, 177

Д

Даву Луи-Николя (1770–1823), маршал Франции, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский; участвовал в войнах Республики, Консульства и Империи, в 1807 губернатор герцогства Варшавского, в течение «ста дней» военный министр, после Реставрации — пэр Франции 14, 38, 62, 112, 136, 137, 139, 140, 146, 402

Дезожье, франц. уполномоченный в Стокгольме 167

Дернот, датский поверенный в делах в Швеции 187, 188, 191

Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785–1831), граф (1827), генерал-фельдмаршал (1829), участвовал в первых войнах с Наполеоном, отличился в битве при Аустерлице, в 1812 сражался в корпусе графа Витгенштейна, в 1813 генерал-квартирмейстер союзных армий, отличился в битвах при Дрездене, Кульме, Лейпциге, нач. штаба 1-й армии, генерал-адъютант (1815), нач. Главного штаба (1824), главнокомандующий армией (1829) в войне с Турцией (за эту кампанию получил титул *Забалканского*), руководил войсками при подавлении польского восстания 1830–1831, умер от тифа; кавалер орденов св. Георгия всех степеней 235

Домбровский Ян-Генрик (1755–1818), польский генерал, служил в саксонской армии, с 1792 в армии князя Понятовского, защищал польскую конституцию 13 мая 1791 против России и Тарговицкой конфедерации, в 1794 участвовал в защите Варшавы от русских войск, после падения Варшавы уехал во Францию, сформировал 2 польских легиона и участвовал с ними в походах 1796, 1797 и 1800; организовал польские леги-

оны в армии Наполеона и командовал ими до 1812; после низложения Наполеона вернулся в Россию, от Александра I получил чин генерала от кавалерии, сделан сенатором, с 1816 в отставке 402, 404

Дубровин Николай Федорович (1837–1904), историк, генерал-лейтенант XII, 241

Дюрок Жерар-Кристоф-Мишель (1772–1813), маршал Франции, герцог Фриульский, обер-гофмаршал (1804), исполнял ряд дипломатических поручений Наполеона, один из самых близких лиц к Наполеону и его неизменный спутник во всех походах, заведовал личной тайной полицией Наполеона, убит 22 мая 1813 пушечным ядром на следующий день после битвы при Бауцене 46

Е

Екатерина II Алексеевна (1729–1796), императрица 35, 222, 232, 233, 392–394

Екатерина Павловна (1788–1818), великая княгиня, четвертая дочь Павла I, обладала большим умом, разносторонним образованием и разносторонними интересами, красивой внешностью и действовала на окружающих обворожительно, ее руки искал Наполеон; 1-й муж (с 1809) принц Георг Ольденбургский (1784–1812), 2-й (с 1816) Вильгельм, наследный принц Вюртембергский, вполсл. король Вюртембергский; от 1-го брака двое сыновей: Фридрих-Павел-Александр (1810–1829) и принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881), от 2-го две дочери 169, 445–448, 450

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), генерал от инфантерии; службу начал при А.В. Суворове, участвовал в кампаниях 1805–1807, в 1812 начальник штаба армии Барклая де Толли, особо отличился в Бородинском сражении, в 1817–1827 командир отдельного Кавказского корпуса, с 1827 в отставке 249

Ж

Жозефина Бонапарт см. Бонапарт Ж.-М.-Р.

Жомини Антон-Генрих Вениаминович (1779–1869), барон, генерал от инфантерии; родом швейцарец, с 1804 на франц. службе, в 1808 нач. штаба у маршала Нея в Испании, в 1812 губернатор Вильно, затем Смоленска, 1813 снова нач. штаба у Нея, содействовал победе в битве при Бауцене; с 1815 на русской службе (принят с чином генерал-лейтенанта и званием генерал-адъютанта), военный писатель, при Николае I разработал проект академии Генерального штаба 130

З

Зайончек Иосиф (1752–1826), польский генерал, сражался под начальством Т. Костюшки, после взятия Варшавы на франц. службе, участвовал в кампаниях Наполеона 1796–1797 и египетской экспедиции, позже был

Наполеоном назначен командиром Северного легиона, составленного преимущественно из поляков; в 1807–1812 при франц. войсках в Италии, в войне с Россией 1812 потерял ногу и был взят в плен; Александр I в 1815 назначил его наместником в Царстве Польском и возвел в княжеское достоинство 404

Засс Андрей Павлович (1753–1815), барон, генерал-лейтенант, отличился в русско-турецкую войну 1806–1812 234

Зюдерманландский герцог Карл (1748–1818), шведский король под именем Карла XIII, брат шведского короля Густава III, убитого в 1792, стал королем после низложения короля Густава IV Адольфа в 1809; после смерти в 1810 наследного принца Карла-Августа Августенбургского способствовал избранию в наследники шведского престола маршала Франции Бернадота, после чего Карл XIII передал ему ведение всех государственных дел 163, 177

И

Игнатий, митрополит Молдавский и Валахский 242

Измаил-паша, румелийский беглер-бей, турецкий чиновник 237, 238, 240, 245

Иосиф (Жозеф) Бонапарт см. Бонапарт Жозеф

Италинский Андрей Яковлевич (1743–1827), русский дипломат, член Российской академии, изучал медицину в Эдинбурге, посланник в Неаполе (1795), посол в Константинополе (1802–1806 и 1812–1816), с 1817 посланник в Риме, где и умер; в Италии занимался историей искусств и археологией, собрал значительную коллекцию 236, 237, 247, 258, 267–269, 273, 284, 288, 295

Й

Йорк Иоганн-Давид-Людвиг (1759–1830), граф, генерал-майор, впол. фельдмаршал, командующий войсками Пруссии; участвовал в войне с Францией в 1806–1807, в 1812 командир прусского вспомогательного корпуса, который под начальством Макдональда действовал в направлении Риги, при отступлении французов командовал арьергардом войск Макдональда, в 1813–1814 принимал участие в сражениях с французами 324–326, 353

К

Кадорский герцог см. Шампаньи Ж.-Б. Н.

Калькрейт Фридрих-Адольф (1737–1818), граф, прусский генерал-фельдмаршал; участник Семилетней войны, войн против Голландии (1787), против Франции и Наполеона, которому сдал Данциг; вместе с министром иностранных дел вел переговоры в Тильзите; противник реформ, проводимых Штейном в Пруссии 316

- Каменский Николай Михайлович* (1778–1811), граф, генерал от инфантерии, в 1808 командовал дивизией, назначенный затем командующим войск в Финляндии, одержал несколько значительных побед; с 1810 главнокомандующий Молдавской армией в русско-турецкой войне 1806–1812, одержал блистательную победу при Батине, после Ловчи (1811) тяжело заболел, как полагают, был отравлен, и умер 222, 225, 227, 229, 231–234, 242, 257
- Кампо-Кьяро*, герцог, неаполитанский государственный деятель, при Й. Мюрате министр полиции (1809), неаполитанский посланник в Париже (1810–1813), защищал Й. Мюрата на Венском конгрессе (1814–1815), с 1820 министр иностранных дел 79
- Каннинг Джорж* (1770–1827), английский государственный деятель, статс-секретарь по иностранным делам в 1807–1809 и 1822–1827, глава Кабинета в 1827 293, 295
- Карл Великий* (742–814), король франков с 768, римский император с 800, создал обширную империю, распавшуюся после его смерти 20, 419
- Карл XII* (1682–1718), шведский король 208, 283
- Карл-Людвиг-Иоганн* (1771–1847), 3-й сын императора Священной Римской империи Леопольда II, эрцгерцог, брат императора Франца I, фельд-маршал, затем генералиссимус, в 1806–1809 военный министр Австрии 200, 213, 215, 374
- Кетерн-эфенди*, турецкий уполномоченный на переговорах в Бухаресте 258
- Кауниц Венцель-Антон*, князь *Ритберг* (1711–1794), австрийский дипломат и государственный деятель, канцлер (1753–1792) 386
- Кечай-бей*, турецкий уполномоченный на переговорах в Бухаресте 291, 292
- Кёкериц*, полковник, придворный прусского короля Фридриха-Вильгельма III 316
- Кнезебек Карл-Фридрих* (1768–1848), барон, генерал, вполн. прусский фельд-маршал, адъютант Фридриха-Вильгельма III, в 1806–1807 состоял при Главной квартире русской армии, в 1812 был послан к Александру I с поручением противодействовать объявлению войны Франции, в начале 1813 вел переговоры с Александром I, завершившиеся заключением Калишского союзного договора с Пруссией 340, 342–349, 375
- Кобенцель фон, Иоганн-Филипп* (1741–1810), граф, вице-канцлер Австрии (до 1794), посол в Париже (с 1801) 85, 87, 128
- Коленикур Арман-Огюстен-Луи* (1772–1827), маркиз, герцог Виченцкий; происходил из старинного аристократического рода, служил в королевской армии, затем в революционных войсках; при восшествии Александра I на престол был отправлен в Россию в качестве дипломатического агента для заключения мира с Россией, после Тильзитского мира посол Франции в Петербурге (1807–1811), сопровождал Наполеона в походе на Россию в 1812 и вернулся из России в одной коляске с императором 10, 11, 17–19, 21, 23, 30, 44, 52, 58, 59, 61–64, 66–67, 70, 75, 87, 89, 93, 165, 227, 231, 365, 408, 410, 412, 413, 415–419, 423–427, 432, 433, 436, 443–445, 448–450

Кологривов, дипломатический курьер 160

Константин Павлович, (1779–1831), великий князь, 2-й сын Павла I, с образованием Царства Польского главнокомандующий польскими войсками; последние годы (1816–1831) прожил в Варшаве, морганатический брак с Жанной Грудзиньской (княгиня Лович) лишил его права наследовать русский престол; умер от холеры 393

Костюшко Тадеуш (1746–1817), военный и политический деятель Польши, вождь польского восстания 1794–1795 402

Крафт, сотрудник русского посольства в Париже 130

Круземарк, граф, генерал, прусский посол в Париже 91, 92, 94, 303, 305, 309, 315, 318–321, 339, 347

Кундт, саксонец, слуга А.И. Чернышёва 129, 132

Куракин Александр Борисович (1752–1818), князь, вице-канцлер при Павле I, посол в Вене (1806–1808), подписал в 1807 Тильзитский мир, сторонник франко-русского союза, посол в Париже (1808–1812), член Гос. Совета 2–6, 8, 9, 11, 20, 21, 23–25, 43, 48–53, 55, 57, 60, 61, 67–73, 75–80, 82–84, 86–88, 91, 94, 96, 99, 102, 111, 115–126, 128–143, 146–160, 171, 173, 176, 228, 229, 231, 278, 281, 322, 323, 345, 358, 359, 361–367, 424, 425, 427, 429, 430, 435, 439–444

Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь, генерал-прокурор при Павле I, министр внутренних дел (1808–1810), чрезвычайный посланник в Париже (1810) 166, 225–227, 359, 440–443

Кутузов Михаил Илларионович см. Голенищев-Кутузов М.И.

Л

Лагербельке Густав (1777–1873), барон, вполс. граф, шведский дипломат, посланник в Париже (1810–1813) 166, 167, 171, 176

Лагранж, секретарь графа Отто 363, 364

Ланжерон Людовик-Александр-Андро (Александр Федорович, 1763–1831), граф (1799), генерал от инфантерии; на русской службе с 1790 по 1829, отличился в русско-турецкой войне 1788–1791 при взятии Измаила и в русско-шведской войне 1789–1790, участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 (в 1810 взял Силистрию), в 1812 командовал корпусом, участник заграничных походов 1813 и 1814, с 1815 сменил герцога Ришелье на посту Херсонского военного губернатора и Одесского градоначальника, много сделал для развития этого края, с 1823 в отставке во Франции, с 1826 снова в России, участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829, с 1829 в отставке, жил в Одессе, в 1831 приехал в Петербург, заболел холерой и умер 222, 234–236, 242

Латур-Мобур Мари-Виктор (1766–1850), маркиз, генерал, дипломат, служил в королевской гвардии, в 1792 эмигрировал, но попал в плен к австрийцам и получил свободу только в 1798, участвовал в Наполеоновских войнах, посол Франции в Стамбуле; под Лейпцигом потерял ногу,

- после Реставрации пэр Франции, в 1819–1821 военный министр 38, 226, 246, 265
- Лессепс*, французский инженер, по-видимому, отец Фердинанда Лессепа (1805–1894), виконта, известного французского предпринимателя и инженера, члена Французской академии, дипломата, руководившего строительством Суэцкого канала (1859–1869) 24
- Лефевр*, секретарь французского посольства в Берлине 331
- Лёвенгелм*, граф, чрезвычайный шведский посланник в Петербурге 201–203, 205, 206, 210, 216
- Ливен Христофор Андреевич* (1777–1838), светл. князь, генерал-адъютант, чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Берлине (1809–1812), в Лондоне (1812–1834), член Гос. Совета 299–303, 310–317, 323, 327–329, 331, 335–342, 349, 350, 352, 353, 356–358
- Лихтенштейн Иоганн-Йозеф* (1760–1836), князь, австрийский фельдмаршал 419
- Лористон Жак-Александр-Бернар Ло* (1768–1828), маркиз, маршал Франции, с 1800 адъютант Наполеона, участник кампаний 1805 и 1809, в 1811–1812 посол в Петербурге, во время отступления франц. армии из России командовал арьергардом, в битве под Лейпцигом попал в плен, в период «ста дней» не перешел на сторону Наполеона и после второй Реставрации получил звание пэра и маршальский жезл 22, 30, 45, 58, 61, 62, 64–67, 69–70, 75, 76, 79, 86, 88, 89, 91, 93, 96, 104–106, 112, 118, 122, 123, 137, 139–141, 143, 149–151, 155, 160, 316, 345
- Луиза (Августа-Вильгельмина-Амалия, 1776–1810)*, прусская королева, супруга Фридриха-Вильгельма III, дочь герцога Карла-Мекленбург-Стрелицкого 298
- Людовик Бонапарт* см. Бонапарт Людовик
- Люсьен (Люциан) Бонапарт* см. Бонапарт Люсьен

М

- Мавроени*, турецкий уполномоченный при Венском дворе 293
- Мальтцан*, гофмейстер герцога Ольденбургского 19
- Манук-бей*, турецкий чиновник 282, 283, 286
- Маре Юг-Бернар* (1763–1839), герцог Бассано; до революции адвокат, во время революции редактор газеты *Монитор*, затем посланник в Неаполе, где был взят австрийцами в плен и спустя 2,5 года обменен на дочь Людовика XVI; после 18 брюмера секретарь Первого консула, министр иностранных дел (1811–1813), но на ход дел никакого влияния не имел и был простым исполнителем 27, 48, 50–52, 67–69, 71, 72, 76–77, 83, 94, 96, 98, 103, 104, 117–119, 121, 122, 124, 125, 129, 130, 132–134, 140, 142, 143, 146–160, 210, 212, 303, 318, 320–322, 339, 349, 351
- Мария-Луиза* (1791–1847), австрийская эрцгерцогиня, дочь императора Франца I, 2-я супруга Наполеона (с 1810); после низложения Наполеона получила в пожизненное владение герцогство Пармское; еще дважды была замужем: тайно за австрийским генералом Нейпергом, затем,

после смерти Наполеона, за французским эмигрантом графом Бомгелла 3, 5, 225, 358

Мария-Терезия (1717–1780), императрица Св. Римской империи (с 1740); старшая дочь императора Карла VI и его наследница в силу *прагматической* санкции, супруг (с 1736) герцог Лотарингский, коронованный в 1745 императором Священной Римской империи под именем Франца I; энергичная, умная, деятельная, обладала большим тактом и обаятельной прелестью обращения, чарующе действовала на окружающих, была безукоризненной женой и матерью: имела 16 детей, из которых 10 пережили ее 398

Маршалъ, барон, спец. посланник австрийского правительства при петербургском дворе 375

Массена Андре (1756–1817), маршал Франции, герцог Риволийский, князь Эссlingenский; отличился в итальянском походе 1796–1797 при Риволи, в 1799 разбил Римского-Корсакова при Цюрихе, в 1809 одержал победу под Эсслингом в Богемии и отличился под Ваграмом; в 1810 командующий армией в Португалии, терпел поражения от Веллингтона и отставлен Наполеоном; в 1813 примкнул к Бурбонам и после Ватерлоо назначен губернатором Парижа 45

Махмуд II (1785–1839), турецкий султан с 1808; возведен на престол в результате мятежа, произведенного Рушукским пашой Мустафой Берьятором (Байрактаром), начал правление бесчисленными казнями, в том числе своего брата и предшественника Мустафы IV; провел ряд реформ: уничтожил янычар (1826), устроил армию, пополняемую набором, пытался ввести светское образование; его царствование было крайне неудачным: междоусобные войны (в начале – с Али-пашой Янинским, в конце – с Мегметом-Али Египетским и две неудачные, проигранные войны с Россией (1806–1812 и 1828–1829) – Турция потеряла Грецию, Сербию, Молдавию, Валахию, фактически – Египет 222

Мелиссино Алексей Петрович (1759 или 1766–1813), генерал-майор, командующий армией в русско-турецкую войну 1806–1812 222

Местр де, Жозеф-Мари (1753–1821), граф, посланник сардинского короля в Петербурге (1802–1817) 86, 204, 243, 288, 295, 347, 357, 375, 377, 379

Меттерних Клеменс-Венцель-Лотар (1773–1859), граф, вполн. князь, австрийский государственный деятель и дипломат, посланник в Саксонию (1801–1803), в Пруссии (1803–1805), посол в Париже (1806–1809), министр иностранных дел (1809–1821), вдохновитель Священного союза, канцлер (1821–1848) 72, 77, 78, 80, 85, 103, 228, 266, 310, 312, 356–358, 361–366, 369–372, 375, 380–387

Мишель, чиновник во французском военном министерстве 129, 132

Монде, австрийский генерал 409

Монморанси-Лаваль Матье-Фелисите (1767–1826), герцог, франц. политический деятель, депутат от дворянства в Генеральных штатах, примкнувший к третьему сословию; в 1821–1822 министр иностранных дел 131

- Монталиве де, Жан-Пьер-Бошассон (1766–1823)*, граф, соученик Наполеона по военному училищу, в начале XIX в. высокопоставленный чиновник во франц. министерстве иностранных дел, затем министр внутренних дел, руководивший постройкой многих сооружений времен Империи, в частности, Иенского моста в Париже; с 1819 пэр Франции 426, 433, 434
- Морков Аркадий Иванович (1747–1827)*, граф, дипломат, с 1786 член Коллегии иностранных дел, в 1801–1803 посол в Париже, член Гос. Совета 111, 120
- Морков Ираклий Иванович (1753–1829)*, граф, генерал-лейтенант, сподвижник Суворова, участник штурма Измаила, участник Отечественной войны 1812 249, 250
- Мулла-паша*, турецкий чиновник 245
- Мурузи*, князь, молдаванин, главный драгоман Турции 240, 255, 258, 268, 293, 294
- Мустафа IV (1779–1808)*, турецкий султан, сын Абдул-Гамида I и преемник Селима III, возведен на престол янычарами (1807); когда паша Мустафа Байрактар восстал в защиту Селима III, он велел убить своего предшественника и выдать его труп паше, следствием чего было его собственное низложение и возведение на престол его брата Махмуда II, приказавшего его казнить 222, 223
- Мустафа Берлятор (Байрактар, 1755–1808)*, паша, турецкий государственный деятель; назначенный Рушукским пашой, в 1806 во главе 10-тысячного корпуса участвовал в войне с Россией; в 1808, когда султан Селим III был свергнут янычарами и на престол был возведен Мустафа IV, пошел во главе своей армии на Константинополь для освобождения свергнутого султана, но получил только труп Селима, сверг Мустафу и возвел на престол его брата Махмуда II, который назначил Байрактаара великим визирем; погиб 14 ноября 1808 в результате мятежа янычар 222, 223
- Муфти-заде-Селим-Кечай-бей*, турецкий уполномоченный на переговорах в Бухаресте 258
- Мюнстер Эрнст-Фридрих-Герберт (1766–1839)*, граф, ганноверский государственный деятель, прусский посол в Австрии, с 1804 министр, на Венском конгрессе добился территориального увеличения Ганновера и возведение его в статус королевства 340
- Мюрат Йохим (1771–1815)*, маршал Франции, герцог Бергский, король Неаполитанский (с 1808), зять Наполеона (женат на его сестре Каролине); в 1814 изменил Наполеону, был лишен престола, при попытке вернуть его вооруженной силой австрийцами был взят в плен и расстрелян 402, 403

Н

- Наполеон I Бонапарт (1769–1821)* X, XI, 2–21, 24–30, 34–36, 39–65, 67–80, 82–98, 102–128, 130–157, 159, 160, 162–176, 180, 181, 184–201, 204–219, 222–233, 239, 242–244, 252, 275–279, 281–283, 290, 291, 293, 298–306,

309, 311–313, 315–323, 327–335, 337, 339, 340, 342–351, 353, 356–371, 374–382, 384, 386–389, 392–408, 410, 412–421, 423–437, 439–450

Наполеон II, Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт (1811–1832), сын Наполеона I от австрийской эрцгерцогини Марии-Луизы, при рождении получивший титул короля Римского, с 1818 – титул герцога Рейхштадского. С 1814 жил в Австрии при дворе своего деда – австрийского императора Франца I; в 1815 Наполеон I отрёкся от престола в пользу своего сына, провозгласив его императором под именем Наполеона II, что не имело практически никаких последствий 51, 87

Нарбонн-Лара де, Луи (1755–1813), граф, сын Людовика XV от м-ль Роман (по другим данным, происходил из старинного испанского рода, родился в герцогстве Пармском, в детстве переехал во Францию; до революции служил в армии, при дворе и в министерстве иностранных дел; в 1791–1792 был три месяца военным министром, сумел организовать три большие армии под командованием Люкнера, Рошамбо и Лафайета, но вследствие разногласий с морским министром вышел в отставку (10 марта 1792), а после событий 10 августа 1792 бежал в Англию; после возвращения во Францию с 1800 вновь на военной службе, в период Империи адъютант Наполеона (1809), посланник в Мюнхене, посол в Вене (1812) 146, 147, 150, 299

Незиб-эфенди, турецкий уполномоченный на переговорах в Бухаресте 258

Ней Мишель (1769–1815), маршал Франции, герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1812); выдвинулся в 1794–1795 во время революционных войн, с 1796 бригадный, с 1799 дивизионный генерал; принимал участие во всех наполеоновских войнах, в 1800 командовал дивизией, с 1802 – войсками в Швейцарии, в 1803–1814 – корпусом; отличился в сражениях под Ульмом, при Йене и Фридрихсфельде. В Бородинском сражении командовал центром, атаковавшим Семёновские флеши, при отступлении от Москвы – аррьергардом, почти полностью уничтоженным под Красным. При Ватерлоо командовал центром армии; отличался личной храбростью и пользовался огромной популярностью среди солдат. После Ватерлоо скрывался, но был арестован и расстрелян по приговору военного суда 244

Нейперг Адам-Альберт (1775–1829), граф, генерал, австрийский посланник в Стокгольме; состоял вmorganатическом браке с Марией-Луизой, 2-й женой Наполеона, и был при ней в Парме министром иностранных дел 213, 218, 367, 374, 377–379, 384, 385

Нессельроде Карл (Карл-Роберт) Васильевич (1780–1862), граф, министр иностранных дел России (1816–1856), на дипломатической работе с августа 1801: в берлинской миссии (сверх штата), затем в нидерландской, поверенный в делах в Гааге (1804–1806), советник посольства в Париже (с 1807 по 1811), с 1812 управляющий министерством иностранных дел, статс-секретарь (с 1811) до 1822 совместно с И. Каподистрия, вице-канцлер (1828), государственный канцлер (1845) 45, 75, 85, 88–92, 94–97, 99, 102, 105, 111, 129, 132, 139, 145, 347, 375

Николай Павел Андреевич (1777–1866), барон, дипломат; на дипломатической службе с 1796: в миссии в Лондоне (с 1800), в том числе поверенным в делах, в 1810 полномочный министр для размежевания земель между Россией и Швецией, с июля 1811 советник посольства в Стокгольме, с августа 1812 советник посольства в Лондоне, с мая 1816 и по апрель 1847 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Дании 199, 201, 205, 216

Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836), граф (1833), русский государственный деятель; член Негласного комитета, попечитель Петербургского учебного округа, президент Императорской Академии наук, товарищ министра юстиции; в 1813–1831 на крупных постах в Польше, с 1832 председатель Гос. Совета и Кабинета министров 139, 421

О

Ольденбургский герцог, Пётр-Фридрих Людвиг (?–1829), с 1785 администратор герцогства Ольденбургского, с 1823 самостоятельный правитель после смерти слабоумного герцога Петра-Фридриха-Вильгельма 18–20, 42, 46, 49, 57, 61, 63, 70–72, 98, 110, 114, 148, 312

Ольденбургский принц Георг, см. Георг, принц Ольденбургский

Ордукадий, турецкий чиновник 294

Оскар, сын Ж.-Б. Бернадота 217

Османы, династия турецких султанов 223

Отто Луи-Гильом (1754–1817), граф Мослой, французский дипломат, немец по происхождению: посланник в Лондоне (1801–1803), посол в Вене (1809–1813), участвовал в переговорах о браке Наполеона с Марией-Луизой 230, 363, 369

П

Павел I Петрович (1754–1801), император 402

Пётр I Алексеевич (1672–1725) 27, 69, 208, 226

Пехлеван-паша, турецкий военачальник 235

Пий VII (в миру Григори-Луджи-Барнаба, 1740–1823), епископ Имолы, избран Папой 14 марта 1800, на папском престоле 23 года 5 мес. 6 дней. Проводил в основном политику непротиводействия Наполеону, в 1801 заключил конкордат с Францией, в 1804 короновал Наполеона; его сопротивление некоторым требованиям Наполеона, в частности, присоединению Папского государства к континентальной блокаде послужило поводом к ликвидации этого государства в 1809, а сам Папа был вывезен во Францию; в правах светского государя был восстановлен на Венском конгрессе 1814–1815. Восстановил (1814) орден иезуитов, запрещенный в 1773 419

Полина Бонапарт см. Бонапарт Полина

Понятовский Иосиф (1763–1813), князь, польский генерал, племянник последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского; первоначально служил в австрийской армии, в 1792 командовал польскими повстанческими отрядами, в 1794 служил под начальством Т. Костюшки, в герцогстве Варшавском был военным министром; в 1812 в походе Наполеона на Россию командовал польским корпусом; отличился в битве при Лейпциге (1813), получил звание маршала Франции, но утонул при отступлении французов после битвы 51, 57, 58, 73, 382, 404, 406, 407, 409, 413, 423, 430

Попова (рожд. Трубникова) Авдотья Павловна (ум. 1870), мать историка А.Н. Попова V
Потоцкий Владимир, граф 409, 429

Прозоровский Александр Александрович (1732–1809), князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русскими войсками в Молдавии во время войны с Турцией (с 30 августа 1807 по 9 августа 1809) 222, 232, 233, 411

Р

Раабе, австрийский генеральный консул в Константинополе 240

Радзивилл Доминик, литовский князь 429

Разумовский Андрей Кириллович (1752–1836), граф, светл. князь (1815), с 1769 на службе во флоте, с 1775 на придворной службе, с 1777— на дипломатической: полномочный министр и чрезвычайный посланник в Неаполе, с 1784— в Копенгагене, с мая 1786 — в Стокгольме, с 1790 — помощник посла в Вене князя Д.М. Голицына, затем посол в Вене; с 1799 по 1801 в отставке; с 1801 по июль 1806 посол в Вене, затем жил в Вене как частное лицо. С 1813 в свите Александра I, участвовал в качестве официального делегата в Венском конгрессе 1814–1815, остаток жизни провел в Вене 362–364, 366, 373

Рейс-эфенди, турецкий чиновник 246

Рекамье Юлия-Аделаида (1777–1849), знаменитая красавица, парижский салон которой посещали многие выдающиеся люди того времени. В 1806 за отказ быть официальной любовницей Наполеона была им выслана из Франции и до падения Империи жила в Риме, где ее салон имел столь же притягательную силу. После возвращения в Париж ее салон приобретает европейскую известность. Наделенная от природы необыкновенным тактом, здравым смыслом и неисчерпаемой добротой, она имела любезный и ровный характер, умение говорить с каждым на его языке, мягкость и благородство манер, отсутствие жеманства, тонкое кокетство, грацию движений, речи и поступков и, наконец, редкую красоту 131

Ренваль, французский дипломат 59

Римский король см. Наполеон II

Ровиго, герцог см. Савари

Розенкранц, датский министр иностранных дел 216

Ростопчин Фёдор Васильевич (1763–1826), граф, государственный деятель, сделал поразительную карьеру при Павле I (1798–1800): кабинет-министр по иностранным делам, 3-й присутствующий в Коллегии иностранных дел, граф, великий канцлер ордена св. Иоанна Иерусалимского, директор почтового департамента, первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, член Совета императора. В 1801–1810 в отставке, с 1810 обер-камергер, генерал от инфантерии, главнокомандующий в Москве: на этой должности приобрел наибольшую известность, в частности, ему приписывают организацию истребления Москвы огнем XI

Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725–1796), граф, генерал-фельдмаршал; известность приобрел в Семилетнюю войну, одержал блестящие победы в русско-турецкой войне 1768–1774, в последние годы жизни (с 1775) генерал-губернатор Малороссии 247

Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф, полномочный министр при Германском сейме (с 1799), сенатор, министр коммерции, министр иностранных дел (с 1807), канцлер (с 1809), сторонник франко-русского союза; потрясенный нашествием Наполеона на Россию, перенёс апоплексический удар, полностью потерял слух и отошел от государственных дел, а с 1814 и формально уволен в отставку; на свои средства снарядил экспедицию на корабле «Рюрик» под начальством капитана Коцебу для отыскания северо-восточного морского прохода (1815–1818). Главное его свершение – деятельность на пользу отечественной истории – материальная поддержка многих русских историков, сбор рукописей, материалов, книг и т. п. по русской истории. Его огромное книжное собрание легло в основу Румянцевского музея и Публичной библиотеки (ныне Российская государственная библиотека) 11, 21, 24, 40–42, 48, 50, 52, 54, 60, 61, 65, 68, 69, 73, 75–76, 80, 87, 92–95, 102, 103, 106, 116, 119, 124–128, 131–133, 143, 146, 149, 150, 152, 154, 162, 164, 167–177, 199, 201, 205, 206, 212, 216, 225, 227, 229, 231, 232, 235–238, 244, 247, 251–254, 257, 258, 260–266, 268–271, 273, 275, 277–281, 283–285, 287–289, 295, 300–302, 307, 309, 311, 314, 316, 317, 322, 323, 327–329, 331, 335, 339–341, 353, 358, 359, 361, 363–366, 370–373, 375, 377, 388, 405, 406, 408, 410, 413, 415–419, 423–427, 429, 431–433, 435, 439–441, 443, 444, 448

С

Сабанеев Иван Васильевич (1770–1829), генерал-майор, вполн. генерал от инфантерии; участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791, в военных действиях против польских конфедератов, Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, отличился в кампании против Наполеона (1807), в 1808–1809 участвовал в войне со шведами, в 1810–1811 – в русско-турецкой войне, в войнах с Францией в 1812–1814, в 1815, командуя корпусом, блокировал Мец и очистил от неприятеля Вогезские горы 258

Савари Анн-Жан-Мари-Рене (1774–1833), герцог Ровиго, участник революционных войн, с 1800 адъютант Наполеона, с 1802 директор бюро тай-

ной полиции, открыл заговор Пишегрю, руководил арестом герцога Энгиенского и судом над ним; после Тильзитского мира (1807) посол в Петербурге, где был холодно принят верхами общества и вскоре отозван, направлен в Испанию, где убедил королевскую семью прибыть к Наполеону в Байонну и где она была арестована; министр полиции вместо Фуше с 1810 до падения Империи 45, 47, 129–133, 158, 448

Сапегга Александр (1773–1812), князь, польский литератор, занимавшийся славянским вопросом, в 1812 назначен камергером Наполеона 429

Салтыков Александр Николаевич (1775–1837), граф, камергер (1796), тайный советник (1798), с 1801 в Коллегии иностранных дел, с 1806 товарищ министра иностранных дел, управляющий министерством в отсутствие министра иностранных дел, член Гос. Совета (с 1810), с 9 апреля 1812 управляющий министерством иностранных дел на время отсутствия канцлера Н.П. Румянцева; с 1817 в отставке 388

Сальмские (Зальмские), князья, род (графский и княжеский), ведущий начало от XI в. и владевший двумя германскими графствами — Оберсальм в Вогезах и Нидерсальм в Арденнах 20

Седерстрём, полковник, агент Алькье в Дании 188, 195

Селим III (1761–1808), турецкий султан с 1789, свергнутый янычарами в 1807 222

Сен-Жюльен, граф, австрийский поверенный в делах в Петербурге в 1809–1812 367, 374, 375, 377, 378

Сен-Марсан Антуан-Мари-Филипп (1761–1842), сардинский государственный деятель, с начала XIX в. на французской службе, с 1809 посол Франции в Берлине, после падения Наполеона вернулся в Турин, министр иностранных дел Сардинского королевства, с 1817 военный министр, с 1818 президент Совета министров, после отречения короля Виктора-Эммануила (1821) вышел в отставку 37, 299, 313, 320–323, 331, 337, 340, 350, 351

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831), адмирал (1826), генерал-адъютант (1825); окончил Морской корпус (1780), с 1783 на Черноморском флоте, во время русско-турецкой войны 1787–1791 участвовал в сражении у м. Калиакрия, командовал линейным кораблем «Св. Пётр» в Средиземноморском походе адмирала Ушакова (1798–1800); с 1806 командовал русской эскадрой в Адриатическом море и проявил незаурядные дипломатические способности во время англо-русской войны 1807–1812, когда русская эскадра попала в тяжелое положение в Лиссабоне, что вызвало, однако же, недовольство Александра I, т. к. в результате переговоров с англичанами эскадра была интернирована; в 1813–1824 в отставке, с 1825 командующий Балтийским флотом 222

Сердобин, барон, дипломатический курьер 127, 131

Сиверс Карл Карлович (1772–1826), граф, тайный советник, сенатор, генерал-майор (1803), шеф Новороссийского драгунского полка, с которым в составе корпуса генерал-лейтенанта Эссена участвовал в русско-французских войнах 1805–1807, в русско-турецкой войне 1806–1812; участник Отечественной войны 1812 и зарубежных походов 1813–1815; генерал-лейтенант (1813) 408, 409

- Собесский Ян* (1624–1696), польский король и полководец, прославился блестящими победами над турками, одна из которых (1683) спасла Вену, заставив турок снять осаду с австрийской столицы; для обеспечения успеха в дальнейшей войне с Турцией заключил в 1686, в правление царевны Софьи, вечный мир с Москвой 402
- Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839), граф, государственный деятель, автор ряда проектов преобразования государственных учреждений; в 1812 отправлен в ссылку в Нижний Новгород, затем в Пермь, губернатор в Пензе (1816), генерал-губернатор Сибири (1819), возвращен в Петербург в 1821 и при Николае I руководил составлением Полного собрания законов и Свода законов Российской империи 142
- Стадион Иоганн-Филипп-Йозеф-Карл* (1763–1824), граф, австрийский дипломат, в 1804 поверенный в делах в Петербурге, затем министр иностранных дел Австрии (до Меттерниха), после падения Наполеона австр. уполномоченный на ряде европейских конгрессов 306, 362, 364, 365
- Сталь де, Анна-Луиза* (1766–1817), баронесса, дочь министра Людовика XVI Неккера, французская писательница и публицистка; держала один из самых блестящих политических и литературных салонов в Париже 131
- Стединг Богислав-Людвиг-Христофор* (1746–1837), граф, шведский фельдмаршал; служил во французских войсках и участвовал в военных действиях в Сев. Америке, в 1783 вернулся в Швецию, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790, в первое десятилетие XIX в. был шведским посланником в Петербурге, в 1813 командовал шведскими войсками в битве при Лейпциге и др. сражениях 163–165, 168, 169, 173, 174, 177, 185
- Стутергейм*, прусский генерал 326
- Суворов Александр Васильевич* (1730–1800), граф Рымникский (1789), светл. князь Итальянский (1799), генералиссимус (1799) 233
- Суворов Аркадий Александрович* (1784–1811), граф Рымникский, генерал-лейтенант, утонул в р. Рымник 13 апреля 1811 в попытке спасти своего тонущего кучера, но в бурной реке повредил руку и не смог выплыть 408
- Сухтелен Пётр Корнилович* (1751–1836), граф (1822), инженер-генерал, на русской службе с 1783, принимал участие в русско-шведской войне 1788–1790, в войнах с Наполеоном 1805–1807, русско-шведской войне 1808–1809, русский посол в Стокгольме с 1809 170, 171, 174–176, 178, 185, 203, 205, 206, 209–211, 213–218, 374, 377, 385

Т

Таваст, шведский генерал 215

Талейран Перигор Шарль-Морис де (1754–1838), князь Беневентский (1806–1815), герцог Дино (с 1817), французский дипломат и государственный деятель; из аристократической семьи, получил духовное образование, в 1799–1807 министр иностранных дел, активно содействовал реставрации Бурбонов, в 1830–1834 посол в Лондоне 95, 299, 446, 447

Талейран, княгиня Беневентская, жена Ш.-М. Талейрана 131

Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906), дипломат, историк, публицист 450

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) X

Толстой Петр Александрович (1761–1844), граф, генерал; чрезвычайный посол и полномочный министр в Париже (октябрь 1807– октябрь 1808), придерживался антифранцузской ориентации и после свидания в Эрфурте был заменён на князя А.Б. Куракина 405

Туртон, дипломатический агент Англии в Стокгольме 206

Турн-и-Таксис Тереза, княгиня, дочь великого герцога Мекленбург-Стрелицкого, замужем за князем Карлом-Александром Турн-и-Таксис, потерявшим свои владения после образования Рейнского союза 447

Тьер Адольф (1797–1877), французский историк, государственный деятель, член Французской академии (1833) 18, 76, 77

У

Убри Пётр Яковлевич (1774–1847), русский дипломат, поверенный в делах в Париже (1803–1804), с особой миссией в Париже в 1806, впоследствии посланник в Мадриде и Франкфурте, временно управляющий министерством иностранных дел (1823–1824) 129

Удино Никола-Шарль (1767–1847), герцог Реджио, маршал Франции (маршалский жезл получил за битву при Ваграме); в 1812 сражался против корпуса Витгенштейна, во время переправы через Березину помог Наполеону спастись 67–69

Уитворт Чарльз (1760–1825), лорд, английский дипломат, посланник в Петербурге (1788–1800), посол во Франции после Амьенского мира (1802–1803) 72, 77, 80

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, при Александре II статс-секретарь, член Гос. Совета, главноуправляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии XII

Ф

Фердинанд (1793–1875), эрцгерцог, старший сын императора Франца I 406

Ферзен Ганс-Аксель (1755–1810), граф, шведский политический деятель, с 1788 с секретным дипломатическим поручением во Франции, был влюблен в Марию-Антуанетту и в 1791 принял деятельное участие в организации бегства королевской семьи из Парижа; король Густав IV назначил его канцлером Упсальского университета и маршалом королевства; когда в 1810 скоропостижно умер шведский кронпринц и наследник престола Христиан-Август (принц Шлезвиг-Голштейн Августенбургский), Ферзен был обвинен в отравлении кронпринца, на похоронах которого был избит, вследствие чего умер 168

Флоре, австрийский генерал 385

Фой, французский генерал 17

Фонтон Антон Антонович (1780–1864), тайный советник, переводчик на переговорах в Бухаресте 236, 237, 241, 246, 247, 254, 258, 263, 265, 266, 268–270, 283–285, 290–292

Франц II (1768–1835), император Священной Римской империи (с 1792), принял титул австрийского императора под именем Франца I в 1806 после фактической ликвидации Священной Римской империи 381, 382, 386, 387

Фридрих II (1712–1786), прусский король (с 1740) 333, 356

Фридрих-Вильгельм III (1770–1840), прусский король (с 1797) 298

Фуше Жозеф (1759–1820), герцог Отрантский, французский государственный деятель, способствовал Бонапарту в перевороте 18 брюмера, министр полиции (1799–1802, 1804–1810), перешел на сторону Бурбонов после Ватерлоо; назначался министром полиции и в период «ста дней» и после 2-й реставрации Бурбонов 131, 402, 445, 446

Х

Ханыков Василий Васильевич (1759–1829), дипломат, генерал-лейтенант, действительный тайный советник, посланник при Саксонском дворе (1802–1819) 121

Ч

Чапан-оглу, турецкий чиновник 256

Чарторыйский Адам-Юрий (1770–1861), князь, известный русский и польский государственный деятель, с 1795 в Петербурге, посол в Сардинии, член Негласного комитета, министр иностранных дел (1804–1807), попечитель Виленского учебного округа (1803–1823), президент Сената и польского правительства (1830–1831), после поражения польского восстания в эмиграции в Париже 58, 59, 393, 395, 397–401, 404, 405, 421–423, 431–435

Чернышёв Александр Иванович (1786–1857), граф (1826), светл. князь (1848), выполнял ряд дипломатических поручений в Париже и Стокгольме (1808–1811), военный министр (1827–1852) 8–10, 12–14, 17, 21, 22, 24, 28–30, 34, 35, 39–43, 45–48, 92–95, 103–106, 108–118, 120, 122–124, 127–134, 137, 158, 166, 167, 171–173, 175–196, 212, 227–231, 242–244, 275, 277, 281, 309, 311, 312, 347, 361, 367, 416

Чичагов Павел Васильевич (1765–1849), адмирал, главнокомандующий Молдавией, Валахией и Черноморским флотом (1811–1812), неудачно преследовал отступающие войска Наполеона, которому удалось переправиться через Березину; с 1814 в бессрочном отпуске за границей до конца жизни 219, 288, 295, 296

III

- Шампаньи де, Жан-Батист-Нонпер* (1756–1836), герцог Кадорский (с 1808), посланник в Вене (1801–1804), министр внутренних дел (1804–1807), министр иностранных дел (1807–апрель 1811), пэр Франции (с 1819) 10, 11, 19–21, 27, 46, 49, 50, 52, 55, 68, 89, 167, 183, 193, 194, 227, 230, 305–309, 358, 364, 365, 410, 419, 421–427, 432, 433, 435, 437, 441, 443, 444
- Шарнгорст Гергард-Иоганн-Давид* (1755–1813), прусский генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер, военный министр Пруссии (1809–1810), умер от раны ядром в ногу 28 июня 1813, полученной в битве под Люце-ном 2 мая 300–303, 316, 317, 324, 327, 329, 331, 333–335, 337, 338, 341, 342, 353, 357
- Шварценберг Карл-Филипп* (1771–1820), герцог Крумауский, князь, австрийский фельдмаршал, участвовал в войнах с Францией в эпоху Республики и Империи, в 1808 назначен посланником в Петербурге, но за 2 дня до сражения при Ваграме вернулся к австрийской армии и командовал в этом сражении левым крылом, затем посланник в Париже, где вел переговоры о бракосочетании Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой; в 1812 командовал вспомогательным австрийским корпусом в составе армии Наполеона; в 1813 командовал союзными войсками, потерпел поражение от Наполеона под Дрезденом, но одержал победу под Лейпцигом 3, 75, 76, 79, 92, 152, 309, 364, 366, 375, 377, 379, 383–385
- Шварценберг Иосиф*, князь, брат австрийского фельдмаршала, дипломата К.-Ф. Шварценберга 3
- Шварценберг Полина*, жена князя Иосифа Шварценберга, погибла во время пожара на праздничном балу 19 июня (1 июля) 1810 года 3
- Шёлер*, барон, прусский посланник в Петербурге 333, 334, 340–342
- Шильдер Николай Карлович* (1842–1902), генерал-лейтенант, историк XII, 3
- Штакельберг Густав-Оттон*, граф, посол России в Австрии в 1809–1812, участник Венского конгресса 1814–1815 272, 363, 367, 368, 370–375, 378–380, 382–388
- Штакельберг*, русский полковник, командовал отрядом казаков во вспомогательном корпусе князя С.Ф. Голицына в австро-французскую войну 1809 408
- Штейн Генрих-Фридрих-Карл* (1757–1831), барон, прусский государственный деятель, реформатор 306, 340
- Штюрмер*, австрийский интернунций в Константинополе 266, 294
- Шувалов Павел Андреевич* (1777–1823), граф, участвовал в походе Суворова в Италию, в войне со Швецией и завоевании Финляндии, с 1808 генерал-адъютант, неоднократно выполнял дипломатические поручения, был послан к Наполеону после взятия Парижа (1814) и сопровождал его до побережья Средиземного моря при отправке в ссылку на о. Эльбу 58–62, 76, 78, 111, 309, 310

Э

Экмюльский князь см. Даву

Эменор, редактор французской «Официальной газеты», чиновник министерства полиции 47

Энгерштрём Ларс, барон, впоследствии граф, шведский дипломат, посол Швеции в Лондоне и Берлине, министр иностранных дел 163, 168, 169, 178, 183, 188, 198, 205

Эссад-эфенди, турецкий чиновник 255

Эссен Иван Николаевич (1759–1813), генерал-лейтенант, командовал корпусом в русско-французской войне 1805–1807, затем в русско-турецкой войне 1806–1812 234

Ю

Юсуф-паша, турецкий визирь 233

Я

Якоби, специальный уполномоченный прусского короля в Вене 356, 357

Оглавление

Предисловие редактора

V

От редакции

IX

Глава первая

Сношения с Францией в 1811 году

2

Глава вторая

Сношения с Францией в конце 1811

и в начале 1812 годов

82

Глава третья

Сношения России со Швецией

162

Глава четвертая

Окончание войны с Турцией и Бухарестский мир

222

Оглавление

Глава пятая
Переговоры
и подписание мира с Турцией
260

Глава шестая
Сношения с Пруссией
298

Глава седьмая
Сношения с Австрией
356

Приложение
Вопрос Польский. 1806–1809 гг.
392

Краткая библиография
451

Указатель имен
452

А.Н. Попов
Отечественная война 1812 года

Том первый

*Сношения России
с иностранными державами
перед Отечественной войной
1812 года.*

Редактор
С.А. Никитин

Художники
А.А. Зубченко
К.А. Зубченко

Иллюстрации предоставлены
И.Е. Домбровским

Набор
И.В. Попова
И.А. Прохорова

Верстка
А.А. Зубченко

Корректор
М.Б. Донская

А.Н. Попов. Отечественная война 1812 года. Т. I. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года./ Сост., предисловие, примечания С.А. Никитина – М.: «Минувшее», 2008 – XIV, 482 с., 16 с. илл. (Русская историческая библиотека)

Первый том фундаментальной монографии А.Н. Попова «Отечественная война 1812 года» посвящен дипломатической предыстории войны. Книга основана на огромной дипломатической переписке, практически недоступной современному читателю. Этим томом издательство «Минувшее» продолжает выпуск книг, приуроченных к 200-летию Отечественной войны 1812 года.

Сдано в набор 15.04.2008
Подписано к печати 27.05.2008
Формат 60 × 90/16
Бумага офсетная, мелованная
Печ. л. 32
Заказ № 4069
Тираж 1000

Лицензия ИД № 06244 от 12.11.2001

ISBN: 978-5-902073-60-4

Издательство «Минувшее»
1117292, Москва, Профсоюзная ул., д.12
Адрес для переписки:
109387, Москва, Кубанская ул., 22-31
Тел. (495) 350-59-73, 268-51-20
E-mail: trivek@mail.ru

Интернет: www.triv.narod.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

Император Александр I Павлович
Худ. Ф. Жерар

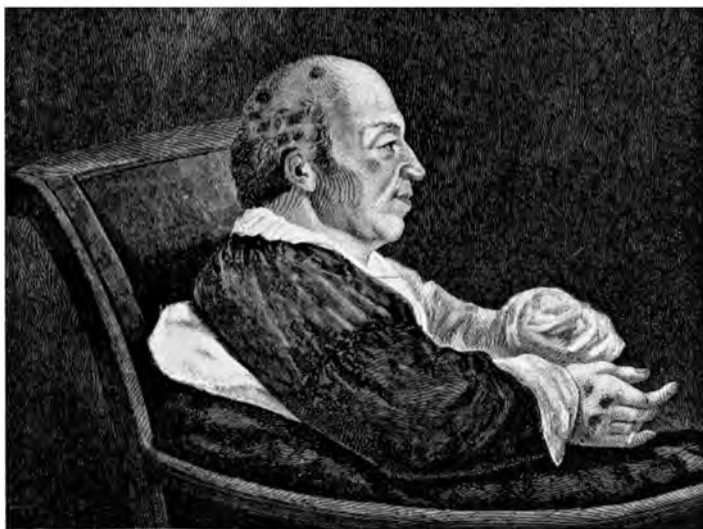
Император Наполеон I
Худ. Р. Лефевр

Граф Николай Петрович Румянцев
Худ. Дж. Доу

Князь Александр Борисович Куракин
Худ. В.Л. Боровиковский

Князь Александр Борисович Куракин
с обожжёнными руками и головой после пожара, случившегося
на балу у князя Шварценберга 19 июня (1 июля) 1810 года.

С гравюры Руа

Флигель-адъютант
Александр Иванович Чернышёв.

Худ. Ф. Лидер

Шарль-Морис Талейран,
князь Беневентский.
Худ. П.-П. Прудон

Жан-Батист-Нонпер Шампаньи,
герцог Кадорский.
С миниатюры

Пюг-Бернар Маре,
герцог Бассано

Маркиз Арман-Огюстен-Луи Коленкур,
герцог Виченцкий.
Худ. Ф. Жерар

Маркиз Жак-Александр-Бернар
Лористон.
Худ. Ф. Жерар

Императрица Жозефина.
Худ. Ф. Жерар

Императрица Мария-Луиза.
Худ. Ф. Жерар

Барон
Карл-Август Гарденберг.
Худ. Мюллер

Великая княгиня
Екатерина Павловна.
Худ. Беннер

Жан-Батист Бернадот,
князь Понте-Корво, наследник
шведского престола.

Граф Пётр Корнилович Сухтелен.
С миниатюры Босси

Граф
Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.
Худ. Гонсуд (?)

Андрей Яковлевич Италинский
С гравюры П. Беттellini

Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии

Луиза, королева прусская.
Худ. И.-Г. Рихтер

Князь Христофор Андреевич Ливен.
Худ. Т. Лоуренс

Франц I, австрийский император

Князь Клеменс-Венцель-Лотар Меттерних.
Худ. Т. Лоуренс

Граф Густав-Эрнст Штакельберг

